

II-9.
17-85.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Осодорова Нонна.

0904 4060
8047 7108

ТОМЪ VI.

12

ДЕКАБРЬ — КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРИНТИНГ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 29-го 1852.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ*.

Оглавление шестого тома.

Книжка двенадцатая, декабрь.

I. Изящная словесность.

1. Лекарь. В. А. Вонлярлярского. (С. 3-50).
2. Тескольское ущелье. Роман в двух частях В. И. Савинова. Часть вторая. (С. 1-44).
3. Странное событие. Рассказ северо-американского писателя Гауторна. (С. 1-12).

II. История и теория искусства.

1. Челеста Колтеллини и Паизьелло. Статья Скудо. (С. 1-16).
2. Леонтина Фе-Вольнис. Артистка Императорского С. Петербургского театра. Василько Петров. (С. 1-16).

III. Театральная летопись.

Балет в Петербурге.

«Война женщин, или Амазонки IX века», большой балет в четырех действиях и шести картинах, заимствован из исторических хроник Богемии Жюлем Перро. Музыка сочинения Чезаре Пуньи. (С. 1-8).

IV. Об озрение иностранных театров.

Франция. (Письмо из Парижа).

Настоящее положение итальянской оперы. – Лирический театр. – «Зефир и Флора», опера Шарля Дели, музыка Готье. – «Choisy-le-roi», опера Левеня и Карре, музыка Готье. – «Стелла», драма Франсиса Вея. – Надежды французского театра. – «Тетушка Урсула», соч. Малери. – Прodelки Драматической Гимназии. – «Заклад Жюля Дени», комедия г-жи Боагонтье. – Сведения об новой писательнице. – «Mademoiselle de Novailles», водевиль Лафарга и Сироденя. – «Гонка за вдовушкой», водевиль Бурдоа, Кальо и Лапуанта. – «Скапень», водевиль Вермона и Кармуша, написанный для г-жи Дежазе. – «Две капли воды», водевиль Анисе Буржоа и Лабиша. – «Господин, который не хочет уходить», водевиль Клервиля и Ламбера. – «Старик старого поколения», водевиль Дюпети и Гранже. – «Королевские драгуны», водевиль Декурсея. – «Ричард III», драма Виктора Сежура. (С. 1-12).

V. Смесь.

1. Маргарита Фоллер. (С. 1-14).
2. Адам Буфф, или Человек в затруднительном положении. Повесть Дугласа Джеррольда. Перевод с английского А. Горковенко. (С. 15-24).
3. Мавры в Испании и в Африке. Из современных записок Доктора Триплина. Статья двенадцатая. (С. 25-69).

4. Прогулка по России. Краснорусские обычаи, песни и поверья. (С. 70-81).
5. Письма из Финляндии. (С. 82-88).
6. Потомок Гогенгаузена. Рассказ из путевых впечатлений. (С. 89-104).
7. Любовь на пароходе. Драматическая пословица. (С. 105-112).

Современное.

1. **Литература.** Реньяр. – Теофиль Готье и современная романтическая школа во Франции. – Еврейские романы в Германии. – Госпожа Гюйон. (С. 1-20).
2. **Открытия в науках и промышленности.** Каково по водой. (С. 20-21).
3. **Мелкие рассказы и новости, анекдоты, замечательные случаи.** Рассказ врача об одном случае сонambuлизма, месмеризма и ясновидения. – Нищие в Ост-Индии. – Употребление крепких напитков в Англии. – Фабрика шампанского. – Любопытные данные из статистики парижских театров. – Ополчение фельетонов на Жорж Санд. – Театральные слухи. – Гений-самоучка. – Здание северо-американской всемирной выставки. (С. 21-36).

VI. Петербургский вестник.

1. **Литература.** Последние книжки журналов. – «Библиотека для чтения» и иногородний подписчик. – Служение его русской литературе. – Высокий слог и поэзия старшего разряда. – Отзывы «Москвитянина» о г-же Хвоцинской. – Поэты «Москвитянина». – Г. Мей и его русские стихотворения. – Богатые рифмы. – Г. и г-жа Жадовские. – «Отечественные записки». – «Кумушки» и «Приглашение на блины». – Концы и продолжения. – Г. Данилевский. – Две книжки «Современника». – История одной картины. – Новый Поэт и его фельетоны. – Несколько слов в ответ на его обвинения. (С. 1-15).
2. **Музыка.** Новый музыкальный рецензент. – Чувства в детях. – Классицизм. – Романтизм. – Фантазерство. Оратория Гайдна. – Слепые в концертах. – Музыкальное утро Контсого. – Рубинштейн. – Любовь и искусство. – Квартет Рубинштейна. – Фракман. Концерт Джона Томаса. – Арфа. Концерт Филармонического Общества. Поэтический беспорядок. – Нечто о страшных капризах и фантазиях музыкальных гениев. – Игра г. Мортье де-Фонтеня. – Торжественный марш г. Вальца. – Альбомы Musée musioal. – Альбом водеvilных арий и куплетов. – Музыкальные новинки. – Нувелист. (С. 15-25).
3. **Общественная жизнь.** Быль. Минеральные воды. Венгерские цыгане. – Полька и нос. – Пассаж. – Двойники. (С. 26-34).

II. Репертуар русской сцены. № 12.

- Невеста из провинции. Комедия-водевиль в одном действии, перевод с немецкого. (С. 1-36).
- Оглавление VI тома.

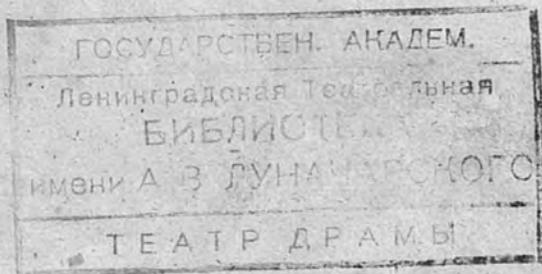
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ЛЕКАРЬ.

В. А. ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ. ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ АНТЕРАМИ.
Декабря 11-го, 1852 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ, лекарь.

МАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его.

АНЮТА, дочь ихъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНЫЧЪ, армейскій, егерскій капитанъ и комендантъ укрѣпленія.

ПАВЕЛЪ СЕРГѢИЧЪ, поручикъ.

ПРОВЪ СИЛЫЧЪ, полковникъ.

НОСОВЪ, фельдшеръ.

СТАРЫЙ ИНВАЛИДЪ.

МОЛОДОЙ СОЛДАТЪ.

Дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ, въ одномъ изъ малыхъ отдѣльныхъ укрѣпленій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната; на голыхъ бревенчатыхъ стѣнахъ виситъ нѣсколько картинокъ; въ задней стѣнѣ окно и дверь; дверь направо, дверь налево. Вечеръ. — На-авансентѣ, въ большихъ кожаныхъ креслахъ сидитъ, обложенный подушками, раненный поручикъ. Голова его и грудь перевязаны бинтами; на немъ сюртукъ, надѣтый только на правую руку; онъ блѣденъ и въ безпамятствѣ. По одну сторону его **МАРЬЯ ИВАНОВНА**, по другую **КОМЕНДАНТЪ**. **НОСОВЪ** стоитъ у лѣвыхъ дверей, въ фельдшерскомъ сюртукѣ, съ галуномъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*натирая спиртомъ руки поручика*). Кажется, приходитъ въ себя; взгляните-ка, Кондратій Ивановичъ, лицо-то съ вашей стороны; ну что, замѣтна ли хотя малѣйшая перемѣна?

КОМЕНДАНТЪ. Постоите, сдается будто-бы. — Да, нѣтъ, Марья Ивановна, правду надобно сказать, что за молодежь стала нынче! срамъ, просто срамъ! Слова нѣтъ, зацѣпили порядкомъ; ну, очумѣль, вытекло крови съ полведерки, на первыхъ порахъ и бѣлки подъ лобъ, — и съ нами случалось; бывало пролежишь себѣ часовъ шесть, гдѣ ни на есть подъ ельникомъ, и вороны садятся, а утренникомъ только станеть подмораживать, небось очнешься; захочешь, знаете, высморкаться, сдается, заносишь руку и ни-вѣсть какъ высоко, въ сущности же смотришь ни съ мѣста. Зато только съ перевязки, просишь ѣсть; хватилъ же рюмку, хоть опять въ дѣло. А это что такое? ототрешь, — ахъ, ахъ, и опять шлепъ о землю; словно барышня.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Побойтесь Бога, Кондратій Иванычъ, да упаси же Царица Небесная отъ такихъ ранъ, какъ у Павла Сергѣича. Носовъ говоритъ: возьми пуля на волосъ лѣвѣе, духъ вонъ, — шуточное ли дѣло.

КОМЕНДАНТЪ. Вреть, Носовъ. Ужъ эта мнѣ медицина! Туда же съ разсужденіями: когда бы лѣвѣе, когда бы правѣе. Охъ ужъ мнѣ эти нестроевые! Вы, однако же, почтеннѣйшая Марья Ивановна, не подумайте, чтобы я говорилъ это касательно Константина Петровича...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Взгляните-ка, дышетъ, кажется... точно дышетъ... Возьмите руку и потрите пульсъ, Кондратій Иванычъ, только не такъ, какъ давича, а понѣжнѣе; я же дамъ ему понюхать спирту. Боже мой, того и смотрю, что опять потеряетъ чувство!

КОМЕНДАНТЪ. Очнись, братъ, Павелъ Сергѣичъ, ей-Богу, пора, замучилъ до смерти; вотъ уже битыхъ два часа, какъ оттираемъ тебя, словно старую мѣдную посуду. Ну что, продралъ глаза, насилу!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Тихе, какъ такъ можно громко говорить? вѣдь онъ слабъ. Какой вы право, Кондратій Иванычъ. (*Больному*). Павелъ Сергѣичъ, они все шутятъ, вы не слушайте, а успокойтесь.

ПОРУЧИКЪ. Добрая Марья Ивановна, и всѣ эти хлопоты изъ-за меня, — стою ли?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какія хлопоты, что за хлопоты, Богъ съ вами, Павелъ Сергѣичъ, есть о чемъ думать; оправьтесь-ка поскорѣе, не то отъ моего Константина Петровича мнѣ же достанется за васъ: скажетъ, не умѣла ухаживать; онъ же, вы знаете, любить васъ, какъ сына роднаго.

ПОРУЧИКЪ (*съ отчаяніемъ*). Меня, какъ сына, Богъ мой!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что это опять? Смотрите, Кондратій Иванычъ, опять и блѣдность въ лицѣ и ротикъ синехонекъ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, братъ, шалишь, ужъ я тебѣ говорю; хочешь бабиться, ступай въ госпиталь, а то вѣдь этими нѣжностями ты просто моришь старуху; взгляни у нея и слезы на глазахъ.

ПОРУЧИКЪ. Виновать, Кондратій Иванычъ, и радъ бы переломить себя, но я такъ слабъ.

КОМЕНДАНТЪ. Диковинное дѣло — слабъ! Держалась бы голова на плечахъ, хоть на жилкѣ, у русскаго человѣка, такъ приростеть, небось. И ноги оторветъ у инаго, а какъ фельдфебель молодець, да крикнетъ, такъ смотришь и тотъ бѣжитъ, коли отсталъ отъ своихъ; другаго мало убить, повалить нужно; — а то слабъ, говоритъ.

ПОРУЧИКЪ. Стаканъ воды освѣжилъ бы меня.

КОМЕНДАНТЪ. Воды! а водки не хочешь?

ПОРУЧИКЪ. Я не пью, Кондратій Иванычъ!

КОМЕНДАНТЪ. Такъ дайте ему воды, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Сейчасъ, батюшка, сію минуту подамъ. (*Бѣжитъ за водою*).

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ, опасны ли мои раны?

КОМЕНДАНТЪ. Что, опасны ли раны? а тебѣ какое дѣло до нихъ?

ПОРУЧИКЪ. Я бы желалъ знать.

КОМЕНДАНТЪ. А для чего бы, напримѣръ, позвольте спросить?

ПОРУЧИКЪ. Если послѣдній часъ мой близокъ, предупредите меня, почтенный Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ же, ваше благородіе, такъ сейчасъ и предупреду; очень умно, то-есть, придумано; и прилично мнѣ расхаживать по командѣ и предупреждать всякаго: дискать, сію минуту умереть изволите! Последняя минута знать, да то и се. А еще офицеръ; и молоко-то на губахъ не обсохло, а поручикъ; другой двадцать лѣтъ тянетъ ляжку, и Богъ не приведетъ царапиной отмѣтить формуляръ; а ты, смотри-ка, и лобъ въ крови, и грудь насквозь; глядишь на рану прищиплять крестъ, да скажутъ спасибо; чего же ты боишься смерти?

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ, на совѣсти моей тяжкій грѣхъ.

КОМЕНДАНТЪ. Грѣхъ, говоришь ты?

ПОРУЧИКЪ. Да, грѣхъ, и грѣхъ ужасный.

КОМЕНДАНТЪ. По службѣ, что ли?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, но тѣмъ не менѣе онъ мучить, онъ терзаетъ меня.

КОМЕНДАНТЪ. А не по службѣ, такъ въ свое время выскажешь, да покаешься. Богъ милостивъ, кто безъ грѣха.

ПОРУЧИКЪ. Вы должны выслушать меня, почтенный капитанъ, иначе... я не умру спокойно.

КОМЕНДАНТЪ. Опять понесъ, словно въ повѣсти, или въ истинномъ тамъ какомъ-нибудь печатномъ происшествіи. И достаетъ же вашей братьи время на выучку подобныхъ изрѣченій: долженъ выслушать, не умру сирѣчь покойно, — куды вычурно! Слушая, подумаешь и ни-вѣсть что, а бьюсь объ закладъ, что выйдетъ на повѣрку пустякъ; ну, какое тамъ несчастіе; вѣдь небось не укралъ, не убилъ изъ-за угла?

ПОРУЧИКЪ. Хуже, во-сто-кратъ хуже, Кондратій Ивановичъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, ужъ врешь, братъ, позволь мнѣ тебѣ сказать, ну, ужъ врешь, хуже этого не бываетъ.

ПОРУЧИКЪ. Вѣрите, капитанъ, что поступокъ мой предосудительнѣе всего того, что можетъ внушить вамъ благородное сердце ваше, и если вы имѣете хотя искру жалости, не смѣю сказать дружбы ко мнѣ, потому-что я дружбы вашей больше недостоинъ, то выслушайте.

КОМЕНДАНТЪ. Постой, братъ, можетъ статься, тебѣ-бы хотѣлось, чтобы Марья Ивановна и Носовъ нѣсколько позже узнали о твоёмъ грѣхѣ, такъ ты поудержись разговоромъ; вотъ и они на лицо, а ужо зайду, пожалуй.

ПОРУЧИКЪ. Я буду ожидать васъ, Кондратій Ивановичъ, — и вы не забудете?

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, забыть, кажется, не забуду, а признаюсь, и радъ бы того... Ну, да на досугѣ расскажешь. Марья Ивановна, вы какъ себѣ хотите, а по моему рюмка водки чуть не почище ли будетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Богъ съ вами, Кондратій Ивановичъ! Съ такимъ ли нѣженкою, каковъ Павелъ Сергѣевичъ, такъ просто обращаться; они же и здоровые ничего крѣпкаго не пивали, а въ теперешнемъ положеніи, сохрани Богъ, что случится.

КОМЕНДАНТЪ. Что больше бояться, то хуже; солдата Богъ хранить; не оставилъ головы на полѣ, въ четырехъ стѣнахъ, кажется, и стыдно бы умереть. Будь Константинъ Петровичъ здѣсь, бьюсь объ закладъ, было бы насъ двое противу васъ одной, Марья Ивановна. Да гдѣ же это онъ запропастился? Если не ошибаюсь, дней десятокъ какъ въ отлучкѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я, правду вамъ сказать, и сама беспокоиться начинаю; онъ и писалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, что продержалъ его Провъ Силычъ при себѣ; старикъ—то былъ плоховать, говорить; рана долго не заживала, а сами вы знаете, въ эти годы скоро ли оправиться! Вѣдь дядюшкѣ—то вашему чай подъ шестьдесятъ будетъ, Павелъ Сергѣичъ?

ПОРУЧИКЪ. Я полагаю, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ тото же и есть; и мнѣ помнится, что Константинъ Петровичъ мой чуть ли не одноклассникъ съ полковникомъ. Вѣдь мы, Кондратій Ивановичъ, лѣтъ тридцать какъ служимъ съ дядюшкою ихъ; Константина Петровича прислали въ полкъ лекаремъ въ четырнадцатомъ, а Провъ Силычъ былъ только—что произведенъ въ офицерскій чинъ, и первую рану его пользовалъ мужъ. Съ той—то поры по тридцатый годъ не разлучались мы ни разу. Прова Силыча перевели въ другую дивизию, и Константинъ мой за нимъ; Прову Силычу дали полкъ, и мы къ нему. Да, безъ лести скажу, благодѣтельствовавалъ онъ намъ, какъ кровный родной; нужно ли что бывало, горе ли какое, и поможетъ, и утѣшитъ. Ужъ зато и мы его любимъ, Кондратій Ивановичъ; мнѣ кажется, потребуй онъ отъ мужа, что только въ силахъ онъ выполнить, и минутки не подумаетъ. И вѣкъ бы не разлучились, ну, да вѣдь всемъ дорожка не одна. Въ тридцатомъ понадобились лекаря на Кавказъ, мы и перемѣстились въ эту крѣпость; смотримъ, а Прову Силычу дали отрядъ, и онъ къ намъ. То—то была радость, когда мы читали приказы; Константинъ Петровичъ мой чуть съ ума не сошелъ, помолодѣлъ годами десятью, право. Такъ можете судить, статочное ли дѣло, чтобы онъ усидѣлъ на мѣстѣ, услышавъ, что благодѣтеля поранили проклятые черкесы и что онъ, бѣдненькій, верстахъ въ пятидесяти отсюда? Поѣду, говорить, взгля-

нуть на отдѣльные посты, лихорадка, слышно, много людей одолѣла, а тамъ, сердись не сердись, Марья Ивановна, заверну къ Прову Силычу! Вотъ, сударь мой, онъ и поѣхалъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, Марья Ивановна, погоняю же я муженька вашего; не стать въ эти годы вѣтренничать, вѣдь проѣхать пятьдесятъ верстъ въ нашемъ краю не стаканъ воды выпить; не ровень часъ, не всякъ кустъ пустъ и не всякая пуля дура.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто есть опасность какая, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ бы вамъ сказать? Опасность — не то, чтобы была большая; слова нѣтъ; возьми конвой, да горсточку казачковъ, да пушченку другую, не что!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, батюшки мои, а какъ безъ конвоя?

КОМЕНДАНТЪ. А безъ конвоя? Ну, безъ конвоя изъ тысячи одинъ и проберется; за девятьсотъ же девяносто девять не отвѣчаю, и грѣшить не хочу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Сохрани насъ Заступница Небесная! Взялъ ли Константинъ Петровичъ кого съ собою?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ не взять, вѣрно взялъ; да вотъ мы и узнаемъ сейчасъ. Ей, Носовъ! (*Носовъ выступаетъ впередъ*). Эге, братъ, да у тебя правой-то глазъ опять, я вижу, сталъ меньше лѣваго, а?

НОСОВЪ. Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Не знаешь, такъ я скажу, пожалуй, отъ чего, — хватилъ камфарнаго, не бось не такъ?

НОСОВЪ. Должно быть ненарокомъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Уже конечно ненарокомъ, и ненарокъ-то этотъ съ тобою приключается именно тогда, когда Константина Петровича нѣтъ дома. Берегись, братецъ, это я тебѣ говорю, и шепни правой вѣкъ, чтобы впередъ не щурилась, а вмѣсто того, чтобы разсуждать о пуляхъ, постарайся, любезный, чтобы чарки ходили лѣвѣе или, пожалуй, правѣ тебя, слышишь?

НОСОВЪ. Радъ стараться, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. То-то старайся, вотъ такъ лучше будетъ. Дивное дѣло, эти фельдшера, сколько разъ замѣтилъ — положишь имъ подъ носъ лакрицу, или что другое вкусное, не тронетъ; навари же цакость что ни на есть хуже, поставь хоть на облака, да только примѣшай виннаго, смотришь и пьянъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Коидратій Иванычъ, вы хотѣли разспросить его?

КОМЕНДАНТЪ. Да, и въ-самомъ-дѣлѣ, увлекся, виновать; впрочемъ, есть ли возможность, взглянувъ на эту фигуру, помнить о вещахъ серьезныхъ; виновать, Марья Ивановна. (*Къ Носову*). Скажи, любезный: да онъ пожалуй не припомнитъ, что случилось недѣлю назадъ; — какъ тебя зовутъ?

НОСОВЪ. Захаромъ Тимофѣевымъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Ладно! А кого взялъ съ собою, Константинъ Петровичъ?

НОСОВЪ. Съ ихъ благородіемъ Демьяновъ.

КОМЕНДАНТЪ. Фельдшеръ четвертой роты?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. То-есть, такой же камфарникъ, какъ и ты?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. И больше никого?

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ безпокойствомъ*). Богъ ты мой! Да взяли ли они, по-крайней-мѣрѣ, какое нибудь оружіе?

КОМЕНДАНТЪ. А вотъ и это узнаемъ. (*Къ Носову*). Слышишь, спрашиваютъ, взялъ ли Демьяновъ съ собою что ни на есть?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе, взялъ фунта съ три хины.

КОМЕНДАНТЪ. Чай и камфарнаго взялъ?

НОСОВЪ. И камфарнаго взялъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Чего же лучше? съ такимъ запасомъ кого бояться?

Помилуйте, Марья Ивановна, да знаете ли, такой штуки не выкинетъ, съ позволенія сказать, и молодой прапорщикъ... Ей-Богу!

ПОРУЧИКЪ. И все это для дяди, и все это изъ дружбы, изъ благодарности, (*всторону*) въ то время, какъ я...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что вы, Павелъ Сергѣичъ, что вы? Да успокойтесь-же; Богъ великъ и милостивъ, за доброе не накажетъ, и Константинъ Петровичъ возвратится благополучно; а вы посмотрите-ка на себя, краше въ гробъ кладутъ! Тамъ случится-ли что-нибудь, а здѣсь... къ тому-же онъ не дитя и самъ остережется.

КОМЕНДАНТЪ. Дитя не дитя, а похуже будетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да замолчите-же, Кондратій Иванычъ. Эка нужда вамъ, прости Господи, стращать, право; сердце вѣщунъ, а на счетъ Константина Петровича оно спокойно, — чего-же тужить прежде времени? (*Вздыхая*). Вотъ Аня — другое дѣло, и сама не знаю, а какъ, подумаю о ней, такъ неловко станеть!

ПОРУЧИКЪ (*всторону*). Боже!!

КОМЕНДАНТЪ. Что-же такое съ Анною Константиновною? развѣ больна?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нѣтъ, слава Богу; впрочемъ, какъ сказать положительно.

КОМЕНДАНТЪ. Гдѣ же она?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Это-то и тревожить меня, Кондратій Иванычъ; скажи мнѣ кто-нибудь, гдѣ она въ эту минуту, я бы, кажется, разцѣловала его.

КОМЕНДАНТЪ. Неужто взялъ ее съ собою Константинъ Петровичъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Когда бы такъ, — пятнадцать верстъ не Богъ знаетъ какая даль, да съ нею не поѣхалъ бы и онъ съ однимъ фельдшеромъ; а то вчера вечеромъ отпросилась къ дядѣ Андрею Андреичу.

КОМЕНДАНТЪ. Что штабъ-лекаремъ въ Трехгорскомъ укрѣпленіи?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну да, Кондратій Иванычъ; онъ двоюродный мужа; у него двѣ дочери однихъ лѣтъ съ Анютою, воспитывались въ

одномъ заведеніи и вышли вмѣстѣ. Дѣвочкѣ-то скучно здѣсь и погулять негдѣ, — одна одинешенька; попросилась, какъ не отпустить; на ту-же пору отправлялась обратно команда, что привозила провіантъ.

КОМЕНДАНТЪ. Чего же вы боитесь, помилуйте, скажите? Да за такимъ конвоемъ не то, что въ Трехгорское, а и въ Грозное отпустить можно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто безопасно?

КОМЕНДАНТЪ. Спите спокойно, я вамъ говорю.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А черкесы, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Дали чай съ сотню барановъ тѣмъ лазутчикамъ, которые шепнули имъ, что цѣлый батальонъ отправился по этой дорогѣ. Ужъ конечно носу не покажутъ черкесы — вы знаете этотъ народецъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да не въ то ли же самое время напали они на Павла Сергѣича? Не побоялись же мерзкіе.

КОМЕНДАНТЪ. Не въ то ли же самое время. — Ахъ, матушка Марья Ивановна, Богъ съ вами, право: не въ то же ли самое время. Да въ примѣръ сказать, вы, я часто вижу, колупаете тамъ изъ нитокъ что-то такое, и такъ скоренько, что смотрю бывало, а чортъ возьми, ежели понимаю, изъ чего это пальцы ваши суетятся; съ перваго-то взгляда плюнулъ бы, кажется; смотришь ни чуть не бывало, — выходитъ узорецъ и съ цвѣточками, съ ягодками; право прекрасная вещь. Посади же нашего брата за подобную работу, да онъ нагородитъ такое, что и не распутаешь въ три года. И про васъ скажу: ну вбей же вамъ въ голову военное дѣло. Въ тоже самое время, говорите, на Павла Сергѣича напали черкесы...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Развѣ не правда, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Опять развѣ неправда; кто же говорить, что неправда, не самъ же онъ пронизалъ себя двумя пулями, — разумѣется, черкесы; да вотъ разница, — смотрите: вотъ этотъ стулъ Трехгорское укрѣпленіе, видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вижу, вижу.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, вотъ этотъ столъ нашъ редутъ, — понимаете?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Понимаю,

КОМЕНДАНТЪ. Смотрите же теперь, — вотъ вотъ... хоть бы то окно Новобранская крѣпостца, то есть: Трехгорская вправо, а то влѣво, стало совершенно въ противоположной сторонѣ, — понимаете!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Понимаю, понимаю, Кондратій Иванычъ, да вѣдь черкесы-то всюду проклятые.

КОМЕНДАНТЪ. Правда.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Стало-быть вездѣ одинакая опасность.

КОМЕНДАНТЪ. Тфу ты, пропость какая; ну, а батальонъ то....

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да вѣдь и у Павла Сергѣича былъ конвой.

КОМЕНДАНТЪ. Пятнадцать донцевъ, сударыня, пятнадцать козачковъ; это, какъ бы сказать, все равно, что четверть взвода моихъ егерей; вздоръ, говорю; это для черкеса все-равно, что одинъ мертвый егеришка съ ружьемъ подъ бокомъ; такъ и тутъ подумаетъ, чего добраго, приподнимется, да огорошитъ прикладомъ, не пойдетъ, окаянный. Ну, поняли? небось неясно?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, дай-то Богъ, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Чего дай-то Богъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да чтобы Анята доѣхала благополучно.

КОМЕНДАНТЪ (съ сердцемъ). Ну, матушка, признаюсь, — терпѣнье дѣло великое, да не мое; и не хочу согрѣшить, лучше за шапку, да и вонъ. (*Берется за фуражку*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Простите, Кондратій Иванычъ. И можно-ли вамъ сердиться на меня? Вѣдь я мать, и чѣмъ больше васъ слушаю, тѣмъ радостнѣе дѣлается на сердцѣ. Не сердитесь, положите фуражку..

КОМЕНДАНТЪ. Что сердиться? И я дуракъ, — сердиться на черкесовъ—такъ; а на васъ, Марья Ивановна, — полноте, какое тутъ сердце.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я и сама теперь понимаю, что батальонъ не шутка для горцевъ, батальонъ — не малая сила.

КОМЕНДАНТЪ (*воспламеняясь*). Не малая сила, говорите вы, батальонъ! Да знаете ли вы, что такое значить батальонъ? Эхъ, вотъ не далось мнѣ краснорѣчіе!.. Ну да была не была, все равно!.. Батальонъ, это видите ли вы, Марья Ивановна, какъ бы вамъ это выразить?.. позвольте... да вотъ... чего же лучше... (*Подводитъ Марью Ивановну къ окну*). Пожалуйте—ка сюда, сюда; ну, взгляните, —видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что такое?

КОМЕНДАНТЪ. Вотъ этотъ валъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вижу.

КОМЕНДАНТЪ. Прекрасно; теперь представьте, что подъ этимъ валомъ ровъ, глубокій ровъ съ палисадомъ; —представили?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, представила.

КОМЕНДАНТЪ. Теперь представьте себѣ, что за палисадомъ непріатель, — все—равно, французы, турки тамъ, кто хочешь будь; —представили?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, ну, Кондратій Ивановичъ?

КОМЕНДАНТЪ. Разумѣется, у нихъ и пушки, и ружья, и нивѣсть что, и знаменъ тамъ куча, и всякой всячины... всего всего... и наконецъ сама нечистая...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что вы, грѣхъ какой! Зачѣмъ же это?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ зачѣмъ? Чтобы крѣпче было. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, Марья Ивановна, вы меня не сбивайте; ужъ сдѣлайте милость, понатужьтесь, а представьте.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, хорошо, хорошо.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, благодарю; теперь пожалуйста—ка батальонъ (*засучиваетъ рукава*), батальона много, — куда много, то—есть черезъ—чуръ; ну, да чтобы не разрознивать, возьмемъ цѣльный. Ружья на перевѣсъ, бѣглымъ шагомъ, маршь! Ну теперь смотрите, — видите, видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я вижу пустой валъ, Кондратій Ивановичъ.

КОМЕНДАНТЪ. А вы что же бы думали? Не бось оставили бы на немъ кого-нибудь? Нѣтъ, шалите, Марья Ивановна. Вотъ вамъ и батальонъ; такъ можете посудить, доѣхала ли Анна Константиновна до Трехгорнаго. — Больше ничего-съ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (съ восторгомъ). Спасибо вамъ, мой добрый Кондратій Иванычъ; засну я спокойно, благодаря васъ; не расскажите вы мнѣ всего этого, мучиться бы мнѣ, какъ всѣ эти дни.

КОМЕНДАНТЪ. Стало и сердце вѣщунъ, да не совѣмъ; вотъ вамъ и предчувствіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай-то Богъ, дай-то Богъ! Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ, что это? съ вами опять дурно... Посмотрите на него, Кондратій Иванычъ. Царица Небесная!

КОМЕНДАНТЪ. Что, что опять? Павелъ Сергѣевичъ! любезный другъ, подержись немножко, я тебя прошу. Носовъ, спирту!

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, не нужно... мнѣ ничего... слабость.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какая слабость, и слезы! Павелъ Сергѣевичъ, или вы не христіанинъ, — что за отчаяніе!

ПОРУЧИКЪ. Я желалъ бы заснуть, моя добрая Марья Ивановна; разговоръ вашъ утомилъ меня; одну минуту спокойствія и все пройдетъ навѣрное.

КОМЕНДАНТЪ. Ужъ не уйти ли намъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, не вы капитанъ, но Марья Ивановна утомилась, ей нуженъ отдыхъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мнѣ? Полноте, да теперь откуда силы взялись, — помолодѣла, даже.

ПОРУЧИКЪ. Но еслибы я попросилъ васъ прилечь хоть на одинъ часъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ни за что!

ПОРУЧИКЪ. На нѣсколько минутъ, по-крайней-мѣрѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И слышать не хочу!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Ужъ не хочетъ ли онъ сказать мнѣ что-нибудь. (*Громко*). Марья Ивановна, больному—то нашему, видно, дѣйствительно желательно остаться одному, мѣшать не нужно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И въ-самомъ-дѣлѣ! А мнѣ-то, глупой, и не вдогадъ; только вы ужъ, Кондратій Ивановичъ, побудьте прѣ немъ, пока я пришло Носова. Иду, иду, батюшка.

КОМЕНДАНТЪ (*проводя ее до дверей, возвращается назадъ*). Теперь, Павелъ Сергѣевичъ, о давишемъ... къ дѣлу, я васъ слушаю.

ПОРУЧИКЪ. Но ушла ли Марья Ивановна?

КОМЕНДАНТЪ. И дверь приперта, какъ должно; никто не услышитъ. Не мучьте, извольте начинать, ваше благородіе. Какъ я ни тугъ на эти вещи, а только взглянулъ давеча, тотчасъ же догадался, что грѣхъ такъ и виснеть у васъ на языкѣ; и любопытно знать, признаюсь, что можетъ быть во сто кратъ хуже упомянутыхъ мною; у всякаго другаго, положимъ, лукавый силенъ, но у роднаго племянника Прова Силыча, такого честнаго и храбраго полковника, который послѣ каждаго дѣла высыпаетъ изъ рукавовъ шинели по пригоршнѣ свинцовыхъ орѣховъ, у котораго, если каша не пахнетъ порохомъ, солдаты и вѣтъ не стануть, наконецъ... да мало ли чего можно бы пересказать.

ПОРУЧИКЪ. Да, Кондратій Ивановичъ, у благороднаго дяди племянникъ, любимый, усыновленный имъ, поступилъ ужасно, безчеловѣчно, и готовъ искупить поступокъ этотъ не только кровью, но всей моею жизнью.

КОМЕНДАНТЪ. И ты не бредишь, братецъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, Кондратій Ивановичъ. Анны Константиновны нѣтъ теперь въ Трехгорскомъ укрѣпленіи.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ нѣтъ, съ батальоннымъ конвоемъ? Шутить братъ, поклянись, — не повѣрю; черкесовъ то я знаю получше тебя.

ПОРУЧИКЪ. Повторяю вамъ, что ее нѣтъ тамъ: въ рукахъ она у враговъ, у горцевъ!

КОМЕНДАНТЪ. А батальонъ?

ПОРУЧИКЪ. Про батальонъ не знаю.

КОМЕНДАНТЪ. Дай-ка, братъ, пульсъ, видно пули-то прошли промежъ жилъ, бываютъ и такіе случаи; въ прошломъ году у маіора...

ПОРУЧИКЪ. Капитанъ, Анну Константиновну отбили горцы—у меня на новобранской дорогѣ.

КОМЕНДАНТЪ. Кой чортъ, не понимаю!

ПОРУЧИКЪ. Я похитилъ ее; я увезъ дочь изъ дому родителей, я обманулъ мать! я предатель, извергъ! я убійца!

КОМЕНДАНТЪ. Ты, ты!

ПОРУЧИКЪ. Я, я, Кондратій Ивановичъ! И въ то самое время, когда отецъ, несчастный, жертвовалъ жизнью изъ преданности къ дядѣ, племянникъ опозорилъ дочь; да, опозорилъ, потому—что кто же повѣритъ святости моихъ намѣреній? кто повѣритъ, что я предложилъ ей въ тайнѣ и руку и судьбу мою и имя? кто дастъ вѣру словамъ моимъ? Увѣренность получить отказъ отъ родителей Анны понудила меня къ такому поступку. Теперь вы все знаете!...

КОМЕНДАНТЪ. Послушай, братъ Павелъ Сергѣевичъ, или ты взводишь на себя позорное дѣло, или, признаюсь, жаль мнѣ тебя, — такого пятна не смоешь ни слезами, ни кровью, и чуть ли не лучше повязки долой, а тамъ Богъ разсудитъ, — Онъ и проститъ можетъ-быть, отъ людей же не жди пощады, осудятъ они, и я съ ними, не взыщи.

ПОРУЧИКЪ. Умереть, не зная—гдѣ она, что съ ней? умереть, не искупивъ, по-крайней-мѣрѣ, проступка моего всеми мученіями ада, всемъ угрызеніемъ совѣсти и не унеся въ могилу прощенія родителей Анны?... Нѣтъ, капитанъ, я долженъ жить, я долженъ страдать!

КОМЕНДАНТЪ. И ты надѣешься испросить это прощеніе! И ты увѣренъ, что старикъ-отецъ не проклянетъ тебя, а мать не растянется тутъ же, у этого кресла! Плохо же, братъ, ты знаешь привязанность стариковъ къ единственной дочери! Нѣтъ, Павелъ Сергѣевичъ, дѣлай, какъ знаешь, а совѣта моего не жди; плохой совѣтъ того, кто читать вздоръ не читалъ, а чувствуетъ не хуже вашей братии умниковъ; плохое

утѣшеніе простака, подобнаго мнѣ. За правое дѣло рѣжь на куски, — не поморщимся, а дѣло не по насъ...

ПОРУЧИКЪ. Пощадите меня, Кондратій Иванычъ, дайте хоть умереть, не слыша подобнаго приговора.

КОМЕНДАНТЪ. Тебѣ! тебѣ! когда въ эту минуту, можетъ-быть дочь лекаря терзается въ постыдныхъ объятіяхъ горца! Тебѣ, убійцѣ добраго и честнаго семейства, нарушителю спокойствія добрыхъ стариковъ, хищнику ихъ единственнаго сокровища — чести дочери! Полно братъ, Павелъ Сергѣичъ! Или нѣтъ правды святой? Да чѣмъ же отличилъ бы Господь смерть солдата, павшаго за честь и долгъ, отъ кончины постыдной твоей? и какой же примѣръ подалъ бы я, улаждая богопротивными рѣчами твои послѣднія минуты... По дѣламъ и наказанье! Прощай, молись, если можешь, и да проститъ тебя Всевышній! Не слышитъ! умерь! *(Беретъ его за руку)*. Нѣтъ, живь, тѣмъ хуже! *(Уходитъ въ раздумьи)*.

НОСОВЪ *(выходитъ изъ боковыхъ дверей)*. Его опять свернуло; видно вода-то не по натурѣ. Ваше благородіе! ваше благородіе! Не слышитъ, экая оказія! *(Беретъ стеклянку со спиртомъ, и оглядываясь во всѣ стороны, пробуетъ его на языкъ)*. Ну что, дрянъ; вѣдь пробовали, не помогаетъ; ну его! *(выпиваетъ)* скажемъ: вышелъ. вотъ и все...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Захарычъ, что ты дѣлаешь?

НОСОВЪ. Я такъ-съ, промежъ себя, ваше благородіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А больной заснулъ?

НОСОВЪ. Заснулъ-съ, а можетъ-быть, что и не заснулъ, не могу знать.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Боже мой! да онъ опять безъ чувствъ! опять! Спирту, подай спирту!

НОСОВЪ. Спирту-съ... спирту нѣтъ... вышелъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Негодай, ты выпилъ его.

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ-съ, то есть и... въ мысляхъ не было.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что тутъ дѣлать? Царица Небесная! Да дай же хоть чего-нибудь.

НОСОВЪ. Хлопки развѣ-сь, — покурить можно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай, дай скорѣе!... онъ блѣднѣе, чѣмъ когда-нибудь! Помилуй насъ Господь отъ такого несчастія! И Кондратія Иваныча нѣтъ. Что я буду дѣлать?

НОСОВЪ. А вотъ-сь, къ ноздрямъ поднесу-сь, такъ очнется, — средство извѣстное (*Подноситъ зажженный хлопокъ къ носу больного*). Ну вотъ-сь и створачиваются; значить доняло-сь.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Павелъ Сергѣичъ! душенька вы мой!, голубчикъ! опомнитесь, пожалѣйте меня старуху. Захарушка, вѣдь точно, кажется, онъ головку-то повагачиваетъ и губками шевелить? Павелъ Сергѣичъ!

НОСОВЪ. Ужь будьте увѣрены, средство извѣстное, не въ-первые приснаравливаемъ къ натурѣ. Ихъ благородіе — дѣло иное, а нашему брату ткнуть стоить, такъ мало очнется, иной и скачекъ дастъ не хуже козла. Да вотъ и они, извольте видѣть, глядѣть изволятъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, да. Ну, спасибо же тебѣ, Захарушка, спасибо! Чтобы не перепугался, ты отойди, а я ужъ и одна справлюсь теперь. Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ!

ПОРУЧИКЪ. Кто здѣсь? кто меня звалъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я, мой голубчикъ, я, Марья Ивановна.

ПОРУЧИКЪ. Вы, а Константинъ Петровичъ тутъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нѣтъ еще, но онъ вѣрно возвратится скоро. Еслибъ что случилось съ нимъ, была бы вѣсть. Богъ милостивъ, не сегодня, такъ завтра и онъ пріѣдетъ. Все пойдетъ хорошо; поуспокойтесь, все исправится.

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ съ вами?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вышелъ на минуту, а что, послать развѣ за нимъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно; я что-то хотѣлъ сказать. Да, да, припоминаю...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что такое, мое сокровище? Что вамъ угодно? Прикажите, все будетъ.

ПОРУЧИКЪ. Марья Ивановна, добрая Марья Ивановна! исполните мою послѣднюю просьбу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Послѣднюю! Это что еще? Да съ чего вы взяли, что просьба ваша послѣдняя, или въ-самомъ-дѣлѣ мы уже такъ прогнѣвали Бога?..

ПОРУЧИКЪ. Отошлите меня въ госпиталь; мнѣ будетъ тамъ покойнѣе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Покойнѣе въ госпиталь? Въ госпиталь васъ, племянника нашего благодѣтеля? Ай да, Павелъ Сергѣичъ! Пришла же въ голову такая мысль! Въ госпиталь, прошу покорно! (*Тѣже и лекаръ, показываясь у дверей*).

ЛЕКАРЬ. Кого въ госпиталь? его? Что-жъ и конечно! Ай да жена, молодець, еще уговариваетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*вскакиваетъ и бросается къ мужу*). Константинъ Петровичъ, родной мой, другъ мой! И живъ и невредимъ!

ЛЕКАРЬ (*весело*). Цѣлехонекъ, какъ видишь, матушка; ну здорово, поцѣлуемся.

ПОРУЧИКЪ. Правосудный Боже!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И не грѣшно тебѣ ребячиться, и не грѣшно тебѣ меня сводить съ ума! Отправился съ Демьянычемъ за пятьдесятъ верстъ одинъ, безъ конвоя.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, полно, доскажешь на досугѣ, мать моя; а теперь шагъ вправо, да пусти-ка меня къ нему.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Проходи, проходи съ Богомъ; да ты, вѣдь, Константинъ Петровичъ ничего не знаешь.

ЛЕКАРЬ. Знаю, матушка, все; такими вѣстями свѣтъ полнится, и про раны знаю, и про храбрость знаю. Ну, Павелъ Сергѣичъ, испо-

латъ вамъ! и честь вамъ и слава! Да, видно на порядкахъ уходили васъ злодѣи. Ба! что же это онъ все въ такомъ положеніи?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Такъ слабенецъ, сердечный, что Боже упаси! Обморокъ за обморокомъ.

ЛЕКАРЬ. А разумъ — при немъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Еще бы не при немъ, Богъ съ тобою; да силъ-то нѣтъ вовсе.

ЛЕКАРЬ. Сила придетъ! Ну слава Богу! Признаться, какъ сказали мнѣ, что раненъ въ голову, такъ сердце и заныло; и Богъ вѣдаетъ, чего не передумалось. Однако тутъ ему не мѣсто, моя милая, въ креслахъ такія раны не лечатся, и дивлюсь, матушка, что тебѣ было невдогадъ уложить его бережно, хоть бы на нашу постель, да и не пускать съ нея ни подъ какимъ видомъ. Шутка-ль, съ ночи сколько времени ушло.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Уложить-то я его уложила, да гдѣ же мнѣ съ нимъ справиться? Лежать не хочетъ, просится посидѣть здѣсь.

ЛЕКАРЬ. А ты такъ вотъ и извольте-моль, хорошо леченье. Гдѣ Носовъ?

НОСОВЪ. Тутъ, выше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Ты же чего смотрѣлъ?

НОСОВЪ. Оттирали, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Кленъ ты этакой, оттирали; да развѣ достаточно, что оттирали? Развѣ въ первый разъ видишь раненнаго? а? Кто дѣлалъ перевязку?

НОСОВЪ. Я, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Пули вынулъ?

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, пуля-то одна прошла между реберъ въ правомъ боку, а другая, ваше благородіе вскользь по тѣмю; все же прочее въ ихъ благородіи состоитъ благополучно.

ЛЕКАРЬ (*къ Марьѣ Ивановнѣ*). Стало раны опасны, а настоя-

щее безпамятство — послѣдствіе чрезмѣрной потери крови, и нѣсколько часовъ крѣпкаго сна сдѣлаютъ ему больше пользы, чѣмъ всѣвозможныя лекарства. Ну, жена, слава Богу, гора съ плечъ свалилась. Носовъ, клигни-ка двухъ молодцовъ, да перенесемте его въ спальню. (*Носовъ уходитъ*). Теперь, мать моя, еще разъ здорово, и если не раздумала, изволь излить на мою голову все свое негодованіе; или, постоянка, Маша, я винюсь, а повинную голову мечъ не сѣчетъ, такъ не лучше ли, дай лапку, вотъ этакъ и мировая.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*весело*). Ужъ что на тебя сердиться, Константинъ Петровичъ, сѣдъ, не передѣлаешь; ворчи, не ворчи, а захочешь снова повѣтренничать, меня вѣдь не спросишь.

ЛЕКАРЬ. Ахъ ты, моя старуха, да на твоёмъ мѣстѣ не то, что сердиться, а я бы гордилась быть женою такого отчаяннаго наѣздника. Да знаешь ли, что во всѣхъ аулахъ скоро другаго и разговору не будетъ, какъ обо мнѣ? А картина-то какая, чудо, просто, говорю тебѣ чудо! Представь, по зеленому полю мчится на борзомъ конѣ красивый и статный всадникъ; въ глазахъ у него пламя, кудри играютъ съ вѣтромъ, ноги вдѣты въ стремяна по самыя пятки, фуражка слетѣла долой, полы форменнаго сюртука изображаютъ собою крылья, обоими руками безстрашно схватился онъ за переднюю луку; на хвостѣ у него сидитъ Демьянычъ съ кожанною сумкою черезъ плечо, и отважная группа эта окружена со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ дикихъ горцевъ, то-есть — на разстояніи пятнадцати верстъ. И — витязь этотъ, и герой этотъ — я! Каково? ей Богу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Шутникъ ты этакій, а я знаю, что тебя и не на такомъ разстояніи черкесъ не испугаетъ.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, положимъ не въ пятнадцати, а въ шести верстахъ, и то какъ случилось, вѣдь ей-же-ей прекурьозно! Вотъ, видишь-ли... (*Входитъ Носовъ и два солдата*). А, пришли; ну, ребята, поднимите-ка кресла, только чуръ осторожниѣе, вотъ такъ; теперь за мною маршъ; тише, тише, въ дверяхъ не зацѣпи; Носовъ, слышишь? (*За дверь*) Ставьте по-маленьку, такъ, такъ, хорошо, ну спасибо; Носовъ, завѣсь окна и садись въ углу, да не спать у меня! (*Возвращается*).

Летаргія—то превратится въ сонъ, и пусть себѣ покоится на здоровье; я отвѣчаю, завтра же будетъ молодцомъ; а гдѣ же Анята, что я ее не вижу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ты мнѣ хотѣлъ разсказать, Константинъ Петровичъ...

ЛЕКАРЬ. Да, виновать; на чемъ бишь мы остановились? Да, да, впрочемъ, начну сначала (*Садится*). Ты не забыла, что главною причиною поѣздки моей былъ нашъ почтеннѣйшій Провъ Силычъ? Ну что за человѣкъ, вотъ это человѣкъ, ужъ точно можно сказать! Я и думаю себѣ, осмотрю отдѣльные посты, а тамъ, перекрестясь, и въ Новобранское.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Шутка—ли, пятьдесятъ верстъ!

ЛЕКАРЬ. Эхъ, матушка, велика важность пятьдесятъ верстъ, да что мнѣ пятьдесятъ верстъ? Ногу въ стремя, другую черезъ сѣдло, гикнулъ, гаркнулъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, и помчался, шагомъ разумѣется; смотришь сутки, другія, а на третью и тамъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ты все шутишь...

ЛЕКАРЬ. Чего шутишь, мать моя, какъ сказано, такъ и сдѣлано ровнехонько черезъ семьдесятъ пять часовъ прибылъ въ Новобранское. Ужъ какъ же мнѣ обрадовался Провъ Силычъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Воображаю.

ЛЕКАРЬ. Да гдѣ тебѣ! Только завидѣлъ, какъ схватить меня въ свои мощныя объятія, какъ давнетъ, онъ же здоровенный такой, кричу: тише, тише, вѣдь жена, дочь! Кстати, что же это въ—самомъ—дѣлѣ я Аняты не вижу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Что ему сказать? (*Громко*). Стало-быть, неправду сказали, будто Провъ Силычъ боленъ?

ЛЕКАРЬ. Было и сильно прихворнулъ, да видно такихъ Богъ хранить; бездѣлица, пуляхватила въ бедро и вынули лепешку, — расплюснулась, сударыня моя!—каковъ? Да что и говорить, левъ, совершенный левъ; представь себѣ, между лопатками уложишь ты черкеса поперекъ;

а шея, надѣнь на нее мой сюртукъ, не застегнешь, ей-Богу; такъ раздобрѣлъ за это время, что любо. Ну, на первыхъ порахъ разспрашивалъ про то, про се; говорить, много слышалъ хорошаго въ Петербургѣ объ Анютѣ: въ пансіонѣ всѣ, говорить, и помнятъ, и жалѣютъ, и учились—то она славно, и вела себя, и хорошенькая она такая, и о приданомъ нужно, говорить, подумать; добрый, право! И про тебя... Да кстати, чтобъ не позабыть, — поручилъ мнѣ передать рецептъ для настойки, отъ всякихъ болѣзней излечаетъ, можетъ-быть и въ-самомъ-дѣлѣ (*Отдаетъ рецептъ*). А Демьянычъ просто осрамилъ, что утро, то пьянь; что утро, то пьянь; да я его ужо.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Гдѣ тебѣ! вѣдь только стращаешь, а какъ придется наказать, такъ самъ же говоришь: Марья, попроси меня за нихъ, будто для тебя прошу.

ЛЕКАРЬ. Тсѣ, что ты, матушка, можно ли же это; а какъ услышать, что подумаютъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да вѣдь, ужъ знаютъ тебя, добрякъ ты мой.

ЛЕКАРЬ. Ой-ли? а знаютъ, такъ пусть ихъ. На чемъ бишь? Да, ну, вѣришь-ли? дни такъ и летѣли; я собираться, куда, говорить, поживи еще денекъ; что ты будешь дѣлать? Только вдругъ, то было въ пятницу, нѣтъ въ четвергъ, нѣтъ въ пятницу, точно въ пятницу, пакетъ отъ дивизіоннаго; хлопъ приказъ выступить немедленно къ Трехгорскому, стало на нашу крѣпостцу; ну, сѣдлай, выючь, заряжай, и въ ночь, поужинавъ преисправно, отрядъ двинулся. Мы съ Провомъ Силычемъ ѣдемъ себѣ рядышкомъ; старикъ и говорить мнѣ, что племянникъ, по его расчету, долженъ къ этому времени возвращаться изъ командировки; а какъ же онъ его любить!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Знаетъ ли онъ, что Павла Сергѣича постигло такое несчастье?

ЛЕКАРЬ. Полагаю, что знаетъ теперь; да ты не перебивай. Мы выступили въ пятницу; суббота, воскресенье, а въ понедѣльникъ, то-есть, въ прошлую ночь, погода была тихая, и листъ не шевелился; вдругъ слышимъ выстрѣлъ, за выстрѣломъ другой, третій; неужто черкесы?

Провъ Силычъ и пошли взводъ линѣйцевъ. Я думаю себѣ: коли выстрѣлы, стало не горохъ, а пули; сверхъ-того, черкесы по ночамъ не по тетеревамъ же стрѣляютъ, стало будутъ и раны, нужна и трапица, и корнѣя, а при ней и лекарь; вотъ я рыжаго и хлысь, онъ ногой, да воздуху, дуралей; я его еще, да еще; поднялъ-таки наконецъ въ козлиный галопъ, такъ, бестія и подбрасываетъ, смерть и умора, крихчу и хохочу. Нѣтъ, матушка, сердись, не сердись, а не дашь денегъ, уташу у тебя рублей сотнягу и добуду другаго коня; вѣришь ли, руки отнялись, а деревьевъ-то сколько испортилъ дорогою, — грѣхъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Кого-жь вы это нашли; кто стрѣлялъ?

ЛЕКАРЬ. Постой, постой, мать моя, не торопись, дай сообразиться. Да, отскакали версту, смотрю, а линѣйцевъ-то моихъ и не видать, совсемъ-таки изъ слуха вонъ; глядь назадъ, Демьяновъ тутъ; стало, бѣды-то половина; не встрѣтся перекрестка; мы бы, кажется, съ Демьянычемъ проскакали ни вѣсть куда, добро рыжакъ поразогрѣлся, а можетъ-быть и поразсчелъ, что онъ одинъ, а рукъ-то у меня двѣ, — устанетъ одна, перемѣнишь другою, а спину-то перемѣнить нечѣмъ. Какъ бы то ни было, а перекрестокъ сбиль и меня, и Демьяныча съ толку. Ну, куда ѣхать? направо? а какъ налево? налево? а какъ направо? — плохо! Подумалъ и взялъ направо. Только выскакали на поляну, глядь, батюшки мои! а влево-то отъ насъ на пригоркѣ человекъ этакъ съ десятокъ, собравшись въ кучу, такъ вотъ и крошатъ поганыхъ горцевъ; пуще всѣхъ одинъ изъ нашихъ, на свѣтломъ-то небѣ какъ обрисованный, что махнетъ соблею, то одной душой меньше у Шамиля; что повернетъ конемъ, то три-четыре космача и прочь, и прочь отъ него; а выстрѣлъ, и видишь золотой эполетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто Павелъ Сергѣичъ?

ЛЕКАРЬ. Небось, догадалась, конечно онъ. Ну, ужъ потѣшилъ, мать моя; нето, что я, а Демьянычъ, вообрази, Демьянычъ, взявшись за бока, такъ и помираетъ со смѣху; спрашиваю: чего ты смѣешься? Какъ же, говорить, ваше благородіе, вѣдь это онъ, онъ, говорить, ихъ изволить лупить не на шутку. Каковъ шутъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, матушки мои! что же ты сдѣлалъ?

ЛЕКАРЬ. Да что ты сдѣлаешь съ дуралеемъ, съ рыжакомъ, да съ хиною; постояль, постояль, да какъ услышалъ, что линѣйцы-то наши захватили имъ тыль, я и тягу. Однакоже, гдѣ Анята? вѣрно не знаетъ, что я пріѣхалъ. *(Подходитъ къ двери)*.

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(всторону)*. Какъ ему сказать? вѣдь разсердится непремѣнно. *(Громко)*. Константинъ Петровичъ, не хочешь ли ты заку- сить чего съ дороги?

ЛЕКАРЬ. А что ты думаешь, вѣдь не мѣшаетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Такъ я мигомъ приготовлю. *(Хочетъ идти)*.

ЛЕКАРЬ. Постой, постой, мать моя; ты лучше разбери-ка чемоданъ, да положи лекарства въ шкафъ, а поѣсть дасть и Анята. Здорова ли она?

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(съ замѣшательствомъ)*. Здорова, разумѣется.

ЛЕКАРЬ. Что?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я говорю, здорова, Константинъ Петровичъ, что ей сдѣлается? *(Всторону)*. Какъ онъ странно смотреть на меня.

ЛЕКАРЬ. А здорова, тѣмъ лучше; вѣрно въ саду копается.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, вѣрно въ саду, должно быть въ саду.

ЛЕКАРЬ *(посмотрѣвъ на нее долго)*. Жена, гдѣ Анята?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Другъ мой, какой у тебя страшный голосъ!

ЛЕКАРЬ. Позови мнѣ Аняту.

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(всторону)*. Богъ мой, что мнѣ дѣлать! Да скажу ему просто.. *(Громко)*. Анята, кажется, еще не возвратилась.

ЛЕКАРЬ. Не возвратилась? стало, ея нѣтъ здѣсь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Другъ мой, не сердись; я, вотъ видишь ли, отпустила ее къ дядѣ, съ батальономъ, который привозилъ провіантъ.

ЛЕКАРЬ *(смягчаясь)*. Въ Трехгорское.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, душа моя; дѣвочка соскучилась; самъ посуди, одна одиныхонька; тамъ же сестры.

ЛЕКАРЬ. Что же ты такъ перетревожилась? отпустила, и дѣло сдѣлала.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да я думала, да я полагала... ты такъ страшно смотрѣлъ на меня.

ЛЕКАРЬ (смѣясь). А у тебя и душа въ пятки; старуха ты моя глупая, перепугалась.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Испугалась, признаюсь, Константинъ Петровичъ.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, поди сюда, дурочка. (*Цѣлуетъ ее съ нѣжностію въ лобъ*). Нечего дѣлать, дочку отпустила, сама маршь на кухню, да живѣй. Мнѣ бы, понастоящему, надлежало явиться къ Кондратію Ивановичу, — служба; ну да онъ добрый, со старика не взыщеть. Я же привезъ ему кстати вѣсточку — кисточки на эполеты.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, произведенъ?

ЛЕКАРЬ. Въ маіоры, и въ приказахъ есть; да что же — достоинъ этой чести.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ я рада; пойти поздравить его?

ЛЕКАРЬ. Нѣтъ, нѣтъ, погоди; а вотъ закушу, такъ пойдемъ вмѣстѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Быть по твоему; какъ же онъ будетъ доволенъ. (*Ставитъ столъ, вынимаетъ посуду изъ шкафа, потомъ уходитъ. Въ это время лекаръ вызываетъ Носова изъ комнаты больного*).

ЛЕКАРЬ (къ Носову). Что — спать?

НОСОВЪ. Спать, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ (разбирая чемоданъ). А больные есть у насъ?

НОСОВЪ. Семь человѣкъ.

ЛЕКАРЬ. Ого, порядочно; чѣмъ же они больны?

НОСОВЪ. Четырехъ свалила фебрисъ инфламаторіа невроза, а у трехъ дизентерія.

ЛЕКАРЬ. Что же ты имъ давалъ?

НОСОВЪ. Далъ по полдрахмы ялапы, ваше благородіе, а этимъ

тремъ замѣшалъ нукеу съ вомигой, да на глазомѣрь присыпалъ салецу, легче стало, выздоравливають.

ЛЕКАРЬ. Ладно; снеси же ты тремъ выздоравливающимъ по порціи кахетинскаго, у жены возмешь бутылку, да чурь не пить самому, нето вѣдь ты меня знаешь?

НОСОВЪ (*всторону*). Какъ моля не знать.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*приноситъ на двухъ тарелкахъ два кушанья*). Покуда откушай этого, а ужю поужинаешь, Константинъ Петровичъ.

ЛЕКАРЬ. Спасибо, мать моя, спасибо, и этого довольно будетъ до завтра; а ты, Маша, отпусти ему бутылку красенькаго. (*Садится за столъ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*ставя на столъ графинъ съ водкою*). А вотъ и бальзамная по твоей пропискѣ, Константинъ Петровичъ; давича Кондратій Иванычъ отвѣдалъ, такъ хвалить.

ЛЕКАРЬ. Цвѣтъ хорошъ, а о вкусѣ скажемъ. (*Пьетъ*). Чудная, спасибо, отмѣнно, то-есть, чудная. (*Показываетъ знакомъ чтобъ она дала рюмку Носову*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нравится, мой другъ, такъ я долью бутылъ. (*Подноситъ будто бы украдкою Носову рюмку водки, который, выпивъ ее, утираетъ ротъ рукавомъ. Марья Ивановна садится рядомъ съ мужемъ*).

ЛЕКАРЬ. Ладно, ладно! Ты же, моя матушка, не хочешь закусить со мною? Чай все это время было не до ѣды.—А у Прова-то Силыча, что за баранина! Кто его знаетъ, откуда беретъ онъ такое сокровище,—вѣришь ли, бѣла, какъ простокваша; у него же поваръ, Маша, изъ Тифлиса, кажется; посмотришь на него, ѣсть захочется, — вотъ этакой! (*Въ дверяхъ показывается капитанъ*). Анюта-то у насъ бѣлоручка, а то, мнѣ кажется, я могъ-бы научить ее, какъ приготовить сальникъ съ изюмомъ, да съ грецкими орѣхами; пальчики оближешь, сударыня! (*Замѣтя капитана*). Кондратій Иванычъ! (*Лекарь поспѣшно встаетъ*). Виновать, вдвойнѣ виновать, просрочилъ и не явился еще къ вашему высокоблагородію.

КОМЕНДАНТЪ. (*Жметъ ему руку*). И, Константинъ Петровичъ!

ЛЕКАРЬ. Честь имѣемъ поздравить ваше высокоблагородіе, то-есть настоящее высокоблагородіе, господинъ маіоръ.

КОМЕНДАНТЪ (*съ улыбкою*). Неужто правда?

ЛЕКАРЬ. Сушная, неоспоримая, печатная въ приказахъ.

КОМЕНДАНТЪ. Благодарствуйте за добрую вѣсть, Константинъ Петровичъ; признаюсь, то-есть, откровенно и ожидалъ, а все какъ-то брало сомнѣніе; думается и то, думается и другое; ну, какъ бы то ни было, спасибо вамъ. Однако садитесь-ка, почтеннѣйшій, и я къ вамъ подсяду.

ЛЕКАРЬ (*сидясь*). Маша, приборъ маіору, да бутылочку хорошенькаго и рюмку его высокоблагородію.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, благодарю, Марья Ивановна, пить не стану, а вѣсть не хочется.

ЛЕКАРЬ. Чтѣ такъ? ужъ не требуетъ ли желудокъ рекогносцировки?— А въ-самомъ-дѣлѣ, вы какъ-будто не такъ, чтобы очень, Кондратій Иванычъ. Захлопотались видно по службѣ?

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, служба по костямъ.

ЛЕКАРЬ. Стало, соскучились сидѣть въ окопѣ, сердечко-то попрашивается на просторъ? Понимаю, почтеннѣйшій, да еще какъ понимаю. Ну чтѣ, хотя бы взять нашего брата лоскутника; вѣдь только и есть, что возишься съ подержанными, да поизодранными шкурами; тутъ зашьешь, тамъ приставишь лапикъ, а въ иномъ мѣстѣ вырѣжешь; съ виду-то должность, кажется, и нетѣ, чтобы очень, а и тутъ долго посидишь безъ дѣла, и неловко, ей-Богу! То-ли дѣло ваша жизнь, Кондратій Иванычъ! чтѣ я пробылъ у Прова Силыча, а вспомню, такъ вотъ и защекочитъ за сердце. Не музыка, такъ стрѣльба, не стрѣльба, такъ музыка; и умирать-то подъ музыку вѣдь прелесть. Давича на привалѣ, усѣлись мы съ нимъ въ экарте, играемъ; палатку нашу раскинули на обочинѣ дороги, налѣво ровъ, направо скатъ; сидимъ,—вдругъ пафъ! подсвѣчникъ перевернулся; смотримъ—пуля, да ослабѣла, сердечная, должно-

быть на излетѣ. Я-таки, правду сказать, и почесалъ себѣ затылокъ; Провъ же Силычъ хоть бы усомъ повелъ,—куплю, говорить,—а? вотъ это жизнь!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И не страшно?

ЛЕКАРЬ. Страшно, что страшно? пуля? да такъ страшно, что привыкнешь наконецъ; да и надоѣсть одно и то же; подь-часъ и говорить-то мѣшають, проклятыя, только и слышишь, что псь, да псь, куда ни повернешься. А ты лучше попроси-ка капитана, маіора бишь, виновать, поразсказать тебѣ, страшно ли было ему лѣзть на Ахульго?

КОМЕНДАНТЪ. Старая пѣсня, Константинъ Петровичъ?

ЛЕКАРЬ. Старая, пусть-себѣ, да лучше новой. Коли Богъ приведетъ дожить до ста лѣтъ, и языкъ повиснетъ, я все-таки буду пѣть правнучатамъ эту старую пѣсню.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Былъ развѣ ты тамъ, Константинъ Петровичъ?

ЛЕКАРЬ. Гдѣ, подь Ахульго?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да.

ЛЕКАРЬ. То-есть, какъ бы тебѣ сказать, издали видѣлъ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, постойте, не такъ, ужъ ежели разсказывать, такъ разсказывать, какъ было.

ЛЕКАРЬ. Я вотъ и хотѣлъ...

КОМЕНДАНТЪ. Такъ зачѣмъ же говорить, что видѣли издали?

ЛЕКАРЬ. Съ перевязочнаго пункта.

КОМЕНДАНТЪ. А перевязочный-то пунктъ былъ небось за сто верстъ?

ЛЕКАРЬ. За сто не за сто, да что объ этомъ! Ты представь себѣ, Маша, что на поднебесной скалѣ горцы сплели каменное гнѣздо; да добро была бы скала, какъ Богъ ихъ обыкновенно созидаетъ; нѣтъ, мать моя, попробуй, плюнь сверху, донизу ничего не долетитъ, — вотъ и бери! Французъ сталъ бы хорохориться, да вести подкопы; Англичанинъ придѣлалъ бы конечно машину какую-нибудь тамъ; пожалуй, сталъ бы сверлить или парить; а наши, какъ бы не такъ, — приставили

лѣстницу, охотники впередъ, значить всѣ, и лѣзутъ; мало одной, приставили къ первой вторую, ко второй третью; оно бы, казалось, и просто, да вотъ въ чемъ штука, что черномазые-то въ это время такъ вѣдь и посыпаютъ орѣшками, а для разнообразія и бревнышками и камушками въ эту печь; что хватятъ, то нѣтъ никого; смотришь, минута, и опять полнехонько; долѣзли-таки наконецъ. Хлопъ, стѣна-то глухая, ни скважинки; не полѣзешь же назадъ, коли русскій; да сверху и видъ-то чудный! Не такъ ли, ваше высокоблагородіе? Вѣдь Кондратій Ивановичъ умѣй только рисовать, снялъ бы съ природы всѣ трещинки укрѣпленія; времени было довольно: 8 битыхъ часовъ закуривать изволилъ трубку свою черкесскими пыжами; а мы, смотря на нихъ снизу, ну въ ладоши, словно въ театрѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, батюшка, страсти какія! И Богъ васъ спасъ, Кондратій Ивановичъ?

ЛЕКАРЬ. Ихъ-то спасъ; и какъ только повытаскали изъ гнѣзда ястребятъ, да воткнули въ облачко русское знамя, такъ и снесли намъ кто что, а Кондратій Иванычъ вотъ эту трещину, что на лбу.

КОМЕНДАНТЪ. Которую перевязалъ мнѣ Константинъ Петровичъ, при свистѣ свинцовыхъ соловьевъ; помню, дружище, помню и то, что изъ вашего же плеча вытащили тогда же что-то очень похожее на голушку.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, мой другъ, и ты былъ раненъ?

ЛЕКАРЬ. Экая диковина, подумаешь, добро бы въ первый разъ; или не помнишь, мать моя, какъ свекоръ, цѣлясь въ козла что ли, попалъ мнѣ дробиною въ самое ухо; то же случилось и тутъ. Нужда имъ большая тратить порохъ на такую дичь, какъ наша братья. Шальная, ошибкой, лизнула мимоходомъ, да видно совѣстно стало, — тутъ же отскочивъ, впила въ сердце новообранца, — не ахнулъ, сердечный, — будто теперъ передъ глазами. Однако дѣло-то, какъ я вижу, плоховато, и что хочешь дѣлай, а маіора нашего видно ни чѣмъ не развеселишь; я краснобаю, а самъ приглядываюсь, или боленъ Кондратій Иванычъ, или — ужъ Богъ его знаетъ!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Ну какъ я ему скажу! Словно, на зло онъ весель сегодня. (*Громко*) Болѣнь не болѣнь, Константинъ Петровичъ, а неловко что-то.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что же съ вами, Кондратій Ивановичъ?

КОМЕНДАНТЪ. Ничего особеннаго, Марья Ивановна; дѣлишки есть кой-какія, такъ хотѣлось бы, знаете, переговорить.

ЛЕКАРЬ. Со мною, что-ли?

КОМЕНДАНТЪ. Да, почтеннѣйшій.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Не уйти ли мнѣ?

КОМЕНДАНТЪ. Вы простите, Марья Ивановна, и какъ бы вамъ сказать, то-есть...

ЛЕКАРЬ. А вотъ какъ: убирайся-ка, мать моя; можно, впрочемъ, и поделикатнѣе, — гмъ! гмъ! Маша! вѣдь погода прекрасная, ужъ не прогуляться ли тебѣ? (*Смѣется*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Иду, иду! забавникъ ты этакой!

ЛЕКАРЬ. Эхъ, жена! кабы намъ лѣтъ по сорока съ плечъ долой, таковъ ли я былъ бы?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мало ли что, Константинъ Петровичъ; тебѣ и еще пяточекъ сбросить можно.

ЛЕКАРЬ. Ахъ ты проказница! (*Цѣлуетъ ее и провожаетъ, смѣясь, до дверей, потомъ возвращается назадъ*). Ну, командиръ, къ услугамъ вашего высокоблагородія; а вѣдь напередъ знаю, отчего изволили нахмуриться; не опять ли старушка матушка заставляетъ сына жениться? Чтожъ, поищемъ комендантши; а съ густыми-то долго искать не будемъ; нужно же и старушку потѣшить. Знаете ли, Кондратій Ивановичъ, перетащите-ка матушку къ намъ въ редутъ; театровъ она не любитъ, на балы не ѣздитъ, а за преферансомъ дѣло не станетъ, и самъ я покорный слуга, и Марью выучу, — тупенька правда, — какое дѣло, копѣйка не разорить.

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Фу, ты пропасть, какое мерзкое положе-

ніе! (*Громко*). Нѣтъ почтеннѣйшій Кондратій Иванычъ, дѣло не въ женитбѣ и далеко не въ преферансѣ, какой тутъ преферанс!

ЛЕКАРЬ. Ба! стало (*пониживъ голосъ*), ужъ не потребны ли пенензы? Стоить задумываться! Марю за бока! Богъ ее знаетъ, какъ она это дѣлаетъ; а коли сотнягъ пять довольно, такъ вотъ и рука моя, что въ чулкѣ гдѣ-нибудь между бѣльемъ отыщется.

КОМЕНДАНТЪ. Кой прахъ! Нужда мнѣ большая въ деньгахъ! Да провались онѣ! Не деньги, почтеннѣйшій, а такое горе, что и не знаю, какъ высказать.

ЛЕКАРЬ. Ой-ли?

КОМЕНДАНТЪ. Да, Константинъ Петровичъ, хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а лучше бы, кажется, согласился потерять одинъ глазъ, чѣмъ... чѣмъ...

ЛЕКАРЬ. Чѣмъ что?

КОМЕНДАНТЪ. Чѣмъ... (*Всторону*). Тфу, прошу покорно, и мнѣ поручить такое дѣло,—нашелъ же человѣка!

ЛЕКАРЬ. Кондратій Иванычъ, не узнаю, ей-Богу, не узнаю! Вѣдь подумаешь, Кавказъ провалиться долженъ; — ну что же, жили вмѣстѣ, и умремъ вмѣстѣ, — на людяхъ и смерть красна.

КОМЕНДАНТЪ. Кабы оно такъ?

ЛЕКАРЬ. Хуже небось?

КОМЕНДАНТЪ. Хуже, да еще такъ хуже, что языкъ хоть щипцами отдирай отъ гортани, не ворочается; что ты будешь дѣлать?

ЛЕКАРЬ (*смѣясь*). Ай-да маіоръ, ай-да комендантъ! Стыдитесь, Кондратій Иванычъ! Какой примѣръ подчиненнымъ!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Онъ же смѣется! (*Громко*). Такъ слушайте же.

ЛЕКАРЬ. Давно готовъ.

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Того смотрю, что хлопнется, ей-Богу.

ЛЕКАРЬ. Ну что же?

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Да будетъ, что будетъ! (*Громко*). Константинъ Петровичъ! (*Всторону*). Провалиться бы сквозь землю! (*Громко*). Константинъ Петровичъ! Богъ, благодѣль великъ, Онъ всемогущъ и великъ... такъ?

ЛЕКАРЬ. Такъ.

КОМЕНДАНТЪ. Великъ и милосердъ! и все, что посылаетъ по премудрости своей человѣку, изъ любви, изъ того, чтобы, испытать чело-вѣка...

ЛЕКАРЬ. Прекрасно сказано и съ чувствомъ; что же потомъ?

КОМЕНДАНТЪ. А потомъ. потомъ и человѣкъ, или созданіе должно чувствовать, что Богъ, любя чело-вѣка, посылаетъ скорби, и покоряться со смиреніемъ...

ЛЕКАРЬ. И это справедливо.

КОМЕНДАНТЪ. А справедливо, такъ и вы, Константинъ Петровичъ, должны по вѣрѣ, изъ покорности...

ЛЕКАРЬ. Кондратій Иванычъ! говорите вы и складно, да вотъ, видите ли, однимъ бы разомъ лучше; я, по совѣсти, ничего особеннаго не боюсь; наконецъ, что бы ни было, допустимъ выговоръ, ну арестъ, виновать и по дѣломъ, а невиненъ — оправдаюсь.

КОМЕНДАНТЪ. Арестъ, за что арестъ?

ЛЕКАРЬ. За долгую отлучку, за неисправность, мало ли!

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, нѣтъ! успокойтесь, дружище; за доброе дѣло ни арестовъ, ни выговоровъ не бываетъ; а коли сказать...

ЛЕКАРЬ. Ну!

КОМЕНДАНТЪ. Анна Константиновна бѣжала съ офицеромъ! Да, бѣжала по любви, а что всего хуже, попалась Черкесамъ! (*Лекаръ хватаетъ себя за голову*)! Вотъ что я долженъ былъ сказать вамъ, мой бѣдный Константинъ Петровичъ! Велико несчастіе, страшно оно! Но будьте мужественны, крѣпитесь! Богъ милосердъ! Марья Ивановна ничего еще не знаетъ, — вотъ она!

ЛЕКАРЬ. (*судорожно схватя коменданта за руку*). Тсъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната; на окнѣ сидитъ Носовъ; онъ, напѣвая заунывную пѣсню, толчетъ что-то въ мѣдной иготы. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ послѣ поднятія занавѣса, со стороны двора подходитъ къ окну молодой солдатъ; лѣвая рука его обвязана платкомъ, и онъ держитъ ее согнутою и неподвижно. Вечеръ.

СОЛДАТЪ. Всталъ что-ли лекаръ?

НОСОВЪ. Вотъ для тебя такъ и разбудить сейчасъ! Чего та-скаешься?

СОЛДАТЪ. Надобно бы того.

НОСОВЪ. Мало что надобно!

СОЛДАТЪ. Да рука, Захарычъ, больно ломить, снадобья бы, како-го ни-на-есть.

НОСОВЪ. Напасешься на васъ снадобьемъ; со всякою дрянью лѣзете; ну что тамъ у тебя, оцарапали небось? туда же за снадобьемъ!

СОЛДАТЪ. Коли бы оцарапали, не сталъ бы скучать, Захарычъ; и то пыталъ и тѣмъ, и сѣмъ, да нѣтъ не легчаетъ; боишься того, чтобы кость какъ-нибудь ..

НОСОВЪ. Небось вывалится?

СОЛДАТЪ. Ребята смотрѣли, говорятъ, вся наружу.

НОСОВЪ. Вотъ проснется, увидимъ; гдѣ жъ это тебя угораздило?

СОЛДАТЪ. Да вотъ, ономнясь съ провіантомъ шли, и лощина-то выдалась махонькая; идемъ себѣ — ничего; анъ тутъ откуда ни возьмись, словно изъ земли повылѣзли, и ну палить; ничего; взводный-то и говорить, какъ бы, ребята, того; вотъ мы, знаешь, и кинулись на нихъ, а они-то и шастъ въ перелѣсокъ, ничего; чаща такая, что Господи помилуй.

НОСОВЪ. Такъ, стало, хватило-то тебя кругленькою.

СОЛДАТЪ. Петрова круглячкомъ, а меня-то... Вотъ какъ вышли изъ лощины... Идемъ ничего; глядь за кустъ, лежитъ себѣ, черкесина ничкомъ и дыханье поганое притаилъ; думаю, видно пришибли, ничего; иду мимо, только поровнялся, а онъ и хватъ меня по плечу; я обернулся; сгоряча-то обожгло словно; нѣтъ, братъ, баста, думаю, да и на него, а онъ тягу, я за нимъ, а онъ отъ меня, я за нимъ, а онъ отъ меня; ребята-то хохочуть; только на поляну выскочилъ, словно вотъ нелегкая его за ногу схватила, какъ грянется о земь, на спину, да и ну махать шашкой! Чтò ты будешь дѣлать? Хочу поднять ружье, нѣтъ, не въ мочь; я за тесакъ, а взводный и кричить: не тронь, возьми, говорить, живьемъ! Да какъ его возьмешь? Какъ не возьмешь, а возьми, говорить, нето того...

НОСОВЪ. Чтò же? взялъ напоследокъ?

СОЛДАТЪ. И по дѣломъ космача! Да чего, блажной такой, ей-Богу! идетъ съ нами рядушкомъ и горюшки мало; взводный пытался было съ нимъ заговорить, куды! голову загнулъ назадъ и шапки не ломаетъ; бормочетъ себѣ чтò-то по своему, — смѣшной такой. Пришли на приваль, дай, думаю, поднесу ему кашицы, вѣдь человекъ, — ѣсть хочетъ.

НОСОВЪ. Чтò же, поѣлъ?

СОЛДАТЪ. Ничто—поѣлъ; я, того, и винца поднесъ, и винца пробоваль, да не по натурѣ, видно, какъ завертитъ головой, да заплюетъ, а ребята хохочуть себѣ, помирають.

НОСОВЪ. Стоитъ вашей братьѣ давать порцію, нехристей понть!

СОЛДАТЪ. Думаль, Захарычъ, пьютъ и они, дай поднесу того...

НОСОВЪ. Дай поднесу нехристу, а нѣтъ того, чтобы поднесъ своему; а вотъ рука повиснетъ, лезешь небось.

СОЛДАТЪ. Не взыщи, Захарычъ, вѣдь мнѣ и не вдогадъ, что ты потребляешь.

НОСОВЪ. Невдогадъ, словно я нехристь какой; поишь космача, пускай же онъ тебя и перевязываетъ.

СОЛДАТЪ. И то брался, да Кузьмичъ, говорить того, дай заговорю; я, признаться, и послухалъ; онъ шепталъ, шепталъ, шепталъ, шепталъ, а руда такъ и леть, обомлѣлъ ажно, ей-Богу.

ТЪЖЕ и КОМЕНДАНТЪ. Носовъ машетъ солдату, который скрывается, а самъ соскакиваетъ съ окна и застегивается.

КОМЕНДАНТЪ (*угрюмъ и задумчивъ*). Что Константинъ Петровичъ?

НОСОВЪ. Спать, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Дуралей, развѣ я спрашиваю тебя объ этомъ; здоровъ ли лекарь?

НОСОВЪ. Спать, такъ распознать нельзя, ваше высокоблагородіе; ночью разовъ пять просыпались, спрашивали.

КОМЕНДАНТЪ. Молчи, болванъ, да попроси ко мнѣ Марью Ивановну, — слышишь?

НОСОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе. (*Дѣлаетъ нальво кругомъ и уходитъ*).

КОМЕНДАНТЪ. Бѣдный старикъ, — не вынесъ, запилъ съ горя, а чѣмъ-то еще все это кончится. Двое сутокъ не промолвилъ онъ ни одного слова, ни одной жалобы. Ни увѣщанія жены, ни мои просьбы не могли урезонить его. Я скрылъ имя похитителя, впрочемъ онъ и не спрашивалъ; къ чему, говорить, знать мнѣ его имя, развѣ дочь моя не пропала? и возвратись она, не будетъ ей прощенья! А бѣдная мать!..

Но вотъ и она, какъ измѣнилась, какъ постарѣла въ это время (*Идетъ къ ней навстрѣчу*). Марья Ивановна, добрая Марья Ивановна, горько вамъ, моя почтенная? (*Онъ плачущую Марью Ивановну усаживаетъ въ кресло*). Посѣтилъ васъ Господь новымъ и тяжкимъ испытаніемъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*сквозь слезы*). За чѣмъ же не смертью, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Затѣмъ, что избранныхъ Своихъ отмѣчаетъ Онъ скорбью на земли, а кто любитъ Его, тотъ, вспомя, что и Онъ скорбѣлъ за насъ, смирится, преклонитъ голову и скажетъ: Боже мой, не ропщу, а молюсь, помилуй; вотъ что, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да будетъ-же надъ нами Его святая воля; а горько, очень горько!

КОМЕНДАНТЪ. Вѣрю, вѣрю, и не утѣшаю пустыми словами; ни чести, ни жизни не воротишь, а разбойники не пощадятъ, примѣровъ не было, и надежда плохая. А я къ вамъ съ просьбою.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ко мнѣ, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Къ вамъ, моя почтенная. Константинъ Петровичъ не надеженъ сталъ; не осуждаю, слабъ человѣкъ, а все-таки грѣшитъ онъ предъ Богомъ. Слова нѣтъ, велико несчастіе, да вѣдь и жизнь то коротка; перетершимъ здѣсь, слюбится выше.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Погибла моя головушка! Онъ умретъ безъ покаянія.

КОМЕНДАНТЪ. Не отчаявайтесь, матушка, авось придетъ въ себя; я снова потолкую съ нимъ, можетъ и уговорю; сегодня же къ намъ въ редутъ пожалуетъ Провъ Силычъ съ отрядомъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всплѣснувъ руками*). Какъ, сегодня? А Константинъ-то Петровичъ мой....

КОМЕНДАНТЪ. На этотъ счетъ не тревожьтесь, я все улажу, предупрежу полковника, онъ благородный человѣкъ и мужа вашего любитъ, какъ брата роднаго. (*Всторону*). Если бы старуха, да знала, что не

кто другой, какъ племянникъ... ну, да пусть ее лучше ничего не знаетъ: *(Громко)*. А я, Марья Ивановна, и пришелъ къ вамъ единственно за-тѣмъ, чтобы попросить комнату другую въ домѣ вашемъ для дорогаго гостя; у меня, вотъ видите-ли, потолки-то пообсѣли, такъ подпирають.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Чтѣ вы, Кондратій Иванычъ! Да не то, что комнату, а весь домъ и всѣ мы къ услугамъ благодѣтеля; не посѣти насъ Господи такимъ горемъ, то-то-бы радость.

КОМЕНДАНТЪ. А можетъ-быть, и сама судьба посылаетъ Прова Силыча; кто знаетъ, — не въ силахъ были мы удержать Константина Петровича, — совѣты друга, статья можетъ, и подѣйствуютъ на старика.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай-то Богъ, дай-то Богъ! *(Помолчавъ)*. А объ Анютѣ-то нашей, Кондратій Иванычъ, и слуха нѣтъ; давно хотѣла спросить и боялась....

КОМЕНДАНТЪ. Какого же ждать слуха, матушка Марья Ивановна! *(Встѣ-рону)* Солгу нечего дѣлать. *(Ей)* Въ батальонѣ-то, чтѣ возвратился въ Трехгорское, слышали наши ребята на дорогѣ, что дочь ваша проѣхала, моль, съ какимъ-то незнакомымъ офицеромъ, и что черкесы напали на нихъ; вотъ чтѣ говорили достоверно; стало, какихъ же еще слуховъ добиваться. Впрочемъ, во всемъ Богъ воленъ, авось и порадуетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Не смѣю надѣяться и не надѣюсь, Кондратій Иванычъ, достойны ли мы Его благости! *(Плачетъ)*. Одного въ голову не вберу, какой-же это безбожникъ рѣшился насильно увезти Анюту; она же, голубушка моя, никого не видала, никого не знала изъ офицерства. Вотъ уже годъ, какъ привезли ее къ намъ изъ пансіона; самимъ вамъ извѣстно, былъ ли у насъ кто-нибудь чужой, кромѣ Павла Сергѣича, который любилъ и ласкалъ ее; и его сердечнаго убило это горе, словно родная ему наша дочь, — благородная душа!

КОМЕНДАНТЪ *(встѣрону)*. Хорошо благородство! *(Громко)*. Эхъ, матушка Марья Ивановна, чтѣ больше думать, то хуже; и на чтѣ вамъ знать, кто этотъ злодѣй? За такія дѣла взыщетъ Богъ строже нашего... Но позвольте. — Такъ точно, Константинъ Петровичъ проснулся; онъ идетъ сюда; останьтесь вы при немъ, моя почтенная, а я, признаюсь, не могу

видѣть его въ такомъ положеніи, уйду поскорѣе. Кстати, объявите ему о пріѣздѣ полковника, посмотримъ, что будетъ. Покуда прощайте, Марья Ивановна, да не тужите, Богъ великъ! (*Уходитъ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*смотря на дверь комнаты лекаря*). Онъ идетъ, проглочу слезы, пускай не напоминаютъ онѣ ему о нашемъ несчастіи, пускай хоть минуту отдохнетъ душою, мой бѣдный старикъ! (*Лекаръ выходитъ изъ своей комнаты; онъ блѣденъ и слабъ; волосы и одежда его въ беспорядкѣ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Заступница Небесная, какъ онъ сталъ страшень! (*Идетъ къ нему на встрѣчу. Громко*). Родной мой, другъ ты мой, Константинъ Петровичъ! (*Не можетъ продолжать и плачетъ*).

ЛЕКАРЬ (*долго и пристально смотритъ на Марью Ивановну, глаза его выражаютъ совершенное отчаяніе*) Слезы, слезы, и вѣчныя слезы! вотъ что есть, что будетъ, что будетъ до могилы!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Зато тамъ, другъ мой, зато въ могилѣ!...

ЛЕКАРЬ (*говоритъ съ разстановками*). Да тамъ не будетъ слезъ, не будетъ ихъ и надъ могилою,—плакать некому! (*Утираетъ слезу*). Жена, дай вина, да подмѣшай въ него чего-нибудь, авось будетъ крѣпче!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Родной мой, неужели тебѣ не жаль меня, или ты не любишь больше старухи?

ЛЕКАРЬ (*съ нѣжностію*). Не жаль? (*Отводитъ ее всторону*). А такъ жаль, что взялъ бы ножъ и прокололъ бы имъ твое сердце, чтобъ не страдало оно! — а такъ люблю, что видишь, — пью, чтобъ не видать этихъ слезъ, не слышать этихъ стонувъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ отчаяніемъ*). Опять, опять! Нѣтъ не нужно не нужно! Другъ мой, ты не знаешь, благодѣтель нашъ прибудетъ сію минуту съ отрядомъ своимъ, и онъ остановится здѣсь.

ЛЕКАРЬ (*который вынулъ уже графинъ, медленно ставитъ его*). Стало пить нельзя, прибери графинъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Самъ посуди, что онъ скажетъ, что онъ поду-

маеть! И не ввѣрилъ ли онъ дружбѣ твоей своего племянника, своего дѣтища, который вотъ уже двое сутокъ, какъ безъ помощи.

ЛЕКАРЬ. Безъ помощи! безъ помощи, а лекарь я одинъ! (*Вздыхаетъ*). Нечего дѣлать, запрягай меня, возьми плеть, да погоняй! Съ стараго негоднаго коня шкуру деруть, а лекарь лечи, покуда дышетъ. И старъ, и слабъ, и — все таки лечи. (*Садится на кресло и звонитъ. Входитъ Носовъ*).

ЛЕКАРЬ (*пристально смотря на него; помолчавъ*). Есть больные?

НОСОВЪ. Двое дожидаются въ передней.

ЛЕКАРЬ. Зови сюда! (*Входитъ солдатъ, который говорилъ съ Носовымъ у окна, и старый инвалидъ*).

ЛЕКАРЬ (*молодому солдату*). Что у тебя?

СОЛДАТЪ. Изъянъ выше плеча, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Давно ли?

СОЛДАТЪ. Третьи сутки, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Что же ты молчалъ?

СОЛДАТЪ. Приходилъ раза четыре, ваше благородіе; сказали не приказано будить.

ЛЕКАРЬ. Да, правда! (*Всторону*). Онъ страдаетъ, какъ прилично честному и доброму солдату, безъ жалобы, безъ ропота; онъ гордится своимъ страданьемъ; а я страдаю съ горя; съ какого, спросятъ добрые люди, — что я имъ скажу? (*Сжимаетъ кулаки, потомъ вдругъ успокоивается*). Подойди сюда, нагнись, я встать не въ силахъ. Носовъ, развяжи ему рану. (*Смотритъ*). Ладно, закрой. (*Вынимаетъ изъ столоваго ящика горсть серебра и отдаетъ солдату*). На, возьми, а ужо зайдешь, мы руку отнимемъ; ступай.

СОЛДАТЪ. Благодаримъ покорно, ваше благородіе, дай Богъ вамъ многія лѣта прожить за вашу доброту.

ЛЕКАРЬ. Ну, хорошо! ступай, ступай! (*Солдатъ уходитъ, а лекаръ обращается къ старому инвалиду*). Тебѣ что?

ИНВАЛИДЪ (*плачевнымъ голосомъ*). Ваше благородіе, отецъ нашъ, не оставьте милостью.

ЛЕКАРЬ. Нужно денегъ, что ли?

ИНВАЛИДЪ. Нѣтъ, ваше благородіе, денегъ не нужно, а захворала у меня дочь.

ЛЕКАРЬ (*вскакивая*). Дочь! дочь, говоришь ты?

ИНВАЛИДЪ. Дочь, ваше благородіе; вотъ двѣ ночиньки напролетъ какъ мучится голубушка, и насъ то стариковъ не узнаетъ.

ЛЕКАРЬ (*съ возрастающимъ волненіемъ*). А какихъ лѣтъ дочь твоя?

ИНВАЛИДЪ. Семнадцати, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. И пригожа она?

ИНВАЛИДЪ. Какъ солнце красное!

ЛЕКАРЬ (*въ изступленіи*). Такъ чего же ты просишь?

ИНВАЛИДЪ. Спасите ее, батюшка, спасите, умираетъ.

ЛЕКАРЬ. Спасти дочь твою, спасти отъ смерти? а зачѣмъ? а на что? а что тебѣ изъ этого?

ИНВАЛИДЪ. Батюшка, ваше благородіе, да вѣдь дитя—то у насъ одно.

ЛЕКАРЬ. Одна, одна! Пади же на колѣна, молись, плачь, рыдай, и ежели ты правъ, Богъ сжалятся и возьметъ дитя твое чистое, непорочное, а тамъ свѣтлые ангелы примутъ ее, улыбнутся ей (*тихо*) и твои сѣдины не осквернятся позоромъ, и на твою голову не падетъ стыдъ и безчестіе. (*Онъ закрываетъ лицо руками, потомъ, вздохнувъ, продолжаетъ спокойно*). Ты любишь ее, старикъ?

ИНВАЛИДЪ. Еще какъ люблю, ваше благородіе!

ЛЕКАРЬ (*озираясь во всѣ стороны, и хватая его за руку*). А что ты сдѣлалъ бы, еслибъ дочь, которую ты любишь, забывъ и свой долгъ и свои обязанности, покинула тебя на старости лѣтъ, а? что бы ты сдѣлалъ, еслибъ дочь твоя осмѣяла морщины старухи матери,

и поправъ пятою доброе имя и добрую славу ея, бросила бы имя это на порицаніе, на тайный смѣхъ, на позоръ добрымъ людямъ, обрекла стариковъ родителей на вѣчную скорбь и отчаяніе, убѣжала бы сама съ обольстителемъ, — что бы ты сдѣлалъ, старикъ, — говори, говори?

ИНВАЛИДЪ. Дочь моя не сдѣлаетъ этого, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Не сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ, глупецъ! Не говорилъ ли я тоже самое два дня назадъ, не положилъ ли бы я за нее сѣдую голову мою на плаху; а чѣмъ же я тебя хуже, — чѣмъ? тѣмъ развѣ, что любилъ ее, какъ ты любить не сумѣешь? тѣмъ, что въ молитвахъ моихъ говорилъ съ Богомъ только о ней? просилъ за нее, благодарилъ за нее же? И ты смѣешь говорить мнѣ, мнѣ, что твоя дочь того же не сдѣлаетъ!

ИНВАЛИДЪ. Нѣтъ, не сдѣлаетъ!

ЛЕКАРЬ (съ бѣшенствомъ). Не сдѣлаетъ? Такъ пойдемъ же, я возвращу тебѣ твое дѣтище, я вырву ее изъ гроба. Но слушай, безумный старикъ, пеняй на себя! Пойдемъ! *(Выбѣгаетъ въ сопровожденіи Носова).*

(Марья Ивановна выводитъ Павла Сергѣича изъ правыхъ дверей).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Онъ ушелъ, мой бѣдный, и не побывалъ у васъ! Простите, Павелъ Сергѣичъ, ради горя его! Если бы взглянули на несчастнаго, вы ужаснулись бы!

ПОРУЧИКЪ. Простить его! мнѣ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ уже двое сутокъ глаза мои не смыкались отъ слезъ! Два дня и двѣ ночи просидѣла я у его изголовья. Голубчикъ, при малѣйшемъ шорохѣ, приподниметъ голову, взглянетъ на меня, глубоко вздохнетъ и зарыдаетъ въ подушку! Нѣтъ, Павелъ Сергѣичъ, накажетъ Богъ Анюту, тяжкое престпленіе взяла она на свою душу!

ПОРУЧИКЪ. Не ее! не ее — неопытное дитя, любившее такъ нѣжно, такъ пламенно, а да накажетъ Онъ того, кто почелъ себя достойнымъ такой любви и возгордился ею! Надъ тѣмъ да разразится кара небесная и проклятіе ваше!..

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Но она не могла любить злодѣя, она любила другаго и призналась мнѣ въ томъ.

ПОРУЧИКЪ. И назвала вамъ его?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ее нѣтъ болѣе и зачѣмъ мнѣ скрывать? Еще недавно, въ минуту грусти, сидя со мною у этого окна, въ тотъ самый день, когда въ послѣдній разъ вы уѣхали, мнѣ показалось, что Анюта плачетъ. О чемъ, мой другъ? спросила я ее; она бросилась ко мнѣ на шею, и высказала все, и надежды свои, и любовь; а назвала васъ, Павелъ Сергѣичъ.

ПОРУЧИКЪ. Такъ кто же могъ погубить ее, какъ не я? Чѣмъ же мольбы могли склонить дочь вашу къ бѣгству, какъ не мои? И злодѣй и извергъ этотъ все-таки я! я, Марья Ивановна!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ ужасомъ*). Вы? другъ нашъ?

ПОРУЧИКЪ. Я! я! Прокляните же меня, злополучная мать; зовите всѣхъ, пусть всѣ услышатъ это проклятіе, пусть видятъ они и мой позоръ и мое раскаяніе!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Но вы не злой человекъ, нѣтъ! Богъ не попустилъ бы васъ на постыдное дѣло!

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ! къ престолу Его я подвелъ бы невѣсту, и только тогда рука моя коснулась бы ея руки; но судьба не допустила, я палъ у ногъ ея безъ чувствъ, а кровь мою вы видѣли!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, въ эту ночь?

ПОРУЧИКЪ. Да, Марья Ивановна! Еще ребенкомъ любилъ я вашу дочь, какъ братъ; воспитываясь вмѣстѣ, привязанность моя росла и обратилась въ страсть; просить руки ея я не рѣшился: Константинъ Петровичъ гордъ! Ему извѣстно было желаніе дяди женить меня на дѣвушкѣ богатой, знатной; изъ преданности къ дядѣ онъ отказалъ бы мнѣ. Я поклялся не разлучаться съ Аннетой; въ письмѣ моемъ къ полковнику, которое онъ получилъ конечно, я все ему открылъ, а вашу дочь уговорилъ бѣжать! Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда на насъ напали горцы. Ее успѣлъ я поручить уряднику, онъ преданъ былъ мнѣ, онъ поклялся заколотъ мою невѣсту прежде, чѣмъ рука злодѣевъ коснется до нея; онъ вѣренъ слову! Насъ было десятеро, я палъ седьмымъ! Остальное вы знаете!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ чувствомъ*). Да простить же вамъ Господь, какъ я прощаю, сынъ мой! Вы любите ее, вы не желали ей ни зла, ни безчестья!

ПОРУЧИКЪ (*падая на колѣна*). Матушка! (*Онъ цѣлуетъ руки Марьи Ивановны; оба плачутъ; (за дверьми слышенъ шумъ).*) Сюда идуть! уйдите, уйдите, ради Бога! Они не должны видѣть, они не должны знать, что вы меня простили, матушка!

(*Марья Ивановна, поцѣловавъ его, уходитъ рыдая. Въ это время изъ лѣвыхъ дверей показывается лекаръ; завидя поручика, онъ протягиваетъ руку, которую тотъ не беретъ*).

ЛЕКАРЬ. Понимаю! нечиста она, какъ у всякаго пьяницы.

ПОРУЧИКЪ. Константинъ Петровичъ! и вы могли подумать?...

ЛЕКАРЬ. Нѣтъ! я ничего не думаю, да о чемъ и думать? да о комъ и думать? — о себѣ? — старъ, дряхль, слабоумень сталъ! умру — старухѣ дадутъ пенсію, такъ стало и о старухѣ думать нечего! — о дочери? вы знали дочь мою, Павелъ Сергѣичъ? (*Насмѣливо*). Чтò же, была смазлива, не намъ чета, говорила по-французски; ну полюбилась не нашему брату, который, можетъ-быть, не красенѣя назвалъ бы ее женою; нѣтъ, человѣку образованному, съ состояніемъ; ушла съ нимъ, — чтò же дурно развѣ? ничуть! она будетъ жить припѣваючи, сядетъ на бархатъ, подстелетъ подъ ноги не эту тряпицу, ((*Толкаетъ ногою половикъ*)) а — персидскій коверъ, и стануть любить лекарскую дочку, ласкать лекарскую дочку, а мы услышимъ и порадуемся на старости лѣтъ, и намъ съ женою будетъ любо. (*Хохочетъ*)...

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, дочь ваша скорѣе умретъ, чѣмъ обезчеститъ себя!

ЛЕКАРЬ (*вполголоса*). Стало умерла, вы слышали? говорите! Вѣдь Кондратій Иванычъ и добрый человѣкъ, да у него, знаете, не хватить здѣсь! (*Показываетъ на сердце*). Онъ не вы; и понять ли ему, что за вѣсть о смерти дочери отецъ отдастъ бы жизнь свою, что за эту вѣсть онъ задушилъ бы вѣстника въ своихъ объятіяхъ. Такъ вы слы-

шали? вы посторонній человекъ, отъ васъ скрывать нечего, — вамъ сказали? Она убита, дочь моя растерзана, разорвана на части! и еще честный, дѣвственный прахъ ея разнесли птицы поднебесныя? А тамъ далеко ли до Бога!

ПОРУЧИКЪ. Клянусь вамъ, дочь ваша непорочна!

ЛЕКАРЬ. Непорочна! (*Шопотомъ*). Потому-что мертва. (*Въ это время слышна музыка, играющая зорю*). Часъ молитвы; у этого окна бывало молились мы семьею. Ну, что же, — нѣтъ дочери, — помолимся одни, семья не та — но тотъ же Богъ. (*Уходитъ медленно въ свою комнату*).

ПОРУЧИКЪ. Смерть, смерть, скорѣе смерть! Не тотъ одинъ убійца, кто лишаетъ жизни, а тотъ, кто отравляетъ жизнь ближняго, не смертельнымъ ядомъ, а скорбью и печалью сердца. И эта скорбь, и эти слезы — онъ проливаетъ ихъ, а падаютъ они свинцомъ кипучимъ на сердце мнѣ — преступнику! Смерть! смерть! (*Онъ съ отчаяніемъ смотритъ кругомъ себя, какъ бы ища чего-то. Въ это время вбѣгаетъ комендантъ; въ лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ его замѣтно необыкновенное волненіе*).

КОМЕНДАНТЪ. Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ! (*Всторону*). Да, нѣтъ, боюсь, ей-Богу боюсь; ну, какъ ему сказать; вѣдь надобно же, чтобы именно на меня взваливали такія оказіи. (*Громко*). Павелъ Сергѣичъ!

ПОРУЧИКЪ. Я слушаю васъ, комендантъ.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ слушаете, да развѣ я ужъ сказалъ что-нибудь?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ еще, впрочемъ, новое несчастье не удивило бы меня, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Несчастье, какъ не такъ! хорошо несчастье! да знаете ли?... (*Всторону*). Вѣрно объявить осторожно, а знаю я небось, какъ это дѣлается, лучше бы кажется.... (*Громко*). Павелъ Сергѣичъ, послушайте.... (*Всторону*). Нужно бы не вдругъ. (*Громко*), Гмъ,

Павель Сергѣичъ, вѣдь дядюшка-то вашъ.... вы знаете дядюшку вашего Прова Силыча?...

ПОРУЧИКЪ. Дядюшку?

КОМЕНДАНТЪ. Ну, да именно, я только и хотѣлъ сказать, что дядюшка вашъ Провъ Силычъ прѣхалъ къ намъ въ редутъ; славный дядюшка вашъ Провъ Силычъ, Павелъ Сергѣичъ, гмъ!

ПОРУЧИКЪ. Я ожидалъ его, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ожидали, стало это не то, чтобы причинило вамъ неожиданность и все такое вредное, то-есть, для здоровья.

ПОРУЧИКЪ. Въ эту минуту не только здоровье, но жизнь самая мнѣ въ тягость, почтенный маіоръ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, ужъ шалите, чтобы жизнь была въ тягость; давеча — ну, спорить не стану, и я бы, то-есть, самъ, будь на вашемъ мѣстѣ, не ручаюсь, а теперь....

ПОРУЧИКЪ. Что же перемѣнилось?

КОМЕНДАНТЪ. Что перемѣнилось? да такъ бездѣлица, сущія-съ пустяки. (*Всторону*). Сказать развѣ? ей-Богу, скажу; подставлю стулъ про всякій случай. (*Подвигаетъ стулъ*)... Сущія пустяки... (*Всторону*) Наддамъ, была не была! (*Громко*). Развѣ то, что Анна Константиновна...

ПОРУЧИКЪ. О! это имя...

КОМЕНДАНТЪ. Это имя! (*Всторону*). Вотъ такъ языкъ и подвертывается, экая дурь, а еще произвели въ маіоры. (*Громко*). Это имя... (*Всторону*). Ну, провались, скажу, (*Громко*). Это имя невѣсты вашей, (*скороговоркою*), которая.... которая дожидается тамъ и съ дядюшкою. Уфъ! сказалъ, а что будетъ, то будетъ.

ПОРУЧИКЪ (*въ волненіи*). Послушайте, такая шутка....

КОМЕНДАНТЪ. Шутка! какая шутка?

ПОРУЧИКЪ (*хватая его за руку*). Кондратій Иванычъ, добрый Кондратій Иванычъ, мнѣ становится страшно!

КОМЕНДАНТЪ. Или, въ-самомъ-дѣлѣ, не вѣрите? такъ взгляните же

(подводитъ его къ окну). Вонъ они входятъ въ церковь; дядюшка вырвалъ невѣсту вашу изъ рукъ злодѣевъ, онъ же и хочеть, возвративъ жизнь, возвратить ей и честь. (Слышенъ звонъ колокола). Слышите, слышите?

ПОРУЧИКЪ. Къ погребеню....

КОМЕНДАНТЪ. Къ вѣнцу, сударь, понимаете ли?

ПОРУЧИКЪ. О! есть Богъ, Всемогущій Богъ! (Убѣгаетъ, какъ сумасшедшій).

КОМЕНДАНТЪ. Насилу-то! Ну, маіоръ, славно же ты началъ, однако, уйти, не то сболтаю старикамъ; а Провъ Силычъ запретилъ говорить мнѣ до окончанія обряда.... чу идутъ.... Маршъ. (Уходитъ). (Звонъ перестаетъ, а заря оканчивается и музыка начинаетъ молитву; по-прошествіи нѣсколькихъ минутъ, лекаръ выходитъ изъ своей комнаты, и, подходя къ окну, медленно опускается на колѣна).

ЛЕКАРЬ (говоритъ съ разстоновкою). Творецъ! Тебя душою скорбной молю, прости мнѣ тяжкій грѣхъ, — не въ силахъ перенести я горя, не въ силахъ укротить въ душѣ моей отчаянье, которымъ оскорбляетъ грѣшникъ Создателя! — Господь! не Ты ль вдохнулъ въ нашъ бранный прахъ любви божественную искру, не Ты ль Спасителя устами глаголешь міру про любовь святую къ ближнему? Я дочь, я кровное дитя любилъ Твоей любовью, и жизнь мою ей посвятилъ, и жилъ я ею. Она преступна, Твой справедливый судъ надъ грѣшной головой ея свершился, Ты взялъ ее, — а я, а я остался, меня Ты позабылъ. Будь милосердъ, дозвожь мнѣ умереть, пока безропотно я плачу; Господь, прости же мнѣ; я бѣдное дитя люблю, я грѣшникъ; отдай мнѣ дочь, отдай. (Звонъ раздается снова. Лекаръ, поднимая голову, взглядываетъ въ окно, лицо его искажается, онъ протягиваетъ руки по направленію къ церкви. Въ это время молитва кончается и къ колокольному звону присоединяется барабанный бой и трубы, какъ-то бываетъ послѣ зари).

(Лекаръ вскрикиваетъ ужасно; и на крикъ его вбѣгаетъ Марья Ивановна).

ЛЕКАРЬ (*прерывающимся голосом*). Жена, жена,—сюда, на ко-
лѣна.... видишь, померкло солнце.... слышишь громъ трубы... взгляни
сюда.... возстали мертвые.... послѣдній часъ пробилъ....

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*ломая руки*). Анюта, Анюта!

ЛЕАРЬ. Ты видишь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Она бѣжитъ сюда.... дочь наша!

(*Дверь слева отворяется и Анна бросается къ ногамъ родите-
лей; за нею входятъ Провъ Силычъ, комендантъ, поручикъ и
нѣсколько офицеровъ въ кавказской формѣ*).

АННА. Батюшка, матушка! простите и благословите дочь вашу!

ПРОВЪ СИЛЫЧЪ. Друзья мои! кстати благословите и сына!

(*Бросаетъ племянника къ ногамъ лекаря и Марьи Ивановны*).

III.

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

В Н Савинова.

ЧАСТЬ II.

КЛАДЪ

I.

НАБЪЗДЪ.

Вѣроятно читатели не забыли, что въ то время, какъ Ростиньякъ и Томъ поднимались на площадку—на гребнѣ противоположныхъ скалъ появилась партія набѣзтниковъ. — Человѣкъ, пятнадцать горцевъ, составлявшихъ ее, едва спустились въ тѣснину, какъ сбатовавъ своихъ коней и вынувъ изъ чахла винтовки, по знаку передоваго товарища—разсыпались на тропинкахъ, проторенныхъ къ аулу Гацаль-Шеуды. Сторожевые аулы не замѣчали ихъ; Ростиньякъ—которому открывалась вся окрестность, тоже. Молодой человѣкъ, придя нѣсколько въ себя, внима-

тельно разглядывалъ, теперь завѣщаніе Даміана. Въ рукахъ его былъ лоскутъ пергамента, испещренный іероглифическими знаками и арабскими буквами. Ниже, на второй половинѣ рукописи, другою рукою, и также по-арабски — объяснялась разгадка тайны. Подъ этимъ объясненіемъ находился его переводъ на абхазское нарѣчіе, написанный англійскими буквами.

— Бѣдный Томъ, сказалъ молодой человѣкъ, столько трудовъ, опасностей и хлопотъ стоила тебѣ разгадка этой тайны, и ты пожертвовалъ ею за счастье обладать женщиною, которая не могла любить тебя. Однако нельзя ли еще спасти его! продолжалъ Ростиньякъ, приближаясь къ пропасти, въ которую упалъ Томъ.

Въ эту минуту Галискаръ неожиданно заслонилъ дорогу молодому человѣку.

— Напрасно, съ обычнымъ хладнокровіемъ сказалъ горецъ... Рыжий ужъ не встанетъ: пропасть такъ глубока, что пока долетишь до ея дна — успѣешь десять разъ разсыпаться прахомъ...

— Какъ... Галискаръ! зачѣмъ ты здѣсь?... Развѣ ты все видѣлъ? съ недоумѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь я затѣмъ, чтобы исполнить приказаніе Аксани.

— Какое приказаніе?

— Она мнѣ велѣла объявить тебѣ намѣренія рыжаго, да она же и велѣла мнѣ слѣдить за вами. Разговоръ я вашъ подслушалъ и не терялъ васъ изъ виду.... Спрятался — вотъ за этимъ камнемъ, и когда ты отказывался отъ своего выстрѣла, я хотѣлъ метнуть кинжаломъ въ бокъ Тома, что сдѣлалъ бы и тогда даже, еслибы выстрѣлъ остался за нимъ... Но, теперь-то я совершенно правъ... Пойдемъ.... Однако... Те! Пстой.... слышишь?

— Да, да! тревожно отозвался Ростиньякъ: въ аулѣ шумъ.

— Что тамъ могло случиться?

— Галискаръ! измѣняясь въ лицѣ сказалъ молодой человѣкъ: аулъ въ опасности...

— Это почему?

— Въ немъ хищники.... Проходя сюда съ Томомъ, я видѣлъ на скалахъ партію горцевъ.

— Ну, такъ что же? Пхе!.. незамѣченные они не могли бы добраться

до нашихъ пещеръ... Наши сторожевые зорки и далеко видятъ врага... А теперь, ты слышишь, что шумъ въ самомъ аулѣ... Нѣтъ, это вѣрно женщины...

Но Галискаръ еще не успѣлъ высказать послѣдняго слова, какъ въ аулѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и въ тоже мгновеніе, надъ обрывомъ, при входѣ въ пещеры, показались два горца. Преслѣдуя другъ друга, они дрались кинжалами. Наконецъ схватились, обнялись, метнулись вправо, влево и покатались съ кручи въ балку.

— Ты правъ, не измѣняя своему хладнокровію, сказалъ Галискаръ: это хищники... Сейчасъ одинъ изъ нихъ провалился въ джехеннемъ вмѣстѣ съ Увиджою. По дѣломъ ему—не зѣвай!

— Такъ чего же мы ждемъ, Галискаръ! вскричалъ Ростеньякъ... бросимся на помощь къ нашимъ!

— На помощь?... Экую сказалъ глупость... Что мы съ тобою сдѣлаемъ вдвоемъ противъ десяти, а можетъ-быть и больше... Наши ужъ теперь вѣрно все перевязаны... Вотъ полюбуемся, какъ хищники поведутъ ихъ на арканѣ въ горы...

— Нестыдно ли тебѣ, Галискаръ, такъ зло смѣяться—тогда какъ гибнетъ твой другъ Гацаль-Шеуды и Аксани...

— Нестыдно, кунакъ, право нестыдно... Вотъ не шуми лучше и потрудишься прилечь за этотъ камень... надо желать, чтобы молодцы насъ не замѣтили... Если насъ перерѣжутъ—тогда пропали Гацаль и Аксани, если сбережемъ наши головы, тогда есть чѣмъ подумать, какъ выручить друзей. Ну, за камень!

Ростиньякъ повиновался горцу, и слѣдуя его примѣру, прилегъ за камень.

Каждый крикъ, каждый отголосокъ, раздававшіеся въ аулѣ, какъ страшная вѣсть отзывались въ сердцѣ молодаго человѣка. Напрягая слухъ и зрѣніе, онъ старался угадать, что происходитъ тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ онъ такъ былъ счастливъ. Галискаръ былъ спокойнѣе своего товарища и первый замѣтилъ толпу горцевъ, показавшуюся при выходѣ изъ пещеръ. Хищники, окруживъ красавицу Гацаль-Шеуды, перешли съ ними балку и скрылись въ ущельи.

— Галискаръ, спросилъ Ростиньякъ, ты видѣлъ Аксани?

— Видѣлъ: она шла рядомъ съ отцемъ и почти впереди всѣхъ.... Но лучше бы мнѣ не видать ихъ, если это случилось послѣдній разъ.

— Какъ, ты уже считаешь ихъ погибшими?

— Нѣтъ, не то хотѣлъ я сказать... но думаю, что мы нескоро увидимся съ ними...

— Галискаръ... ты пугаешь меня твоимъ зловѣщимъ спокойствіемъ!

— Я говорю правду, кунакъ. Къ нашему несчастью, въ толпѣ этихъ хищныхъ карагутовъ я не могъ узнать ни одного знакомаго лица, тогда какъ всѣхъ придорожныхъ молодцовъ нашихъ горъ знаю наперечетъ... А эти пріатели вѣрно пожаловали къ намъ издалека...

— Но не всели это равно для насъ?

— Нѣтъ. Теперь, вмѣсто одного дѣла, мы должны будемъ приняться за два. Прежде должны найти слѣдъ похищенныхъ, потомъ уже ихъ выручить, а то и другое нелегко.

— Однакожъ намъ ничто не мѣшаетъ броситься сейчасъ по слѣдамъ хищниковъ...

— Да гдѣ они? равнодушно спросилъ Галискаръ... За ушельемъ дорогъ и въючныхъ тропинокъ не перечесть... Если мы будемъ отъ нихъ и въ десяти шагахъ, такъ ничего не увидимъ: скалы и глыбы камней скроютъ партію отъ нашего взгляда...

— Не надо мѣшкать...

— Еще глупость! Кто тебѣ обѣщалъ, что мы не наткнемся на оставшихъ молодцовъ? Мой покойный отецъ былъ опытный наѣздникъ и часто говаривалъ мнѣ: Если хочешь Галискарушка украсть кинжалъ, не торопись, чтобы имъ не обрѣзаться; будешь слѣдить звѣря, выжди лучше когда онъ улегся... Вотъ что! Пропастъ-то мы еще всегда успѣемъ, а отъ этого твоей Аксани не легче...

— Но что же намъ дѣлать?

— Прежде побывать въ аулѣ; запасись винтовками, порохомъ и просомъ... все это такъ хорошо спрятано, что ужъ вѣрно не далось въ руки хищникамъ; а потомъ и въ дорогу... какъ-нибудь набредемъ на слѣдъ хищниковъ.

— Ну, въ дорогу, да осторожнѣе.

Горецъ и Ростиньякъ скоро достигли пещеръ, и спустя нѣсколько минутъ выбрались на площадку аула. При входѣ въ растворенную саклю еврея—Ростиньякъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ. На порогѣ мазанки лежали трупы Уча, Бона и Доу, а рядомъ съ ними человѣкъ пять убитыхъ наѣздниковъ.

— Вотъ бѣдные мои товарищи, сказалъ Галискаръ... Посмотри, они знали кого отстаивать! И, продолжалъ онъ, внимательно разглядывая охладѣвшія лица враговъ, какъ я вижу, Аксани и Гацаль-Шеуды не даромъ достались хищникамъ.

Между-тѣмъ мучимый тоскою и отчаяніемъ—молодой человѣкъ переступилъ порогъ сакли. Она была совершенно пуста; даже исчезли книги и рукописи еврея. Последнее обстоятельство не могло не обратить на себя вниманіе Ростиньяка.

— Галискаръ, сказалъ онъ,—взгляни хищники завладѣли и книгами Гацаль-Шеуды.

— Какъ! на что они имъ, когда въ харемѣ нетронута ни одна курильница?

— Не знаю Галискаръ, но думаю, вѣроятно, въ горахъ прошла вѣсть, что еврей день и ночь роется надъ какою-то тайною...

— Ну?

— Ну и собрались молодцы, для того, чтобы завладѣть ею; вѣдь про сокровища Даміана чудеса рассказываютъ... Ахъ, Галискаръ, если бы только догадки мои были справедливы—мы могли бы выкупить свободу Аксани!

— Мудренаго ничего нѣтъ, въ раздумѣ отозвался Галискаръ: въ нашихъ горахъ теперь такое множество контрабандистовъ всѣхъ цвѣтовъ, что изъ нихъ найдется и не одинъ охотникъ до наслѣдства Грузина... Можетъ-быть, можетъ-быть! повторилъ онъ. Если только причиною наѣзда были бумаги Гацаль-Шеуды, такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что это продѣлка контрабандистовъ... Горецъ не любитъ кормить себя грязью и добывать золото у покойниковъ, онъ знаетъ, что отъ живыхъ можно вѣрнѣе поживиться. Однако, кунакъ, у насъ еще много впереди времени поговорить и подумать напросторѣ... Принимайся за дѣло! Пойдемъ за запасами—и въ дорогу. Теперь въ горахъ грязь не сходитъ съ тропинокъ, и намъ, быть-можетъ, удастся попасть на свѣжіе слѣды наѣздниковъ.

Чрезъ полчаса, хорошо вооруженные, съ большимъ запасомъ пороху и проса, новыя друзья оставили опустѣлый и ограбленный аулъ.

II.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

Темная ночь раскинулась надъ Хунзах-Гарскими горами. Мелкій и сырой снѣгъ, перемежаясь дождемъ, при сильномъ вѣтрѣ, закрутился надъ тропинками, на которыхъ, непооявлялось, въ эту минуту, ни одного живаго существа. Пустыня, какъ бы вымерла совершенно; въ ней не было слышно обычнаго воя шакаловъ ни заунывнаго вскрика ночнаго филина. Только шумъ упавшей въ пропасть лавины, вмѣстѣ съ шелестомъ дождя и завывающимъ вѣтромъ, нарушали ея молчаніе...

Одинъ страдалецъ былъ свидѣтелемъ этой грустной и печальной ночи. И этотъ страдалецъ былъ Томъ. Упавши съ площадки, — онъ скатился на нѣсколько футовъ внизъ, и задержался на выдавшейся глыбѣ земли и кремней. Мгновенный ужасъ, который оледѣнилъ кровь въ жилахъ шотландца въ минуту паденія, ушибъ и легкая рана, все это лишило чувствъ и памяти рослаго матроса. Влажный снѣгъ и холодъ ночи заставили его очнуться. Томъ открылъ глаза, но мракъ и тьма мѣшали ему разглядѣть окружавшіе его предметы. Нѣсколько мгновений несчастный не могъ привести себѣ на память минувшаго, но наконецъ боль отъ раны и липкая кровь, которую онъ ощущалъ на своемъ платѣ, напомнили ему утреннюю встрѣчу съ Ростиньякомъ. Ослабѣвшій матросъ съ усиліемъ приподнялся на колѣни и осторожно повелъ вокругъ руками. Ужасъ его былъ невыразимъ, когда онъ, напрягая зрѣніе, разглядѣлъ ничтожный кусокъ земли, державшій его и готовый каждую минуту рухнуть въ пропасть. Внизу слышалось глухое урчаніе потока; — надъ головою завывалъ вѣтеръ и дробно стучалъ дождь о камни площадки... Казалось, къ спасенію не было никакихъ средствъ. Во мракѣ шотландецъ не рѣшался искать всхода на верхъ, онъ даже боялся пошевелинуться, такъ ничтожно было пространство, которое занималъ Томъ.

Почти лишенный твердости и изнемогающій отъ холода, онъ дождался наконецъ перваго разсвѣта. Радость его не имѣла предѣловъ, когда онъ замѣтилъ, что по выдавшимся кремнямъ еще есть надежда выбратъ на площадку. Эта находка совершенно возвратила силы и бодрость Тому. Не теряя ни минуты, онъ съ обычною своею ловкостію вцѣпилъ въ пер-

вый камень, повисшій надъ его головою, съ него прыгнулъ на другой, и почти съ воплемъ восторга ухватился за закраину площадки. Едва только Томъ выбрался изъ своей страшной могилы, какъ что-то съ шумомъ рухнуло на дно пропасти. Томъ не могъ не заглянуть въ бездну, и поблѣднѣлъ при мысли о страшной смерти, которая за минуту грозила ему: упавшая глыба была та самая, на которой шотландецъ провелъ день и ночь.

— Ну, Томъ, сказалъ самъ-себѣ матросъ, выразительно тряхнувъ головою: ты еще живъ... Развѣ для счастья Ростиньяка, продолжалъ онъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, я долженъ протянуть ему руку дружбы... Онъ простить меня, хотя я и безсовѣстно поступилъ съ нимъ... Пусть его владѣть моими сокровищами и Аксани!.. но праву нашего договора на смерть, и то и другое принадлежитъ ему, первое даже самъ постраюсь передать ему изъ рукъ въ руки... быть-можетъ и подѣлиться. Однакожь, немножко странно! думалъ Томъ, какъ и кто могъ полоснуть меня кинжаломъ въ бокъ; кто этотъ непрошенный помощникъ моего друга! Неужели подлый заговоръ... Фу! не можетъ-быть! Ростиньякъ невиноватъ... Вѣдь не онъ, а я его вызвалъ на поединокъ; къ тому же наше объясненіе началось и кончилось такъ скоро, что мы не имѣли времени встрѣтить свидѣтеля.

Разсуждая такимъ-образомъ, Томъ спустился со скалъ и направился къ аулу Гацаль-Шеуды. Едва онъ только миновалъ овраги, тянувшіеся по правую сторону тропинки, какъ чей-то протяжный стонъ заставилъ его осмотрѣться кругомъ. Стонъ повторился, и вслѣдъ за тѣмъ чей-то слабый голосъ назвалъ матроса по имени.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Я... Гиикъ... твой старый товарищъ—матросъ Боддена! При этомъ отвѣтъ Томъ, подойдя къ оврагу, замѣтилъ въ немъ окровавленнаго и избитаго горца...

— Гиикъ! вскричалъ онъ, съ недоумѣніемъ посматривая на трупъ Увяджа, валявшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знакомаго матроса... Ты въ этихъ горахъ! раненъ!..

— Просто весь изломанъ, Томъ... кости какъ въ мѣшкѣ... насилу очнулся, но встать не могу... Помоги мнѣ...

— Изволь, изволь, товарищъ, хоть я и самъ не совѣмъ-то цѣлъ... Но скажи, сдѣлай милость, кто такъ мастерски переломалъ твои ребра?..

— Упалъ со скаль...

— О! Ну, съ улыбкой отозвался Томъ: вотъ выдался денекъ... Два почтенныхъ челоуѣка, два сослуживца Боддена, проплясали лезгинку на воздухъ...

— А еще то кто?

— Я душенька—Гиикъ... сию минуту выбрался только изъ гроба.. Но какъ ты попалъ въ эти трупы?

— Съ Бодденомъ.

— А онъ развѣ здѣсь?

— Нѣтъ, теперь... не думаю.

— Но былъ, ты говоришь.

— Да, какъ же... со всеми своими молодцами.

— Зачѣмъ?

— Обобрать ауль Гацаль-Шеуды...

— Какъ! Ограбилъ?

— Точно такъ, почтенный Томъ... Видишь этого наѣздника?

— Ну?

— Онъ защищалъ свой ауль. Я съ нимъ схватился и полетѣлъ внизъ... вышло на повѣрку, что мои кости покрѣпче его.

— Но что ты говоришь Гиикъ... Возможно-ли! ауль ограбленъ...

— До чиста... хоть шаромъ покати.

— И женщины!..

— Да — все взято, что можно было взять...

— Неужели онъ завладѣлъ Аксанью!

— А не знаемъ... Мало ли тамъ было женщинъ, гдѣ-жѣ знать— какъ ихъ звать каждую..!

— Ахъ бѣдный Гацаль-Шеуды!

— Бѣдный! Вотъ еслибы онъ не былъ богаче насъ, такъ до него бы и не добрались... Боддену не такъ нужны были плѣнницы, какъ самъ еврей и его бумаги... Говорятъ въ нихъ дива дивныя!

— Постой, постой душечка Гиикъ; рассказъ твой становится занимательнымъ и для меня особенно интереснымъ... Пойдемъ въ ауль...

Если въ немъ все обобралъ Боденъ, такъ вѣрно же хотъ сакли оставилъ намъ.

— Но я не могу двинуться съ мѣста, Томъ...

— Попробуй... держись зя меня.

— Не могу.

— Такъ что-жь мнѣ съ тобой дѣлать?

— Подставь плечи, голубчикъ Томъ... Ужь позволь осѣдлатъ тебя!

— Развѣ изъ человѣколюбія... изволь.

Громадный Томъ нагнулся, принялъ на широкую свою спину тяжелую ношу, и перекидываясь съ товарищемъ отрывистыми фразами—принесъ его въ ауль.

Старые знакомцы расположились въ харемѣ. Какъ и первыхъ посѣтителей, ихъ не мало изумило невниманіе наѣздниковъ къ богатому украшенію роскошной клѣтки плѣнницъ.

— Вотъ, что называется истиннымъ комфортомъ! весело вскричалъ Томъ, котораго никогда и ничто не печалило.... Посмотри ка, дружище, продолжалъ онъ, бережно положивъ своего грязнаго товарища на мягкой и щегольской диванъ.... вѣдь мы съ тобою можемъ провести день и два здѣсь такъ, какъ намъ и во снѣ не грезилось... Мягкіе диваны, курильницы,—отличныя стамбулки и лучшій табакъ....

— Все это прекрасно, Томъ, перебилъ товарищъ.... Лежать мы можемъ очень удобно и мягко, курить вкусно, да не мѣшало-бы что-нибудь скушать, а главное вышить.... Какъ ты думаешь?

— Все это явится.... Ышь по горло, пей до пьяна....

— Ну, а съумѣешь-ли ты сдѣлать мнѣ перевязку?

— Случалось.... Съ нее-то мы и начнемъ; но прежде, — извини, загляну въ подполье мазанки Гапаль-Шеуды; тамъ, въ былое время—оставался порядочный запасъ копченаго оленя, нѣсколько бутылочекъ бѣлаго рому....

— Рому! съ невыдержаннымъ восторгомъ вскричалъ Гиикъ. . Ахъ, Томъ, какъ-бы это хорошо. А! нѣсколько бутылокъ!...

— Прибавь къ нимъ еще боченка два абхазскаго меду!

— Прелестъ, прелестъ!... олень, ромъ, медъ! Иди, иди скорѣе Томъ—объ перевязкахъ послѣ!

Вкусы двухъ пріятелей совершенно отвѣчали одинъ другому, и по-

тому Томъ, внимательный къ просьбѣ товарища, тотчасъ-же отправился исполнить ее во всей точности.

Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ расторопный шотландецъ явился съ огромнымъ кускомъ мяса и двумя бутылками рому.

— Ну, сказалъ онъ, — теперь за перевязки; къ тому-же, не мѣшаетъ и мнѣ побезпокоиться о своей ранѣ. Поднимись — Гиикъ.... Вотъ такъ.... Ну, вѣдь вывиховъ у тебя нѣтъ?...

— О, разумѣется! Куда жъ-бы я съ нимъ годился?

— Стало-быть, только ушибы и царапины?

— Да.

— Покажи-ка.... У! да дѣло дрянъ.... Зачѣмъ перевязки.... Лежи только смирно.... Вышей побольше и покрѣпче усни, — а завтра хоть опять новый скачекъ....

— Ты думаешь?

— Право.... лежи. А вотъ мнѣ такъ нужно бинтъ и клочекъ корпіи.

Съ этими словами Томъ осмотрѣлъ свою рану, и съ самодовольною улыбкою сказалъ:

— Этакой дрянной ударъ!... въ кость.... маленькая царапина.... Ничего ненадо! Будемъ пить Гиикъ.

— Начнемъ, товарищъ.

Такимъ-образомъ, послѣ медицинскаго осмотра, пріятели выпили по доброму азарпешу рома и, какъ некормленные волки, напали на оленину.

— И такъ, началъ Томъ, утоливъ первые порывы своего голода — и предлагая новый тостъ за общее здоровье, — ты говоришь, что Бодень здѣсь?

— Здѣсь.

— Что-же его заставило остаться въ этихъ горахъ?

— Маленькая непріятность.... Судно его разбилося, въ началѣ этаго мѣсяца, — въ виду Дранды. Къ счастью, онъ успѣлъ спасти свои деньги и свой экипажъ, но потерялъ кочерму и грузъ....

— А богатый былъ грузъ, Гиикъ?

— У! все шолкъ, да оружіе... Ну, вотъ въ числѣ погибавшихъ былъ и я.... Ночью мы выбрались на берегъ.... Подъ Драндою, въ абазинскомъ селеніи, Бодень нанялъ нѣсколько саклей и размѣстилъ

насъ, думая дожидаться весны, купить кочерму, и снова приняться за дѣло.... Прошло нѣсколько дней, какъ однажды ночью на нашъ берегъ, послѣ страшной бури, разыгравшейся еще съ вечера—выкинуло раздробленный каякъ. Въ немъ мы нашли полумертваго мавра, который оказался командиромъ погибшей кочермы. Его перенесли въ саклю Боддена, отогрѣли, оттерли и развязали языкъ. Бодденъ и мавръ узнали другъ друга. Они были давно знакомы между собою, и часто помогали другъ другу въ торговыхъ оборотахъ.... Нашъ командиръ принялся ухаживать за больнымъ другомъ, какъ за ребенкомъ — но помощь и старанія его были напрасны. За нѣсколько часовъ до своей смерти мавръ подзвалъ къ себѣ Боддена и сказалъ:

— Благодарю, добрый человекъ, за твои заботы и ласку.... Чувствую, что мнѣ ужъ не жить, и хочу за услугу заплатить тебѣ услугою. На дняхъ одинъ изъ моихъ матросовъ, твой землякъ, вѣроятно, погибшій съ кочермою, объявилъ мнѣ тайну, которая, если ты слыхалъ о сокровищахъ, зарытыхъ въ Тескольскомъ ущельи,—указываетъ мѣсто этихъ сокровищъ....

— Ну, ну? проговорилъ Томъ.

— Ну, — Бодденъ, много наслушавшись объ этихъ сокровищахъ — наострилъ разумѣется уши.... Мавръ, задыхаясь въ предсмертной мукѣ, продолжалъ: Тайну эту, кажется, только знаютъ трое: матросъ, я и еврей Хунзах-Гарскихъ пещеръ — Гацаль-Шеуды, который разгадалъ ее при помощи кабалистическихъ книгъ....

— Знаю! знаю его! вскричалъ Бодденъ.

— Ну, такъ слушай же меня, продолжалъ черный, и не пророни ни одного слова... Въ ночь луннаго затмѣнія...

Здѣсь дыханіе умирающаго сдѣлалось прерывисто, онъ судорожно вздрогнулъ, языкъ его онѣмѣлъ, и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало.

— Какъ! только? вскричалъ Томъ.

— Да.

— Такъ вотъ тому причина, почему Бодденъ раззорилъ ауль Гацаль-Шеуды!

— Именно. Съ той ночи, въ которую мы зарыли на берегу моря трупъ мавра — нашъ шкиперъ лишился сна, аппетита и покоя... Онъ не могъ разстаться съ мыслью о сокровищахъ... Она не выходила изъ его

головы, сосала его сердце, и онъ рѣшился узнать тайну Тескольскаго ущелья. Мнѣ только довѣрилъ Боденъ свой планъ и свои мысли. Я одобрилъ ихъ; не потому, чтобы желалъ золота... Нѣтъ! Но скука одолѣвала меня: я не видѣлъ конца нашей лѣни и бездѣйствію, и подакнулъ моему пріятелю. Планъ его заключался въ томъ, чтобы запугать Гацаль—Шеуды и выпытать изъ него тайну, а чтобы положиться на помощь нашихъ горцевъ, мы рѣшились обѣщать имъ богатую добычу;—въ чемъ и не ошиблись...

— Правда, правда... До сорока женщинъ составляли богатства еврея... Такъ вотъ какъ! Ну, скажи ка теперь пріятель, продолжалъ Томъ: тебѣ неизвѣстно, гдѣ мы можемъ встрѣтить Бодена?

— Знаю. У насъ, на всякій случай, назначено сборное мѣсто, въ горномъ аулѣ, на *Хыцкорвѣ* *. Тамъ у Бодена задушевныхъ кунаковъ не перечесть... Къ тому же вѣдь надо гдѣ—нибудь пріютиться... Скоро ли изъ жида онъ вытащитъ тайну?...

— Вотъ это справедливо... Нескоро, поручусь головой!

— Ты вѣрно хорошо знакомъ съ Гацаль—Шеуды?

— Знакомъ съ евреемъ, да прибавлю кстатѣ и то, что еврей на столько жѣ знаетъ тайну Даміановскаго завѣщанія — на сколько ты и самъ Боденъ.

— Будто бы?

— Ужъ повѣрь мнѣ. А кто именно знаетъ это, на того я укажу сейчасъ... вышьемъ—ка дружище!

И бесѣдующіе снова осушили по изрядной порціи любимаго напитка

— Тайною Даміановскаго завѣщанія, торжественно сказалъ Томъ, владѣю—я!... Да! Что ты вытаращилъ на меня такъ страшно глаза, какъ будто—бы хочешь ухватить меня за горло и потомъ заглянуть кнѣ въ карманъ... Я не лгу, товарищъ... Тотъ матросъ, о которомъ говорилъ умирающій мавръ—никто другой, какъ твой пріятель Томъ.

— Но какъ же, душа моя, тебѣ посчастливилось сдѣлаться наследникомъ скряги грузина?

— Ну — это длинная исторія, о которой и вспоминать не стоить... Къ тому же разсказъ неинтересенъ. А вотъ, ты скажи мнѣ, когда вы ворвались въ аулъ, не встрѣтился ли тебѣ молодой, красивый человѣкъ?

* Такъ называется одинъ изъ большихъ рукавовъ р. Кодора. Хыцкорвѣ отдѣляется въ южныхъ предѣлахъ цибельдинскаго округа, и въ горныхъ тѣнинахъ бѣжитъ на сѣверъ.

— Нѣтъ. За это могу поручиться... Защитники Гацаль-Шеуды не могли похвастать красивою наружностію. Это именно были люди, съ которыми опасно оставлять хорошенькихъ женщинъ.

— Жаль, если твои товарищи уходили этого молодца...

— Не можетъ быть... Говорю тебѣ, что всѣхъ защитниковъ аула счетомъ было четыре.

— Хорошо, это мы скоро узнаемъ. Если онъ живъ — то вѣрно бросился по слѣдамъ Бодена, и мы его встрѣтимъ на Хыцкорвѣ, если же не тамъ, есть еще мѣсто, гдѣ намъ неизбежно быть вмѣстѣ, — именно въ Тескольскомъ ущельѣ. Тайною мы владѣемъ вмѣстѣ, съ тою только разницею, что лоскутъ завѣщанія въ его рукѣ... А я слышалъ, что никто такъ скоро не завладѣетъ сокровищемъ, какъ тотъ у кого именно находится это завѣщаніе... Выпьемъ дружище! И уснемъ... Во всякомъ случаѣ я не уйду отсюда до-тѣхъ-поръ, пока мы не выпьемъ всѣхъ боченковъ съ медомъ; къ тому же и ты врядъ ли поднимешься скоро...

— А вотъ увидимъ, что скажетъ покойный сонъ... Прощай Томъ.

— До перваго просонья Гинкъ.

Скоро въ опустѣломъ харемѣ раздалось дружное храпѣніе двухъ друзей, на этотъ разъ не въ мѣру подгулявшихъ.

III.

АБРЕКИ.

Между-тѣмъ, какъ Томъ кейфовалъ на просторѣ въ аулѣ Гацаль-Шеуды, путники наши Галискаръ и Ростиньякъ были уже далеко отъ Хунзахъ-Гара. Они скоро открыли слѣдъ, который оставилъ за собою конный караванъ наѣздниковъ. Проходя скалами и пустынями, которыя тянутся къ востоку отъ Хунзахъ-Гара, Галискаръ, знакомый съ мѣстностію, скоро убѣдился, что хищники держатъ путь на сѣверо-восточную сторону Цибельды, къ одному изъ-надъ рѣчныхъ ауловъ.

Въ горахъ сѣверной Абхазіи — зима и осень бываютъ чрезвычайно непостоянны. Часто въ два дни совершаются въ погодѣ разительныя перемены: случается, что вчерашній холодъ — на утро другого дня смѣняется нестерпимымъ зноемъ. А потому и не удивительно, что странники наши, испытывая двое сутокъ жестокой холодъ и почти не выходя изъ мокраго платья, на третій день едва могли подаваться впередъ, измученные зноемъ полдневнаго солнца. Къ тому же равнина не представляла ни одного предмета, за которымъ бы можно было укрыться отъ палящихъ лучей солнца и отдохнуть. Ростиньякъ шелъ медленно и въ раздумьи—опустивъ на грудь голову, какъ между-тѣмъ Галискаръ, безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ, останавливая испытующее вниманіе на каждомъ встрѣчномъ предметѣ. Лицо перваго выражало утомленіе и сильное душевное страданіе— послѣдній казался озабоченнымъ.

— А!.. нашель! съ восторгомъ вскричалъ Галискаръ. . Смотри, душечка Ростиньякъ...

— Чтò тамъ такое! какъ-будто нехотя отозвался молодой человекъ на слова своего товарища.

— Открылъ слѣдъ, который мы думали, что для насъ снова потерянъ.

При этомъ извѣстіи лицо молодаго человека ожило, и улыбка удовольствія скользнула на его тонкихъ губахъ.

— Гдѣ, мой другъ Галискаръ, гдѣ ты его видишь?

— Вотъ обгорѣлыя сучья чинара и сосны... вотъ еще... гляди дальше тоже самое...

Въ-самомъ-дѣлѣ, не было никакого сомнѣнія, что на этомъ мѣстѣ отдыхала большая партія путниковъ. Разбросанные и закопченные камни, обгорѣлыя головни, нѣсколько оставленныхъ и вбитыхъ въ землю кольевъ, на которыхъ подвѣшивались, вѣроятно, походные котелки, все это оправдывало догадку Галискара. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, путники совершенно увѣрились въ истинѣ своего предположенія, когда должны были вступить на песчаную тропинку, изрытую конскими копытами.

— Ну, Галискаръ, сказалъ Ростиньякъ, я теперь оживаю... Шутка-ли, цѣлыя сутки мы шли на удачу, не встрѣчая ни одного слѣда... Слава Богу! Теперь я снова готовъ идти безъ усталости, несмотря на истомленіе, жажду и этотъ жестокой зной...

— Не мѣшало бы отдохнуть немного... Въ настоящую минуту мы спокойны и намъ — необходимъ сонъ, чтобы подкрѣпить свои силы.

— Но неужели ты рѣшишься расположиться въ этой степи, гдѣ солнце прожигаетъ темя насквозь?

— Нѣтъ... Вонъ погляди направо, у скалъ, передъ нами открывается роца и, какъ мнѣ помнится, именно при входѣ въ нее пробѣгаетъ ручей... Если онъ невысохъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я познакомился съ нимъ, а тому уже прошло лѣтъ восемь, то мы съ тобою совершенно счастливы.

Ростиньякъ не отвѣчалъ. Удовольствіе его было такъ велико, что онъ весело кивнулъ головою и прибавилъ шагу. Скоро товарищи, подстрекаемые надеждою на удобный отдыхъ въ тѣни самшита, вступили въ густую роцу.

— Садись, Ростиньякъ, вотъ въ этомъ оврагѣ насъ не увидитъ ни чей глазъ, и этотъ кудрявый можжевельникъ, поросшій по краямъ ямы, будетъ служить намъ непроницаемою крышею... Садись, ты усталъ болѣе моего... а я между-тѣмъ принесу воды.

Услужливый Галискаръ скоро явился съ запаснымъ кувшиномъ, и утоливъ свою жажду, путники раздѣлили между собою по горсти проса, растянувшись на сырой землѣ.

Ихъ незавидное положеніе и микроскопическое удобство, которымъ они теперь пользовались, казались имъ выше всякаго счастія.

— Знаешь-ли что, дорогой мой, весело и съ особеннымъ радующіемъ началъ Галискаръ, дружески ударивъ по плечу своего товарища... Я тебѣ скажу еще пріятную новость...

— Говори, говори, Галискаръ; въ нашемъ положеніи всякій намекъ на удачу есть уже большое счастіе...

— А вотъ что... Теперь я не сомнѣваюсь болѣе, что мы рѣшительно попали на прямой слѣдъ похитителей...

— Ты увѣренъ?..

— Увѣренъ. Сейчасъ, проходя къ ручью, я разглядѣлъ слѣды копытъ; эти слѣды тянутся къ ущелью, въ концѣ котораго видно, какъ на солнцѣ сверкаетъ рѣка... Если хищники переправились черезъ нее, то ужъ тутъ до нихъ два шага... Я наперечетъ знаю веѣ зарѣчныя аулы, раскинутыя по передовому предгорью...

— Ну, а если они не переправились?..

— Не можетъ быть этого. На этой сторонѣ Хыцкорвѣ нѣтъ никакого жилья, и развѣ въ здѣшнихъ горахъ скитаются одни отчаянные абреки, съ которыми не дай Аллахъ намъ встрѣтиться... Этотъ народъ, просто сказать, хуже самаго шайтана... ни чести, ни жалости, ни души, ровно ничего въ нихъ нѣтъ... У нихъ и на кинжалахъ понаписаны такія правила, что волосъ дыбомъ встанетъ, какъ прочтешь иное изрѣченіе... Ну ихъ, и говорить-то про нихъ не впору, не хорошо... Лучше, если нѣтъ охоты уснуть, перемолвимъ слова два объ Аксани...

— Не напоминай мнѣ о ней добрый Галискаръ...

— А что-же?

— Сердце разрывается на части, плакать хочется...

— Вотъ и она точно также говорила, когда я бывало напомнимъ о тебѣ.

— Какъ, развѣ она вспоминала когда-нибудь обо мнѣ?..

— Эге... Вотъ, говорю точно также, какъ и ты, бывало, просить: Ахъ, Галискарushка, не говори мнѣ о немъ, а сама кстати и не кстати—все о тебѣ...

— Возможно ли, Галискаръ!

— Да ужъ очень возможно... Посмотрѣлъ бы ты на нее, какъ она въ первое время пріѣхала съ отцомъ изъ Трапезонда... Узнать нельзя было бѣдняжку! Скучная... ни съ кѣмъ ни слова; бывало войдешь къ ней въ саклю неожиданно — сейчасъ чадру на глаза. «Что ты, Аксани, скажу ей бывало, зачѣмъ отъ меня прячешь твои свѣтленькіе глазки?» — «Такъ» говоритъ. А чего такъ: на глазахъ-то слезы. Вотъ однажды я сѣлъ у ногъ ея, взялъ ея чангуръ, ударилъ въ струны, и запѣлъ о томъ, какъ прослыла Гум-Амхейская скала «Дѣвичью скалою», и рассказалъ ей, какъ бросилась въ пропасть съ этой скалы бѣдная Рити, у которой жениха отняла вражеская пуля. Не выдержала Аксани, склонила головку и зарыдала.

— Что съ тобою, Аксани? спросилъ я.

— Ахъ, Галискаръ... Право мнѣ кажется и наши скалы скоро будутъ называться Дѣвичью скалою... Скучно мнѣ, грустно мнѣ, Галискарushка, пожалѣй твою Аксани.

— Но отчего же тебѣ скучно? спросилъ я.

— Не знаю. Не тосковало мое сердце такъ, когда я была въ неволѣ, какъ тоскуетъ оно теперь...

— Э! Аксани, возразилъ я, вѣрно на тебя долго и ласково по-
смотрѣлъ кто-нибудь изъ нашихъ набѣдниковъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Галискарушка...

— Ну такъ вѣрно въ Трапезондѣ?

— О, нѣтъ! Я скажу тебѣ кто онъ... скажу, Галискаръ. Ви-
дишь ли, когда мы переправлялись изъ Трапезонда въ горы, на кочер-
мѣ Измаиль-Русстама... Я встрѣтила тамъ молодаго грека, Муврахи-
ли... Онъ матросъ, Галискаръ... Но какой мужчина... Ахъ, никогда
еще ни одна изъ нашихъ красавицъ не встрѣчала такихъ глазъ, такого
взгляда... И какой онъ долженъ быть добрый...

— А почему ты это знаешь? спросилъ я.

— Да ужъ такъ, знаю... Это видно. Право, Галискаръ, онъ очень
добрый... Когда я уходила, подаривъ ему свою лютню, онъ заплакалъ...
сказавъ это Аксани сама зарыдала.

— Такъ вотъ о чемъ ты грустишь? замѣтилъ я.

— Да, отвѣчала она, и всегда буду грустить о немъ.

— Ну, не всегда, еще немного времени, и хорошенькій Муврахили
позабудется.

— Никогда! Никогда! вскричала она запальчиво. Въ эту минуту
глаза ея разгорѣлись, какъ у тигренка. Никогда! повторила дѣвушка...
Я не могу забыть его; онъ не отходить отъ меня... Сорву ли я ви-
ноградную вѣтку и, когда люблюсь ей, мнѣ часто думается: вотъ эту
сочную ягоду я подарила бы моему Муврахили; надѣваю ли новую щеголь-
скую феску, подарокъ отца, мнѣ даже плакать хочется, что въ этомъ
нарядѣ онъ не видитъ меня... Часто одна... Галискаръ, съ улыбкой
печальнаго сознанія добавила она, я долго и много говорю съ нимъ.

— О чемъ же вы говорите? спросилъ я.

— Да о чемъ!.. Извѣстно о чемъ.

— Да однако...

— Ахъ, какой ты... Ну спрашиваю: любить ли онъ меня...

— А онъ что?

— Люблю, говорить.

— Ну и потомъ?

— Потомъ я ему что-нибудь рассказываю...

- Ну а онъ?
- Онъ слушаетъ.
- А самъ ничего не говоритъ?
- Нѣтъ, говоритъ иногда.
- Что же онъ говоритъ.
- Да все.
- Какъ это все?..
- Ну, на примѣръ; я его спрашиваю: цѣла ли моя лютня?
- Что же онъ?
- Цѣла говоритъ... Я на ней играю и пою про твои глаза, Аксани, про твою улыбку...

Послѣ того, какъ Аксани сдѣлала мнѣ такое признаніе, я постоянно бесѣдовалъ съ нею о тебѣ. Мы говорили, какъ ты хорошъ, какъ бы она была счастлива, еслибы съ тобою встрѣтилась.

Наконецъ, когда она была спасена тобою въ балкѣ отъ кабана... О, этой минуты я никогда не забуду. Она прибѣжала, кинулась ко мнѣ на шею, и рыдая вскричала: Галискарушка бѣги — онъ! онъ, въ нашей балкѣ!

- Кто онъ? спросилъ я.
- Муврахили... Скорѣй! Скорѣй!
- Добрая, милая Аксани! прошептала юноша съ истиннымъ чувствомъ признательности.
- Скажи мнѣ, Галискаръ, спросилъ Ростиньякъ послѣ короткаго молчанія: за что тебя называютъ *дурачкомъ* Галискаркомъ?
- Зато, что я умнѣ другихъ? Моя обязанность быть дуракомъ очень прибыльна.
- Это почему?
- А какъ же? Я всегда съ хорошенькими женщинами, всегда другъ ихъ тайны...
- Ну и только?
- Нѣтъ.
- А какая же еще прибыль?
- Провзжіе купцы потѣшаются моими выходками и даютъ за это

мнѣ абазы... Къ тому же дурака не опасаются—и онъ, иногда, можетъ подслушать то, чего другому умнику не удастся слышать. Но... стой! Я слышу конскій топотъ

Съ послѣднимъ словомъ горецъ прилегъ ухомъ къ землѣ. Дѣйствительно, продолжалъ онъ: по гулу я различаю рысистый бѣгъ двухъ или трехъ коней... Прислушайся.

Ростиньякъ повторилъ маневръ горца.

— Да, сказалъ онъ, теперь я ясно слышу даже и то, что всадники скачутъ по направленію къ рощѣ... Враги или друзья, Галискаръ? добавилъ онъ.

— Увидимъ... Притаись и взведи курокъ винтовки.

Курки легко щелкнули и два стальныхъ дула упали на закраину оврага.

Спустя нѣсколько минутъ, три всадника крупною рысью вскакали въ рощу. Когда они поровнялись съ оврагомъ, въ которомъ скрывались наши путники, одинъ изъ наѣзтниковъ предложилъ минутный отдыхъ товарищамъ.

— Келимъ! Маврухи-Оглы!... вскричалъ онъ... Одну минуту.... подруга ослабла — надо подтянуть ее.

Горцы, въ которыхъ, по ихъ вооруженію и папахамъ, опущеннымъ бѣлою шерстью, нетрудно было признать хищныхъ абрековъ — сдержали своихъ коней; и въ то время, какъ говорившій спрыгнулъ съ сѣдла, занявшись исправленіемъ подруги, — передовые товарищи начали перекидываться отрывистыми вопросами и отвѣтами...

— А, вѣдь клянусь моею хоросанскою сталью, сказалъ одинъ изъ нихъ, что этотъ караванъ хорошенькихъ женщинъ, который, проходилъ дни два тому по степи, и между проводниками котораго ты, Маврухи-Оглы, встрѣтилъ своего пріятеля, принадлежитъ гяуру!...

— Правда, правда, Келимъ... Я даже зналъ, когда-то имя этого гяура... Теперь, признаться, забылъ...

— А не знаешь, гдѣ они дѣлаютъ отдыхъ?

— Въ первомъ аулѣ на Хыцкорвѣ — они дѣлаютъ привалъ; это сказалъ мнѣ кунакъ Вурсанъ.

— Э... а поживиться нельзя!

— Въ аулѣ-то! гдѣ у этого гяура такая бездна кунаковъ?... Эге, я думаю нельзя.

— А я такъ ужъ и забылъ объ этомъ лакомомъ кусочкѣ... подхватилъ третій ; оно , сказать положила руку на сердце , не мѣшало бы порѣзаться, да ужъ только не одному же съ пятью наѣздниками...

— Если съ каждаго по мѣткому выстрѣлу , такъ не успѣешь ругнуть врага, какъ и конь и самъ лажешь—пронизанный... насквозь свинцомъ. А вотъ, вы лучше скажете, за что намъ не даются въ руки эти два молодца, у которыхъ такое щегольское вооруженіе и которыхъ второй день не можемъ выслѣдить ?

— Однако-жъ теперь не уйдутъ... я вижу ихъ слѣды...

— И какъ кажется, слѣдъ поворачиваетъ къ ущелью ?

— Нѣтъ , замѣтилъ передовой всадникъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ оврага — слѣдъ направляется къ ручью...

— Да, да ! ты правъ, Муврахи-Оглы, у тебя зоркій глазъ, вскричалъ третій, заноса ногу въ стремя... Только, что это, замѣтилъ онъ, съ недоумѣніемъ осмотрѣвшись кругомъ... Вѣдь путниковъ — двое ?

— Двое, отозвались товарищи.

— Ну, а тутъ, прошу взглянуться—слѣды одного...

— Что жъ мудренаго, что другой прошелъ кустарникомъ !

— Увидимъ , Увидимъ ! Ну , такъ куда же ? за ручей или къ Хыцкорвѣ ?

— По слѣду, Келимъ, по слѣду !

— Ёдемъ-те !

Хищники брякнули звонкою уздечкою, и мелкою рысью направились къ ручью. Скоро голоса ихъ замерли въ рошѣ, изрѣдка отдаваясь только отдаленнымъ эхомъ. Путники наши не проронили ни одного слова изъ разговора абрековъ.

— Что, товарищъ, вѣдь это до насъ добираются ! сказала Галискаръ, когда уже не слышно было конскаго топота.

— Да... сказать откровенно, я не желалъ бы встрѣтиться съ этими бѣлошапочниками.

— Вѣрно эти негодяи ослѣпили на время... Не можетъ-быть, чтобы опытный глазъ не разглядѣлъ нашихъ слѣдовъ къ оврагу !

— Правда... эти молодцы рѣшительно или пьяны, или слѣпы.

— Ну, теперь товарищъ не до сна, надо спѣшить за рѣку... Аб-

реки не всегда теряют свое чутье, и чрезъ полчаса они должны вернуться, потому-что за ручьемъ нашихъ слѣдовъ нѣтъ, да я думаю и никакихъ... Кто пойдетъ въ эту трущобу? Переправа не будетъ трудна, вправо отъ ущелья я знаю бродъ...

— Былъ, но можетъ быть его нѣтъ? съ видомъ сомнѣнія спросилъ Ростиньякъ.

— Какъ же нѣтъ; разумѣется есть!...

— Я думаю, что эти потоки съ горъ, падающіе отъ растопленныхъ солнцемъ снѣговъ — могли увеличить глубину рѣки...

— А, вотъ увидимъ!... Скорѣе товарищъ... винтову за плечо и въ путь... время дорого! Спасибо—абрекамъ, весело добавилъ Галискаръ, за то, что проболтались и высказали намъ, гдѣ останавливается караванъ.

— Да, да... въ первомъ аулѣ, за Хыцкорвою.

Друзья оставили оврагъ, и ускореннымъ шагомъ направились къ ущелью.

Рѣка была совершенно спокойна, когда путники достигли ея крутаго берега. Послѣ утомительнаго однообразія степи, Ростиньякъ съ наслажденіемъ любовался теперь надрѣчными видами. Справа и слѣва тянулись скалы, вставая, въ отдаленіи синѣющимъ полукругомъ. Тропинки, проторенныя на нихъ, казались чернеющими трещинами—рядомъ съ которыми ясно вырисовывался пожелтѣвшій мохъ... далѣе, скала сглаживалась, принимая форму зубчатыхъ обрывовъ, на которыхъ лежалъ дѣвственный снѣгъ, доступный только солнечному лучу, и не тронутый ни ногою человѣка, ни звѣря. Изрѣдка, на среднемъ скатѣ этихъ скалъ появлялся или легкій туръ, или стройная дикая коза, быстро перелѣтавшія черезъ пропасти, когда надъ ними раздавался свистъ широкаго крыла карагута... За легкой зыбью Хыцкорвы открывался крутой и обрывистый ея берегъ, заросшій сплошною массою самшита... За нимъ, на предгорьяхъ, — чернѣлись сакли раскиданныхъ ауловъ...

Между-тѣмъ, какъ Галискаръ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ берегъ, стараясь найти знакомый предметъ, по которому могъ бы узнать мѣсто брода — Ростиньякъ спустился къ рѣкѣ. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ по обрыву, какъ неожиданно наткнулся на ветхую лодку—вытащенную на отмель. Несмотря на ея пробоины и бѣлую плесень, покрывавшую борта и дно, что доказывало давнюю ея негодность къ употребленію, молодой человѣкъ не могъ не вскрикнуть отъ радости...

— Галискаръ! Сюда! Есть переправа! вскричалъ онъ.

Горецъ, который, не находя брода, терялъ уже надежду быть за рѣкою, въ свою очередь, не могъ не отвѣтить восторгомъ на восторгъ Ростиньяка.

— Не всегда и такъ кетати встрѣчается удача, сказалъ онъ, осматривая долбленный каякъ, выдѣланный изъ одного куска самшита... Ну, Ростиньякъ, ободрись! — продолжалъ онъ: вѣрно насъ ждетъ въ аулѣ удача... Принимайся за работу... Во-первыхъ — я постараюсь заткнуть щели, а ты, между-тѣмъ, вырѣжешь кинжаломъ драпку отъ борта, которая намъ замѣнитъ весло.

Съ этими словами горецъ, выдравъ подкладку изъ своей кабардинки и черкески — съ искусствомъ знатока и мастера принялся за дѣло.

Работа шла быстро, Весло было готово, на долю Галискара труда оставалось уже немного, какъ въ эту минуту — громко раздавшійся въ ущельи конскій топотъ заставилъ нашихъ путниковъ схватиться за винтовки и спустить каякъ на воду.

— Скорѣе! все готово... Оттолкнись, Ростиньякъ... Это хищники, абреки...

— Они! они, Галискаръ! вскричалъ молодой человекъ, указывая на трехъ наѣзтниковъ, быстро достигавшихъ берега...

— Проклятые!.. Обнюхали! проворчалъ горецъ, выправляя оружіе свое. Живѣе... вотъ такъ, товарищъ!.. Ага, пошла!.. Ну, кажется, мы уйдемъ... Эге!.. смотри — берегись! хищники вынимаютъ изъ чухла винтовки...

— Сдайтесь! Будемъ стрѣлять по васъ, раздалось съ берега.

— Работай, Ростиньякъ, сильнѣе... а я между-тѣмъ займусь разговорами съ этими пріятелями.

— Чтó вы говорите, честные джигиты? крикнулъ онъ.

— Сдайся! повторилъ передовой абрекъ.

— Чтó? Говори громче!

— Сдайся... Будемъ стрѣлять...

— Чтó! Не слышу!.. Стрѣлять? А! Работай—Ростиньякъ... такъ, такъ!.. Только уйти отъ выстрѣла, а тамъ я и самъ пошлю имъ гостинецъ — моя бѣта далеко и мѣтко.

Но Галискаръ не успѣлъ еще кончить послѣднихъ словъ, какъ двѣ пули свиснули надъ его головою и пронизали кабардинку.

— Проклятые! вскричалъ Галискаръ, въ то время, какъ два выстрѣлившихъ абрека повернули коней, чтобы снова зарядить винтовки... Я вѣриѣ васъ на прицѣль! крикнулъ онъ — и пуля его ссадила третьяго абрека съ коня... Вотъ такъ, голубчики! сказалъ онъ, въ то время, какъ крикъ угрозы и ярости раздался на берегу.

— Теперь, живо! Ложись Ростиньякъ на дно лодки—эти разбойники ложатся за камни съ намѣреніемъ насъ обстрѣливать... Наше положеніе незавидно!

Въ-самомъ дѣлѣ одинъ изъ прибережныхъ камней одѣлся дымомъ и лодка дрогнула, пробитая въ бортъ.

— Мѣтки разбойники! Лежи, не шевелись Ростиньякъ, сказалъ Галискаръ.

— Мы погибли—товарищъ, отозвался молодой человѣкъ: я замѣчаю, что насъ несетъ обратно.

— Эге! Постой!.. Попробую подняться. Но едва только кабардинка Галискара обрисовалась надъ бортомъ лодки, какъ выстрѣлъ повторился.

— Вотъ это ужъ изъ рукъ вонъ, какъ не хорошо! съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ замѣтилъ Галискаръ... Клянусь крашеными ноготками моей прабабушки, что эти негсдаи затѣваютъ—какую нибудь хитрую штуку.

— Просто они ждутъ, когда насъ прибьетъ къ берегу.

— Ну, нѣтъ... на это они не совсѣмъ могутъ рассчитывать — вѣриѣ, что насъ несетъ по теченію... вотъ и теперь — замѣчай по берегамъ... мы почти держимся середины...

— Однако-жъ — все ближе къ врагамъ...

— Постой Ростиньякъ... Надо быть осторожнымъ: я знаю этихъ молодцовъ, они изобрѣтательны... Вотъ что надо сдѣлать: просверлить кинжаломъ въ бортѣ отверстіе и наблюдать враговъ.

Не теряя ни минуты, Галискаръ исполнилъ свое намѣреніе.

— Вотъ, видишь ли ты... сколько теперь у насъ новостей, сказалъ онъ... Во-первыхъ: моя догадка сбылась...

— Что же такое?

— Одинъ изъ абрековъ бросился съ конемъ вплавь... Вѣренъ расчетъ... Молодецъ, зная что мы не смѣемъ поднять головы — думаетъ притянуть нашу лодку къ берегу... Умно!

— Такъ не ссадить ли его, Галискаръ?

— Погоди. Пусть его поджигитуеть... выждемъ, когда онъ будетъ поближе... Вторая новость... на скалахъ я вижу еще двухъ горцевъ, они идутъ, если не ошибаюсь, на помощь къ абрекамъ—и одинъ изъ нихъ... Ну, право, съ изумленіемъ сказалъ Галискаръ — если бы не я самъ видѣлъ, какъ онъ слетѣлъ въ Хунзахъ—Гарскую пропасть, изъ которой еще не вылезалъ никто... я принялъ бы его за твоего друга Тома.

— Возможно ли!

— Взгляни самъ.

Ростиньякъ заглянулъ въ отверстіе.

— Удивительно, сказалъ онъ: Томъ, совершенный Томъ... Его ростъ, его манера... Лица разглядѣть нельзя только...

— Да и зачѣмъ?... Тому ужъ не гулять больше въ нашихъ скалахъ! Ты, я думаю, вѣришь этому?

— Нельзя не вѣрить, грустно замѣтилъ Ростиньякъ: я самъ видѣлъ его паденіе, самъ слышалъ, какъ оторванные съ мѣста глыбы земли упали на его разможенное тѣло...

— Ну, что ты еще видишь, Ростиньякъ? нетерпѣливо спросилъ Галискаръ.

— Путники остановились и наблюдаютъ абрековъ... Я теперь могу почти разглядѣть лица этихъ двухъ незнакомцевъ...

— Какая намъ до того надобность... Что еще?... Наблюдай молодца, который плыветъ къ намъ...

— Еще скажу тебѣ, что врагомъ однимъ стало больше...

— Да что же это, съ досадою вскричалъ Галискаръ, изъ земли они растутъ, или нѣтъ?

— Этотъ врагъ раненый тобою абрекъ... онъ поднялся... заряжаетъ винтовку...

— Плохо... очень не хорошо... Ну, а тотъ, который ѣдетъ за нашей пулей?..

— Пора бить его... Онъ на пистолетный выстрѣлъ.

— Эге! А другіе?

— Вышли изъ-за камней...

— Что они?

— О чемъ-то говорятъ... замѣтили двухъ горцевъ, которые идутъ къ нимъ...

— Славно! Пользуйся минутой... Поднимемся вмѣстѣ: я быю плывущаго. Ты стрѣлай въ берегъ...

Курки щелкнули. Галискаръ и Ростиньякъ поднялись. Не прошло и мгновения, какъ плывшій горецъ, прострѣленный въ плечо—вздрыгнувъ на сѣдлѣ и тихо скатился въ воду. Выстрѣлъ Ростиньяка былъ безъ удачи...

Но въ то же время, едва только обрисовалась его фигура въ лодкѣ, какъ два путника — бросились на абрековъ. Между горцами, на берегу, завязалась рукопашная схватка.

— Спасибо имъ, сказала Галискаръ: это вѣрно кровометители!.. Пусть ихъ дерутся, а намъ время дорого... За весло, Ростиньякъ...

Счастливо отдѣлавшись отъ враговъ Галискаръ и его товарищъ скоро достигли противоположнаго берега. Когда они съ трудомъ поднялись на его крутизны и оглянулись, съ намѣреніемъ узнать результатъ начавшейся на берегу схватки, онъ ужъ былъ пустъ и нѣмъ, какъ за два часа до того.

IV.

ПЕЧАЛЬНАЯ НОВОСТЬ.

За Хыцкоровою, раскиданныя по скаламъ сакли абхазскихъ горцевъ, начинаютъ попадаться на глаза уже на вторыхъ предгорьяхъ. Это чрезвычайно бѣдныя селенія, состоящія изъ трехъ и не больше какъ четырехъ жилищъ, ветхихъ, сквозныхъ какъ рѣшота, до отвращенія грязныхъ, и обнесенныхъ иногда мазанковою околицою, иногда просто грудой камней. Вообще видъ нагорнаго абхазскаго селенія наводитъ какую-то грусть... Невольно удивляешься, какъ люди могутъ жить такими микроскопическими обществами въ этихъ страшныхъ трущобахъ, въ вѣчномъ

мракъ лѣса! Ночь еще болѣе увеличиваетъ грустную картину абхазскаго аула. Черныя сакли, едва-ли негерметически закупоренныя, въ которыхъ нѣтъ и признака свѣта, кажутся какими-то курганами; цѣлое селеніе походитъ болѣе на кладбище, чѣмъ на пріютъ живыхъ... Вой собакъ, да иногда, въ немирное время, рѣзкій вскрикъ сторожеваго горца—нарушаютъ молчаніе аула.

Грустно и страшно одинокому путнику проходить въ это время на горной тропинкой. Напуганный слухъ его, каждое мигновеніе, тревожно прислушивается къ завыванью шакалки, къ звону кремня, который, оттолкнутый его ногою, урча прыгаетъ по косогору, или къ говору обнаженной сосны.

Точно такую ночь встрѣтили Галискаръ и Ростиньякъ, переправясь за рѣку.

Нетерпѣніе послѣдняго съ которымъ онъ спѣшилъ узнать что-нибудь объ участи Аксани, было такъ велико, что, не обращая вниманія на свою усталость и изнеможеніе, онъ упрямилъ товарища отложить отдыхъ до прихода въ аулъ—и пуститься въ дорогу.

Лѣсъ и рѣка скоро исчезли за нашими путниками. Они вышли на предгорья.

— Вотъ и аулъ! весело сказалъ Ростиньякъ: слышишь Галискаръ лай собакъ? добавилъ онъ.

— Слышу и даже вижу сакли, которыя твоему глазу трудно отличить отъ глыбы кремней... Но еще путь нашъ не конченъ...

— Еще препятствіе? съ нетерпѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Ну, препятствій, Аллахъ помиловаль, пока еще нѣтъ... Только я думаю, что намъ надо отправиться подальше...

— Это для чего, когда аулъ у насъ передъ глазами?

— Въ этомъ аулѣ, душа моя, всего только три сакли, и здѣсь толпа похитителей не могла ни остановиться, ни размѣстить свою добычу.

— Ты правъ, Галискаръ, идемъ дальше.

Сдѣлавъ еще версты двѣ, путники были обрадованы мелькнувшимъ вдали огнемъ, который, вѣроятно, пылалъ на очагѣ какого-нибудь зажиточнаго абазеха. Черезъ минуту огни начали увеличиваться, и скоро друзья дошли до порядочно-населеннаго аула.

— Вотъ здѣсь, мы вѣрно узнаемъ что-нибудь объ Аксани, сказалъ Галискаръ, отмахиваясь отъ стаи собакъ, которыя громкимъ и неистовымъ лаемъ встрѣтили гостей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши пріятели остановились тутъ.

— Куда же мы пойдѣмъ теперь? спросилъ Ростиньякъ.

— А въ первую встрѣчную саклю. Абхазскій горецъ всегда радъ принять и угостить странника... Смотри Ростиньякъ, будь остороженъ на слово... и не проговорись... Предоставь ужъ мнѣ толковать съ хозяиномъ.

Съ этими словами Галискаръ постучался въ двери крайней сакли.

— Храбрый джигитъ, сказалъ онъ, счастье и благополучіе твоему дому, — бѣдные странники просятъ твоего гостепріимства. За дверьми раздался громкій кашель, и на порогъ показалась сѣдая борода стараго горца.

— Войдите, кунаки, ласково сказалъ онъ: Агури-Мыгда всегда умѣлъ дѣлить свой чурекъ и войлокъ съ странникомъ, хотя-бы онъ былъ кровный врагъ его.

Картина полудикой бѣдной жизни встрѣтила нашихъ путниковъ при первомъ шагѣ за гостепріимный порогъ горца. Небольшая сакля, съ потрескавшимися стѣнами, въ которыя врвался вѣтеръ, освѣщалась двумя сучками самшита, пылавшими на полуразрушенномъ очагѣ. На земляномъ полу было брошено сѣдло и пара войлоковъ, по стѣнамъ шли грязныя лавки. У крошечнаго окна, задвинутаго рѣшеткой—сплетенною изъ лыка, висѣла винтовка, на другой сторонѣ — шашка и пистолеть; тутъ-же, на воткнутомъ въ перекладину кинжалѣ — торчала баранья нога. Старая горянка, полулежа на войлокѣ, расчесывала всклокоченные волосы оборваннаго мальчика, который спокойно дремалъ на колѣняхъ матери.

При входѣ Галискара и Ростиньяка, мальчикъ, не перемѣняя своего удобнаго положенія, открылъ глаза и взялъ старуху за руку.

— Еана (мать), сказалъ онъ, — кунаки пришли.

— Вижу, родной мой, — вижу, отозвалась старуха.

— Давай баранины....

— А, вотъ что отецъ скажетъ.

— Молодецъ — Бачъ! молодецъ! — подхватилъ старикъ: именно такъ, — продолжалъ онъ.... Гости съ дороги — нужень сытный кусокъ барана на голодный зубъ.... Ну, поворачивайся Циркени.... живо!

Старуха принялась за страпню, а маленькій Бачъ подсѣлъ къ гостямъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ досыта налюбоваться богатымъ вооруженіемъ странниковъ.

— Откуда и куда, кунаки?— спросилъ горець; обращаясь къ своимъ гостямъ.

— Изъ Сухума—держимъ путь на Эндери,—отвѣчалъ Галискаръ.

— А! вѣрно купцы?... Вѣрно за красавицами?

— Нѣтъ.... мы занимаемся ремесломъ проводниковъ и идемъ искать тамъ работы.... да вотъ сбились на вашихъ тропинкахъ съ дороги и растеряли коней.

— Эге! въ нашихъ горахъ недолго попасть въ бѣду.... Зазъвайся только. — А жаль, продолжалъ старикъ, — что вы не пришли къ намъ дни два тому назадъ.... была-бы вамъ работа.

— Какая?— спросилъ Галискаръ.

— Да ужъ работа, нечего сказать, отличная.... И въ Эндери-бы добрались — не безъ денегъ. Видите-ли.... къ намъ на дняхъ пріѣхалъ нашъ старый кунакъ, гяуръ, купецъ, ну и привезъ съ собою такую пропасть хорошенькихъ женщинъ, что посмотрѣтъ на нихъ, такъ и у стараго джигита глаза разбѣгутся. .. съ ними еще и еврея—изъ Хунзахъ—Гара, Гацаль—Шеуды,—онъ вѣрно человѣкъ нужный... Женщинъ-то всѣхъ гяуръ послалъ на рынки Эндери, а его крѣпко держитъ.

— Какъ! всѣхъ—въ Эндери! вскричалъ Ростиньякъ, измѣняя своему хладнокровію.

— Всѣхъ. А что-же тебя удивляетъ?

— Да, неужели всѣхъ до одной?

— Рѣшительно всѣхъ. А у тебя, кунакъ, между красавицами вѣрно есть кровныя? съ лукавою улыбкою замѣтилъ старый горець.

— О, нѣтъ!— отозвался Ростиньякъ, приходя въ себя,—я потому олько....

— Видишь-ли, кунакъ, посмѣшилъ перебить Галискаръ, товарищъ мой потому такъ удивленъ твоимъ отвѣтомъ, что напередъ уже видитъ, сколько мѣшковъ золота возметъ гяуръ, если продастъ *всѣхъ* красавиць, къ тому-же онъ знаетъ, что между-ними есть и такія, которыя прямо будутъ куплены въ харемъ какого-нибудь мурзы или наши.

— А почему онъ это знаетъ? подозрительно спросилъ горець.

— Пхе! Почему! Да вѣдь Гацаль—Шеуды содержалъ придорожный духанъ....

— Ну, знаю.

— Такъ, что мудренаго, если моему товарищу, какъ проводнику, не разъ случалось побывать въ гостяхъ у еврея? Да вотъ и я, очень недавно останавливался тамъ съ караванами своими, и глазами полюбовался сокровищемъ Гацаль—Шеуды, у котораго одна дочь стоитъ двадцати золотыхъ мѣшковъ...

— Дочь! въ раздумьи отозвался горець.... Такъ, такъ! это вѣрно она одна только и плакала, какъ ихъ увозили отсюда....

— Ну, вѣрно! другимъ все-равно, гдѣ ни быть, гдѣ ни жить....

— Дѣйствительно — дѣвчонка хоть куда; другія передъ нею, вотъ все равно, что мы съ тобою передъ этимъ красавчикомъ. Горець указалъ на Ростиньяка.... А ужь, какъ одѣта! шелкъ, да золото, добавилъ онъ.

— Она, непременно она! съ отчаяніемъ прошепталъ молодой человекъ.

— Такъ, такъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія! равнодушно подсказалъ Галискаръ. Экая досада, добавилъ онъ, — не подоспѣли во время! Была бы работа, какъ говоришь ты.... вѣдь караванъ-то большой....

— У! десять арбъ, а проводниковъ всего семь человекъ... ну, гдѣ имъ управиться съ женщинами — притомъ-же и переходъ не близокъ; они пустились арбными дорогами — на Уллу-кулъ, и потомъ будутъ держаться берегомъ Баксана.... Однако, кунаки, продолжалъ горець, баранина наша готова.... Прощу.

Онъ разостлалъ на полу свою бурку, на ней поставилъ три деревянныхъ кружка, довольно грубо-вычоченныхъ — и молча указалъ гостямъ своимъ на готовую трапезу....

Черезъ нѣсколько минутъ въ саклѣ водворилась тишина; огонь на ея очагѣ потухъ. Гости и хозяинъ спали.

Томимый тоскою и грустною думою за судьбу Аксани, Ростиньякъ не могъ уснуть. Нѣсколько разъ онъ готовъ былъ подняться съ своего войлока съ тѣмъ, чтобы оставить саклю и ѡбжать по слѣдамъ каравана. Наконецъ сѣренькій свѣтъ блеснулъ въ рѣшетчатомъ окнѣ мазанки. Желая выбраться изъ аула никѣмъ незамѣченный, Ростиньякъ разбудилъ Галискара.

— Что ты, товарищъ, спросилъ горецъ: — вѣрно неспится?

— Нѣтъ, Ростиньякъ, мнѣ душно здѣсь, сердце мое изныло... Скорѣе въ дорогу... хотя посовѣтуемся, что намъ дѣлать...

— Что предпринять, я уже обдумалъ... Отправиться-же въ дорогу до полного разсвѣта намъ необходимо, пожалуй еще увидить насъ изъ своей мазанки Гацаль-Шеуды, расплатится, и мы пропали... Ну, собирайся.

Простившись съ хозяиномъ, путники наши снова пустились въ дорогу.

Еще утренній туманъ клубился надъ горами и балками, когда Галискаръ и Ростиньякъ достигли отлогихъ возвышенностей Бече, по которымъ тянулась арбенная дорога; надъ нею, выше, направо и налево разбѣгались тропинки, удобныя только для пѣшехода и вьючнаго коня.

— Вотъ еще свѣжіе слѣды отъ арбъ, сказалъ Галискаръ, указывая на дорогу, которая, спускаясь по отлогостямъ и опоясавъ полудугой скалы Бече, тянулась въ ущелье... Теперь она у насъ останется вправо...

— Какъ, вправо! вскричалъ Ростиньякъ, развѣ мы не пустимся по ней?

— Если мы это сдѣлаемъ, то сдѣлаемъ большую ошибку, тогда мы рѣшительно не догонимъ каравана... Замѣть себѣ, что онъ выигрываетъ передъ нами три дня впередъ... а это не шутка! Намъ надо пуститься вотъ этими тропинками, тогда легко можемъ не только достигнуть пріятелей, да пожалуй и опередить ихъ. Но сдѣлаемъ, кунакъ, небольшой роздыхъ, и потолкуемъ.

— У корня громадной сосны друзья раскинули свои бурки и расположились на отдыхъ.

— Какъ видно, началъ Галискаръ, этотъ гяуръ, большой кунакъ съ хыцкорвскими горцами, иначе они-бы не позволили ему вырвать у себя добычу... Не удивляюсь тому, что онъ отправилъ всѣхъ женщинъ въ Эндери и даже не удостоилъ влюбиться въ Аксани, это доказываетъ только его жадность, а удивляюсь, къ чему ему нашъ бѣдный Гацаль-Шеуды...

— Вѣрно они старые враги?

— Не думаю, объ этомъ мнѣ никогда не проговаривался еврей...

— Но, о немъ, Галискаръ, послѣ... Скажи, утѣшь ты меня .

— А, вѣрно Аксани!

— Да; объясни мнѣ твои намѣренія, скажи : на что ты рѣшился для ея спасенія...

— Изволь, кунакъ. Ты знаешь, началъ Галискаръ, кто падаетъ въ пропасть, тотъ часто хватается, за высохшую вѣтку можжевельника... Наше положеніе не лучше того, кто остуился въ джехеннемъ и потому мы должны рѣшиться на все, что хотя сколько-нибудь намекаетъ на успѣхъ...

— О! на все, Галискаръ, на все готовъ я... Научи только.

— Планъ мой, продолжалъ горецъ, вотъ каковъ. Выкупить Аксани мы не можемъ, еслибы за нее спросили даже хоть одинъ чаури...

— Правда, грустно отозвался Ростиньякъ, у насъ и того нѣтъ.

— Ну, такъ намъ остается или украсть ее, или взять съ кинжала... И вотъ какъ. Когда мы настигнемъ караванъ, я назовусь странствующимъ поливаномъ и гіе-ю-ко, а ты будешь мой товарищъ пѣвецъ, но на этотъ разъ съ больнымъ горломъ и потерявшій свой чангуръ. Когда ты увидишь, что горцы заслушаются моихъ разсказовъ, тогда можемъ пробраться до Аксани и, если случай позволить, утѣшить ее, то-есть, сказать, что въ Эндери мы ее выручимъ, у меня тамъ есть человѣкъ семь молодцовъ, изъ проводниковъ, которые для Галискара готовы на все; они мои старые кунаки, и кунаки, которымъ я оказалъ не одну услугу. Между-прочимъ, товарищъ, мы еще и при первой встрѣчѣ съ горцами, провожающими караванъ рыскнемъ наудачу подпоить ихъ ромомъ, который киснетъ въ нашихъ фляжкахъ и до котораго, какъ видно мы небольшіе охотники... и если удастся, тогда Аксани наша; нѣтъ, пойдемъ въ Эндери... Больше и лучше этихъ средствъ, скажу по совѣсти, у меня нѣтъ въ запасѣ.

Ростиньякъ не отвѣчалъ. Онъ тяжело вздохнулъ и устремилъ взглядъ, полный тоски, на арбенную дорогу.

V.

ПЛѢННИЦЫ И КЛАДЪ.

Не въ дальнемъ растояніи, на востокъ, отъ возвышенностей Уллу-Кула и Уллу-Кая, между первыми и вторыми, ровной конической глы-

бой камня и известки, встает гора Ламарь. Через нее пролегает арбенная дорога, и идет къ возвышенностямъ Дунгусъ-Зары; другая дорога, почти у подошвы послѣдней возвышенности, перерѣзываетъ первую и поднимается на скалы къ сѣверу, идя къ берегамъ Баксана. Въ этомъ-то углѣ, образовавшемся отъ пересѣченія дорогъ, путникъ и караваны всегда найдутъ удобный пріютъ, какой весьма трудно встрѣтитъ въ окрестностяхъ Эльборуса, полныхъ болотъ, топей и непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ на корнѣ гниютъ вѣковыя деревья. Этотъ клочекъ земли, занявшій необозримый оврагъ между горъ, защищающихъ его отъ вредныхъ испареній болотъ и вѣтровъ, представляетъ въ голыхъ скалахъ оазисъ, — полный растительности и прекраснаго здороваго воздуха. На немъ, у подошвы скалъ раскидывается дикій виноградникъ, ниже его, выбѣгая на дорогу, мелкими рощами разстилаются кучи вишни и дикихъ яблонь. Справа, далеко, на возвышенностяхъ открываются аулы и передъ ними поля, засѣянные кукурузой; налѣво зелѣнѣютъ тополевыя и сосновыя рощи, обѣщающія удобный пріютъ.

Въ этой-то живописной долині, съ разсвѣтомъ ноябрьскаго утра, теплаго и яснаго — остановился караванъ, состоявшій изъ одиннадцати арбъ, крытыхъ высокими плетеными изъ камыша кузовами, чрезвычайно похожими на курятникъ. Семь горцевъ и пять собакъ, проводники каравана, по обыкновенію, избѣгая неожиданной встрѣчи съ хищниками, расположили арбы полугругомъ, и въ срединѣ площадки, образовавшейся отъ импровизованной постройки этого редута — развели огни. Тотчасъ надъ сухимъ запылавшимъ винограднымъ хворостомъ подвысились походные котелки, и двое изъ проводниковъ занялись стряпней; другіе двое заняли мѣсто сторожевыхъ, остальные, разбатовавъ коней, пустили ихъ на траву и отправились къ арбамъ. Черезъ нѣсколько минутъ площадка, занятая караваномъ — наполнилась красивыми и молоденькими горянками. Пестрыя группы ихъ представляли изумительную и очеровательную смѣсь роскошныхъ и разнохарактерныхъ горскихъ нарядовъ, лицъ свѣжихъ, юныхъ; смѣсь нарѣчій кабардинскаго, абхазскаго, абазинскаго и адигскаго. Въ минуту зазвучали лютни, раздались хохотъ и громкій говоръ. Взглянувъ на эту веселую и безпечную толпу дѣвушекъ, трудно было вѣрить, чтобы онѣ были жертвою разчета, отвратительнаго промысла и торговли. Каждая изъ нихъ была обречена продажѣ, каждая изъ нихъ была промѣнена или отцомъ, или братомъ, за какой-нибудь вытертый піастръ, или щегольскую винтовку. Жалкія вскормленницы горъ, голодныя въ своей родной саклѣ, они забывали и прекрасное небо родины, и ея дивную природу, и страстный взглядъ молодаго однораульца,

радуясь своему будущему—которое обѣщало имъ золотую клѣтку, роскошныя ковры Персіи, крупный жемчугъ Цейлона и сладкія, душистыя пряности Стамбула.

Въ одной изъ этихъ группъ, расположившейся на коврахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пылавшаго виноградника, не было замѣтно ни той веселости, ни того громкаго говора, которымъ занялись другіе плѣнницы. Эту группу горянокъ составляли шесть дѣвушекъ привлекательной красоты; по языку и костюму ихъ можно было догадаться, что родина ихъ Абхазія. Исходите весь Кавказъ отъ Анапы до Сальяна и отъ Кизляра до Кутаиса, ни въ одномъ горксомъ племени вы не встрѣтите такой дивной красоты въ женщинахъ, какъ въ женщинахъ нагорной Абхазіи. Бѣлизна и правильность лица, въ которомъ просвѣчивается бѣдна жизни и энергіи, темнорусый волосъ, въ мелкихъ косахъ упавшій по плечамъ, высокій ростъ и стройный станъ, перетянутый завѣтнымъ колетомъ, ножка, зятая въ сафьянъ и крошечная, прибавьте къ этому взглядъ, полный обаятельной ласки, и ручку, на которой мизинецъ едва-ли не тоньше вермишели... и вы получите еще не совсемъ вѣрное понятіе о красотѣ абхазскихъ женщинъ. Такіе-то первообразы этихъ красавицъ составля ту небольшую группу, на которую я указалъ моему читателю.

Тихій разговоръ ихъ, по-видимому, былъ очень серьезенъ. Онѣ каждое мгновеніе озирались кругомъ, очевидно боясь приближенія своихъ проводниковъ.

— Это хорошо, очень хорошо Аксани! сказала одна изъ нихъ.... Да душечка, жертвочка ты моя, что мы можемъ сдѣлать—когда насъ только шесть?...

— Мы можемъ уговорить еще и другихъ! отозвалась Аксани, хорошенькое личико которой много измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, какъ ее разлучили съ отцомъ и Ростиньякомъ.

— Другихъ! подхватила третья собесѣдница.... Не этихъ-ли презрѣнныхъ шапсужанокъ, которыя проданы за черствый чурекъ; они сами не вернуться въ свои голодные аулы... Посмотри, какъ имъ весело въ неволѣ...

— Онѣ сыты! насмѣшливо замѣтила первая.

— Ну, да... потому-то и поютъ, поддакнула первая...

— Ужъ поютъ!... Имъ-ли пѣть...

— Нашъ Галискаръ пѣвалъ лучше?..

- Только струны рвутъ на чангурѣ...
- Воютъ какъ шакалки...
- Да и шакалки-то голодныя!
- Правда! Правда!
- Но, послушайте, снова начала Аксани; развѣ мы не можемъ одни рѣшиться на это дѣло?
- Ай! Ай! Аксани! раздалось въ толпѣ дѣвушекъ.
- Какъ можно!
- Чтó ты?
- Ты обезумѣла...
- Ты хочешь, чтобъ насъ перевѣшали!...
- Чтобы насъ — въ мѣшокъ и въ воду...
- Ужасъ... чтó сдѣлаютъ!...
- Те! Остановитесь! сказала Аксани и взглядъ ее выразилъ принужденное презрѣнiе. Вижу, что вы дочери не храбрыхъ, не славныхъ джигитовъ...
- Аксани, не обижай моего отца! вскричала одна изъ дѣвушекъ... Онъ въ моихъ глазахъ палъ на завалѣ, прострѣленный въ сердце врагомъ шапсугомъ....
- Аксани, Аксани—зачѣмъ слово вражды и ссоры! крикнуло нѣсколько голосовъ.
- Душечки мои, родныя мои! . я не вызываю васъ на вражду, сказала Аксани, но мнѣ грустно за васъ... Скажите, что мы теряемъ, когда эти презрѣнные *лэги* * зарѣжутъ насъ! жизнь... которая обречена позору и неволи... только! Но такая жизнь хуже петли и удара кинжаломъ въ сердце... Тогда, какъ рѣшившись на эту попытку, мы снова свободны и снова въ родной саклѣ... Ты, Чиркени, опять,— увидѣла бы своего хорошенькаго жениха; ты, Уллусъ—снова обняла бы своего стараго отца... ты, Мурвани, какъ и прежде, въ своемъ аулѣ увидѣла бы около себя толпу красивыхъ наѣздниковъ, которые за счастье прикоснуться къ твоей чадрѣ, готовы бы были отдать и душу, и сердце... и голову! Теперь мы все лишены того прекраснаго дня, когда отецъ или братъ могли бы сказать намъ: встрѣть завтра ласкою и почетомъ твоего жениха, сегодня онъ прислалъ колымъ за тебя!....

* Рабъ-змѣя.

— Правда! Правда! печально повторили дѣвушки.

— А, что, Аксани, наивно спросила Чиркени: говорятъ очень — весело быть замужемъ?... А... хорошо?

— Говорятъ, жертвочка моя, Чиркени! грустно и съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Аксани.

— А кто тебѣ говорилъ?...

— Галискаръ...

— Ай! Ай!.. Вотъ вы объ чемъ иногда съ нимъ говорили!

— Ну, а что-же онъ говорилъ? Душечка Аксани, глазки мои, скажи...

— Говорилъ, что хорошо...

— Ну и ничего больше?

— Больше... Говорилъ, что очень хорошо....

— Пойдите! пойдите! вскричала Мурвани... Я хочу быть замужемъ... я на все согласна, Аксани!

— И я! и я! и я согласна! подхватили другіе дѣвушки.

— Научи насъ, что дѣлать? сказала Черкени.

— Что дѣлать? Послѣ этого вопроса Аксани со страхомъ осмотрѣлась кругомъ, и понизивъ голосъ, продолжала: на первомъ отдыхѣ, сказала она, даже если можно сейчасъ—каждая изъ насъ подойдетъ къ одному проводнику, показывая видъ, что хочетъ приласкать его.

— Ну... Ну!

— Слушайте... Слушайте. Когда проводникъ разнѣжится, тогда по знаку, вырвать у него съ пояса кинжиль и...

— Ай! Ай... Аксани! Что ты! что ты!

— Что?... вы не рѣшаетесь!

— Ахъ... нѣтъ... это ужъ очень страшно! Я боюсь! сказала Чиркени.

— И я! и я! и я! крикнули остальные.

Въ эту минуту громкій лай собакъ, раздавшійся за арбами, нарушилъ жаркую бесѣду плѣнницъ.

— Это онъ! прошептала Аксани, дѣлая быстрое движеніе впередъ.

— А! Галискаръ Галискаръ! крикнули дѣвушки, и имя это по-

торилось на всемъ протяженіи площадки, во всѣхъ группахъ. Въ минуту красавицы оставили свои мѣста и бросились къ арбамъ.

Проводники, не понимая восторга своихъ плѣнницъ, схватились за винтовки, намѣреваясь пулей встрѣтить незваныхъ гостей.

Тоже самое повторили и Галискаръ и Ростиньякъ, подошедшіе въ это время къ бивуаку каравана.

— Что надо? вскричалъ одинъ изъ проводниковъ, взявъ на прицѣлъ винтовку.

— Поберегись, кунакъ, отозвался Галискаръ: за мною стоитъ товарищъ, который такъ мѣтко бьетъ, какъ можетъ тебѣ и не случилось.

— Это хищники! раздалось въ толпѣ горцевъ... Стрѣляй въ нихъ!

— Сумасшедшіе! вскричалъ Галискаръ: да вы спросите женщинъ: хищники—ли мы или честные джигиты!

— Это нашъ Галискаръ! Не троньте его! Пустите къ намъ! крикнули женщины.

— Ну, видишь—ли, пріятель, что я такой—же хищникъ, какъ ты разумный человѣкъ!

— Эге, голубчикъ... да ты видно выходецъ изъ аула Гацаль—Шеуды! сказалъ старшина проводниковъ.

— Узнаешь, все узнаешь, кунакъ, только пусти насъ за арбы! отозвался Галискаръ.

— Пожалуй... Но прежде отдайте намъ свои винтовки...

— И это можно... Изволь! Ростиньякъ, дай этому кабану полюбоваться твоею винтовкою.

Когда оружіе было отобрано отъ нашихъ странниковъ, горцы, уже не опасаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны незнакомцевъ, впустили ихъ на площадку.

Едва только Галискаръ и Ростиньякъ показались на ней, какъ женщины съ крикомъ радости обступили перваго.

— Пойдите! пойдите, мои красавицы, сказалъ горецъ, прежде чѣмъ вы налюбуетесь мною, а я вами, мнѣ необходимо куначество съ этими честными джигитами... Галискаръ указалъ на проводниковъ, и раздвинувъ толпу женщинъ, подошелъ къ старшинѣ.

— Я Галискаръ, родомъ изъ Гумбета, сказалъ онъ, ремесло мое странствующій погливанъ... Если ты хочешь знать, почему ко мнѣ такъ

ласковы эти хорошенькія шалуны, то изволь.... и это сказать можно. Я долго жилъ въ аулѣ Гацаль-Шеуды и забавлялъ твоихъ плѣнницъ разсказами, пѣсней и плясками... Наканунѣ того дня, въ которой вы удостоили посѣтить аулъ еврея, я распростился съ нимъ, и вотъ, странствуя теперь, нечаянно набрелъ на васъ... Такъ-то, кунакъ, я погливанъ, а вотъ этотъ джигитъ пѣвецъ, къ вашимъ услугамъ. только ужъ извините, онъ теперь потерялъ и чангуръ и голосъ...

Рѣчь Галискара разсмѣшила горцевъ и расположила ихъ въ его пользу, а болтовня погливана, его разсказы и—главное—ромъ скоро заставили проводниковъ исключительно только заняться Галискарромъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, Ростиньякъ успѣлъ встрѣтиться съ Аксани и перемолвить съ нею нѣсколько словъ.

— Муврахили, сказала дѣвушка, Самъ Богъ посылаетъ тебя утѣшить мою грусть, мое горе...

— Ахъ, Аксани... я страдаю не меньше тебя! и можетъ-быть,— эти страданія кончатся съ нашею жизнью... кто знаетъ, что ждетъ насъ впереди...

Дѣвушка съ испугомъ взглянула на молодаго человѣка.

— Какъ, развѣ не спасти меня пришелъ ты! сказала она.

— Нѣтъ, Аксани!... Теперь нѣтъ... Похитить тебя мы не можемъ: проводники осторожны, отнять силою... что сдѣлаютъ два невооруженныхъ человѣка, противу семи отчаянныхъ удалцовъ?

— Ахъ! какая страшная правда—Муврахили!

— Да... Аксани, правда жестокая... Но будемъ надѣяться на Галискара...

— На Галискара! А, что же онъ.

— Онъ велѣлъ сказать тебѣ: когда тебя привезутъ—въ Эндери, куда мы пойдёмъ съ нимъ по слѣдамъ вашимъ, то старайся не быть проданною, прикинься больною, и жди нашего прихода. Если, какъ говоритъ Галискаръ, намъ не удастся тебя выкупить, то мы возьмемъ тебя съ ножа... Последнее легко сбудется... въ первомъ случаѣ не знаю, на что надѣется нашъ общій другъ!

— Горькія, безотрадныя надежды — Муврахили! сказала дѣвушка едва удерживая свои слезы...

— Не плачь, Аксани... Я жизнью выкуплю твою свободу, но кля-

нись тебѣ выкуплю ее... До свиданія... караульный горець, кажется замѣтилъ насъ...

— Прощай Муврахили... Прощай добрый мой... Если мы больше не увидимся, помни, что Аксани... любила тебя... много любила!

Съ этими словами дѣвушка быстро выдернула свою руку изъ рукъ Ростиньяка и исчезла въ толпѣ женщинъ.

Трудно передать, что чувствовало въ эту минуту сердце молодого человѣка. Обезсиленный горемъ и тѣскою, онъ прислонился къ арбѣ, устремивъ безсмысленный взглядъ на толпу красивыхъ горянокъ, которыя съ такимъ вниманіемъ наблюдали прекрасное лицо своего знакомца.

Но вотъ раздался повелительный голосъ старшины: «по мѣстамъ! И спустя нѣсколько минутъ уже ни одной женщины не было на площадкѣ. Проводники подобрали котлы, впрягли лошадей, и караванъ тронулся.

На мѣстѣ опустѣвшей площадки остались Галискаръ и Ростиньякъ.

— Все кончено... Я ее болѣе не увижу! сказалъ молодой человѣкъ, преслѣдуя взглядомъ отчаянія, удалявшіяся арбы.

— Нѣтъ, еще не все—товарищъ, отозвался Галискаръ... У насъ остается Тескольское Ущелье и его богатство.

— Молодой человѣкъ грустно улыбнулся.

— Не безумствуй Галискаръ, сказалъ онъ: — за эту богатую надежду намъ не дадутъ и раздавленной виноградины... Въ добычѣ этого сокровища — такъ много условій... Лунное затмѣніе, камни...

— Не корми ты меня кунакъ грязью, и пожалѣй объ томъ, что самъ наблся ее, сказалъ Галискаръ. Завѣщаніе, которое читалъ ты мнѣ, такъ написано замысловато, что и самъ шайтанъ уснетъ надъ нимъ, добываясь смысла... Право! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что скряга Даміанъ нарочно придумалъ эту штуку, чтобы измучить нѣсколько жадныхъ евреевъ.

— Но однако... возразилъ Ростеньякъ.

— Комъ грязи! говорю тебѣ, перебилъ Галискаръ... Не больше.. Пхе! лунное затмѣніе! проворчалъ горець... Да, ужъ коли говорить правду, такъ затмѣніе-то было вчера ночью....

— Возможно-ли, Галискаръ! вскричалъ Ростиньякъ, отступая отъ товарища нѣсколько шаговъ назадъ, — и ты не разбудилъ меня!

— Не разбудилъ! Не разбудилъ потому, что не нашелъ въ томъ надобности... Вѣдь мы съ тобой не въ Тескольскомъ ущелье ночевали, а за день ходьбы до него...

— Но... коня...

— Пхе! Коня! Да, кто же бы далъ намъ его?.. Откуда!

— О!.. теперь все погибло! съ отчаяніемъ прошепталъ Ростиньякъ.

— Говорю тебѣ, что еще не все... Есть надежда.

— Да, гдѣ она!.. Какая? Неужели ты думаешь, что тайна Тескольскаго ущелья только намъ съ тобою извѣстна...

— Знаю, что нѣтъ...

— Кромѣ насъ она извѣстна двумъ маврамъ, которые, вѣроятно, съумѣли воспользоваться толкованіемъ завѣщанія.

— Ихъ счастье... Только врядъ-ли они въ этомъ ушѣли... луна плохая помощница въ этомъ дѣлѣ...

— Такъ послѣ этого, Галискаръ, гдѣ же сбыточность твоихъ надеждъ?

— Изволь кунакъ, изволь!... скажу. Мавръ, который провожалъ Даміана, умеръ, въ Драндѣ, на моихъ рукахъ... До смерти онъ меня нѣсколько разъ подзывалъ въ Тескольское ущелье, на что однако ни онъ, ни я не рѣшалось, напуганные его первой попыткой... Передъ смертью, за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха — онъ тихо подо- евалъ меня къ себѣ, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ, и сжавъ мою руку, задыхаясь прошепталъ: «я думаю... подъ третьимъ камнемъ — на право... при вѣздѣ... у высохшаго ручья». Вотъ что, понимаешь! Луна намъ теперь и не нужна: мы попробуемъ вынуть Даміановскій кладъ изъ-подъ камня и при свѣтѣ солнца... душечка, слеза — глазъ моихъ — Ростиньякъ!

— Все это такъ, Галискаръ... но мавры...

— Да... дѣлать нечего, ужъ если взяли — такъ не подѣлятся. Однако пойдемъ... Намъ все равно, хоть и не за алмазами, такъ пужно проходить Тескольскимъ ущельемъ...

Друзья, не переставая разсуждать о сокровищахъ— снова отправились въ путь.

Смеркалось, когда путники переправясь въ бродъ черезъ Баксанъ, стали взбираться на предгорья, поднимающіяся амфитеатромъ къ Те-

скольской скалѣ. Отсюда, при закатывающемся солнцѣ, они могли разглядѣть подножіе Эльбруса. Лѣса и необозримыя болота тянулись отъ него по скаламъ, вплоть до Садоктупа, — у подошвы котораго раскидывались бѣдные аулы хищныхъ кабардинцевъ. Внизу, подъ самыми ногами Галискара и Ростиньяка открывалось Тескольское ущелье...

Нетерпѣливые отъ ожиданія, при видѣ мѣста, которое должно было рѣшить ихъ будущее—путники молча переглянулись между собою и прибавили шагу...

— Вотъ... еще шагъ; сказалъ Галискаръ — и мы съ тобою Ростиньякъ — богаче Бимъ-Баши Бугуркальского, или...

Горецъ не договорилъ послѣдней фразы, какъ неожиданная встрѣча заставила въ изумленіи остановиться обоихъ друзей. На шагъ, отъ нихъ, при поворотѣ въ ущелье, лежалъ прострѣленный въ голову трупъ мавра... Дальше, гдѣ начинались овраги и завѣтные камни, также валялся трупъ, должно-быть тоже кладопскотеля... Въ этомъ несчастномъ, по платью, путники не могли не признать европейскаго матроса.

— Вѣрно этимъ молодцамъ не счастливились въ жизни лунныя ночи, замѣтилъ Галискаръ... Ба! что съ тобою Ростиньякъ, быстро спросилъ онъ... ты блѣдень, дрожишь!.. Скажи... ты, какъ-будто-бы чѣмъ испуганъ...

Ростиньякъ безумно посмотрѣлъ на своего товарища и медленно указалъ впередъ...

— Не видишь... Развѣ не видишь!! вскричалъ онъ.

Галискаръ повелъ глазами по направленію руки Ростиньяка, и остался нѣмъ и недвижимъ отъ изумленія.

У третьяго камня, справа при входѣ въ ущелье, съ открытыми и неподвижными глазами сидѣлъ мавръ. Въ охолодѣвшей рукѣ его былъ сдавленъ пистолетъ, другая лежала на перевернутомъ камнѣ, а рядомъ съ нимъ, при закатывающихся лучахъ солнца — искрились алмазы — только что высыпанные изъ полуистлѣвшаго—кожаннаго пояса. .

— Они! они! вскричалъ Галискаръ, бросаясь къ сокровищамъ.

— Теперь... Аксани спасена! могъ только сказать молодой чело-вѣкъ, дрожа отъ восторга.

VI.

ТОМЪ-КУКЪ.

Спустя полгода послѣ рассказанныхъ нами сценъ, въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней — на корабельной пристани Кодора собралась толпа горцевъ, обрадованная приходомъ кочермы, которая уже давно не являлась у береговъ Абхазіи.

По постройкѣ судна, его щеголеватой и роскошной отдѣлкѣ—легко можно было заключить, что купецъ пришелъ богатый, съ грузомъ, какого уже давно не видали ни щеголи—уздени, ни красавицы—княжескія жены. Въ ожиданіи каика съ прибывшаго судна, зрители расположились группами и принялись за рассказы... Въ это время на пристани показался громаднаго роста плечистый горецъ, который безъ церемоніи растолкавъ толпу абазиновъ и сопровождаемый ихъ угрозами и бранью, несмотря на свои лохмотья,—гордо повелъ вокругъ глазами—и прыгнулъ въ лодку.

— Вези къ кочермѣ, вотъ тебѣ послѣдній мой чаури! сказалъ онъ, обращаясь къ мингрелу перевозчику, бросивъ почти въ лицо ему свою щедрую плату.

Мингрель молча и беззаботно взялся за весла, и въ нѣсколько взмаховъ ими ветхая его лодченка ударилась о бортъ судна.

Рослый горецъ ловко выпрыгнулъ изъ каика, также ловко взбѣжалъ на верхъ кочермы, и посвистывая безпечно, отправился въ капитанскую каюту.

— Эге... говорилъ онъ, съ изумленіемъ осматривая богатое вооруженіе кочермы, сказать по совѣсти, мнѣ не удавалось видѣть, чтобы купецъ могъ щеголять такъ... Это вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ?.. тѣмъ лучше — надежнѣе работа будетъ...

— Послушай-ка, пріятель! продолжалъ онъ, спустившись въ палубу, и обращаясь къ встрѣчному матросу — какъ я пройду къ твоему капитану?

— Къ капитану?

— Ну да.

— А для чего тебѣ онъ?

— Развѣ ты поумнѣешь — когда узнаешь—зачѣмъ?

— Не бранись.... за это вѣдь и по шеѣ..

— Чтò?

— А вотъ чтò! и матросъ ловко хватилъ горца подь бокъ...

Въ ту же минуту гость принялъ позу боксера, матросъ повторилъ ее — и кулаки замелькали. Не прошло и трехъ секундъ, какъ матросъ былъ сбить съ ногъ и брошенъ на пелъ...

— Послушай, пріятель, спокойно сказалъ побѣдитель,.. Ты славно дерешься на боксахъ... Право! Вѣрно англичанинъ...

— Англичанинъ... Ну, а чтò?... Еще хочешь, чтò ли...

— Нѣтъ, довольно!... Обнимемся... я твой землякъ...

— Теперь, повѣрю.... Судя по твоему удару—ты, надо полагать, отлично наострился на бакъ...

И земляки обнялись.

Матросъ, охая, отправился наверхъ — гость отворилъ дверь въ капитанскую каюту и въ нѣмомъ изумленіи отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Передъ нимъ открылась каюта, убранная со всею восточною роскошью. На пышномъ диванѣ, крытомъ ослѣпительнаго пурпура шелковою тканью, полулежала молодая и красивая горянка, разсѣянно перебирая струны лютни. Взоръ ея, полный обаятельной любви, былъ устремленъ на мужа, помѣщавшагося рядомъ съ нею.

— Аксани! Ростиньякъ! прошепталъ рослый гость.

— Томъ! Томъ! радостно вскрикнули наши знакомцы, кидаясь на встрѣчу своего друга.

— Какъ! тебя не изумляетъ мое появленіе добрый товарищъ? спросилъ шотландецъ.

— Нисколько, другъ мой, — нисколько... Я душевно радуюсь этой встрѣчѣ... О томъ, что ты счастливо отдѣлался отъ твоего паденія въ пропасть, я узналъ отъ отца Аксани, котораго ты выручилъ изъ плѣна отъ Боддена, и который теперь, вмѣстѣ съ Галискарромъ, живетъ въ своемъ аулѣ, по прежнему... Онъ-же намъ разсказалъ и то, что ты спасъ на Хуцкорвѣ насъ отъ хищниковъ.

— Такъ, такъ! Не удалось тогда встрѣтиться... Я только на другое утро могъ пореэправиться за рѣку... Ну... дѣла! О многомъ надо объясниться намъ... Напримѣръ — позволь узнать... Но прежде рому!

Ромъ былъ поданъ. Томъ—Кукъ продолжалъ.

— Во-первыхъ я желалъ бы знать , кто твои карманы набилъ золотомъ, и во-вторыхъ , какъ хорошенькая Аксани снова съ тобою... Ужь послушай пріятель , не завладѣлъ-ли ты сокровищами Даміана! смѣясь сказалъ Томъ , проглотивъ залпомъ стаканъ гроку.

— Не смѣйся Томъ , серьезно возразилъ Ростиньякъ... Я дѣйствительно завладѣлъ сокровищами Тескольскаго Ущелья...

— Какъ, чортъ возьми! страшно вытарашивъ глаза, зарѣвелъ Томъ.

— Такъ... это ты! продолжалъ матросъ, почти ткнувъ пальцемъ въ грудь Ростиньяка... Ты завладѣлъ богатствомъ Даміана!

— Но, что-же тебя удивляетъ Томъ... Вѣдь ты мнѣ поставилъ его на карту — и карта твоя была бита!

— Ты правъ! хладнокровно и рѣшительно сказалъ шотландецъ.... Правъ и чистъ... Налей-ка!... однакожь — нельзя-ли узнать : какъ оно тебѣ досталось?

— Просто, очень просто : пришелъ, увидѣлъ и взял!

— Коротко и ясно... Налей-ко!... А, знаешь ли ты, дружище — продолжалъ уже подгулявшій Томъ, кому ты обязанъ этимъ маленькимъ удовольствіемъ, ась?

— Не знаю... Маврамъ, которые...

— Ну не однимъ имъ , а пожалуй , мнѣ, твоему любезному другу Тому и мистеръ Боддену...

— Что ты говоришь Томъ?

— Правду, какой — какъ пороху, тебѣ не выдумать!

— Однако же...

— Налей-ко... Слушай... Въ ночь луннаго затмѣнія я и Бодденъ отправились въ Тескольское ущелье... Я съ тѣмъ , чтобы съ тобою встрѣтиться и поколотить Боддена за то, что не тронь того , что я проигралъ... Выѣхали мы въ ущелье... луна въ половинѣ... Глядь — два мавра поднимаютъ камень... Едва только они отвалили его, какъ тысяча огней блеснули въ глазахъ нашихъ...

— Не тронь! Ни съ мѣста! крикнулъ неистово Бодденъ... Курокъ его винтовки брякнулъ... но тутъ я уже ничего не помню... Раненый въ грудь, на два пальца ниже лопатки, я покатился въ глубокій оврагъ, и когда очнулся, въ ночь слѣдующихъ сутокъ, только нашель трупы : Эл-Гакима Ризы и моего красавца Боддена... Налей-ко! Те-

перь — радуюсь тому, что сокровища достались въ хорошія руки; да здравствуют Аксани и Ростиньякъ! крикнулъ Томъ, приподнявъ стаканъ надъ головою...

— Спасибо! спасибо, другъ мой! говорилъ Ростиньякъ.

— Неначѣмъ... Послушай, товарищъ, вѣдь ты и не догадываешься зачѣмъ я къ тебѣ пожаловалъ? началъ Томъ.

— Я благодаренъ всякому случаю, каковъ-бы ни былъ этотъ случай, за то, что онъ снова свелъ насъ съ тобою...

— Э... братецъ, перестань завивать твои слова въ кудри... Вотъ я скажу — такъ ужъ очень просто: Ростиньякъ! возьми Тома-Кука къ себѣ въ матросы — ему вѣсть нечего... Понимаешь!... Налей-ко.

Ростиньякъ былъ сильно тронутъ откровенностію и безкорыстіемъ Тома.

— Послушай — товарищъ, сказалъ онъ... Давай твою руку.

Томъ протянулъ Ростиньяку свою громадную ладонь.

— Будемъ по прежнему друзьями, продолжалъ молодой человекъ... и позволь мнѣ подарить тебѣ эту кочерму...

— Спасибо Ростиньякъ, крѣпко тебѣ спасибо, заключилъ Томъ... Налей-ко! сказалъ онъ и ласково взглянувъ на Аксани, шотландецъ осушилъ седьмой стаканъ своего любимаго напитка.

II.

СТРАННОЕ СОБЫТІЕ.

(Разсказъ сѣверо-американскаго писателя Гауторна).

Странствующій торговецъ табакомъ вышелъ изъ Мористоуна, гдѣ онъ покончилъ довольно выгодныя дѣла съ синдикомъ одного торговаго заведенія, и отправился въ деревню Паркерсъ-фольсъ, на рѣкѣ Сольмонъ. У него была небольшая, но красивая, зеленая тележка, на которой по сторонамъ были нарисованы ящики съ сигарами, а на задней стѣнкѣ индѣйскій кащикъ съ огромною трубкою. Разнощикъ велъ подъ устцы сѣренькую лошадь, впряженную въ его экипажъ; самъ онъ былъ молодой человѣкъ, прекраснаго характера, хитрый въ торговыхъ дѣлахъ, но любимый покупателями, потому-что Янки сами говорятъ, что желаютъ лучше быть выбриты острою бритвою, чѣмъ тупою. Онъ былъ въ особенности любимцемъ всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ провинціи, которымъ давалъ самый лучшій свой товаръ, зная, что молоденькія обитательницы Новой-Англіи никогда не отказываются отъ трубки табаку. Наконецъ, какъ увидимъ въ-послѣдствіи, Доминикъ Пейкъ, странствующій купецъ,

былъ любопытенъ и болтливъ, старался всегда узнавать новости, и пересказывать ихъ.

Позавтракавъ рано по-утру въ Мористоунѣ, Доминикъ прошелъ семь миль по уединенному лѣсу, не говоря ни съ кѣмъ ни слова; и разсуждая только съ собою, или съ своею сѣрою лошадкою. Было уже около семи часовъ, и ему очень хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь. Сѣверо-Американцу такъ тяжело молчать.

Наконецъ, казалось, ему представился случай поговорить, потому-что когда онъ закурилъ сигару зажигательнымъ стекломъ и поднялъ глаза, то увидѣлъ человѣка, сходявшаго съ пригорка. Доминикъ началъ разсматривать его, и замѣтилъ, что незнакомецъ несъ на палкѣ, положенной на плечо, узель, и шелъ твердымъ, хотя усталымъ шагомъ. Онъ не похожъ былъ на путешественника, который отправился въ дорогу утромъ, но, казалось, шелъ всю ночь, и намѣревался идти еще цѣлый день.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшій, сказалъ Доминикъ, когда они поравнялись. Куда вы такъ торопитесь? Что новенькаго въ Паркерсъ-фольсѣ?

Незнакомецъ надвинулъ на глаза шляпу съ широкими полями, и отвѣчалъ съ досадою, что онъ идетъ совсѣмъ не изъ Паркерсъ-фольса, о которомъ разнощикъ спросилъ только потому, что самъ туда шелъ.

— Ну, такъ расскажите мнѣ послѣднія новости того мѣста, откуда вы вышли; мнѣ все-равно знать, что дѣлается въ Паркерсъ-фольсѣ, или въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ допросѣ мрачный прохожій немного смутился и подумалъ, долженъ ли онъ отвѣчать. Наконецъ, вставъ на подножку тележки, онъ наклонился къ уху Доминика, хотя могъ кричать во все горло, не опасаясь, чтобъ его услышалъ кто-нибудь на совершенно пустой дорогѣ: «Я знаю только одну новость, сказалъ онъ. Старикъ Гиггинботомъ въ Кимбальтонѣ былъ убитъ въ своемъ саду вчера, въ восемь часовъ вечера, однимъ Ирландцемъ и Негромъ. Они повѣсили его на сукѣ большаго грушеваго дерева, для того, чтобъ никто не могъ найти его прежде сегодняшняго утра.

Повѣривъ Доминику эту ужасную тайну, незнакомецъ быстро отошелъ отъ разнощика, и продолжалъ идти, не отвѣчая Доминику, который предлагалъ ему выкурить сигару и рассказать все подробности убійства. Видя, что все усилія его напрасны, Доминикъ свиснулъ своей сѣрою лошаdkѣ, и пошелъ дальше, разсуждая о несчастной судьбѣ Гиггинботома, котораго онъ зналъ лично и которому часто продавалъ та-

бакъ и лучшія сигары. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ удивительнѣе казалась ему скорость, съ какою разнеслась эта вѣсть. Кимбальтонъ находился въ восемнадцати миляхъ по прямой дорогѣ; преступленіе совершилось наканунѣ, въ восемь часовъ вечера, и Доминикъ узналъ объ этомъ въ семь часовъ утра, когда, по всеѣмъ вѣроятностямъ, семейство покойника только что могло найти трупъ его, повѣшенный на грушевомъ деревѣ. Прохожій, вѣрно, шелъ въ семимильныхъ сапогахъ, что успѣлъ такъ скоро пройти такое огромное пространство.

— Дурныя вѣсти идутъ скоро, какъ говоритъ пословица, подумалъ Доминикъ. Эта новоть проворнѣе желѣзныхъ дорогъ разнеслась по окружности.

Чтобъ рѣшить эту трудную задачу, Доминикъ предположилъ, что разскащикъ происшествія ошибся только однимъ днемъ, и потому онъ началъ самъ разсказывать эту важную новость во всеѣхъ гостинницахъ и трактирахъ, раздавая гаванскія стары удивленнымъ слушателямъ. Такъ какъ онъ первый объявилъ объ этомъ убійствѣ, то все осыпали его вопросами, и Доминикъ, не довольствуясь простымъ описаніемъ преступленія, началъ нѣсколько украшать свой разсказъ. Одинъ случай еще болѣе подтвердилъ его слова. Въ числѣ слушателей былъ прежній прикащикъ г. Гиггинботома, и онъ сказалъ, что дѣйствительно у его стараго хозяина былъ фруктовый садъ передъ домомъ, черезъ который онъ всегда ходилъ домой, съ бумажникомъ, наполненнымъ деньгами. Впрочемъ прикащикъ не сожалѣлъ о смерти г. Гиггинботома, который, какъ справедливо замѣтилъ даже Доминикъ, былъ до того экономенъ, что его почти можно было назвать скупымъ. Все состояніе стараго купца должно было перейти къ хорошенькой его племянницѣ, которая содержала школу для дѣтей въ Кимбальтонѣ.

Такимъ-образомъ, разсказывая свою новость и продавая свой товаръ, Доминикъ остановился на ночь въ тавернѣ, находящейся въ пяти миляхъ отъ Паркерсъ-фольса. Поужинавъ и закуривъ сигару перваго сорта, онъ сѣлъ къ прилавку, и опять началъ исторію убійства, которая въ-продолженіе дня до того увеличилась, что надобно было полчаса, чтобъ разсказать ее! Въ комнатѣ было двадцать человѣкъ, и девятнадцать изъ нихъ были совершенно увѣрены въ справедливости разсказа. Двадцатый-же былъ старый фермеръ, пріѣхавшій верхомъ за нѣсколько минутъ до Доминика и сидѣвшій спокойно въ углу, съ трубкою. По окончаніи разсказа, онъ хладнокровно всталъ, подошелъ къ разскащику, и посматрѣлъ на него пристально, выпустивъ струю вонючаго дыма дряннаго табаку.

— Поклянетесь ли вы, спросилъ онъ тономъ судьи при допросѣ, что старикъ Гиггинботомъ въ Кимбальтонѣ былъ убитъ третьяго дня въ своемъ саду, и найденъ вчера по утру на сучкѣ груши?

— Я рассказываю исторію точно такъ, какъ самъ слышалъ ее, отвѣчалъ Доминикъ, вынувъ сигару изо рта. Я не говорю, что самъ видѣлъ, и потому не могу побожиться, что г. Гиггинботомъ былъ убитъ дѣйствительно такимъ-образомъ и въ такой день.

— Ну, такъ я могу дать клятву, сказалъ фермеръ, что если г. Гиггинботомъ былъ убитъ третьяго-дня, то я сегодня съ двойникомъ его пилъ полынную водку. Онъ мой сосѣдъ, и когда я проѣзжалъ мимо его, онъ позвалъ меня выпить водки, и далъ мнѣ еще небольшую комиссію. Объ убійствѣ своемъ онъ ничего мнѣ не говорилъ, какъ-будто и не зналъ объ немъ.

— Стало-быть это не правда! закричалъ Доминикъ.

— Думаю, что еслибъ это была правда, то мой сосѣдъ рассказалъ бы мнѣ и объ этомъ, отвѣчалъ фермеръ, и также хладнокровно пошелъ въ свой уголь, оставя Доминика въ замѣшательствѣ.

Сконфуженный разнощикъ не смѣлъ болѣе вмѣшиваться въ разговоры, и успокоясь немного послѣ стакана вина, пошелъ спать, и цѣлую ночь видѣлъ во снѣ мертвецовъ. На другой день, чтобъ не встрѣчаться съ старымъ фермеромъ, онъ всталъ съ зарею, запрягъ свою сѣренькую лошадку въ зеленую тележку, и отправился въ Паркерсъ-фольсъ. Утро было свѣжее, роса покрывала дорогу, и первые лучи солнца оживили болтливаго разнощика, такъ что онъ опять охотно рассказалъ бы эту исторію первому встрѣчному. Но онъ не встрѣтилъ ни крестьянина съ быками, ни деревенскаго экипажа, ни почтовой кареты, ни всадника, ни пѣшехода, до самой рѣки Сольмонъ.

При переходѣ черезъ мостъ, онъ увидѣлъ на другомъ концѣ его человѣка, который шелъ къ нему навстрѣчу, съ палкою на плечѣ и съ узломъ на палкѣ.

— Здравствуйте, сударь, сказалъ Доминикъ, останавливая свою лошадь. Если вы идете изъ Кимбальтона или окрестностей, то не знаете ли вы чего-нибудь положительнаго о старикѣ Гиггинботомѣ. Справедливо ли, что его убилъ какой-то ирландецъ вмѣстѣ съ негромъ? Доминикъ такъ торопился говорить, что не замѣтилъ даже, что человѣкъ, къ которому онъ приставалъ съ вопросомъ, самъ былъ негръ. Услыша слова разнощика, онъ задрожалъ; цвѣтъ его темной кожи сдѣлался блѣднѣе, и онъ отвѣчалъ въ смущеніи и заикаясь:

— Нѣтъ! не негръ убилъ старика. Это ирландецъ повѣсилъ его вчера, въ восемь часовъ... Я самъ ушелъ оттуда вчера въ семь часовъ... Домашніе, вѣрно, еще не искали его въ саду и не могли найти...

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ какъ-бы невольно, негръ, несмотря на свою усталость, удалился отъ Доминика такъ быстро, что даже сѣрая лошадка не могла догнать его. Разнощикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему въ-слѣдъ. Если преступленіе совершилось въ понедѣльникъ ввечеру, то какой колдунъ разсказалъ о немъ негру во вторникъ поутру, со всѣми подробностями? Если тѣло г. Гиггинботома не было еще найдено его семействомъ, то какъ негръ на разстояніи десяти миль могъ знать, что старикъ былъ повѣшенъ на деревѣ въ своемъ саду, особенно если онъ вышелъ изъ Кимбальтона за часъ прежде преступленія? Эти противурѣчія, смущеніе и испугъ негра доказывали ясно, что онъ сообщникъ убійцы, если убійство дѣйствительно случилось, и Доминикъ готовъ уже былъ закричать, чтобъ его остановили, но потомъ подумалъ:

— Пусть онъ бѣжитъ; я не хочу, чтобъ его черная кровь пала на мою голову! Смерть преступника не оживитъ старика Гиггинботома. И признаюсь, хотя это и дурно, но я даже не желалъ бы, чтобъ покойникъ опять ожилъ, только для того, чтобъ сдѣлать мои разсказы несправедливыми.

Разсуждая такимъ-образомъ, Доминикъ Пейкъ прибылъ въ Паркерсъ-фольсъ, селеніе, какъ всѣмъ извѣстно, цвѣтущее, съ тремя бумажными фабриками. Разнощикъ прошелъ главную улицу, и остановился въ знакомой гостинницѣ. Машины еще не дѣйствовали, и только нѣкоторые лавочники открывали свои двери. Доминикъ прежде всего позаботился, чтобъ дали его лошаdkѣ овса, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ разсказать служителю на конюшнѣ несчастную смерть г. Гиггинботома. Однако на этотъ разъ онъ былъ осторожнѣе, и не означая положительно дня преступленія, не увѣрялъ также, что убійца былъ ирландецъ или негръ. Изъ предосторожности также, онъ не называлъ тѣхъ, кто сообщилъ ему объ этомъ несчастіи, но говорилъ только объ общихъ слухахъ.

Исторія эта облетѣла селеніе съ быстротою метеора; всѣ говорили объ одномъ и томъ же, и никто не могъ дойти до источника слуховъ. Здѣсь всѣ знали г. Гиггинботома, потому-что онъ былъ владѣлецъ плавильнаго завода и былъ въ компаніи бумажныхъ фабрикантовъ. Граждане Паркерсъ-фольса живо чувствовали, что ихъ матеріальное существованіе связано съ судьбою стараго богача, и волненіе въ народѣ было

такъ велико, что ежедневная газета, не ожидая официальныхъ подтвержденій, напечатала статью, окруженную черною каймою, съ слѣдующимъ названіемъ, набраннымъ огромными буквами:

УЖАСНОЕ УБИЙСТВО Г. ГИГГИНБОТОМА.

Между—прочими подробностями была описана даже веревка, сдавившая шею покойника, и назначена сумма въ тысячу долларовъ, которую у него украли. Чувствительный параграфъ описывалъ горестъ его племянницы, которая поминутно падала въ обморокъ съ тѣхъ—поръ, какъ несчастнаго ея дядю нашли повѣшеннымъ на толстомъ сучкѣ его собственной груши и съ пустыми карманами. Извѣстный поэтъ написалъ балладу въ честь печали молодой племянницы. Важнѣйшіе граждане Паркерсъ—фольса собрались, и въ уваженіе своихъ отношеній къ покойнику, рѣшили публиковать, что пятьсотъ долларовъ будетъ выдано тому, кто поймаетъ убійцу и отниметъ у нихъ краденныя деньги.

Въ ожиданіи этихъ официальныхъ выраженій горести, все народонаселеніе Паркерсъ—фольса, состоящее изъ лавочниковъ, содержательницъ торговыхъ заведеній, работниковъ и работницъ съ фабрикъ, служанокъ и дѣтей, собралось на улицѣ, и начало такъ шумно изъявлять свою печаль, что заглушило бы навѣрно шумъ машинъ на фабрикахъ, еслибы фабрики не были закрыты на этотъ день, изъ уваженія къ памяти покойника. Если г. Гиггинботомъ желалъ извѣстности послѣ смерти, то тѣнь его должна была наслаждаться этимъ триумфомъ. Нашъ другъ Доминикъ, изъ тщеславія, забылъ свою осторожность, и ставъ на городскую пожарную трубу объявилъ, что онъ первый принесъ въ городъ эту вѣсть, которая произвела такое волненіе. Въ одну минуту его окружили, и онъ долженъ былъ начать новое изданіе своего разсказа, какъ вдругъ въ улицу вѣхала почтовая карета. Она ѣхала цѣлую ночь, и должна была перемѣнить лошадей въ Кимбальтонѣ въ четыре часа утра.

— Теперь—то мы узнаемъ всѣ подробности! закричала толпа.

И всѣ побѣжали за экипажемъ до гостиницы, гдѣ останавливалась почта. Если до этой минуты были еще жители, которые оставались въ домахъ, то теперь рѣшительно всѣ вышли на улицу, и старались протолкаться, чтобъ поскорѣе узнать о горестномъ происшествіи. Доминикъ первый бросился къ двумъ путешественникамъ, которые только—что

проснулись и не могли понять, чего хочетъ отъ нихъ эта толпа любопытныхъ. Возможно ли было отвѣчать на всѣ вопросы? Оба путешественника молчали, какъ нѣмые, хотя одинъ изъ нихъ былъ адвокатъ, другой — женщина.

— Г. Гиггинботомъ! Гиггинботомъ! Расскажите, что съ нимъ случилось, ревѣла толпа. Чѣмъ рѣшилъ судъ? Нашли ли преступниковъ? Пришла ли въ чувство племянница г. Гиггинботома? Г. Гиггинботомъ! Г. Гиггинботомъ!

Вмѣсто отвѣта, кондукторъ началъ бранить кучеровъ, за то, что они нескоро впрягаютъ лошадей. Адвокатъ, какъ умный человѣкъ, говорилъ только, когда понималъ о чемъ идетъ дѣло, и вслушавшись наконецъ въ вопросы любопытныхъ началъ тѣмъ, что показалъ толпѣ большой красный портфель; въ это время Доминикъ Пейкъ, какъ вѣжливый молодой человѣкъ, бывъ увѣренъ, что язычекъ женщины можетъ рассказать дѣло лучше адвоката, отворилъ дворцы кареты и подаль руку дѣвушкѣ, чтобъ помочь ей сойти на землю. Это была молоденькая и свѣженькая дѣвушка, съ блестящими глазками, розовыми губками, и такая хорошенькая, что Доминикъ согласился бы лучше, чтобъ она рассказала что-нибудь другое, а не исторію ужаснаго убійства.

Адвокатъ началъ говорить первый:

— Господа и госпожи, сказалъ онъ присутствовавшимъ, могу васъ увѣрить, что это какая-то необъяснимая ошибка, выдуманная для того, чтобъ уничтожить кредитъ г. Гиггинботома, произвела это волненіе. Мы перемѣнили сегодня утромъ лошадей въ Кимбальтонѣ, и еслибъ случилось тамъ какое-нибудь убійство, то мы были бы уведомлены о томъ. Во всякомъ случаѣ, если убили кого-нибудь, то не г. Гиггинботома. У меня есть на это письменное доказательство. Вотъ записка его руки о процессѣ, который находится въ судѣ Коннектикута. Она написана вчера, въ десять часовъ вечера, и сегодня самъ г. Гиггинботомъ отдалъ мнѣ ее при проѣздѣ почтовой кареты.

Сказавъ это, адвокатъ показалъ записку и число, такъ что Доминикъ не могъ уже сомнѣваться, что злой старикъ былъ еще живъ, когда писалъ и отдавалъ записку, или оставалось предположить, что г. Гиггинботомъ былъ такъ озабоченъ своими дѣлами, что продолжалъ ими заниматься даже послѣ смерти. Разумѣется, что нашлись бы упрямые и недовѣрчивые люди, которые не повѣрили этому, притомъ же явилось и другое неожиданное опроверженіе рассказовъ торговца табакомъ. Молодая дѣвушка, выслушавъ Доминика, расправила свое платье, приглади-

ла волосы, и ставъ въ дверяхъ гостинницы, скромно дала знать, что хочетъ говорить:

— Добрые люди, сказала она, я племянница г. Гиггинботома.

Ропотъ удивленія пробѣжалъ по толпѣ, ропотъ удивленія и восхищенія, когда увидѣли, что племянница г. Гиггинботома такъ хороша собою и нисколько не похожа на отчаянную дѣвушку, лежащую въ безконечномъ обморокѣ. Правда, что нѣкоторые скептики Паркерсъ-фольса увѣряли, что несмотря на подтвержденія газеты, невозможно, чтобы племянница покойника обнаруживала такое отчаяніе, когда она была единственно наслѣдницею Гиггинботома.

— Вы видите, продолжала миссъ Гиггинботомъ съ улыбкою, что ваша исторія не имѣетъ никакого основанія, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ. Что же касается до моего дядюшки, то я могу васъ успокоить и на его счетъ. Я живу у него, но содержу школу, чтобъ не быть ему въ тягость. Сегодня поутру я выѣхала изъ Кимбальтона, погостить два дня у моей подруги, которая живетъ въ пяти миляхъ отъ Паркерсъ-фольса. Мой добрый дядюшка самъ проводилъ меня до почтовой кареты; вмѣстѣ со мною ѣхалъ также адвокатъ, которому онъ отдалъ записку. Мнѣ онъ далъ два доллара съ половиною, чтобъ заплатить за мѣсто, и еще долларъ на непредвидимыя издержки; кромѣ-того, онъ мнѣ положилъ нѣсколько бисквитъ въ мѣшокъ, для завтрака, и совѣтовалъ не останавливаться въ гостинницахъ. И такъ я увѣрена, что оставила дядюшку живаго и здороваго, и надѣюсь послѣ моего путешествія найти его такимъ же.

Эта рѣчь, заключенная реверансомъ, показалась такъ умна, ясна и вѣрна, что всѣ рѣшили единогласно, что племянница господина Гиггинботома достойна быть начальницею первой академіи дѣвицъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но въ то же время, иностранецъ могъ бы подумать что господина Гиггинботома ненавидѣли въ Паркерсъ-фольсѣ—такъ разсердилось все его народонаселеніе, когда узнало, что онъ живъ. Разумѣется, что весь гнѣвъ обратился на несчастнаго Доминика Пейка. Работники начали поговаривать о примѣрномъ наказаніи враля. Одни предлагали вымазать его смолою, и потомъ вывалить въ перьяхъ, другіе хотѣли выкупать его въ бассейнѣ, у котораго стояла пожарная труба, служившая ему каедрой для распространенія ложной вѣсти. Члены муниципальнаго совѣта совѣтовали судить его по законамъ, за то, что онъ произвелъ народное волненіе. Ничто, кажется, не могло спасти Доминика отъ гнѣва народа, или отъ преслѣдованій законныхъ, но племянница господина Гиггинботома защитила его въ прекрасной рѣчи. Его отпу-

стали, но едва онъ успѣлъ въ нѣсколькихъ словахъ поблагодарить свою благодѣтельницу, какъ попалъ подъ выстрѣлы уличныхъ мальчишекъ, которые забросали его грязью. Даже въ ту минуту, когда онъ оглянулся, чтобъ посмотреть въ послѣдній разъ на ту, которая спасла его, кусокъ грязи попалъ ему прямо въ лицо. Онъ былъ весь такъ выпачканъ, что хотѣлъ даже вернуться, и попросить, чтобъ его выкупили въ бассейнѣ. Это мщеніе было бы теперь для него благодѣяніемъ.

Однако же солнце согрѣло вскорѣ бѣднаго Доминика своими жаркими лучами, и высушенная грязь, эмблема незаслуженнаго наказанія, была скоро отчищена. Нашъ пріятель былъ счастливаго характера; онъ опять развеселился, и не могъ даже удержаться отъ хохота, подумавъ о шумѣ, который произвелъ своею исторіею. Все-таки я оказалъ услугу, сказалъ онъ. Афиши паркерсфольскаго правленія заставятъ останавливать всѣхъ мошенниковъ въ окрестностяхъ. Прочитавъ статью въ газетѣ, всѣ скупые побоятся за свое золото, и не будутъ копить мертвыхъ капиталовъ. Какой шумъ произведетъ эта статья... Я готовъ держать пари, что ее перепечатаютъ во Флоридѣ, потомъ въ другихъ штатахъ. Лондонскіе журналы подхватятъ эту новость, потомъ она перейдетъ на твердую землю, и заставитъ содрагаться читателей Старого и Новаго свѣта.

Доминикъ торжествовалъ, какъ-будто бы онъ самъ былъ журналистъ, но все это не могло заставить его забыть краснорѣчія молоденькой школьной учительницы.

— Боже мой! закричалъ онъ въ восторгѣ: она хороша какъ роза, и краснорѣчива какъ Даниель Вебстеръ! И въ мою защиту говорила она такъ прекрасно! Она спасла меня отъ разъяренной черни Паркерсфольса.

Доминикъ подошелъ въ это время къ заставѣ Кимбальтона, и хотя ему было не по дорогѣ, но онъ рѣшился пройти чрезъ этотъ городъ, и потомъ уже отправиться въ Мористоунъ. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ случилось предположенное убійство, онъ размышлялъ объ этомъ странномъ происшествіи, и самъ удивлялся запутанности его. Положимъ, первый путешественникъ хотѣлъ мистифировать его, но второй... этотъ негръ, долженъ былъ слышать о преступленіи, или самъ участвовать въ немъ... Какъ иначе объяснить его смущеніе, страхъ, когда ему нечаянно сдѣлали вопросъ? Тутъ должна скрываться тайна. И какое странное стеченіе обстоятельствъ: оба путешественника такъ хорошо знали характеръ и привычки скупца. У господина Гиггинботома былъ фруктовый садъ, въ этомъ саду дерево, мимо котораго онъ проходилъ каждый

вечеръ домой. Думая обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, Доминикъ началъ сомнѣваться въ справедливости автографа, находящагося у адвоката, и даже въ свидѣтельствѣ племянницы. Собирая осторожно по дорогѣ новыя свѣдѣнія. Доминикъ узналъ, что у господина Гиггинботома былъ слуга ирландецъ, подозрительнаго характера, и котораго онъ принялъ къ себѣ въ услуженіе, не разузнавъ предварительно о его поведеніи, потому только, что онъ просилъ мало жалованья.

— Пусть меня самого повѣсятъ! закричалъ Доминикъ, если я повѣрю, что старый Гиггинботомъ не сдѣлался жертвою своей экономіи, развѣ только я самъ его увижу, и онъ мнѣ скажетъ, что это неправда. Впрочемъ, если и онъ самъ будетъ меня увѣрять, то я повѣрю ему тогда, когда тоже самое подтвердятъ мнѣ священникъ его прихода и другіе почетные и честные люди.

Ночь была уже близка, когда Доминикъ подошелъ къ караульному дому и увидѣлъ передъ собою всадника, который, проѣхавъ заставу, ласково кивнулъ головою сборщику пошлинъ, и продолжалъ свой путь къ селенію. Нашъ знакомецъ пошелъ за нимъ, но остановился на минуту чтобъ размянуть серебряную монету и поговорить съ сборщикомъ, его старымъ пріятелемъ.

Послѣ обыкновенныхъ фразъ о погодѣ и здоровьѣ, Доминикъ сказалъ, опуская тихонько кнутъ на спину своей лошади.

— Я думаю, что вы давно уже не видѣли господина Гиггинботома?

— Да онъ только передъ вами проѣхалъ въ эту заставу, отвѣчалъ сборщикъ, и вы можете его видѣть вдали. Онъ сегодня въ полдень поѣхалъ въ Водфильдъ, на аукціонъ. Обыкновенно онъ мнѣ даетъ руку и разговариваетъ со мною, но сегодня онъ не много опоздалъ, и потому успѣлъ только кивнуть мнѣ головою. Онъ положилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ быть въ восемь часовъ дома.

— Мнѣ тоже говорили объ этомъ, замѣтилъ Доминикъ.

— Бѣдный господинъ Гиггинботомъ, продолжалъ сборщикъ: онъ похудѣлъ въ последнее время; сегодня я замѣтилъ, что онъ необыкновенно блѣденъ и похожъ на привидѣніе.

Доминикъ посмотрѣлъ вдали, гдѣ сквозь сумерки могъ различить силуэтъ всадника; ему показалось, что сборщикъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе. Господинъ Гиггинботомъ былъ похожъ на тѣнь. Доминикъ невольно содрогнулся и подумалъ:

— Неужели старикъ дѣйствительно вернулся на этотъ свѣтъ, и проѣхалъ сейчасъ заставу въ Кимбальтонъ?

Не продолжая разговора, нашъ пріятель дернулъ возжи своей лошади, и поѣхалъ за всадникомъ, не догоняя его однако же, до-тѣхъ-поръ, пока на поворотѣ не потерялъ его изъ виду. Онъ вѣхалъ въ селеніе, началъ встрѣчать прежде сарай, потомъ таверны, наконецъ увидѣлъ стѣну и рѣшетку, окружающую домъ господина Гиггинботома. За этой стѣной былъ садъ, черезъ который надобно было пройти, чтобъ попасть въ домъ, стоявшій немного влѣво. Доминикъ узналъ всѣ окрестности, и сѣрая лошадка инстинктивно остановилась у калитки, хотя хозяинъ ея и не укоротилъ поводья.

— Нѣтъ, я не могу удержаться, сказалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я хочу посмотрѣть, не виситъ ли господинъ Гиггинботомъ на своемъ толстомъ деревѣ.

Онъ соскочилъ съ тележки, привязалъ лошадь къ рѣшеткѣ, и побѣжалъ по саду къ роковой грушѣ. Въ эту минуту на часахъ било восемь. Толстый сукъ дерева выступалъ впередъ и бросалъ тѣнь на аллею. Подъ деревомъ происходила страшная борьба.

Доминикъ никогда не предполагалъ въ себѣ болѣе храбрости, сколько ему было необходимо въ его миролюбивомъ ремеслѣ. Въ другихъ обстоятельствахъ, онъ, можетъ-быть съ осторожностью бы отошелъ подальше, но его мучила одна мысль, и онъ бросился впередъ. Видя, что одинъ человекъ старается задушить другаго, онъ вступился за побѣжденнаго, и скоро, въ свою очередь, положилъ къ ногамъ своимъ здороваго ирландца... Возлѣ этого ирландца, не повѣшенный еще на деревѣ, но уже съ веревкой на шеѣ лежалъ старый Гиггинботомъ.

— Господинъ Гиггинботомъ! закричалъ Доминикъ, вы честный человекъ, и не захотите обмануть меня... скажите: были ли вы повѣшены или нѣтъ?

Если читатель не отгадалъ еще разгадки нашего разсказа, то мы объяснимъ въ нѣсколькихъ словахъ, — это стеченіе обстоятельствъ, по которымъ давно предположенное убійство все-таки не удалось. Три злодѣя сговорились убить богатаго старика; двое изъ нихъ испугались преступленія и бѣжали. Поэтому убійство откладывалось, послѣ каждаго побѣга сообщниковъ, на сутки. Третій рѣшился наконецъ дѣйствовать одинъ, какъ вдругъ явился случайный защитникъ старика, привлеченный къ давно уже назначенному мѣсту преступленія. На этотъ разъ странствующій разнощикъ табаку и сигаръ, Доминикъ Пейкъ, явился настоящимъ героемъ древняго рыцарства.

Намъ остается только прибавить къ нашему справедливому разсказу, что старый Гиггинботомъ полюбилъ своего спасителя, помогъ ему сой-

тись и объясниться съ хорошенькою и краспорѣчивою племянницею, женилъ ихъ и завѣщалъ все свое состояніе ихъ дѣтямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого онъ умеръ спокойно въ своей постели, христіанскою смертію, а Доминикъ Пейкъ выѣхалъ съ наслѣдствомъ изъ Кимбальтона, и основалъ большую табачную фабрику въ томъ городѣ, гдѣ я живу.

Revue Britannique.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

I.

ЧЕЛЕСТА КОЛТЕЛЛИНИ И ПАИЗЪЕЛЛО.

СТАТЬЯ СКУДО.

Исторія славныхъ виртуозовъ прошлаго вѣка составляетъ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ предметовъ для критики. Не только чрезвычайно трудно собирать самыя простыя данныя для ихъ біографіи, но тутъ представляется еще другое обстоятельство, которое невольно должно вводить въ заблужденія. Когда думаешь, что попалъ на слѣдъ этихъ перелетныхъ птицъ, которыя садятся сегодня на одно дерево, завтра на другое, и что остается только записывать, такъ-сказать, ихъ переливы, ловить тысячи оттѣнковъ вокализаци, составляющихъ характеръ и содержаніе ихъ стиля,— не тутъ-то было: они исчезаютъ у васъ изъ-подъ руки. Въ весьма немногочисленныхъ сочиненіяхъ, ведущихъ рѣчь объ этихъ замѣчательныхъ феноменахъ искусства и природы, находишь одни пустыя удивленія или похвальные слова, которыхъ значеніе опредѣлить очень трудно. Чтобы достигнуть результатовъ, не слишкомъ сомнительныхъ, чтобы составить себѣ приблизительно вѣрное мнѣніе о пѣвцѣ,

котораго не слыхаль, нужно сравнить разсказъ біографовъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о современныхъ артистахъ, съ музыкой, служившей темою ихъ успѣха, и выводитъ изъ этого сближенія заключеніе, которое не было бы запятнано поклоненіемъ. Таковъ процессъ, котораго мы постоянно держались въ тѣхъ этюдахъ, гдѣ пытались возвать къ жизни интересныя образы, съ которыхъ время постерло краски.

Челеста Колтеллини была, безъ-сомнѣнія, одною изъ замѣчательнѣйшихъ пѣвиць конца прошедшаго столѣтія. Родившись во Флоренціи, кажется, въ 1764 г., отъ отца, пользовавшагося нѣкоторою литературною извѣстностію, она получила въ своемъ семействѣ хорошее воспитаніе, которое принесло ей немало пользы на артистическомъ ея поприщѣ. Она дебютировала въ Неаполѣ, въ 1781 г.,—въ какой пьесѣ—никто не знаетъ. Вѣрно то, что успѣхъ ея былъ столько же великъ, какъ и неожиданный, и доставилъ ей извѣстность, которая быстро распространилась по всей Италіи. Колтеллини было около семнадцати лѣтъ, она была въ полномъ блескѣ юности, и ея талантъ, полуприкрытый робостію, исполненной граціи, предзнаменовалъ лучезарный разсвѣтъ.

Императоръ Іосифъ II, будучи въ Неаполѣ, въ концѣ 1783 г., услышалъ Колтеллини, и до того восхитился ею, что приказалъ ангажировать ее для придворнаго итальянскаго театра въ Вѣнѣ. Въ началѣ 1785 г. Колтеллини пріѣхала въ столицу Австріи, была превосходно принята императоромъ и осыпана его милостями, если вѣрить нѣсколько подозрительному свидѣтельству Лоренца да Понте, находившагося тогда въ Вѣнѣ и приготовлявшаго холстъ, * на которомъ генію Моцарта суждено было излить всѣ чудеса своего искусства. Не слѣдуетъ, однакожь, черезчуръ останавливаться на этихъ толкахъ о Колтеллини. Лоренцо да Понте, повидимому, не признавалъ ея достоинствъ потому только, что она пользовалась покровительствомъ аббата Касти, его врага, оспаривавшаго у него мѣсто Метастазіо, только-что умершаго. Несомнѣнно, что Колтеллини нашла въ Вѣнѣ благопріятную публику и, сверхъ-того, превосходные совѣты Манчини, которыми умѣла съ толкомъ воспользоваться. Манчини былъ славный сопранистъ, объѣздившій Италію въ качествѣ виртуоза и поселившійся, около 1760 г., въ Вѣнѣ, гдѣ былъ сдѣланъ преподавателемъ пѣнія эрцгерцогинь австрійскихъ. Родившись въ Асколи, въ Церковныхъ владѣніяхъ, питомецъ Бернакки въ Болоньи, одной изъ лучшихъ въ Италіи школъ, Манчини вадѣль, по преданію, тайною искусства очаровывать гибкостію и

* Либретто для «Донъ-Жуана.»

выразительностію человѣческаго голоса, и передавалъ своимъ ученикамъ правила этого искусства, которыя потомъ собралъ въ изданной имъ «Pensieri e riflessioni pratiche sopra il canto figurato», книгѣ, которую артисты всегда будутъ читать съ пользою. Манчини былъ учителемъ принцессъ, и исполнялъ все условія, которыхъ строгая Марія Терезія требовала отъ наставника. Онъ образовалъ многихъ ученицъ, между которыми была и несчастная Марія—Антуанетта.

Колтеллини, во-время перваго своего пребыванія въ Вѣнѣ, имѣла съ большимъ успѣхомъ въ оперѣ «La Villanella rapita», гдѣ она восхищала всехъ своимъ умомъ и граціей. Моцартъ, несравненный Моцартъ, который для того, чтобы какъ-нибудь существовать, былъ осужденъ писать даже контрдансы для тавернъ, сочинилъ для Колтеллини и ея товарищей, сначала кватуоръ, а потомъ тріо, которые были вставлены въ эту оперу и сдѣлались лучшимъ ея украшеніемъ. Заваленная сонетами и гирляндами, «carica di ghirlande» какъ говоритъ Феррари въ своихъ пріятныхъ мемуарахъ*, Челеста воротилась въ Неаполь, въ началѣ 1786 года. Тамъ она имѣла счастье встрѣтить Паиззелло, который, за два года предъ тѣмъ, вернулся изъ Петербурга. Она явилась передъ неаполитанской публикой, которая ободрила ея дебютъ и которой идоломъ она осталась въ довольно-слабой оперѣ Паиззелло «Gare genovese o li Schiave per amore», вмѣстѣ съ сестрою Аннетою, превосходнымъ теноромъ Виганони и буффомъ Казасцелло. Тогда-то Паиззелло написалъ для Колтеллини, которой талантъ, исполненный трогательной граціи, онъ понялъ, три оперы, давшія болѣе яркій свѣтъ славѣ неаполитанскаго маэстро и упрочившія славу пѣвицы; мы говоримъ о: «La Cuffiara», «La Molinara», очаровательной пасторали, представленной въ 1786 году, и въ-особенности о «Nina pazza per amore», самой полной, живой партитурѣ Паиззелло.

Въ маѣ 1787 года, того самого, въ который родился моцартовъ «Донъ-Жуанъ», въ первый разъ дана «Нина» въ Неаполѣ, въ королевскомъ дворцѣ Казерта, съ успѣхомъ, въ которомъ энтузіазмъ сливался съ самымъ глубокимъ потрясеніемъ. Эта опера, облетѣвшая кругомъ свѣта и которой первый успѣхъ оправданъ повсемѣстнымъ восторгомъ, была написана именно для Колтеллини, исполнявшей въ ней главную роль, для сестры ея Аннетты, для тенора Лаззарини, для

* «Aneddoti piacevoli» di Giacomo Gotifreddo Ferrari; 2 vol. in 8o. Феррари былъ пріятный сочинитель романсовъ и канцонетъ, жившій почти постоянно въ Англіи, гдѣ въ 1830 г. онъ издалъ приводимое сочиненіе, и посвятилъ его королю Георгу IV.

Таски, Тралалзи и г-жи Боллини. Въ памяти людей со вкусомъ, слѣдующихъ въ Неаполѣ за успѣхомъ искусства пѣнія, сохранился родъ преданія о первомъ представленіи «Нинны». Повидимому, Колтеллини до-того была восторжена въ неподобномъ романсѣ «*Il mio ben quando veggo*», что даже важныя придворныя дамы, заливаясь слезами, сквозь рыданія, закричали: «*Si, si verra, il tuo Lindora*», — «да, да, онъ вернется, твой возлюбленный!» Счастливое время, когда созданія искусства производили подобія впечатлѣнія, соединяя въ общемъ восторгѣ композитора, пѣвца и публику! Мы видѣли почти въ наше время повтореніе такого же чуда, когда г-жа Паста пѣла въ Парижѣ роль *Нинны*, въ которой она была неподражаема. Я думаю, что госпожа Паста была послѣднею великою пѣвицею XIX вѣка, умѣвшею передавать простую и трогательную грацію лучшаго творенія Паиззелло.

Послѣ огромнаго успѣха въ Неаполѣ, Колтеллини должна была вернуться въ Вѣну, куда и пріѣхала, во второй разъ, осенью 1787 г. Она явилась въ пьесѣ, въ то время очень-модной, «*La cosa gaга*», (Рѣдкая вещь) испанца Мартини; либретто принадлежало Лоренцу да-Понте. Эта опера, написанная въ Вѣнѣ въ 1786 году, имѣла честь соперничать въ успѣхъ съ «Свадьбою Фигаро» Моцарта, которая была написана въ томъ же году и въ томъ же городѣ. Не желая сближать вещи столь различнаго свойства, я не могу не сказать, что не должно отнюдь пренебрегать оперой Мартини, и что самъ Моцартъ любилъ отдавать справедливость легкимъ и свѣтлымъ мелодіямъ этой оперы. Будь въ ней одинъ только дуэтъ, столько знакомый старымъ диллетантамъ:

Race, mio caro sposo!
 Race, mio dolce amore?
 Non sarai più geloso?
 No, nol sarò, mio core —

то и этого было бы достаточно, чтобъ объяснить успѣхъ, который имѣла, въ-продолженіе тридцати лѣтъ, опера столь-простой фактуры, когда была исполняема пѣвцами, подобными Мандини, создавшему роль принца. Мандини былъ виртуозъ рѣдкаго достоинства, котораго теноръ, мягкій, гибкій, нѣжный и общительный, разсыпался каскадомъ безъ усилій и наполнялъ слухъ самыми пріятными звуками. Одаренный прекрасною наружностію, умный, образованный и отличный знатокъ музыки, Мандини преимущественно имѣлъ успѣхъ въ полухарактерныхъ роляхъ, которыя допускалъ стиль бѣльшей части оперъ-буффо того времени, и въ-особенности стиль му-

зыки Мартини. Послѣ ряда успѣховъ въ Неаполь, Миланѣ, Венеціи и Вѣнѣ, Мандини, въ 1789 г., прибылъ въ Парижъ, и вмѣстѣ съ знаменитою Морикелли, присоединился къ той прекрасной труппѣ итальянскихъ пѣвцовъ, которая оставалась во Франціи до 1792 года. Всѣ старые диллетанты, слышавшіе въ то время Мандини въ «La cosa gaга», единогласно утверждаютъ, что теперь ничто не можетъ дать понятія о методѣ, доведенной до такого совершенства. Мой знаменитый учитель, Александръ Шоронъ (Choron), въ тѣ весьма рѣдкія минуты, когда бывалъ почти-доволенъ нами, говаривалъ: «Вотъ, еслибы вы слышали Мандини въ «La cosa gaга», не столько труда стоило бы вамъ понять идеаль, который я стараюсь пробудить въ васъ!» Онъ постоянно кончалъ эту маленькую рѣчь тѣмъ, что принимался дребезжащимъ голосомъ напѣвать чудную фразу «Pace mio caro sposo!» до-тѣхъ-поръ, пока волненіе окончательно заглушало остатки голоса, нѣкогда бывшаго, вѣроятно, теноромъ довольно-двусмысленнымъ. Послѣ 10 августа, Мандини вернулся въ Италію; онъ былъ въ Венеціи въ 1794 году, а въ слѣдующемъ — въ Петербургѣ, г-жа Виже-Лебрень имѣла удовольствіе его слышать и дивиться одному изъ совершеннѣйшихъ пѣвцовъ конца XVIII вѣка.

Колтеллини оставила Вѣну по кончинѣ императора Іосифа II, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 9 февраля 1790 года. Возвратясь въ Неаполь, она пѣла еще нѣсколько лѣтъ, съ успѣхомъ, постоянно возраставшимъ. Въ 1795 году она покинула поприще, составившее ея славу; по случаю брака съ швейцарскимъ банкиромъ Мерикофромъ, и такимъ-образомъ смѣнила тревожную жизнь, на сладкія и строгія обязанности супруги и матери. Окруженная всеобщимъ уваженіемъ, г-жа Мерикофръ жила до 1822 года, и въ настоящее время, сыновья Челесты Колтеллини, блистательной пѣвицы, создавшей роль Нины, управляютъ однимъ изъ первыхъ банкирскихъ домовъ Неаполя.

Челеста Колтеллини владѣла голосомъ mezzo-soprano обыкновеннаго объема и чрезвычайной гибкости. Этотъ голосъ, вѣрный, чистый, и вездѣ ровный, казалось, былъ созданъ нарочно для выраженія нѣжныхъ чувствованій, умѣренныхъ отгѣнковъ страсти. Живая, сметливая, она быстро схватывала живописную сторону ролей, которыя ей ввѣряли, и умѣла придавать имъ фізіономію, полную граціи и правды. Стройный, высокій ростъ, глаза, искрившіеся умомъ, очаровательное лицо, разцвѣтавшее при каждомъ словѣ и, сквозь сіяніе веселости, позволявшее заключать о нѣжномъ волненіи, всегда готовомъ вылиться: таковы были природные дары, отличавшіе Колтеллини, которой прекрасный талантъ возбуждалъ удивленіе всѣхъ современниковъ.

Нѣмецъ Рейхардтъ, венеціанецъ Майеръ, докторъ Берни, лордъ Эджемъ, самъ да-Понте, и въ-особенности Феррари—относятся о Колтеллини, какъ о лучшей пѣвицѣ конца XVIII вѣка. «Это былъ клейнодъ, *ega un giojello*» — говоритъ Феррари, который коротко зналъ ее въ 1786 году, въ бытность свою въ Неаполѣ, куда онъ ѣдиль учиться композиціи у Паиззелло. «Очаровательная въ «*La Molinara*» (Мельничихѣ) и во всѣхъ роляхъ, которыя она исполняла,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—она была безподобна въ «*La Nina*», и произвела въ ней такое впечатлѣніе, что публика едва смѣла дышать.*

Господинъ Лаблашъ, знавшій въ юности Колтеллини, говорилъ намъ однажды: «Это была женщина и пѣвица, совершеннѣйшая изъ всѣхъ, съ которыми я встрѣчался въ моей жизни. Я часто имѣлъ удовольствіе пѣть съ нею. Въ числѣ разныхъ партитуръ, которыя мы любили пѣть вмѣстѣ, я назову дуэтъ изъ Паиззелловой, «*La serva padrona*», гдѣ я всегда приходилъ въ восторгъ отъ ума, энергіи и стилия, которые расточала эта чудная пѣвица, заставившая меня понять, что такое было искусство пѣнія въ счастливыя, былыя времена». Актриса, исполненная ума и живости, пѣвица всегда тронутая и трогавшая, Челеста Колтеллини владѣла талантомъ, въ которомъ самые нѣжные оттѣнки соприкасались, не сливаясь, и составляли прекрасное цѣлое. Умѣя избѣжать послѣдняго крика страсти, который такъ часто злоупотребляютъ въ наши дни, она держала себя одинаково далеко отъ изступленнаго гнѣва и отъ шумной и безумной веселости. Умѣренное выраженіе нѣжныхъ чувствъ, невинный смѣхъ, перемѣшанный слезами и *tenori sospiri* — таковы были качества, которыя дѣлали изъ Колтеллини любимую пѣвицу Паиззелло и какъ бы музу его генія.

Въ золотой цѣпи неаполитанскихъ композиторовъ, начинающейсѣ Александромъ Скарлатти и кончающеюся Чимарозой, Паиззелло занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто. Онъ родился въ Тарентѣ, девятого мая 1741 года, отъ ветеринарнаго врача, Джіованни Паиззелло; пяти лѣтъ вступилъ въ іезуитскій коллегіумъ роднаго города, гдѣ получилъ основательное воспитаніе. Одаренный хорошенькимъ голосомъ, которымъ инстинктъ училъ его управлять со вкусомъ, молодой Паиззелло былъ замѣченъ кавалеромъ Гвардучи, капельмейстеромъ при церкви капуциновъ, который посоветовалъ его родителямъ свезти его въ Неаполь. Въ іюнѣ 1754 года Паиззелло былъ принятъ въ неаполитанскую консерваторію Санто-Онофріо, находившуюся тогда подъ управленіемъ Дуранта, ученѣйшаго

* «*Aneddoti piacevoli*», т. 1, с. 126.

итальянскаго контрапунктиста. Послѣ смерти Дуранта, въ концѣ 1755 года, Паизелло пользовался наставленіями Котумачи и Джіеронима Абоса, слѣдовавшихъ по одному пути. Вышедъ изъ консерваторіи, въ 1763 году, Паизелло, едва двадцатилѣтній юноша, ринулся опрометью на новое поприще, сѣя по всѣмъ театрамъ Италіи плоды своего счастливаго вдохновенія. Сперва онъ отправился въ Болонью, гдѣ сочинилъ двѣ оперы-буффы, «*La pupilla*» и «*Il mondo alla rovescia*», которыя были началомъ его извѣстности. Въ Венеціи онъ положилъ на музыку два либретто Гольдони, «*Il carlione*» и «*Le Pescatrici*», которыя также были приняты съ сочувствіемъ. Переѣхавъ въ Римъ, въ 1765 году, онъ написалъ «*Il marchese di Tulipano*», которой имѣлъ громадный успѣхъ и буквально облетѣлъ всю Европу. Вернувшись въ Неаполь въ 1766 году, Паизелло встрѣтилъ тамъ опасныхъ соперниковъ, между-прочимъ, Гульельми и Пиччини, которые оспаривали у него благоволеніе двора и рукоплесканія публики, всегда непостоянной и измѣнчивой въ своемъ сочувствіи. «*Idolo cinese*», опера-буффа въ двухъ актахъ, была то произведеніе, которое доставило Паизелло блистательную побѣду и помѣстила его имя въ число великихъ композиторовъ Италіи. Послѣ десяти лѣтъ успѣха въ главныхъ городахъ полуострова, Паизелло былъ приглашенъ Императрицею Екатериною Великою къ русскому двору, и отправился въ Россію въ 1776 году. Изъ значительнаго числа разнообразныхъ сочиненій, написанныхъ имъ въ Петербургѣ, должно замѣтить, «*La serva padrona*», оперу-буффу въ одномъ дѣйствіи, заказанную ему Императрицею на сюжетъ, служившій уже Перголезе въ 1751 году, на «*Il Barbiere di Siviglia*», котораго не заставило даже забыть мастерское произведеніе самого Россини. Проѣздомъ черезъ Германію, на обратномъ пути въ Италію, Паизелло остановился въ Вѣнѣ въ 1784 году, и написалъ тамъ оперу «*Il re Teodoro*», на либретто аббата Касты, произведеніе прелестное, гдѣ есть септуоръ, сдѣлавшійся знаменитымъ во всей Европѣ.

Тринадцатилѣтіе между 1786 и 1798 годами составляетъ счастливѣйшій и плодovitѣйшій періодъ жизни Паизелло. Расположеніемъ двора привязанный къ Неаполю, онъ написалъ здѣсь рядъ очаровательныхъ произведеній, по которымъ разлилъ весь ароматъ своего нѣжнаго и мелодическаго дарованія. Изъ этихъ сочиненій должно назвать «*La Moli-paga*», «*L'Olimpiada*», гдѣ находится дивный дуэтъ «*Ne' giorni tuoi felici*», написанный для Маринелли, и наконецъ «*La Nina*», *chef d'oeuvre*, котораго одного достало бы, чтобы обезсмертить имя Паизелло. Французская революція, перевернувъ Италію, и въ-особенности неаполитанское королевство, коснулася и мирнаго существованія Паизелло; отъ нея так

же чуть-чуть не погибъ Чимароза. Лишенный всѣхъ своихъ званій и доходовъ, Паиззелло жилъ въ забвеніи, до того дня, когда Первый Консулъ Бонапарте, питавшій высокое уваженіе къ автору «Нины», послалъ просить его у неаполитанскаго короля Фердинанда IV, съ намѣреніемъ поручить ему устройство музыки своей капеллы.

Въ сентябрѣ 1802 года Паиззелло прибылъ въ Парижъ, гдѣ расположеніе, которое оказывалъ ему Первый Консулъ, вооружило противъ него ревность французскихъ композиторовъ. Чтобы, въ одно и то же время, противодѣйствовать этому расположенію, и отмстить за честь великихъ французскихъ артистовъ, которыхъ достоинствъ не признавали, Мегюль сочинилъ оперу «L'Igato», въ которой хотѣлъ подвергнуть осмѣянію итальянскую музыку, доказавъ, какъ легко подражать щегольскимъ формамъ Пиччини, Гульельми, Чимарозы и другихъ. Изъ всѣхъ французскихъ композиторовъ, жившихъ въ то время, Мегюль былъ, конечно, послѣдній, которому позволено было льстить себя надеждой на успѣхъ въ подобной попыткѣ. Какова бы ни была вся эта шутка съ «L'Igato», но Мегюль былъ побѣжденъ своими собственными аргументами, потому-что его пріятная партитура заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ частныхъ, превосходный кватуоръ, всѣмъ извѣстный, очень хорошенькое тріо, дуэтъ начала «Jurons de les aimer toujours», и теноровую арію, исполненную тонкости. Паиззелло все-таки остался любимымъ музыкантомъ Перваго Консула, который осыпалъ его щедротами. Бонапарте, присутствуя при представленіи, не знаю которой, изъ оперъ Паиззелло, куда была вставлена арія-буффа Чимарозы «Sei togelli e quarto bai», былъ до того восхищенъ слышанной музыкой, что сказалъ своему любимому композитору: «Прекрасно, маэстро; ваша опера чрезвычайно забавна: арія «Sei togelli» особенно доставила мнѣ большое удовольствіе». Озадаченный комплиментомъ, Паиззелло поклонился молча, не дерзнувъ, разумѣется, признаться высокому покровителю, что арія, его поразившая, была единственная изъ всѣхъ, на которую онъ не могъ предъявить авторскаго права.

Въ 1803 году Паиззелло попробовалъ сочинить большую французскую оперу «Proserpine», но она не имѣла успѣха. Организовавъ императорскую капеллу, которой онъ былъ сдѣланъ главнымъ директоромъ, онъ не долго оставался на этомъ мѣстѣ. Утомленный жизнью въ Парижѣ и борьбами, которыя пришлось ему здѣсь выдержать, онъ просилъ позволенія возвратиться на родину, на что получилъ согласіе не безъ труда. Воротившись въ Неаполь, гдѣ еще царствовалъ домъ Бурбоновъ, Паиззелло попалъ снова въ то блестящее положеніе, въ которомъ находился до немилости. Правительства Жозефа Бонапарте и Мюрата

сохранили ему тѣ же преимущества, но при второй реставраціи, 1815 года, бѣдный Паизелло былъ заброшенъ вторично, и авторъ столькихъ превосходныхъ оперъ умеръ въ Неаполѣ почти въ нуждѣ, пятого іюня 1816 года, семидесяти—пяти лѣтъ отъ роду.

Паизелло былъ человѣкъ ума тонкаго и довольно образованный. Онъ былъ простъ въ обхожденіи, кротокъ и уживчивъ съ лицами, ему близкими и не тревожившими его славы и интересовъ: онъ былъ опасенъ для соперниковъ, которыхъ успѣху онъ подѣ часъ старался противодѣйствовать самыми недостойными средствами. Такъ онъ имѣлъ очень много неприятныхъ столкновеній съ Гульельми, Пиччини, съ добрымъ Чимарозой въ 1793 году, и, наконецъ, съ Россини, который показалъ старому неаполитанскому маэстро, что онъ лучше его понялъ героя Бомарше. Паизелло былъ дородный мужчина, высокаго роста и обладалъ фізіономіей, полной прелести. Въ извѣстномъ его портретѣ, сдѣланномъ госпожею Лебрень, онъ сидитъ у фортепьяно, поднявъ глаза къ небу, гдѣ какъ—будто ищетъ тѣхъ трогательныхъ мелодій, которыми преисполнены его партитуры. Таково должно было быть выраженіе его лица, когда онъ нашелъ неподобный романсъ «Нины» *Il mio ben quando vegga*:

Неаполитанскую школу, отъ Александра Скарлатти, ея основателя, до Чимарозы, ея послѣдняго отпрыска, можно раздѣлить на три различныя группы композиторовъ, характеризующія главные стороны ея развитія. Въ первой группѣ, восходящей до начала XVIII вѣка, находимъ Александра Скарлатти и его непосредственныхъ послѣдователей: Винчи, Порпору, Дуранта, Перголезе и Лео. Во второй видимъ Жомелли, Траэтту, Пиччини, и проч., а въ третьей Гульельми, Саккини, Паизелло и Чимарозу. Эти три группы, занимающія пространство столѣтій, заключаютъ въ себѣ весь ходъ и успѣхъ итальянской музыки, отъ рожденія оперы до французской революціи, гдѣ начинается новая эра. Скарлатти, родившійся въ 1657 г., почти сходится съ Монтеверде, настоящимъ творцомъ оперы и виновникомъ важнаго переворота въ гармоніи; — Скарлатти даетъ слову выраженіе болѣе логичное и свободное, и находитъ грань, которая отнынѣ раздѣляетъ простой речитативъ отъ мелодическаго расцвѣта. Арія, дуэтъ, всѣ формы вокальной мелодіи — только что рождаются отъ руки Скарлатти, который аккомпанируетъ имъ мелодіей, чрезвычайно сжатой, полной вводныхъ модуляцій, и оркестромъ, составленнымъ только изъ квартета, по временамъ лишь подхватываемымъ струями духовыхъ инструментовъ, флейтой, гобоемъ и рогомъ. По этой основѣ, переданной Скарлатти, начинаютъ работать Винчи, Порпора, Дуранте, и въ—особенности Пер-

голезе и Лео, которые придаютъ мелодіи свѣжесть и нѣжность, до нихъ невѣдомыя. Въ-самомъ-дѣлѣ, Перголезе и Лео, композиторы, изъ этой группы наиболѣе вдохновенные, которыхъ вліяніе простирается до появленія Жомелли, около 1740 г. Современникъ Метастазія, котораго онъ былъ другомъ и который только-что преобразовалъ языкъ лирической драмы, Жомелли, вмѣстѣ съ Дуранте, ученѣйшій музыкантъ неаполитанской школы. Это дарованіе могучее и смѣлое, онъ обнимаетъ, всѣ роды композиціи, и успѣваетъ почти столько-же въ церковной музыкѣ, какъ и въ оперѣ, въ которой усиливаетъ оркестръ и развиваетъ всѣ ея части.

Жомелли и Траэтта первые изъ итальянскихъ композиторовъ почувствовали переворотъ, который, нѣсколько лѣтъ спустя, долженъ былъ совершить Глукъ. Они опередили автора «Алцесты» и «Орфея» въ реформѣ лирической драмы тѣмъ, что дали страсти языкъ болѣе энергическій и правдивый. Въ точности соблюдая логику характеровъ и положеній, Траэтта и преимущественно Жомелли ищутъ живописнаго въ выраженіи чувствъ возвышенныхъ, и достигаютъ предположенной цѣли большимъ разнообразіемъ въ выборѣ ритмовъ, живостію модуляцій и относительною силою аккомпанимановъ. По смерти Жомелли, приключившейся 28 августа 1779 г., послѣдователи этого великаго музыканта, повидимому, вдругъ покидаютъ путь, имъ предначертанный, и, вмѣсто того, чтобы продолжать развивать серьезную часть драматической басни чрезъ увеличеніе круга дѣйствія и числа характеровъ осланные музыканты, составляющіе послѣднее поколѣніе неаполитанской школы, почти исключительно привязываются къ оперѣ-буффа, которую доводятъ до совершенства.

Очевидно, что неаполитанская школа, основанная Александромъ Скарлатти въ началѣ XVIII столѣтія, и замыкаемая Чимарозой, умершимъ въ 1801 г., занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи итальянской музыки. Въ-продолженіе вѣка она исчерпываетъ почти всѣ формы мелодіи, могущія служить для выраженія нѣжныхъ ощущеній, которыя носятя на поверхности души, не слишкомъ ее волнуя. Жомелли и Траэтта пытались углубляться въ человѣческое сердце подалѣе, изображать характеры и положенія сложные, при помощи инструментовки болѣе могучей и модуляцій менѣе предвидѣнныхъ. Однакоже, ихъ примѣръ не произвелъ тѣхъ результатовъ, которыхъ должно было ожидать, и Глуку принадлежитъ слава продолжателя реформы лирической драмы, начатой Жомелли. Можно бы сравнить роль неаполитанской школы съ тою, которую играетъ римская школа въ исторіи итальянской живописи; можно найти чистую аналогію между признаннымъ совершенствомъ

последней въ рисунокѣ и неоспоримымъ преимуществомъ первой въ мелодіи тихой и трогательной. На этотъ-то чистый и очаровательный рисунокъ неаполитанской школы, Россини придется бросать блестящія краски своего великолѣпнаго генія.

Въ группѣ композиторовъ, составляющихъ последнее колѣно неаполитанской школы, Паизелло отдѣляется своею особенною фізіономіею. Одаренный воображеніемъ кроткимъ, онъ находитъ счастливыя мелодіи, которыя безъ усилій струятся изъ его разстроганнаго сердца. Если нѣтъ у него свѣжести, окончательнаго щегольства и силы Чимарозы, онъ, зато, владѣетъ акцентомъ нѣжности, до того истинной и глубокой, что снискиваетъ себѣ прозваніе *музыканта любви*. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у автора «*Il barbiere*», «*Il re Teodoro*» и «*La Molinara*», не доставало увлеченія и веселости; но смѣхъ Паизелло не имѣетъ гибкости и игривости смѣха Чимарозы и Гульельми, и даже въ самыхъ комическихъ сценахъ, его веселость походить на лучъ солнца, котораго привольному стремленію противится легкое облако. Какъ все почти неаполитанскіе композиторы, кромѣ Дуранте и Жомелли, Паизелло имѣлъ болѣе практики, болѣе ловкости въ рукѣ, нежели настоящаго знанія. Гармонія его правильна, но чрезвычайно проста. Онъ модулируетъ мало, и когда это съ нимъ случается, онъ не удаляется отъ точки исхода; онъ идетъ отъ тоники къ доминантѣ, и потомъ «*subito a casa*», какъ забавно говоритъ Феррари. Его инструментовка, достаточная по времени, почти также проста, какъ гармонія, служащая ей пищей. Въ оркестрѣ Паизелло не найдешь разнообразія ритмовъ и неожиданныхъ эпизодовъ, какіе есть у Чимарозы. Нельзя не удивляться, что человекъ, долго жившій въ Россіи и знавшій лучшія произведенія Гайдна и Моцарта, которыхъ генію дивился, не попытался обогатить свою пультитра нѣкоторыми новыми эффектами, которѣе-бы усилили выраженіе его чудныхъ мелодій, но... не пришелъ еще часъ заключенія завѣтнаго союза между итальянской школой и нѣмецкой.

Это различіе временъ и школъ, выражающихъ характеръ эпохъ, въ особенности замѣтно между «*Il barbiere*» Паизелло и «*Il barbiere*» Россини. Два славные композитора, писавшіе на одинъ и тотъ-же сюжетъ на разстояніи тридцатилѣтнія, доказали, на сколько самый геній подчиненъ вліянію среды, въ которой вращается. Въ оперѣ Паизелло, облетѣвшей всю Европу и воспоминаніе о которой нелегко было стереть, ничто не даетъ предчувствовать несравненнаго *chef-d'oeuvre*, которому суждено было озарить комедію Бомаршѣ. Изъ всѣхъ музыкантовъ старой неаполитанской школы, одинъ Чимароза имѣлъ-бы достаточно ума и отчетливаго щегольства, чтобъ безъ слишкомъ большой невыго-

ды бороться съ гениемъ Россини. Но не должно заключать изъ этого, что въ «Il barbiere» Паиззелло не было замѣчательныхъ мѣстъ, которыя и теперь бы можно слушать съ удовольствіемъ; напротивъ, таковы: вторая арія Фигаро; арія Розины, за ней слѣдующая и аккомпанируемая полнымъ нѣжности рисункомъ первыхъ скрипокъ и віоли; чрезвычайно комическое тріо съ чиханіемъ, которому подражалъ и которое превзошелъ Россини въ «Italiana in Algeri»; арія клеветы, которою тоже пренебрегать не должно, и, наконецъ квинтетъ, поставленный въ томъ-же положеніи, какъ и у Россини, но не имѣющій веселости, живописности и неистощимаго юмора послѣдняго. При различныхъ средствахъ, Паиззелло обошелся съ «Il barbiere», какъ Моцартъ,—съ несравненною мощью колорита и изобрѣтенія—съ «Свадьбой Фигаро»: оба умѣрили силу Бомарше, завернувъ его сардоническій смѣхъ въ мелодію, которая смягчаетъ его рѣзкость. Нуженъ былъ важный историческій переворотъ, чтобы создать «Il barbiere» Россини, гдѣ такъ и сыпятся увлеченіе, веселость и страсти того времени.

Музыкантъ любезный и трогательный, съ воображеніемъ тихимъ и умѣреннымъ, не возвышающимся ни до патетическаго и потрясающаго акцента нынѣшней оперы, ни до лучезарной веселости Гульельми и Чиморазы, Паиззелло по преимуществу успѣваетъ въ изображеніи полуулыбки женскаго кокетства и томленій любви подъ скромными условіями жизни. Если въ «Il barbiere», «Teodoro» и «La Molinara» встрѣчаются многочисленные отрывки, являющіе комическую часть его таланта, то въ «Nina» онъ сосредоточилъ все, что было въ его сердцѣ нѣжности и сладкихъ мелодій. Онъ говорилъ своему ученику Феррари, показывая на французское либретто Марсолье, положенное на музыку Далеяракомъ въ 1786 году: «Если мнѣ удастся выразить все, чѣмъ вдохновляетъ меня этотъ сюжетъ, то это будетъ мой chef d'oeuvre!»—И Паиззелло не обманулся. Нужно-ли исчислять всѣ замѣчательныя частности, какія заключаетъ въ себѣ эта восхитительная партитура: хоръ интродукціи, «Dormi, o saga», романсъ, столько извѣстный, съ прекраснымъ, предшествующимъ ему речитативомъ, дуэтъ «O momento fortunato!» Нины и Линдора, финалъ второго акта и пѣсню пастуха, какъ-бы сыгранную свирѣлью пастуха Теоокритова! Утверждаютъ въ-самомъ-дѣлѣ, будто эта мелодія, полная томленія, есть народная сицилійская пѣсня, подслушанная Паиззелло, и что онъ взялъ изъ нея-же первую фразу дуэта въ «La Molinara».

«Il mio garzon и проч.»

Дѣятельность Паиззелло, замыкающая XVIII вѣкъ, носитъ неопро-

вержимые слѣды страны и школы, гдѣ развился этотъ очаровательный музыкантъ. Въ новомъ поколѣннн, проявившемся въ послѣдннхъ пятьдесятъ лѣтъ, Беллини единственный итальянскій композиторъ, сильно напоминающій старыхъ неаполитанскихъ учителей, и въ-особенности Паизьелло. Рожденный въ томъ-же климатѣ, одаренный душою нѣжною и меланхолическою, которая ищетъ уединенія и довольствуется ограниченнымъ кругомъ чувствованій, Беллини рѣзко отдѣляется отъ шумной толпы подражателей, бѣгущихъ за колесницей Россини, подаетъ руку Паизьелло, и оживляетъ снова его трогательную мелодію.

Между драматическимъ композиторомъ и виртуозами, передающими его мысль, существуетъ обмѣнъ услугъ, силъ и вліяній, любопытный результатъ котораго до-сихъ-поръ не хотѣли достаточно изслѣдовать. Не одинъ достославный пѣвецъ, являющійся передъ музыкантомъ, какъ модель передъ историческимъ живописцемъ, пробуждаетъ въ воображеніи маэстро рядъ вдохновеній, которыя безъ него могли бы и не проснуться никогда. Не рѣдко также посредственный или своенравный артистъ вынуждаетъ композитора подчиниться его дурному вкусу и увлекаетъ его въ своемъ паденіи. За весьма немногими исключеніями, можно судить о достоинствахъ и стилѣ виртуоза по операмъ, въ которыхъ онъ блестялъ, и по ролямъ, составившимъ его славу. Каждый великій драматическій композиторъ, пришедшій обновить или просто измѣнить существующія формы искусства, порождаетъ плеяду пѣвцовъ, которые вдохновляютъ его геній, — и есть эпохи, когда подражатели главы школы, если морочатъ минутно современниковъ, такъ только по милости искусныхъ пѣвцовъ, придающихъ ихъ блѣднымъ произведеніямъ мимолетное сіяніе. Оттого-то искусство пѣнія и находится въ непрерывной связи съ движеніями драматической музыки. Стало быть, легко было бы охарактеризовать дарованіе композитора посредствомъ таланта пѣвцовъ, которымъ онъ любилъ ввѣрять передачу своей мысли, и въ этомъ соединеніи, часто случайномъ, нашлась бы аналогія вкуса и вдохновенія, которыхъ стеченіе рождаетъ чудеса искусства. Быть-можетъ, Глукъ не написалъ бы своего «Орфея», не найди онъ такого превосходнаго пѣвца, какъ сопранистъ Гваданьи, и вѣрно Моцартъ не отдался бы страннымъ капризамъ, наполняющимъ роль царицы Ночи въ «Волшебной Флейтѣ», не будь онъ принужденъ къ тому примадонной (*assoluta*), которой неимовѣрное сопрано пробѣгало лѣстницу страшнаго объема. Когда Россини писалъ своего «Цирюльника», въ 1816 году въ Римѣ, онъ, конечно, долженъ былъ соображаться съ силами и способностями Гарсіи, создавшаго роль Альмавивы, — Замбони, пѣвшаго роль Фигаро, и госпожи Джорджи Ригетти, чей *mezzo-soprano* объясняетъ,

почему славный маэстро написал партитуру живой и игривой Розины въ діапазонѣ, который, по-видимому, шелъ бы лучше къ характерамъ болѣе серьезнымъ. Всѣ творенія Россини могли бы анализироваться посредствомъ таланта и индивидуальности пѣвцовъ, встрѣчавшихся на его дорогѣ и которыхъ влияние на геній великаго музыканта было значительнѣе, нежели вообще предполагають. Нѣтъ-ли также поразительной аналогіи между талантомъ Рубини, Пасты и геніемъ Беллини, который для этихъ двухъ артистовъ сочинилъ, въ 1831 году, свою «Сонамбулу»? Лучшія произведенія Жомелли были написаны для двухъ знаменитыхъ виртуозовъ, г-жи Деамичисъ и сопраниста Джузеппе Априле. Вигенони былъ любимый теноръ Чимарозы, лучше всѣхъ понявшій роль Паолино, въ «Matrimonio Segreto», и чудную арію «Pris che spunti»... Наконецъ, по своему умѣренному таланту, своему трогательному голосу и граціи своей личности, Челеста Колтеллини была та женщина, которой нуженъ былъ Паизьелло, чтобы вдохнуть ему мысль «Нины».

Въ Неаполь, въ 1784 году, сказали мы, въ первый разъ встрѣтились Колтеллини и Паизьелло; но только два года спустя, въ 1786 году, когда пѣвица вернулась изъ Вѣны, начались у ней постоянныя сношенія съ композиторомъ. Это была счастливѣйшая эпоха ея жизни и самый блестящій періодъ ея славы. Полный почитателей, ея домъ былъ мѣстомъ сбора лучшаго общества. У Колтеллини было нѣсколько братьевъ и три сестры, одна лучше другой, которыя привлекали къ себѣ все, что было въ Неаполь лучшаго: всѣхъ людей замѣчательныхъ, славныхъ художниковъ и модныхъ женщинъ. Аббатъ Галиани часто являлся въ это общество расточать свою аттическую соль въ остроумныхъ выходкахъ и забавныхъ разсказахъ. Онъ встрѣтился тамъ съ леди Гамильтонъ, знаменитой красавицей. Въ то время, отъ 1780 до 1790 годовъ, неаполитанское общество, какъ и вся Италия, засыпали подъ пѣсни и предавались восхитительному *far niente*, отъ котораго ихъ изрядно отучили съ-тѣхъ-поръ. Король Фердинандъ IV занимался музыкой, игралъ на скрипкѣ; королева Каролина употребляла досуги свои на искусства.

Никто еще не предчувствовалъ страшной бури, которой предназначено было разбить это маскарадное общество, разсѣявъ всѣхъ полишинелей и *Innamorati*.

Леди Гамильтонъ, которой имя мы сейчасъ произнесли, была женщина замѣчательной красоты, и умъ ея обольщалъ столько-же, какъ и ея прекрасные глаза. Она имѣла обширный сопрано, знала музыку и со вкусомъ пѣла хорошенькія шотландскія мелодіи, аккомпанируя себѣ сама на фортепьяно. Фенароли направлялъ ее въ изученіи гармоніи; Чима-

роза и Паизелло любили сообщать ей лучшія партитуры своего сочиненія. Когда леди Гамильтонъ являлась въ обществѣ, въ театрѣ или на гулянье, на нее останавливались смотрѣть, и каждый говорилъ: «*Essola, essola, вотъ она, вотъ она, la bella vergina!*». Репутація ея тогда была такъ чиста, что матери ставили ее въ примѣръ дочерямъ. Леди Гамильтонъ была очень коротка съ Колтеллини и ея тремя сестрами; онѣ часто музицировали вмѣстѣ передъ избраннымъ обществомъ, собѣгавшимся на эти очаровательныя празднества, въ которыхъ иногда принимала участіе г-жа Лефинелли, пѣвица рѣдкаго достоинства, у которой громаднѣйшій успѣхъ Колтеллини отнималъ сонъ. Морикелли пріѣхала въ Парижъ въ 1789 г., а послѣ революціи 10 августа, она отправилась въ Лондонъ, гдѣ нашла г-жу Бонти, которая съ геройскимъ мужествомъ вступила въ борьбу съ ней о первенствѣ. Для Морикелли сочинилъ Паизелло «*L'Olimpiada*», гдѣ находится знаменитый дуэтъ: «*Ne'giorni tuoi felici*», заставившій забыть обо всѣхъ тѣхъ дуэтахъ, которые до него были написаны на тотъ-же сюжетъ и для того-же положенія. Замѣчательнѣйшій изъ прежнихъ дуэтъ Саккини.

Въ 1815 г. Феррари, давно основавшійся въ Англіи, предпринялъ путешествіе въ Неаполь, чтобы навѣстить своего стараго учителя. Снабженный рекомендательнымъ письмомъ отъ герцогини Орлеанской, впослѣдствіи королевы французовъ, Феррари повезъ бѣднаго Паизелло къ герцогу Леопольду, брату герцогини, который сказалъ ему:

— Сеньоръ кавалере Паизелло, я много слышалъ о васъ и о вашей музыкѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ живу на свѣтѣ. Которой изъ вашихъ оперъ отдаете вы предпочтеніе?

— Ваше высочество, не знаю: «*P' barbiere*», «*Il re Teodoro*», «*La Nina*».

Челеста Колтеллини, создавшая роли Куффиары, мельничихи и Нины, была любимую пѣвицею пріятнѣйшаго изъ музыкантовъ старой неаполитанской школы. Мое воображеніе представляетъ мнѣ эту очаровательную женщину, возбуждавшую восторгъ въ самыхъ неумолимыхъ судьяхъ, въ волшебной долѣ, среди избраннаго круга, который она восхищала сладостью своего голоса, живостію и естественностію своей игры, выразительностію своего щегольскаго стиля. Я готовъ бы сравнить ее съ тѣмъ, что была въ наши дни г-жа Паста, за изъятіемъ шлема Танкреда и крика Десдемоны. Мнѣ кажется, я вижу ее, облокотившеюся на окно ея хорошенькой мельницы, съ головкою, украшенной цвѣткомъ, граціозно нависшимъ на ухо, со взглядомъ разсѣяннымъ и разстроганнымъ, поющую, при закатѣ дня, освѣщающаго ее меланхолическимъ лучемъ.

эту трогательную мелодію, которую вдохновила она Паизьелло и которая так неподобно выражаетъ печаль покинутаго сердца:

Nel cor piu non mi senot
Brillar la gioventù,
Amor, del mio tormento,
Amor, sei colpa tù!...

ЛЕОНТИНА ФЕ-ВОЛЬНИСЬ.

АРТИСТКА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

Въ одинъ ноябрьскій вечеръ 1816 года театральная зала во Франкфуртѣ на Майнѣ была полна народомъ; всѣ мѣста, отъ партера и до райка, были заняты: негдѣ было, какъ говорится, упасть яблоку. Глухой ропотъ нетерпѣнія пробѣгалъ въ толпѣ, и безпрестанно раздавались возгласы, требовавшіе поднятія занавѣса. Наконецъ капельмейстеръ махнулъ жезломъ: все замолкло, усѣлось и затаивъ дыханіе ждало...

Можно было подумать, что какая-нибудь европейская знаменитость, одинъ изъ тѣхъ прославленныхъ артистовъ, которые привыкли къ успѣхамъ, славѣ, вѣнкамъ и червонцамъ, вздумалъ посѣтить Франкфуртъ, и подарить, разумѣется за деньги, добрыхъ гражданъ вольнаго города — представленіемъ. Но вотъ замерла послѣдняя нота увертюры, капельмейстеръ снова махнулъ жезломъ, взвился занавѣсъ; и...

Кто же, думаете вы, явился передъ нетерпѣливой публикой? Тальма, или Паганини, мадмуазель Марсъ, или синьора Паста? Нѣтъ, маленькая, крошечная дѣвочка, съ живыми черненькими глазками, съ плутовски-улыбающимся личикомъ. Она бойко выбѣжала на сцену, и зала потряслась отъ рукоплесканій. Началась пьеса, и несмотря на то, что оркестръ едва слышно вторилъ дѣтскому голоску малютки-актрисы, а зрители въ партерѣ должны были привставать съ мѣстъ своихъ, чтобы видѣть ее, она играла какъ взрослая, какъ взрослая исторгала рукоплесканія, была вызвана и осыпана цвѣтами.

Малютку звали Леонтиной Фе, а теперь зовутъ госпожею Вольнисъ.

Вы видите, что наша милая артистка была актрисой въ тѣ лѣта, когда другіе едва начинаютъ ходить и говорить. Она дебютировала четырехъ лѣтъ отъ роду, и съ-тѣхъ-поръ не покидала сцены.

Поприще безпримѣрное въ лѣтоисяхъ театральнаго искусства! — и мы не взяли бы его описывать, еслибъ госпожа Вольнисъ не была одной изъ самыхъ любимыхъ и популярныхъ актрисъ во Франціи, еслибъ художническая жизнь ея, начиная съ четырехлѣтняго возраста, не была рядомъ непрерывныхъ успѣховъ, оставившихъ память о себѣ въ сотнѣ фельетоновъ и критикъ. Даже здѣсь, въ Петербургѣ, далеко отъ Парижа, удалось намъ собрать довольно много матеріаловъ для ея біографіи. Предупреждаемъ впрочемъ, что собранные нами матеріалы не отличаются большою полнотою, и заранѣе просимъ извиненія за неполноту нашего разсказа. Кто знакомъ со французскими фельетонами, тотъ знаетъ, что въ нихъ гораздо больше громкихъ фразъ, нежели фактовъ.

Леонтина родилась въ семьѣ актеровъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что она съ ранняго дѣтства полюбила театръ; дѣти естественнымъ образомъ привыкаютъ любить занятія своихъ родителей. Но удивительно, что въ ней такъ рано развилось дарованіе и что она сама подала своимъ родителямъ мысль выпустить ее на сцену. Первымъ дебютомъ ея была роль мальчика; второю пьесою ея репертуара — извѣстная опера Ж. Ж. Руссо «Le Devin du village», въ которой она играла и пѣла какъ взрослая. Журналы того времени отзываются о ея игрѣ съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ, что мы вполне понимаемъ прозваніе *la petite merveille* — *маленькое диво*, которое придали ей свидѣтели ея первыхъ сценическихъ подвиговъ.

Леонтину не называли иначе, какъ *маленькимъ дивомъ*. Впрочемъ это прозваніе было дано ей уже во Франціи, которую она пзѣздила вдоль и поперекъ, собирая вездѣ для себя конфетты и цвѣты, для родителей червонцы.

Эта дѣтская слава скоро дошла и до Парижа, который захотѣлъ въ свою очередь увидѣть *маленькое диво*. Маленькое чудо явилось на призывъ его.

Скрибъ, уже достигшій тогда нѣкоторой извѣстности, поспѣшилъ принять Леонтину подъ свое покровительство, а Пуарсонъ, бывшій въ то время директоромъ театра «Драматической Гимназіи», человѣкъ очень смысленный и знатокъ своего дѣла, пригласилъ ее на сцену свою.

Вотъ что говоритъ о десятилѣтней Леонтинѣ одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ, «Le Miroir».

«Леонтина по-прежнему въ славѣ, по-прежнему модная актриса, современное диво; успѣхъ ея основывается не только на интересѣ и любопытствѣ, возбуждаемыхъ дитей, которое выказываетъ необыкновенныя способности, но и на истинномъ дарованіи, на высокихъ качествахъ, которыя были-бы достойны удивленія и въ двадцатилѣтней артисткѣ, а въ десятилѣтней актрисѣ кажутся необыкновенными. Она не измѣнила себѣ ни въ одной изъ игравныхъ ею ролей. Сначала, она привлекаетъ въ театрѣ зрителей силою пріобрѣтенной ею извѣстности, а потомъ удовольствіемъ, которое имъ доставляетъ, впечатлѣніями, которыя производитъ, смѣхомъ, который возбуждаетъ, слезами которыя исторгаетъ. Въ театрѣ бываетъ давка, всякій разъ какъ она играетъ; тридцать пять представлений сряду все однихъ и тѣхъ-же трехъ пьесъ не могли ослабить рукоплесканій и уменьшить сборовъ, которые дошли, въ эти тридцать пять представлений, до 86,000 франковъ. Публика и кассиръ провозглашаютъ ее великой актрисой, она *фениксъ* театра «Драматической Гимназіи» и въ то же время *курица, несущая золотыя яйца*. Пусть дирекція «Драматической Гимназіи» бережетъ ее и не забываетъ басни Лафонтена...»

«...Театръ нашъ въ страшномъ упадкѣ, говоритъ далѣе тотъ же журналъ, но неожиданное появленіе Леонтины должно насъ успокоивать; она доказываетъ намъ, что могутъ возникнуть сильныя таланты, которые произведутъ переворотъ на нашей сценѣ. Не надо отчаяваться; снова возвратится время Данжъ вилей, Конта, Моле, Клервилей, Дюгазоновъ, Давьеновъ и Элевю, — театръ снова пріобрѣтетъ прежній блескъ свой. Священный огонь художества не погасъ еще, потому-что блеститъ такими яркими искрами въ ребенкѣ».

Упомянемъ кстати, что къ статьѣ, изъ которой мы извлекли приведенныя нами строки, былъ приложенъ портретъ Леонтины — въ роли «Маленькой сестры» изъ пьесы того же имени. Двѣ другія пьесы, въ которыхъ она производила фуроре, назывались «Alexis ou l'Erreur d'un bon père» комическая опера, слова Марсолъе, музыка Далеирака, и «Le Mariage enfantin», комедія-водевиль гг. Скриба и Жермена Делавиня.

Леонтину носили на рукахъ, ей давали праздники, за ней бѣгали какъ за дивомъ; состояніе родителей ея росло съ каждымъ днемъ, доходы театра и авторовъ также.

Однажды ее пригласили играть къ Людовику Филиппу, бывшему тогда Герцогомъ Орлеанскимъ; она такъ растрогала всѣхъ своей игрою, что самъ герцогъ прослезился, и снявъ съ своей дочери бирюзовыя серьги и крестикъ, подарилъ ихъ Леонтинѣ.

Въ другой разъ, въ Тулузѣ, въ родномъ ея городѣ, въ которомъ она дала нѣсколько представленій, въ честь ея былъ устроенъ праздникъ. Госпожа Вольнисъ до-сихъ-поръ не можетъ безъ слезъ вспомнить о немъ. По окончаніи представленія вышли на сцену нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ и голубыхъ шарфахъ, произнесли ей привѣтствіе и поднесли драгоценный вѣнокъ и букетъ. Эти подарки до-сихъ-поръ цѣлы и украшаютъ гостиную артистки.

Дѣтство Леонтины протекло среди подобныхъ успѣховъ; но она росла, развивалась, и дѣтскія роли сдѣлались малы для ея роста и таланта. Пришлось проститься со всѣми пьесами, написанными для нея Скрибомъ, съ *Mariage enfantin*, *Le vieux garçon et la petite fille* и др.

Леонтинѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ. Она сошла со сцены, уѣхала отдыхать въ провинцію, но черезъ пятнадцать мѣсяцевъ опять возвратилась въ Парижъ, и явилась къ Пуарсону, просить дебюта на сценѣ «Драматической Гимназіи», свидѣтельница ея первыхъ подвиговъ. Понятно, что Пуарсонъ принялъ ее съ распростертыми объятіями, въ полной увѣренности, что *маленькое диво* не перестало быть дивомъ, хотя и выросло. Пуарсонъ не ошибся въ расчетѣ; но начало новаго поприща Леонтины было далеко не такъ удачно, какъ ея дѣтскіе подвиги. Она дебютировала въ «*Simple Histoire*», сыграла роль свою прекрасно, но прежняго восторга уже не было. Пуарсонъ охладѣлъ къ Леонтинѣ, самъ Скрибъ, обязанный ей лучшими своими успѣхами, отступилъ отъ нея. На сценѣ «Драматической Гимназіи» явилась, во-время отсутствія Леонтины, соперница ей, Женни Верпре, — которая успѣла завладѣть любовью непостоянной парижской публики, а въ-слѣдствіе того и расположеніемъ Скриба и Пуарсона. Это глубоко опечалило Леонтину, страстно любившую свое искусство. Съ ея дарованіемъ можно было надѣяться преодолѣть это временное охлажденіе публики, но въ шестнадцать лѣтъ такъ легко приходятъ въ отчаяніе; къ-счастью скоро случилось обстоятельство, которое помогло ей снова приобрѣсть любовь публики и занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду драматическихъ артистовъ Парижа.

Скрибъ представилъ въ комитетъ театра «Драматической Гимназіи» пьесу свою, *Jelva ou l'orpheline de Russie*; пьесу прочли, признали достойной представленія и приняли. Надобно было раздать роли, и Скрибъ отдалъ роль нѣмой Ельвы Женни Верпрè, артисткѣ съ большими наружными средствами, молодой, прекрасной, привыкшей къ сценѣ и одаренной довольно замѣчательнымъ водевильнымъ талантомъ; но роль Ельвы была ей не по плечу. При чтеніи пьесы присутствовала и Леонтина. Отъ семи—до пятнадцатилѣтняго возраста она была любимицею Скриба, да и какъ было ему не любить маленькой Леонтины, для которой онъ написалъ столько дѣтскихъ ролей, принесшихъ ему нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ годоваго дохода! Но въ пятнадцать лѣтъ Леонтина перестала быть маленькой, уже не могла играть дѣтскихъ ролей, и доходъ Скриба прекратился. Неблагодарный драматургъ разлюбилъ и позабылъ Леонтину, и когда она, послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія, снова явилась на сцену *Gymnase dramatique*, у Скриба уже была новая любимица, Женни Верпре, и онъ для нея одной писалъ свои лучшія пьесы. Напрасно Леонтина старалась умиловить его Пуарсонъ, директоръ *Gymnase dramatique*, слабо защищалъ ее, а публика, любившая Леонтину — *la petite merveille*, еще не привыкла къ *mademoiselle Léontine Fay*. Между-тѣмъ роль понравилась Леонтинѣ, и она съ стѣпеннымъ сердцемъ воротилась домой, чувствуя, что сыграла-бы Ельву лучше Женни. Женни начала разучивать роль, потрудилась надъ ней день, другой, но видя, что ей не совладѣть съ нею, отнесла ее назадъ Скрибу. Скрибъ былъ въ отчаяніи. Пуарсонъ, неослѣпленный подобно Скрибу, зналъ цѣну дарованію Леонтины и понималъ, что ей надо одну только хорошую роль, чтобы пріобрѣсть снова любовь публики. Пуарсонъ отправился къ Скрибу.

— Любезный другъ, сказалъ онъ ему, вѣдь горю-то можно помочь.

— Невозможно! отвѣчалъ Скрибъ.

— Отдайте роль Леонтинѣ.

— Леонтинѣ? — Ни за что!

— Не сами-ли вы пророчили въ ней великую артистку?

— Я ошибался. Леонтина одна изъ тысячи тѣхъ рано развивающихся дѣтей, которыя въ дѣтствѣ обѣщаютъ многое, а послѣ не исполняютъ и соотой доли обѣщаннаго. Я разочаровался въ ней; она никогда не выйдетъ изъ посредственности.

— Смотрите, чтобъ вамъ не пришлось раскаяться въ этихъ словахъ. Впрочемъ роль отдать некому: Женни Верпре отказалась, и кромѣ

Леонтины никого нѣтъ. Отдайте ей эту роль, и я обещаюсь принять, не читавши, все двѣнадцать пьесъ, которыя вы обязались поставить мнѣ въ—теченіе нынѣшняго года.

Этотъ послѣдній доводъ убѣдилъ Скриба; онъ согласился, но съ условіемъ, чтобы не требовали его присутствія, ни при репетиціяхъ, ни при представленіи.

— Леонтина! вотъ тебѣ роль Ельвы, сказалъ Пуарсонъ, входя въ квартиру, въ которой Леонтина жила съ отцемъ и матерью.

— Роль Ельвы!

— Да, Женни отказалась играть ее.

Но тутъ опять бѣда. Отецъ и мать Леонтины, оскорбленные тѣмъ что ей предпочли Женни, не позволяли ей принять роли. Наконецъ, благодаря убѣжденіямъ Пуарсона и краснорѣчію просьбъ Леонтины, дѣло уладилось.

Запершись въ свою комнату, Леонтина разучила роль Ельвы; но, не довѣряя собственнымъ силамъ, она рѣшилась отправиться къ г. Милону. Г. Милонъ былъ знаменитый учитель декламациі; у него учились не только драматическіе артисты, но и ораторы обѣихъ палатъ, адвокаты и даже проповѣдники. Милонъ заставилъ Леонтину сыграть роль, молча смотрѣлъ на нее, потомъ поцѣловалъ ее со слезами на глазахъ.

— Милая моя, сказалъ онъ ей, тебя нечему учить; мнѣ старику приходится самому учиться у тебя.

Назначили первую репетицію, и Пуарсонъ отправляется за Скрибомъ. Упорный академикъ (виновать, онъ тогда еще не былъ академикомъ) не хочетъ идти но Пуарсонъ насильно увлекаетъ его съ собою.

Репетиція начинается. Скрибъ молча садится на скамью въ партерѣ и смотритъ на всехъ волкомъ. Леонтина сыграла первое дѣйствіе, и Скрибъ говоритъ Пуарсону: не дурно, но подождемъ конца!

Вотъ и второе дѣйствіе. Бѣдная сиротка, истомленная холодомъ и усталостью, приходитъ въ домъ графа Чприкова, въ отцовскій домъ; она блѣдна, она больна, она дрожитъ, бѣдняжка, какъ осенній листокъ, черные глаза ея горятъ лихорадочнымъ блескомъ, она такъ трогательно, такъ краснорѣчиво нѣма.

Пуарсонъ толкаетъ Скриба, но Скрибъ не чувствуетъ: онъ уже замѣтилъ божественную искру вдохновенія, блеснувшую въ глазахъ Леонтины, онъ слился съ ней душой своей, онъ видитъ передъ собой, наяву, созданіе своего воображенія.

Сиротка приходит понемногу въ себя, она осматривается, узнает родительскій домъ, изображенія предковъ, портретъ матери...

Скрибъ внѣ себя, онъ забываетъ все приличія, вскакиваетъ на скамью; заставляетъ оркестръ умолкнуть.

— Леонтина! говоритъ онъ, виновать, я не умѣлъ цѣнить тебя!

Что жъ она? Еще подъ вліяніемъ вдохновенія, она безмолвствуетъ, какъ будто-бы онѣмѣла въ-самомъ дѣлѣ отъ слишкомъ сильныхъ впечатлѣній; только слезы, слезы радости и торжества тихо текутъ по блѣднымъ щекамъ ея.

Съ этаго дня Скрибъ снова принялъ Леонтину подъ свое покровительство, написалъ для нея свои лучшія пьесы, и она не осталась неблагодарною. Все пьесы Скриба, въ которыхъ она играла, имѣли успѣхъ, сдѣлали его богачемъ и академикомъ.

Не беремся слѣдить за успѣхами Леонтины на сценѣ «Драматической Гимназіи», потому-что намъ пришлось бы написать цѣлый томъ; скажемъ только, что послѣ представленія «Ельвы» *, она заняла первое мѣсто на сценѣ своей, и никому его не уступила. Даже г-жа Алланъ, игравшая въ одно съ ней время, не могла перебить у нея первенства. Имя Леонтины Фе сдѣлалась народнымъ въ Парижѣ, и до сихъ-поръ, несмотря на то, что она вышла замужъ за г. Вольниса, ее продолжаютъ называть во Франціи просто Леонтиной. Еще не такъ давно встрѣтили мы въ одной французской газетѣ слѣдующія слова: «утверждаютъ, что въ послѣднее двадцатилѣтіе, во Франціи являлось мало замѣчательныхъ людей; а Кювье? а Ламартинъ? а Леонтина? и т. д.»

Леонтина вышла замужъ за г. Вольниса, товарища своего по сценѣ, бывшаго нѣкогда воспитанникомъ военной Сенъ-Сирской школы и офицеромъ французской арміи. Г. Вольнисъ былъ актеромъ посредственнымъ, но правильнымъ — *soggest*, какъ говорятъ Французы, и потому имъ дорожили. Впрочемъ, въ художественномъ отношеніи, онъ не имѣлъ вліянія на свою жену; вліяніе его на нее было другаго рода. Сдѣлавшись, въ-послѣдствіи, антрепренеромъ Алжирскаго театра, онъ имѣлъ несчастіе обанкрутиться, и унесъ въ своемъ банкротствѣ состояніе жены, накопленное долгими трудами.

Къ числу людей, наиболѣе цѣнившихъ дарованіе госпожи Вольнисъ, принадлежалъ Казиміръ Делавинъ; нѣсколько драмъ, сыгранныхъ ею на сценѣ «Драматической Гимназіи» съ огромнымъ успѣхомъ, подали ему

* Эта пьеса извѣстна у насъ подъ названіемъ «Ольга, Русская сирота».

мысль написать для нея драму. Онъ написалъ «Донъ-Жуана Австрійскаго», имѣя въ виду отдать роль Флоринды госпожѣ Вольнисъ. Но ему не хотѣлось отдавать своей пьесы на второстепенный театръ, не хотѣлось также, чтобъ госпожа Вольнисъ оставалась на этомъ театрѣ. Оно сталъ хлопотать, чтобы ее приняли въ число общниковъ Перваго Французскаго-Театра, комитетъ котораго принялъ уже его драму.

Первый Французскій-Театръ сцена строгая, классическая, одушевленная преданіями о первыхъ дѣятеляхъ на поприщѣ французской драматургіи, свято сохраняющая воспоминанія о временахъ Мольера и Расина, допускаетъ только тѣхъ артистовъ, которые составили уже себѣ имя, или отличаются первостепеннымъ дарованіемъ. Но какъ продолжатель драматическихъ преданій, Первый Французскій-Театръ не удовлетворяется именемъ и дарованіемъ, онъ требуетъ, сверхъ-того, правильнаго драматическаго образованія, правильной дикціи, пластической игры и. т. д. Время сдѣлало, разумѣется, свое, и ввело на сцену Перваго Французскаго-Театра много новыхъ, современныхъ элементовъ, но основа осталась прежняя. Комитетъ его, состоящій изъ старѣйшихъ артистовъ, строго наблюдаетъ за исполненіемъ коренныхъ условій, какъ въ отношеніи къ авторамъ, такъ и въ отношеніи къ артистамъ, и въ-слѣдствіе всего этого, поступить на сцену Перваго Французскаго-Театра трудно и почетно. Г-жу Вольнисъ приняли на эту сцену, хотя и не безъ затрудненій; собственно къ ея поступленію комитетъ не представлялъ препятствій, но госпожа Вольнисъ требовала, чтобъ приняли также мужа ея, чего комитетъ не очень желалъ. Тѣмъ не менѣе дѣло уладилось: приняли обоихъ артистовъ; съ тою только разницею, что г. Вольнисъ поступилъ на жалованье, а жена его была принята въ число общниковъ, *sociétaires*, т. е. съ правомъ участія въ выгодахъ театра и правомъ голоса въ дѣлахъ его.

Госпожа Вольнисъ дебютировала 17 октября 1835 года, въ роли Флоринды, въ драмѣ Казиміра Делавиня «Донъ-Жуанъ Австрійскій—Don-Juan d'Autriche», и дебютъ этотъ навсегда останется въ лѣтописяхъ Перваго Французскаго-Театра, потому-что былъ новой побѣдой новыхъ драматическихъ началъ надъ старыми драматическими преданіями. «Донъ-Жуанъ Австрійскій» первая пьеса, которую Казиміръ Делавинъ написалъ прозою, имѣла огромный успѣхъ, и успѣхъ этотъ былъ главнымъ образомъ основанъ на игрѣ госпожи Вольнисъ, актрисы съ второстепеннаго театра, игравшей до-тѣхъ-поръ только въ пьесахъ романтической школы.

Несмотря на то, что труппа Перваго Французскаго-Театра состояла

въ то время изъ первостепенныхъ дарованій, въ числѣ которыхъ была знаменитая Марсь, госпожа Вольнисъ заняла на ней одно изъ первыхъ мѣстъ, и много содѣйствовала къ введенію на нее пьесъ новой школы. Старый другъ и покровитель ея Скрибъ не былъ, разумѣется, забытъ; — она, въ свою очередь, сдѣлалась его покровительницею, способствуя принятію и успѣху его произведеній.

Второю замѣчательною ролю госпожи Вольнисъ на сценѣ Перваго Французскаго Театра была роль «Сезарины» въ комедіи Скриба «La Samagaderie». Затѣмъ, и съ такимъ же успѣхомъ, *создала* она, какъ говорятъ французы, роль маркизы Сеннетеръ, въ пьесѣ того же имени, и упрочила свое мѣсто въ ряду новыхъ своихъ товарищей. Считаемо долгомъ упомянуть еще объ успѣхахъ госпожи Вольнисъ въ драмѣ Казимира Делавиня «Марино Фалиеро», въ комедіи г. Ампи (Empis) «Лордъ Новаръ», въ «Венеціанской актрисѣ» (Angelo) Виктора Гюго, въ драмѣ «Аббатъ де Л'Эпе», въ которой она играла роль нѣмаго. Всѣхъ успѣшныхъ ролей ея мы не будемъ выписывать, скажемъ только, что ихъ было довольно; однакоже, несмотря на всѣ эти успѣхи, госпожа Вольнисъ сошла со сцены Перваго Французскаго Театра и опять возвратилась на родную ей сцену «Драматической Гимназіи».

Съ переходомъ госпожи Вольнисъ на Первый Французскій Театръ, Пуарсонъ замѣтилъ, что его доходы значительно уменьшились и что парижская публика охладѣла къ его театру. Онъ рѣшился воротить Леонтину во чтобы-то ни стало, и обратился для этого къ мужу, надѣясь прельстить его блистательными предложеніями и склонить на свою сторону. Пуарсону удалось. Госпожа Вольнисъ была уже въ то время матерью прелестнаго ребенка и потому рѣшилась принять предложеніе бывшаго своего директора, то-есть перейти, вмѣстѣ съ мужемъ, на сцену «Драматической Гимназіи» съ платою по 4,000 тысячи франковъ въ мѣсяць.

Остальное поприще госпожи Вольнисъ, до пріѣзда ея въ Петербургъ, можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ. Она продолжала играть съ постояннымъ успѣхомъ, *создала* нѣсколько новыхъ ролей, между-прочимъ во многихъ пьесахъ Скриба, которому она, безъ всякаго сомнѣнія, помогла попасть въ число членовъ Французской Академіи. Состояніе ея было вполне обезпечено, но мужъ ея, какъ мы уже говорили, имѣлъ неосторожность снять театръ въ Алжирѣ, дѣла его пошли дурно и скоро почти все состояніе госпожи Вольнисъ исчезло въ банкротствѣ. Тогда-то получила она предложеніе ѣхать въ Петербургъ, и приняла его.

Госпожа Вольнисъ пріѣхала въ Петербургъ лѣтомъ 1848 года, и дебютировала въ пьесѣ Скриба *Une faute*, потомъ въ *Don Juan d'Autriche* Казимира Делавиня и въ водевилѣ Скриба «*La Chanoinesse*» Ее встрѣтили довольно радушно, но нѣсколько холодно. Причиною этой холодности были, во-первыхъ, нѣкоторыя особенности игры госпожи Вольнисъ, особенности, которыхъ нельзя назвать недостатками, но которыя неприятно поразили непривыкшую къ нимъ петербургскую публику. Одинъ французскій фельетонистъ назвалъ госпожу Вольнисъ *нервною актрисой*; дѣйствительно, нервы играютъ большую роль въ ея роляхъ, особенно въ драматическихъ, и потому, очень понятно, что движенія и жесты ея кажутся иногда слишкомъ быстрыми, рѣзкими, и могутъ неприятно поразить зрителей. Теперь мы къ этому нѣсколько привыкли, но въ первое время многіе были недовольны *манерами* госпожи Вольнисъ.

Второю причиною нѣсколько холоднаго пріема, сдѣланнаго нашей публикою госпожѣ Вольнисъ, было расположеніе къ госпожѣ Плесси, пріѣхавшей къ намъ годомъ раньше и успѣвшей завладѣть любовью публики. У нашихъ театраловъ есть довольно странная привычка сравнивать дарованія, часто разнородныя, и выводить изъ этого сравненія соперничество между ними. Обѣ артистки имѣютъ свои относительныя достоинства и недостатки, но ни одна изъ нихъ не должна и не можетъ вредить другой; въ Парижѣ онѣ обѣ играли на одной и той-же сценѣ Перваго Французскаго Театра, нисколько не мѣшая другъ-другу; а на нашемъ театрѣ, репертуаръ котораго гораздо обширнѣе, потому-что состоитъ изъ репертуаровъ всѣхъ парижскихъ театровъ, онѣ сдѣлались соперницами. Всѣ помнятъ еще, вѣроятно, нашихъ *Борсистовъ*, *Фреоллинистовъ* и такъ далѣе. Партіи эти доходятъ, или, правильнѣе, доходили; потому-что въ настоящее время такихъ партій, къ счастью, не существуетъ, — партіи эти, говоримъ мы, доходили до того, что вмѣшивали въ споръ о преимуществахъ одного артиста надъ другимъ вопросы совершенно посторонніе искусству, какъ на примѣръ: наружность, даже частную жизнь и тому подобное. Партія госпожи Плесси, какъ пріѣхавшей прежде и обладавшей бѣльшими, по мнѣнію большинства, наружными достоинствами и *лучшими манерами*, была несравненно значительнѣе. Но госпожа Вольнисъ, свыкшаяся съ дѣтства съ театральными невзгодами и капризами публики, не уступила передъ этой первой полу-неудачей и, какъ въ Парижѣ, послѣ возвращенія своего изъ провинціи, мало-помалу привязала къ себѣ публику. Спустя полтора года послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ, она играла, въ свой бенефисъ, комедію г. Галопъ д'Онкера «*La femme de quarante ans* — Сорокалѣтняя женщина» и бы-

ла такъ уже любима публикой, что ей поднесли браслетъ изъ массивнаго золота, украшенный эмалью и брилліантами; на верху браслета, на эмали, изображенъ ея вензель L. F. V. (Léontine-Fay Volnys); по обѣимъ сторонамъ вензеля рельефныя фигуры Талии и Мельпомены; внизу надпись: par les admirateurs de St Petersburg. Вы видите, что она успѣла въ полтора года приобрѣсть любовь публики, но партіи еще существовали, потому-что, нѣсколько дней спустя, партизаны госпожи Плесси сочли нужнымъ поднести и ей золотой браслетъ, украшенный брилліантами. Въ настоящее время обѣ артистки спокойно и въ равной степени наслаждаются равно заслуженною любовью публики.

Что касается лично до пишущаго эти строки, то впечатлѣніе, произведенное на него дебютами въ Петербургѣ госпожа Вольнисъ, было очень сильно. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь фельетонъ, написанный нами по этому случаю *.

Дѣло идетъ с первымъ дебютъ ея, въ драмѣ Скриба «Une faute».

«Госпожа Вольнисъ является въ этой драмѣ великой артисткой; она создаетъ свою роль въ полномъ, художническомъ смыслѣ этого слова. Но, непостижимое дѣло, и въ этой роли, такъ же какъ и въ прочихъ роляхъ госпожи Вольнисъ, искусство идетъ обѣ руку съ вдохновеніемъ; сцена истерички поражаетъ своею вѣрностію природѣ. Невольно утверждаешься въ мысли, что госпожа Вольнисъ не только изучила искусство и усвоила его, но что она родилась артисткой. Выходя изъ театра послѣ этой драмы, вы потрясены, какъ бываетъ потрясенъ юноша, видѣвшій въ первый разъ драму Шекспира или Шиллера, и вы говорите себѣ: истинное назначеніе этой артистки — драма, она не можетъ играть въ комедіи.

«Но вотъ вы читаете афишу: Le Puff, comédie en cinq actes, par m-r Scribe; le rôle de Corinne Desgaudet sera rempli par m-me Volnys. Госпожа Вольнисъ въ роли Коринны Дегеде! Коринна Дегеде синій чулокъ, зрѣлая дѣва, молодая и поэтизирующая, которая думаетъ добыть себѣ поэзіей богатаго мужа, а въ богатомъ мужѣ найти поэзію, лице безтолковое, но оригинальное и въ высокой степени комическое. Вы идете въ театръ съ недоувѣрчивостію, но выходитъ на сцену Коринна Дегеде, и вы рукоплещете отъ начала до конца ея роли, а выходя изъ театра говорите себѣ, забывъ прежнее впечатлѣніе: вотъ истинное назначеніе этой артистки, въ комедіи, въ высокой комедіи ея настоящее мѣсто.

«Вы опять ошибетесь, и скоро вамъ придется еще разъ измѣнить мнѣніе: въ La Chanoinesse, въ Etre aimée ou mourir, въ La Demoi-

* Спб. Вѣд. 1848 года, 27 октября, № 241.

selle majeure или въ какомъ-нибудь другомъ водевилѣ, которые умѣлъ когда-то писать Скрибъ, и которыхъ теперь никто уже писать не умѣетъ, воспитанница Скриба является достойною своего воспитателя. Никто *не говоритъ* куплета лучше ея, никто не владѣетъ въ такой степени и совершенствѣ тѣмъ легкимъ юморомъ, тою игривостію и кокетливо-стію, которыя необходимы водевильной артисткѣ, и вы готовы сказать, что настоящее мѣсто госпожи Вольнисъ въ водевилѣ...»

Все это было написано нами почти пять лѣтъ тому назадъ. и мы сознаемся, что въ отзывѣ этомъ много увлеченія, а можетъ-быть и досады противъ неумѣвшихъ цѣнить дарованіе госпожи Вольнисъ. Теперь мы болѣе ознакомились съ дарованіемъ госпожи Вольнисъ, можемъ положительно сказать, что настоящее мѣсто ея въ комедіи, которую французы называютъ *comédie de genre*, и въ новой, то есть, романтической драмѣ; мы теперь привыкли къ ея дарованію, не увлечемся какъ пять лѣтъ тому назадъ, но тѣмъ не менѣе, мы по прежнему признаемъ госпожу Вольнисъ первокласною актрисой, энергической, впечатлительной, способной вдохновляться, глубоко изучившей свое искусство и въ совершенствѣ знающей сцену и ея условія. Мы бы желали, чтобъ время, выражаясь поэтически, остановило для нея полетъ свой, желали бы видѣть менѣе рѣзкости въ ея жестахъ и движеніяхъ, но эти желанія нисколько не вредятъ въ нашихъ глазахъ ея дарованію.

Госпожу Вольнисъ называли когда-то *маленькимъ дивомъ*, теперь можно ее назвать *большимъ дивомъ*; она слишкомъ тридцать лѣтъ какъ на сценѣ, она выдала дочь за-мужъ, и скоро будетъ бабушкой, а все еще играетъ молоденькихъ дѣвочекъ, и играетъ прекрасно.

Нынѣшнимъ лѣтомъ она ѣздила въ Парижъ, играла тамъ и привела въ восторгъ публику, какъ во времена своей первой молодости. Афиша, извѣщавшая о представленіи госпожи Вольнисъ, отличалась лаконизмомъ, доказывающимъ, какое значеніе имѣетъ имя ея въ Парижѣ: «Съ разрѣшенія Дирекціи Императорскихъ С.Петербургскихъ театровъ, 14 мая, госпожа Леонтина Фе-Вольнисъ (имя было напечатано колоссальными буквами) дастъ представленіе въ пользу неимущихъ актеровъ!» И только! Этого короткаго объявленія, прибитаго къ дверямъ театра «Драматической Гимназіи», было достаточно, чтобы наполнить залу сверху до-низу. Сборъ былъ полный и простирался до 4200 франковъ.

Госпожа Вольнисъ играла драму Казимира Делавиня «*Don Juan d'Autriche*», въ которой участвовали артисты Перваго Французскаго Театра, водевилъ Скриба «*La Chanoinesse*», въ которомъ роль генерала Бургашара игралъ старый товарищъ госпожи Вольнисъ, Фервиль, на-очно для того пріѣхавшій изъ Брюсселя.

«Появленіе Леонтины, говоритъ одинъ фельетонистъ, не было встрѣчено рукоплесканіями, но вся зала вздохнула однимъ радостнымъ вздохомъ, увидѣвъ свою прежнюю любимицу, столько лѣтъ украшавшую собою сцену «Драматической Гимназіи». Но за то послѣ, рукоплесканія прерывали ходъ пьесы, а когда Леонтина произнесла (въ *La Chanoinesse*) *oh! qu'on est bien en famille! o! какъ хорошо среди семьи!* ей не дали говорить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Дѣйствительно, она была среди семьи; тутъ были почти все товарищи ея молодыхъ лѣтъ: Самсонъ, Фервиль и другіе артисты «Перваго Французскаго Театра» и «Драматической Гимназіи»; тутъ былъ Баяръ, написавшій для нея лучшія свои пьесы, Жюль Жаненъ, воспѣвшій первые ея подвиги, даже публика почти та-же, которая, по словамъ Жанена, играла въ куклы и ходила въ школу, когда Леонтина играла дѣтскія роли, влюблялась и мечтала, когда Леонтина перешла на роли молоденькихъ дѣвушекъ, женилась, когда Леонтина вышла замужъ и стала играть первыя роли въ драмѣ и комедіи. Эта публика далеко опередила свою Леонтину; въ партерѣ и оркестрѣ было много сѣдыхъ головъ, но онѣ помолодели и забыли на нѣсколько часовъ рядъ прожитыхъ ими годовъ, видя передъ собою прежнюю Леонтину, почти неизмѣнившуюся, по прежнему бойкую и веселую, какъ-будто время потеряло надъ ней свое вліяніе, какъ-будто годы пролетѣли не коснувшись ея...» Да и какъ было не помолодѣть этимъ сѣдымъ головамъ при видѣ Леонтины въ роли семнадцатилѣтней дѣвушки? Зрители безпрестанно обращались къ ложѣ, гдѣ сидѣла семнадцатилѣтняя дочь ея, какъ-бы желая убѣдиться, что у нея дѣйствительно есть дочь, что она скоро, можетъ-быть, будетъ бабушкой!

Дочь госпожи Вольнисъ вышла за своего двоюроднаго брата, молодого живописца Фе (Fay), и носить теперь, слѣдовательно, дѣвичью фамилію своей матери. Г. Фе племянникъ госпожи Вольнисъ. На свадьбѣ были многія художественныя и литературныя знаменитости Парижа. Извѣстный пѣвецъ Дюпре написалъ для брачнаго обряда музыку и самъ исполнилъ ее вмѣстѣ съ дочерью.

Послѣ представленія, о которомъ мы говорили выше, публика бросила господамъ Вольнисъ дубовый вѣнокъ съ золотой надписью, гласящей, что 14 мая 1852 года Леонтина Фе Вольнисъ играла на театрѣ «Драматической Гимназіи» въ пользу бѣдныхъ актеровъ. Сверхъ того, общество дамъ поднесло ей букетъ искусственныхъ розъ, на зеленыхъ листкахъ котораго вышиты шелкомъ названія сыгранныхъ ею ролей и имена игравшихъ съ нею артистовъ.

Мы сказали о г-жѣ Вольнисъ, какъ объ артисткѣ, все, что могли,

скажемъ нѣсколько словъ о ней какъ о женщинѣ. Но мы будемъ говорить не отъ своего имени, а приведемъ слова челоуѣка, бывшаго ея другомъ. Этотъ другъ, господинъ Галопъ д'Онкеръ, написавшій для г-жи Вольнисъ одну изъ лучшихъ ея ролей: «Сорокалѣтнюю женщину» (La Femme de quarante ans).

«Госпожа Вольнисъ собиралась ѣхать въ Россію, говоритъ господинъ Галопъ д'Онкеръ. Я пошелъ проститься съ ней, подобно многимъ другимъ, но по тонкому чувству деликатности, которое отличаетъ эту милую женщину, она сберегла нѣсколько минутъ свиданія безъ свидѣтелей для того, котораго имѣла полное право считать однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей своихъ,

Мы сидѣли вдвоемъ въ ея маленькой гостинной, въ улицѣ Шабанне, разговаривая о прошедшихъ радостяхъ и будущемъ; слезы обливали мнѣ сердце и текли изъ глазъ, потому-что я терялъ въ ней не только истиннаго друга, превосходнаго совѣтника, умную собесѣдницу, но съ нею улетали мои лучшія надежды на литературные успѣхи. Былъ ли то эгоизмъ, или сознаніе собственной слабости? Я самъ не знаю хорошенько. Но мои грустные предчувствія оправдались въ-послѣдствіи, и во всемъ блестящемъ роѣ нашихъ драматическихъ знаменитостей, я не могъ найти ни одной женщины, у которой достало бы ума... или мужества, чтобы рѣшиться напечатать на афишѣ: «я сорокалѣтняя женщина»*. Я ошибаюсь, мнѣ наконецъ удалось найти такую женщину; правда, что она молода, прекрасна и носить имя, обязывающее имѣть дарованіе, но я употребилъ пять лѣтъ, чтобъ отыскать ее,

— Зачѣмъ ѣхать? — говорилъ я милой бѣглянкѣ, зачѣмъ покидать Францію, въ которой все вамъ улыбается?...

Но она, указывая на дочь свою, которая, со всею безпечностію ребенка, каталась по ковра, отвѣчала мнѣ:

— Чтò дѣлать?... я мечтала о богатствѣ для этого ребенка — единственной цѣли жизни моей; но фортуна, которая никогда не была матерью и слѣпа, не поняла, что дочь моя есть тотъ источникъ, изъ котораго я почерпаю всѣ вдохновенія моего искусства... Вотъ отъ чего я ѣду въ страну меценатовъ, золота и рублей: я привезу оттуда приданое для моей дочери!

Въ то самое время, когда она говорила мнѣ эти слова, выходяшій прямо изъ сердца, къ ней подошелъ слуга и сказалъ чтò-то на ухо.

— Да, позови, сказала она... или нѣтъ, подожди...

* Господинъ д'Онкеръ намекаетъ здѣсь на свою пьесу, о которой мы упоминали выше, и которую г-жа Вольнисъ не побоялась играть у насъ въ Петербургѣ.

И съ этими словами она подошла къ конторкѣ, отворила ее, вынула изъ нея какую-то бумагу и сказала слугѣ :

— Отдай ему это и скажи, что меня нѣтъ дома.

Я не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство, но случайно объяснилъ мнѣ его. Слуга черезъ нѣсколько минутъ возвратился, держа бумагу въ рукѣ, и сказалъ :

— Этотъ человекъ увѣряетъ, что вы ошиблись, сударыня, и вѣроятно не замѣтили, что выслали ему банковый билетъ въ пятьсотъ франковъ.

Черныя брови Леонтины сдвинулись отъ нетерпѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она, я знаю, что должна ему пятьсотъ франковъ. . . Ступай! . . .

— Вы должны мнѣ! . . . вскричалъ незнакомецъ, слышавшій изъ передней послѣднія слова. . . Но вѣдь долженъ вамъ я! . . . я обязанъ вамъ всемъ! Ахъ! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. . . вы не знаете. . . я бѣдный провинціальныи актеръ; я уже годъ безъ мѣста, и умеръ бы съ годоводу, вмѣстѣ съ женою и тремя дѣтьми. . .

— Хорошо, хорошо, перебила Леонтина.

— Разумѣется, хорошо! отъ того-то я и хочу, чтобы знали, что вашъ проѣздъ чрезъ нашъ городъ былъ для насъ появленіемъ генія избавителя. . . . Да, прибавилъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ, она играла въ мою пользу и дала моему семейству хлѣба на цѣлую зиму. . . . Четыре мѣсяца спустя, я получилъ по почтѣ. . .

— Но все это не интересно для него, перебила Леонтина, сидѣвшая какъ на угольяхъ.

— Хорошо, я не буду продолжать, но зачѣмъ же вы даете мнѣ теперь еще пятьсотъ франковъ, говоря, что должны мнѣ ихъ.

— Разумѣется должна.

— Какъ! но вѣдь вы дали мнѣ уже болѣе тысячи франковъ.

— Такъ что же? развѣ благодарность ваша не превышаетъ этой суммы?

— О! что до этого, то я такъ вамъ благодаренъ, какъ не могъ бы быть благодарнымъ и за сто тысячъ франковъ.

— Ну вотъ видите ли, что я еще у васъ въ долгу. . . Ступайте, другъ мой, продолжала она, тихо толкая его къ двери. . . у меня мало остается времени на устройство дѣлъ моихъ, и мнѣ надо остаться одной. . .

— Затворяя дверь гостинной, она смяла въ рукѣ банковый билетъ и все-таки всунула его въ руку бѣднаго актера. Возвратясь, она сказала мнѣ :

— Вотъ чего я болѣе всего боюсь, когда мнѣ удастся сдѣлать немного добра.

— Немного !

— Разумѣется немного, потому-что онъ отецъ семейства, и всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже... У васъ у самихъ слезы на глазахъ; я увѣрена, что вы думаете о вашихъ дѣтяхъ, и еслибъ этотъ человѣкъ возвратился, вамъ это не дешево бы стоило....

Надѣмся, что этаго простаго случая довольно, чтобъ дать понятие о сердцѣ той, которую зовутъ неиначе какъ *добрый Леонтиной* «La bonne Léontine».

ВАСИЛЬКО ПЕТРОВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Война женщинъ или Амазонки IX вѣка, большой балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, заимствованъ изъ историческихъ хроникъ Богеміи *Жюлемъ Перро*. Музыка сочиненія *Чезаре Пуни*.

Сценическія зрѣлища бываютъ двухъ родовъ. Къ первому относятся представленія, дѣйствующія на умъ или чувство зрителя, требующія отъ него извѣстной степени эстетическаго образованія; ко второму разряду относятся зрѣлища, дѣйствующія только на глаза публики, поражающія своею новизною или необычайностью, не имѣющія вліянія на развитіе какой-нибудь духовной, не матеріальной стороны въ народѣ. Перваго рода зрѣлища германскія эстетски называли нѣкогда *поучающими* зрѣлищами; втораго рода *увеселяющими*, и причисляли къ первымъ: трагедіи, драмы и комедіи, ко вторымъ: *танцы*. Оперы причислялись къ смѣшанному роду спектаклей, потому-что драматическое содержаніе смѣшивалось въ нихъ съ музыкою, относившеюся къ увеселяющимъ представленіямъ. Въ-послѣдствіи, когда на оперы стали смотрѣть, какъ на

серьезный родъ зрѣлищъ, ихъ отнесли къ первому разряду, потому—что музыка дѣйствуетъ на чувство. Впрочемъ, съ этимъ несогласны до-сихъ-поръ многія лица, признающія вообще пользу театра, какъ зеркала правовъ. Признавая, что трагедія можетъ поучать, а комедія исправлять, эти лица никакъ не хотятъ согласиться, что музыка можетъ трогать. И дѣйствительно, вина-ли это органическаго недостатка слуховыхъ нервовъ, или недостатка музыкальнаго образованія, только на свѣтѣ есть много лицъ, и даже очень образованныхъ, которыя не видятъ никакой разницы между мотивомъ изъ Нормы и Камаринскою, и чувствуютъ при исполненіи Гвельфовъ и Гибелиновъ такое же удовольствіе, какъ еслибы передъ ними скребли кострюли, или водили тупымъ ножомъ по толстому стеклу. Мы должны однакоже сознаться, что даже подобныя лица, явно признающіяся въ своемъ невѣжествѣ, все-таки уважительнѣе мнимыхъ дилеттантовъ—класиковъ, не признающихъ никакого новаго музыкальнаго дарованія въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и принявшихъ девизъ: «Нѣтъ музыканта, кромѣ Бетговена, а Моцартъ сподвижникъ его!» Тѣмъ болѣе должно предпочесть откровенныхъ нелюбителей музыки—людямъ, не понимающимъ въ ней ровно ничего, и восхищающимся польками и вальсами комическихкихъ оперъ, въ то время, когда печатно осмѣиваютъ музыку Мейербера.

Но если опера имѣетъ столько противниковъ, если еще до-сихъ-поръ спорять: приноситъ-ли она пользу, или удовольствіе, или и то и другое, или наконецъ ни того, ни другаго, — что же мы должны сказать о балетѣ, до-сихъ-поръ еще не получившемъ права гражданства на многихъ европейскихъ сценахъ. Въ какой степени этотъ родъ зрѣлищъ можетъ привлекать публику? Этотъ вопросъ чрезвычайно трудно рѣшить, и не входя въ изслѣдованіе причинъ возвышенія и упадка балетовъ, мы должны однако же сознаться въ одномъ, что *мода* болѣе всего имѣетъ вліянія на этотъ родъ зрѣлищъ. Бываютъ эпохи въ исторіи театровъ, когда публика привязывается къ балетамъ почти безсознательно, даже вовсе не въ-слѣдствіе развитія эстетическаго чувства, — и потомъ, вслѣдъ за такою эпохою, наступаетъ вдругъ пора совершеннаго охлажденія, равнодушія къ самымъ лучшимъ созданіямъ хореграфическаго искусства. Конечно, послѣдняя эпоха бываетъ, болѣею частію, временная, переходная, но тѣмъ не менѣе въ это время она поражаетъ и заставляетъ задумываться надъ непостоянствомъ вкуса публики, измѣнчивой и прихотливой болѣе, чѣмъ самыя танцы, на которыхъ основаны балеты.

Сознаемся, что намъ было тяжело видѣть равнодушіе нашей публики къ балету въ началѣ нынѣшняго балетнаго сезона. Лучше и великолѣпнѣе нашихъ балетовъ и балетной труппы трудно что-нибудь представить;

давно уже рѣшено, что ни на одной европейской сценѣ нѣтъ такого великолѣнія въ монтировкѣ, такихъ прекрасныхъ корифеекъ, такого кордебалета. И между-тѣмъ Большой-театръ былъ очень часто почти пустъ во-время представленія такихъ балетовъ, какъ «Наяда и Рыбакъ» — «Катарина» — «Своенравная жена» — «Эсмемальда». Только постановка новаго балета: «Война женщинъ» вызвала публику въ театръ, и мы желали бы отъ всей души, чтобы этотъ прекрасный балетъ возбуждалъ въ зрителяхъ вкусъ къ хореграфическимъ представленіямъ. Право не знаемъ, что же смотрѣть наконецъ, если «Война женщинъ» не будетъ собирать въ театръ многочисленныхъ зрителей, а и этотъ балетъ послѣ третьяго представленія не привлекаетъ посѣтителей.

Нашъ опытный и даровитый балетмейстеръ Жюль Перро, глубоко изучившій хореграфическое искусство и одаренный, сверхъ-того, поэтическимъ и неистощимымъ воображеніемъ, напалъ на счастливую мысль: вывести на сцену богемскихъ амазонокъ среднихъ вѣковъ. Въ наше время, богатое героями разнаго рода, героинь еще не такъ много, чтобы мы могли оставаться хладнокровными при видѣ множества женщинъ, принимающихся за оружіе и побѣждающихъ непрекрасный полъ. Врядъ-ли найдется мужчина, которому бы не нравились амазонки на сценѣ. Пылкая, воинственная натура въ слабомъ тѣлѣ, шлемъ на головкѣ, которой тяжела даже атласная шляпка, отбрасываемая въ наше время на самый затылокъ, грудь, сжатая въ панцырѣ, настоящемъ, металлическомъ, а не изъ китовыхъ усовъ и стальныхъ пластинокъ, мечъ въ рукѣ, которая должна держать только жезлъ любви, — все это должно невольно привлекать, восхищать, очаровывать жесткую, угловатую натуру мужчины самую аномалію подобнаго зрѣлища, не похожаго на всеневныя явленія домашней, будничной жизни близъ семейнаго очага. Поэтому-то всѣ сценическія зрѣлища, въ которыхъ женщины занимаются не своимъ дѣломъ, не шитьемъ, кокетствомъ, или стряпаньемъ, нравились всегда гораздо болѣе тѣхъ представлений, въ которыхъ все дѣло происходило по обыкновенному, заведенному порядку. И какъ мы были недовольны древними писателями, которые въ своихъ лѣтописяхъ оставили намъ такъ мало свѣденій объ амазонкахъ. Что мы знаемъ объ этихъ любопытныхъ дамахъ? Очень мало. Нѣсколько фактовъ изъ ихъ образа жизни, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ странный обычай, давшій имъ самое названіе *амазонокъ*. Были три царства амазонокъ: въ Африкѣ, въ Понтійскомъ королевствѣ, на рѣкѣ Термидона, и въ Скиѣи, но исторія этихъ царствъ для насъ потеряна. Три имени знаменитыхъ амазонокъ сохранила намъ исторія: имена Гиполи-ты, Пентезилеи, Фалестрисъ, но что мы знаемъ объ этихъ женщинахъ?

Впрочемъ, вѣдь есть и теперь историки, которые сомнѣваются даже въ историческомъ существованіи амазонокъ, несмотря на свидѣтельство Геродота, который говоритъ прямо, что амазонки, разбитые Тезеємъ въ Атикѣ и греками при Термодонѣ, удалились въ Скиюю. Всѣ историки, описывавшіе эту націю, говорятъ прямо, что въ ней женщины сражаются какъ мужчины и господствуютъ вмѣстѣ съ ними; одно племя сауроматовъ греческіе лѣтописцы называютъ: *Гюнашко-Кратумене* (управляемые женщинами). Помпоній Мела и Страбонъ обозначаютъ даже очень ясно границы владѣній амазонокъ, и Клапротъ, во время своего путешествія по Кавказу, подтвердилъ показанія Геродота, найдя даже въ армянскомъ языкѣ корень скиѣскихъ словъ *айоръ-паша*, которыми Геродотъ называетъ амазонокъ, и которыя означаютъ: *убійцы мужчинъ*.

Но оставимъ древность и обратимся къ среднимъ вѣкамъ, о которыхъ свѣдѣнія и полнѣе и несомнѣннѣе. Военственный духъ между женщинами не угасалъ во всю эту эпоху, хотя проявлялся въ отдѣльныхъ лицахъ, какими были напримѣръ: Гаета, жена Роберта Гвискара, Изабелла, дочь Симона Монфортекаго, Жанна Д'Аркъ, Жанна Гашеть, сестра Дюгесклена. Маргарита Лижуйская, Луиза Лобе, прозванная за храбрость капитаномъ Луи. Наконецъ въ болѣе ближайшую эпоху, — Каталина д'Эраузо, гречанка Бобелина, графиня Сен-Бальмонъ, англичанка Марія Тидъ, актриса Мошенъ, сколько знаменитыхъ именъ, высокихъ подвиговъ, замѣчательныхъ походовъ! Но, какъ мы уже сказали, это были все отдѣльныя проявленія *амазонизма*. Но о героическихъ подвигахъ женщинъ въ массѣ — исторія упоминаетъ въ послѣдній разъ въ половинѣ VIII столѣтія. (Вотъ что говоритъ о богемскихъ амазонкахъ Далемпекъ, прагскій каноникъ, поэтъ и историкъ XIV вѣка:

Любуша, жена богемскаго герцога Премыслава, умершаго въ 755 году, составила гвардію изъ молодыхъ дѣвушекъ, искусно управлявшихъ оружіемъ. Послѣ смерти Любуши, начальница этихъ тѣлохранительницъ, Власка, собрала этихъ героинь на горѣ Выдубѣ, близъ Праги, и построила тамъ крѣпость, которую назначила центромъ царства женщинъ. Премыславъ послалъ къ ней для переговоровъ одного вельможу, которому амазонки отрѣзали носъ и губы и отправили его обратно въ Прагу. Съ увеличеніемъ числа амазонокъ Власка выстроила другой замокъ и назвала его *Дьвинимъ*, откуда дѣлала набѣги на сосѣднія области. Войска Премыслава были разбиты въ нѣсколькихъ стычкахъ. Власка издала постановленія, которыми запрещалось мужчинамъ въ ея владѣніяхъ носить оружіе и садиться на лошадь верхомъ. Они должны были

обрабатывать землю и исполнять всѣ работы; женщины сражались за нихъ, и сами избирали себѣ мужей. Около восьми лѣтъ существовало это царство женщинъ; наконецъ Премыславъ взялъ замокъ на горѣ Выдубѣ и истребилъ всѣхъ его защитницъ. Власка, заключившаяся съ остальными амазонками въ Дѣвинѣ, въ свою очередь, велѣла убить двадцать четыре плѣнника, бывшихъ въ ея власти, сдѣлала на другой же день вылазку изъ замка, и погибла въ сраженіи со всѣми своими амазонками, въ 743 году.

Вотъ разсказъ Далемиска, очевидно послужившій основаніемъ балету *Война женщинъ*. Посмотримъ теперь, какъ расположилъ свой балетъ г. Перро. Разскажемъ содержаніе балета, какъ излагаетъ его программа, безъ которой, какъ извѣстно, бываетъ иногда очень трудно узнать, что происходитъ передъ глазами зрителя.

Первое дѣйствіе. Первая картина. Мы въ окрестностяхъ Праги. Вдали видѣнъ городъ. Ульрихъ, законный богемскій герцогъ, лишенный престола еще въ дѣтствѣ и воспитанный подъ чужимъ именемъ, напоминаетъ свое прошедшее, смутно ему представляющееся. Стрѣлки зовутъ его попытать счастья при стрѣльбѣ въ цѣль,—и онъ уходитъ съ ними. Къ фонтану собираются молодья дѣвушки! За одною изъ нихъ, Владюю, ухаживаетъ Кѣло, шутъ герцога Мечислава. Она ищетъ защиты у самого Мечислава, который тоже влюбляется въ нее. Вланда отвѣчаетъ на всѣ его предложенія, что она уже обручена съ Ульрихомъ, и убѣгаетъ. Мечиславъ уходитъ, поклявшись, что Вланда будетъ принадлежать ему. Собираются крестьяне, Ульрихъ приходитъ побѣдителемъ со стрѣльбы въ цѣль. Танцы прерываются приходомъ Власты, которая говоритъ, что отвергнутая Мечиславомъ, она рѣшилась отомстить ему. Она склоняетъ крестьянъ принять ея сторону. Они отказываются; тогда она обращается къ женщинамъ, и учитъ ихъ стрѣлять въ цѣль. Стража Мечислава является взять Вланду; Ульрихъ защищаетъ ее, и его отводятъ въ темницу. Власта снова призываетъ женщинъ вступить за притѣсненныхъ, и онѣ клянутся ей повиноваться.

Дѣйствіе второе. Картина вторая. Зала во дворцѣ Мечислава; въ ней статуя послѣдняго герцога. Власта открываетъ потаенный ходъ своимъ сообщницамъ, и приказываетъ имъ быть готовыми, по ея знаку, напасть на враговъ. Мечиславъ и его друзья приходятъ въ залу шира; всѣ пьютъ. Шутъ Кѣло предлагаетъ чашу статуѣ и приглашаетъ ее выпить вмѣстѣ съ ними; статуя беретъ чашу и выпиваетъ. Кѣло въ ужасѣ; всѣ смѣются надъ его испугомъ. Является Власта и приглашаетъ всѣхъ къ веселью. По ея знаку разноцвѣтные огни освѣщаютъ

залу, и группы нимфъ и вакханокъ въ самыхъ роскошныхъ танцахъ кружатся около упоенныхъ вельможъ. Амазонки, пользуясь этимъ упоеніемъ, обезоруживаютъ Мечислава и его приближенныхъ. Власта требуетъ, чтобы онъ отказался отъ Влады. Мечиславъ не согласенъ, — и по знаку Власты возстаютъ всѣ женщины, и вооружась, уводятъ съ собою Владу. Мечиславъ хочетъ броситься за ними, но его останавливаетъ статуя покойнаго герцога, срывающая другою рукою золотую повязку съ головы похитителя престола.

Дѣйствіе третье. Картина третья. Въ густомъ лѣсу Мечиславъ отдыхаетъ со своимъ войскомъ. Власта прокрадывается въ его палатку, и вливаетъ въ его вино снотворный напитокъ. Мечиславъ засыпаетъ и видитъ во снѣ, что Влада соединяется съ Ульрихомъ, который восходитъ на престолъ предковъ. Мечиславъ, проснувшись, отдаетъ приказъ убить Ульриха въ темницѣ.

Картина четвертая. Лагерь амазонокъ. Восходитъ солнце. Власта осматриваетъ свое войско и учитъ его военнымъ экзерциціямъ. Стража приводитъ Коло, попавшагося въ плѣнъ, въ то время, какъ онъ шелъ въ Прагу, съ приказаніемъ убить Ульриха. Это приказаніе находятъ у шута, и Власта предлагаетъ Владѣ идти съ Коло въ Прагу и освободить своего жениха, усыпивъ его стражей наркотическимъ напиткомъ. Коло даруютъ жизнь съ условіемъ, чтобы онъ помогалъ въ этомъ Владѣ. По уходѣ ихъ, войска Мечислава нападаетъ на амазонокъ; онѣ побѣждаютъ, но въ то время, когда устремляются въ погоню за непріателемъ, небольшой отрядъ, подъ предводительствомъ самого Мечислава, беретъ въ плѣнъ Власту.

Дѣйствіе четвертое. Картина пятая. Темница Ульриха. Солдаты стерегутъ его. Тюремщикъ вводитъ Коло и молодого воина, который показываетъ приказаніе Мечислава убить Ульриха. Всѣ удивляются, какъ можетъ такой молодой и робкій воинъ взяться за это; но онъ угощаетъ солдатъ виномъ, они засыпаютъ, и удивленный Ульрихъ узнаетъ въ этомъ воинѣ свою Владу, которая освобождаетъ его, съ помощію Коло.

Картина шестая. Прагская цитадель. Городъ взятъ амазонками, и Мечиславъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ готовится къ отчаянной оборонѣ. Онъ хочетъ сначала умертвить Власту, но получивъ уведомленіе Коло, что Ульрихъ убитъ — откладываетъ свое намѣреніе. Начинается приступъ. Амазонки лезутъ на стѣны, бьютъ таранами башни, во всѣхъ концахъ сцены кипитъ жаркій бой: Власта освобождена,

Ульрихъ спѣшитъ на помощь Вландѣ, Мечиславъ побѣжденъ; является статуя и проваливается вмѣстѣ съ нимъ. Ульриха провозглашаютъ герцогомъ, онъ соединяется съ Вландою, и Власта кладетъ къ его ногамъ мечъ, доставившій ему престолъ и сдѣлавшійся ненужнымъ болѣе для женщины.)

Вотъ краткій очеркъ, дающій понятіе читателю о ходѣ балета, его занимательности и даже драматичности эффектныхъ сценъ и положеній. Группы и танцевъ въ этомъ балетѣ множество. Говорить о роскоши, богатствѣ и великолѣпнн постановки было бы напрасно. Только у насъ можно ставить подобные балеты. Частные антрепренеры не въ состояніи достигнуть десятой доли такой роскоши въ монтировкѣ. Декораціи балета очаровательны; готическая зала и мгновенное освѣщеніе ея тысячами шкаликовъ (если не ошибаемся посредствомъ Шенбейновской гремучей хлопчатой бумаги) верхъ совершенства. Всѣ костюмы, всѣ бутафорскія вещи, всѣ аксессуары—сдѣланы вновь и ослѣпляютъ великолѣпіемъ. Танцы хороши до того, что отъ нихъ нельзя оторваться; каждая группа, взятая въ отдѣльности, художественное произведеніе. Военныя эволюціи женщинъ составлены картинно и съ большимъ знаніемъ дѣла, тѣмъ-болѣе, что было не такъ легко сдѣлать ихъ занимательными: мы видѣли уже въ этомъ родѣ эволюціи въ балетахъ: *Возстаніе въ Сераль* и *Катарина*.)

Одно только кажется намъ несовсѣмъ ловко придумано въ этомъ прекрасномъ балетѣ. Не упрекаемъ балетмейстера въ томъ, что онъ не держался историческаго преданія, и изъ VIII вѣка перенесъ его въ IX. Въ этомъ отношеніи г. Перро имѣлъ полное право, взявъ только одно основаніе изъ преданій, прикрасить его для балета, какъ угодно. Но мы думаемъ, что онъ напрасно ввелъ въ свой балетъ фантастическій элементъ, совершенно излишній для хода дѣйствія и, какъ намъ кажется, даже вредящій, напротивъ, единству дѣйствія и самому интересу содержанія. Власта въ его балетѣ является волшебницей, но ея магическая власть видно только въ мгновенномъ освѣщеніи залы пиршества. Во всѣхъ остальныхъ поступкахъ ея не видать нисколько участія колдовства. Она не можетъ спасти себя отъ плѣна, не можетъ даже усыпить Мечислава иначе, какъ подсыпавъ ему соннаго порошка. Стало-быть Власта легко могла бы остаться въ балетѣ обыкновенной женщиной. Что же касается до статуи герцога, то, не говоря уже о томъ, что она сильно напоминаетъ Цампу и Донъ-Жуана, самое вмѣшательство ея въ исторію Мечислава, по нашему мнѣнію, излишнее, и онъ оченъ удобно могъ бы провалиться одинъ въ какой-нибудь ровъ,

вмѣстѣ съ башнями своего замка. Намъ кажется также немного слаба третья картина, въ которой Мечиславъ видитъ сонъ, (сны устарѣли даже въ балетахъ), и интересъ балета не уменьшался бы, еслибы эта сцена была выпущена.

Музыка балета, сочиненія Чезаре Пуньи, превосходна и полна счастливыхъ мелодій и богатыхъ мотивовъ. Исполненъ весь балетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Г-жи Карлотта Гризи и Андреянова прекрасны.)

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

(Письмо изъ Парижа).

Въ послѣднемъ письмѣ я сообщилъ вамъ о временномъ безначаліи, въ которомъ находилась здѣшняя Итальянская Опера, и о сомнѣніяхъ, возникавшихъ насчетъ самаго ея существованія. Нынче это дѣло, которому парижане, по своему обыкновенію, придаютъ большую важность, несмотря на то, что кругъ посѣтителей этого театра весьма ограниченъ, рѣшено окончательно. Знаменитый импрессаріо, господинъ Лумлей, несмотря на все сдѣланныя ему снисхожденія, счелъ долгомъ отказаться отъ предпріятія, которое, по его увѣренію, стоило ему уже пятьсотъ тысячъ франковъ. Это, сколько мнѣ помнится, четвертый директоръ, съ 1848 года, убивающій свое состояніе на этомъ театрѣ, который прежде считался золотымъ рудникомъ. Преемникомъ господину Лумлею назначенъ какой-то господинъ Корти. Онъ обѣщаетъ начать представленія въ теченіе мѣсяца; между-тѣмъ до-сихъ-поръ неизвѣстенъ еще составъ его труппы, потому-что изъ немногихъ артистовъ, названныхъ въ полуофіціальныя газетныя объявленія, большая часть, какъ напримѣръ гг. Дебассини и Тамберликъ и г-жи Медори и Маррай, могутъ быть ожидаемы развѣ только ко второй половинѣ сезона. Черезъ мѣсяць, я буду вѣроятно, въ состояніи сообщить вамъ болѣе положительныя свѣдѣнія объ этомъ театрѣ, и сказать, есть ли поводъ полагать, какъ уже трубятъ нѣкоторые журналы, что онъ, подобно древнему фениксу, воскреснетъ изъ своего пещла.

Лирической-Театръ вступаетъ во второй годъ своего существованія съ необыкновенною дѣятельностью; не прошло еще двухъ мѣсяцевъ съ открытія представлений, а уже поставлены три оперы; объ одной я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ; двѣ новыя, «Зефиръ и Флора» (либретто Шарля Дели) и «Choisy-le-roi», (либретто Левеня и Каррэ) принадлежатъ композитору, дебютировавшему въ прошломъ году, г. Готье. Либретто г. Дели, несмотря на свое мифологическое названіе, есть ничто-иное, какъ старинный водевиль, имѣвшій когда-то большой успѣхъ, благодаря превосходной игрѣ Буффѣ. Мосье и мадамъ Вербуа, чета весьма почтенная, и лѣтами и нравами, пользуется общимъ уваженіемъ всего скромнаго городка Монтаржи. Мосье Вербуа старшина своего прихода, а его супруга — попечительница школъ и богоугодныхъ заведеній; это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу ихъ строгой нравственности, равно какъ ихъ презрѣнія и ненависти къ театру. Можете судить, послѣ этого, объ отчаяніи и негодованіи этихъ почтенныхъ супруговъ, когда они узнаютъ, что ихъ племянница Маріэтта влюблена въ кларнетиста монтаржискаго театра, и этотъ негодай дерзаетъ просить ея руки. Между-тѣмъ, если вы приоднимете завѣсу прошедшаго, то увидите, что они не всегда были такъ дурно расположены къ драматическому искусству, и что первое знакомство ихъ принадлежитъ къ тому времени, когда мадамъ Вербуа, въ роли Флоры, ножками и глазками кружила не одну голову, и не въ Монтаржи, а въ большомъ городѣ, и плѣнила сердце своему Зефиру, мосье Вербуа. Это воспоминаніе имъ даже такъ мило, что когда монтаржиска афиша объявляетъ «Зефира и Флору», они не могутъ устоять противъ искушенія взглянуть на балетъ, бывший нѣкогда ихъ торжествомъ. Маріэтту они, конечно, оставляютъ дома, съ родительскою любовью заботясь о ея нравственности. Супруги по возвращеніи изъ театра садятся ужинать; балетъ разшевелилъ ихъ воспоминанія; переходя отъ одного къ другому, они до того воспаляются, что принимаются наконецъ выплясывать различные па своихъ молодыхъ лѣтъ. Тутъ внезапно является передъ ними подслушавшій ихъ кларнетистъ, и цѣною своего молчанія покупаетъ ихъ согласіе на свадьбу.

Либретто гг. Левеня и Каррэ нисколько не оригинальнѣе, и гораздо менѣе забавно. Дѣло все въ томъ, что баронъ Моншеню считаетъ себя оскорбленнымъ госпожою Помпадуръ, и ведетъ противъ нея интригу; онъ хочетъ уничтожить ея могущество, замѣстивъ ее хорошенькою крестьянкою Переттою; но мадамъ Помпадуръ справлялась и не съ такими героями, какъ почтенный баронъ; его же интриги она обращаетъ противъ него самого, удерживаетъ за собой могущество, которое

едва было не покачнулось, Перетту выдает за ее возлюбленного Коласа, а баронъ остается въ дуракахъ.

Объ партитуры подтверждаютъ то, что было говорено о г. Готье въ прошломъ году, по поводу его «Мурдока». Это композиторъ, знающій свое дѣло, но необладающій ни богатствомъ, ни оригинальностью мелодій. Инструментовка его немножко тяжела и изыскана, развитіе мелодіи не всегда ясно. Впрочемъ, комическій элементъ ему сроднѣе драматическаго, и онъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ пускаться въ серьезныя оперы, а ограничится легкими, комическими оперетками. Изъ двухъ произведеній, представленныхъ имъ нынче, по моему мнѣнію, должно отдать рѣшительное предпочтеніе первому, «Зефиру и Флорѣ».

На Французскомъ-театрѣ одна только новая пьеса «Стелла», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, г. Франсиса Вей (Wey). Авторъ не новичекъ въ литературѣ; онъ извѣстенъ разными сочиненіями и журнальными статьями, преимущественно по части филологіи и критики; написалъ также нѣсколько небольшихъ повѣстей, которыя читались съ большимъ или мѣньшимъ удовольствіемъ; но, сколько мнѣ помнится, въ первый разъ выступаетъ на драматическое поприще, и попытку эту нельзя назвать удачною. Здѣшніе критики отзываются о его пьесѣ съ уваженіемъ, но говорятъ, что это произведеніе литературное, а не драматическое. Хотя такое раздѣленіе произведеній на литературныя и драматическія мнѣ кажется не совсѣмъ точнымъ и логическимъ, однако это сужденіе, въ сущности, справедливо. Дѣйствительно, это не драма и не комедія, а скорѣе повѣсть въ разговорахъ, да и повѣсть не изъ самыхъ занимательныхъ. Филиппъ де-Валансэ, герой пьесы, человѣкъ съ какимъ-то недоконченнымъ, неопредѣленнымъ характеромъ; онъ честолюбивъ, но неспособенъ пролагать себѣ путь къ цѣли, не имѣетъ достаточной силы воли, чтобы побѣждать препятствія; готовъ изъ корыстныхъ видовъ пожертвовать собственнымъ счастіемъ и женщиною, которую любитъ и которая любитъ его, и въ то же время не рѣшается быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ любимой женщинѣ; онъ и гордъ и подлъ безъ надобности. Стелла готова дать ему, съ своею рукою, богатство, котораго онъ добивается; но онъ не хочетъ объ этомъ слышать, хотя искренно любитъ ее; между-тѣмъ, получивъ богатое наслѣдство, бросаетъ Стеллу, и сватается къ другой, потому что можетъ чрезъ это удвоить свое состояніе; лишается своихъ капиталовъ вслѣдствіе банкротства банкира, возвращается къ Стеллѣ, и ѣдетъ за нею въ Баденъ, гдѣ встрѣчаетъ барона Кернера, покровителя Стеллы, которому она обязана своимъ воспитаніемъ и успѣхами на сценѣ. Чтобъ устранить неосновательную ревность Фи-

липпа и препятствія къ его женитьбѣ, баронъ объявляетъ что онъ отецъ Стеллы, и даетъ ея жениху четыреста тысячъ франковъ, увѣряя, что это деньги, ему принадлежавшія. Кажется, послѣ этого, отчего бы Филиппу не жениться на Стеллѣ, если онъ любитъ ее, какъ увѣряетъ авторъ; но нѣтъ, онъ опять встрѣчаетъ свою прежнюю невѣсту, Дельфину, уѣзжаетъ съ нею въ Парижъ, и женится на ней, потому что Стелла, пріѣхавшая вслѣдъ за нимъ, чтобы уличить его въ подлости, отказывается отъ своихъ правъ, узнавъ въ Дельфинѣ родную сестру.

Несмотря на прекрасную игру г-жи Маделены Брoganъ и гг. Прово и Мальяра, пьеса скучна до невѣроятности.

Г-жа Рашель, возвратившаяся наконецъ изъ своихъ долгихъ странствованій, обѣщаетъ явить нынѣшнею зимою необыкновенную дѣятельность; она должна сыграть три новыя роли: въ «Аспазіи» г. Сансона, въ новой комедіи Эмиля Ожье, и въ новой драмѣ Латура-де-Сентъ-Ибара «Розамундѣ». Сверхъ-того, дирекція обѣщаетъ возобновить Расинову *Эсфирь*, *Ариадну* Оомы Корнелья, и *Родоюну*, Петра Корнелья.

Между-тѣмъ представительницѣ классической трагедіи является новая соперница, какая-то дѣвица Вервье, исполнившая роль Федры въ какомъ-то частномъ домѣ; видѣвшіе ее рассказываютъ о ней чудеса, а журналы объявляютъ, что она готовится въ непродолжительномъ времени дебютировать на публичномъ театрѣ.

На театрѣ Одеона съ успѣхомъ идетъ маленькая пьеска г. Моле-ри «Тетушка Урсула». Она обязана своимъ успѣхомъ нѣкоторымъ довольно милымъ сценамъ; въ сущности же содержаніе ея крайне избито.

На театрѣ Драматической Гимназіи, одна пьеса возбудила огромныя ожиданія, которыя — увы! не оправдались. Не могу сказать положительно, справедлива ли исторія, которую рассказываютъ по поводу этой пьесы, или это только очень ловкій пухъ, пущенный авторомъ или директоромъ, нѣчто въ родѣ того, что здѣсь на журнальномъ языкѣ называется *une réclame*. Какъ бы-то ни было, въ одинъ прекрасный день, въ разныхъ газетахъ явилось объявленіе, которымъ г. Монтичи директоръ Драматической Гимназіи приглашалъ неизвѣстнаго ему автора пьесы подъ названіемъ «*La patrie de Jules Denis*», прислать свой адресъ въ дирекцію, такъ-какъ пьеса разучивалась, и присутствіе автора было необходимо, для разныхъ переговоровъ. Можно себѣ представить, какъ досужія воображенія разыгрались при чтеніи этихъ строкъ. Одинъ говорилъ, что явился новый великій поэтъ, что онъ, можетъ-быть, гибнетъ въ неизвѣстности и нищетѣ, умираетъ съ голоду, какъ Мальфилатръ, отравляется съ отчаянія въ какой-нибудь богадѣль-

нѣ, какъ Жильберъ, и прочее и прочее. Другіе полагали, что это просто кто-нибудь изъ театралныхъ знаменитостей пустилъ эту штуку ради потѣхи. Всѣхъ толковъ не пересказать. Авторъ, между-тѣмъ, явился на приглашеніе директора, и исторія его вышла вовсе не похожею на гаданія журналистовъ и досужихъ людей. Впрочемъ, она такъ же не совсѣмъ чужда романическихъ обстоятельствъ; я расскажу ее, какъ самъ слышалъ, не ручаясь за совершенную вѣрность подробностей. Авторъ называется дѣвица Элиза Боагонтье; говорятъ, что она молода, хороша собою, любезна, и такъ далѣе; жила нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ гувернанткою, учительницею, содержательницею пансіона, писала дѣтскія книжки, повѣсти и другія мелочи. Рѣшившись, въ минуту смѣлости, написать небольшую комедію, г-жа Боагонтье сочла нелишнимъ, по общепринятому здѣсь обычаю, отдать свое произведеніе подъ покровительство одного изъ тузовъ водевильнаго дѣла, человѣка извѣстнаго своею готовностью принимать на выправку медвѣжатъ, которые не могутъ безъ того прилично явиться передъ публику. Этому великому писателю, благодаря его славы и искусству, нѣтъ отбою отъ новичковъ водевилистовъ, получившихъ отказъ въ дирекціи, и надѣющихся проложить себѣ путь на сцену черезъ его покровительство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ всегда заваленъ дѣломъ. Иногда онъ до того бываетъ занятъ выправкою, чисткою и приглаживаніемъ чужихъ сочиненій, что ему нѣкогда писать свои собственныя. Г-жа Боагонтье, говорятъ, имѣла несчастіе попасть именно въ такой недобрый часъ. Великій драматургъ не успѣвалъ справляться со всѣми заказами и просьбами; однако онъ милостиво принялъ рукопись изъ нѣжной дамской ручки, и даже обѣщалъ прочесть въ самомъ непродолжительномъ врѣмени; но по уходѣ автора бросилъ тетрадь въ кипу другихъ тетрадей, нѣсколько мѣсяцевъ смиренно ожидавшихъ своей очереди, и забылъ ее. Отъ него это и не удивительно; но удивительно было бы, еслибъ сочинительница забыла свое дѣтище; вѣдь не легко отказаться отъ надежды видѣть свое произведеніе на сценѣ, хотя бы пришлось уступить сотруднику лучшую долю славы и доходовъ. И такъ, г-жа Боагонтье возвратилась къ знаменитому водевилисту, и такъ настоятельно требовала исполненія обѣщанія, что драматургъ, измученный множествомъ работы, отдалъ рукопись, съ совѣтомъ отнести ее къ болѣе досужему правщику. Г-жа Боагонтье однако не рѣшилась въ другой разъ испытать услужливость сотрудниковъ-покровителей; она отнесла рукопись въ Драматическую Гимназію, отдала ее швейцару, и возвратилась домой терпѣливо ждать рѣшенія ея участи. Этотъ путь оказался самымъ

короткимъ и благоразумнымъ; директоръ прочелъ пьесу, и найдя ее годною, велѣлъ ее тотчасъ разучить, не навязывая автору никакого согрудничества. Разказавъ похождения пьесы, обратимся къ самой пьесѣ; только предупреждаю васъ, что если вы ожидаете отъ нея чего-нибудь замѣчательнаго, на томъ основаніи, что не стоить разказывать біографіи посредственной пьесы, точно такъ же какъ не составляютъ біографіи ничтожныхъ людей, то вы очень ошибетесь, какъ ошиблась и парижская публика. Зачѣмъ же я разказываю біографію посредственной пьесы? спросите вы. Я и самъ сначала колебался; но подумавъ хорошенько, разказалъ ее, по весьма простой причинѣ: моя обязанность сообщать вашимъ читателямъ все, что можетъ сколько-нибудь интересовать ихъ; исторія-же этой пьески очень интересовала здѣшнюю публику, да и порядкомъ заинтересовала меня самого; почему же не найдется между вашими читателями такихъ, которые охотно прочтутъ ее? По моему, этотъ анекдотъ, за истину котораго я не поручусь, но о которомъ можно сказать «*se non é vero, é ben trovato*», гораздо важнѣе пьесы; идиллія г-жи Боагонтье принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ отъ которыхъ, хотя сотнями валите ихъ въ литературу, не прибудетъ въ ней ни на одинъ гранъ истиннаго вѣсу; анекдотъ же характеризуетъ промышленное, торгашническое направленіе современной французской драматической литературы; слѣдовательно, это любопытный фактъ, повторяющійся ежедневно, хотя онъ не всегда выходитъ наружу.

Содержаніе «*Закладъ Жюль Дени*» (*La pariure de Jules Denis*), достаточно будетъ разскать въ двухъ словахъ. Дѣйствіе происходитъ въ Бретонѣ. Жюль Дени, храбрый матросъ, но большой хвастунъ, побился объ закладъ — *la fait à pariure*, отсюда и названіе пьесы, что ни одна женщина не устоитъ противъ его любезности и непременно его полюбитъ. Противникъ его указываетъ ему на жену Жана-Клода. Нельзя сказать, что Лиза любитъ Жана-Клода, стараго и некрасиваго человѣка, который къ тому-же пьяница и лѣнтяй, но Лиза — женщина хорошо воспитанная. Какая-то деревенская кумушка предостерегаетъ Лизу, открывъ ей, разумѣется, изъ доброжелательства, закладъ Жюль съ пріятелемъ. Между-тѣмъ Жюль влюбляется не нашутку; тѣмъ не менѣе онъ принужденъ удалиться, унося, впрочемъ, прощеніе. Очевидно, что г-жа Боагонтье хотѣла подражать драматическимъ идилліямъ г-жи Жоржъ Сандъ; но не рассудила, что для этихъ сельскихъ сценъ, на видъ столь простыхъ, требуется огромный талантъ: ея характеры неверны и неопредѣленны, разговоръ переслащенъ приторною сантиментальностью; вся пьеса лишена движенія, и наводитъ ужасную скуку; она не могла бы имѣть успѣха,

даже, еслибъ обманутое ожиданіе не настроило публики къ бѣльшей, противъ обыкновенной строгости.

Вмѣстѣ съ идилліею г-жи Боагонтье шель слабый водевильчикъ гг. Лафарга и Сиродена, *Mademoiselle de Novailles*. Поль де-Нуармонъ любитъ хорошенькую вдовушку, мадамъ Бенуа, и ничто не препятствуетъ ихъ свадьбѣ, кромѣ дяди милліонера, барона де-Сень-Дизье, который долженъ оставить племяннику сто тысячъ годового дохода, и за то приписываетъ себѣ право располагать его рукою. Баронъ сунулся было самъ объяснять вдовушкѣ, что не съ ея мѣщанскимъ именемъ притязанія на родство съ фамиліею Сень-Дизье; но встрѣтилъ такой отпоръ, что не рѣшается на второй приступъ, и возлагаетъ свое полномочіе на другаго племянника, Анатоля, велѣвъ ему кончить дѣло въ двадцать-четыре часа, подъ страхомъ лишиться наслѣдства. Такой аргументъ хоть кѣго сдѣлаетъ поворотливымъ. Мосье Анатоль говоритъ такъ убѣдительно, что вдовушка не только соглашается со всеми его доводами, но даже беретса сама образумить. Мосье Поля, и для того показываетъ видъ, будто она особенно расположена къ новому знакомцу, который счелъ нужнымъ явиться на свой постъ подъ чужимъ именемъ. Мадамъ Бенуа даже идетъ подъ руку съ мосье Анатолемъ на выставку. На бѣду въ такомъ положеніи встрѣчаетъ ихъ супруга мосье Анатоля, прискававшая изъ провинціи, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ ея мужъ. Водевильная горестъ говорлива, и потому мадамъ Анатоль спѣшитъ сообщать свое несчастіе незнакомому ей кузену, Полю, который узнаетъ при этомъ случаѣ, что его соперникъ женатъ, и притомъ на пріятельницѣ мадамъ Бенуа, и въ свою очередь спѣшитъ отрапортовать о такомъ открытіи своей невѣстѣ. Вслѣдствіе этого объясненія дѣло возвращается въ то положеніе, въ какомъ было въ первой сценѣ, то есть, влюбленная чета скорѣе откажется отъ дядюшкина милліона, чѣмъ отъ свадьбы. Мадамъ Бенуа, сдѣлавъ приличный выговоръ мосье Анатолу, чтобы онъ впередъ не мѣшался въ чужія дѣла и не ѣздилъ тайкомъ отъ жены въ Парижъ, а мадамъ Анатоль объявляетъ съ трагическимъ гнѣвомъ, что онѣ могли быть пріятельницами въ пансіонѣ, когда мадамъ Бенуа называлась мадмуазель де-Наваль, но не теперь. «Мадмуазель де-Наваль!» восклицаетъ дядюшка баронъ, имѣющій привычку подслушивать за дверью; это имя обезоружило его, доказавъ, что вдовушка вполне достойна породниться съ знатною фамиліею Сень-Дизье.

Театры Разнообразія, Палерояля и Водевиля поставили каждый по нѣскольку фарсовъ, которымъ можно, ради ихъ забавности, простить

нелѣпость или совершенное отсутствіе содержанія. Вотъ лучшіе, или вѣрнѣе, менѣе плохіе изъ нихъ.

«Гонка за вдовушкой» (la Course a la veuve), водевиль гг. Бурдуа, Кольо и Лапуанта, (на театрѣ Водевиля). Два ловителя невѣсты-вдовушки съ приличнымъ приданымъ скачутъ за нею на почтовыхъ, одинъ изъ Парижа въ Баньеръ, другой изъ Баньера въ Парижъ. Но вдовушка не находится ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ, а какъ разъ на половинѣ дороги между ними, въ той самой гостинницѣ, передъ которою экипажи двухъ соперниковъ сталкиваются, сцѣпляются колесами и летятъ въ дребезги. Мосье Копо и мосье Дюпонъ, узнавъ, что разбитые экипажи такъ удачно выбросили ихъ у самой цѣли ихъ путешествія, рѣшаются немедленно приступить къ дѣлу, предоставляя самой вдовушкѣ рѣшить между ними. Дюпонъ никогда не видалъ ее; Копо увѣренъ, что съ недѣлю ухаживалъ за нею, между-тѣмъ, какъ ухаживалъ за ея кузиною, Клементиною. Эта кузина тутъ же въ гостинницѣ, съ своимъ мужемъ, отчаянно ревнивымъ и храбрымъ маіоромъ, съ огромными усами. Можете себѣ представить удивленіе, ревность и бѣшенство усача, когда женихи, принимая его за отца ихъ возлюбленной, прямо бросаются къ нему просить руки его жены. Но появленіе вдовушки скоро улаживаетъ дѣло; послѣ нѣкотораго колебанія, она отдаетъ руку мосье Дюпону, а другому претенденту обѣщаетъ руку какой-то кузины, живущей у тетки, въ Бретани.

«Скапенъ», водевиль гг. Вермона и Кармуша, написанъ для г-жи Дежазе. Воображеніе водевилистовъ и театральныхъ костюмеровъ уже истошилось на изобрѣтеніе ей новыхъ нарядовъ, для изображенія проказниковъ и сорванцовъ прошлаго вѣка. Гг. Вермонъ и Кармушъ, долго поломавъ себѣ голову, рѣшились наконецъ надѣть на нее скапеновскую ливрею. Молодая графиня Арманда, по желанію своего покойнаго мужа, должна отдать свою руку и огромное состояніе, одному изъ своихъ кузеновъ, барону Котиньяку, или кавалеру Фоламбрѣ, по выбору г-жи президентши. Баронъ человѣкъ пожилой и солидный, а кавалеръ — кутила первой руки; неудивительно, что выборъ почтенной президентши клонится на сторону перваго. Но кавалеръ не намѣренъ упустить приданое кузины, и поступаетъ въ услуженіе къ барону, что-бы предательски одурачить его и уронить его доброе имя. Мнимый Скапенъ устраиваетъ для своего господина пріятельскія пирушки, доставляетъ ему свиданія, на которыя является самъ въ женскомъ платьѣ. Все это надлежащимъ образомъ доходитъ до свѣдѣнія президентши, которая, воспылавъ страшнымъ гнѣвомъ, на отръзъ отказываетъ барону. Кавалеръ между-тѣмъ очень ловко оправдываетъ себя посредствомъ сцены сомнамбулизма, а въ награду за всѣ

свои проказы получаетъ руку Арманды съ ея приданымъ; а баронъ довольствуется молоденькою пансіонеркою, которая ни съ того, ни съ другаго вздумала въ него влюбиться.

«*Двѣ капли воды*», водевиль гг. Анисе-Буржуа и Лабиша (на театрѣ Разнообразія), нѣсколько замысловатѣе прочихъ фарсовъ этого мѣсяца. Мосье Турильонъ былъ бы весьма почтенный и хорошій человекъ, еслибъ женившись, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ привычекъ холостой жизни. По утрамъ онъ степенный адвокатъ и добрый семьянинъ, а вечеромъ нелегкая такъ и тянетъ его куда-нибудь на холостую пирушку, или на мабилевскій балъ. Такія проказы не могутъ долго оставаться въ тайнѣ; нѣкоторые кліенты, встрѣчавшіе его у Мабиля, или въ Ранелагѣ, проговариваются въ присутствіи его жены; съ другой стороны, одна дама, пришедшая къ нему за совѣтомъ по процессу ея съ мужемъ, узнаетъ въ немъ любезнаго кавалера, который наканунѣ насильно навязался ей въ провозатые и похитилъ у нея бирюзовое колечко; а должно замѣтить, что эта мадамъ Генриетта пансіонская пріятельница мадамъ Турильонъ, и потому считаетъ долгомъ немедленно отрапортовать ей о похожденіяхъ ея мужа. Чтобы отвести грозу, Турильонъ сочиняетъ исторію такого рода, что-де есть гдѣ-то на бѣломъ свѣтѣ нѣкто мосье Дарвиль, страшный кутила, Донъ-Жуанъ, мерзавецъ, и что этотъ Дарвиль какъ двѣ капли воды похожъ на него, Турильона, который не разъ уже пострадалъ отъ этого сходства, потому-что ему безпреставно приписываютъ проказы его двойника. Жена, въ простотѣ своей души, готова вѣрить, но подруга открываетъ ей глаза, и онѣ вдвоемъ придумываютъ средство, чтобы проучить проказника. При первой встрѣчѣ съ мужемъ, мадамъ Турильонъ притворяется, будто принимаетъ его за его двойника, Дарвиля, и безъ церемоніи приказываетъ слугѣ выгнать его. Турильонъ сначала въ восторгѣ отъ успѣха своей хитрости, когда жена рассказываетъ ему, какъ она выгнала Дарвиля; но совсѣмъ инныя чувства западаютъ въ его сердце, когда разговоръ доходитъ до одной бесѣды его съ женою, которой онъ вовсе не помнитъ. Такъ этотъ двойникъ не мнѡъ, онъ дѣйствительно существуетъ, и приходитъ бесѣдовать съ его женою! Волосъ становится дыбомъ на головѣ бѣднаго адвоката; мысль о двойникѣ такъ преслѣдуетъ его, что встрѣтивъ нечаянно мужа Генриетты, онъ принимаетъ его за этого двойника, и вызываетъ на дуэль. Къ счастью, дуэль ограничивается одною царапиною, а жены спѣшатъ успокоить и примирить мужей, доказавъ имъ, не безъ труда, что они вовсе непохожи другъ на друга, и сознавшись въ своей хитрости. Затѣмъ мадамъ Турильонъ прощаетъ

своего проказника, а онъ даетъ слово не представлять болѣе страшнаго Дарвила.

Г. Ньюма, знаменитый комикъ Драматической Гимназіи, перешедшій на театръ Разнообразія, дебютировалъ въ этой пьескѣ, и былъ восхитительно хорошъ и оригиналенъ въ роли Турильона.

Еще лучше этотъ талантливый артистъ въ роли Рифолара, въ водевилѣ гг. Клервила и Ламбера: «Un monsieur qui ne veut pas s'en aller» Самый водевиль пошлъ до крайности: въ немъ представленъ молодой человѣкъ, мосье Рифоларъ, который, вторгнувшись, подъ предлогомъ найма комнаты, въ квартиру почтеннаго капиталиста, мосье Дарданеля, дурачится и дурачить хозяевъ, заставляетъ ихъ пѣть и плясать, ломаетъ столы и стулья, окунаетъ весь домъ, мосье Дарданеля и его прислугу, до дворника и домохозяйна, въ чанъ съ водою; и такими продѣлками принуждаетъ Дарданеля отдать за него дочь, а домохозяйна, который оказывается его дядею, назначить ему хорошее содержаніе. Мудреный способъ свататься.

Кромѣ этихъ фарсовъ, поставленъ на этомъ театрѣ чувствительный и очень скучный и пустой водевильчикъ гг. Дюпети и Гранже, подъ вычурнымъ названіемъ «*Старикъ стараго поколѣнія*», (Un vieux de la vieille roche). Это исторія стараго служителя, своего рода Калеба, который, прослуживъ вѣрою и правдою дѣду и отцу, хочетъ служить и внуку, несмотря на то, что едва держится на ногахъ, ревнуетъ своего барина къ другимъ слугамъ, обижается, когда ему назначаютъ пенсію, и говорятъ, что ему пора на покой, отдаетъ свои деньги, накопленныя многолѣтнимъ трудомъ младшему брату своего господина, для расплаты съ карточнымъ должкомъ, и прочее, и прочее, какъ во всѣхъ исторіяхъ о старыхъ слугахъ.

«*Королевскіе драгуны*» (Les dragons de la reine), водевиль г. Декурселя (на театрѣ Палерояля), интересуется единственно тѣмъ, что двѣ хорошенькія и бойкія актрисы, г-жи Алина Дюваль и Ирма Гранье играютъ, первая молодого человѣка, скромнаго и тихаго, какъ красная дѣвица, а вторая бой-дѣвушку, одѣвающуюся въ драгунскій мундиръ, чтобы навести на умъ своего обабившагося кузена. Вотъ содержаніе пьесы. Мамзель Альбертина (Ирма Гранье) переняла отъ своего отца, отставнаго драгунскаго полковника, всю военную складку, и очень негодуетъ на своего кузена Андре (Алина Дюваль), за то что онъ, по совѣту маменьки, предпочелъ брючкотворскія занятія благородному ратному дѣлу. Она рѣшила, что мужъ ея будетъ непременно военный, но что она ни за кого не пойдетъ, кромѣ кузена Андре. Чтобы примирить эти два рѣшенія, надо прельстить его военною службою,

и вотъ кузина беретъ за это дѣло, надѣваетъ драгунскій мундиръ, поитъ скромника шампанскимъ, и доводитъ его до того, что онъ бросаетъ свою адвокатскую мантию и идетъ въ драгуны. Вслѣдствіе ли особенной понятливости воспитанника, или преподавательскаго таланта мамзель Альбертины, но новый драгунъ, довершивъ свое обученіе въ беседахъ съ сокрушителемъ сердець капраломъ, бросается въ противоположную крайность, и нѣсколько нескромныхъ словъ, сказанныхъ кузинѣ, убѣждаютъ ее въ необходимости дать ему новый урокъ, показавъ, что всему должна быть граница и что ему не все должно сходить съ рукъ. Для этого она вторично надѣваетъ мундиръ, и направляется съ дерзкимъ кузеномъ на сабляхъ; послѣ чего слѣдуетъ, конечно мировая, и дѣло кончается свадьбою.

Лучшая пьеса, явившаяся въ послѣднее время, безспорно, драма г. Виктора Сежура «*Ричардъ III*», игранная на театрѣ Сень-Мартенскихъ-воротъ. Автора можно, конечно упрекнуть въ излишнемъ употребленіи мелодраматическихъ средствъ и эффектовъ, введенныхъ романтической школою. У него нѣтъ той простоты пружинъ, той истинны и неизысканности характеровъ и побужденій, которыя, когда вы читаете драматическія хроники Шекспира, заставляютъ васъ забывать, что это не исторія, не простая записка очевидца, а художественное произведеніе. У Шекспира дѣйствующія лица обыкновенные люди, но люди своего вѣка, которыхъ характеры образовались подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ тѣхъ событій, которыя они пережили; все они принадлежатъ къ другой партіи, нерѣдко переходятъ изъ личныхъ видовъ отъ одной партіи къ другой, но всегда сливаясь съ нею; все дѣйствія ихъ обусловливаются только прошедшимъ и настоящимъ; будущее имъ не открыто, хотя, какъ люди умные, они и могутъ иногда предугадывать его; они орудія исторіи, орудія, болѣе или менѣе сознательныя, а не творцы ея. Изъ этого происходитъ дивная объективность Шекспировыхъ драмъ, особенно историческихъ. У г. Сежура, напротивъ того, какъ почти во всехъ драматическихъ произведеніяхъ, дѣйствующія лица не принадлежатъ къ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ участвуютъ; кажется, будто для нихъ исторія законченная книга, въ которой имъ извѣстно въ подробности все, что должно слѣдовать за страницей, рассказывающей собственныя ихъ дѣла; по этому они становятся выше своего вѣка и своихъ партій, руководствуются будущимъ, пригоняютъ свои дѣйствія не къ личнымъ цѣлямъ, а къ цѣли исторической, отъ нихъ независимой. Хотя быть не простыми орудіями исторіи, а управлять ею, и каждый какъ-то усиливается стать на первомъ планѣ. Однако, при всехъ своихъ недостаткахъ, драма г. Сежура составляетъ рѣдкое и отрадное

явленіе въ новѣйшемъ репертуарѣ, и можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями первой эпохи Александра Дюма, когда онъ еще заботился о художественности своихъ твореній, а не пускался въ литературно-промышленныя спекуляціи.

Имя Ричарда III невольно приводитъ на память исторію йорковъ и ланкастеровъ, рассказы Юма, коментаріи Вальполя, въ-особенности же драму Шекспира, перваго историка Англіи, какъ называлъ его герцогъ Мальборо; но г. Викторъ Сежуръ, человекъ добросовѣстный и даровитый, не поддастся искушенію, удержался отъ заимствованій. Онъ самъ, по собственному плану и фантазіи воздвигъ и украсилъ свое зданіе, правда, нѣсколько-мрачное, но что же дѣлать: выбирая Ричарда III героемъ пьесы, нельзя думать объ увеселеніи зрителей. Драма начинается по смерти дѣтей Эдуарда, а кончается смертью Ричарда III. Въ-продолженіе всѣхъ пяти актовъ, зритель переходитъ чрезъ безчисленныя драматическія сочетанія, безпрестанно приводяція къ чрезвычайно эффектнымъ положеніямъ.

Драма эта дается на театрѣ Сент-Мартенскихъ Воротъ, слѣдовательно бесполезно прибавлять, что она принадлежитъ къ разряду пьесъ, главная цѣль которыхъ потрясающіе эффекты. Это не лишаетъ, впрочемъ, пьесу г. Виктора Сежура и другихъ достоинствъ; такъ говорятъ, по-крайней-мѣрѣ, французскіе критики, предсказывающіе пьесѣ продолжительную жизнь и постоянный успѣхъ.

Для роли Ричарда, дирекція театра Сент-Мартенскихъ-воротъ сочла долгомъ ангажировать знаменитѣйшаго современнаго французскаго трагика, Лижье, который въ прошломъ году оставилъ Французскій-театръ. Онъ мастерски создалъ эту трудную роль, и благодаря ему, пьеса г. Сежура будетъ долго держаться на афишѣ, и постоянно привлекать многочисленную публику.

СМѢСЬ.

МАРГАРИТА ФОЛЛЕРЪ.

Маргарита Фоллеръ, маркиза д'Оссоли, была женщина, съ обширнымъ но странно-направленнымъ умомъ. Она соединяла въ себѣ самыя рѣдкія качества и недостатки знаменитыхъ женщинъ нашей эпохи: чистосердечная, несмотря на свою гордость, безукоризненнаго поведенія, но непостояннаго характера. Ея ошибки и добродѣтели оставались у нея въ метафизическихъ теоремахъ. Однако-же изъ всѣхъ извѣстныхъ женщинъ-писательницъ XIX вѣка, Маргарита Фоллеръ имѣла болѣе всѣхъ твердости и характера. Гордая и властолюбивая, она никогда ни передъ кѣмъ не преклоняла ни своей воли, ни своего разсудка, и не походила нимало на послушную, страдательную Бетину, этого ребенка, который готовъ былъ покоряться всѣмъ, ни на Жоржъ Занда съ ея неопределимыми, хотя и ошибочными увлеченіями. У нея нѣтъ также страшной смѣлости леди Стенгопъ, которая бросается въ пропасть, чтобъ посмотрѣть, что находится на днѣ; ни скромности Рахель-Фарнгагенъ, которая счастлива тѣмъ, что имѣетъ вліяніе на

небольшой кругъ избранныхъ друзей и можетъ свободно объяснять имъ свои мысли. У нея, напротивъ, одна мысль: владѣть; одно желаніе: управлять. Во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ проглядываетъ эта страсть, хотя и прикрытая туманомъ идеализма; но еслибы въ ея жизни была опредѣленная цѣль, еслибы она жила не посреди германскихъ ученій, не въ мірѣ метафизиковъ и поэтовъ, а въ политическомъ, дѣятельномъ кругу, она тотчасъ бы сдѣлалась главой какой-нибудь партіи, въ родѣ г-жи Роланъ. Въмѣсто литературнаго воспитанія, даннаго ей неосторожнымъ отцемъ, употребите такъ — называемое *гимнастическое* воспитаніе, и она сдѣлалась бы смѣлой амазонкой, а не ученой женщиной; она бросилась бы въ опасныя предпріятія, удалилась, въ пустыню, чтобъ утвердить тамъ свое вліяніе, какъ леди Стенгопъ. Но обстоятельства, нравы ея отечества, воспитаніе, недостаточность состоянія не позволили Маргаритѣ пуститься въ эти опасности, и вся ея сила и твердость, можетъ-быть къ ея же счастью, не нашли цѣли, оставаясь внутри ея, потому-что имъ нельзя было вылиться наружу, разстроили ея моральную жизнь и сдѣлали изъ ея существованія продолжительную борьбу. Маргарита должна была въ своей жизни довольствоваться ролью музы Эгеріи, но и тутъ она находила средство выказывать свои преимущества и власть. Она больше походитъ на волшебницу, нежели на музу и на благодѣтельную фею: краснорѣчивая, самолюбивая, одаренная необыкновенною силою магнитическаго притяженія, она является посреди своего общества, составленнаго изъ друзей, метафизиковъ, поэтовъ, стариковъ, посѣдѣвшихъ въ наукѣ, молодыхъ энтузіастовъ и любопытныхъ женщинъ, какъ Цирцея американскаго литературнаго міра и школы идеалистовъ. Чтобъ понять характеръ Маргариты Фоллеръ, надобно помнить главную черту ея характера — властолюбіе. Всѣ ея мысли и поступки вертятся кругомъ этой единственной точки.

Сестра Маргарита Фоллеръ, старшая дочь Тимотея Фоллеръ и Маргариты Кранъ, родилась 23-го мая 1810 года въ Кембридж-Портѣ, въ Массачузетѣ. Она сама описала довольно романически свои первыя дѣтскія впечатлѣнія, которыя не лишены прелести и живости, но въ которыхъ замѣтно какое-то грустное чувство и тяжелая скука, тогда какъ эти воспоминанія обыкновенно бываютъ такъ веселы и граціозны. Для всѣхъ людей, кака бы ни была въ-послѣдствіи ихъ будущность, блистательная или пошлая, первые дни дѣтства окружены всегда волшебною атмосферой, и самые обыкновенные предметы кажутся, по своей новостности, привлекательными и производятъ сильное впечатлѣніе. Тогда солнечные лучи горятъ для насъ ярче, чѣмъ тѣ, которые освѣ-

щаютъ насъ въ—послѣдствіи, тогда и снѣгъ кажется намъ бѣлѣе, и деревья зеленѣе. Эти впечатлѣнія чувствовала и Маргарита, но они были ненормальны, потому-что первые дни ея жизни были очень скучны. Ея отецъ, отличный юрисконсультъ и политикъ, былъ на конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ представителемъ графства Мидльсекса; у него была только одна цѣль: быть честнымъ гражданиномъ и хорошимъ семьяниномъ. Судя по осторожному тону, которымъ Маргарита говоритъ о своемъ отцѣ, и по холодности ихъ отношеній, можно легко отгадать, что они не понимали другъ—друга. Притомъ же необыкновенный умъ Маргариты, ея стремленія къ неопредѣленному идеалу не могли никакъ понравиться этому положительному и практическому отцу. Еслибы Маргариту предоставили природѣ, вѣроятно, ея жизнь протекла бы спокойно, и мѣсто безпокойной дѣятельности, нервическаго волненія и болѣзненной хлопотливости безъ цѣли, заняли бы кротость, нѣжность и спокойствіе. вмѣсто прорицательницы была бы женщина... Но отецъ, неизвѣстно для чего, далъ ей классическое воспитаніе. Онъ подчинилъ ее такой дисциплинѣ, такому непрерывному ученью, что самый здоровый мальчикъ не выдержалъ бы этого. Онъ лишилъ ее всѣхъ развлеченій дѣтскихъ лѣтъ. У нея не было ни подругъ, ни игрушекъ; въ этомъ скучномъ домѣ не было даже домашнихъ животныхъ, обыкновенныхъ товарищей одинокихъ дѣтей. Все было чисто, въ порядкѣ, вездѣ тишина, комфортъ; но у камина никогда не грѣлась кошка, по комнатамъ никогда не бѣгала собака. Старшая въ семействѣ, Маргарита потеряла молодую сестру, которая могла быть ей подругою, и когда хотѣла отдохнуть послѣ латинскихъ уроковъ, то должна была искать развлеченія все—таки въ однихъ книгахъ. И она читала съ жадностью, со страстью, и это чтеніе воспламеняло ея молодое воображеніе, наполняло его химерами и мистическими видѣніями. Даже въ этомъ единственномъ удовольствіи она не могла слѣдовать своему желанію и вкусу. Отецъ запретилъ ей дотрогиваться до романовъ и театральныхъ пьесъ въ его библіотекѣ, но предоставилъ ей зато всѣ остальные сочиненія, начиная отъ св. Августина до Гельвеція: Шекспира же и Сервантеса она должна была читать тихонько. Однако влеченіе къ нимъ было сильнѣе страха. Въ одно воскресенье она забилась въ уголъ залы и съ наслажденіемъ читала *Ромео и Джульетту*, какъ вдругъ отцу вздумалось спросить, что она читаетъ съ такимъ вниманіемъ? — Шекспира, отвѣчала дѣвочка, съ усиліемъ отрывая глаза отъ волшебныхъ строкъ.—Шекспира неприлично читать въ воскресенье, сказалъ отецъ: возьми другую книгу. Она встала съ мѣста, но не исполнила приказанія отца. Дѣйствующія лица начатой драмы носились передъ ея

глазами; она не могла противиться влеченію, взяла опять Шекспира и продолжала читать. Такъ-какъ въ комнатѣ были гости, то ее скоро замѣтили. Наконецъ одна тетушка снова обратила на нее вниманіе, и спросила, чѣмъ занялась въ углу Маргарита. Что ты читаешь? спросилъ отецъ.—Шекспира, тихо отвѣчалъ опять ребенокъ. — Какъ ты смѣешь не слушаться? закричалъ отецъ съ гнѣвомъ; но удерживая себя при гостяхъ, прибавилъ: «Отдай мнѣ книгу и ступай спать».

Спать! это было жестокое наказаніе для Маргариты! Она не могла спать, потому-что ее тревожили страшные сны, которые разстроивали ея здоровье и дѣлали изъ нея днемъ маленькое чудо, а ночью жертву видѣній, призраковъ, лунатика и ясно-видящую. Отецъ заставлялъ ее работать вечеромъ, и когда настало время идти спать, Маргарита не ложилась, несмотря на свою усталость; никто не понималъ этого упрямства, и все бранили капризную дѣвочку, которая не хотѣла спать. «Они не знали, говорить Маргарита, что когда гасили огонь, мнѣ казалось, что огромныя, страшныя фигуры медленно подходятъ ко мнѣ, и вырастаютъ все больше и больше. Они не знали, что когда я засыпала, то видѣла во снѣ, какъ лошади несутся на меня, и я не могу бѣжать, какъ съ деревьевъ каплетъ кровь, и мнѣ негдѣ спрятаться. Вотъ отчего ребенокъ вставалъ ночью и ходилъ въ полуснѣ и въ слезахъ. Отецъ услышалъ разъ ея стоны, и разбудилъ ее. Она рассказала, что видѣла страшный сонъ, но онъ строго приказалъ ей не думать о глупостяхъ, если она не хочетъ сдѣлаться сумасшедшею.

Между-тѣмъ Маргарита выросла, и припадки сомамбулизма превращались въ нервическія болѣзни. Это воспитаніе разстроило не только ея здоровье, но и умственные способности. Ночные призраки не являлись ея глазамъ, но они были въ ея сердцѣ, и это неправильное направленіе ума, это раннее изученіе древнихъ, развило въ ней необыкновенную гордость, которая составляетъ главную черту ея характера. Она позже сама признавалась въ этомъ, и раскаявалась, что стала изучать не Библию, а блистательныхъ геніевъ Греціи и Рима. Воспитанію также обязана она тѣмъ, что была необщежительна; даже въ самомъ дружескомъ кругу она чувствовала одиночество своихъ первыхъ лѣтъ, и посреди многочисленныхъ друзей жила въ моральномъ уединеніи. Способности Маргариты необыкновенны, но они отвлечены; жизнь ея чиста, но бесплодна. Она говоритъ и пишетъ прекрасно, но сухо и непонятно. Все въ ней оригинально и странно. И немудрено! Раннее развитіе способностей внушило ей понятіе о какомъ-то идеалѣ совершенства, но она напрасно искала вокругъ себя героевъ Шекспира и

Плутарха; все въ домѣ ея отца было такъ обыкновенно, ничего великаго, вездѣ простота. Маргарита становилась все скучнѣе, такъ что наконецъ отецъ замѣтилъ это и сказалъ: «Я не знаю, что дѣлается съ этой дѣвочкой. Она не больна, но ведетъ себя какъ идіотка; надобно, чтобъ она пожила въ другомъ мѣстѣ». И чтобъ исполнить это рѣшеніе, Маргариту свезли въ пансіонъ мистрисъ Прескотъ, въ Гротонъ, въ Массачузетъ. Однако и посреди молодыхъ подругъ характеръ ея не могъ перемѣниться, внутреннее волненіе не могло исчезнуть; напротивъ, она могла испортить молодыхъ подругъ своими капризами, которые сначала возбудили любопытство, а потомъ досаду. То грубая, то нѣжная, то смѣшная, то страстная, Маргарита иногда съ презрѣніемъ покидала подругъ, а потомъ предавалась шумному веселью. Даже костюмъ ея отличался странностями, которыхъ не могла истребить содержательница пансіона. Между-прочимъ она вздумала однажды нарумяниться, и это могло бы войти у нея въ привычку, еслибъ ее не исправила невинная шутка подругъ, которая могла однакоже имѣть важныя послѣдствія. Всѣ пансіонерки окружили ее со смѣхомъ, показывая, что и онѣ тоже нарумянены. Маргарита въ гнѣвъ рѣшилась жестоко отомстить, и приведя въ дѣйствіе всѣ способности своего обширнаго ума, начала ссорить лучшихъ друзей, хитрила и клеветала до-тѣхъ-поръ, пока о поведеніи ея узнали, и начали ее строго допрашивать. Этотъ ударъ поразилъ ее такъ сильно, что она впала въ отчаяніе. И въ-самомъ-дѣлѣ, легко-ли было перенести этому гордому ребенку униженіе, обвиненіе во лжи, стыдъ,—и еще при всѣхъ! Она чуть не умерла, но съ-тѣхъ-поръ дала себѣ слово говорить всегда правду и уменьшить свою гордость. Первое обѣщаніе Маргарита сдержала, но всегда оставалась самолюбивой и гордой.

Изъ пансіона она опять переѣхала въ родительскій домъ въ Кембриджъ, а потомъ, въ 1833 году, отправилась въ Гротонъ. Судьба Маргариты въ-самомъ-дѣлѣ очень грустна. Она не находила случаевъ показать твердость своего характера, и въ ея жизни нѣтъ замѣчательныхъ происшествій. Притомъ же Маргарита была нехороша собою. Наружность ея, и безъ того непривлекательная, отталкивала отъ себя еще болѣе нервическимъ подергиваньемъ въ лицѣ, непріятнымъ голосомъ и высокомерными манерами. «Вообще она дѣлала непріятное впечатлѣніе съ перваго взгляда», говоритъ Ральфъ Эмерсонъ, «и когда я ей представился, то подумалъ, что мы никакъ не уживемся вмѣстѣ. Мнѣ непріятно было даже оставаться съ нею въ одной комнатѣ». Маргарита, безъ сомнѣнія, знала это, и должна была жестоко страдать; однако она переносила это несчастіе съ болѣею твердостью, нежели другія женщины; ея скучная жизнь охладила въ ней страсти; она рано заглушила

въ себѣ всѣ чувства, и вмѣсто любви искала только дружбы. Притомъ же ея безобразіе было прикрыто искусствомъ одѣваться, бѣлокурые волосы были густы и прекрасно убраны, она ловко танцевала, и блестящіе глаза ея бросали огненные взгляды на тѣхъ, съ которыми она говорила. Она граціозно поворачивала голову, держала себя ловко и кокетливо, такъ что скоро отвращеніе, внушаемое ею съ перваго взгляда, исчезало, особенно если она начинала говорить. Въ разговорѣ ей не было равной во всей Америкѣ; она привлекала, удивляла и заставляла раздѣлять свои мнѣнія. Возражать ей было невозможно; своимъ надменнымъ и рѣзкимъ тономъ она пугала противниковъ, или оскорбляла ихъ неожиданною сатирою, потому-что любила острить и говорить эпиграмы. Никто больше ея не изучалъ дружбы. Она возвысила это чувство на степень искусства; и потому главнымъ ея занятіемъ сдѣлалось пріисканіе себѣ друзей и увеличеніе ихъ числа. Это сдѣлалось главною цѣлью ея жизни. У ней была цѣлая армія друзей, и она имѣла надъ ними неограниченную власть. Самолюбіе ея было почти удовлетворено: она повелѣвала. Жизнь ея вообще можно раздѣлить на два періода: въ-первомъ, успѣхи и апогей гордости, во-второмъ, разочарованіе и униженіе. Маргарита Фоллеръ провела пятнадцать лѣтъ своей жизни окруженная молодостью, красотой, талантомъ и добродѣтелью. Иногда друзья ея начинали чувствовать свое невольничество и старались удалиться отъ нея, но всѣ усилія ихъ были напрасны; она умѣла привлечь ихъ опять и удержать въ своихъ сѣтяхъ.

«У Маргариты», говоритъ Эмерсонъ, «самолюбіе было колоссальное, какъ у Скалигера, и она очень хладнокровно говорила своимъ друзьямъ: Я знаю всѣхъ въ Америкѣ, съ которыми стоить имѣть сношенія, и все-таки не нашла еще человѣка, который могъ бы равняться со мною умомъ». Однако, несмотря на свой обширный умъ, она вѣрила въ предрасудки, въ кабалистическія цифры, въ талисманы, предсказанія, вліяніе благопріятныхъ дней и часовъ. Она оказывала предпочтеніе планетѣ Юпитеру, и была увѣрена, что сентябрь мѣсяць будетъ для нея несчастливъ. Никогда не забывала она, что имя ея Маргарита значитъ жемчужина. «Когда я въ первый разъ встрѣтила имя Лейлы, говоритъ Маргарита, то отгадала по виду и звуку его, что оно означаетъ *ночь*, — *ночь*, которая разсыпаетъ звѣзды». Она уважала гаданье, и часто сама гадала, и увѣряла, что предсказанія ея сбывались. Любимымъ камнемъ ея былъ яхонтъ, потому-что она гдѣ-то прочитала, что изъ драгоценныхъ камней тѣ, которые бросаютъ отъ себя лучи, женскаго рода, а тѣ, которые сосредоточиваютъ свѣтъ въ себѣ, — мужскаго рода. «Мой любимый камень мужскаго рода» говорила Маргарита.

Въ жизни этой женщины нѣтъ мѣста для любви. Ее занимала одна дружба, доведенная до степени искусства и науки. Она любила только разъ, и то не задолго до своей трагической смерти, въ эпоху, когда гордость ея была унижена лѣтами, болѣзнями и страданіями.

Вообще характеръ Маргариты Фоллеръ гораздо замѣчательнѣе ея сочиненій. Она увлекательна въ разговорахъ, но ея письма, отрывки, критическія замѣтки наполнены преувеличенными сравненіями, запутаны въ вычурныхъ фразахъ и вообще неясны. Это происходитъ болѣе отъ того, что ей не доставало терпѣнія, главной добродѣтели артиста, и что ея беспокойная, нервическая натура не могла привыкнуть къ постоянному труду. Вотъ почему ей было очень грустно, когда обстоятельства принудили ее серьезно приняться за перо, чтобъ доставать себѣ пропитаніе. Въ 1844 году Горасъ Гринлей пригласилъ ее въ Нью-Йоркъ, для участія въ журналѣ *New-York Tribune*, но она все-таки не могла принудить себя къ механической работѣ журналиста. Критическія мнѣнія ея въ этомъ журналѣ иногда замѣчательны, но чаще выражаютъ ея чувства, а не сужденія. Впрочемъ это общій характеръ всѣхъ писательницъ: женщины принимаютъ за мысли — выраженія удовольствія, и свои чувства за критическія сужденія. Даже у госпожи Сталь есть этотъ недостатокъ. Письма же и отрывки Маргариты Фоллеръ написаны всѣ на одинъ предметъ: это внутреннее состояніе ея души, ея желанія, надежды, очарованія и разочарованія. Несмотря на этотъ односторонній характеръ писательницы, познанія Маргариты въ литературѣ были обширны и разнообразны. Она знала литературы: французскую, итальянскую, испанскую, англійскую, германскую, не считая латинской и греческой, которыя были ей знакомы съ младенчества. Она любила и понимала пластическія искусства, но предпочитала музыку, и боготворила Бетговена, тѣни котораго посвящала страстные, безумныя письма, въ родѣ тѣхъ, какія писала Беттина къ Гёте, котораго видѣла каждый день и который жилъ почти возлѣ нея. Бетговень былъ идеаломъ Маргариты, гениемъ, котораго она ставила выше Платона и Шекспира, выше Сервантеса и Жанъ-Поля. Впрочемъ, основаніе ея учености совершенно-германское, и она обязана германской философіи тѣмъ, что сдѣлалась страстною энтузіасткою. Это качество свойственно впрочемъ всѣмъ ея соотечественникамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, энтузіазмъ распространяется все болѣе и болѣе въ Соединенныхъ-Штатахъ. Всѣ философическія фантазіи, всѣ туманныя мечты, которыя мы привыкли считать принадлежностью жителей Германіи, принялись съ силою въ Новомъ-свѣтѣ, и приходятъ къ намъ оттуда только въ новомъ наивномъ и неловкомъ видѣ. Маргарита Фоллеръ много спо-

собствовала къ распространенію этихъ идей. Вліяніе ея было несомнѣнно и бесполезно, потому-что она старалась ввести въ умственную атмосферу Америки идеи таинственности и мистицизма. Въ 1839 году ей пришла въ голову странная мысль, и она написала къ мистрисъ Джоржъ Риплей письмо или, вѣрнѣе, объявленіе, въ которомъ предлагала планъ литературныхъ конференцій, составляющихъ нѣчто среднее между публичными лекціями и дружескими разговорами, и назначенныхъ спеціально для дамъ и дѣвицъ Бостона. Въ этихъ конференціяхъ должно было разсуждать о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, философіи и искусствахъ. Каждая изъ посѣтительницъ имѣла право произносить рѣчь, излагать свои мнѣнія и мысли. Маргарита занимала главную роль: она выбирала предметъ, о которомъ должно было разсуждать, вступала въ споръ, разрѣшала сомнѣнія, и оканчивала продолжительныя ссоры. Ея сужденія были неопровержимы, и если она утверждала что-нибудь, — всѣ сомнѣнія исчезали, и никто не смѣлъ ее оспаривать. Двадцать-пять женщинъ, собравшихся въ залахъ миссъ Певоди, составили первыя конференціи; позже число это увеличилось до тридцати. Сначала запрещено было мужчинамъ являться въ эти собранія, но потомъ братья, мужья и друзья членовъ получили позволеніе участвовать въ ученыхъ разговорахъ сестеръ и женъ, и могли даже высказывать свои мнѣнія. Собранія эти происходили разъ въ недѣлю, и продолжались шесть лѣтъ, то-есть, до 1844 года, когда Маргарита перѣехала въ Нью-Йоркъ. Не похоже ли это на собранія отеля Рамбулье, гдѣ разсуждали о картѣ нѣжности, анализировали любовь, скромность, наивность, жеманство; всѣ эти достоинства общества Рамбулье были перенесены въ залы миссъ Певоди, только въ формахъ, возможныхъ въ XIX вѣкѣ. Здѣсь все вертится также на символической философіи, на изученіи чувствъ. Эти разсужденія, разумѣется, странны, но любопытны, потому-что натура женщины всегда видна, даже посреди ученыхъ занятій; послѣ философическихъ вопросовъ, произносили рѣчи о танцахъ, умѣньи держаться, и какъ бы далеко ни зашелъ споръ о важномъ предметѣ, слабая, нѣжная, капризная натура женщины все-таки ясно выкажется какой-нибудь наивностью. Напримѣръ, въ одномъ засѣданіи разсуждали о жизни, и предложили важный и глубокомысленный вопросъ: Что значитъ жизнь? — Жить — это смѣяться или плакать, смотря по нашему сложенію, отвѣчала очень наивно и необдуманно миссъ С.—Неправда ли, что этотъ отвѣтъ совершенно женскій?

Маргарита сама описываетъ философическую реакцію, которую про-

извела въ Соединенныхъ-Штатахъ. «Продолжительное матеріальное благоденствіе имѣеть одинаковое вліяніе на націю и на отдѣльныхъ людей: оно мѣшаетъ развитію самыхъ благородныхъ качествъ. Необходимость развивать промышленныя выгоды страны, политическая и коммерческая лихорадка, неразлучная съ тамошними постановленіями, все это обращаетъ умы людей только на мѣстные и временныя предметы и на выгоды ихъ личнаго положенія. Вообще обстоятельства едѣлали сѣверо-американцевъ народомъ поверхностнымъ, непочтительнымъ и годнымъ только для матеріальнаго, а не жить умственной жизнью.... Новая-Англія теперь уже довольно состарѣлась, и нѣкоторые изъ ея дѣтей начали озабочиваться такимъ порядкомъ вещей. Незначительное меньшинство возстало противъ обстоятельствъ, которые принесли такіе плоды. Нѣкоторые изъ нихъ отвергали все матеріальное, и вотъ какъ составилаь школа трансценденталистовъ и какая была у нея цѣль.»

Маргарита была душою этой школы, и можно сказать, что до нея она не существовала. Разумѣется, что были молодые и пылкіе люди съ тѣми же стремленіями и расположеніями, но они были раздѣлены пространствомъ, положеніемъ въ свѣтъ, характерами. Словомъ, это были разсѣянные члены новой школы, но Маргарита собрала ихъ вокругъ себя, и скоро ее окружили извѣстные лица: докторъ Канингъ, Эмерсонъ, Теодоръ Паркеръ, романистъ Натаніель Гауторнъ, поэтъ Данъ. Вліяніе ее на нихъ было несомнѣнно, что доказываютъ увѣренія и удивленія ея друзей. Но кромѣ умственнаго вліянія, она дѣйствовала матеріальнымъ образомъ, помогала школѣ своимъ перомъ, и основала, въ 1840 году, вмѣстѣ съ Эмерсономъ и докторомъ Джорджемъ Риплеемъ журналъ, названный *the Dial* (циферблатъ). Маргарита была главнымъ издателемъ и сотрудникомъ; она посвятила этому журналу свою жизнь, хотя въ эту эпоху ея состояніе было такъ незавидно, что она должна была, для поддержанія семейства, давать уроки и работать въ разныхъ изданіяхъ. Однако, несмотря на тѣсныя сношенія съ трансценденталистами, Маргарита раздѣляла не всѣ ихъ мысли, и симпатіи не заставляли ее забывать о самой-себѣ. Притомъ же она нашла въ друзьяхъ обыкновенныхъ людей, и считала себя лучше и умнѣ ихъ. Ея идеи о назначеніи женщины были преувеличены, но не лишены вѣрнаго взгляда. Напримѣръ, она замѣчаетъ, что воспитаніе современныхъ женщинъ въ Америкѣ совершенно ошибочно, что оно даже портитъ нравственность. «Въ наше время жѣнщинъ учать тому же, чему и мужчинъ, — говоритъ она, — и когда приходитъ время явиться имъ въ свѣтъ, онѣ оказываются не ученѣе своихъ бабушекъ, которыя учились только прясть.

Мы рассматривали характеръ и правила Маргариты; теперь обратимъ вниманіе на ея жизнь. Можно прямо сказать, что Маргарита никогда не была счастлива; всю жизнь она искала счастья, и только что увидѣла тѣнь его, какъ должна была умереть. Первый ударъ, нанесенный ей, была смерть ея отца въ 1835 году, во-время холеры. Маргаритѣ было тогда двадцать-пять лѣтъ, и эта молодая и блистательная женщина, которая думала только о распространеніи своихъ познаній и моральнаго вліянія, вдругъ увидѣла, что въ жизни есть другія, тяжелыя и не-приятныя обязанности. Г. Фоллеръ умеръ, не оставя никакого состоянія своему многочисленному семейству, и Маргарита сдѣлалась единственною подпорою своей матери, малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ. Она не хладнокровно приняла эту обязанность и свое новое положеніе, но показала себя достойною этого назначенія, и не оставляя любимыхъ занятій, молила Бога, чтобъ Онъ далъ ей силы исполнить свой долгъ и забыть эгоизмъ. Маргарита сдѣлалась гувернанткою въ школѣ, прежде въ Бостонѣ, потомъ въ школѣ г. Алькота, наконецъ въ Провиденціи. Тамъ она усердно занималась этимъ дѣломъ, и учила латинскому, французскому, итальянскому и нѣмецкому языкамъ, но у нея не надолго стало терпѣніе. Черезъ нѣсколько времени она бросила эти занятія, и продолжала жить попрежнему, то-есть, управляя не дѣтьми, а взрослыми.

Во все это время она вела жизнь трудную, хлопотливую, стараясь раздѣлить все часы между литературными занятіями и своими обязанностями. Въ эту же эпоху, вынужденная необходимостію и желаніемъ высказать свою ученость, она издала большую часть своихъ сочиненій: *Разборъ сочиненій Гёте*, переводъ переписки Гёте съ Экерманомъ, и два тома, названные ею: *Статьи о литературѣ и искусствѣ. Papers on literature and art*, плоды ея сотрудничества въ журналѣ *Dial*. Но посреди этихъ занятій она начинала чувствовать усталость; въ ея сочиненіяхъ встрѣчаются выраженія унынія и отчаянія, которыя сильно противорѣчатъ ея прежнимъ стремленіямъ и надеждамъ. Быть женою и матерью — вотъ ея пламенная цѣль, которую она старается скрыть, но которую легко отгадать. Наконецъ, ей надоѣло общество, которое она прежде такъ любила, свѣтъ и даже ея успѣхи въ немъ; она предпочла ему уединеніе. Въ журналѣ ея встрѣчаются въ это время самыя патетическія и грустныя выраженія. Она молитъ Бога, чтобъ онъ не позволилъ дурнымъ чувствамъ наполнить ея сердце, она боится, что увлечется всеобщою испорченностью несчастныхъ. «Боже, не позволяй мнѣ оскорблять моихъ ближнихъ; я чувствую, что когда встрѣчаю ихъ, то мои слова не такъ кротки, какъ-бы должны быть...»

Чтобъ забыть или, по-крайней-мѣрѣ, разсѣять свою грусть. Маргарита вздумала покинуть Америку, и отправилась, въ 1846 году, въ Европу съ г. Маркусомъ Спрингъ, однимъ изъ своихъ друзей. Это путешествіе сначала заняло ее и на время излечило ея внутреннія страданія. Въ-самомъ-дѣлѣ любопытство, разнообразныя виды, знаменитости, которыя она видѣла вблизи, заставили ее забыть о себѣ. Ея путешествіе по Франціи, Англій и Италіи въ 1846 и 1847 годахъ не открываетъ намъ ничего занимательнаго. Иногда проходятъ мимо силуэты извѣстныхъ лицъ, но они описаны неясно. Во Франціи Маргарита ничего не видала, кромѣ г-жи Зандъ, Беранже и Ламене, и безъ сожалѣнія оставила эту страну, не вѣря рассказамъ о ней, потому-что, по ея словамъ, великая нація любитъ слишкомъ прикрашивать свои остроумныя рассказы. Въ Англій она соскучилась еще скорѣе, чѣмъ во Франціи, потому-что Англія, какъ говоритъ Маргарита, «это гора, составленная изъ предразсудковъ, заслоняющая свѣтъ и непронускающая правды.» Впрочемъ, зная лучше Англію, чѣмъ Францію, она описываетъ ее вѣрнѣе, и портреты замѣчательныхъ людей довольно удачны. Старый Вордсвортъ представленъ очень живо въ своемъ уединеніи въ Ридаль-Моунтъ, гдѣ онъ не знаетъ никакихъ новостей, не слышитъ ни о какихъ новыхъ знаменитостяхъ, и проводитъ свои послѣдніе дни въ мирныхъ занятіяхъ, въ прогулкахъ по окрестностямъ и въ разговорахъ съ добрыми крестьянами. Томасъ Карлейль тоже превосходно очерченъ. Его приемы, разговоры, тонъ, голосъ, капризы, — все это описано очень вѣрно. Маргарита видѣла его три раза, и все три раза онъ показался ей въ разныхъ видахъ. При первомъ свиданіи онъ былъ очень краснорѣчивъ, овладѣлъ однимъ разговоромъ, сыпалъ высокими, благородными мыслями и любопытными анекдотами. «Онъ позволялъ мнѣ говорить, замѣчаетъ миссъ Фоллеръ, только для того, чтобъ отдохнуть самому, или перемѣнить мѣсто; вотъ отчего я не могла пожаловаться на усталость». Во второй разъ Карлейль былъ расположенъ совершенно иначе. Онъ, стараясь унижать все идеи, все имена, которыя встрѣчались въ разговорѣ. Въ этотъ вечеръ поэзія казалась ему совершенно ненужною и жалкою. Борнсъ, по его словамъ, долженъ былъ писать въ прозѣ, Шекспиръ не понималъ, что разговоръ гораздо натуральнѣе въ прозѣ чѣмъ въ стихахъ; но болѣе всего Карлейль нападалъ на Петrarку и произносилъ имя Лауры съ неподражаемымъ сарказмомъ. Въ послѣднемъ свиданіи Карлейль, былъ очень краснорѣчивъ. Послѣ Франціи и Англій, Маргарита оставила своихъ друзей, съ которыми пріѣхала въ Европу, и поселилась навсегда въ Италіи, гдѣ

ея жизнь должна была пайти давно ожидаемую ею развязку. Поэтому она считала Италію своимъ вторымъ отечествомъ, а итальянцевъ любимымъ своимъ народомъ. Она попеременно жила въ Римѣ, Миланѣ, Флоренціи, и вездѣ находила новыхъ друзей. Во-время осады Рима французскою арміею, принцесса Бельджойозо назначила Маргариту директрисою и смотрительницею госпиталя Fate Bene Fratelli. Въ это время Маргарита была уже замужемъ!.. Замужство это очень странно и даже непонятно; въ немъ все темно и загадочно. Мужа Маргариты звали Джіовани Анжело д'Оссоли. Онъ былъ младшій сынъ маркиза д'Оссоли, благороднаго римлянина, который былъ прежде богатъ, но совершенно разорился во-время послѣднихъ событій въ Римѣ. Когда молодой маркизь познакомился съ Маргаритой, отецъ его былъ еще живъ, и вѣроятно бракъ совершился безъ его согласія и послѣ его смерти. Три старшіе брата Джіовани были на службѣ у Папы, одинъ въ гражданскомъ управленіи, двое въ гвардіи. Изъ всего семейства одинъ Джіовани былъ въ Римѣ, во-время осады. Ему было около тридцати лѣтъ, стало-быть онъ былъ гораздо моложе Маргариты; притомъ же характеръ его былъ кроткій и покорный, манеры робкія, хотя онъ не былъ очень уменъ и образованъ. Что миссъ Фоллеръ привлекла его и очаровала, это понятно, но какъ согласилась она соединить свою судьбу съ человѣкомъ, если не совсемъ ничтожнымъ, то и незамѣчательнымъ ни въ какомъ отношеніи? Они были соединены, потому-что вѣчныя человѣческія чувства сильнѣе всего и сердце всегда побѣждаетъ самолюбіе. Изъ этого не надобно заключать однакожь, что молодой маркизь былъ недостоинъ привязанности Маргариты,—мы говоримъ только, что въ другое время, она бы не обратила никакого вниманія на человѣка, съ которымъ теперь рѣшилась раздѣлить всю жизнь. Притомъ же, въ чувствахъ ея къ мужу не замѣтно пламенной страсти. Одно только сильное чувство видно въ эту эпоху, въ жизни Маргариты: это материнская любовь. «Что дѣлаетъ мой сынъ? живъ-ли онъ! Поощадыть ли его солдаты? Не покинула ли его кормилица?» — вотъ ея заботы во-время осады Рима, и участь страны занимаетъ ее меньше, чѣмъ участь маленькаго Анжелино. Послѣ взятія Рима, когда маркизь д'Оссоли съ женою бѣжалъ во Флоренцію, Маргарита сама нянчить ребенка и забываетъ метафизику, слушая его крики и дѣтскій смѣхъ. «Поутру, говоритъ она, Анжелино торопится одѣться, чтобъ цоскорѣ увидѣть насъ; онъ раздвигаетъ наши занавѣски своими маленькими ручками, обнимаетъ меня крѣпко, гладитъ по лицу, смѣется, шумитъ и кричитъ: браво! Когда же онъ показалъ все свое умѣнье, то проситъ, чтобъ его привязали къ стулу и дали ему игруш-

ки. Иногда онъ зоветъ насъ и хочетъ, чтобъ мы забавляли его пѣніемъ, или дастъ мнѣ свою руку, и требуетъ, чтобъ я ее поцѣловала. Я исполняю его желаніе, и онъ смѣется. Какъ восхитителенъ этотъ дѣтскій смѣхъ!..» Гдѣ же теперь трансцендентализмъ, гдѣ прежніе триумфы Маргариты? Она забыла обо всемъ, и ей можно многое простить потому-что она была женщиной хоть разъ въ своей жизни. Подъ вліяніемъ нѣжныхъ чувствъ, которыя хотя поздно, но проникнули въ ея сердце,—всегдашняя болѣзнь ея—лихорадка оставила ее, всѣ болѣзни прекратились, и она ожила для жизни новой и счастливой, хотя была въ бѣдности и ничего не ждала отъ будущаго. Теперь она любитъ не одни свои качества; она испытала настоящее счастье, но оно пришло уже поздно. Маргарита предчувствовала, что 1850 годъ будетъ для нея несчастливъ. Надобно было прежде всего думать о средствахъ къ жизни. Маркизь былъ безъ всякаго состоянія и часть его изъ имѣнія отца послѣ семейнаго раздѣла не могла быть выдана ему тотчасъ, по какимъ-то судебнымъ распоряженіямъ. Притомъ же бракъ ихъ былъ тайный, потому-что Маргарита была протестантка, и по этому случаю его могли лишитъ даже маленькой части въ наслѣдствѣ. Итакъ супруги рѣшились отправиться въ гостепріимную Америку. 17-го мая 1850 года, они перешли на коммерческій корабль *Елисавету*. Было много дурныхъ предзнаменованій въ началѣ путешествія. Маркизь д'Оссоли вспомнилъ, что одна старая цыганка предупреждала его, чтобъ онъ остерегался моря. Смерть посѣтила корабль во-время плаванія, и капитанъ Гарри, завернутый въ американскій флагъ, былъ брошенъ въ море, въ глазахъ Маргариты. Даже Анжелино, который забавлялъ весь экипажъ своими дѣтскими выходками, захворалъ опасно, и родители боялись за его жизнь. Наконецъ, корабль завидѣлъ уже Нью-Йоркъ, когда 15-го іюля началась сильная буря. Скоро всѣ пассажиры поняли свое отчаянное положеніе. Маргарита могла спастись, но она не хотѣла разлучаться съ мужемъ и сыномъ. Первый погибъ маленькій Анжелино, который упалъ въ воду съ матросомъ, желавшимъ спасти малютку. Маргарита была свидѣтельницею смерти сына; черезъ нѣсколько минутъ погибъ ея мужъ; она утонула послѣднею. Не могли отыскать ни тѣла, ни бумагъ ея, кромѣ нѣсколькихъ писемъ къ маркизу д'Оссоли. Только тѣло маленькаго Анжелино было прибито къ берегу; одинъ матросъ нашелъ его, и вмѣстѣ съ остатками экипажа, пережившими бурю, похоронилъ его со слезами сожалѣнія... Всѣ присутствовавшіе оплакивали малютку, бывшаго ихъ любимымъ товарищемъ и развлекавшаго ихъ своими дѣтскими играми во-время долгаго путешествія.

Вотъ какой страшной катастрофой окончилась жизнь этой странной женщины. Маргарита Фоллеръ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи литературы своего отечества; потому-что подобный характеръ явился въ первый разъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Маргарита представляетъ самое ясное доказательство стремленія сѣвероамериканцевъ къ перемѣнѣ въ нравахъ, жизни и убѣжденіяхъ. Это очень любопытно для европейцевъ, потому-что мы можемъ судить, какое вліяніе имѣли и имѣютъ теперь европейскія идеи на развитіе образованности въ Соединенныхъ-Штатахъ. Америка представляетъ обширное поле для опытовъ всякаго рода. Что Европа думаетъ, то Америка исполняетъ, будь это промышленное изобрѣтеніе, или философская система. У американцевъ нѣтъ и, можетъ-быть, долго не будетъ своихъ собственныхъ идей, но они живутъ жизнью космополита и подчиняются во всемъ европейскому вліянію. Вліяніе Маргариты Фоллеръ не умерло съ нею, оно живетъ и будетъ еще долго жить въ Сѣверной Америкѣ.

АДАМЪ БУФФЪ

ИЛИ

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Повѣсть Дугласа Джеррольда ().*

Адамъ Буффъ лежалъ въ постели, весь превратившись въ слухъ. Онъ прислушивался, прислушивался, и ничего не слышалъ. На лицѣ его выразилась досада, и проворчавъ что-то про себя, онъ плотнѣе завернулся въ одѣяло, и съ тяжелымъ вздохомъ перевернулся на другой бокъ. Бѣдный Адамъ Буффъ!

Неутомимое время летитъ, а Адамъ не просыпается. О вы, добрые гени! навѣвающіе счастливые сны, осыпающіе золотомъ бѣдняка, спуститесь къ изголовью Адама Буффа, перенесите его на радужномъ лучѣ съ его чердака въ тѣ богатые магазины Лондона, гдѣ въ красивомъ безпорядкѣ рисуется бѣлье, платье, и все, что нужно человѣку, чтобы одѣться, и въ чемъ терпѣлъ недостатокъ Адамъ Буффъ.

— Проснулись ли вы, мистеръ Буффъ? спросилъ голосъ за дверью.

* Дугласъ Джеррольдъ издалъ недавно нѣсколько повѣстей, подъ названіемъ: «Люди съ характеромъ». Это переводъ одной изъ нихъ. Въ англійскомъ подлинникѣ она называется: *The man without a shirt.* (Человѣкъ безъ сорочки).

— Войдите, сказалъ Адамъ.

Дверь отворилась, и желтая, худая женщина вошла въ комнату. По ея манерамъ тотчасъ можно было замѣтить, что это хозяйка дома.

— Видѣли вы пожаръ нынче ночью, мистеръ Буффъ? спросила мистрисъ Ноксъ.

— Я слышалъ, какъ проѣхали пожарные, отвѣчалъ онъ.

— Небо было свѣтло, какъ днемъ, замѣтила хозяйка.

— Оно было красно, сказалъ Адамъ.

— Бѣдняжки! продолжала мистрисъ Ноксъ, подходя къ постели, и съ сожалѣніемъ посматривая на носъ и щеки Буффа, которые, какъ рубины, отдѣлялись отъ подушки.

— Много людей сгорѣло? спросилъ Адамъ, покашливая.

— Еще неизвѣстно въ точности, но сколько разорено! Два завода, трактиръ и лавка мѣнялы сгорѣли до тла. Ничего не было застраховано, все пропало.

— Жаль, очень жаль, но такова ужъ наша жизнь, замѣтилъ Адамъ, принимая глубокомысленный видъ.

— Правда ваша, мистеръ Буффъ, сказала хозяйка со вздохомъ.

— Да, вотъ наша жизнь! Мы встаемъ рано и ложимся поздно, трудимся и изнемогаемъ, хитримъ и обманываемъ другъ-друга...

— Вы говорите, какъ книга, замѣтила хозяйка.

— Мы всю жизнь хлопчемъ о томъ, чтобы нажить деньги, а потомъ, устроивъ себѣ гнѣздо, раззолотивъ его, окруживъ всеми удобствами комфорта — что же выходитъ? Служанка заронитъ искру, кошка заброситъ уголекъ въ бѣлье, и черезъ нѣсколько часовъ пожарныя трубы пускаютъ фонтаны надъ развалинами. Да, мистрисъ Ноксъ, вотъ наша жизнь, и такъ какъ это участь общая, то глупо и сокрушаться, мистрисъ Ноксъ.

По всему видно было, что Буффъ философъ.

— Правда, правда, мистеръ Буффъ; но не легко потерять все, что имѣешь! замѣтила хозяйка.

— Нужно всегда держаться философіи, сказалъ Адамъ Буффъ.

— Фи... Вы говорите о пожарныхъ инструментахъ?

— Что касается до меня, продолжалъ Буффъ, не слушая хозяйки; то я чувствую, что будь это дома мои, я смотрѣлъ бы равнодушно на истребляющую стихію.

— Вы справедливо ее называете истребляющею, мистеръ Буффъ, отъ нея ничто не спасется. Бѣдная мистрисъ Севокъ?

— Моя прачка! вскричалъ Адамъ, вздрагивая.

— Она жила на дворѣ, все ея бѣлье сгорѣло, сказала мистрисъ Ноксъ.

— Ея бѣлье! повторилъ Адамъ Буффъ, измѣняясь въ лицѣ. Какъ! неужели все?

— Все до нитки, отвѣчала мистрисъ Ноксъ.

Адамъ опустилъ голову, и не сказалъ ни слова. Несчастіе преслѣдовало его повсюду. Адамъ находился теперь въ положеніи автора, котораго единственная оригинальная рукопись попала въ огонь, и отъ которой не осталось ни одной копіи. Короче сказать, у прачки было все бѣлье Адама, состоявшее изъ единственной сорочки, и копіи не осталось дома. Буффъ, какъ философъ, могъ цѣлый день равнодушно разсуждать о истребленіи двухъ заводовъ, но потеря единственной рубашки была слишкомъ близка къ его сердцу. Адамъ лежалъ въ глубокомъ уныніи, когда его добрый геній постучался въ дверь и вошелъ въ комнату. Хозяйка незамѣтно исчезла.

— Вы мистеръ Буффъ? спросилъ незнакомецъ.

— Такъ точно, отвѣчалъ Адамъ, съ безпокойствомъ..

— Очень радъ, что застаю васъ. — Адамъ посмотрѣлъ на гостя съ сомнѣніемъ. — Я боялся, что вы уже одѣлись и ушли. Вы видите, я безъ церемоніи; у меня ужъ такой характеръ. Къ дѣлу: вы совершенно свободны, мистеръ Буффъ?

— Совершенно, отвѣчалъ Адамъ, съ твердостью, и въ свою очередь хотѣлъ спросить гостя о причинѣ его посѣщенія, но удержался, разсмотрѣвъ его щегольскую одежду. Хотя незнакомцу было уже около шестидесяти лѣтъ, онъ былъ одѣтъ весьма изысканно, и чувствуя его превосходство надъ собою, Адамъ не рѣшался его разспрашивать.

— Мистеръ Буффъ, я слышалъ, что вы занимаетесь философіею? Адамъ печально опустилъ глаза на одѣяло. Я давно ищу такого чело- вѣка, какъ вы. Не скажу, какимъ образомъ я отыскалъ васъ; когда-нибудь вы все узнаете. Я хочу поручить вамъ самый драгоцѣнный, самый священный залогъ. — Адамъ машинально протянулъ руку. Но только въ такомъ случаѣ, если я на дѣлѣ найду васъ философомъ. — Адамъ старался принять видъ Сократа. — Сегодня же поутру, съ вашего позволенія, мы приступимъ къ дѣлу.

— Я зайду къ вамъ, и тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, я съ вами не разстанусь. Когда вы одѣнетесь, мы выйдемъ вмѣстѣ, сказалъ гость, и лицо Адама значительно вы-

тянулось. Но скажите, неужели въ такой холодъ вы не топите у себя въ комнатѣ?

— Человѣкъ, сказалъ Адамъ, никогда такъ не сознаетъ своего достоинства, какъ торжествуя надъ стихіями.

— Совершенно справедливо. Не считайте меня изнѣженнымъ, но я люблю, чтобы мнѣ къ утру нагрѣвали бѣлье, сказалъ старый джентльменъ.

— Мое грѣли сегодня ночью, отвѣчалъ Адамъ Буффъ, и пожарныя трубы, казалось, скакали у него по сердцу: — но только безъ моего согласія.

— А! у васъ дурная прачка, сказалъ старикъ, между-тѣмъ, какъ на лицѣ Адама явилась болѣзненная улыбка. Мнѣ именно нуженъ такой человѣкъ, подумалъ гость, и вставъ со стула, пошелъ къ дверямъ, къ великому удовольствію Адама.— Истинной философіи немного нужно времени, чтобы одѣться, мистеръ Буффъ; я подожду васъ внизу.

Сказавъ это, посѣтитель вышелъ.

Адамъ соскочилъ съ постели, и защелкнувъ дверь на замокъ, сталъ одѣваться съ поспѣшностью актера. Пользуясь этимъ временемъ, мы объяснимъ причину неожиданнаго посѣщенія.

Джонъ Бутлеръ, шестидесятилѣтній холостякъ, былъ усердный почитатель философіи. Для него цѣлый свѣтъ былъ однимъ покойнымъ кресломъ, въ которомъ онъ могъ, по желанію, ѣсть, пить, отдыхать и даже философствовать. Всѣ его заботы сосредоточивались на его племянникѣ, Вильямѣ, и для его образованія онъ избралъ Адама Буффа, какъ истиннаго философа.

На лѣстницѣ послышался шумъ шаговъ, и мистеръ Бутлеръ увидѣлъ Буффа, осторожно спускавшагося внизъ. Оба философа вышли на улицу.

— Большой пожаръ былъ ночью, сказалъ мистеръ Бутлеръ.

Буффъ схватился за воротникъ, приподнялъ его, и отвѣчалъ: — губительный пожаръ!

Бутлеръ и Буффъ пошли далѣе. Одну минуту, глубокомысленный читатель. Неужели, взглянувъ на этихъ двухъ людей, вы не отгадаете ихъ характеровъ. Джонъ Бутлеръ, средняго роста, весь въ черномъ, съ манишкой ослѣпительной бѣлизны, идетъ съ увѣренностью, съ самодовольствіемъ, какъ человѣкъ, который пріучилъ себя къ комфорту.

Адамъ Буффъ едва касается земли; онъ весь превратился въ наиглубочайшее почтеніе къ своему спутнику. Взгляните на его сюртукъ, — онъ какъ-будто стыдится самаго себя; замѣьте шляпу, которая была не

подъ одною бурею; вы видите двухъ философовъ, и одного изъ нихъ въ самомъ критическомъ положеніи, послѣ пожара, истребившаго у него все, даже послѣднюю рубашку.

Положеніе истинно критическое!

— А! вотъ гдѣ былъ пожаръ! вскричалъ Бутлеръ, останавливаясь, и показывая Буффу на дымившіяся развалины! Сильный пожаръ! И оба остановились надъ пожарищемъ, хотя съ различными мыслями. Бутлеръ смотрѣлъ на обгорѣвшія стѣны съ спокойствіемъ философа, котораго это бѣдствіе не вовлекло ни въ какія потери, Буффъ былъ слабѣе; подавляя внутреннюю скорбь, онъ отыскивалъ глазами бывшую квартиру своей прачки между обнаженными развалинами.

— Вчера здѣсь было прекрасное зданіе, сказалъ мистеръ Бутлеръ, нюхая табакъ: а сегодня осталась куча камней.

— Все превратилось въ трутъ, вскричалъ Адамъ, думая о своей потерѣ.

— Да, грустно видѣть гору пепла, вмѣсто мирнаго пріюта нашихъ семейныхъ радостей, глубокомысленно замѣтилъ Бутлеръ. Остаться безъ ничего въ такое холодное время, продолжалъ онъ, смотря на Буффа, который вздрогнулъ при этомъ предположеніи. Впрочемъ, мистеръ Буффъ, нагота еще не есть несчастіе, когда намъ остается философія.

Адамъ готовился отвѣчать, когда грохотъ обрушившейся стѣны заставилъ толпу народа разбѣжаться въ разныя стороны. Бутлеръ бросился бѣжить; Буффъ послѣдовалъ его примѣру, но не обладая такимъ же проворствомъ, сбиль съ ногъ одного изъ зѣвакъ, который съ досады отвѣсилъ ему полновѣсный ударъ. Окружающіе ихъ видѣли это, видѣли, какъ Буффъ, сжавъ кулаки, обернулся къ своему противнику, дыша негодованіемъ и гнѣвомъ. Драка! драка! кричала толпа, приготовясь къ зрѣлищу. Толстый извощикъ засучилъ рукава. Бутлеръ подошелъ къ Адаму, который измѣрялъ взглядомъ массивную фигуру своего противника. Лучше раздѣться, серъ, посоветовалъ кто-то изъ толпы, между-тѣмъ какъ другой, выбивая табакъ изъ трубки, предлагалъ Буффу поддержать его сюртукъ. Такое предложеніе положило конецъ нерѣшимости Адама; онъ схватился за верхнюю пуговицу сюртука, и между-тѣмъ, какъ толпа готовилась уже любоваться его мускулами, онъ поднялъ свой воротникъ, бросилъ презрительный взглядъ на извощика, и громко объявилъ его нестоящимъ вниманія. Сказавъ это, онъ старался пробраться сквозь толпу, которая тѣснила его, сопровождая свистками и насмѣшками. Но награда не замедлила его встрѣтить. Бутлеръ, схвата

его за руку, вскричалъ, исполненный удивленія: Уважаю васъ, мистеръ Буффъ, вы показали себя философомъ, достойнымъ древней Греціи; (бѣдный Адамъ не смѣлъ показать остальной экземпляръ рубешекъ) вы показали себя выше обидъ неразумной толпы. Въ это время человѣкъ, предлагавшій Адаму подержать его сюртукъ, въ досадѣ, что его услуги не приняты, схватилъ рукавъ отъ пожарной трубы и окатилъ водою и Буффа и его новаго друга. Толпа разразилась всеобщимъ хохотомъ. Бутлеръ стоялъ въ недоумѣніи. Три раза онъ звалъ на помощь полицію, и три раза со смѣхомъ толпа повторяла его крикъ. Но полиція не являлась, и Бутлеръ рѣшился позвать карету. Кучеръ подъѣхалъ, и сойдя съ козелъ, отворилъ дверцы. Онъ нѣсколько времени стоялъ въ нерѣшимости, но наконецъ человѣколюбіе взяло верхъ, и онъ усадилъ полузатопленныхъ людей, спросивъ, въ какую больницу везти ихъ?

Въ Флитъ-стритъ, сказалъ Бутлеръ, которому было не до шутокъ. Карета пустилась въ путь, между-тѣмъ, какъ толпа кричала: Не нужно ли вамъ зонтиковъ, джентльмены? Ты бы ихъ выжалъ, кучеръ! Мистеръ Бутлеръ молчалъ, какъ рыба; Буффъ отряхался, какъ выкупанный пудель. Сколько тебѣ нужно? спросилъ мистеръ Бутлеръ у кучера, когда они пріѣхали.

— Шесть шиллинговъ.

— Шесть шиллинговъ! вскричалъ Буффъ. По таксъ слѣдуетъ....

— Такса для пассажировъ, а за грузъ мы беремъ, сколько хотимъ.

— Какой грузъ? вскричалъ Буффъ.

— Такса за двухъ пассажировъ два съ половиною шиллинга, да три съ половиною за два ведра воды. Бутлеръ заплатилъ, какъ истинный философъ.

— Милости просимъ, сказалъ онъ, дрожа отъ холода, и вводя Буффа въ комнату, гдѣ привѣтный огонекъ ярко пылалъ въ каминѣ. Помѣшавъ угли, онъ тотчасъ же вышелъ. Буффъ, оставшись одинъ, на свободѣ излилъ свою досаду на обидчика, потомъ посмотрѣлъ на огонь, и повернувшись спиною къ камину, подвергнулъ ее дѣйствию благотворной теплоты. По мѣрѣ того, какъ теплота разливалась по его членамъ, въ сердцѣ снова родилась надежда на счастье, и досада на человѣчество стала исчезать вмѣстѣ съ паромъ отъ платья. Счастливъ онъ, что я не могъ снять сюртука, думалъ Адамъ съ самодовольствіемъ, грѣя спину у огня и утѣшая себя философіею. Онъ осматривалъ комнату, меблированную съ величайшимъ комфортомъ, и думалъ о своемъ печальномъ углѣ на чердакѣ. Такія размышленія были недостойны философа, но бѣдный Адамъ былъ голоденъ и промокъ насквозь. Последнее

обстоятельство подтверждалось очевиднымъ образомъ, потому-что онъ стоялъ у огня, окруженный паромъ.

— Боже мой, что это за дымъ? вскричалъ женскій голосъ, и Буффъ, услыша его, опустилъ фалды, и кашляя вышелъ изъ окружавшаго его тумана. Дама, которой принадлежалъ голосъ, видя, что дымить не каминъ, но джентльменъ, готовилась ему присѣсть, какъ вдругъ явился хозяинъ, неся подъ рукою теплый халатъ для гостя, и представилъ послѣдняго сестрѣ своей, мистрисъ Блекъ.—Ну, мистеръ Буффъ, снимайте сюртукъ; видите, я уже переодѣлся, и онъ самодовольно осматривалъ свой шлафрокъ, обшитый мѣхомъ. Передѣвайтесь-же, а то простудитесь.

— Простужусь? повторилъ Адамъ съ невыразимою улыбкою презрѣнія. Я поставилъ себя выше подобныхъ слабостей, серъ.

— Я этого требую, — вы промокли насквозь. Снимите сюртукъ, повторялъ гостепріимный мистеръ Бутлеръ.

Буффъ ни за что не соглашался. Неужели человѣкъ такъ ничтоженъ, сказалъ онъ, застегивая наглухо сюртукъ и нахмуривъ брови, что нѣсколько капель воды могутъ разстроить его комфортъ. Вспомните о скифахъ, серъ, о нашихъ предкахъ, древнихъ британцахъ, какъ они презирали непогоду; и лѣтній жаръ и зимній холодъ; можетъ ли что-нибудь быть унизительнѣе для нашего самолюбія, какъ видѣть человѣка, этого властелина на землѣ,—подъ зонтикомъ!

— Какъ вамъ угодно, мистеръ Буффъ, сказалъ Бутлеръ, удивленный стоицизмомъ своего гостя: какъ вамъ угодно. Мнѣ кажется, однако что вы ужъ слишкомъ къ себѣ строги. Мы не знаемъ достовѣрно, не оборачивалъ ли Діогенъ свою бочку дномъ къверху, когда лилъ дождь.

— Какъ! неужели джентльменъ не хочетъ переодѣться? съ удивленіемъ спросила мистрисъ Блекъ. Онъ весь мокрый, прибавила она, печально смотря на струю, текшую съ сюртука на полированную доску каминна. Весь мокрый! повторила она.

— Онъ промоченъ до костей, замѣтилъ Бутлеръ.

Адамъ закрылъ грудь обѣими руками и отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ: это ничего,—не безпокойтесь,—вздоръ!

— Во всякомъ случаѣ, вы, вѣрно, не откажетесь отъ рюмки водки? спросилъ Бутлеръ. Это славная водка, мистеръ Буффъ; она досталась мнѣ удивительнымъ образомъ.

Адамъ не заставилъ себя упрашивать. Наливая вторую рюмку, онъ сказалъ:—Достойно замѣчанія, мистеръ Бутлеръ, что нѣтъ народа, въ какомъ-бы невѣжественномъ состояніи онъ ни находился, который-бы не умѣлъ выдѣлывать водки.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, мистеръ Буффъ; истинный философъ видитъ въ этомъ новое доказательство превосходства чело-вѣческой природы.

— Отъ ананасовъ и до самыхъ простыхъ растений, продолжалъ Буффъ, медленно потягивая изъ рюмки, чело-вѣкъ употребилъ въ дѣло все, для доставленія себѣ пустаго и минутнаго удовольствія. Эта мысль унизительна, заключилъ Адамъ, осушая рюмку.

— Прямо изъ Франціи, замѣтилъ Бутлеръ, занятый достоинствомъ своего вина.

Между-тѣмъ сюртукъ Адама, согрѣваемый огнемъ снаружи и виномъ изнутри, пообсохъ такъ, что почти не требовалъ перемѣны; при всемъ томъ, мистрисъ Блекъ продолжала поглядывать на него съ сомнѣніемъ, хотя уже не сырость привлекала ея вниманіе. Она знала, что Бутлеръ пригласилъ его обѣдать, и вопросительно указала брату на ветхій костюмъ гостя, на что Бутлеръ, смягченный добрымъ виномъ и теплымъ халатомъ, отвѣчалъ ей однимъ добродушнымъ взглядомъ.

— Это необыкновенный, удивительный чело-вѣкъ, сказалъ онъ се-стрѣ шепотомъ: посмотри на него, это совершенный философъ, продолжалъ онъ, съ торжествующимъ видомъ указывая на Адама, который, растянувшись въ покойномъ креслѣ, заложивъ руки въ карманы и открывъ ротъ, спалъ уже крѣпкимъ сномъ, убаюканный теплотою камина и благотворнымъ дѣйствіемъ вина.—Ему неизвѣстны церемоніи; онъ у насъ въ первый разъ, и спитъ, какъ дома.

— Это довольно невѣжливо, замѣтила мистрисъ Блекъ.

— То, что женщины называютъ невѣжливостью, часто бываетъ слѣд-ствіемъ глубокаго убѣжденія, отвѣчалъ Бутлеръ. Живи этотъ чело-вѣкъ въ Греціи, двѣ тысячи лѣтъ назадъ...

— Очень жаль, что этого не случилось, сказала мистрисъ Блекъ, смотря на забрызганный каминъ.

— Беси, ты не понимаешь этого чело-вѣка. Мистрисъ Блекъ по-смотрѣла на пустую бутылку. Еслибы ты видѣла его хладнокровіе, спокойствіе, съ которымъ онъ перенесъ ударъ.

— Не возвращая его?

— Даже не взглянувъ на бездѣльника, который его ударилъ. Те-перь, промоченный до костей....

Въ эту минуту Адамъ проснулся, и зѣвая, протянулъ ноги во всю длину, и наступилъ на хвостъ собаки, которая завизжала и укрылась на рукахъ мистрисъ Блекъ. Другой чело-вѣкъ былъ-бы этимъ сконфу-

женъ, но для Буффа такая неудача была только поводомъ къ весьма философическимъ разсужденіямъ. Я часто думаю, сказалъ онъ, обращаясь къ Бутлеру, какъ судьба несправедлива къ собакамъ. Одну ласкаютъ, кормятъ, лелѣютъ, другую бьютъ и гонятъ.

— Кушать подано, сказалъ вошедшій слуга.

Буффъ тотчасъ-же прекратилъ свою рѣчь и послѣдовалъ за Бутлеромъ въ столовую, гдѣ они нашли новое лицо, — домашняго доктора, котораго мистрисъ Блекъ упросила остаться обѣдать. Бутлеръ, философъ во всѣхъ отношеніяхъ, обѣдалъ какъ обыкновенный человѣкъ; Адамъ Буффъ, казавшійся въ другихъ случаяхъ человѣкомъ необыкновеннымъ, ѣлъ за четверыхъ.

Буффъ, сдѣлавшись послѣ обѣда гораздо благосклоннѣе, вздумалъ приласкать собаку мистрисъ Блекъ. Собака, по мнѣнію натуралистовъ, великодушное животное; но бываютъ и исключенія, чему лучшимъ доказательствомъ была собака, которую Буффъ вздумалъ подчивать пряникомъ. Помня обиду, она вскочила на стулъ и схватила за руку Буффа. Несчастный громко вскрикнулъ. Бутлеръ подошелъ къ нему съ безпокойствомъ, а докторъ съ участіемъ освѣдомился, не укушенъ-ли онъ?

— Я это предвидѣла, сказала мистрисъ Блекъ.

— Позвольте мнѣ осмотрѣть вашу руку, сказалъ докторъ. Потрудитесь снять сюртукъ.

Мистрисъ Блекъ встала, чтобы выйти.

— Не безпокойтесь, это бездѣлица, съ живостью отвѣчалъ Буффъ.

— Послушайте, другъ мой, замѣтилъ хозяинъ, собака укусила васъ до крови. Вы себя не бережете. Что, если она бѣшеная?

Все приступили къ Адаму, прося его промыть рану. Несчастный философъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, но выдержалъ свой характеръ.

— Джентльменъ, сказалъ онъ, — я не вѣрю въ бѣшенство собакъ, и не позволю дѣлать себѣ перевязки. Смѣшно было-бы предполагать, чтобы собака, принадлежащая такой дамѣ, какъ мистрисъ Блекъ, могла быть бѣшеною. Мнѣ кажется, серъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Бутлеру, и въ то же время бросая косвенный взглядъ на его сестру, что человѣкъ, почитающій философію, не долженъ забывать и уваженія къ дамамъ. Это сказано было тономъ, не допускавшимъ возраженій. Бутлеръ сѣлъ за столъ, смотря на своего друга, какъ на величайшаго изъ стойковъ; докторъ не говорилъ ни слова, но считалъ его сумасшедшимъ,

а мистриссъ Блекъ вышла изъ комнаты, удивляясь такому странному смѣшенію невѣжества и учтивости.

— Ну, Бетси, что ты думаешь о мистеръ Буффъ? спросилъ на другой день Бутлеръ свою сестру.

— Я увѣрена, отвѣчала мистриссъ Блекъ, избѣгая прямого отвѣта, что вчерашній случай не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.

— Я никогда еще не встрѣчалъ подобнаго человѣка. Какой характеръ, какая сила воли!

— И какая учтивость, прибавила мистриссъ Блекъ. При мнѣ онъ не хотѣлъ перевязать раны.

— Можно ли найти лучшаго наставника для твоего сына? Это настоящій кладъ!

Мистриссъ Блекъ была также очень высокаго мнѣнія о Буффъ; она даже считала его достойнымъ быть не только наставникомъ ея сына, но и ея самой, такъ, что не болѣе, какъ черезъ три мѣсяца послѣ ея знакомства съ Буффомъ, онъ, изъ наставника ея сына, сдѣлался ея мужемъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ ихъ свадьбы, Бутлеръ скоропостижно умеръ.

Мы съ сожалѣніемъ должны прибавить, что послѣ женитьбы Буффъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Въ самое короткое время, онъ прибилъ угольщика, прогналъ любимую горничную жены, за то, что та обрызгала его нечаянно нѣсколькими каплями чистой воды, и велѣлъ утопить кошку, которая играла съ его чулкомъ. Прачка со слезами на глазахъ жаловалась, что ей никогда еще не случалось мыть на такого взыскательнаго джентльмена, какъ мистеръ Буффъ.

Съ англ. А. Горювенко. (*Blakw. Mag.*)

МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИПЛИНА.

Статья двѣнадцатая.

ПОѢЗДКА ВЪ ЛАРАШЪ.—ВЫѢЗДЪ ВЪ МОГАДОРЪ.

Ночь въ Тангерѣ. — Муедзинъ. — Сходство арабскихъ словъ съ славянскими. — Императорскій фирманъ. — Поѣздка въ Ларашъ. — Дуаръ Суанны. — Холмъ *Бахара* или двухъ морей. — Религіозный обрядъ при восходѣ хлѣба. — *Vaa-Egmel* или Песчаное Озеро. — Шакалы. — Древній городъ Аржилъ — Мужественное племя арабовъ: *Ulad Sebaita* — Варварійскія куропатки. — Шенкъ себантовъ Хаджи-Кассемъ. — Арабка съ выколотымъ на шеѣ знакомъ креста — Паша Лараша. — Жалкій видъ города. — Прибытіе англійскаго парохода *The Trident*. — Поѣздка за городъ. — Римскій колодезь. — Встрѣча съ арабскими женщинами. — Отъѣздъ въ Могадоръ.

«Что за интересная поѣздка!—Въ нѣсколько дней можно обогатить себя воспоминаніями на цѣлую жизнь!»

Такъ патетически обращался я самъ къ себѣ, въ первую ночь по возвратѣ нашемъ въ Тангеръ, прогуливаясь по бельведеру англійскаго консульства. Ночь была совершенно темна, луна еще не показывалась, а звѣзды на африканскомъ небѣ не блестятъ такъ, какъ иногда у насъ въ ясную зимнюю ночь; — на улицахъ не видно было ни одного фонаря, нигдѣ огонекъ не мелькалъ въ окнахъ, только издали свѣтился маякъ Гибралтара. Вездѣ царствовала самая глубокая тишина, только слышенъ былъ торжественный гулъ океана и изрѣдка голосъ муедзина, грустно напѣвавшего съ высоты минарета: *Hed Allach bismillah, neh*

luli dagadir!—что значить: «Лучше восхвалять Бога, чѣмъ предаваться сну!»

Я вспомнилъ, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на насъ этотъ мавръ-проводникъ, отряхая туфли свои и говоря: «Я не хочу вынести отъ васъ и пылинки, о невѣрные джауры!»

Но откуда у него взялась такая гордость? — Онъ, кажется, не милліонеръ, даже не испанскій гидальго, — онъ только капитанъ спаговъ, а между-тѣмъ гордъ — какъ грандъ.

Можетъ-быть, онъ оттого такъ гордъ, что совѣсть его спокойна и чиста, что онъ никогда не преступилъ законовъ чести, что, по его понятію, онъ служилъ всегда вѣрно правдѣ?

Размышленія мои снова прерываетъ голосъ муедзина: Ned Allah bismillah, neh luli dagadir!

Какой чудный языкъ! Luli — значить *сонъ*, и происходитъ, вѣроятно, отъ славянскаго: лель, *люлять*, делѣять, то есть *прибаюкивать*. — а dagadir значить *употреблять*, — *угождать*, — очень близкое сходство. — Нѣкоторые полагаютъ, что славяне были нѣкогда въ сродствѣ съ арабами. — Стоитъ изучить этотъ прекрасный языкъ, чтобы понимать ихъ живые рассказы. Я увѣренъ, что въ ихъ рассказахъ гораздо больше смысла и практической истины, чѣмъ находилъ нашъ драгоманъ.

Опять раздается на минаретѣ: Allah bismillah!

Bismillah — значить *хвалить*, *восхвалять*, — слово, происходящее вѣроятно отъ того-же самаго корня, какъ и славянское: *миловать*, *милость*. И такъ непременно надо изучить этотъ языкъ; — кто знаетъ, можетъ-быть, я открою въ немъ какіе-нибудь неизвѣстные еще свѣту историческіе источники. — Вообще, трудно понять какой-нибудь народъ, безъ знанія его языка.

Ни одинъ драгоманъ на свѣтѣ не въ состояніи передать всѣхъ оттѣнковъ въ живыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важныхъ рассказахъ арабовъ. Опытный этнографъ весьма часто открываетъ въ движеніяхъ, въ интонаціи и въ самыхъ незамѣтныхъ удареніяхъ, ключъ къ пониманію характера народнаго. По самому незамѣтному сходству цвѣтовъ, ботаники отгадываютъ сходство и происхожденіе растений. Послѣдуемъ примѣру ботаниковъ: изучимъ характеръ народа по языку его, — и для того изучимъ прежде арабскій языкъ.

Не прошло и нѣсколько часовъ послѣ этаго рѣшенія, какъ я началъ уже приводить его въ исполненіе. Ungue et rostro принялся я за изученіе арабскаго языка, — или лучше сказать, двухъ арабскихъ нарѣчій; на которыхъ здѣсь говорятъ. Одни только мавры и нѣкоторые арабы высшаго сословія, да нѣкоторые жители въ глубинѣ края, гово-

рять древнимъ, чистымъ арабскимъ языкомъ, а приморскіе жители и живущіе въ двадцати, или въ двадцати—пяти географическихъ миляхъ отъ моря, говорятъ нарѣчіемъ такъ-называемымъ *могрѣбскимъ*, то есть, западнымъ. Нарѣчіе это, имѣющее основаніемъ своимъ арабскій языкъ, наполнено разной чуждой примѣсью. Не знаю съ какимъ языкомъ можно сравнить это мѣсиво нарѣчій. Ни одно изъ славянскихъ нарѣчій не имѣетъ ничего подобнаго; нынѣшній англійскій языкъ, происходящій отъ скандинавскихъ, тевтонскихъ и франконскихъ нарѣчій, — можетъ служить нѣкоторымъ образомъ пунктомъ опоры для аналогіи. Бóльшая часть арабскихъ словъ перешли въ могрѣбское нарѣчіе, но совершенно измѣнены въ произношеніи. Письменнаго языка почти нѣтъ у могрѣбовъ; всѣ ихъ такъ-называемые *талибы* или ученые—(такъ называютъ людей, умѣющихъ читать и писать), пишутъ чистымъ арабскимъ языкомъ, а если правительству необходимо публиковать какое-нибудь распоряженіе, тогда употребляется могрѣбское нарѣчіе, а печатается арабскими буквами.

По счастью, въ англійскомъ консульствѣ не было недостатка въ пособіяхъ для изученія языка: тамъ было множество словарей, грамматикъ, библій, переведенныхъ на арабскій и на могрѣбскій языкъ, притомъ секретари и драгоманъ этаго консульства, видя мое усердное желаніе научиться, очень охотно помогали мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Въ этихъ занятіяхъ, прерываемыхъ только поѣздками на берега моря и посѣщеніями больныхъ европейцевъ, мавровъ и жидовъ, прошло дней десять.

Тангерскій паша совѣтовалъ намъ ожидать спокойно отвѣта изъ Марокко, увѣрялъ насъ о добромъ расположеніи императорскаго сына, и ручался, что мы скоро получимъ отвѣтъ. И не ошибался паша. Скоро явились ожидаемые фирманы. Вотъ, что въ нихъ заключалось: «Ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ, о великіе *тибибы* (то есть доктора),— свѣдите: ибо войска наши слѣпнутъ, и зараза все болѣе и болѣе распространяется по государству, какъ туманы, носящіяся надъ вершинами Атласа. Нашъ вѣрный слуга, паша Тангера, облегчитъ вамъ путь до Эль-Арраша, вамъ и вашимъ наемникамъ, и вашимъ невольникамъ (которыхъ мы дземъ вамъ право купить по два десятка, на время вашего пребыванія въ нашемъ государствѣ). Въ Эль-Аррашѣ будетъ ожидать васъ нашъ военный бригъ, называемый Юссуфъ-Марабу, и на немъ вы отправитесь въ Магадоръ, куда посланы уже караванъ и многочисленный отрядъ янычаръ и спаговъ, для вашего охраненія. Наши власти получили приказаніе принимать васъ съ почестями, подобающими этому фирману, который врученъ вамъ будетъ нашимъ драгоманомъ, назначеннымъ нами для вашихъ услугъ, Солиманомъ Симони, человѣкомъ, знаю-

щимъ наши и ваши языки и получившимъ отъ насъ сто мѣшковъ шелкелей на необходимые расходы. Да сопутствуетъ вамъ Аллахъ, и да благопріятствуемъ вамъ Пророкъ такъ, какъ мы вамъ благопріятствуемъ, о англійскіе тибибы!—Посылаемъ вамъ наше пріветствіе! Одному Богу восхваленіе!»—Фирманъ этотъ подписалъ Сиди-эль-Мамутъ, сынъ императора.

Англійскій генеральный консулъ, серъ Друмондъ-Гей, въ присутствіи котораго вручили намъ этотъ фирманъ, просилъ, чтобы мы, осмотрѣвъ печать, воздали этой грамотѣ надлежащія *салемабеки*, то есть почести. Потомъ помогъ намъ разобрать смыслъ ея. «Все это очень хорошо, — сказалъ консулъ Солиману Симони, генуезскому ренегату, — но зачѣмъ караванъ долженъ ожидать этихъ господъ въ Магадорѣ, а не въ ближайшемъ, лежащемъ въ десяти миляхъ отъ Марокко портѣ Саффы, который и отъ Эль-Араша на двадцать миль ближе. Зачѣмъ вы обходите Саффы, и увеличиваете тѣмъ для себя путь двадцатью пятью милями? — Это тайна, которую однако, зная скромность англичанъ, я могу вамъ открыть, отвѣчалъ генуезецъ смѣло, чистымъ англійскимъ языкомъ. Почти весь округъ, лежащій между Саффой и Марокко, обращенъ въ пепель императорскимъ сыномъ, во-время послѣдняго похода противъ возставшихъ махаеновъ. Принцъ желалъ-бы дать самое лучшее понятіе о нашемъ краѣ этимъ достойнымъ и полезнымъ иностранцамъ, и для того поручилъ мнѣ провести ихъ по самымъ богатымъ областямъ.

— Что такое значить : Swallowed district, — округъ, обращенный въ пепель? спросилъ я Симони. Но Симони не отвѣчалъ мнѣ на это.

— Это значить, что округъ этотъ получилъ наказаніе, то есть, что въ немъ все мужеское населеніе истреблено, дома сожжены, — наилучше воздѣланные участки земель засѣяны солью, — скотъ выведенъ, — а женщины розданы солдатамъ, — отвѣчалъ, вмѣсто Симони, англійскій консулъ.

Черезъ два дни мы рѣшились пуститься въ Ларашъ (Эль-Аррашъ). Пользуясь даннымъ намъ дозволеніемъ, мы купили невольниковъ. Комплектъ состоитъ изъ четырехъ людей, несущихъ *палакинъ* или носилки, и пятаго, начальствующаго ими. Притомъ каждый изъ насъ имѣлъ слугу европейца, — я испанца, а Гамильтъ-Бей англичанина. Мошекъ, убранный въ чистое платье, служилъ мнѣ драгоманомъ, а товарищу моему англійскій консулъ далъ одного изъ своихъ драгомановъ.

На эту дорогу и на время пребыванія нашего въ Марокко, мы, по совѣту и по пресѣбѣ Симони, нарядились въ новый турецкій костюмъ, то есть, на голову надѣли феску, украшенную брилліантовымъ знакомъ, и чалму, заслонявшую намъ волосы, — свѣтло-зеленый муидирный сюр-

тукъ, украшенный богатымъ золотымъ шитьемъ; большая бѣлая шаль служила намъ вмѣсто плаща, и прикрывала нашу европейскую обувь, принятую впрочемъ уже въ войскахъ: турецкомъ, египетскомъ и тунетанскомъ, и широкія бѣлыя шальвары. Хотя нарядъ этотъ немногимъ чѣмъ отличался отъ европейскаго, — но онъ производилъ гораздо лучшее дѣйствіе на туземцевъ, нежели наши круглыя шляпы съ широкими полями, сюртуки и панталоны темнаго цвѣта, которыя здѣсь носятъ обыкновенно европейцы. Мавры, арабы, бедуины и вообще магометане не терпятъ темныхъ цвѣтовъ, и для того велятъ ихъ носить жидамъ. Англичане слишкомъ горды для того, чтобы подчиняться модѣ того края, въ которомъ живутъ, — прочіе же западные европейцы укрываются обыкновенно подъ защитою могущественной Англіи. Но мы, хотя и англійскіе *тибибы*, пускаясь въ глубь края, съ добрымъ намѣреніемъ облегчать страданія ближнихъ, и не ослѣпленные никакими предразсудками, мы безъ всякаго сожалѣнія сняли свои европейскіе сюртуки и пальто, и промѣняли ихъ на мѣстный нарядъ. Самъ англійскій консулъ, принявъ въ соображенія могущія возникнуть для насъ въ дорогѣ и въ Марокко непріятности отъ сохраненія европейскаго наряда, уговаривалъ насъ принести наши фраки и шляпы въ жертву человечеству и науки. Распроставшись съ тангерскимъ пашею, мы отправились въ Ларашъ. Проѣхавъ мимо множества садовъ, окружающихъ городъ — глазамъ нашимъ представился обширный и живописный видъ. Вершины Атласа блестяли, какъ яхонтъ, при восходящемъ солнцѣ. Чудное было это утро. Морскія волны съ шумомъ разбивались о скалы, и нѣсколько освѣжали воздухъ, раскаленный солнечными лучами. Вотъ мы въѣзжаемъ въ первую деревню, отдаленную на полмили отъ Тангера. Она называется Суаны и состоитъ изъ шестидесяти или семидесяти жалкихъ лачужекъ, покрытыхъ тростникомъ и гнѣздами аистовъ. Нагія дѣти играли свободно съ этими птицами, по понятіямъ страны завѣтными, на опаленныхъ лугахъ паслись тощія стада, а пастушокъ наигрывалъ какую-то грустную пѣсенку на свирѣли, сдѣланной изъ сахарнаго тростника. Шейкомъ, или старостою этой деревни былъ Абдалла. Его называли Гаджи-Абдалла, то есть, пилигримъ-Абдалла, оттого, что онъ ходилъ въ Мекку и Медину. Онъ издали видѣлъ нашъ многочисленный караванъ, — видѣлъ и императорскій фирманъ, который несъ янычаръ на высокомъ шестѣ, вмѣстѣ съ зеленымъ бунчукомъ; — онъ прибѣжалъ, поклониться фирману и бунчуку, предложилъ намъ свои услуги, и умолялъ, чтобы мы хотя одну минуту отдохнули подъ его кровлею. Это было сказано съ непритворнымъ чистосердечіемъ и безъ всякаго жеманства. Мы зашли къ шейку и при-

вѣтствовали его семейство, напился у него молока, и выкурили по трубкѣ.

Арабскій крестьянинъ совершенно отличается своею домашнею жизнью отъ мавританскаго горожанина. — Онъ очень охотно принимаетъ къ себѣ гостей. Онъ вовсе не ревнивъ. И все это оттого, что рѣдкій изъ нихъ имѣетъ болѣе одной жены.

Окрестныя мѣста хорошо удобрены и покрыты кукурузой или индейскимъ просомъ, которое также похоже на наше просо, какъ турецкая пшеница похожа на нашу. Вотъ мы поднялись на вершину высокаго холма, называемаго Бахаромъ, или холмомъ двухъ морей. И дѣйствительно, отсюда видны и Атлантическое и Средиземное моря. У полуденнаго подножія этого холма разсыяны лачужки, окруженныя садами.

Опять мы вѣзжаемъ въ мавританскую деревню. Здѣсь уже молотятъ хлѣбъ, такимъ же способомъ, какой мы видѣли впервые въ Алмонте, въ Андалузійи и во второй статьѣ подробно описали.

Здѣсь во-время жнивъ употребляются нѣкоторыя религіозныя церемоніи, которыя, казалось бы, не совершенно согласны съ духомъ исламизма. — Такъ напримѣръ, благословеніе полей при вхождѣ озимыхъ хлѣбовъ, что бываетъ здѣсь обыкновенно въ срединѣ февраля мѣсяца, отзывается совершенно язычествомъ: несутъ по полямъ, съ большимъ крикомъ, шумомъ и съ заклинаніями, какую-то куклу, въ видѣ женщины, для отдаленія *джинновъ*, или злыхъ духовъ, вредящихъ сельскимъ работамъ. — Мнѣ кажется, что этотъ обрядъ, существовавшій въ Греціи во времена Сократа (какъ свидѣтельствуется о томъ Ксенофонтъ), придуманъ былъ для пользы земледѣльцевъ, потому-что опытомъ доказано, что притоптанная озимь гораздо лучше растетъ и даетъ лучший плодъ. Во Франціи и въ Англіи гнетутъ озимь посредствомъ тяжелыхъ деревянныхъ катковъ, запряженныхъ часто восьмью конями. — Здѣсь же, Мавры гнетутъ хлѣбъ просто ногами, и думая исполнить суевѣрный обрядъ, сами не знаютъ, что этимъ пріобрѣтаютъ матеріальныя выгоды.

Караванъ нашъ проходитъ по обширнымъ полямъ, называемымъ Ain-Dallor, или винохранилище. — Прежде здѣсь производили отличный виноградъ, но слава о немъ пережила дѣйствительность. — Теперь, кромѣ немногихъ лозъ, дикорастущаго, но очень вкуснаго винограда, ничто не напоминаетъ прежнюю славу этаго мѣста.

Теперь мы вступаемъ въ хлѣбородную долину, пересекаемую рѣкою Мхака, быстро бѣгущею отъ подножія Атласа къ морю. Издали эта рѣка похожа на серебряную ленту, съ пурпуровыми каймами; лав-

ровыя розы (олеандры), растущія во множествѣ по берегамъ ея, придаютъ ей этотъ видъ. Эту рѣку мы переѣхали вбродъ, и вдругъ очутились въ обширной песчаной долинѣ, называемой Vaa-Ermel, т. е. Песчаное-Озеро. — Здѣсь мы видѣли множество арабскихъ мальчишекъ, которые съ необыкновеннымъ искусствомъ и смѣлостію носились по песку на дикихъ лошадяхъ. Песчаное-Озеро начинается вдругъ и тянется до цѣпи горъ Dag-elkan. — Узкая дорога наша вилась посреди небольшой рощи, состоящей изъ низкихъ дубовъ, лавровыхъ деревьевъ, съ бѣлыми и красными цвѣтами, желтаго можжевельника, индійской толокнянки и миртъ. Издали поразилъ насъ невыносимый запахъ гнѣющей падали; вскорѣ-мы увидѣли трупъ верблюда, лежавшій на скалистой дорожкѣ.

— Ша!—ша!—закричалъ намъ ѣхавшій впереди нашего каравана янычаръ: остановитесь!

Самъ онъ слѣзъ съ коня; отдалъ шесть съ фирманомъ другому янычару, снялъ съ себя *гелабъ*, или солдатскую шинель, и приближался къ верблюду тихимъ, осторожнымъ шагомъ, подступая къ нему сзади. Вдругъ бросается онъ на дохлую скотину, закрываетъ ее своимъ плащомъ и кричитъ намъ: «Идите сюда,—я поймалъ тиббиба Юсуфа и его жену.

Мы подходимъ и видимъ, что во внутренности животнаго сидитъ красно-желтый шакаль. — Арабъ, любящій болѣе всего картинность изображеній, называетъ шакала, по причинѣ его ума и хитрости, *тиббимъ* или умнымъ, не знаю только отчего онъ даетъ ему имя Юсуфа.

Шакаль (*canis-aureus*, L.) родъ собаки, хотя онъ питается не только падалью, но также финиками, виноградомъ и другими ягодами. — Странная вещь, что Арабы, которые гнушаются даже видомъ свиней и никогда не употребляютъ въ пищу кабановъ, считаютъ мясо шакала самымъ лакомымъ кушаньемъ,— а потому находка во внутренности верблюда двухъ шакаловъ была для нихъ истиннымъ праздникомъ. Сперва вытащили самаго *тиббиба*, и немилосердно задушили его; но съ самою гораздо труднѣе было сладить: она отчаянно оборонялась, и искуса нѣсколькихъ Арабовъ, которые рѣшились застрѣлить ее.

Мнѣ случалось не разъ видѣть въ Африкѣ, именно въ Алжиріи, цѣлыя стада шакаловъ, которые слѣдовали шагъ за шагомъ за караванами или за войскомъ, бросались съ яростію на рогатый скотъ, на верблюдовъ и на лошадей. Шакала можно назвать четвероногимъ ворономъ. Онъ все ѣстъ, что ему попадетъ; выкапываетъ даже трупы, какъ гіенна, а въ случаѣ голода, съѣдаетъ сѣдла, уздечки и сапоги; а чего не съѣстъ, уноситъ съ собою.

Около 10-го часа солнце такъ сильно насъ пекло, что мы должны были остановиться въ небольшомъ прилѣскѣ, въ тѣни деревь. — Въ одинъ мигъ разбили палатки, наполнили воздухомъ наши резиновые дорожныя постели, осмотрѣвъ сначала, нѣтъ ли вблизи ужей, или змѣй. — Арабы, Варварійцы и Негры развели огонь, выпотрошили шакаловъ, и обвернувъ въ ихъ кожи мясо, жарили его на горячемъ пеплѣ съ удивительною ловкостью. Тутъ же приготовили они нѣсколько валенцовъ или коржей изъ маисовой муки, а наконецъ и черный кофе. Послѣ пира наступила бесѣда, которая продолжалась нѣсколько часовъ. Около 4-хъ часовъ пополудни мы собрались въ путь. Въ пять минутъ лошади наши были осѣдланы, палатки сняты, и все уложено на верблюдовъ. Вскорѣ показались опять берега Океана, отъ грозныхъ базальтовыхъ массъ мыса Спартеля до древняго города *Аржиля*. Во времена карфагенянъ городъ этотъ назывался *Zilia*, а римляне прозвали его *Julia Traducta*. Послѣ онъ принадлежалъ попеременно готамъ, арабамъ, португальцамъ, а въ концѣ XVI столѣтія уступленъ маврамъ, и при ихъ небрежномъ управленіи, постепенно упадалъ, а нынѣ обращенъ въ груды развалинъ.

Дорога наша шла черезъ обширную, плоскую долину, покрытую богатыми злаками. Весенніе дожди, называемые здѣсь *Liali* и идущіе сряду сорокъ дней, дѣлаютъ грунтъ этой долины очень плодороднымъ. Сюда слетаются тысячами журавли, которыхъ арабы называютъ *двувушками Нумиди*, и пурпуровые фламинги, которые издали кажутся арміею янычаровъ. Рѣка Коли (*Kholi*) вьется змѣеобразно по долинѣ; ее можно принять за того огромнаго ужа, котораго едва могли побороть легіоны Регула. Туземцы увѣряютъ, что въ этой рѣкѣ водятся крокодилы. Говорятъ, что недавно еще одному курьеру паши Лараша, ѣхавшему въ Тангеръ и проѣзжавшему вплавь чрезъ эту рѣку, чудовище оторвало руку. Но вѣроятно это былъ не крокодилъ, а просто акула, понавшая въ эту рѣку изъ моря; ибо никогда не находили въ здѣшнихъ рѣкахъ ни одного крокодила.

Вотъ мы вступаемъ въ знаменитыя ущелины Гарбеа. Земля здѣсь совершенно красная и содержитъ множество прекрасныхъ раковинъ, которыя, окаменѣвъ, лежатъ здѣсь со временъ потопа. Многочисленное племя арабовъ, называемое *Ulad-Sebaita*, кочуетъ въ этомъ округѣ. Палатки ихъ расположены на холмахъ. На лугахъ паслись многочисленныя стада мужественныхъ сыновъ Себаиты, славныхъ какъ своею храбростію, такъ и семейными добродѣтелями; поля засѣяны были пшеницею и ячменемъ; кдосья были огромны, а солома, какъ толщиной, такъ и вышиной своей, равнялась тростнику. Солому не собираютъ, а сожигаютъ на мѣстѣ, и тѣмъ удобряютъ почву, на которой все родится въ изобиліи. Растительная

сила здѣсь необыкновенна, а потому и не удивительно, что здѣсь можно видѣть цѣлыя тучи самыхъ красивыхъ птицъ. Варварійская куро-патка (*tetrao rubicolis. Gen.*) съ пурпуровымъ носомъ, шею и ногами, съ лазуревыми крыльями, не много менѣ нашей, но гораздо толще; она находится здѣсь въ такомъ множествѣ, что трудно повѣрить. Куропатки эти рѣдко летаютъ, а бѣгаютъ цѣлыми стадами по землѣ; арабы травятъ ихъ собаками, и измучивши, забираютъ живьемъ цѣлыми сотнями. Отъ одного моего выстрѣла пало девять штукъ, а Симони однимъ выстрѣломъ положилъ семнадцать на мѣстѣ.

— Законъ Магомета запрещаетъ истреблять дичи, болѣе, нежели сколько тебѣ нужно для удовлетворенія голода! сказалъ намъ какой-то престарѣлый пастухъ, державшій на рукахъ новорожденного ягненка.

Пастухи здѣсь, и вообще на всемъ Востокѣ, имѣютъ гораздо болѣе ответственности, нежели наши. Они постоянно должны блюсти за безопасностью своего стада, и проводятъ съ нимъ цѣлые мѣсяцы въ странахъ безлюдныхъ и вдали отъ своихъ жилищъ.

Вотъ и опять рѣка, текущая въ море; она называется *Мельничною*, хотя давно уже не обращаетъ никакого мельничнаго колеса. Здѣсь вообще въ употребленіи однѣ ручныя мельницы; мавры, нѣкогда столь искусные въ механикѣ, отличные гидравлики, давно уже утратили всякое свѣдѣніе о самомъ простомъ механизмѣ.

На западномъ горизонтѣ виднѣются освѣщенные заходящимъ солнцемъ шатры, раскинутые во множествѣ около холма, на которомъ гордо высится какое-то обширное каменное зданіе. Это столица мужественныхъ себаитовъ, это дворецъ ихъ шейка, Хаджи-Кассема, губернатора всего округа. Мы посылаемъ янычара, чтобы привѣтствовать отъ нашего имени шейка и спросить его, дозволить ли онъ намъ разбить нашу палатку возлѣ своей. Шейкъ, удрученный болѣзнію, присылаетъ къ намъ своего брата и своихъ сыновей, съ просьбою, чтобы мы пришли приказывать, какъ ему самому, такъ и цѣлому племени себаитовъ. Но этимъ не удовольствовался шейкъ: онъ прислалъ намъ еще жирнаго барана, нѣсколько десятковъ яицъ, куръ и большую мѣру сарачинскаго пшена. Такой подарокъ называется *мона*, то-есть, привѣтствіе; его должно зепремѣнно принять.

Послѣ надлежащихъ омовеній, одѣлиевъ мы въ платья самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и предшествуемые внычаромъ, несшимъ фирманъ, въ главѣ толпы спаговъ, янычаръ, драгомановъ, слугъ и невольниковъ, числомъ до тридцати человекъ, отправились къ сѣдовласому шейку, жившему, по случаю мучившаго его ревматизма, не въ своей пышной палаткѣ, подаренной ему самимъ императоромъ, а въ зимнемъ дворцѣ своемъ, вы-

строенномъ изъ кирпича, сушеннаго на солнцѣ. Это было огромное зданіе съ окнами въ плоской крышѣ. Внутри бѣльшая часть зданія раздѣлена низкими перегородками на нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ, совершенно, какъ въ овчарнѣ. Здѣсь жилъ шейкъ, его жены и дочери, изъ коихъ нѣкоторыя были рѣдкой красоты; онѣ смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ изъ-за своихъ перегородокъ. Возлѣ дворца было множество очень красивыхъ шатровъ. Ни одинъ европейскій народъ не умѣетъ такъ искусно устроить шатровъ, какъ арабы.

Ихъ полотно крѣпче нашего; одинъ четырехъ-угольный шестъ, составленный изъ двухъ брусковъ, поставленный въ срединѣ, поддерживаетъ цѣлый шатеръ, какой-бы онъ ни былъ величины. Снаружи онъ украшенъ фестонами, вырѣзанными арабесками изъ голубаго полотна, а на вершинѣ находится дутый шаръ изъ жести, и стрѣла, блестящая отъ солнца. Подаренный шейку императоромъ шатеръ былъ весь изъ голубаго сукна, и украшенъ фестонами изъ красной шелковой матеріи. Арабъ только тогда чувствуетъ, что онъ въ своемъ домѣ, когда онъ находится въ своемъ шатрѣ. Правда, что ихъ дома не такъ долговѣчны, какъ ихъ шатры, и потому-то города въ Африкѣ постепенно исчезаютъ, а кочующіе *дуары* безпрестанно умножаются.

Въ числѣ женщинъ, пришедшихъ на другой день къ намъ, для полученія медицинскихъ пособій, была одна пожилая женщина, очень высокаго роста, у которой вокругъ шеи наколотъ былъ видъ цѣпочки и на ней изображеніе креста.

— «Въ моемъ дуарѣ, тамъ далеко, у подножія великаго Атласа, гдѣ находится множество руомскихъ развалинъ, всѣ женщины, выходя замужъ, приказываютъ наколотъ себѣ булавкою этотъ знакъ», сказала женщина на вопросъ о значеніи этой цѣпочки съ крестомъ.

— А что же представляетъ этотъ крестикъ? — спросилъ я ее.

— «Онъ охраняетъ насъ отъ навожденій злаго духа», отвѣчала женщина. Болѣе ничего не могъ я отъ нея добиться. Нѣтъ сомнѣнія, что поколѣніе, къ которому принадлежала эта женщина, нѣкогда, во времена очень отдаленныя, подчинено было тѣмъ римскимъ колонистамъ, которые первые принесли въ Африку ученіе Спасителя. Владычество римлянъ прекратилось, прежняя религія забыта, но наружный знакъ пережилъ догматы.

Укрѣпившись отдыхомъ, пустились мы опять въ походъ. Дорога лежала посреди лѣса, черезъ который мы ѣхали въ-продолженіе двухъ часовъ. Выѣхавъ изъ него, мы верстахъ въ семи увидѣли цѣль нашего путешествія, Ларашъ. Рѣка Лукошъ несетъ свои прозрачныя воды въ морской заливъ, на волнахъ котораго колышется императорская эскадра:

одинъ корветъ, два брига и нѣсколько канонерскихъ лодокъ, — и все это въ самомъ жалкомъ положеніи. Якоря, парусы и все корабельныя снасти разбросаны въ беспорядкѣ по берегу, — и все это гнѣтъ и ржавѣтъ. Таковы остатки того надменнаго флота, которымъ нѣкогда варварійскіе корсары тревожили всю европейскую торговлю! А между-тѣмъ еще такъ недавно два европейскія государства: Швеція и Данія платили ежегодный гарачъ мароккской имперіи! Арсеналь императорскій также не въ лучшемъ положеніи; все въ немъ находится въ ужасномъ запущеніи: покрытыя ржавчиной желѣзныя орудія падаютъ съ согнанныхъ лафетовъ. Нѣсколько купеческихъ судовъ, англійскихъ, французскимъ и испанскихъ, стояли на якорѣ при устьѣ рѣки Лукошъ и ожидали груза, состоявшаго изъ шерсти, кожъ, роговъ, коры пробочнаго дерева, гороху и разнаго рода зеренъ, финиковъ, кошенили, шелка-сырца и тому подобныхъ товаровъ, получаемыхъ здѣсь въ замѣнъ за желѣзо, сукно, бумажныя издѣлія, кисею, сахаръ и чай. Паша Лараша, тотъ самый Абдуль-аль-Элови, который недавно умеръ и котораго значительное имущество Мулей-Абберъ-Гамманъ конфисковалъ. Этотъ паша, получивъ увѣдомленіе о нашемъ прибытіи, выслалъ къ намъ своего *дефтердара*, то-есть, перваго адъютанта, для привѣтствованія *не насъ*, но императорскаго фирмана, висѣвшаго на высокомъ шестѣ. Дефтердаръ, отдавъ надлежащія *салемалеки* фирману, приблизился къ намъ, прося насъ безъ большихъ церемоній, чтобы мы остановились въ одномъ жиловскомъ домѣ, для насъ приготовленномъ.

— Мы остановимся въ англійскомъ дворцѣ, проводи васъ туда, — сказалъ повелительнымъ голосомъ Аль-Гамильтъ-Бей дефтердару.

Мавръ поблѣднѣлъ отъ злости; глаза его начали блистать бѣшенствомъ.

— Посмотри, туда! — сказалъ англійскій докторъ и показалъ рукою на далекое море. На морскомъ горизонтѣ дымила высокая труба парохода, а на мачтѣ его развѣвался флагъ англійской королевы.

Мавръ заскрежеталъ зубами и сказалъ глухимъ голосомъ: *ensağa kafir!* (проклятый язычникъ!), и повернулъ коня своего къ *palacio inglese*. Въ англійскомъ консульствѣ были всегда двѣ комнаты, готовыя для принятія единоземцевъ. Противъ этого дома находились консульства другихъ европейскихъ государствъ. Видно, что дома эти были нѣкогда великолѣпны, но нынѣ они покинуты и постепенно разрушаются. Солиманъ Симони отправился къ пашѣ, чтобы привѣтствовать его отъ нашего имени и просить аудіенціи на завтрашній день. Пользуясь, между-тѣмъ, свободнымъ временемъ, мы осмотрѣли городъ. Укрѣпленія, сооруженныя въ XVI столѣтіи португальцами, представляютъ великолѣпный видъ;

высокіе бастіоны входятъ въ самое море. Но самый городъ очень бѣденъ и окруженъ вредными испареніями; здѣсь нѣтъ ни одного зданія, правильно выстроеннаго, кромѣ домовъ, окружающихъ рынокъ, и построенныхъ христіанскими плѣнниками. Самое народонаселеніе носитъ на себѣ печать убожества и болѣзней— и очень отличается отъ населенія Тетуана и Тангера. Множество слѣпыхъ нищихъ стояло у дверей домовъ, окружающихъ рынокъ, и наполняло воздухъ своими жалобными криками. На этомъ рынокѣ находятся еще развалины стоявшей здѣсь нѣкогда католической церкви. Главная мечеть довольно красива, минаретъ ея, широкій въ своемъ основаніи, оканчивается филиграновой верхушкой. Въ городѣ можно насчитать до трехъ тысячъ жителей.

На другой день, въ девять часовъ утра, отправились мы съ большимъ парадомъ къ пашѣ, живущему въ *карава*, то-есть, въ цитадели, въ домѣ называемомъ большимъ (*dar-al-kebir*). Паша Абдала-Селимъ-Аль-Элови принялъ насъ радушно, пожалъ намъ руки и приложилъ свои къ сердцу. Онъ одѣтъ былъ въ свѣтлозеленый кафтанъ, покрытый кисейною эпанчею и *гаикомъ* изъ бѣлаго кашемира, шитаго золотомъ; въ желтыя атласныя шальвары; на головѣ у него была турецкая феска, окруженная чалмою; въ рукѣ онъ держалъ четки. Всѣ движенія его были привлекательны, исполнены достоинства; улыбка его была очаровательна. Онъ былъ очень важное лицо, а отецъ его былъ полевымъ пашею имперіи, то-есть, фельдмаршаломъ и шуриномъ нынѣ царствующаго императора. Бѣдный паша жаловался, что очень скучаетъ въ Ларашѣ, что у него въ одинъ годъ умерло нѣсколько женъ отъ тифуса, и въ числѣ ихъ самыя молодыя и самыя красивыя, что, вѣроятно, и онъ скоро послѣдуетъ за ними, потому-что чувствуетъ совершенное ослабленіе силъ. Онъ просилъ, умолялъ насъ, какъ дитя, чтобы мы дали ему какое-нибудь лекарство, укрѣпляющее ослабѣвшія силы и развешивающее духъ. Мы торжественно обѣщали пашѣ прислать ему тѣ славныя пилюли, извѣстныя въ Англіи подъ названіемъ *pills of juvence*, то-есть, пилюли для помолодѣнія, которыми герцогъ Веллингтонъ поддерживалъ свою бодрость. Паша, услышавъ это, пришелъ въ неизъяснимый восторгъ; но потомъ векорѣ одумался и спросилъ насъ встревоженнымъ голосомъ: » Но, послушайте! нѣтъ ли въ нихъ вина, или свинины; я скорѣе соглашусь умереть, нежели осквернить уста мои этими нечистыми вещами?

— Allah bismillah, akbar ipuda! вскричалъ Аль-Гамильтъ-Бей, я скорѣе соглашусь ухаживать за твоими женами, нежели принять на себя такой ужасный грѣхъ.

— Dziali tanadir teres bakna! Сохрани тебя Богъ и отъ одного и

отъ другаго! вскричалъ еще громче паша и началъ хохотать изъ всѣхъ силъ, держа себя за бока. И снова вдругъ прекратилъ свой смѣхъ, задумался и началъ по четкамъ читать какія-то молитвы, потомъ сказалъ, осматриваясь вокругъ себя:

— Что сказалъ-бы мой придворный сантуронъ, еслибы видѣлъ меня смѣющагося съ *энзари* — съ христіанами?

— Пусть говоритъ, что хочетъ; вѣдь онъ твой подчиненный, отвѣчалъ Аль-Гамильтъ-Бей.

— Правда, что онъ мой подчиненный, но онъ принадлежитъ къ одному религіозному братству, котораго главою самъ падишахъ, мой господинъ и повелитель, а онъ, хотя человекъ самый справедливый, самый умный, самый милосердный и добродѣтельный, не можетъ терпѣть христіанъ, и знаетъ, что у меня есть деньги, а онъ ихъ очень любитъ и нуждается въ нихъ.

Такимъ-образомъ тревоги и предразсудки держали въ тягостныхъ узахъ душу добраго паша, и не позволяли ему наслаждаться ни одной минутой счастья.

— Я не знаю, когда вамъ можно будетъ выѣхать въ Могадоръ, о мудрые тибибы! Хотя корабль для васъ готовъ, но капитанъ его, одинъ только знающій хорошо путь, сильно заболѣлъ и лежитъ безъ памяти, сказалъ намъ паша.

Въ эту минуту раздался пушечный выстрѣлъ со стороны моря и нашъ донесли о прибытіи англійскаго военнаго парохода. Вскорѣ еще раздался двадцать одинъ выстрѣлъ. Паша распрощался съ нами и велѣлъ отвѣчать съ крѣпости на англійскіе салюты. Дѣйствительно, англійскій пароходъ: *the Trident*, капитанъ *Bowley*, вошелъ въ заливъ и долженъ былъ отсюда выступить черезъ три дня въ Могадоръ. Капитанъ этого судна знакомъ былъ доктору Гамильтону. Прочитавъ фирманъ, онъ согласился завезти насъ и нашихъ людей въ Могадоръ. Тяжелый камень спалъ съ нашего сердца, ибо для насъ не очень было пріятно пускаться въ море на мавританскомъ суднѣ.

— Что же мы будемъ дѣлать въ эти три дня отдыха въ этомъ скучномъ Ларашѣ? спросилъ меня докторъ Гамильтонъ.

— Вы, вѣроятно, будете играть въ вистъ съ офицерами Тридента, пить съ ними портеръ, вослицаться могуществомъ Англии и собирать деньги съ богатыхъ мавровъ и жидовъ за свои посѣщенія; а я намѣренъ въ это время осматривать въ окрестностяхъ города развалины и древніе памятники, лечить даромъ бѣдныхъ арабовъ, и скучать, отвѣчалъ я моему товарищу.

— Люблю правду, даже и тогда, когда она колетъ глаза, сказалъ

докторъ Гамильтонъ. Пусть будетъ по вашему, пусть каждый дѣлаетъ, что ему нравится.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ, я встрѣтилъ поле, на которомъ зажжена была солома, отчего въ воздухѣ была невыносимая жара. Атмосфера до того была согрѣта, что множество птицъ падало и гило въ горячемъ пеплѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлыя тучи саранчи падали въ огонь и жарились тамъ, какъ на сковородѣ. Насѣкомыя эти во множествѣ и съ большимъ шумомъ падали и на насъ и на нашихъ лошадей, такъ что мы должны были слѣзть съ сѣделъ и укрываться подъ ними. Наконецъ мы выбрались изъ этой мучительной атмосферы. Трудно описать, какое мы вытерпѣли мученье. На наше счастье, мы нашли въ небольшой рѣчкѣ *Ain Sanedi* достаточно воды для утоленія нашей жажды. А бѣдныя лошади наши еще болѣе вытерпѣли. Осматривая старинный колодезь, я вдругъ встрѣтилъ множество арабскихъ женщинъ, убранныхъ въ праздничныя платья. Жидъ мой такъ струсиль при видѣ ихъ, что бросился на землю и закрылъ себѣ лицо. Я же, видя, что эти дамы были безъ покрываль, приблизился къ нимъ и привѣтствовалъ ихъ по арабскому обычаю. Все женское общество остановилось и начало осматривать меня съ большимъ удивленіемъ.

— Ты не тотъ ли англійскій докторъ, котораго паша послалъ для объѣзда по деревнямъ? спросила одна изъ женщинъ.

— Ты отгадала; я именно англійскій докторъ, отвѣчалъ я.

Всѣ они закричали отъ радости, и окружили меня, осаждая безчисленными, иногда черезъ-чуръ наивными, вопросами.

Арабскія женщины отнюдь не боязливы; особенно же онѣ смѣлы съ христіанами. Чувствуя себя свободными отъ взоровъ своихъ аргусовъ, онѣ охотно вступаютъ въ разговоры съ иностранцами, и даже вовсе не прочь и полюбезничать съ ними. Между ними было нѣсколько очень красивыхъ и стройныхъ дѣвушекъ, съ быстрыми, черными глазами, длинными рѣсницами и маніатюрными ножками.

Всѣ онѣ были одѣты красиво и даже очень богато. На нѣкоторыхъ были кацавейки изъ кашемира, богато вышитыя золотомъ. На шеѣ у нихъ былъ жемчугъ, кораллы и небольшія блестящія раковины, на рукахъ множество браслетовъ, не очень искусно сдѣланныхъ изъ серебра. На головахъ у нихъ были яркаго цвѣта платки въ видѣ пирамидъ, а богатыя шали служили имъ вмѣсто пояса, что очень украшало молодыхъ, высокаго роста женщинъ. Даже самыя бѣдныя изъ нихъ были прилично одѣты, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, кофточкахъ, сдѣланныхъ изъ тонкой фланели и обшитыхъ лентами; онѣ были опоясаны шелковыми шальями. Волоса у нихъ падали на плеча во множествѣ кудрей, и укра-

шены были золотыми и серебряными монетами. Всѣ онѣ были очень нарумянены, вѣки выкрашены были черною краскою, называемою *kohol*, а пальцы на рукахъ и на ногахъ померанцовымъ цвѣтомъ, называемымъ *hepna*.

Дамы эти отправлялись въ торжественной процессіи, съ пѣснями и криками, на какой-то праздникъ. Въ своихъ домахъ, или правильнѣе въ шатрахъ, прекрасный полъ бываетъ обыкновенно подъ покрываломъ, а потому и не много заботится о своемъ нарядѣ, и ходитъ въ довольно нечистыхъ шерстяныхъ сорочкахъ, въ такихъ же юбкахъ, никогда не носить украшеній, и не употребляетъ ни бѣлизъ, ни румянъ и ни какихъ красокъ.

Въ подобныхъ поѣздкахъ, которыя можно назвать археологическими и медицинскими, пролетѣло для меня время. Черезъ пять дней по прибытіи нашемъ въ Ларашъ, а черезъ двадцать три дня по выѣздѣ изъ Гибралтара, мы поплыли на англійскомъ военномъ пароходѣ *the Trident* въ Могадоръ.

Статья тринадцатая.

МОГАДОРЪ—ВЫѢЗДЪ ВЪ МАРОККО.

Рукопись лейтенанта Уестъ-Морленда о Марокской Имперіи — Выписки изъ оной: Атласъ, вѣтеръ *Simuh* — Богатая растительность. — Оливковыя деревья. — Провинція Суза. — Гага. — Историческій очеркъ Марокской Имперіи. — Прибытіе въ Могадоръ. — Укрѣпленія этого города. — Аудіенція у паши. — Капитанъ парохода *Тридента*. — Подарки принца Альберта сыну марокскаго императора. —хлопоты паши. — Богатая императорская кавалерія. — Выступленіе многочисленнаго каравана въ Марокко.

Въ библіотекѣ нашего парохода я выбралъ для чтенія одну, недавно составленную лейтенантомъ этого парохода г. Уестъ-Морлендомъ (*Westmoreland*) рукопись, и нашелъ въ ней слѣдующія мысли и замѣчанія объ общемъ видѣ этой страны, которой нѣкоторую часть я уже осмотрѣлъ — а ббльшую часть еще остается осмотрѣть.

«*Могребъ*, т. е. самое отдаленное отъ запада государство, какъ называетъ свое отечество мавритане, занимаетъ въ Африкѣ почти такое же пространство земли, какое Испанія въ Европѣ. — Оно нахо-

дится между «Малымъ моремъ» (Средиземнымъ) и «Безбрежнымъ моремъ» (Океаномъ), пересѣчено отъ востока на западъ длинною цѣпью горъ, которыхъ снѣжныя вершины упираются въ облака. Это Атласъ,— величественный Атласъ,—извѣстный поэтическимъ грекамъ, на которомъ паслись безчисленныя стада, на которомъ росли деревья съ блестящими, какъ золото, листьями, съ золотыми вѣтвями и плодами; — стражъ государства, укрѣпленнаго высокою стѣною и оберегаемаго чудовищнымъ дракономъ. Окаменѣлый среди своего царства, исполинскій старецъ держитъ на мощныхъ плечахъ своихъ земной шаръ и въ нѣдрахъ своихъ заключаетъ неистощимыя богатства».

Это справедливо: во внутренности Атласа находятъся «обильныя и доселѣ нетронутыя жилы золота, серебра, мѣди и желѣза. Но съ хребта его плывутъ на поля богатства, не менѣе значительныя». Всѣ рѣки западной Варваріи вытекаютъ изъ этого хребта горъ и изъ безчисленныхъ ихъ отраслей. Греки говорили, что это «слезы исполинскаго старца, окропляющія любезное его государство».

Въ южной части Варваріи, при границахъ Сахары, существуетъ дѣйствительно драконъ съ огненнымъ хвостомъ: это тотъ ужасный вѣтеръ самумъ, Simuhn, который воздымаетъ, скопляетъ и уноситъ въ море раскаленные пески степей. Здѣсь, на землѣ совершенно безплодной, обитаютъ многочисленныя орды варварійцевъ, они независимы и промышленяютъ однимъ грабежемъ и разбойничествомъ.

Отъ 20-го до 32-го градуса степь усѣяна подвижными песчаными горами. Воздухъ здѣсь наполненъ песчаною пылью и подобенъ вѣчнымъ туманамъ. Какъ часто мореплаватели подвергались здѣсь самымъ пагубнымъ ошибкамъ: они не могли издали разузнуть береговъ, и увлеченные стремленіемъ водъ, ударялись о скалы берега, и корабли ихъ погибали въ пучинахъ моря. Кочующія орды наблюдаютъ изъ берлогъ своихъ за несчастными мореплавателями, увлекаемыми въ пропасть, и радуются ихъ бѣдствію, ибо имъ будетъ принадлежать добыча и самая жизнь несчастныхъ, которые укроются отъ смерти на эти враждебные берега.

Очень часто корабли, идущіе въ Сенегалію, Гвинею и къ островамъ Зеленаго-мыса погибаютъ здѣсь, не оставляя по себѣ никакого слѣда. — Меркаторскія карты не означаютъ съ точностію положенія этихъ опасныхъ береговъ.

По сѣверо-восточному берегу Марокеской Имперіи возносятся высокія, остроконечныя скалы. Эта область называется Рифъ. Жители ея ведутъ такую же разбойничью жизнь, какъ и бедуины степей,—они занимаются звѣроловствомъ на сушѣ и грабежемъ на морѣ. Они также

нехотятъ признавать власти мароккаго императора. Пустыни Ангада и Мулая отдѣляютъ область Рифъ отъ Алжира; съ западной стороны Рифъ граничитъ съ областью, называемою Эль-Гарбъ, выдающеюся, какъ огромная скала, въ Средиземное-море. Отъ мыса Спартеля начинается длинная линія береговъ Океана, и на ней находятся довольно значительныя купеческія порты, извѣстныя подъ именами: Ларашъ, Рабатъ, Мазагранъ, Могадоръ. Прочіе города, какъ-то: Сале, Амазоръ, Сафи, Санта-Круцъ, по большей части однѣ развалины. На этомъ берегу находятся многіе города, славившіеся нѣкогда своимъ могуществомъ, а нынѣ обращенные въ груды камней. Въ страшное моровое повѣтріе, бывшее въ 1799 г., населенія цѣлыхъ городовъ вымерли, — и тогда-то окончательно упали многіе города, которые въ-продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ постепенно клонились къ упадку.

Множество быстрыхъ потоковъ и рѣкъ ниспадаютъ съ вершинъ Атласа; но при впаденіи ихъ въ море они засорены огромными лавами песку, которымъ перадѣніе мавровъ дозволило накопиться; а потому эти значительныя рѣки остаются несудоходными для большихъ судовъ. А когда растопившіеся на вершинахъ горъ снѣга, или большіе дожди, встрѣчая препятствія къ истоку въ море, разливаются по полямъ и производятъ ужасныя паводненія, она обращается въ огромныя болота, вредныя испаренія которыхъ заражаютъ воздухъ и производятъ значительныя болѣзни. Во многихъ мѣстахъ отъ этого вымерло все народонаселеніе и много городовъ заглохло въ болотахъ. А между-тѣмъ эта страна, окруженная съ четырехъ сторонъ моремъ, песками, горами и стенами, содержитъ въ себѣ еще цѣлыя тысячи квадратныхъ миль, покрытыхъ самыми богатыми садами древняго Атласа. Пересѣкаемая долинами, равнинами и холмами, которыхъ разнообразныя покатости благоприятствуютъ плодородію, начиная отъ хлѣба и до самыхъ богатыхъ плодовъ, — эта обѣтованная земля покрыта самою роскошною растительностію; — она во многихъ мѣстахъ даетъ по три жатвы въ однѣ годъ, и безъ всякаго удобренія земли, кромѣ того, которое остается послѣ насущихся стадъ, или отъ пепла сожигаемой соломы.

Джаксонъ, который провелъ шестнадцать лѣтъ въ разныхъ провинціяхъ Мароккаго Имперіи представляетъ примѣръ чрезвычайной растительной силы этой страны. Онъ говоритъ: «Я путешествовалъ въ это время въ провинціи, называемой Суза, между плантаціями оливковыхъ деревьевъ; вблизи города Месса находится одна изъ самыхъ обширныхъ плантацій. Деревья въ ней были великолѣпныя и высокою своею равнялись съ нашими клѣнами (Джаксонъ былъ англичанинъ), но росли они не правильными рядами, а разсѣяны были въ безпорядкѣ, — что меня

не мало удивляло; потому-что на всѣхъ плантаціяхъ деревья эти бывають обыкновенно разсажены правильными рядами. Я спрашивалъ о причинахъ такого безпорядка, и узналъ, что одинъ изъ сыновей императора стоялъ на этомъ мѣстѣ нѣкогда съ войскомъ, лагеремъ, во-время похода въ Судаку,—и что жерди, служившія для привязанія лошадей, были нарублены изъ оливковыхъ деревьевъ, росшихъ вблизи, и вбиты въ землю, въ которой и остались по снятіи лагеря. Потомъ эти жерди принялись, и до того разрослись, что нынѣ составляютъ довольно густой лѣсъ. Осмотрѣвъ ближе,—продолжаетъ Джаксонъ,—порядокъ, въ которомъ деревья эти посажены, я убѣдился, что кавалерія обыкновенно въ этомъ порядкѣ разбиваетъ свой лагерь.»

Эта плодородная провинція Суза, которая нѣкогда составляла особое государство, и нынѣ еще самый драгоценный клейнодъ въ коронѣ мароккаго императора. Оливковыя, миндальныя и апельсиныя деревья, виноградъ, сахарный тростникъ, самое богатое индиго—растутъ здѣсь почти безъ всякаго ухода и безъ всякой заботы земледѣльцевъ. А окрестности главнаго города этой провинціи, Фародакъ,—составляютъ истинный рай!—Птицы здѣсь соперничаютъ съ цвѣтами своимъ пестрымъ видомъ, змѣи здѣсь красивы и не ядовиты, а обезьяны ласковы и забавны.

И климатъ здѣсь необыкновенно пріятный; только въ началѣ сентября вѣтеръ *Simuhn* свиститъ и воетъ, иногда только въ-продолженіе трехъ дней,—а иногда и въ-продолженіе двѣнадцати. Правда, что только въ южныхъ частяхъ этой страны чувствуется вся жестокость этого невыносимаго вѣтра, который всегда предшествуетъ проливнымъ дождямъ, называемымъ *Ляли*, которые идутъ непрерывно въ-продолженіе шести недѣль. Здѣсь даже въ мѣстахъ наименѣе плодородныхъ рождаются съ успѣхомъ: турецкая пшеница, просо, хлопчатая бумага, индиго, сарачинское пшено, сафранъ и конопля,—а гуми, мѣду, кунжута (*sesamum orientale*), соли, селитры здѣсь такъ много, что и не оберешься. Въ провинціи Гага (*Наба*), есть цѣлыя лѣса *аргана*, дерева, котораго плодъ содержитъ въ себѣ превосходное деревянное масло, очень здоровое, и для освѣщенія вдвое лучше обыкновеннаго оливковаго. Здѣсь же растетъ дерево *араръ*, замѣчательное по своей красотѣ и рѣдкому свойству, что на немъ никогда не бываетъ червей. Кедроваго и пробочнаго дерева, дубовъ и акацій, орѣховыхъ и оливковыхъ деревьевъ, финиковъ и апельсинъ, гранатъ и каштановъ, магнолій, сирени, гераній, кактусовъ и алоя находится здѣсь необыкновенное изобиліе; а разной дичи, превосходнаго скота и овецъ несмѣтное множество.

«Впрочемъ»,—присовокупляетъ г. Джаксонъ,—«все въ этой богато

надѣленной природой странѣ клонится къ явному упадку. Здѣсь никто не увѣренъ въ своей собственности: гдѣ сегодня во всемъ довольство,—завтра можетъ быть самая ужасная нищета и даже смерть. Здѣсь одинъ только бѣднякъ, т. е. человѣкъ ничего не имѣющій, можетъ жить спокойно, не боясь лишиться плодовъ своего труда;—но очень часто голодъ убиваетъ его, несмотря на милосердіе мавровъ, арабовъ и бедуиновъ. Мавританское правительство запрещаетъ вывозить за границу хлѣбъ, и вопреки аксіомѣ политической экономіи, которая говоритъ, что *изобиліе хлѣба есть Божіе благословеніе*, въ Марокко, чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ народъ бываетъ бѣднѣе.

Исторія Марокской Имперіи тѣсно соединена, до конца XV столѣтія, съ исторіею всей Варваріи. Въ это время Мериниды низвержены были Саидитами,—а въ-послѣдствіи и шерифы Тафилета, при управленіи которыхъ имперія эта достигла высшей степени просвѣщенія и значительно увеличилась въ своихъ предѣлахъ,—должны были также уступить имъ мѣсто. Западная часть Алжира принадлежала также въ это время Марокку; а южныя границы доходили даже до Гвинеи. Здѣсь-то португальскій король Себастьянъ проигралъ сраженіе и былъ убитъ. Но по смерти Ахмеда, могущественнѣйшаго изъ шерифовъ (въ 1603 году), государство это начало распадаться отъ внутреннихъ безпорядковъ и междоусобныхъ войнъ, такъ что шерифу Мулею, потомку Алія и Фатимы, небольшого труда стоило низвергнуть прежнюю династію, и установить новую, управляющую и доселѣ Марокскою Имперіею. Самымъ знаменитымъ государемъ этой династіи былъ Мулей-Измайлъ, царствовавшій отъ 1672 по 1727 годъ. Онъ отнялъ у Испанцевъ Ларашъ и Тангеръ; но внутреннее правленіе его ознаменовалось ужасною жестокостью. Онъ во-время продолжительнаго царствованія своего имѣлъ болѣе 8,000 женъ,—а всѣхъ дѣтей: *тысячу сто шестьдесятъ семь!* т. е. 825 сыновей и 342 дочери.

При наслѣдникахъ Мулей-Измаила непрерывныя внутреннія смуты, междоусобныя войны, споры о престолѣ и неслыханныя варварства продолжались до вступленія на тронъ Мулей-Сиди-Магомета (1757 до 1789 г.), государя кроткаго и справедливаго. Онъ желалъ ввести въ своемъ государствѣ европейскую цивилизацію, и возбудилъ тѣмъ противъ себя умы мусульманскихъ фанатиковъ. По смерти Магомета опять возобновились въ Марокко времена ужаса и варварства,—но добрый султанъ Мулей-Солиманъ, царствовавшій отъ 1794 по 1822 годъ, можетъ-быть и возвратилъ-бы своему государству спокойствіе, еслибы не были непосланы свѣше на этотъ край разныя несчастія, какъ-то: моровое повѣтріе, неурожай, саранча, голодъ, которыя уничтожали всѣ

его усилія. Съ 1822 г. царствуетъ въ Марокской Имперіи султанъ Мулей-Абдеръ Гамманъ, родившійся въ 1778 году. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ успѣлъ укротить буйства горныхъ жителей, жившихъ до того однимъ разбоями и грабежами. Онъ впрочемъ, для мавра, довольно кротокъ и справедливъ. Въ его царствованіе произошли однако событія, которыя должны имѣть большое вліяніе на судьбу этого государства и держать страну эту въ постоянной тревогѣ. Французы овладѣли Алжиромъ, императоръ, угрожаемый съ одной стороны французами, а съ другой подстрѣкаемый фанатиками, часто вопреки здравой политики беретъ за оружіе. Уже въ 1832 г. Мулей-Абдеръ-Гамманъ хотѣлъ отнять у франкозовъ Оранскую провинцію, но скоро отказался отъ этого замысла, видя энергическую готовность Франціи къ войнѣ. Двѣнадцать лѣтъ спустя, именно въ 1844 году, Абдъ-ель-Кадеръ, преслѣдуемый маршаломъ Бюжо до границъ Марокко, съумѣлъ интригами и вліяніемъ на фанатиковъ увлечь Мулея-Абдеръ-Гаммана къ принятію участія въ этой, по его словамъ, священной войнѣ. Въ августѣ 1844 года были три главныя битвы, именно: 6-го августа Тангеръ былъ бомбардированъ герцогомъ Жоанвильскимъ, 15-го той-же участи подвергся Могадоръ, а 14-го августа маршалъ Бюжо разбилъ на рѣкѣ Исѣ армію подъ предводительствомъ императорскаго сына. Французы заключали миръ, не приносящій большой чести ихъ дипломатамъ: они предоставили воспользоваться всѣми выгодами своихъ побѣдъ посредничествовавшей Англіи;—сами же не получили никакого ручательства о сохраненіи на будущее время спокойствія, и даже отказались отъ вознагражденія за военныя издержки—однимъ-словомъ, разыграли рыцарей.

Годъ спустя, появляется еще разъ предприимчивый и воинственный Абдъ-ель-Кадеръ и побуждаетъ жителей Алжира къ истребительной войнѣ. Онъ явно поддерживаемъ былъ въ этой войнѣ людьми и лошадьми марокскаго императора, оружіемъ и аммуниціею, доставленною ему англичанами. Война съ Абдъ-ель-Кадеромъ продолжалась до исхода 1847 года, и кончилась тѣмъ, что мусульманскій герой сдался французамъ.

Но возвратимся къ нашему пароходу Триденту, который съ помощью попутнаго вѣтра и паровой машины пробѣжалъ въ продолженіе сорока часовъ огромное пространство между Ларашемъ и мысомъ Котень (Caubin), и миновавъ Мехедію, Рабатъ, Даръ-ель-Биду, Музагонъ и мысъ Блямо, несется теперь мимо Саффи, нѣкогда очень богатаго города и нынѣ имѣющаго до 12,000 жителей. Еще нѣсколько часовъ, и мы увидимъ Могадоръ. Но вотъ африканская ночь покрываетъ насъ своимъ мракомъ, и мы принуждены бросить якорь и остановиться посреди

моря: ибо входъ въ могодорскую гавань весьма затруднителенъ, по причинѣ мелей и песчаныхъ рифъ.

Ровно со свѣтомъ мы входимъ въ Могодоръ. На мачтѣ возносится флагъ Великобританіи; приближеніе его привѣтствуютъ пушечными выстрѣлами изъ Алказара.

Укрѣпленія Могодора издали очень великолѣпны. Городъ этотъ построенъ девяносто лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ прежней Эритреи (Erythrea) и расположенъ правильнѣе другихъ городовъ Марокской Имперіи. Вездѣ замѣтна чистота и опрятность. Дома не имѣютъ снаружи оконъ, которые видны только на минадорахъ и бельведерахъ, устроенныхъ на крышахъ домовъ. Здѣсь не видно великолѣпныхъ мечетей, но минареты очень красивы; высокія пальмовыя деревья выказываютъ свои вершины изъ-за высокихъ стѣнъ садовъ. Городъ Могодоръ основанъ въ 1760 году, султаномъ Сиди-Магомедомъ, на песчаномъ берегу скалистаго полуострова. Султанъ этотъ, прийдя въ восхищеніе отъ живописнаго мѣстоположенія этого полуострова, приказалъ подать себѣ известъ и камень, и собственноручно началъ постройку стѣны, которая и доселѣ существуетъ, и показывается путешественникамъ, какъ историческая достопамятность. Магомедъ, желая привлечь въ новостроящійся городъ купцовъ, раздавалъ имъ участки земли, и избавилъ ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ взноса податей. Нынѣ Могодоръ составляетъ центральный пунктъ европейской торговли. Пристань здѣсь безопасна, но слишкомъ тѣсна и входъ въ нее затруднителенъ. На высотѣ, господствующей надъ городомъ и называемой туземцами *Aradir*, возносится великолѣпный алказиръ или цитадель. Въ Могодорѣ имѣютъ пребываніе шесть европейскихъ и два американскіе консула. Они веѣ послѣшили къ намъ на пароходъ, ибо куда только покажется англійскій корабль, туда стекаются торговые представители всѣхъ націй. Намъ объявили, что конвой, долженствующій сопровождать насъ въ Марокко, уже прибылъ. Мы посылаемъ Симони къ пашѣ, чтобы испросить его позволенія войти въ городъ и представиться ему. Входъ въ городъ намъ разрѣшенъ; аудіенція назначена на завтра.

Городъ Могодоръ, называемый маврами и арабами *Swirah*, то-есть, прекрасный видъ, лежитъ на берегу Атлантическаго-океана и построенъ въ видѣ параллелограмма. Такъ какъ онъ находится на полуостровѣ и вблизи океана, то очень часто, во-время морскаго вѣтра, бываетъ залитъ морскими волнами. Онъ окруженъ высокою стѣною со множествомъ небольшихъ башенъ; во многихъ мѣстахъ устроены батареи. На восточной сторонѣ стѣны, въ мѣстѣ, гдѣ выломаны ворота, находится большая круглая башня, вышиною до тридцати-пяти футовъ;

на ней сорокъ пушекъ, частію желѣзныхъ, а частію бронзовыхъ. Сверхъ-того, здѣсь находится прикрытая батарея, столь сильная, что ее бомбы не могутъ разрушить; въ ней также до сорока орудій. Всѣхъ орудій, направленныхъ къ морю, двѣсти сорокъ. Но меньшаго труда стоить овладѣть грозными укрѣпленіями Могадора, тѣмъ болѣе, что корабли могутъ подходить къ нему на полъ-выстрѣла изъ орудій, что именно и было совершенно флотиліею герцога Жоанвильскаго, имѣвшею болѣе шестисотъ орудій тяжелаго калибра.

Христіанскіе купцы пользуются въ Могадорѣ покровительствомъ мароккаго правительства. Они живутъ въ самомъ укрѣпленіи, подъ защитою и стѣнъ, и орудій. Жиды, напротивъ того, имѣютъ самое невыгодное помѣщеніе, и несмотря на это, ведутъ здѣсь самый обширный торгъ. Они продаютъ обыкновенно товары по цѣнамъ, гораздо дешевѣйшимъ, нежели мавры или христіане, и какъ вездѣ, занимаются барышничествомъ и обманомъ, одѣваются грязно, живутъ въ нечистотѣ, а между-тѣмъ богатѣютъ.

Въ Могадорѣ выдѣлываются, между-прочимъ, богатые *гайки* (родъ плаща), изъ самой тонкой и бѣлой, какъ снѣгъ, шерсти. Они имѣютъ четырехъугольную форму, шириною въ шесть футовъ, а длиною въ двѣнадцать сажень, и каждый стоить два испанскіе піастра, или два рубли семдесятъ копѣекъ серебромъ. Прибавивъ къ этому обшивку золотымъ галуномъ и золотыя кисти для завязыванія плаща на шеѣ, можно имѣть самый красивый и удобный нарядъ за два червонца. Нѣтъ наряда болѣе живописнаго, какъ бѣлый *гаикъ*.

Здѣшняя пристань обезпечена со стороны моря продолговатымъ островкомъ. Этотъ островъ служитъ мѣстомъ заключенія преступниковъ, которыхъ здѣсь постоянно находится до тысячи человекъ. Ихъ держатъ въ заключеніи по нѣскольку лѣтъ, и если они въ-продолженіе этого времени не умрутъ, или не откупятся, тогда ихъ выпускаютъ. Ни одному иностранцу не дозволено входить на этотъ островъ подъ смертною казнію. Французы овладѣли имъ въ 1844 году и жили на немъ въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцъ, но содержащихся тамъ преступниковъ не освободили.

Населеніе Могадора простирается до 20,000 душъ; въ 1790 году, число это доходило до 90,000, но отъ моровой язвы вымерло двѣ трети жителей. Порода людей здѣсь очень красива и сильна. Женщины также отличаются своею красотою, и притомъ большія кокетки.

На другой день утромъ отправились мы къ пашѣ. Мы увидѣли дряхлаго и разслабленнаго старца и большаго фанатика. Онъ

далъ намъ поручительство, что въ—продолженіе всей нашей дороги и во все время пребыванія нашего въ Марокской Имперіи, мы не будемъ имѣть ни малѣйшей непріятности, что весь путь нашей жизни усѣянъ будетъ розами и такими прелестями, о которыхъ онъ даже и подумать не можетъ. Аль-Гамильтъ-Бей далъ понять пашѣ, что онъ каждые три дня будетъ посылать нарочнаго изъ Мароко къ англійскому консулу въ Могадоръ, и что консулъ, съ своей стороны, будетъ постоянно доносить англійскому правительству обо всемъ, что до насъ касается. Старому пашѣ не очень пріятно было слышать это. Онъ началъ вертѣть глазами, нахмурился и сказалъ: «Англійская королева не можетъ знать, сколько листьевъ упадетъ съ самаго любимаго дерева ея сада».

— Это значить, что вы можете насъ уничтожить, а она и не замѣтитъ этого? отвѣчалъ Аль-Гамильтъ-Бей. Не думай этого! Богъ хорошо знаетъ, сколько есть англичанъ на свѣтѣ. Горе тѣмъ, которые вредятъ намъ; немедленно постигнетъ ихъ строгая кара!

Паша ничего не отвѣчалъ на это, а только спросилъ, когда мы располагаемъ отправиться въ дальнѣйшій путь?

— Мы уже отдохнули отъ дороги и готовы пуститься въ дальнѣйшій путь. Мы намѣрены сегодня по полудни отправиться. Я далъ уже знать объ этомъ императорскому сыну, черезъ нарочнаго, котораго я отправилъ тотчасъ по прибытіи нашемъ сюда. Нарочный поѣхалъ на степномъ дромадерѣ, который несется, какъ вихрь, сказалъ Аль-Гамильтъ-Бей. Въ эту минуту уже извѣстно въ Марокко о нашемъ прибытіи сюда; ибо отсюда въ Марокко только 60 шелилаковъ, (т. е. 22 географическія мили), а посланный мною негръ Абуръ-Наза пробѣгаетъ 70 шилилаковъ въ сутки на своемъ отличномъ *мегари*; мы знаемъ это отъ нашего консула.

Негръ Абуръ-Наза былъ гонецъ (курьеръ) англійскаго консульства, человѣкъ испытанной честности и вѣрности, а его *мегари*, степной дромадеръ, славился быстротою и неутомимостью своего бѣга.

Паша страшно вертѣлъ глазами. Онъ догадался, что мы ему не очень довѣряли, что и было справедливо, потому—что паша Могадора былъ извѣстный врагъ христіанъ.

Паша, удерживая свой гнѣвъ, долго молчалъ, и наконецъ сказалъ:

— О *энзари!* — Громъ гнѣва моего быстрѣе самаго быстрого *мегари*. Абуръ-Наза не долженъ былъ выѣзжать отсюда безъ моего вѣдома, и не спрося, не имѣю ли я какихъ—нибудь рапортовъ послать въ столицу. Жизнь Абуръ-Наза виситъ теперь на паутинѣ.

— Абуръ-Наза служить англійскому консульству, и жизнь его на—

ходится подъ опекою веллкой королевы, которая упрываеть могуществоною Англіею, отвѣчалъ Аль-Гамильтъ-Бей.

— Каждый потомокъ пророка имѣеть въ своей власти жизнь каждаго вѣрнаго магометанина. Абуръ-Наза магометанинъ, а я шерифъ, ты развѣ не знаешь этого, о невѣрный? Посмотри на мой тюрбанъ, на мой гаикъ и на *джеллабъ!*

Это правда, что тюрбанъ, плащъ и шальвары наши были такіе свѣтло-зеленые, какъ салатъ.

Теперь Аль-Гамильтъ-Бей замолчалъ и думалъ, какъ бы отвѣчать ему. Быть-можетъ, только слѣдуя обычаямъ востока, онъ представлялъ будто-бы мудрость наши поставила его въ туникъ. Мавръ имѣеть такое высокое понятіе о своемъ умѣ, что никогда не мѣшаетъ польстить ему.

Еще докторъ Гамилтъонъ придумывалъ отвѣтъ, какъ вдругъ раздался барабанный бой и звуки военныхъ трубъ и флейтъ; отворяются двери пріемной залы и является, не предупредившій о своемъ приходѣ, капитанъ Тридента, со всеѣмъ блестящимъ штабомъ своимъ, составленнымъ изъ флотскихъ, пѣхотныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ и даже нѣсколькихъ офицеровъ морской кавалеріи; кланяется пашѣ съ большими церемоніями, и пристуая тотчасъ къ дѣлу, объявляетъ, что онъ хочетъ воспользоваться конвоемъ, присланнымъ для сопровожденія докторовъ, чтобы послать въ Марокко, еще сегодня вечеромъ, присланные супругомъ королевы, принцомъ Албертомъ, подарки для императорскаго сына; что, измѣривъ огромную тяжесть привезенныхъ имъ вещей и зная дурное состояніе дороги, идущей въ Марокко, ему нужно для перевозки этихъ подарковъ 200 верблюдовъ, 60 муловъ, 40 лошадей для нижнихъ чиновъ кавалеріи и 10 для офицеровъ.

Паша выпучилъ глаза и едва не перевернулся вверхъ ногами, услышавъ исчисленіе нужнаго числа скота; наконецъ вскричалъ, схвативъ себя за голову:

— Allah! bismillah! maschallah! Но что же такое вы везете его высочеству? Развѣ все сокровища Англіи?

— Мы веземъ цѣлую батарею конной артиллеріи, небольшой военный пароходъ, въ которомъ онъ можетъ кататься по озеру и по каналамъ своего серая; сверхъ-того, двѣнадцать понтоновъ и тому подобныя бездѣлушки, отвѣчалъ хладнокровно капитанъ Боулей.

— Хороши бездѣлушки! Allah! bismillah! И вы думаете, что возможно сегодня отправиться въ дорогу? Я и въ цѣлую недѣлю не въ состояніи набрать для васъ столько скота, я долженъ буду собирать его по всеѣмъ деревнямъ моего пашалика, и командировать для этого, по-

крайнѣй-мѣрѣ, два баталіона. Allah! bismillah! Да и вы сами едва справитесь въ педѣлю, чтобы все эти вещи вытащить на берегъ!

— Черезъ часъ все будетъ на берегу, черезъ три часа все должно быть готово на сборномъ пунктѣ, и сегодня вечеромъ, еще до вечерней молитвы, весь караванъ долженъ двинуться въ дорогу. Такова моя воля. Я увѣдомилъ уже обо всемъ императорскаго сына, черезъ консульскаго гонца, негра Абуръ-Наза. Въ эту минуту князь уже ждетъ насъ съ нетерпѣніемъ. Отдай свой собственный скотъ, могущественный паша! Миѣ известно, что у тебя его довольно.

— Ахъ, я несчастный! Миѣ не возвратятъ скотъ. Ахъ! ахъ! Абуръ-Наза, дни твои сочтены, скоро глава твоя будетъ у ногъ мовхъ!

Паша жаловался, сѣтовалъ, вздыхалъ, плакалъ и угрожалъ, но ничто ему не помогало, и онъ долженъ былъ исполнить распоряженія капитана Баулея, который, объявивъ холодно свое требованіе, оставилъ нашу, безъ всякихъ церемоній, и приказалъ выносить на берегъ орудія, понтоны и пароходъ, разобранный на части и упакованный въ Лон-монѣ такимъ образомъ, что на особо устроенныхъ возахъ, могъ быть отвезенъ на край свѣта.

И какъ послѣ этого не уважать Англію, производящую свои дѣла съ такимъ незначительнымъ, повидимому, усиленіемъ! Мы до этой минуты и не знали, что везъ Тридентъ и зачѣмъ онъ прибылъ въ Могадоръ.

Между-тѣмъ, паша разослалъ всехъ офицеровъ своихъ и спаговъ по окрестностямъ и приказалъ ото всюду сгонять скотъ. И самъ, не смотря на свою немощь и дряхлость, вскочилъ на коня и какъ безумный скакалъ по всемъ угламъ. Англіійскіе кавалеристы, назначенные для конвоировація орудій, пробовали лошадей и браковали негодныхъ. Англіійскіе офицеры и моряки, отправлявшіеся въ Марокко, выбрали себѣ самыхъ лучшихъ лошадей изъ конюшенъ самаго пашы. Все шло, какъ по стрункѣ: одинъ только паша былъ въ отчаяніи.

Въ тотъ же вечеръ, еще за два часа до захожденія солнца цѣлый караванъ былъ въ сборѣ. Къ нему присоединилось множество мавровъ и арабовъ. Вѣрно рѣдко кому удавалось видѣть столь многочисленный и составленный изъ самыхъ разнородныхъ стихій караванъ. За нами присланъ былъ изъ Марокко цѣлый отрядъ славной императорской кавалеріи, составленной изъ однихъ негровъ. Люди въ ней красивы, высокаго роста, хорошо выучены, отлично одѣты и вооружены самымъ великолѣпнымъ оружіемъ. На головѣ у нихъ небольшіе мамелюкскіе шлемы, окруженные бѣлымъ тюрбаномъ. Съ шлема спадаетъ на плеча стальная сѣтка. Грудь также закрыта такою же кольчугою, въ видѣ щита, съ золотыми украшеніями. Плащи на нихъ алаго или желтаго

цвѣта, такіе же *дзюбадоры*; они имѣютъ довольно короткія пики съ длинными стальными копьями, заостренными съ двухъ сторонъ и такъ хорошо вышолированными, что блескомъ своимъ они поражаютъ глаза. Притомъ они вооружены длинными ружьями съ богатымъ прикладомъ, украшеннымъ золотомъ, кораллами и жемчугомъ; шашки ихъ имѣютъ видъ продолговатыхъ ножей, сверхъ-того у каждаго солдата кинжалъ и пистолеть. Офицеры носятъ также пики, украшенныя бунчуками и драгоценными камнями. Между офицерами нѣтъ ни одного негра, такъ какъ между солдатами нѣтъ ни одного мавра. Именно на этой аристократической разницѣ основывается строгость дисциплины, существующей въ этомъ очень дорогомъ, но чрезвычайно красивомъ и храбромъ войскѣ. Всѣ лошади, хотя разнокалиберной масти, покрыты богатыми украшеніями и очень рослы; онѣ всѣ чистой арабской крови. По самому умѣренному исчисленію стоимость обмундированія, оружія и лошади каждаго простаго кавалериста превышаетъ тысячу пятьсотъ рублей серебр.; а офицера доходятъ до семи тысячъ пяти сотъ рублей сер., такимъ-образомъ, общая стоимость этой негритянской кавалеріи обходится до нятнадцати милліоновъ рублей серебромъ! Въ битвѣ подъ Исли находилось этихъ кавалеристовъ только 800 человекъ, ни одинъ изъ нихъ не попался въ плѣнъ французамъ, а убитыхъ было до двухъ сотъ человекъ, но изъ этого числа осталось на мѣстѣ битвы только 50 труповъ, остальные были унесены самими неграми.

Изъ числа негровъ самые красивые находятся въ Нумидіи, самые храбрые въ Сенегалии, а болѣе образованные въ Суданѣ. Кавалерійскіе офицеры воспитываются въ особо учрежденномъ для этого кадетскомъ корпусѣ въ г. Мекинезѣ, подъ надзоромъ самого императора. Въ корпусѣ этотъ принимается одно только высшее и богатѣйшее дворянство, и изъ онаго поступаютъ въ негритянскую кавалерію одни только лучшіе воспитанники, отличающіеся, какъ наружнымъ видомъ, такъ и своею ловкостію. Экзаменъ для этого очень труденъ: кавалеристъ долженъ на всемъ скаку и въ определенной дистанціи стрѣлять съ лошади въ цѣль, и долженъ непремѣнно изъ десяти выстрѣловъ шесть разъ попадать въ цѣль, иначе онъ почитается неспособнымъ къ службѣ въ негритянской кавалеріи. Кромѣ довольно значительнаго отряда этой кавалеріи, при насъ было до 40 человекъ снаговъ, десять офицеровъ гвардіи, до сорока человекъ вооруженныхъ негровъ и сорокъ человекъ англійской конной артиллеріи (капитанъ приготовилъ для нихъ богатыя бѣлые *гайки* (плащи) и тюрбаны вокругъ киверовъ, для защиты отъ палящихъ лучей солнца). Верблюдовъ и дромадеровъ было у насъ всего 263, муловъ 85, ословъ 17, лошадей 102, паланкиновъ 11, а всѣхъ лю-

дей 247 человекъ, не включая въ это число женщинъ и дѣтей, сидѣвшихъ въ четырехъ носилкахъ; однимъ-словомъ, подобнаго многочисленнаго каравана давно не видѣли въ Могадорѣ, а потому все народонаселеніе сбѣжалось на сборный пунктъ, чтобы полюбоваться на наше выступленіе въ походъ. При этомъ присутствовали также все мѣстныя власти: трехъ-бунчужный паша, и двухъ-бунчужный капитанъ-паша, и съ однимъ бунчукомъ бимпаша, все кадїи, улемы, сантуроны, факїры и имамы.

Капитанъ Баулей отдалъ, для врученія императорскому сыну, письмо принца Алберта первому лейтенанту, и на него же возложилъ начальство надъ англичанами, сопровождавшими подарки. Раздались пушечные выстрѣлы; мы садимся на коней, еще разъ пожимаемъ руки новыхъ друзей нашихъ. янычарская музыка, въ главѣ длиннаго отряда заиграла, мы выступаемъ впередъ, и входимъ въ песчаное море, отдѣляющее Могадоръ отъ далекаго горизонта,

— *The Trident will watch on you!* (Тридентъ будетъ слѣдить за вами)! закричалъ намъ еще разъ капитанъ Баулей. И мы двинулись.

Статья четырнадцатая.

ПОѢЗДКА ИЗЪ МОГАДОРА ВЪ МАРОККО.

Могадорская Сахара. — Затрудненія въ перевозкѣ громоздкихъ вещей. — Фондакъ. — Аргановый дѣсь. — Ночлеги въ Фондакѣ, проведенныя по европейски. — Оберъ-егермейстеръ двора мароккаго. — Его рассказы. — Негръ Абуръ-Наза. — Его разсужденія. — Города: Аба-Zebir и Jugdua. — Храбрый шейкъ Абу-Малекимъ-Хаджи, убитый въ сраженіи при Исли.

Могадоръ окруженъ истинною Сахарою въ миниатюрѣ, то-есть песчанымъ моремъ, по которому необузданные вѣтры и ураганы играютъ свободно, и воздымаютъ тучи самаго мелкаго песку, производя иногда огромные валы, останавливающіе всякое сообщеніе. — Очень часто вся поверхность этой песчаной степи бываетъ взволнована, какъ бурное море, и въ нѣсколько часовъ на ней возносятся песчанья горы, вышиною отъ двадцати до тридцати футовъ. Правда, горы эти не такъ скоро образуются, чтобы караванъ не успѣлъ миновать ихъ, но нерѣдко слу

чается, что одинокій путешественникъ, попавъ подъ такой вихрь, сбивается съ ногъ и засыпается песчаною горою. Поднятые водоворотомъ, пески такой горы долго кружатся въ воздухѣ и потомъ, собственною тяжестію, опускаются на землю и составляютъ новые холмы. Если подобный водоворотъ встрѣтится путешественнику, то необходимо затыкать уши и ротъ, и крѣпко держаться на лошади, ибо очень легко въ это время ослѣпнуть и упасть на землю. Очень легко также сбиться съ дороги между пригорками, закрывающими отъ путешественника горизонтъ, и такъ часто измѣняющимися, что кромѣ неба и песковъ ничего на всемъ пространствѣ не видно, и не возможно отыскать на поверхности никакихъ слѣдовъ, ни лошадиныхъ копытъ, ни верблюжьихъ ногъ; ибо вихри замѣтаютъ въ одно мгновеніе всякій слѣдъ... Господствующіе здѣсь періодическіе вѣтры наносятъ иногда валы въ семьдесятъ футовъ вышины. Очень замѣчательно, что незначительная рѣчка, впадающая вблизи Могадора въ море, охлаждая и сгущая воздухъ своими водами, останавливаетъ порывы вѣтра, и не позволяя пескамъ переноситься черезъ ея берега, защищаетъ такимъ-образомъ городъ отъ засыпанія песками. По этому можно легко вообразить себѣ, съ какими трудностями мы должны были бороться, проходя черезъ могадорскую сахару, хотя мы съ намѣреніемъ выбрали вечернее время, то-есть такое, когда вѣтеръ дуетъ постоянно со стороны моря и сглаживаетъ песчаную поверхность. Самое большое затрудненіе мы имѣли съ возами, на которыхъ везли громоздкія части паровой машины. Колеса этихъ возовъ были нарочно обложены широкими досками, для того, чтобы онѣ не могли глубоко погружаться въ песокъ. Верблюдовъ нельзя было употреблять при этихъ возахъ, потому-что это животное не привыкло тащить что-нибудь за собою; даже запрячь ихъ невозможно, потому-что у нихъ нѣтъ упорнаго пункта для хомута, шлеи или путлица. А потому каждый возъ былъ запряженъ шестнадцатью мулами, которые подвигались ужасно медленно; притомъ необходимо было назначить къ каждому колесу по нѣскольکو человекъ, для отгребанія песку, легко поднимаемаго колесами.

Съ такими неимовѣрными усиліями мы, въ-продолженіе трехъ убійственныхъ часовъ, прошли эту степь, простиравшуюся въ этомъ мѣстѣ на цѣлую милю. Пройдя еще съ полторы мили по довольно гладкой и ровной землѣ, приблизились мы, около одиннадцати часовъ вечера, при блескѣ полного мѣсяца, къ *фондаку*, или укрѣпленному караванъ-сераю, построенному среди *аргановаго* лѣса. Дерево это, растущее очень неправильно, даетъ плоды, подобные грецкому орѣху. Изъ него выжимаютъ масло, которое вкусомъ своимъ превосходитъ самое лучшее коровье... Козы очень охотно ѣдятъ скорлупу этихъ орѣховъ. Мы распо-

ложились на ночлеги въ этомъ фондакѣ, и провели ночь совершенно по европейски, — наслаждаясь, вмѣстѣ съ англійскими офицерами, превкуснымъ бифтексомъ изъ буйволового мяса, съ картофлями изъ Великобританіи, и запивая его отличнымъ *хересомъ* и грогомъ изъ ямайскаго рома. У насъ были даже разнообразныя плумпъ-пудинги и паштеты. Дорожный складной столъ, покрытый бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью, заставленный серебромъ, освѣщенный лампами, — однимъ словомъ, ничто здѣсь не припоминало намъ Африки, подъ нашимъ шатромъ, на которомъ развѣвался флагъ Великобританіи.

Но зато въ остальной части каравана какое разнообразіе, — какая характеристическая жизнь! — Недалеко отъ насъ разбита была палатка для господъ офицеровъ мавританской гвардіи; ихъ было три чело-вѣка, и они ни съ кѣмъ не мѣшались. Далѣе расположились на бивакахъ, подъ открытымъ небомъ и около общаго огня, окутанные въ пестрыхъ бурнусахъ офицеры спаговъ, начальникъ янычаръ, капуданъ, важнѣйшіе мавры, ѣхавшіе съ нами въ Марокко, и нѣсколько сантуроновъ, бродящихъ безъ цѣли съ мѣста на мѣсто. Между ними слышанъ былъ оживленный разговоръ. — Большіе быстрые глаза, хотя и затемняемые нѣсколько длинными рѣсницами, лица, блестящія, какъ полированная бронза, изъ-подъ бѣлаго, какъ снѣгъ, тюрбана, — зубы, подобные жемчугу, оружіе, осыпанное драгоценными камнями, все это блистало при свѣтѣ мелькающаго огня. Разказы ихъ были очень оживлены, хотя никогда двое вмѣстѣ не говорили; — одинъ рассказывалъ, а прочіе, вперивъ въ него глаза, слушали и по временамъ вскрикивали; *allah! machallah!* — о какое чудо!

Въ это время рассказывалъ что-то оберъ-егермейстеръ двора марокскаго, Али-Гакемъ, славный своими охотами на львовъ. — У него есть въ Тегеду, въ трехъ миляхъ отъ нашего фондака, шатерь, составленный изъ львиныхъ шкуръ; сто пятнадцать львиныхъ пастей украшаютъ этотъ шатерь знаменитаго шейка, неустрашимаго въ бояхъ и мудраго въ совѣтахъ.

— Да, да, друзья мои! говорилъ шейкъ Али-Гакемъ, — и звѣри разговариваютъ между собою.

— Такимъ-образомъ, когда я былъ еще очень молодъ, продолжалъ шейкъ Али-Гакемъ, когда черные и лоснящіеся усы мои закручивались гордо на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь вы видите мою длинную бороду, подобную снѣжнымъ вершинамъ Атласа, я очень рѣдко проводилъ ночи подъ кровлею отца моего. Ночной сумракъ вызывалъ меня изъ-подъ шатра, я хватался за ружье, и укрывался въ дремучихъ лѣсахъ, для отысканія хищныхъ звѣрей, уничтожавшихъ наши стада. Однажды я скрылся за

поросшею кустарниками скалою, возвышавшеюся надъ источникомъ и болотомъ. Это мѣсто было очень любимо дикими звѣрями, которые приходили туда утолять свою жажду и подстергать добычу. Уже луна обѣжала полъкруга; я долго выжидалъ понапрасну, и утомленный, заснулъ. Вдругъ я пробуждаюсь отъ шелеста хвороста и треска сучьевъ. Вѣроятно приближается какой-нибудь огромный звѣрь, подумалъ я, осмотрѣлъ свое оружіе и осторожно привсталъ. Потомъ слышу, что-то крихтитъ. Ага! это el kucjar! дикій вепрь, говорю я себѣ. И дѣйствительно, огромный вепрь входилъ важно въ болото. Мѣсяць освѣщалъ его длинную, посѣдѣвшую шерсть и огромные клыки, блестящіе какъ лезвее двухъ кинжаловъ. Иди-ка поближе, пріятель, говорю, и потихоньку взвожу курокъ. — Но вепрь начинаетъ вострить клыки свои о камень, — напрягаетъ свои уши и обнаруживаетъ безпокойство. Не чувствуетъ ли онъ близость врага своего? Я притаилъ духъ, онъ вытягиваетъ рыло, втягиваетъ воздухъ и также молчитъ. Меня это ни мало удивляло, потому-что вѣтеръ дулъ съ его стороны и онъ не могъ чувствовать моего присутствія. Но какой то легкій шорохъ слышанъ былъ со стороны болота. Вепрь показывалъ все болѣе безпокойства и говорилъ самъ съ собою, хотя глухимъ голосомъ, но очень внятно: «Гмъ, гм! надѣюсь, что мнѣ здѣсь нечего опасаться!

— Maschallah! — О чудо! вскричали все сидѣвшіе вокругъ огня слушатели Али-Гакема.

— Да! продолжалъ Али; — увѣряю васъ: онъ повторилъ даже два или три раза свои слова. Я смотрю и вижу: изъ чащи выглядываетъ огромная, косматая пасть, два палящіе угля сверкаютъ изъ этой пасти, окруженной огромною гривой. О, теперь я вижу въ чемъ дѣло! Это левъ, ползущій на брюхѣ, совершенно, какъ котъ, но со скоростью бѣгущей лошади. Онъ что-то ворчалъ про себя, — но я не могъ понять этого. Вотъ онъ приближается уже къ вепрю. Вепрь наѣжился ужасно, такъ, что я самъ началъ дрожать отъ страха. Вепрь становится на дыбы, левъ вдругъ на него наскакиваетъ, и натывается на острые клыки, — ужасное рычаніе оглашаетъ воздухъ, они наносятъ другъ-другу смертельныя раны и оба падаютъ на землю, но еще лежа, они продолжаютъ упорный бой болѣе четверти часа; потомъ, къ величайшему удивленію моему, вепрь поднимается, наноситъ врагу своему ужасный ударъ клыками и разбиваетъ ему пасть. Левъ испускаетъ ужасное рычанье. — На этотъ крикъ раздаются крики тысячи шакаловъ. Разъяренный вепрь раздѣряетъ клыками своими брюхо этому султану лѣсовъ, и тотъ испускаетъ духъ. Вепрь пожираетъ свою добычу, и самъ воспѣваетъ свою побѣду. Потомъ онъ отправился къ источнику, чтобы обмыть кровь, вытекавшую изъ

рань его. Теперь мнѣ легко было въ него выстрѣлить. Но я подумалъ: за что я буду убивать его, когда онъ такой отважный? Онъ одинъ справился со львомъ и оставилъ мнѣ его шкуру. Можетъ-быть это какой-нибудь dgin (волшебникъ); надобно уважать его. Я опускаю ружье свое и ожидаю, чтобы вебрь удалился. Онъ все еще полощется въ водѣ и ворчитъ себѣ что-то подъ носъ. Опять слышится какой-то легкій, но быстрый шорохъ, сучья трещать, выбѣгаетъ изъ-за кустовъ львица и видитъ лежащаго въ крови льва. «Что тамъ опять такое? Не измѣна ли какая?» вскричалъ нетерпѣливо вебрь. А испуганная, огорченная львица, говоритъ со слезами на глазахъ: «О великій Али! Невѣрный вебрь умертвилъ моего мужа! Я отомщу за его смерть». Сказавъ это, львица подвигается впередъ, но посмотрѣвъ на страшнаго вебря, останавливается и съ ужаснымъ воемъ кричитъ: «Милосердый Али! Что за чудовищное животное!» Львица со злости бьетъ себя своимъ длиннымъ хвостомъ, и съ ужаснымъ крикомъ бросается на вебря, хватаетъ его за горло и когтями своими вонзается его въ брюхо. Вебрь защищается, но бѣшенство придаетъ силы львицѣ. Въ это время облако закрываетъ отъ меня луну, и я ничего болѣе не вижу, а только слышу ужасные визги и рычанія. Опять ничего не слышно. Мѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ. Вебрь лежитъ окровавленный, на немъ лежитъ львица и высасываетъ изъ сердца его кровь. Я направляю ружье мое на львицу — и она падаетъ въ семи шагахъ отъ меня. На другой день двѣ новыя богатыя шкуры украсили шатеръ отца моего».

— А много у васъ истребляютъ скота львы? спросилъ я стараго шейка.

— Въ нашихъ странахъ немного, потому-что мы умѣемъ держать ихъ въ повиновеніи и уваженіи чужой собственности. Иногда левъ пожретъ овцу или теленка, иногда даже и корову, когда она отдалится отъ стада. Но когда стадо держится дружно, тогда левъ и не осмѣливается приступить къ нему. Въ ночное время коровы окружаютъ телятъ, — а быки въ отдаленіи наблюдаютъ за безопасностью. Когда быки почувствуютъ издали льва, они начинаютъ ужасно мычать и бить землю копытами и рогами. А если левъ приблизится къ стаду, то не ожидая его нападенія, всѣмъ стадомъ нападаютъ на него. Иногда случается, что сильный быкъ повалитъ льва на землю и прободетъ его, рогами. А потому львы, зная уже по опыту, что для нихъ не всегда бываетъ выгодно нападать на стада, — нападаютъ на дикихъ козъ, на сернь, на ланей и молодыхъ вебрей, ибо съ старымъ вебремъ имъ труднѣе справиться.

— А часто ли львы нападаютъ на человѣка?

— На человѣка, начинающаго съ ними бой, или убѣгающаго отъ нихъ, они нападаютъ и растерзываютъ его;— если кому-нибудь случится встрѣтить льва, то не должно быть ни слишкомъ отважнымъ и не трусомъ, а идти своей дорогой, какъ бы не замѣчая присутствія льва, — тогда онъ, видя, что его не боятся и не хотятъ заводить съ нимъ драки, насмотрѣвшись вдоволь на человѣка, пойдетъ также своею дорогою. Левъ самое благородное животное.

— А какой изъ звѣрей самый болтливый? спросилъ какой-то куличикъ изъ Могадора стараго шейка Али-Гакема.

— Дикій и домашній поросенокъ и евронейцы, отвѣчалъ безъ обиняковъ старый шейкъ, желая, вѣроятно, насъ обидѣть, ибо онъ принадлежалъ къ числу фанатическихъ мусульманъ, не допускающихъ, чтобы европеецъ отличался чѣмъ-нибудь отъ животныхъ.

Еще за часъ до солнечнаго восхода мы двинулись въ походъ. Дорога была довольно широкая, и видно, что въ давнія времена она была хорошо содержима и вымощена, по словамъ туземцевъ, еще руомами, то-есть римлянами; она шла у подножія Атласа; поля здѣсь вездѣ хорошо обработаны, хотя мы встрѣчали очень мало деревень и очень много развалинъ. Во-многихъ мѣстахъ мы видѣли подвижные *дуары*, или наметы, уставленные въ видѣ полу-мѣсяца, или же въ два ряда, между которыми ночью порою загоняются стада. Въ каждомъ дуарѣ былъ заѣзжій домъ для путешественниковъ. Каждый шейкъ въ дуарѣ обязанъ оберегать собственность путешественника, не только въ самомъ дуарѣ, но и въ окрестностяхъ его. Онъ отвѣчаетъ за всякую пропажу. Нѣсколько такихъ шейковъ подчинены высшимъ шейкамъ, избираемымъ старостами. Они всегда принимали насъ очень пріятливо.

Въ прежнія времена страна эта долженствовала быть очень населена: это доказываетъ множество развалинъ, колодцевъ, дорогъ и водопроводовъ.

— Моровое повѣтріе истребило наше населеніе, отвѣчалъ намъ шейкъ, на вопросы наши о бѣдности населенія.

— Но зачѣмъ же вы живете теперь подъ наметами, когда по всему видно, что прежде вы жили въ домахъ?

— Гораздо легче унести съ собою шатеръ, нежели каменный и даже деревянный домъ, а очень часто случается, что мы принуждены бываемъ удаляться со всѣми нашими пожитками въ лѣса, и тамъ ожидать лучшихъ временъ.

— А кто же обрабатываетъ тогда ваши поля?

— Никто, поля остаются въ запущеніи, мы кормимся, какъ можемъ, молокомъ отъ коровъ и овецъ, лѣсными овощами, дичью; мы

конечно тогда терпимъ, но зато податей не платимъ. Когда все успокоится, мы спускаемся съ горъ на прежнія мѣста и вносимъ акуратно подать; ибо намъ самимъ пріятнѣе жить на мѣстѣ, питаться мукю и *кускусу*, скакать на конѣ по нашимъ прекраснымъ нивамъ, нежели укрываться въ горахъ, бороться съ дикими звѣрями, и защищаться отъ варварійцевъ.

Такъ разсуждали арабскіе крестьяне: это очень смиренный, трудолюбивый и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающій полное уваженіе народъ. Жаль, что онъ лишенъ всякой цивилизаціи; ибо любовь къ труду и спокойствію, соединенная съ чувствами собственного достоинства, служить лучшимъ предзнаменованіемъ будущаго счастья.

Около десяти часовъ утра, въ шести миляхъ отъ Могадора, остановились мы въ обширномъ *фондакѣ*, гдѣ все было приготовлено для нашего пріѣзда. Безчисленное множество арабовъ изъ сосѣднихъ дуаровъ ожидали насъ здѣсь съ нетерпѣніемъ; также много было приведено и привезено сюда больныхъ. Никто не повѣритъ, какое здѣсь принимаютъ живое участіе въ больныхъ, убогихъ и страждущихъ, люди, пользующіеся здоровьемъ и достояніемъ. Занятія наши съ больными продолжались нѣсколько часовъ. Мы должны были распаковывать всѣ наши лекарства и хирургическіе инструменты; мы сдѣлали нѣсколько операций, и надѣлили всѣхъ больныхъ лекарствами; а когда занятія наши кончились, и мы подкрѣпили силы отличнымъ молокомъ, то двинулись впередъ, при палящемъ солнцѣ. Чувствуя утомленіе, мы впервые прибѣгли къ помощи паланкиновъ. До этого времени я чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе отъ этого способа путешествія; но невольники наши вовсе не понимали этого отвращенія, они были даже недовольны тѣмъ, что мы не хотѣли пользоваться ихъ услугами, и для того, чтобы убѣдить насъ, что они не боятся трудовъ и что имѣютъ довольно силъ, они вложили въ паланкины тяжелые камни и по цѣлымъ днямъ носили ихъ. А чтобы еще болѣе доказать желаніе свое служить намъ, они назвали эти камни, въ одномъ паланкинѣ Аль-Гамильтъ-Бей, а въ другомъ Теодоръ-Эффенди. Мы приказали имъ выбросить камни и сами заняли ихъ мѣсто. Вскорѣ, отъ ровнаго и пріятнаго качанія я заснулъ; бѣдные феллахи своими монотонными пѣснями поддерживали мое усыпленіе, такъ, что я очень крѣпко проспалъ всю дорогу, до-тѣхъ-поръ, пока мы пришли къ фондаку и расположились тамъ на ночлегъ.

Англичане распаковали здѣсь свою походную кузницу и начали чинить возы, попортившіеся отъ скалистой дороги. Каждый изъ англичанъ работалъ за шестерыхъ; ничто не укрылось отъ ихъ взора; во время самого похода они безпрестанно осматривали возы, дѣлали со-

ображенія и вычисленія, срубали большія деревья и дѣлали изъ нихъ крѣпкія колеса, сверлили твердые пни деревъ и въ нихъ вкладывали пушки, и такимъ-образомъ переносили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно было перевозить ихъ на колесахъ.

Но постепенно работы затихли; уже большія порціи бифтекса и плумпудинга уничтожены; англичане, отягощенные спиртуозными винами и грокомъ, храпятъ, какъ киты. Мавры смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и толкуютъ между-собою о битвахъ, охотахъ, лошадахъ и гуріяхъ. Вдругъ слышны издали шаги дромадера. Это скачетъ степной мегари, вскричалъ какой-то мавръ: это долженъ быть гонецъ англійскаго консульства. И дѣйствительно, это былъ знакомый намъ негръ Абуръ-Наза, который возвращался изъ Марокко. Онъ въ-продолженіе пятидесяти-двухъ часовъ проѣхалъ тридцать три мили, и на мѣстѣ оставался четырнадцать часовъ. Онъ вручилъ письмо самому принцу, и получилъ зато награду; принцъ былъ очень обрадованъ вѣстію о присланныхъ ему подаркахъ. Нашъ добрый негръ до того былъ въ восхищеніи, что его не встревожило даже извѣстіе о гнѣвѣ паши и его угрозахъ.

— Я съ своимъ мегари не боюсь гнѣва паши; орелъ не боится охотника, когда онъ на своихъ крыльяхъ возносится подъ облака, сказалъ Абуръ-Наза.

— Однакожъ, любезный другъ, смотри, сказалъ ему Аль-Гамильтъ Бей: берегись, у паши длинныя руки и онъ очень мстителенъ.

— Онъ не посмѣетъ схватить меня въ англійскомъ консульствѣ! отвѣчалъ гонецъ: а впрочемъ, если я замѣчу что-нибудь худое, то соберу все мои пехины, а у меня ихъ до восьми сотъ, и ускачу въ Гамбію, на свою родину.

— Какъ! Черезъ Сахарскую степь?

— Да, черезъ степь, я и степи не боюсь: я уже три раза проѣзжалъ ее, въ первый разъ, когда меня схватили въ плѣнъ войска сенегальскаго короля, и отвели въ Марокко, на рынокъ, гдѣ купили меня для войскъ мароккаго императора; въ другой разъ, когда англійскій консулъ въ Могадорѣ выкупилъ меня, я отправился въ Сенегалію, чтобы купить этаго мегари, который носится съ быстротою молніи; и въ третій разъ, когда, купивъ дромадера, я возвращался съ нимъ въ Могадоръ. Я теперь знаю по опыту, какъ надобно проходить степи и какъ себя обезпечивать отъ голода и жажды. Я въ полъ-мѣсяца пробѣгу отсюда до береговъ Золотой-рѣки.

— Ну, научи-же и насъ, какъ пройти эту страшную степь въ пятнадцать дней, сказалъ Аль-Гамильтъ-Бей.

— Не могу. Никто, кромѣ меня, не имѣеть такого мегари, который несется по пескамъ съ быстротою вихря, и никто кромѣ меня не усидитъ такъ долго на дромадерѣ, при его быстрой скачкѣ. А притомъ вы не можете чувствовать вашимъ обоняніемъ дуновенія родимаго воздуха, и направлять по немъ ваши шаги, и предчувствовать приближеніе оазиса или источника, ибо у насъ въ степяхъ нѣтъ поверстныхъ столбовъ, означающихъ путь, и нѣтъ языка человѣческаго; здѣсь даже самыя звѣзды могутъ вводить путешественника въ обманъ и завести его на пятнадцать миль далѣе или ближе; а потеря одного дня въ степи, значить потеря самой жизни.

Такъ рассуждалъ негръ Абуръ-Наза и всѣ арабы, мавры и негры подтверждали справедливость его словъ, говоря, что родная земля, вода и воздухъ имѣють особенный, имъ только извѣстный, запахъ, который никогда не обманываетъ ихъ.

Такъ сильна привязанность этихъ дѣтей природы къ родинѣ!

Вотъ и другая ночь миновала, но мы провели ее не такъ удобно, какъ первую, потому-что, въ-слѣдствіе близости горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, насъ пробирало холодомъ до костей.

Теперь мы выступаемъ уже на восходѣ солнца, для того, что по дорогѣ, которую намъ нужно проѣхать, опасно ѣздить въ потемкахъ: она вьется надъ пропастями и между лѣсами, по скалистому хребту высокихъ горъ. Мы проѣзжаемъ по берегу быстрого потока. На противулежащемъ берегу, очень возвышенномъ и скалистомъ, видны два небольшіе города, окруженные каменными стѣнами. Не въ большомъ разстояніи отъ этихъ городковъ, называемыхъ: *Aba-Zebirü Jugdua*, видно множество четырехугольныхъ каменныхъ домиковъ съ небольшими куполами. Это жилища сантуроновъ, которыхъ было множество въ этихъ городкахъ. Долина, на которой находятся эти города, бываетъ очень часто затопляема водою отъ большихъ дождей и отъ таяшаго на горахъ снѣга. Въ этомъ небольшомъ, но очень живописномъ мѣстѣ проживаетъ до семи тысячъ человѣкъ. Воздухъ здѣсь долженъ быть очень здоровъ; здѣсь рѣдко бываютъ эпидемическія болѣзни, такъ часто посѣщающія Марокскую Имперію.

Около десяти часовъ утра мы остановились въ фондаѣ, въ четверти мили отъ котораго лежатъ развалины нѣкогда очень значительнаго города, разореннаго тридцать лѣтъ тому назадъ Мулей-Измаиломъ, претендентомъ на императорскую корону. Все населеніе этого города было до тла уничтожено, даже дѣти и старцы не были пощажены; только двѣсти дѣвицъ разобраны были живьемъ бунтовавшими янычарами. Цѣлыя горы костей лежатъ и до сихъ-поръ на мѣстѣ

битвы. Вечеромъ остановились мы въ дуарѣ славнаго шейка и мараба Абу-Малекимъ-Хаджи. Извѣстный въ цѣломъ краѣ своею храбростію, своими добродѣтелями и своимъ фанатизмомъ, онъ жилъ, какъ отшельникъ, въ молитвахъ и постахъ. Хотя у него было четыре жены, отличавшихся молодостію и красотою, но онъ, избѣгалъ встрѣчи съ ними. Онъ строго преслѣдовалъ всѣхъ негодяевъ и разбойниковъ, и ни малѣйшій проступокъ не укрывался отъ его пронизательнаго взора. Абу-Малекимъ-Хаджи не терпѣлъ ни христіанъ, ни цивилизаціи, и пять разъ на день молилъ Бога о томъ, чтобы ему привелось сражаться съ христіанами. Онъ былъ военнымъ начальникомъ не только своего дуара, но и трехъ другихъ; притомъ онъ былъ почетнымъ капитаномъ императорской гвардіи и командовалъ эскадрономъ во-время войны. Онъ первый ударилъ на французовъ въ 1844 году, въ сраженіи при Исль. Тогда ему было сорокъ лѣтъ.

Отъ дуара мужественныхъ Бенъ-Малекитовъ до Марокко остается неболѣе четырехъ миль.

Статья пятнадцатая и послѣдняя.

МАРОККО, ВОЗВРАТЬ ВЪ ЕВРОПУ.

Отъѣздъ въ Марокко. — Императорская гвардія. — Мечеть El-Kolubia. — Огромный караванъ-серай. — Императорскій замокъ. — Устройство госпиталя. — Глазная эпидемія. — Императорскій казнадаръ. — Парадъ марокскихъ войскъ. — Священная война противъ французовъ. — Отъѣздъ изъ Марокко. — Возвращеніе въ Магадоръ. — Голова негра Абуръ-Назы. — Прибытіе парохода Тридента въ Магадоръ. — Возвратъ въ Европу.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Марокко, тѣмъ болѣе мѣстность представляла видъ нѣкоторой цивилизаціи;—по всему замѣтно было приближеніе къ столицѣ государства:—деревни и города, попадавшіеся намъ чаще по дорогѣ, были довольно красивы,—вездѣ замѣтна жизнь и движеніе, въ жителяхъ менѣе дикости. Но что это за пестрая толпа виднѣется издали?—Она блеститъ отъ лучей солнца. Это императорская гвардія, состоящая изъ негровъ. Вотъ она приблизилась къ намъ и на-

чала выдѣлывать разныя эволюціи, называемыя ими *фантазіей*: они скачутъ около насъ, кричатъ, стрѣляютъ и поглядываютъ искоса на подарки англійской королевы. Гвардія эта вводитъ насъ торжественно въ Марокко, съ ружейными выстрѣлами. Городъ очень обширенъ; въ немъ въ XII вѣкѣ было до 700,000 жителей, а нынѣ едва двѣнадцатая часть осталась. Онъ основанъ Абъ-Тассиномъ въ 1050 году, и какъ полагаютъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ римскій городъ: *Vesapim Nemetum*. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣною, простирающеюся въ окружности слишкомъ на двѣ географическія мили. Въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой находятся башни съ крѣпостными орудіями. Улицы почти пусты,—многіе дома лежатъ въ развалинахъ, на площадяхъ не видно движенія. Но зато, мечетей здѣсь считаютъ до восьмидесяти; онѣ въ хорошемъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ очень красивы; а главная мечеть, называемая: *el Colubia*, и построенная въ XII вѣкѣ, припоминаетъ своей архитектурой Альямбу. Главный базаръ и караванъ-серай, называемый здѣсь *кайсаринъ*, можетъ помѣстить до 10,000 человекъ и до 5000 скота. Здѣсь обыкновенно собираются всѣ караваны, расходящіеся отсюда въ самыя отдаленныя части государства, и даже въ Томбукту, городъ окруженный какою-то таинственностію *.

Мы не вошли однако въ самый городъ, но въ находящейся за городомъ огромный замокъ, окруженный еще вышею стѣною, имѣющею въ окружности до полуторы мили. При замкѣ находится великолѣпный садъ, съ самыми рѣдкими растеніями. Черезъ садъ протекаетъ рѣка Тене-зифтъ, которая наполняетъ своими водами многочисленные пруды, каналы и фонтаны. Главныя строенія сооружены изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ. Здѣсь гораздо болѣе разныхъ зданій, казармъ, флигелей для придворныхъ, нежели въ Версали,—а маленькихъ домиковъ, разбѣянныхъ по паркамъ и садамъ, по-крайней-мѣрѣ, до двухъ сотъ. Замокъ этотъ служитъ очень часто резиденціей самаго императора. Въ настоящее время жили въ немъ наследникъ престола и нѣсколько принцевъ. Лейтенанту парохода Тридента, Уестъ-Морленду, отведено было въ замкѣ особое мѣсто, съ садомъ, каналомъ и прудомъ,—а для насъ назначили казармы, въ которыхъ могло помѣститься 500 человекъ, для устройства въ нихъ офталмическаго госпиталя. Намъ же самимъ отвели квартиры, которыя занимаютъ обыкновенно начальники гвардіи. Здѣсь каждый регулярный полкъ имѣетъ двухъ командировъ: одного военнаго, а другаго админи-

* Французскій путешественникъ *Калье* (Caillié), посѣтившій этотъ городъ въ 1828 году, первый сообщил о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

стратора. Мебели въ комнатахъ было очень мало: только нѣсколько дивановъ и маленькихъ столиковъ;—въ нашихъ спальняхъ стояло по нѣсколько стульевъ, какъ видно, нарочно для насъ сдѣланныхъ. Впрочемъ, ничто не было забыто для нашего удобства и удовольствія. Къ намъ приставили особаго кондитера, который съ утра до вечера занятъ былъ приготовленіемъ кофе, мороженаго, сорбетовъ, конфетъ и сладкихъ пирожковъ,—а обѣдъ принцъ приказалъ принести намъ изъ своей собственной кухни. Сверхъ-того, намъ прислали обычные подарки, состоявшіе изъ съѣстной провизіи, т. е. огромнаго вола, шесть барановъ, около сотни куръ, съ пятьдесятъ индѣйскихъ пѣтуховъ и безчисленное множество разной дичи;—сверхъ-того, нѣсколько мѣшковъ разной муки, — нѣсколько огромныхъ кувшиновъ оливковаго масла и цѣлыя горы овощей. Наша прислуга никакъ не могла умереть съ голода.

Мы тотчасъ приступили къ осмотру дома, назначеннаго для устройства госпиталя, и нашли его не совсѣмъ удобнымъ. Глазъ есть самый нѣжный органъ, и потому ужасно опасно, когда въ немъ сдѣлается воспаленіе, называемое египетскимъ, отъ котораго въ одинъ день можно потерять зрѣніе. По этому не во всѣхъ комнатахъ могли быть удобно размѣщены страдавшіе главною болью. Изъ шестнадцати залъ, находившихся въ назармахъ, мы могли выбрать только шесть, для 180 человекъ, а между-тѣмъ было до 1,000 человекъ больныхъ глазами.

Драгоманъ принца, Симони, какъ мы узнали, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лейбъ-хирургъ, — неизвѣстно, отчего онъ до-сихъ-поръ скрывалъ отъ насъ это. Онъ сообщилъ намъ, что изъ 11,000 заболѣвшихъ, едва 1,700 совершенно выздоровѣли, 2,600 потеряли одинъ глазъ, а болѣе 3,200 человекъ лишились вовсе зрѣнія; что медицинскій факультетъ въ Марокко составленъ изъ нѣсколькихъ ренегатовъ, по большей части итальянцевъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ степени доктора,—потомъ изъ нѣсколькихъ хирурговъ и лекарей, выпущенныхъ изъ медицинской школы, основанной въ Марокко, лѣтъ четырнадцать тому назадъ, и наконецъ изъ множества марабовъ, имамовъ, сантуроновъ и факировъ, лечащихъ, травами и другими лекарствами. Лекарскіе патенты выдаетъ особый медицинскій комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ начальника шаишовъ, то-есть исправительной полиціи. Въ лекарской школѣ анатоміи преподаетъ какой-то Геннаро, старый неаполитанецъ, ренегатъ. Вся наука эта ограничивается преподаваніемъ остеологіи, міологіи и сланхнологіи, т. е. наукъ о костяхъ, мускулахъ и внутренностяхъ.

Мы тотчасъ написали на арабскомъ языкѣ рапортъ о томъ, что болѣе 180 больныхъ могутъ быть помѣщены въ отведенномъ намъ

домѣ,—просили о присылкѣ къ намъ сейчасъ же 90 человекъ только-что заболѣвшихъ и остальныхъ 90 изъ числа такихъ больныхъ, которые признаны неизлечимыми, а также о доставленіи потребнаго числа бѣлья, соломы, зеленого полотна для занавѣсокъ и пр.

На другой день рано утромъ начали свозить больныхъ, а въ помощь намъ прислали съ дюжину оборванныхъ мальчишекъ:—это были ученики медицинской школы, по большей части, сыновья убогихъ мавровъ.

Въ самомъ сералѣ находилась аптека принца, содержимая испанскимъ ренегатомъ; намъ разрѣшено было брать изъ нея все нужныя для насъ лекарства, подъ росписку. Но матерьялы этой аптеки оказались очень плохи, и потому мы обратились къ собственнымъ лекарствамъ, которыхъ, по счастію, захватили очень много. Въ полдень вошелъ къ намъ г. Уестъ-Морлендъ.

— Я пришелъ къ вамъ съ новостью, которая, можетъ-быть, для васъ не очень будетъ пріятна. Принцъ прислалъ ко мнѣ своего *казнадара*, просить, чтобы я васъ не представлялъ ему на завтрашней аудіенціи. Что вы на это скажете?

Доктора Гамильтона извѣстіе это ужасно взбѣсило:

— Какъ?—меня, Гамильтонъ-Бея, мавританскій принцъ не хочетъ принять въ торжественной аудіенціи?—и моего товарища тоже?

— Да, дѣйствительно такъ!—и меня это очень удивило, и для того-то я пришелъ къ вамъ,—отвѣчалъ г. Уестъ-Морлендъ.

Мы послали за Симони, который тотчасъ явился. Онъ прикинулся сначала, что ни о чемъ не знаетъ. Потомъ однако объяснилъ намъ, что не было примѣра въ исторіи Марроко, чтобы императоръ, или его наслѣдникъ принималъ при торжественныхъ случаяхъ лекарей,—и что, вѣроятно, это и есть причина его распоряженія.

Не понравилось намъ это объясненіе. Мы послали потихоньку драгомана нашего, Мокшу, съ письмомъ къ казнадару, приложивъ къ нему рекомендательное письмо, писанное Кадіемъ Тетуана.

Вечеромъ, когда мы наслаждались прохладой въ общемъ саду, вбѣжалъ къ намъ нашъ драгоманъ и объявилъ по секрету, что императорскій казнадаръ приказалъ нести себя *incognito* къ намъ въ большую залу. Это былъ человекъ очень важный, соединявшій въ себѣ рѣдкую красоту съ прекрасными манерами. Онъ сѣлъ, и удостовѣрившись, что, кромѣ насъ, никого не было въ залѣ, сказалъ намъ ласково:

— Зять мой отрекомендовалъ мнѣ васъ съ самой лучшей стороны, говоря, что онъ въ нѣсколько часовъ прожилъ съ вами сто лѣтъ.

Онъ узналъ, что вы добрые и честные люди и въ сердцѣ вашемъ носите Бога. А потому я долженъ объяснить вамъ настоящее положеніе

дѣла, чтобы вы не блуждали въ лабиринтѣ, и не обвиняли добрыхъ за злыхъ. Вы имѣете большаго почитателя въ нашемъ принцѣ, который современемъ будетъ управлять имперіею нашею;—много друзей имѣете вы также между людьми, любящими просвѣщеніе, которые хорошо знаютъ, что никакими сокровищами въ мірѣ нельзя вознаградить трудовъ на пользу ближняго;—но по несчастію, у васъ есть и много враговъ, очень сильныхъ и могущественныхъ, хотя вы никому не сдѣлали зла. Императорскій сантуронъ, тотъ самый, который пригласилъ васъ пріѣхать къ намъ, главный врагъ вашъ. Извѣстное вамъ происшествіе, случившееся на англійскомъ суднѣ, было причиною всего зла. Сантуронъ имѣетъ большой вѣсъ при дворѣ: онъ описалъ васъ, какъ отчаянныхъ враговъ исламизма, и возбудилъ противъ васъ императора и всѣхъ фанатиковъ. Собственныя сыновья мои Магометъ-Мирза и Зелимъ-Мирза принадлежатъ къ этой партіи. Интригамъ сантурона помогаетъ еще зависть здѣшнихъ врачей, которые, по правдѣ сказать, люди самые низкіе, неумѣющіе оцѣнить всей важности своего призванія.

— Но вѣдь у васъ есть и лекарская школа, и какой-то медицинскій комитетъ, наблюдающій за дѣйствіемъ врачей,—сказалъ докторъ Гамильтонъ.

— О Allah! bismillah! Что значитъ наша лекарская школа? Это частное заведеніе, не пользующееся покровительствомъ правительства, и того менѣе сочувствіемъ частныхъ лицъ. Учителя занимаютъ разныя придворныя должности, или занимаются торговлею,—а ученики, чтобы отдѣлаться отъ военной службы, поступаютъ въ эту школу, и ничему тамъ не учатся. Медицинскій комитетъ составленъ, по большей части, изъ людей, неимѣющихъ никакого понятія о медицинѣ и даже непостигающихъ ея цѣли. Говорятъ, что и у васъ въ Европѣ врачи завидуютъ одинъ другому,—чего же вы хотите отъ насъ? А потому самъ наследный принцъ не въ состояніи ничего сдѣлать,—онъ долженъ даже съ большею осторожностію объявлять вамъ свою признательность за ваши услуги. Ему извѣстно уже, что вы сегодня сдѣлали, и онъ, вѣроятно, завтра утромъ посѣтитъ вашъ госпиталь,—натурально incognito, такъ-какъ и я къ вамъ теперь пришелъ, но онъ никакъ не можетъ принять васъ при торжественномъ принятіи подарковъ, привезенныхъ отъ принца Альберта;—это обратило бы на себя вниманіе всѣхъ изступленныхъ фанатиковъ.

Докторъ Гамильтонъ, человекъ очень гордый, сказалъ, что онъ нисколько не сомнѣвается въ словахъ казнадара,—что отказывается добровольно отъ всѣхъ почестей, и будетъ только заботиться о пользѣ вѣранныхъ попеченію его больныхъ.

Казнадаръ просилъ насъ, чтобы мы посѣтили его, какъ добраго пріятеля.

— Мы очень охотно исполнимъ ваше желаніе, сказалъ докторъ Гамильтонъ: но позвольте сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: скажите, можемъ ли мы вполнѣ довѣрять г. Симони? Его обхожденіе съ нами какъ-то подозрительно.

— Симони живетъ у насъ болѣе двадцати лѣтъ, сыновья его служатъ въ нашихъ войскахъ, и несмотря на то, мы его еще очень мало знаемъ. Онъ всегда былъ, и до-сихъ-поръ остается для насъ загадкою, какъ вообще всѣ ренегаты, которые, вслѣдствіе неудачъ, или избѣгая судебного наказанія, пришли къ намъ и отреклись отъ своей вѣры, въ надеждѣ найти у насъ земныя блага. Симони пользуется расположеніемъ нашего принца; онъ обязанъ этимъ своему такту и своимъ познаніямъ; но онъ фанатическій послѣдователь стараго исламизма, и что удивительнѣе, непримиримый врагъ европейцевъ. Правда, что почти всѣ ренегаты и отступники вѣры впадаютъ въ низкую крайность отреченія отъ всѣхъ прежнихъ своихъ симпатій, съ ужасною, почти театральною ревностью, но у Симони должна скрываться еще какая-нибудь тайная причина ненависти его къ европейцамъ. Онъ всячески старается возбуждать ее въ нашемъ принцѣ, который извѣстенъ своею добротою. Къ несчастію, нашъ принцъ начинаетъ мечтать о побѣдахъ, хотя онъ вовсе не рожденъ быть воиномъ. И я считаю г. Симони просто тайнымъ агентомъ эмира Абдель-Кадера, подкупленнымъ для того, чтобы онъ постоянно возбуждалъ нашего принца къ войнѣ съ французами, и я предвижу отъ этого самыя пагубныя послѣдствія.

На другой день былъ парадъ, съ большимъ торжествомъ; пушечные выстрѣлы производились со всѣхъ укрѣпленій, вокругъ всего города и вокругъ императорскаго замка; также стрѣляла пѣшая и конная марокская артиллерія. Передъ нашими окнами проходили самыя разнообразныя и живописныя марокскія войска. Сынъ императора, Сиди-Селимъ-Шерифъ, окруженный мавританскою гвардіею, составленною изъ однихъ дворянъ, ѣхалъ верхомъ на лошади, бѣлой какъ снѣгъ, въ мундирѣ алаго цвѣта, осыпанномъ брилліантами, такъ, что на него трудно было смотрѣть отъ блеска камней. Ему было болѣе тридцати лѣтъ, лицо у него доброе, пріятное, но очень смуглое. Въ чертахъ его незамѣтно твердости характера, но видно благородство и добродушіе.

Славный своею храбростію и умомъ Али-бенъ-Таибъ-Эль-Генади ѣхалъ въ главѣ войска, и Эль-Кебиби-Каидъ изъ мужественнаго племена Алафъ-Аудумовъ, шелъ впереди пѣхоты. Ружья у этого войска

очень хороши, должно-быть англійской работы, потому-что они имѣли пистонные замки; обмундированіе однообразное и нѣсколько схожее съ европейскимъ.

Потомъ шла полевая артиллерія: двѣ полу-батареи, по восьми шести-фунтовыхъ орудій въ каждой. Она имѣла довольно порядочный видъ. Темно-красный цвѣтъ мундировъ, какъ нельзя лучше, соответствовалъ черному цвѣту лицъ артиллеристовъ негровъ. Въ этомъ войскѣ даже офицеры негры. Эволюціи марокской артиллеріи мало чѣмъ уступаютъ европейскимъ артиллеріямъ; орудія очень быстро вытягивались въ позицію, стрѣльба изъ нихъ производилась также хорошо. Но негры не большіе мастера стрѣлять въ цѣль. И для того-то принцъ Альбертъ, который очень хорошо расположенъ къ марокскому императору, прислалъ къ нему орудія вмѣстѣ съ англійскими артиллеристами, чтобы научить марокскія войска хорошей стрѣльбѣ.

Десять дней мы прожили уже въ Марокко.

Наслѣдный принцъ нѣсколько разъ навѣщалъ нашъ госпиталь. Онъ изъявлялъ намъ свою благодарность и присылалъ намъ самыя впрочемъ незначительныя, подарки.

Эпидемія начала уменьшаться. Мы продолжаемъ быть съ казнадаромъ въ дружескихъ, но тайныхъ сношеніяхъ, а съ Симои въ явныхъ, но непріязненныхъ. Начальникъ медицинскаго комитета прислалъ намъ сказать, что желаетъ насъ видѣть. Мы отвѣчали этому мулату, что мы очень ради будемъ, если онъ удостоитъ насъ посѣщеніемъ, а сами не имѣемъ времени ходить къ нему. Онъ не разсудилъ придти къ намъ.

Мы выгнали изъ госпиталя всѣхъ такъ-называемыхъ учениковъ лекарской школы, потому-что они были для насъ совершенно бесполезны; мы даже удостовѣрились, что они нарочно не исполняли нашихъ приказаній и были причиною многихъ неудачныхъ леченій. Ясно было, что они были въ заговорѣ съ мѣстными врачами. Мы замѣнили ихъ неграми и евреями, которые оказались гораздо искуснѣе этихъ учениковъ, и исполняли всѣ наши предписанія съ большимъ стараніемъ. Нѣкоторые изъ употребленныхъ нами негровъ въ короткое время такъ сдѣлались искусны въ кровопусканіи и нѣкоторыхъ хирургическихъ операціяхъ, что потомъ поступили къ военныя фельдшера. Мы очень строго наблюдали, чтобы никто посторонній не входилъ къ больнымъ, а между-тѣмъ и насъ самихъ наблюдалъ военный карауль. Мы вскорѣ замѣтили, что за каждымъ нашимъ движеніемъ слѣдили, а при выходахъ нашихъ въ городъ или въ окрестности, насъ сопровождалъ отрядъ

янычарѣ, подѣ видомъ почтенной свиты. Намъ было сказано, чтобы мы иначе показывались въ городѣ, какъ въ носилкахъ, ибо иначе мы можемъ подвергнуться непріятностямъ со стороны жителей. Когда мы отправлялись въ носилкахъ, за нами слѣдовалъ отрядъ гвардіи, подѣ начальствомъ стараго офицера, который не долженъ былъ спускать глазъ съ иностранныхъ *тиббировъ*. Офицеръ этотъ входилъ съ нами въ лавки, и расположившись тамъ на конторкѣ, ни слова не говорилъ, не обращалъ вниманія на всѣ слова и движенія наши. Въ поѣздкахъ нашихъ верхомъ за городъ этотъ аргусъ сопровождалъ насъ также. Однимъ словомъ, мы были въ Марокко очень усердно оберегаемыми гостями.

На дворѣ султанскаго сераля негры артиллеристы по цѣлымъ днямъ учились у *англійскихъ драгуновъ*, которые присланы сюда подѣ предлогомъ сопровожденія подарковъ, а между-тѣмъ, по прибытіи въ Марокко, превратились въ артиллеристовъ наставниковъ. Каждому изъ нихъ платили по гинеѣ въ день, и сверхъ-того имъ ежедневно присылали цѣлый скотный и птичій дворъ.

Послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія нашего здѣсь осталось не болѣе ста больныхъ въ госпиталѣ. Мы научили здѣшнихъ лекарей способамъ леченія египетской офтальміи.

Наслѣдный принцъ очень доволенъ былъ результатами нашего леченія, и очень часто посѣщалъ нашъ госпиталь, и даже два раза посѣтилъ насъ *incognito* въ нашей квартирѣ.

Я всегда имѣлъ большое желаніе сдѣлать поѣздку къ Атласу, но не легко было это исполнить. Ни одинъ изъ находящихся здѣсь европейцевъ не соглашался сопутствовать мнѣ, ибо окрестности этой горы покрыты дремучими лѣсами и пещерами, служащими убѣжищемъ варварійцамъ и дикимъ звѣрямъ, а вершина горы увѣнчана вѣчными снѣгами. Такимъ-образомъ, я не предвидѣлъ возможности исполнить моего желанія. Однажды, это было въ концѣ іюля, къ намъ вошелъ мистеръ Уестъ-Морлендъ потирая отъ удовольствія руки и хохоча отъ души.

— О! я вижу, что вы хотите намъ сообщить что-нибудь новенькое! — сказалъ докторъ Гамильтонъ.

— Да, и новое, и очень важное! — отвѣчалъ Уестъ-Морлендъ. — Война противъ французовъ уже рѣшена въ Макинезѣ и послѣ завтра будетъ объявлена въ Марокко. Теперь надо подумать о томъ, чтобы намъ самимъ не пришлось тутъ поплатиться. Ваши больные, кажется, уже близки къ выздоровленію, а потому я полагаю, что не худо бы намъ всѣмъ завтра отсюда выбраться. Что вы на это скажете? Можетъ

быть, вы располагаете остаться здѣсь одни, но я вамъ этого не совѣтую.

Мы рѣшились ѣхать все вмѣстѣ. Послѣ торжественной аудіенціи, намъ прислали подарки, черезъ-чуръ скромные; но нельзя жаловаться, теперь трудныя времена, война виситъ на носу, а больные уже вылечены: въ насъ болѣе не нуждаются. Казнадаръ распрощался съ нами съ чувствомъ; онъ не очень радовался этой войнѣ, предвидя бѣдствія для своего края.

Возвращаемся въ Могадоръ; уже не провожаетъ насъ мавританская гвардія; намъ дали только нѣсколько спаговъ и янычаръ для охраненія. Теперь мы ѣдемъ очень скоро, не задерживаемые ни англійскими пушками, ни парухомъ, ни понтонами, а мароккскіе подарки насъ вовсе не отягощаютъ. Мы проходимъ магадорскую сахару при лунномъ свѣтѣ; нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, песчаная степь, увлажненная росой, гладка и блеститъ, какъ бѣлая скатерть, отъ мѣсячнаго сіянія. Вотъ мы проѣзжаемъ мимо надгробнаго памятника Могадора; вотъ и эль-каваръ, т. е. магометанское кладбище. Муедзинъ взываетъ съ вершины минарета къ молитвѣ: мавры, арабы и негры слѣзаютъ съ коней и верблюдовъ, омываются въ рѣкѣ, разстилаютъ на землѣ свои бурнусы и обращаясь лицомъ къ востоку, становятся на колѣна и молятся. Евреи, собрались въ отдаленіи въ особую кучу, и молились. Мы обратившись также къ востоку, тихо возносили мольбы къ Всевышнему.

Вотъ мы подъѣзжаемъ къ подъемному мосту и къ воротамъ Могадора.

— *Oh irehm!* — окликаетъ насъ часовой.

— Англійскіе солдаты, возвращающіеся изъ Марокко, — отвѣчаетъ провожавшій насъ мароккскій капуданъ.

— Подождите, пока солнце взойдетъ и паша дозволитъ вамъ въѣхать въ городъ; но здѣсь вамъ нельзя стоять; отъѣзжайте на двѣсти шаговъ отъ воротъ, — отвѣчаетъ караульный офицеръ.

Мы хотѣли войти съ нимъ въ переговоры, но онъ приказалъ караулу взять ружья на руку. Нечего было дѣлать; мы принуждены были почевать подъ открытымъ небомъ. Вотъ начинается уже свѣтать. Въ это время что-то черное лѣзетъ къ вершинѣ башни и натываетъ на шпигъ что-то круглое. Солнце восходитъ, почти мгновенно исчезаетъ ночной сумракъ. Мы всматриваемся, и видимъ, что это голова нашего знакомаго, гонца англійскаго консульства, Абуръ-Назы, того самаго, который собирался быть главою Гамбіи.

Бѣдный Наза палъ жертвою гнѣва и мщенія паши. Правда, что пашѣ не возвратили его верблюдовъ; онъ, благодаря Абуръ-Назѣ, понесъ значительную потерю.

Насъ впускаютъ въ городъ, и мы отправляемся въ англійское консульство. Къ намъ навстрѣчу выходитъ консулъ мистеръ Уильшаиръ.

— А что сдѣлалось съ Абуръ-Назой?—спросилъ г. Уестъ-Морлендъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Ничего. Онъ спокойно спитъ въ своей будкѣ, на дворѣ консульства,—отвѣчаетъ консулъ, не подозрѣвая ничего.

Мы поспѣшно отправляемся къ будкѣ. Въ одной комнатѣ спятъ янычары и храпятъ какъ янычарскія трубы; въ другой спитъ Абуръ-Наза, но не храпитъ, потому-что нечѣмъ храпѣть.

— Онъ гдѣ-то потерялъ свою голову, бѣдняга,—говоритъ г. Уильшаиръ, не выходя изъ англійской флегмы.

— Мы видѣли, что кто-то воткнулъ голову Абуръ-Назы на шпичъ башни, и потомъ удалился,—отвѣчалъ г. Уестъ-Морлендъ.

Капитанъ Баулей крейсировалъ на своемъ пароходѣ Тридентъ у всѣхъ береговъ западной Африки, доходилъ до самой Гвинеи и тамъ преслѣдовалъ морскихъ разбойниковъ и торговцевъ невольниками.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ въ Могадоръ явился туда и Тридентъ, по объявленіи уже *dgechada*, то есть священной войны.

Нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ Могадорѣ, прошли очень прозаически въ стѣнахъ англійскаго консульства. Паша благоволилъ объявить намъ, что при нынѣшнихъ взволнованныхъ умахъ народа было бы опасно обращать на себя его вниманіе поѣздками во внутренность края и даже въ самомъ городѣ.

Ровно черезъ два мѣсяца по прибытіи нашемъ на берега Африки, мы оставили Могадоръ. Черезъ нѣсколько дней позже, мы очутились опять въ Гибралтарѣ.

И такъ прости Африка! Немного останется у меня по тебѣ пріятныхъ воспоминаній! Я опять въ родной Европѣ!

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

—

I.

КРАСНОРУССКІЕ ОБЫЧАИ, ПѢСНИ И ПОВѢРЬЯ.

НАДПРУТЬЕ.

Такъ именуется страна, лежащая по берегу рѣки Прута, и простирающаяся почти на восемнадцать миль, начиная отъ городка *Деятина*, въ Карпатскихъ горахъ, до *Черневицъ*, въ Буковинѣ. Нѣтъ прелестѣе мѣста во всемъ этомъ краѣ, исключая только окрестности Кракова и въ особенности Песочную-скалу и м. Ойцевъ. Все Надпрутье, за исключеніемъ клочка Буковины, именовалась встарину *Покутьемъ*. Польскіе этимологи, не зная ни русскаго, ни другихъ одноплеменныхъ славянскихъ языковъ, толковали по своему названія городовъ и уѣздовъ: *Покутье* производили они отъ польскаго слова *Рокца* (покаяніе), потому что въ этихъ гористыхъ и уединенныхъ мѣстахъ легко было грѣшникамъ найти удобный уголь для пустынноческой жизни и раскаянія. Впрочемъ, это была одна ихъ догадка, потому что ни исторія, ни самыя преданія народныя ничего не объясняютъ намъ въ этомъ отношеніи. *Покутье* же просто русское, мѣстное выраженіе: извѣстно, что такое *кутъ*, то-есть, уголь. И такъ какъ это былъ дѣйствительно *кутъ*, или послѣдняя грань Польши, то и назвали ее *Покутьемъ*.

Между-тѣмъ вся масса народа, заселяющая Надпрутье, состоитъ изъ Руси, которой нарѣчіе ближе всего подходитъ къ польскому, изъ армянъ, жидовъ, и теперь даже изъ множества нѣмцевъ. Помѣщики въ дворахъ и небольшая частица мѣщанъ въ городкахъ, по бѣльшей части — поляки.

Русь на Покуты, какъ и вообще вся Русь, имѣетъ общія формы въ своихъ обрядахъ и обычаяхъ. Но если внимательно вѣмотрѣтся, то неоспоримо встрѣтятся разницы въ небольшихъ и мелкихъ подробностяхъ, столь разительно отличавшихъ въ древности племена русскія.

Свадьба начинается всегда въ субботу. Чуть только забрежжетъ заря, приходятъ *дружки*, и сплетая вѣнокъ, поютъ старинныя пѣсни, переходящія изъ рода въ родъ. Содержаніе ихъ согласно съ обстоятельствами. Въ этихъ пѣсняхъ приглашаются дѣвушки поспѣшить въ долину по красную калину, по кустистый барвеннокъ и по руту. Сплетя вѣнокъ, украшаютъ имъ невѣсту, воспѣвая ея красоту и молодость. Того же дня является и женихъ съ своими сватами, за подаркомъ, то-есть, за сорочкою и вѣнкомъ.

Невѣста снимаетъ у него съ головы шапку, и надѣваетъ вѣнокъ, удерживая шапку у себя, пока онъ не выкупитъ ее; тоже самое дѣлаютъ и дружки со сватами. Одѣтая подъ вѣнецъ, невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, и выходитъ звать гостей на свадьбу. Возвращаясь домой, она не переступитъ черезъ порогъ хаты, до-тѣхъ-поръ, пока не выйдетъ мать, благословить ее. Въ воскресенье получаетъ невѣста въ подарокъ отъ жениха — фату и желтые сапожки. Одѣтая дружками подъ вѣнецъ, съ такими же обрядами, какъ и въ субботу, отправляется она въ церковь. Тогда *староста*, съ такъ-называемымъ ея *братомъ* (сватомъ), продаетъ ее жениху, или отдаетъ за небольшой подарокъ.

Послѣ вѣнца, мать, передъ хатою, подноситъ новобрачной рюмочку водки, которую она только отвѣдаетъ, и потомъ черезъ голову выливаетъ на всѣхъ; тоже самое дѣлаетъ и *молодой*; и это называется *пропоемъ*.

Посреди пѣсень начинается столованье (обѣдъ). По окончаніи стола встаютъ сваты на пляску, но дружки сидятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ. Тогда всякій, желающій имѣть пару долженъ подарить сколько-нибудь денегъ дѣвушкѣ, приглашенной плясать, и это называется *выкупомъ*. Послѣ того наступаютъ торжественные и старинные обряды, при вносѣ и раздѣлѣ *корова*. По всей Руси нѣтъ свадьбы безъ корова, подобно тому, какъ нѣкогда въ Польшѣ, до XVII вѣка, не могла никакая помолвка обойтись безъ калача. Даже при печеніи корова соблюдаютъ особые обряды и поются пѣсни; а вся собранная семья убираетъ его въ калину, ёлку и цвѣты, по старинной пѣсенкѣ:

Короваю! короваю!
Я тя прибираю,
То въ цвѣтъ, то въ калину,
Зе всю свою родыну,
Зъ близькою, зъ далекою,
Зъ бидною, зъ богатою!

Между особыми обычаями, известными по всей Руси, на Покутья, когда сваты идутъ за короваемъ, невѣсту привязываютъ къ столу. Молодые же паробки (парни), носящіе наименованіе *казаковъ*, представляя жениха и сватовъ, садятся тогда вокругъ нея и не выпускаютъ, доколѣ не выкупится она отъ каждаго изъ нихъ поцѣлуями.

Здѣсь же обрядъ такъ называемыхъ *очепинъ* ту имѣетъ особенность, что совершаютъ его молодицы надъ невѣстою, тотчасъ же по *выводъ* ея изъ церкви, снимая, за церковью, или на дому, съ головы ея вѣнокъ и ленты, и надѣвая на мѣсто ихъ чепецъ или фату; во время чего сидитъ она не на квашнѣ, какъ обыкновенно водится у мазуровъ и въ бѣльшей части Руси, но на колѣняхъ у новобрачнаго.

Столицею Надпрутья, и даже древняго Покутья, по справедливости, слѣдуетъ полагать нынѣ уѣздный городъ Коломыю, получившій свое названіе отъ пѣсни и пляски: *Коломыйки*, которыя тоже самое, что въ Польшѣ *краковяки*. Пляска эта, сопровождаемая припѣвами, не только известна у жителей долины, но и у русскихъ горцевъ — *гуцуловъ*.

Слѣдующіе небольшіе образчики изъ огромнаго собранія этихъ народныхъ русскихъ пѣсенъ легко могутъ дать о нихъ понятіе и точнѣе показать близкое ихъ родство съ польскими краковяками:

Ой! я того дивче люблю, що биле якъ гуся,
Она мене поцолуе, лышь я притулюся.

Я не роба, ты не робъ, не будемъ робыти,
Купимъ сы возычокъ, будемъ ся возыти.

Ты роду великаго, а я нымалого,
Ты любышь жартовати, а я не видъ того.

Ой! хлопчыно, хлопчынонько, такъ есьмы мыленьки,
Якъ у лити, при работи, витрець холоденьки;
Ой! дивчино, дивчинонько, такъ есь мы мылая,
Якъ у лити, при работи, вода студенная!

А съ ночи о пивночи, якъ мисяць минувся,
Ишовъ кривы на залѣты, слипы придивывся.

Уже жъ я ся не дывю чому Марця красна:
Коло неи вчора рано впала зора ясна.
Якъ летила зора зъ неба, тай разсыпалася —
Марця зору позбырала, и затыкалася.

то—есть.

Ой! я ту-то дѣвицу люблю, что бѣла какъ гусь,
Она меня поцѣлуе, чуть только къ ней прижмусь.

Я не работникъ, ты не работница, не будетъ работать,
Купимъ себѣ возочикъ, и станемъ развѣзжать.

Ты роду большаго, не малаго и я;
Ты любишь заигрывать, и я не прочь, въ тебя.

Ой! молодчикъ, молодчинька, такъ ты мнѣ по сердцу,
Какъ лѣтомъ на работѣ вѣтерокъ прохладный;
Ой! дѣвица, дѣвиченька, такъ ты мнѣ мила,
Какъ лѣтомъ на работѣ студеная вода.

По ночи, о полуночи, какъ мѣсяцъ закатился,
Шелъ хромой волочиться, слѣпой удивился.

Не дивлюсь я теперь отчего Марусенька красна,
Подлѣ нея вчера утромъ упала ясная заря,
Летѣла заря съ неба, да и разсыпалася,
Марусенька зари насбирала, да и прикрасилася.

Коломыя также громка своими коломыйками, какъ и древній Краковъ — краковяками; а эту славою не обязана она ни своей огромности, ни великолѣбною, но одной только древности своей и тому предубѣжденію русиновъ дольныхъ и русиновъ-горцевъ, что нѣтъ города въ свѣтѣ лучше Коломыи! — Когда союзныя войска вступили въ Парижъ, находилось тамъ нѣсколько полковъ и изъ галицкой Руси: на сдѣланный имъ вопросъ, какъ имъ нравится Парижъ, они единодушно отвѣчали: *Липше въ насъ въ Коломыи*, то-есть, у насъ лучше въ Коломыи.

Такъ какъ нелегко было найти здѣсь говорящихъ по французски, а было много такихъ, которые очень дурно говорили на этомъ языкѣ, то и вошло въ презрительную пословицу: *французъ коломыйскій!*

До-сихъ-поръ еще есть старожилы, которые помнятъ, какъ этотъ городокъ былъ жалкою деревушкою. Теперь только начинаетъ онъ поправляться; и хотя онъ занимаетъ довольно большое пространство, по внутреннюю красоту никогда не сравнится съ Сохачевымъ. Что же касается до красоты его окрестностей, то онъ превосходитъ многіе города Красной Руси. Отсюда на двѣнадцать миль простирается мощенная камнемъ дорога въ Черновицы, поодаль отъ рѣки Прута, которая, однакожь, довольно часто видится и встрѣчается проѣзжему, словно голубая лента, развѣваемая вѣтромъ. Эти двѣнадцать миль, приковывая взоръ къ рѣкѣ, представляютъ непрерывный садъ: деревня отъ деревни въ самомъ близкомъ разстояніи, дворы прекрасные, почва—плодороднѣйшій черноземъ. Только отъ *Снятыня* замѣчается небольшая разница: деревушки становятся рѣже, и вмѣсто обильной зерномъ пшеницы и

высокой ржи, тянутся обширныя пастбища и поля, засѣянные кукурузою (сорочинскимъ пшепомъ); потому-что она составляетъ главную пищу дольнихъ и нагорныхъ русиновъ. Изъ кукурузы пекутъ они себѣ хлѣбы и лепешки; мелятъ изъ нея муку, употребляемую ими на такъ-называемую *мамалыу* (родъ клецокъ и пряженцовъ), дѣлаютъ изъ нея крупу, и такъ ее ѣдятъ въ настоящемъ ея видѣ, вареную или печеную на угольяхъ, пока она молода. И дѣйствительно, прекрасная и пресытная это пища. Не разъ мнѣ случалось двумя или тремя головками печеной кукурузы утолять голодъ на весь день. Сверхъ-того, головками вымолотой кукурузы растапливаютъ печи и готовятъ на нихъ кушанье, а стебли ихъ чрезвычайно любятъ рогатый скотъ, впрочемъ, пока они не промерзнутъ, ибо тогда они теряютъ всю свою сладость и становятся горькими.

Неурожай этого растенія, что весьма часто случается, наноситъ тяжкое бѣдствіе горцамъ и жителямъ долинъ. Тогда тысячи спускаются съ этихъ сѣжныхъ горъ въ долины искать и скупать кукурузу; дороговизна ея доходитъ иногда до червонца и болѣе за корецъ (хлѣбная мѣра въ тридцать два гарнца). Спекуляторы сразу разживаются; ибо этотъ родъ хлѣба можетъ по нѣскольку лѣтъ сряду храниться въ амбарахъ, не подвергаясь порчѣ, почему въ урожайные годы и складываютъ обильную жатву кукурузы въ такъ-называемыя *кошницы*, и во-время неурожая продаютъ ее тысячами корцевъ, и тысячами собираютъ за нее червонцы.

Къ жителямъ Надирутья принадлежатъ также и армяне, владеющіе землями наравнѣ съ польскимъ дворянствомъ и считающіеся богатѣйшими помѣщиками, потому-что они не роскошничаютъ и не тратятъ денегъ понапрасну, какъ водится это за тамошними поляками, а только живутъ трудомъ, да копятъ себѣ червончики. Со веѣмъ тѣмъ подозрительная Русь не слишкомъ ихъ жалуетъ, и хотя извѣстна вѣрность въ словѣ и честность въ поступкахъ армянъ, русины не перестаютъ однако же употреблять, въ отношеніи ихъ, презрительныхъ приговоровъ.

Торгующіе армяне, при всей своей честности, чрезвычайно осторожны. Встарину, когда поболѣе гнѣздилося въ Карпатскихъ горахъ разбойниковъ, называемыхъ здѣсь *опрышками*, не разъ случалось, что одинъ удалой опрышекъ отважно могъ бросаться вдругъ на нѣсколькихъ купцевъ.

Въ этихъ окрестностяхъ доселѣ слыветъ широко на Руси имя знамени таго разбойника *Дубоша*, который имѣя главное пребываніе на *Черной Горѣ*, разсылалъ повелѣнія, и жители долинъ, съ трепетомъ повинуюсь

могучему предводителю опрышковъ, съ покорностью приносили ему, какъ бы въ дань, все, чего бы онъ ни потребовалъ.

Послѣднимъ пограничнымъ городомъ Покутья *Снятынъ*, древняя крѣпость и главный военный пунктъ соединенія во-время походовъ на несчастную Буковину и Волощину (Валахія). Снятынъ существовалъ еще при Янѣ Ольбрахтѣ : здѣсь отдыхалъ онъ послѣ тяжкаго пораженія, нанесеннаго ему измѣною.

КАЛИНА.

Въ большомъ уваженіи калина, по древнимъ понятіямъ простонародія польскаго и на Красной Руси. Понынѣ еще служитъ она украшеніемъ свадебныхъ русскихъ короваевъ ; понынѣ еще поютъ на берегахъ рѣки Стрыя. Сама калина проситъ сватовъ, чтобы взяли ее съ лугу, потому-что желаетъ украсить коровай.

О калиновыхъ лѣсахъ довольно часто упоминается въ польскихъ и русскихъ пѣсняхъ .

У мазуровъ, при расчесываніи косы невѣстѣ, когда уже сидитъ она на квашнѣ, дружки поютъ обыкновенно :

W kalinowym lesie
Woda kamień niesie.
Maryś na nim stała
Swe włosy czesała;
Co włoszek upadnie,
To woda zagarnie.
Płyńcież moje włosy,
Do matki w rokoszy,
Jak tam przepłyniecie,
Przed wrota staniecie,
Pytajcież odemnie,
Nie lęsniaż bezemnie?

то есть :

Въ калиновомъ лѣсу
Вода камень несетъ;
Марьюшка на немъ стала,
Волосы себѣ чесала.
Что волосокъ упадетъ,

То вода его прибереть
 Плывите жъ волосы мои,
 Къ матушкѣ на радости!
 Какъ приплывете туда
 Остановитесь у воротъ,
 И спросите отъ меня,
 Не тужать ли безъ меня?

Свадебный вѣнокъ отнюдь не можетъ обойтись безъ калины.

Отсюда то и множество свадебныхъ пѣсень, посвященныхъ калинѣ.

Захотила Гануля калыноваго винка,
 И послала батенька за море по калыну,
 Батенька прыизжае,
 Калыно зацвитае.
 — «Эй, калыно! калыно!
 Несчастливая годино!
 Несчастливое зилье
 Непоспило на весилье,
 На той день — на недилю,
 Ганули на виночокъ?
 — «Ой! поспила, поспила,
 Одна квиточка не дозрыла.
 — «Не дозрыло въ садочку
 То дозрые въ виночку:

Пѣсня эта съ береговъ Буга, въ подляхскомъ воеводствѣ; языкъ ея почти чисто малороссійскій; для незнающихъ этого нарѣчія, переведу ее здѣсь по русски буквально:

«Захотѣлось Аннушкѣ калиноваго вѣнка, и послала батюшку за море, за калиною; батюшка прѣзжаетъ, калина ра зцвѣтаеть. — Ахъ! калина, калинушка! несчастная головушка! несчастное зелье не поспѣло на свадьбу; къ тому дню, къ воскресенью; Аннушкѣ на вѣночкѣ. — Ой, поспѣла, поспѣла; одна вѣточка не распустилась. — Не распустилась въ садикѣ, такъ распустится въ вѣночкѣ.»

Часто красоту свѣжаго лица сравниваютъ съ *красною калиною*. Пригожія дѣвушки, приложивъ ее къ своимъ алымъ щечкамъ, спрашиваютъ: такъ ли долго будетъ держаться въ нихъ краска?—какъ на пр. въ этой пѣснѣ, которую поютъ на берегахъ Прута, при свадебныхъ обрядахъ*.

* Совершенно тѣ же самыя пѣсни, какъ относительно мысли, такъ и самой формы, поются на Руси, на берегахъ Прута, Стрыя и Буга.

Пошли калыну дружки рвати,
 Не далось уломати .
 Якъ пишла Ганулейка,
 Наломыла си квиту
 Зъ калынового цвиту,
 Пришла до свитлойки,
 Межи красныя дывойки ;
 Поставила на столойву,
 Противъ своего лыченъка,
 Пыталася батенька :
 — « Чи буду я такая,
 Якъ калынойка тая ? » —
 — Будешь, дetyнойко, будешь,
 Поки у мене будешь ;
 А якъ видъ мене пийдешь,
 Спаде красонка зъ тебе ,
 И зъ тебе молодой
 И зъ косоньки жолтой .

т. е.

Пошли дружки по калину,
 Она имъ не далась ;
 Какъ пошла сама невѣста,
 Нарвала себѣ цвѣтовъ,
 Съ калиновыхъ кустовъ .
 Пришла къ себѣ въ свѣтелку,
 Между красныхъ дѣвиць ,
 Положила на столикѣ,
 Противъ своего личика,
 И спросили батюшку :
 — Буду-ли я такая,
 Какъ калинушка эта ? —
 Будешь, дитятко, будешь,
 Пока останешься при мнѣ ;
 А какъ уйдешь отъ меня,
 То сойдетъ съ тебя красочка,
 И съ тебя молодой,
 И съ косы твоей русой ! —

Такія сравненія не только румянца, но и всей красоты лица, съ калыною въ-особенности любятъ на Руси .

I.

Де ты калыно росла *
 Щось така красна ?

* Съ береговъ рѣки Стрѣля.

Тонька, висока,
Лыстомъ широка!

II.

— У лузи при крышци,
При студенной водыци;
Видъ витру буйнонькаго,
Видъ соньци дрибненькаго.

III.

Десь дивчино росла,
Щось така красна?
— У тата въ холодочку,
При солодкимъ медочку.

то есть

I.

Гдѣ ты калина росла,
Что такая красная,
Тоненькая, высокая,
Съ широкими листьями?

II.

— На лугу у истока,
У студенной водицы;
Вдали отъ буйнаго вѣтра,
Отъ сильнаго солнышка.

III.

Гдѣ ты, дѣвица, росла,
Что ты такъ пригожа?
— У батюшки подъ сѣнью,
На сладкомъ медочкѣ.

Въ самыхъ даже *коломыйкахъ* множество встрѣчается подобныхъ сравненій.

Червена калынонько, чого хиле опускаешь?
Ты молода молодыцо, чого слезы проливаешь!
— Ой! я хиле опускаю, бо мя морозъ натыскае,
Ой, я слезы проливаю, бо лыхою долю маю.
Калынойко матынойко, чемусь незродыла?
Зымка була студенька, та мя зморозила.

Добре було калынойци, той при долинойци,
Добре було дивчинойци, той при матынойци.

то есть

Красная калинушка, что ты вѣтви опускаешь?
Молодая молодуха, что ты слезы проливаешь?
— Охъ! я вѣтви опускаю, морозъ меня нажимаетъ;
— Охъ! я слезы проливаю, злая доля допекаетъ;
Калинушка матушка, чего ты ягодъ не принесла?
Зима была холодная, заморозила меня!

Хорошо было калинушкѣ расти по долинушкѣ,
Хорошо было дѣвицѣ жить при своей матушкѣ.

Хату невѣсты, гдѣ пируется свадьба, украшаютъ руссины въ-особенности калиною, почему и пѣсенка у нихъ поется:

Знати Гануненьку, знати,
Зъ которой она хаты:
Двирь ей обтерненный,
Калыною обсаженный:
А на высочку зелье,
Е въ тымъ дому веселье.

т. е.

«Видно, видно, изъ которой хаты невѣста: дворъ ея покрытъ терномъ, калиною засаженъ, а на вышкѣ зелье — въ томъ домѣ сватьба.»

Калина — любимое растеніе соловья, и въ-особенности посвящена кукушкѣ; потому-что если-бъ на высокомъ курганѣ росли ясень, береза и калина, кукушка всегда предпочтетъ послѣднюю, избирая ее себѣ мѣстомъ для жалобнаго кукованія.

Въ окрестностяхъ рѣки Прута, когда приводятъ невѣсту къ женихову дому, дольная Русь поетъ, чтобъ отгадала мать молодого хозяина, что ему привели, калину ли, малину ли, али молодую невѣсту? А въ доказательство ея дѣвственной непорочности, прибавляютъ, что тамъ она взята, гдѣ калина срублена.

Що жъ мы тоби привили,
Выйди, матычко, погляни:
Ци калыночку, ци малыночку,
Ци молоду невисточку?
А де калына снята,

Тамъ молоденька взята :
 Видь витця, видь маты,
 До молодого хаты :
 Видь великаго роду,
 До богацькаго дому.

то есть.

Что мы къ тебѣ привели,
 Выйди, матушка, погляди :
 Калину ли, малину ли
 Али молодую невѣстуху ?
 А гдѣ калина срублена,
 Тамъ молодуха взята :
 Отъ отца, отъ матери,
 Въ хату молодого,
 Изъ большой семьи,
 Въ богатый домъ !

Калина служила также украшеніемъ гробницъ и могилъ. Умираю-
 щій казакъ такими словами отзывается къ братьямъ своимъ украинцамъ :

Сыпте, братья, сыпте, братья, високу могилу,
 Нехай кажды о томъ знае, що зъ коханя гыну :
 Посадыть ты, мойи сестры, въ головахъ калыну,
 Нехай кажды о томъ знае, що зъ коханя гыну !
 Будуть пташки прилитати, калыноньку йисти,
 Будуть мене приносили видъ мылойи висти.

г. е.

Насыпте, братцы, высокую могилу,
 Пусть всякъ о томъ знаетъ, что гибну отъ любви,
 Посадите, сестрицы, въ головахъ калину,
 Пусть всякъ о томъ знаетъ, что гибну отъ любви !
 Будутъ прилетать птицы, кушать калину,
 Будутъ мнѣ приносить отъ миленькой вѣсти.

Сколько намъ извѣстно изъ старинныхъ преданій Руси и бѣлохротовъ, влюбленныя дѣвушки, умирая до свадьбы, превращались въ калину. Это повѣрье, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ мифологіи языческихъ славянъ: отсюда и теперь еще во многихъ пѣсняхъ и народныхъ рассказахъ встрѣчаемъ, что любовникъ, немогущій получить руки своей возлюбленной, желаетъ ей превратиться въ калину. И это, полагаю, было главною причиною, почему калина сдѣлалась непремѣннымъ

условіемъ свадебныхъ обрядовъ, и столько воспоминаній нашла въ народныхъ пѣсняхъ *.

Русь приписываетъ ей особенную силу и свойство, что будто свѣже-сорванный цвѣтокъ калины, если приложить его къ сердцу, влюбленному до безумія и страждущему отъ любви, тотчасъ умѣряетъ сердечныя страданія и муки. Вѣроятно по этому же повѣрью сложена и слѣдующая пѣсенка Красной Руси:

« Я по садочку хожу,
Цвѣтъ калыну ломаю,
Цвѣтъ калыну ломаю,
До сердца прикладаю,
Бо я дружины не маю.

т. е.

Я по садику хожу;
Цвѣтъ калину ломаю,
Цвѣтъ калину ломаю,
Прикладываю къ сердцу,
За тѣмъ, что друга не имѣю.

Какъ всѣхъ почти отечественныхъ птицъ, такъ и самую калину, русскія пѣсни заставляютъ говорить человѣческимъ языкомъ. Такимъ-образомъ, на древнемъ *Покутѣ*, предъ отъѣздомъ молодыхъ на свадьбу, мы видимъ, какъ калина заступаетъ дорогу почтенному старостѣ (свадебному), и когда онъ добывъ мечъ, начинаетъ ее рубить, она приговариваетъ ему, что «сажена не для него, а для молодой его подружки».

Калина, по народному преданію, убаюкиваетъ сномъ. По всей Руси, какъ и въ Польшѣ, деревенскія женщины употребляютъ калину, какъ извѣстное лекарство отъ кашля.

Наконецъ приписываютъ калинѣ двѣ главныя человѣческія страсти, именно: *гнѣвъ* и *чувствительность*. Она можетъ увлекаться гнѣвомъ и жалостно плакать. Сверхъ-того, служитъ она всегда символомъ скромности и дѣвственной чистоты.

К. П.

* Древнѣйшія польскія народныя пѣсни любовнаго содержанія начинались обыкновенно такимъ сравненіемъ: «Hej! Kalina malina, — Kalina dziewczyna». Что часто повторяется и посреди пѣсни.

II.

ПИСЬМА ИЗЪ ФИНЛЯНДИИ.

Лишь только солнце освѣтило землю, я уже находился на границѣ Финляндіи! Одна рѣчка Сестра, служившая прежде границею между русскими и шведскими владѣніями, отдѣляла меня отъ Великаго-Княжества. Я остановился передъ мостомъ и не рѣшался переѣхать въ дикую и суровую Финляндію. Мнѣ казалось, что я переселяюсь въ другой міръ, въ міръ баснословный!

Я взглянулъ назадъ: предо мною возвышалась гора, поросшая березками, а между ними пролегла дорога, по которой я проѣхалъ; взглянулъ впередъ: и увидѣлъ также гору и дорогу, но гладкую, какъ паркетъ.

Я приказалъ ямщику ѣхать далѣе. Онъ привсталъ, ударилъ по лошадямъ и.... я очутился въ Финляндіи. За рѣкой картина перемѣнилась. Въмѣсто курныхъ избъ Финновъ до-рѣчныхъ, я увидѣлъ довольно хорошенкѣе домики, принадлежащіе Финнамъ зарѣчнымъ.

Дорога за рѣкой, какъ я уже сказалъ, была прекрасная, и потому я скоро доѣхалъ до первой финляндской станціи: Раяйоки (Rajaioki), что значитъ по-русски: *на границѣ*. Станціонный смотритель подалъ мнѣ книгу, называемую Дагбокъ (Dagbok), въ которой каждый проѣзжій долженъ записывать свое званіе, чинъ, фамилію, откуда, куда и на сколькихъ лошадяхъ онъ ѣдетъ.

На каждой страницѣ этой книги оставлена графа, въ которую путешественники записываютъ того, кто оскорбилъ ихъ или неучтиво обращался съ ними, начиная отъ послѣдняго ямщика до станціоннаго смотрителя. За оскорбленіе или грубость финляндскіе законы разыскиваютъ очень строго.

Раййоки, станція маленькая и старая, а потому снаружи не очень привлекает путешественниковъ. Станціонный смотритель здѣсь русскій*. Все зданіе состоитъ изъ пяти довольно чистыхъ комнатъ; въ одной изъ нихъ живетъ семейство смотрителя, слѣдующія три служатъ для ночлега путешественникамъ, а пятая—общая пассажирская, которая вмѣстѣ замѣняетъ и контору. По стѣнамъ этой комнаты развѣшаны таблицы на трехъ языкахъ: шведскомъ, финскомъ и русскомъ. Одна таблица содержитъ въ себѣ правила, какъ для проѣзжихъ, такъ и для станціоннаго смотрителя; другая расчетъ прогонныхъ денегъ; а третья таку съѣстныхъ припасовъ, но она служитъ болѣе для украшенія стѣны, чѣмъ для употребленія. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ очень строги, какъ на примѣръ: «никто, за исключеніемъ крайней надобности, не въ правѣ требовать лошадей и отправляться въ путь во-время богослуженія въ воскресные дни.» Это даетъ намъ выгодное понятіе о Финнахъ, которые въ самомъ дѣлѣ очень набожны. Несмотря на разстояніе, отдѣляющее хижины ихъ отъ церкви, здѣшній селянинъ никогда не пропуститъ случая послушать простую и понятную для него проповѣдь пастора. Кому же старость или болѣзнь не позволяютъ присутствовать въ церкви, тотъ поетъ псалмы дома, по книгѣ. Какъ часто, даже въ окрестностяхъ Петербурга, случалось мнѣ видѣть мальчиковъ и дѣвочекъ, читающихъ по цѣлымъ часамъ священное писаніе своимъ старымъ и слѣпымъ дѣдамъ. Пасторы требуютъ отъ своихъ прихожанъ, чтобы каждый изъ нихъ умѣлъ по крайней-мѣрѣ читать, и поставляютъ имъ это въ обязанность вѣры.

Хваля вообще Финновъ за набожность, я нахожу въ нихъ еще другія хорошія качества: добродушіе, услужливость, примѣрную честность и даже безкорыстіе, при крайней бѣдности. Правда, иногда попадаются и между ними такіе, которые въ высшей степени лѣнны и любятъ предаваться горячимъ напиткамъ, но болѣею частію, эту привычку имѣютъ тѣ Финны, которые живутъ ближе къ городамъ. Отличительныя свойства Финновъ безпечность, а частію и неопрятность.

Мѣстоположеніе около этой станціи довольно живописное; кругомъ высокія горы, на которыхъ тамъ и сямъ построены хижины. Такъ-какъ Петербургъ недалекъ, то здѣшніе Финны возятъ туда свои произведенія, и потому богатѣютъ.

Въ тотъ же день я отправился далѣе. Русская тележка смѣнилась двухколесною таратайкою, называемою раткою. Меня повезъ не русскій

* Всѣ станціонные смотрители до г. Выборга русскіе.

ямщикъ, а бѣлокурый, сѣроглазый Финиъ. Въ его бѣлыхъ, какъ сло-
новая кость, зубахъ торчала коротенькая трубка. За поясомъ, кото-
рымъ была стянута его полосатая куртка, заткнутъ былъ ножъ и ро-
жокъ съ нюхальнымъ табакомъ. Съ удивительною ловкостію держался
онъ на краю таратайки и иногда покрикивалъ на своихъ маленькихъ
рыжихъ лошадокъ *, которыя мчали меня, подобно вихрю, по гранитно-
му шоссе, ловко избѣгая камней, которыя все чаще и чаще встрѣча-
лись по обѣимъ сторонамъ дороги.

Я завернулся въ шинель и погрузился въ мечты, но скоро звуки
свирѣли вывели меня изъ задумчивости. Я увидѣлъ, у подножія горы,
безпечно сидящаго Финна и пасущаго стадо. Онъ съ удивительною важ-
ностію надувалъ свою свирѣль, звуки которой раздавались между ущель-
ями и повтораились эхомъ горъ.

Мимо меня мелькали высокія горы, непроходимые лѣса, въ кото-
рыхъ иногда слышался вой волка; поля, хижины, и все это было мнѣ
такъ ново, такъ непохоже на родное, что мнѣ казалось, будто я пере-
несенъ въ другое царство.

Я приблизился къ станціи Кивинебъ, и увидѣлъ финскую церковь,
гордо возвышавшуюся на горѣ. Лучшаго мѣста Финны не могли выбрать
для Божьяго храма. Съ дороги видъ этой церкви производитъ порази-
тельный эффектъ.

За станціею Кивинебъ, верстахъ въ четырнадцати, находятся рус-
скія селенія. Когда я въ нихъ вѣхалъ, то мнѣ показалось, что я опять
на родинѣ: здѣсь я опять услышалъ родной языкъ. Чѣмъ ближе я подъ-
ѣзжалъ къ Выборгу, тѣмъ разнообразнѣе становилась дорога. Мнѣ на-
чали попадаться дачи. Дачи эти очень просты, но поставлены на хоро-
шихъ мѣстахъ; онѣ построены по бѣльшей части на возвышенностяхъ.
Около Выборга дачи эти довольно часты. Но вотъ мелькнули вдали
древняя башня и нѣсколько шпилей. Это г. Выборгъ, древняя столица
южной Финляндіи.

Влѣво и вправо разстилаются два предмѣстья, состоящія изъ низень-
кихъ деревянныхъ домиковъ, между которыми возвышается каменный го-
спиталь въ два этажа.

Солнце бросало послѣдніе лучи на землю, и морской заливъ обле-
кался тучами, когда я вѣхалъ въ городъ. Стража потребовала мой

* Лошади у финновъ бываютъ бѣльшею частію рыжія.

паспортъ, но черезъ минуту онъ былъ мнѣ возвращенъ, и ратка закрыгала по мостовой. Скоро остановился я передъ гостинницею, подъ вывѣскою: *Hotél de Sociéte*. Содержатель этой гостинницы, нѣмецъ, встрѣтилъ меня очень ласково и отвелъ мнѣ особый номеръ; сейчасъ распорядился, чтобы мой чемоданъ былъ перенесенъ, и успѣлъ, между прочимъ, рассказать мнѣ, что въ домѣ гостинницы находятся: ратуша, полицейская управа и зала, въ которой совѣщаются господа члены земскаго суда.

Окрестности Выборга очень разнообразны. Первое мѣсто между ними занимаетъ помѣстье барона Николая, которое находится въ двухъ верстахъ отъ города.

Баронъ Николай пріѣзжаетъ въ свое помѣстье только на лѣто, для отдыха, и потому это имѣніе носитъ названіе: *Mon-géros*.

Помѣстье это можетъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ, по красотѣ своего мѣстоположенія. При немъ находится огромный паркъ, въ которомъ по воскреснымъ днямъ гуляетъ публика, состоящая болѣею частію изъ пріѣзжихъ, которые, осматривъ водопадъ Иматру, нарочно заѣзжаютъ въ Выборгъ, чтобы полюбоваться этимъ паркомъ, заслуживающимъ вполне вниманіе всякаго путешественника. Подобнаго сада нѣтъ во всей Финляндіи. Во-первыхъ: вы въѣзжаете въ большія ворота, изукрашенныя гербами владѣльца, а потомъ по береговой аллеѣ проѣзжаете до площадки, гдѣ обыкновенно оставляютъ свои экипажи и отправляются въ садъ пѣшкомъ. Первое, что вы увидите, это домъ, или лучше сказать, замокъ барона, построенный на возвышенности. Къ дому ведетъ лѣстница, обставленная съ обѣихъ сторонъ рѣдкими растеніями. Далѣе виднѣется капелла, построенная въ готическомъ вкусѣ, гдѣ схоронены предки барона. Съ правой стороны два обелиска, воздвигнутые въ честь родственниковъ барона, павшихъ на полѣ брани въ отечественную войну. Здѣсь въ праздничные дни играетъ музыка, нанимаемая хозяиномъ сада. Прямо отъ этихъ обелисковъ идетъ аллея къ отшельническому домику, построенному изъ березы, съ соломенною крышею, на которой виситъ старый колоколь. Во внутренности этого домика только одна комната, мебель ея состоитъ изъ кровати, стола, на которомъ стоитъ распятіе, и простой лавки. Отъ этого домика проведена тропинка къ каменному обвалу, представляющему ворота, подъ которыми могутъ пройти пять человекъ въ рядъ, не мѣшая другъ другу. Вышедши изъ воротъ, вы увидите на гранитномъ пьедесталѣ большую фигуру, изображающую финскаго бога поэзіи Вейнемёне, держащаго въ рукахъ лиру; вокругъ этой статуи поставлены скамейки. Здѣсь кончается одна часть сада, и потому перейдемъ къ другой.

Отъ дома барона тянется большая аллея къ бесѣдкѣ, построенной въ китайскомъ вкусѣ. На крышу этой бесѣдки ведетъ лѣстница, и если взойти на верхъ, то оттуда можно разглядѣть весь садъ. Во внутрь этого строенія никого не впускаютъ. Недалеко отъ описаннаго мною мѣста находится бельведеръ, съ высоты котораго видѣнь не только садъ, но и самый городъ съ его окрестностями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бельведера находятся оранжереи съ разными фруктовыми деревьями и рѣдкими растеніями, которыя баронъ выписывалъ изъ дальнихъ странъ за большія деньги. Подлѣ оранжереи выстроены конюшни, гдѣ стоятъ около ста лошадей верховыхъ и упряжныхъ. Весь садъ обведенъ красивымъ заборомъ, подлѣ котораго растутъ молодые акаціи.

Въ этомъ саду есть ключъ, который течетъ изъ мраморной пасти льва, сдѣланной подъ чугунною крышею. Вода изъ этой пасти течетъ въ большой мраморный бассейнъ, а оттуда чрезъ трубу стекаетъ въ озеро. Около этого мѣста, на большой скалѣ, стоитъ маленькій домикъ съ тремя комнатами, изъ которыхъ въ средней по стѣнамъ развѣшаны виды парка. Въ другихъ двухъ комнатахъ стоятъ пять креселъ прадедовъ хозяина и столъ, также старинной работы.

За Mou-géros, по своей достопримѣчательности, слѣдуетъ Сарилла (Sarilla), имѣніе графини Стевень-Стейхель, по дорогѣ въ Иматру. Это имѣніе принадлежитъ къ числу лучшихъ во всей Финляндіи. Графиня занимается хозяйствомъ съ большимъ стараніемъ и знаніемъ дѣла, и потому у нея все въ наилучшемъ порядкѣ. Лошади ея, которыхъ у ней штукъ пятьдесятъ, считаются лучшими во всей Финляндіи и замѣчательны тѣмъ, что онѣ всѣ рыжей масти. Стада у графини также превосходны. Оранжереи же соперничаютъ съ оранжереями барона Николая.

Потомъ слѣдуетъ имѣніе графа Толетаго, Марковилла (Markovilla), по той же дорогѣ. Это имѣніе также хорошо устроено и замѣчательно тѣмъ, что чрезъ озеро, находящееся въ этомъ имѣніи, роется каналъ, для того, чтобы его дѣлать судоходнымъ.

Наконецъ есть еще одно замѣчательное мѣсто въ окрестностяхъ Выборга. Это Казакъ-камень, стоящій на перекресткѣ дорогъ: фридрихсгамской, выборгской и вильманстрандской. Видъ съ этого камня очень живописный. Весь Финскій-заливъ и окружныя помѣстья видны, какъ на ладони. Преданіе рассказываетъ, что этотъ камень получилъ названіе Казака-камня по слѣдующему случаю: когда Императоръ Петръ I завоевалъ Выборгъ и войско его нуждалось въ съѣстныхъ припасахъ, подвоза которыхъ ожидали съ Финскаго-залива, Императоръ взшелъ на этотъ камень, и внимательно смотрѣлъ на Финскій-заливъ. Какой-то шведъ,

скрывавшійся въ лѣсу, прицѣлился въ Императора, но казакъ, стоявшій подлѣ государя и видѣвшій, что шведъ цѣлится, заслонилъ его собою, и принялъ пулю въ собственную грудь. Вѣковѣчный памятникъ великаго патриотическаго дѣла, невнесеннаго въ исторію!

Финны, какъ народъ еще несовсѣмъ просвѣщенный, плохо понимаютъ силы природы, т. е. надѣются на то, на что нельзя надѣяться; ищутъ утѣшенія тамъ, гдѣ его нѣтъ; боятся того, чего не слѣдуетъ бояться; а болѣзни думаютъ вылечивать заговорами; однимъ словомъ, они суевѣрны до крайности.

Недавно еще я видѣлъ, какъ одного финна, который вывихнулъ ногу, окуривали можжевельникомъ, и говорили кабалистическія слова. Гаданія у финновъ имѣютъ важное значеніе, и чтобы доказать, какъ они суевѣрны, я приведу здѣсь одинъ примѣръ: Лѣтъ двадцать назадъ жилъ въ Выборгѣ молодой финнъ. Онъ ничему не учился, кромѣ паханія полей. Насталъ новый-годъ и юноша отправляется подъ окна своего сосѣда, чтобы подслушать, что тамъ говорятъ. Онъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ, что какая-то дѣвушка читаетъ книгу старику. Финнъ приложилъ ухо къ окну, и услышалъ, что дѣвушка читаетъ священное писаніе. Этого было достаточно, и мальчикъ сказалъ: я буду пасторомъ! и этотъ случай возбудилъ въ немъ такое желаніе учиться богословію, что въ-послѣдствіи онъ сдѣлался пасторомъ, и теперь всѣми уважаемъ.

Когда у какого-нибудь финна родится ребенокъ, то отецъ беретъ молитвенникъ и благословляетъ имъ новорожденнаго. Въ первое, затѣмъ, воскресенье отецъ везетъ ребенка въ церковь, гдѣ пасторъ креститъ младенца. Отецъ даритъ за это пастора деньгами или, если бѣденъ, произведеніемъ своей работы. Вечеромъ сзываетъ онъ знакомыхъ, и тутъ у нихъ начинается веселье: питье и танцы.

На воспитаніе дитяти до семилѣтняго возраста не обращаютъ никакого вниманія, и потому ребенокъ дѣлается грубымъ и пріучается сносить разныя нужды. Съ семи лѣтъ учатъ его читать и быть полезнымъ въ домашнемъ быту. Первая должность, которую занимаетъ финнъ, есть должность пастуха. Когда же онъ подростетъ и сдѣлается сильнѣе, то его уже учатъ косить и пахать, и тогда онъ помогаетъ отцу. Съ семнадцати лѣтъ онъ ходитъ въ опредѣленное время къ пастору учиться священному писанію, потомъ онъ конфирмуется.

Финнъ не имѣетъ права вступать въ бракъ ранѣе двадцати, а финника ранѣе семнадцати лѣтъ. Исключеніе для дѣвушки допускается только въ такомъ случаѣ, если она сирота.

Свадьбы Финновъ очень схожи съ нашими и только нѣкоторые обряды составляютъ отличіе. Полюбивъ дѣвушку, молодой Финнъ объясняется ей въ любви, и по взаимному ихъ согласію, они просятъ благословенія у родителей. Если родители согласны, то съѣзжаются и сговариваются, послѣ этого бываетъ обрученіе, называемое по-фински кихъ-ялайси (Kihjalaisi). Если мужикъ бѣденъ, то самъ идетъ съ невѣстою въ городъ и тамъ вѣнчается въ церкви. Если же онъ богатъ, то приглашаетъ пастора къ себѣ, и тогда пасторъ остается на пиру у молодыхъ.

У финновъ есть обыкновение, чтобы пасторъ разрѣзалъ жаркое, во время свадебнаго ужина. По окончаніи пира молодая, въ знакъ покорности и въ знакъ того, что она подчинена мужу, должна снять съ него сапоги и кафтанъ. Приэтомъ присутствуютъ все гости. Молодой даритъ свою супругу платкомъ или матеріею на платье, а она его рубашкою.

Если же невѣста бѣдна, то она идетъ съ матерью въ ближайшій городъ просить помощи, и всегда въ каждомъ домѣ что-нибудь да получаетъ.

Похороны у финновъ очень просты. Если кто-нибудь умретъ, то старшій въ семействѣ беретъ молитвенникъ и благословляетъ имъ умершаго. По прошествіи трехъ дней запрягаютъ въ телегу пару лошадей и отвозятъ покойника на кладбище. Вокругъ гроба садятся носильщики и родные, и во-время всей дороги они поютъ псалмы. На кладбищѣ ихъ ждетъ пасторъ, потому-что въ Финляндіи постановлено хоронить только два раза въ недѣлю: по средамъ и воскресеньямъ. Пасторъ всегда говоритъ надгробную рѣчь, и послѣ этого опускаютъ гробъ въ землю. Если покойники, привезенные въ церковь, бѣдны, то ихъ опускаютъ въ одну общую могилу и надъ нею ставятъ крестъ.

Финны имѣютъ обыкновение, вмѣсто памятниковъ, вѣшать на деревьяхъ, растущемъ предъ кладбищемъ, дощечки съ надписью: кто, когда родился, когда умеръ и сколько лѣтъ жилъ.

Е. А.....ъ.

ПОТОМОКЪ ГОГЕНГАУЗЕНА.

(Разсказъ изъ путевыхъ впечатлѣній).

Однажды, минувшимъ лѣтомъ, провелъ я день на дачѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга. Красивое мѣстоположеніе, отличный садъ, съ одной стороны взморье, съ другой роща, холмики и долины и при этомъ чудная погода, все — обѣщало мнѣ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ дней, о которыхъ долго съ удовольствіемъ вспоминаешь. Хозяинъ — пожилой весельчакъ, хозяйка — добрая жена, добрая мать, и умная, пріятная женщина, сынъ ихъ, молодой человѣкъ образованный и скромный, и двѣ милыя дочери, разцвѣтшія, какъ розы, живыя, какъ сама жизнь, умныя, какъ мать ихъ, и веселыя, какъ отецъ, были притягательною силой для собиравшагося у нихъ общества. Гостей было немного, всего восемь человѣкъ, но этотъ небольшой кругъ былъ такъ разнообразенъ, что удовлетворилъ бы вкусу самаго строгаго наблюдателя.

Утро непримѣтно у насъ пролетѣло. Мы гуляли по садамъ и окрестностямъ, катались по заливу, и между-тѣмъ шутили, смѣялись, и не видали, какъ подоцѣль срокъ обѣда. Погода съ утра была ясная, но мы еще не успѣли встать изъ-за стола, какъ небо вдругъ стемнѣло, тучи надвинулись густымъ, чернымъ слоемъ, и громъ началъ гремѣть издали. Спустя нѣсколько минутъ, наступила со всею свитою, какъ водится, гроза, и гроза самая шумливая: молніи заблестали со всѣхъ сторонъ, громъ на раздольѣ прокатывался по воздушному пространству, гонимый вѣтромъ дождь полилъ, какъ изъ ведра. Нечего было и ду-

мать о вечерней прогулкѣ, потому—что небо кругомъ обложилось густыми тучами и обѣщало ненастье, по—крайней—мѣрѣ, часовъ на пять.

Гостямъ разѣхаться не было никакой возможности.

Въ домѣ, къ удовольствію однихъ и крайнему прискорбію другихъ, картъ не бывало и въ поминѣ, кромѣ одной, старой засаленной колоды, которою старушка няня раскладывала *гран-насьянсъ*. Хозяева сами остались въ гостиной, и тѣ изъ гостей, которые любили уснуть послѣ обѣда, на этотъ разъ посовѣстились зѣвать и дремать. Разговоръ шелъ одна—кожъ въ тактъ съ грозой, или лучше сказать, въ промежуткахъ громоуныхъ ударовъ, какъ въ мелодрамѣ между музыкой. Всѣ, особливо молодыя дѣвицы, поминутно вставали и подходили къ окнамъ, полюбоваться, какъ молніи яркими стрѣлами бороздятъ по тучамъ и какъ крупный дождь сѣчетъ въ стекла. Не было и надежды скоро раздѣлаться съ грозой: одна туча смѣняла другую, одинъ громъ отдалялся, другой заступалъ его мѣсто; за мелкимъ дождемъ шелъ другой посильнѣе. Такимъ—образомъ время длилось до вечера.

— Какъ весело теперь стоять на вахтѣ! сказалъ одинъ морякъ: особливо, когда паруса всѣ убраны и когда спрятаться можно развѣ подъ ванты или подъ гротъ—бомъ—брамъ—брассъ.

— Хорошо и пѣхотному офицеру на походѣ, подхватилъ молодой гвардеецъ, сынъ хозяевъ: особливо, если идешь не по петергофскому шоссе, а по—какой—нибудь проселочной дорогѣ. Промочить тебя до костей, и ноги уходятъ въ грязь по колѣно.

— Да незавидно и кавалеристу, примолвилъ одинъ уланъ, покручивая усы свои, сверху тоже, что и вамъ, господамъ пѣхотинцамъ, а снизу того и жди, что лошадь или увязнетъ, или поскользнется и отпечатаетъ формы твои въ вязкой глинѣ.

— Я помню одну такую грозу, заставшую меня въ дорогѣ во время путешествія по Германіи, — сказалъ одинъ неутомимый охотникъ путешествовать и рассказывать, смотрѣвшій въ окно и обернувшійся къ намъ съ скромною улыбкою самодовольствія. Гроза и повѣсть о привидѣніяхъ, которую я слышалъ велѣдъ за нею, слились въ мысляхъ моихъ съ развалинами стараго замка, который я видѣлъ въ тотъ вечеръ и всю ночь тревожили меня самыми странными и непонятными снами.

— Ахъ! расскажите намъ повѣсть о привидѣніяхъ! подхватила—хозяйка, желая чѣмъ—нибудь занять гостей своихъ.

— Повѣсть о привидѣніяхъ! повѣсть о привидѣніяхъ! вскричали дѣвицы, а за ними и всѣ гости, почти въ одинъ голосъ.

Путешественникъ подвинулъ кресла къ круглому столику, за которымъ сидѣли дамы; сѣлъ, обвелъ глазами все общество, какъ-будто желая измѣрить на лицѣ каждого слушателя степень вниманія, какую онъ готовилъ для чудной повѣсти, потомъ очистилъ голосъ протяжнымъ — гмъ! гмъ! и началъ свой разсказъ:

«Лѣтъ нѣсколько тому, возвращался я изъ Франціи въ Россію, чрезъ Месъ, Сарбрюкъ, Майнцъ... и такъ далѣе. У меня была крѣпкая, легкая и укладистая коляска, со мною веселый товарищъ, французъ, отставной капитанъ наполеоновской гвардіи, ѣхавшій въ Россію попытать счастья и употребить въ пользу свѣдѣнія и дарованія свои въ томъ званіи, которое онъ называлъ *л'утчишитель*. Онъ... позвольте мнѣ въ короткихъ словахъ разсказать о немъ». И не дожидаясь согласія слушателей, разсказчикъ мой продолжалъ:

«Онъ облетѣлъ почти всю Европу за Наполеоновыми орлами; прошелъ даже Россію до Москвы, но оттуда насилу унесъ голову съ малыми остатками великой арміи. Часто, въ коляскѣ, для прогнанія скуки, спорилъ онъ со мною о минувшемъ, приписывалъ самолюбиво поражение французской арміи трескучимъ морозамъ, и со всею французскою самонадѣянностію увѣрялъ меня, что знаетъ въ совершенствѣ по-итальянски, по-испански и по-нѣмецки, и вѣроятно только зная, что я русскій, не прибавилъ къ тому и русскаго языка. Впрочемъ, хотя онъ и выговаривалъ *икъ макъ* (*ich mache*) и *макензи* (*machen sie*), но все-таки немного лучше зналъ нѣмецкій языкъ, нежели тѣ изъ его земляковъ, которые въ прошлую войну на каждой квартирѣ твердили добрымъ нѣмцамъ: *камрадъ! манжиръ, бювиръ, дормиръ, шиктъ репондиръ!* и сердились, что нѣмцы ихъ не понимали. Мой товарищъ могъ, по-крайней-мѣрѣ, выразумѣть, что ему говорятъ, а при нуждѣ, и самъ сказать нѣсколько понятныхъ словъ... Да не о томъ дѣло; чувствую, что я слишкомъ заболтался о своемъ товарищѣ...

— Ничего, продолжайте: я все слушаю, хотя признаться и не очень понимаю нѣмецкаго-то! сказалъ очень простодушно одинъ пожилой и добрый провинціалъ.

Все засмѣялись, а путешественникъ, нимало не смутясь, первый захохоталъ отъ всего сердца. Отдохнувъ послѣ смѣха, онъ началъ разсказывать далѣе:

Кто переѣзжаетъ французскую границу и вступаетъ въ Германію, тотъ съ первыхъ шаговъ замѣчаетъ крайнюю перемену въ способѣ переноситься съ мѣста на мѣсто, и невѣроятную разницу между почтальонами французскими и нѣмецкими. Первые, въ огромныхъ своихъ бот-

фортахъ, иногда въ плащикѣ сверхъ куртки и вообще съ неслишкомъ опрятною наружностью, перепрягаютъ въ три минуты, мигомъ вспрыгиваютъ въ стремена, хлопаютъ бичемъ, — и маршь—маршь хорошею рысью, съ горки на горку; а если дать имъ порядочный *roug-boige*, сверхъ положеннаго по почтовой книжкѣ, то понесутъ тебя на крыльщикахъ, точно, какъ русскіе ямщики. Нѣмецкіе почталыоны одѣваются чисто, играютъ на рожкахъ, зато невозмутимая ихъ флегма и несносный *лангзамъ* истомляетъ путешественника до послѣдней степени. Съ ними, кажется, лопнетъ терпѣніе самаго записнаго стойка. Такъ, сердясь и бранясь, я и товарищъ мой проѣхали съ ними отъ Гамбурга до Кайзерслаутерна; но ни брань, ни ласки, ни увѣщанія, ни гладкое шоссе, по которому можно бы катиться, какъ по маслу, ни прибавка *тринк-гельда*, ничто не шевелило закоснѣлыя сердца нашихъ мучителей. Погода стояла прелестная во всю нашу дорогу отъ Парижа до краснаго городка Кайзерслаутерна, — краснаго въ самомъ буквальномъ смыслѣ, ибо все дома его построены изъ самороднаго краснаго камня. Но когда мы оттуда выѣхали, то замѣтили, что тучки начали набѣгать, и послышался въ сторонѣ громъ. Какъ на зло, и лошади попались намъ лѣнивѣе, и почталыонъ упряме обыкновеннаго. Сколько мы ни толковали съ нимъ — все понапрасну! Онъ поминутно вставалъ съ сѣдла, заходилъ то пить пиво, то закуривать трубку, — оставался въ шинкахъ по четверти часа и болѣе, а чтобы свободнѣе курить табакъ, не садился на лошадь, а шелъ пѣшкомъ подлѣ коляски, и на все наши увѣщанія, только твердилъ: *Kommen schon an zur rechten Zeit!* «Ужъ не безпокойтесь, пріѣдемъ въ свое время!» Лошади, какъ будто условясь съ нимъ, шли съ ноги на ногу, опустя головы и хлопая ушами, какъ ослы, тогда, какъ дорога была истинно прекрасная. Между-тѣмъ, небо мрачилось часъ отъ часу все болѣе, громъ раскатывался сильнѣе и сильнѣе, молніи змѣйками завивались надъ нашими головами, а съ послѣдней станціи началъ накрапывать дождь. Онъ постепенно усиливался, и спустя полчаса, зашумѣлъ такимъ же ливнемъ, какъ сегодняшній. Нечего было дѣлать! Мы хоть и великіе любители сельской природы, то-есть, любители отъ бездѣлья зѣвать по сторонамъ на горы и доли, — принуждены были закутаться въ коляскѣ, чтобъ не промокнуть до послѣдней нитки. Дождевые потоки текли со шляпы на спину бѣднаго почталыона. Скоро дождь наскучилъ мнѣ и началъ выводить изъ терпѣнія моего товарища. «*Oh, quel climat!*» ворчалъ онъ, сердясь ни за что, ни про что на благословенный климатъ средней Германіи.

Однакожь гроза не унималась, не смотря на заклинанія моего

француза. Громъ какъ-будто спорилъ съ гнѣвыми его междометіями и на стрѣзъ перерывалъ длинные періоды, въ которыхъ онъ честилъ и климать и почталыоновъ нѣмецкихъ. Наконецъ, уставъ сердиться и видя, что громъ трудно перекричать, французъ мой сперва замолчалъ, потомъ началъ насвистывать народную пѣсню, потомъ зѣвать и потягиваться, а въ заключеніе всего задремалъ. При каждомъ ударѣ грома, онъ вздрагивалъ, выглядывалъ полусонными глазами въ оконце, ворчалъ по нѣскольку словъ, и снова голова его упала на сафьянную подушку коляски, и снова качалась и свѣшивалась на грудь, такъ, что носъ его чертилъ дуги и кривыя линіи на воротникѣ запыленного фрака. Что до меня, я не могъ заснуть, частію оттого, что изъ самолюбія не хотѣлъ подражать французу; частію же оттого, что не люблю спать при огнѣ и стукѣ; а молнія свѣтила намъ почти безъ промежутковъ, и громъ прерывался только громомъ, притомъ же дождь стучалъ со всѣхъ сторонъ въ коляску. Такъ, сидя и мечтая, чрезъ нѣсколько часовъ замѣтилъ я, что мы начали подниматься въ гору; я выглянулъ въ окно, и увидѣлъ, что гора, на которую мы ѣхали, покрыта густымъ, столѣтнимъ лѣсомъ, а на вершинѣ ея стоитъ древній, полу-развалившійся замокъ. Эта вершина выдавалась круглымъ холмомъ изъ середины лѣса, и только узкая, почти заглохшая тропинка вела къ замку. Онъ былъ огроменъ: уцѣлѣвшія стѣны съ круглыми пробоинами, башни, зубцы и другія вычурныя среднихъ-вѣковъ показывали, что онъ принадлежалъ какому-нибудь знаменитому владѣльцу временъ рыцарскихъ. Я толкнулъ моего товарища и указалъ ему на замокъ. Французъ протеръ глаза, смотрѣлъ долго со вниманіемъ по направленію моего пальца, и кончилъ свои наблюденія протяжнымъ: *Tien!* Въ это время вѣзжали мы въ мѣстечко Гельнгаузенъ, лежащее на половинѣ горы, въ весьма живописномъ мѣстоположеніи. Почталыонъ нашъ, видя конецъ своихъ страданій, приставилъ мокрый рожокъ къ мокрымъ губамъ, и, *какъ лебедь на водахъ Меандра*, изъ всей силы заигралъ послѣднюю свою пѣсню; лошади вторили ему веселымъ ржаніемъ. Въ такомъ порядкѣ, съ музыкой и аккомпаниманомъ, вѣхали мы въ трактиръ «Золотаго фазана».

«Ловкій, молодой мужчина, съ черными усами и загорѣлымъ, выразительнымъ лицомъ, въ какомъ-то полувоенномъ нарядѣ, отперъ дверцы нашей коляски, и вслушавшись, что мы говоримъ по-французски сказалъ намъ довольно хорошо на этомъ языкѣ привѣтствіе, приглашая войти обогрѣться въ трактиръ. Сходя по измокшей ступенькѣ, я поскользнулся и чуть-было не упалъ. Какая дрянная лѣстница, сказалъ я по-русски. Судите-же о моемъ удивленіи, когда тотъ же

молодой человекъ чистымъ русскимъ языкомъ, немного сбивающимъ на украинское нарѣчіе, спросилъ у меня: «Вы, сударь, изъ Россіи?» Землякъ? вскричалъ я, обрадовавшись. «Нѣтъ, сударь, я полякъ, изъ Познани, но часто бывалъ въ Москвѣ и въ Нижнемъ, и выучился вашему языку».—Какъ же ты сюда попалъ?—«О, сударь! мало-ли куда попадаетъ человекъ на своемъ вѣку: былъ я въ Италиі, и въ Испаніи, и въ Россіи; а нѣмецкую землю такъ измѣрилъ, какъ только можетъ измѣрить лихой уланъ на конѣ своемъ. Теперь служу *гаузъ-кнехтомъ* въ здѣшнемъ трактирѣ». Французъ мой, подслушавъ названія Испаніи и Италиі и радехонекъ случаю выказать свое языкознаніе, началъ дѣлать ему вопросы по-итальянски и по-испански; но полякъ, не запинаясь, отвѣчалъ ему на обоихъ языкахъ горозде чище и правильнѣе, такъ, что мой французъ принужденъ былъ ударить отбой, на природномъ своемъ языкѣ, похвальнымъ словомъ ловкости и понятливости поляковъ, прибавя къ тому старую поговорку, что они *сѣверные французы*.

«Насъ ввели въ общую комнату, довольно просторную и очень теплую. Двое проѣзжихъ сидѣли тамъ за особымъ столикомъ и разговаривали въ полголоса, а человекъ шесть жителей мѣстечка, собравшись у большаго стола, за огромными кружками пива и съ трубками въ зубахъ, спорили между собою и чертили пивомъ по столу планъ Люцискаго дѣла. Въ углу, молодая, бѣлокуренькая, пригоженькая нѣмочка сидѣла за рукодѣльемъ, и по временамъ нѣжно взглядывала на статнаго нѣмчика, лѣтъ около двадцати пяти, который, облокотясь на ея стулъ, что-то ей нашептывалъ. Хозяинъ, человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ самымъ добрымъ старо-нѣмецкимъ лицомъ, чинно похаживалъ съ трубкою вокругъ стола, и какъ-будто при каждомъ шагѣ хотѣлъ приподняться поближе къ потолку, ибо природа покупилаась дать ему ростъ, приличный важной его осанкѣ. На немъ былъ нарядъ особаго покроя, который можно назвать среднимъ пропорціональнымъ между халатомъ и камзоломъ: рукава преширокие, а полы спускались немного пониже колѣнъ. Эта новаго рода туника сшита была изъ ситцу съ большими разводами яркихъ цвѣтовъ, какимъ у насъ обивается мебель, и застегивалась сверху до низу огромными пуговицами. Сѣдоватые волосы нашего трактирщика прикрыты были черной шелковой ермолкой съ огромной кистью. Увидя насъ, хозяинъ подошелъ и преважно поклонился; мы заняли мѣста, и расположившись провести здѣсь ночь, потребовали ужинъ, лучшаго вина и особую комнату, съ двумя постелями.

«Неоспоримая истина, что вино *веселитъ сердце человека*. За бутылкою добраго гохгеймскаго согрѣлось сердце и ожила веселость

во мнѣ и въ моемъ товарищѣ. Хозяинъ, полагая, что мы не простые путешественники, потому — что требуемъ много и конечно заплатимъ хорошо, увивался около насъ, и разъ двадцать величалъ насъ на угадъ, то графами, то князьями, по мѣрѣ того, какъ наши требованія, а его счетъ увеличивались. Я долженъ вамъ признаться, что принадлежу къ числу путешественниковъ *систематическихъ*, то есть, тѣхъ, которые не проѣзжаютъ ни одного мѣстечка, ни одной деревушки, безъ того, чтобы не вывѣдать у перваго встрѣчнаго всей подноготной о мѣстѣ его жительства. Знаю, что многіе называютъ это суетнымъ любопытствомъ людей праздныхъ; но вы не повѣрите, какъ этимъ увеличивается и дополняется сумма свѣдѣній о нравахъ, обычаяхъ, мѣстностяхъ и рѣдкостяхъ проѣзжаемаго края. Такъ и здѣсь, то есть въ Гельнгаузенѣ, пришла мнѣ благая мысль, потребовать другую бутылку гохгеймскаго, поподчивать добраго нашего хозяина, и поразспросить его о томъ о сѣмъ. Онъ не заставилъ долго себя упрасивать. Стаканы и разговоры зазвучали, и въ полчаса мы такъ были знакомы, какъ—будто вмѣстѣ выросли и неразлучно изжили вѣкъ.

— Позвольте познакомить васъ, милостивые государи и знаменитые странствователи, съ первостатейными гражданами здѣшняго мѣстечка, сказалъ намъ хозяинъ, и съ этою рѣчью всталъ и подошелъ къ гостямъ, сидѣвшимъ у стола, за пивными кружками. Мы пошли вслѣдъ за нимъ, чтобъ поближе всмотрѣться въ обычныхъ посѣтителей гостиницы.

— Вотъ высокопочтенный и именитый г. пивоваръ Самуэль Дитрихъ Нессельзаме, продолжалъ трактирщикъ, указывая на перваго изъ нихъ. Пивоваръ, небольшой, плотный мужчина, съ круглымъ и краснымъ лицомъ, съ носомъ, раздувающимся, какъ кузнечный мѣхъ, при каждомъ дыханіи, съ плутовскими глазами подъ навѣсомъ густыхъ, рыжихъ бровей и съ самою лукавою улыбкою, всталъ и поклонился намъ очень вѣжливо.

— Прежде всего, любезный сосѣдъ, сказалъ онъ трактирщику, лукаво улыбувшись: позвольте мнѣ отъ лица общихъ нашихъ друзей, здѣсь находящихся, довести до свѣдѣнія почтенныхъ вашихъ посѣтителей, съ кѣмъ они имѣютъ удовольствіе бесѣдовать въ особѣ вашей.

«Начало много общаетъ, подумалъ я, и взглянувъ на трактирщика, замѣтилъ, что онъ невольно приосанился; но вдругъ, принявъ на себя какой—то видъ принужденнаго смиренія, отвѣчалъ оратору только скромнымъ поклономъ.

— Почтенный хозяинъ здѣшняго дома, продолжалъ хитрый пиво-

варъ, Иоганнъ Готлибъ-Корнелиусъ Штауфъ, смиренная отрасль древней боковой линіи фамиліи Гогенгаузенъ.

«При этихъ словахъ, хозяинъ нашъ, казалось, подросъ на цѣлый вершокъ. Онъ, то потиралъ себѣ руки, то подъ какую-то странною ужимкою хотѣлъ затаить улыбку удовольствія, мелькнувшую на лицѣ его: словомъ, онъ былъ внѣ себя. Наконецъ языкъ его развязался. Онъ со всею благородною скромностью сельскаго честолюбца, сказалъ намъ:

— Точно такъ, милостивые государи! Подъ этой убогою кровлею, въ этомъ, могу сказать, почти рублищѣ, видите вы потомка нѣкогда знаменитаго въ Германіи рода... Голосъ его дрожалъ, и сколько онъ ни усиливался, не могъ докончить этого краснорѣчиваго вступленія.

«Товарищъ мой кусалъ себѣ губы и чуть не лопнулъ отъ смѣха. Чтò до меня, то я удержался, какъ нельзя лучше. Подобныя выходки были для меня не въ диковинку: еще въ Россіи зналъ я не одного заграничнаго нѣмца, который причиталъ себя роднею въ тридцать-сѣдьюмъ колѣнѣ какихъ-нибудь рыцарей Вальтера Габенихтса, или Генриха Барта. Французъ мой, пересилия смѣхъ, спросилъ у меня, что за историческое лицо *Оанстофенъ?* и я въ короткихъ словахъ далъ ему понятіе о Георгѣ Гогенгаузенѣ. Хозяинъ нашъ, въ это время, какъ видно было, искалъ прерванной имъ, отъ сильнаго волненія, нити разговора. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ въ землю, съ самымъ комическимъ выраженіемъ борьбы между смиреніемъ и чванствомъ, къ которымъ примѣшивался какой-то благоговѣйный страхъ. Но чванство взяло верхъ въ душѣ честолюбиваго трактирщика, и онъ вскричалъ торжественнымъ голосомъ:

— Такъ! предки мои были знамениты. Они бесѣдовали съ славными монархами и жили въ замкахъ. Скажу больше, они, только отъ другой линіи, были въ родствѣ съ великими историческими героями, а нѣкоторые даже сами... Но чтò вспоминать о минувшей славл!.. Одинъ изъ нихъ, прибавилъ онъ въ полголоса и робко озираясь: одинъ изъ нихъ былъ владѣльцемъ двадцати замковъ, и теперь еще по временамъ посѣщаетъ земное жилище своихъ потомковъ.

— Неужели? сказалъ я, съ видомъ удивленія. Ужъ не тотъ-ли замокъ, чтò здѣсь на горѣ!

— А пргггг, подхватилъ мой товарищъ, скажите г. Штауфъ, чей это замокъ?

— Замокъ этотъ, милостивые государи, отвѣчалъ трактирщикъ: замокъ этотъ построень нѣкогда славнымъ императоромъ Фридрихомъ Барбаруссою, и потомъ принадлежалъ боковой линіи Гогенгаузеновъ. Здѣсь совершались дивныя дѣла, и теперь иногда совершаются... Ино-

гда, говорю; потому—что срокъ уже прошелъ и не скоро придетъ снова.

«Торжественный голосъ, таинственный видъ и загадочные отвѣты нашего трактирщика сильно зашекетали мое любопытство. Я просилъ его рассказать о дивныхъ дѣлахъ замка, и потребовалъ еще нѣсколько бутылокъ гохгеймскаго, на всю честную компанію. Я подѣлялъ къ кружку добрыхъ пріятелей нашего хозяина. Товарищъ мой сдѣлалъ тоже. Бѣлокуренькая нѣмочка подвинула свой стулъ, а статный нѣмчикъ переставилъ ея столикъ съ работою поближе къ намъ.

«Во все это время, трактирщикъ какъ—будто колебался или собирался съ мыслями. Наконецъ лукавый пивоваръ сказалъ: Кчему, любезный сосѣдъ, таить такой случай, которой служить къ чести и славѣ вашего рода, и сверхъ—того извѣстенъ здѣсь цѣлому околотку? Вѣдь оттого васъ ни прибудетъ, ни убудетъ, когда эти иностранные господа узнаютъ то, что все мы давно знаемъ.

— Рѣшаюсь! возгласилъ трактирщикъ, какъ бы въ припадкѣ вдохновенія. Прошу только, высокопочтенные и знаменитые слушатели, снисхожденія къ слабому моему дару и безмолвнаго вниманія, потому, что я какъ—то всегда шутовываюсь, когда у меня перебиваютъ рѣчь.

«Все движеніемъ головъ подали знакъ согласія; и вотъ, сколько могу припомнить, краснорѣчивый разсказъ скромнаго нашего трактирщика.

«Годъ и пять мѣсяцевъ тому, Эрнстъ Германъ, этотъ молодой человекъ, (тутъ онъ указалъ на статнаго нѣмчика) возвратился сюда, окончив курсъ наукъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Вы видите дочь мою Минну (тутъ онъ указалъ на бѣлокуренькую нѣмочку); не въ похвальбу ей и себѣ скажу: умъ и сердце ея ничемъ не уступятъ смазливенькому личику. По смерти матери своей — оставалась она у меня въ рукахъ по одному году. Я самъ старался ее образовать, платилъ за нее старому школьному учителю, наставлялъ ее всемъ добродѣтелямъ и поваренному дѣлу; а чтобы познакомить ее со свѣтомъ и доставить ей пріятное развлеченіе, покупалъ ей все выходившіе тогда романы Августа Лафонтена и гг. Шписа и Коцебу. Вы вѣрно догадываетесь, въ чемъ вся сила? Германъ полюбилъ Минну, Минна полюбила Германа; оба они не смѣли открыться другъ—другу, не только мнѣ или кому—нибудь постороннему; а мнѣ самому, со всею моею догадливостью, и въ голову не приходило, что могла родиться подобная страсть. Дѣло прошлое, а сказать правду, когда старый кистеръ, дядя Германа и школьный нашъ учитель, пришелъ ко мнѣ сватать Минну за своего племянника, обѣщая уступить ему свое мѣсто, — меня это

взорвало. Какъ! вскричалъ я съ досадой: дочь моя, Вильгельмина Штауфъ, отрасль знаменитаго рода Гогенгаузенъ и самая богатая невѣста въ здѣшнемъ мѣстечкѣ, будетъ женою какого-нибудь Эрнста Германа, у котораго все достояніе состоитъ въ надеждѣ на скудное мѣсто деревенскаго учителя! Короче, я отказалъ на отрѣзъ; выдержалъ упреки старика кистера, видѣлъ, какъ Эрнстъ бродилъ по улицамъ, повѣся носъ, подмѣчалъ иногда двѣ-три слезинки на голубыхъ глазкахъ Минны, — и оставался непреклоненъ; слушалъ длинныя увѣщанія сосѣда Нессельзама, — и оставался твердъ, какъ дубъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Минна, изъ румяной и веселой, сдѣлалась блѣдною и грустною; Эрнстъ похудѣлъ, какъ зажигательная спичка, и поглядывалъ изъ-подъ шляпы на наши окна, какъ полуумной. Ничего, думалъ я, время все залечитъ? Тогда мнѣ и не грезилось, какой конецъ будетъ дѣлу.

«Между-тѣмъ, по моему расчету, приближалось роковое двухсотлѣтіе, когда, по преданію, тѣнь послѣдняго рыцаря Гогенгаузена является одному изъ его потомковъ, для устройства фамилныхъ дѣлъ. Сколько мнѣ извѣстно; здѣсь, по близости отъ замка, на лицо изъ всего потомства мужескаго пола былъ только я одинъ. Часто говаривалъ я объ этомъ съ сосѣдомъ Нессельзама, и всегда меня мучило какое-то темное предчувствіе. Сосѣдъ всякой разъ наводилъ рѣчь на то, чтобы я, если Гогенгаузенъ дѣйствительно обратитъ на меня свое вниманіе, выполнилъ все, что онъ потребуетъ и не раздражалъ грознаго предка отказомъ или измѣненіемъ его повелѣній. Я совершенно соглашался съ мнѣніемъ сосѣда, и со страхомъ и надеждою ждалъ часа, когда преданіе должно было повториться.

«Въ одну ночь — это было ровно за три дни до истеченія двухсотъ лѣтъ послѣ послѣдняго появленія Гогенгаузена, легъ я въ постелью раньше обыкновеннаго, чтобъ успокоить мои взволнованныя чувства. Ночная моя лампада бросала съ камина слабый, тусклый свѣтъ. Стѣнные часы пробили полночь, и я, кажется, начиналъ уже дремать. Вдругъ, клянусь вамъ, что я еще не спалъ — вдругъ дверь въ моей комнатѣ тихо и безъ скрипа сама-собою отворилась... Я приподнял голову съ подушки... (Тутъ трактирщикъ робко оглянулся къ двери и взглянулъ на темное окно, и потомъ продолжалъ) Извините, но меня всегда обдаетъ холоднымъ потомъ, когда вспомню про тогдашнія свои приключенія. Однакожь, я не трусь, милостивые государи, я не трусь въ рѣшительныя минуты, и вы скоро это увидите.

«Видали-ль вы на театрѣ, почтенные мои слушатели, тѣнь отца Гамлетова? Я ее видѣлъ въ Лейпцигѣ, на ярмаркѣ; сосѣдъ Нессель-

заме тоже видѣлъ ее. Помнишь-ли, сосѣдь, сколько разъ я съ тобою спорилъ, что тѣни именно такъ ходятъ: ступать одною ногою и послѣ тихо и съ разстановкой приволокутъ къ ней другую, какъ въ мишуэтѣ? Ты еще смѣялся тогда и не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Точно такъ, шагъ за шагомъ, вошелъ ко мнѣ рыцарь, въ черныхъ доспѣхахъ, съ черными перьями; изъ-за черной рѣшетки его шлема торчали курчавыя, черныя бакенбарды, ни дать ни взять какъ у моего *гаузъ-кнехта* Казимира Жартовскаго. Да и ростомъ привидѣніе, кажется, было съ него, не много развѣ пошире въ плечахъ и потолще. Въ лѣвой рукѣ держало оно огромный черный мечъ, въ правой, которую протягивало ко мнѣ, какъ телеграфъ, былъ свертокъ пергамена, перевязанный черною лентою и запечатанный черною печатью. Видя, что я не тороплюсь принять отъ него свертокъ, привидѣніе уронило его на полъ, потомъ медленно опустило руку свою въ черной перчаткѣ, медленно протянуло указательный палецъ, какъ-будто приказывая, чтобы я поднялъ это чудное посланіе. И когда глаза мои, словно заколдованные взглядомъ василиска, слѣдовали за указательнымъ его пальцемъ и остановились на пергаменѣ, и я нагнулся, чтобы поднять его, — привидѣніе вдругъ исчезло, и дверь сама-собою захлопнулась.

«Не скажу, чтобы я сильно испугался, потому-что я не кричалъ и не упалъ въ обморокъ; однако-жь, признаться, мнѣ было жутко: меня то холодъ пронималъ до костей, то бросало въ такой жаръ, что на дыханіи моемъ можно-бъ было зажарить поросенка; духъ захватило и голосу не стало. Такъ провелъ я, безъ сна и почти въ оцѣпенѣніи, всю ночь, до самаго разсвѣта. Утромъ я поуспокоился; тутъ вспомнилъ я о пергаменѣ и наклонился, чтобы поднять его; но въ глазахъ у меня двоилось, словно у пьянаго: я то не дотягивалъ руки до свертка, то перетягивалъ ее черезъ свертокъ; когда же удавалось мнѣ до него дотронуться, то руку мою всякой разъ отталкивало, какъ-будто-бъ я брался за раскаленное желѣзо. Долго я возился со сверткомъ; наконецъ ухватился за него, и пальцы мои съ судорожнымъ движеніемъ къ нему прильнули. Собравшись съ силой, я сорвалъ черную ленту и печать, развернулъ пергаменъ... въ немъ было написано красными чернилами, а можетъ и кровью, кто его знаетъ, но долго, долго писанныя строки сливались въ глазахъ моихъ въ однѣ кровавыя полосы; а когда я началъ вглядываться въ буквы — онѣ, казалось, перескакивали то вверхъ, то внизъ, то двигались, какъ живыя. Я выпилъ стаканъ воды, сѣлъ, отдохнулъ, и потомъ прочелъ слѣдующее посланіе, написанное самымъ стариннымъ почеркомъ, но четкими и крупными буквами:

«Потомку моему въ двадцать девятомъ колѣнѣ, Іоганну Готлибу

Корнелиусу Штауфу, изъ рода Гогенгаузенъ, я Георгъ фонъ Гогенгаузенъ, рыцарь и баронъ, желаю здравія и свидѣтельствую мое почтеніе.

«Черезъ три дни, въ часъ по полуночи, явись въ нагорный замокъ, безъ проводника и фонаря, для полученія моихъ приказаній. Податель сего, бывшій мой оруженосецъ Гансъ, будетъ тебя ожидать у воротъ замка, и введетъ, куда слѣдуетъ. Пребываю къ тебѣ благосклонный твой праотецъ.»

«Подъ этими строками подписано было размахистою рукою: *Георгъ фонъ Гогенгаузенъ*, а внизу письма: годъ, мѣсяцъ и число.

«Посудите, каковъ былъ приказъ! Ступай на свиданіе съ мерт.... съ тѣнью, хотѣлъ я сказать! Но дѣлать было нечего, отказаться нельзя, а еслибъ я и подумалъ не выполнить приказа, то кто знаетъ, сколько у грознаго моего предка запасныхъ средствъ: и пожаровъ, и болѣзней, и смертныхъ случаевъ? Да когда-бъ и самъ онъ вздумалъ навѣстить меня, то ужъ вѣрно не пошутилъ бы со мною за неявку. Тоска залегла мнѣ на сердце; я бродилъ, какъ очумѣлый, унылъ и мраченъ; отказался отъ хлѣба, а за пиво и взялся не смѣлъ. Въ мѣстечкѣ у насъ пошли на мой счетъ шушуканья: одни говорили, что я обанкрутился, что скоро домъ и вся рухлядь пойдутъ у меня съ молотка; другіе, что у меня на душѣ страшное злодѣйство, и что какой-то призракъ съ пламенными глазами и оскаленными зубами поминутно меня преслѣдуетъ; иные твердили, что я ряхнулся или, по-крайней-мѣрѣ, въ бѣлой горячкѣ. Этихъ мыслей, кажется, была и Мивна: она все плакала и грустила, призывала даже доктора, но я его не принялъ и отправилъ его бабочки и еткляночки изъ окна въ помойную яму. Такъ прошло двое сутокъ; наступилъ роковой — третій день. Съ самаго утра заперся я въ своей комнатѣ, не пускалъ къ себѣ ни души; приготовился ко всему, какъ долъ велить доброму и исправному человѣку; написалъ даже духовную, въ которой завѣщалъ Миннѣ все мое имѣніе и заклиналъ ее поддерживать честь знаменитаго нашего рода и славу трактира «Золотаго Фазана.» Сосѣду Нессельзаме я отказывалъ на память мои очки и дюжину добраго рейнвейна, а старому кистеру бутылку самыхъ лучшихъ голландскихъ чернилъ. Въ такихъ хлопотахъ я и не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ. Вотъ тутъ-то мнѣ стало тяжело! Каждый *чикъ* маятника отзывался у меня на сердцѣ, какъ-будто стукъ гробоваго молота, а звонкій бой часовъ слышался мнѣ похоронною музыкою; каждый часъ налегалъ мнѣ на грудь, какъ новыи слой могильной земли. Наконецъ пробило и двѣнадцатъ. Все въ домѣ стихло; нигдѣ ни свѣчки; на мое счастье мѣсяцъ взшелъ въ полномъ блескѣ. Я началъ одѣвать-

ся въ самое лучшее праздничное платье; взбилъ волосы, какъ слѣдуетъ, повязалъ бѣлый галстухъ, и посмотрѣвшись въ зеркало, увидѣлъ, что могу явиться на поклонъ къ почтенному моему предку въ довольно приличномъ видѣ. Это меня ободрило. Пробылъ и часъ. Быстро пробѣжалъ у меня морозъ по жиламъ, но я не лишился бодрости; пошелъ къ замку, и въ мысляхъ приготовлялъ рѣчь, которую хотѣлъ произнести къ тѣни славнаго Георга фонъ-Гогенгаузена.

«Не знаю, что-то подталкивало меня въ спину, когда я вышелъ изъ мѣстечка; мѣсяцъ свѣтилъ такъ, что можно-бъ было искать булавокъ по тропинкѣ; тѣни отъ деревъ и кустарниковъ, казалось, протягивали ко мнѣ длинныя руки и хотѣли схватить за полу; совы завывали въ дуплахъ и навѣвали мнѣ на душу что-то срашное. Я шель, скрѣпя сердце, стараясь ничего не видѣть и не слышать и ошупывая напередъ бамбуковою своею тростью каждый шагъ по тропинкѣ. Такъ прибылъ я къ воротамъ замка, или лучше сказать, къ тому мѣсту, гдѣ они когда-то были; тамъ, на грудѣ камней, увидѣлъ я обѣщаннаго проводника, чернаго латника; онъ отсалютовалъ мнѣ своимъ чернымъ мечемъ, и молча пошелъ впередъ. Мы вошли въ узкіе, сырые переходы, освѣщаемые только слабою лампою, которую несъ мой проводникъ; ноги мои подкашивались и невольно прилипали къ помосту, но я ихъ отдергивалъ и шель далѣе; мнѣ что-то шептало: «надѣйся и не страшись!» и я съ полною довѣренностію къ знаменитому предку, переступалъ шагъ за шагомъ. Мы остановились у одной двери, за которою слышны были многіе голоса; чернѣй латникъ поставилъ лампу на полъ и ударилъ трижды мечемъ своимъ въ дверь; она отворилась, мы вошли, и здѣсь-то, когда, опомнившись, я могъ видѣть и понимать, мнѣ представилась разительная картина!

— Посрединѣ столъ стоялъ, покрытый чернымъ сукномъ; за столомъ, въ старинныхъ позолоченныхъ креслахъ, сидѣлъ Гогенгаузенъ, въ собственномъ своемъ видѣ. Онъ, по наружности, казался бодръ и свѣжъ, даже дороденъ, но смертная блѣдность которая, какъ бѣлая пыль, осыпалась съ его лица, ясно показывала, что это не живою чело-вѣкъ, а тѣнь или привидѣніе. Волосы на немъ были бѣлые и курчавые, какъ шерсть на шпанскомъ баранѣ; борода, длинная и мягкая, какъ ленъ. Эта борода закрывала всю грудь и падала на колѣна. Только сѣрые глаза его бѣгали, сверкали, какъ живые. На немъ была бѣлая фланелевая мантія особеннаго цокроя; шлейфъ отъ нея лежалъ далеко по помосту, а полы закрывали ноги такъ, что я не могъ видѣть, какая была обувь у моего предка? Передъ нимъ лежала раскрытая книга, въ черномъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и мѣдными скоб-

ками. По обѣ стороны его, на помостѣ, что-то пылало въ двухъ большихъ черныхъ вазахъ, и разливало блѣдный, синеватый свѣтъ и сильный спиртовой запахъ. Чѣмъ долѣе я всматривался въ лицо стараго Георга, тѣмъ больше находилъ въ чертахъ его что-то знакомое... и какъ хочешь спорь, другъ Нессельзаге, а я все-таки не отступлюсь, что между предкомъ моимъ и тобою есть какое-то сходство... Не скажу, чтобы большое, потому-что видъ его былъ гораздо важнѣе, черты выразительнѣе, а есть что-то... не даромъ во мнѣ всегда было къ тебѣ нѣкоторое непонятное, невольное влеченіе...

— Полно, полно! подхватилъ пивоваръ, покусывая себѣ губы съ какою-то принужденною ужимкою: тебѣ такъ показалось. Ночь, слабое освѣщеніе, невольный страхъ и тревога чувствъ... тутъ не мудрено — и льва за kota примешь.

— Ну, да полно объ этомъ: мы вѣчно будемъ спорить и никогда не согласимся, и я по всему вижу, что тебѣ очень не нравится сходство съ тѣнью. Во все время, какъ я его разсматривалъ, старій Гогенгаузенъ не спускалъ глазъ съ своей книги и какъ-будто не замѣчалъ меня. Должно думать, что онъ съ намѣреніемъ давалъ мнѣ досугъ оправиться отъ страха и удивленія. Ему хотѣлось, чтобы я съ свѣжею, по возможности, головою выслушалъ его слова, могъ обдумать ихъ и отвѣчать порядкомъ. Наконецъ, онъ поднялъ глаза съ книги, обратилъ ихъ ко мнѣ, и сказалъ глухимъ и протяжнымъ голосомъ, въ которомъ было что-то не тѣлесное:

— Иоганнъ Готлибъ-Корнелиусъ, потомокъ заглохшей отрасли рода «Гогенгаузенъ! Я заботился о тебѣ. Здѣсь вызывалъ тѣни минувшихъ потомковъ моихъ, и спрашивалъ ихъ совѣта, какъ возстановить «и прославить твое поколѣніе. Внемли нашъ приговоръ: у тебя одна «дочь, съ нею потомство твое должно перейти въ родъ посторонній; но «родъ этотъ долженъ быть достоинъ такого блестящаго отличія. Я «избралъ ей супруга, и всѣ потомки одобрили мой выборъ. Это Эрнстъ «Германъ. Онъ, какъ и ты, отрасль рода славнаго, котораго начало «теряется во тѣмъ вѣковъ. Родоначальникъ его древнѣе всѣхъ насъ, «и есть знаменитый Германъ, давшій имя свое всѣмъ племенамъ Германцевъ, тотъ Германъ, котораго полудикіе завоеватели, Римляне, «своевольно въ лѣтописяхъ переименовали Арминіемъ. Не стыдись и не «презираи бѣдности Эрнста Германа: я его усыновилъ; потомству его, «черезъ нѣсколько колѣнъ, предопредѣлены великія дѣла. Обиліе и слава «будутъ его удѣломъ! Прощай! время мнѣ отправиться въ путь далекій «и устроить счастье другихъ моихъ потомковъ... Будь счастливъ и «успокой духъ свой».

«Я отдалъ земный поклонъ великому моему прѣдку, и отъ полноты чувствъ не могъ сказать ни слова, даже долго не могъ приподнять головы; когда же всталъ, то ни его, ни книги уже не было; пламя въ вазахъ погасло, и надо мною стоялъ черный латникъ съ своею лампою. Онъ подалъ мнѣ знакъ идти за нимъ; мы вышли изъ-подъ сводовъ; онъ остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я нашелъ его при входѣ въ замокъ, указалъ мнѣ дорогу чернымъ мечемъ своимъ—и вдругъ мелькнулъ куда-то, такъ, что я больше уже его не видѣлъ. Одинокъ пошелъ я по тропинкѣ. Голова у меня кружилась, чувства волновались; бессонница, произвольная діета въ-теченіе трехъ дней, чудное видѣніе... словомъ, все это вмѣстѣ было причиною, что я безъ памяти упалъ на половинѣ дороги...

— Когда я очнулся, то увидѣлъ, что лежу въ постелѣ, въ своей комнатѣ. Минна сидѣла у моего изголовья и плакала; Эрнстъ Германъ стоялъ передо мною съ стекляночкой лекарства и ложкою; старикъ кистеръ поддерживалъ мнѣ голову, а цирюльникъ нашъ, Людвигъ Грибманъ, щупалъ пульсъ и смотрѣлъ мнѣ въ лицо съ самою кислой рожею. Сосѣдъ Нессельзаме печально сидѣлъ, сложа руки, въ моихъ креслахъ, и о чемъ-то думалъ; а Казимиръ, тоже не съ веселымъ лицомъ, стоялъ у дверей, какъ на часахъ, и видно ждалъ приказаній. Я оборотился къ Миннѣ, улыбнулся, взялъ ее за руку, сдѣлалъ знакъ Эрнсту, чтобъ и онъ подалъ мнѣ свою руку,—сложилъ ихъ руки вмѣстѣ, и слабо проговорилъ: соединяю и благословляю васъ, дѣти!—«Это все бредъ!» подхватилъ цирюльникъ.—Самъ ты бредишь, латинскій кухмистеръ!—отвѣчалъ я ему такимъ голосомъ, который всѣхъ увѣрилъ, что я въ полной памяти. Надобно было видѣть общую радость! Минна, Эрнстъ, старикъ кистеръ, сосѣдъ Нессельзаме, Казимиръ Жартовскій—все бросились ко мнѣ и задушили было своими поцѣлуями. Одинъ Грибманъ оставался холоднымъ зрителемъ и упрямо твердилъ, что я въ бреду и что горячка еще не миновалась.

«Остальное доскажу вамъ въ короткихъ словахъ. Сосѣдъ Нессельзаме, выйдя рано изъ дому, за какимъ-то дѣломъ, нашелъ меня безъ памяти на тропинкѣ, тотчасъ позвалъ Казимира и еще двоихъ сосѣдей, и общими силами они принесли меня домой. Чтобы не испугать Минну, они положили меня тихонько въ моей комнатѣ, потому-что въ торопяхъ я не заперъ ее, передъ уходомъ. Позвали Грибмана, который замѣтилъ во мнѣ признаки горячки, и, радъ случаю, началъ въ меня лить свои гадкія микстуры. Когда я опомнился, то былъ уже девятый день моей болѣзни. Послѣ Минна мнѣ рассказывала, что въ бреду я безпрестанно твердилъ о Георгѣ фонъ-Гогенгаузенѣ, о черномъ лат-

никъ, о ней самой, объ Эрнстѣ Германѣ, и не знаю, по какому странному смѣшенію понятій, о сосѣдѣ Нессельзаме и о Казимирѣ Жартовскомъ. Я скоро оправился отъ болѣзни и отпировалъ свадьбу Минны съ Германомъ, котораго принялъ къ себѣ въ домъ, какъ сына и наследника. Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ мы живемъ вмѣстѣ, счастливы и довольны своимъ состояніемъ, и благословляемъ память и попеченія о насъ великаго Георга фонъ Гогенгаузена.»

«Трактирщикъ кончилъ свой рассказъ. Минна и Эрнстъ Германъ взглянули на насъ такими глазами, въ которыхъ можно было прочесть недовѣрчивость къ этой чудной повѣсти и желаніе узнать, какъ мы ее растолкуемъ? Но ни я, ни товарищъ мой, изъ приличія, не показали на лицахъ своихъ ничего, кромѣ удивленія; словомъ, мы притворились что повѣрили всему сполна. Я заглянулъ въ лицо лукавому шивовару: онъ очень пристально смотрѣлъ на свою трубку и какъ-будто глазами провожалъ вылѣтавшій изъ нея дымъ. Гроза утихла, тучи разошлись, луна взошла въ полномъ сіяніи, и мы, взявъ въ проводники Казимира Жартовскаго, ходили осматривать замокъ...

— И теперь гроза утихла, сказалъ кто-то изъ гостей, посмотрѣвъ на часы. Половина одиннадцатаго: пора пожелать доброй ночи почтеннымъ нашимъ хозяевамъ.

Гости встали съ мѣстъ и велѣли подавать свои экипажи.

— А что-жъ ваши сны, которые такъ васъ тревожили ночью? спросилъ у путешественника любопытный провинціалъ.

— Сны мои были, какъ и всѣ сны, отвѣчалъ онъ: смѣсь всякой небылицы съ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ.

— Что же вамъ говорилъ о трактирщикомъ видѣніи полякъ, когда провожалъ васъ къ замку?

— Онъ притворился, будто ничего не знаетъ и всему вѣрить.

Въ это время слуга рошелъ сказать, что лошади поданы. Мы простились съ хозяевами и разъѣхались въ разныя стороны.

О. Евгеніевъ.

ЛЮБОВЬ НА ПАРОХОДѢ.

(Драматическая поговорка).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФИНЯ АЛИСА ДЕ-МАРИНИ. — ВИКОНТЪ ФЕРНАНДЪ ДЕ-САНТЕНЕ.

Дѣйствіе происходитъ на палубѣ парохода, который отправляется изъ Пека въ Руанъ. Погода самая жаркая, июльская. Надъ палубой растянута палатка; пассажиры ходятъ, разговариваютъ, нѣкоторые курятъ.

АЛИСА (*сидитъ на табуретъ, съ книгою въ рукахъ. По временамъ она беретъ лорнетъ и внимательно смотритъ на виконта.*

ФЕРНАНДЪ (*стоитъ на другомъ концѣ парохода и куритъ сигару. Онъ тоже часто прикладываетъ лорнетъ къ глазу и рассматриваетъ графиню.*

АЛИСА. Это странно .. Какое сходство! Этотъ путешественникъ напоминаетъ мнѣ... Но нѣтъ... это невозможно... мнѣ такъ показалось!

ФЕРНАНДЪ. Вотъ невѣроятный случай! Однако сходство чрезвычайное! Но нѣтъ, не можетъ быть, мнѣ пригрезилось.

АЛИСА. Еслибъ этотъ господинъ былъ потоньше и не носилъ открытаго жилета, чтобъ скрыть свою дородность, онъ былъ-бы какъ двѣ капли воды похожъ на г. де-Сантене.

ФЕРНАНДЪ. Еслибы у этой дамы была гибкая талія и граціозныя движенія, я-бы подумалъ, что передо мною графиня де-Марини.

АЛИСА. Тотъ же цвѣтъ волосъ... таже прическа; только у этаго господина волосы гораздо рѣже.

ФЕРНАНДЪ. У графини были волосы необыкновенно густые... впрочемъ и у этой дамы цвѣтъ волосъ тотъ же, таже тонкость, мягкость...

АЛИСА. Нога такая же маленькая, какъ у Виконта; въ этомъ я не ошибусь.

ФЕРНАНДЪ. Узенькій башмачекъ этой незнакомки напоминаетъ мнѣ несравненную ножку Алисы, за которой я такъ долго бѣгалъ.

АЛИСА. Какъ-бы я желала, чтобъ онъ заговорилъ; я увидѣла-бы тогда, хороши-ли у него зубы. Но этого не можетъ быть, потому-что онъ не безъ причины носить такіе длинные усы.

ФЕРНАНДЪ. Кажется, эта дама читаетъ презанимательную книгу, потому-что улыбнулась. Боже мой, это улыбка Алисы!.. Жаль только, что губы дамы не такъ свѣжи и зубы не совсѣмъ бѣлы.

АЛИСА. Рѣшительно, несмотря на нѣкоторые недостатки, этотъ пассажиръ удивительно похожъ на виконта, и я рада, что могу посмотреть на него, хотя издали.

ФЕРНАНДЪ. Нѣтъ сомнѣнія, что по красотѣ графиня не можетъ сравниться съ этою женщиною, но ея взглядъ, движенія улыбка напоминаютъ мнѣ Алису, и я сознаю, что путешественница прелестна — издали.

АЛИСА. Кажется, копія виконта смотритъ на меня. *(Она снимаетъ перчатку и поправляетъ прическу).*

ФЕРНАНДЪ. Незнакомка обратила на меня вниманіе. Такъ точно... я не ошибаюсь. *(Онъ бросаетъ смару въ воду и закручиваетъ усы).*

АЛИСА. Этотъ господинъ вѣрно знаетъ, что у него красивая рука и потому снялъ перчатку.

ФЕРНАНДЪ. Какая хорошенькая ручка у пассажирки; есть чѣмъ похвастать.

АЛИСА. Я не любопытна, но хотѣла-бы посмотреть на него вблизи.

ФЕРНАНДЪ. Рѣшено, подойду къ ней. Она этого стоитъ *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).*

АЛИСА. Кажется, онъ идетъ сюда... Боже мой, какое сходство!

ФЕРНАНДЪ *(подходя еще).* Просто удивительно!

АЛИСА. Возможно-ли это!

ФЕРНАНДЪ. Нѣтъ никакого сомнѣнія

АЛИСА. Это онъ!

ФЕРНАНДЪ. Я не ошибся.

АЛИСА *(вставая поспѣшно).* Фернандъ!

ФЕРНАНДЪ. Алиса! *(Они жмутъ другъ-другу руки).*

АЛИСА *(всторону).* Боже мой, какъ онъ перемѣнился... *(Громко)* Признаюсь, я не ожидала такой встрѣчи...

ФЕРНАНДЪ. Такой пріятной встрѣчи... *(всторону).* Какъ постарѣла!

АЛИСА. Неужели вы меня тотчасъ узнали?

ФЕРНАНДЪ *(всторону).* Ну, нельзя сказать, чтобъ тотчасъ. *(Громко)* Еще-бы васъ не узнать! Вотъ вы вѣрно не узнали меня?

АЛИСА *(всторону).* Немудрено. *(Громко).* Ошибаетесь: я не сомнѣвалась ни минуты, но хотѣла испытать васъ.

ФЕРНАНДЪ. Развѣ вы не находите, что я перемѣнился?

АЛИСА *(нерешительно).* Нисколько... а я?

ФЕРНАНДЪ. Женщины никогда не мѣняются.

АЛИСА. Однако мы не видались десять лѣтъ.

ФЕРНАНДЪ. Увы! *(Вздыхаетъ).*

алиса. Что значитъ вашъ вздохъ!

фернандь. Что мы старше десятию годами, и жалѣемъ о прошедшемъ.

алиса (*грустно*). Да! Десять лѣтъ не шутка!

фернандь. Особенно, если провести десять лѣтъ вдали отъ васъ.

алиса. Вы все также любезны!

фернандь. Отчего же и нѣтъ?

алиса. Оттого, что я васъ хорошо знаю.

фернандь. То-есть, вы хотѣли узнать меня съ дурной стороны.

алиса. Вы приписываете мнѣ ваши качества.

фернандь. Развѣ не вы первыя начали разрушать наше счастье?

алиса. Въ умѣ-ли вы, любезный виконтъ? Вы говорите, что я въ нашей размолвкѣ виновата?

фернандь. Разумѣется вы, графиня.

алиса (*горячась*). Какъ! вы обвиняете меня, когда вы одни виновны въ нашей размолвкѣ!

фернандь. Полноте, не увѣряйте меня. Вы сами хорошо знаете, чтоя...

алиса (*перебивая*). Постоите, скажите по совѣсти: кто изъ насъ первый пересталъ любить?

фернандь. Разумѣется, вы.

алиса. Нѣтъ, вы.

фернандь. И вамъ нестыдно обманывать?

алиса. Я говорю, что чувствую, что говорить мое сердце.

фернандь. Я гордился обладаніемъ вашего сердца. Вѣдь вы меня любили, Алиса?

алиса (*съ жаромъ*). Всею душею!

фернандь. Какъ я вамъ благодаренъ...

алиса. Что за выраженіе! Послѣ любви — благодарность! Нѣтъ, вы перемѣнились больше, чѣмъ я. Вы все забыли.

фернандь. Чтобъ доказать вамъ противное, увѣряю васъ, что наша встрѣча осчастливила меня.

алиса (*смѣясь*). То-есть, вы вспомнили прошедшее. Это понятно, потому-что я тоже чувствую удовольствіе при встрѣчѣ съ вами.

фернандь. Какъ часто я вспоминалъ объ васъ.

алиса. Я тоже.

фернандь. Недавно я проходилъ утромъ чрезъ Тюильри. Солнце свѣтило ярко, аллеи были темны и таинственны... Я остановился въ одной изъ нихъ. Это была та самая аллея, гдѣ я встрѣтилъ васъ въ первый разъ. Все въ ней было по-прежнему. Тѣже цвѣты склонялись подъ тяжестью росы, птицы пѣли въ густыхъ каштанахъ, лебеди скользили по пруду. Я вспомнилъ все такъ живо, и мнѣ показалось, что вы идете ко мнѣ на встрѣчу.

алиса. Какая у васъ прекрасная память!

фернандь. Я никогда не забуду лучшаго дня моей жизни.

алиса (*со вздохомъ*). Да, это было счастливое время!

фернандь. Я помню даже, какъ вы были одѣты, какъ-будто это

было вчера... На васъ было голубое платье, черная шаль и шляпа съ зелеными лентами.

алиса. Ошибаетесь. Ленты были лиловыя.

фернандъ. Увѣрю васъ. что зеленыя. Держу пари.

алиса. Вы проиграете.

фернандъ. Нѣтъ, выиграю... и вотъ доказательство (*Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажникъ, открываетъ его и показываетъ графинѣ ленту*). Посмотрите.

алиса (*удивляясь*). Это правда.. вы выиграли... Только я не понимаю, какъ эта лента могла сохраниться у васъ?

фернандъ. Очень просто. Она лежитъ здѣсь съ того дня, какъ я поднялъ ее на полу.

алиса. То-есть, вы забыли ее въ вашемъ бумажникѣ.

фернандъ. Вы видите, что не забылъ.

алиса (*улыбаясь*). Ну, такъ вспомнили случайно.

фернандъ. Во всякомъ случаѣ, я доказалъ, что уважаю и храню воспоминанія, а этимъ не всѣ дорожатъ.

алиса. Вы, кажется, намекаете, что у меня дурная память...

фернандъ. По-крайней-мѣрѣ, я сомнѣваюсь, чтобъ вы могли доказать противное.

алиса. Въ этотъ вечеръ я получила отъ васъ первый подарокъ. Помните кольцо, которое носила ваша матушка и которое вы надѣли мнѣ на палецъ безъ моего позволенія.

фернандъ. Помню... кольцо съ изумрудомъ.

алиса. Нѣтъ, съ рубиномъ.

фернандъ. Съ изумрудомъ. Увѣрю васъ.

алиса. Позвольте мнѣ знать это лучше васъ. Впрочемъ, не хотите-ли держать пари.

фернандъ. Я не хочу выиграть навѣрное.

алиса. Въ такомъ случаѣ я буду ведикодушнѣе васъ (*Она снимаетъ съ руки кольцо и показываетъ его*). Посмотрите, виконтъ.

фернандъ. Виноватъ, графиня.

алиса. Это мой отвѣтъ на вашу ленту.

фернандъ. Прекрасный отвѣтъ, только какъ это кольцо могло остаться на вашей рукѣ?

алиса. Я никогда не снимала его.

фернандъ. Я тоже скажу, что вы, вѣрно, забыли о немъ.

алиса. Не повторяйте моихъ словъ; найдите лучше другое выраженіе.

фернандъ. Знаете-ли, что я до-сихъ-поръ сохранилъ надежду.

алиса. Не думаете-ли вы, что я все еще люблю васъ?

фернандъ. Я не думаю о невозможномъ... потому-что вы сами поспѣшили доказать мнѣ противное.

алиса. Это вы давали мнѣ такіе прекрасные уроки.

фернандъ. Вы все-таки настаиваете на томъ, что я первый разлюбилъ васъ.

алиса. Я никогда вамъ не прощу того, что вы уничтожили мое счастье.

фернандъ. Помилуйте, не вы ли начали скучать со мною, сердиться, не замѣчать меня. Случалось, что по цѣлымъ днямъ я не могъ добиться отъ васъ ни одного взгляда.

алиса. Это оттого, что вы не хотѣли смотрѣть на меня.

фернандъ. И когда я приходилъ къ вамъ, чтобъ объясниться, сказать, что не могу прожить безъ васъ одного дня, вы не позволяли мнѣ ни одной жалобы.

алиса. Потому-что ваши жалобы доходили до упрековъ и дерзостей.

фернандъ. Я страдалъ тогда и былъ несчастливъ, а вы смѣялись и были веселы.

алиса. Наконецъ, вы сдѣлались ревнивцемъ.

фернандъ. А вы кокеткой.

алиса. Я не могу вспомнить безъ смѣху, что вы приревновали меня даже къ крестьянину, который въ Шантильи помогъ мнѣ сѣсть на лошадь, и увѣряли, что онъ пожалъ мнѣ руку.

фернандъ. А вы отвѣчали мнѣ съ насмѣшкою, что не могли сердиться на то, что доставляетъ ближнему такое удовольствіе.

алиса. Я хотѣла вывести васъ изъ терѣнія, и потомъ заставила бы просить прощенія, чтобъ имѣть удовольствіе простить васъ.

фернандъ. Это мнѣ сначала удавалось.

алиса. Да, я была слишкомъ добра.

фернандъ. Потомъ, ваша доброта утомилась.

алиса. Разумѣется; особенно когда я увидѣла, что люблю одна и что мнѣ необходимо много твердости, чтобъ оставить васъ.

фернандъ. Вы называете это любовью.

алиса. Разумѣется. Мнѣ трудно было рѣшиться, но я видѣла, что небо наше покрылось тучами, упреки заступили мѣсто довѣренности; ссоры, холодность, равнодушіе замѣнили услужливость, нѣжность, любезность; любовь превратилась въ привычку и сдѣлалась намъ въ тягость; тогда я рѣшилась разорвать нашу цѣпь, покуда послѣдняя искра любви не потухла въ вашемъ сердцѣ, — и оставила вамъ хотя сожалѣніе.

фернандъ. Вы хотѣли, чтобъ я сожалѣлъ о вашей любви, и потому заставили меня страдать.

алиса. Я знала очень хорошо, что моя жестокость не убьетъ васъ; притомъ, я не хотѣла видѣть, какъ умретъ любовь, которую мы считали вѣчною.

фернандъ. Вы предпочли лучше убить ее однимъ ударомъ.

алиса. Безъ сомнѣнія. И лучше всего доказываетъ это то, что мы съ удовольствіемъ свидѣлись черезъ десять лѣтъ, и воспоминанія наши также свѣжи... хотя у васъ съ-тѣхъ-поръ набралось, вѣроятно, много другихъ воспоминаній.

фернандъ. Вы преувеличиваете, графиня. Увѣряю васъ, что послѣ вашего внезапнаго отъѣзда, я почувствовалъ сильное горе, смѣшанное съ досадою, и хотѣлъ тотчасъ же бѣжать за вами; но меня остановило

самолюбіе. Я боялся насмѣшекъ, и потому скрылъ мое горе, началъ смѣяться, играть, танцовать, какъ счастливый человѣкъ, который избавился отъ тяжелой цѣпи. Скоро эта роль мнѣ наскучила, и я поѣхалъ путешествовать: я былъ въ Швейцаріи, Германіи, Италиі...

алиса. Самое лучшее средство выучиться говорить на всѣхъ языкахъ: *Я васъ люблю.*

фернандъ. Безъ шутокъ, графиня, я страдалъ долго.

алиса. Долго?.. А потомъ?

фернандъ. Потомъ? Я увѣрился, что вы меня не любите.

алиса. И поторопились вылечиться?

фернандъ. Я не торопился, графиня... и увѣряю васъ, что сердце мое не принимало большаго участія во всѣхъ моихъ поступкахъ... Но имѣете ли вы право допрашивать меня строго, и можете ли сами отвѣчать на мои вопросы?

алиса. О! моя жизнь протекла спокойно и тихо. Я скрылась въ Турени, въ помѣстьи моего дяди, и страстно полюбила охоту и рыбную ловлю. Я вставала съ солнечнымъ восходомъ, чтобы бѣгать по лѣсамъ и полямъ, и приходила домой измученная, усталая, голодная.

фернандъ. Удивляюсь, какъ вы, съ вашею изнѣженностью, пускались въ такія опасныя путешествія.

алиса. Я хотѣла забыть васъ и не думать ни о чемъ.

фернандъ. И вы ходили по лѣсамъ одни... безъ товарища... защитника?

алиса. Долго я не могла смотрѣть ни на одного мужчину.

фернандъ. Долго... а потомъ?

алиса. Потомъ я вышла за мужъ—и черезъ годъ овдовѣла.

фернандъ. Стало-быть, теперь ваше сердце свободно?

алиса. Какъ воздухъ... Я люблю только мою собачку и попугая.

фернандъ. Прежде вы любили танцы.

алиса. Я нахожу неприличными и неграціозными всѣ нынѣшнія польки и мазурки, въ которыхъ скачутъ, какъ сороки.

фернандъ (*всторону*). Очень понятно, отчего она предпочитаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, а не прыгать... Съ ея полнотою.

алиса. А вы все такой же страшный охотникъ до вальса?

фернандъ. Помилуйте, что за удовольствіе вертѣться, какъ бѣшеному, въ вальсѣ въ два такта... Я отказался отъ этой утомительной гимнастики.

алиса (*всторону*). И хорошо сдѣлалъ.

фернандъ. Я вообще разлюбилъ балы и тѣсныя собранія, гдѣ нѣтъ никакой возможности ни двигаться, ни дышать.

алиса. Я тоже отказалась отъ этой пытки и бываю только на семейныхъ и дружественныхъ вечерахъ, гдѣ не требуютъ большаго туалета, потому-что я ношу теперь только широкія платья.

фернандъ. Также, какъ и я.

алиса. Какъ мѣняются вкусы. А помните-ли, про васъ говорили за-вистники, что вы носите корсетъ.

фернандъ. Во-время путешествія я отсталъ отъ модъ.

алиса. Кстати о путешествіяхъ. Могу я спросить у васъ, куда вы отправляетесь?

фернандъ. Къ антиподамъ... Въ Руанъ.

алиса. И я тоже.

фернандъ. Какой счастливый случай! И вы позволите мнѣ явиться къ вамъ.

алиса (*смущаясь*). Не знаю... можетъ быть...

фернандъ. Чтò это значитъ! Вы смущаетесь. Стало-быть, вы не такъ свободны, какъ увѣрили сейчасъ.

алиса. Нѣтъ, совсѣмъ не то. Я хочу быть съ вами откровенна, какъ съ другомъ... я выхожу замужъ.

фернандъ (*съ ироніей*). Кто-же тотъ счастливецъ, который умѣлъ побѣдить ваше сердце.

алиса. Побѣдитель нисколько не заботится о моемъ сердцѣ, и этотъ бракъ совсѣмъ не романическій. Моя сестра, какъ вы знаете, живетъ въ Руанѣ, и давно желаетъ, чтобъ я жила съ нею. Для этого она сосватала мнѣ двоюроднаго брата своего мужа, человѣка добраго, честнаго, и притомъ судью.

фернандъ. И этотъ судья вамъ, безъ сомнѣнія, очень нравится.

алиса. Какъ можетъ нравиться человѣкъ лѣтъ пятидесяти, желтый, худой и въ очкахъ.

фернандъ. Какой прекрасный портретъ!

алиса. Чтò-жъ дѣлать, когда я рѣшилась. Притомъ, можно привыкнуть ко всякому лицу.

фернандъ. Не думаю. Мнѣ кажется, что я никакъ не привыкну къ одной извѣстной мнѣ особѣ.

алиса. Позвольте узнать, кто это?

фернандъ. Признаюсь, бываютъ странныя встрѣчи и положенія....
Вообразите, вѣдь я тоже ѣду въ Руанъ жениться.

алиса. Чтò вы! Вы поклялись не жениться.

фернандъ. Когда не могъ жениться на васъ.

алиса. Стало-быть, теперь вы обожаете вдову.

фернандъ. Во-первыхъ, я не обожаю никого, а во-вторыхъ, моя невѣста дѣвушка.

алиса. И безъ сомнѣнія молодая?

фернандъ. Лѣтъ тридцати.

алиса. Хороша собою?

фернандъ. Косая!

алиса. Въ такомъ случаѣ, очки моего жениха лучше.. Чтò же заставило васъ плѣниться этими глазами.

фернандъ. Завѣщаніе моего дяди, который отдалъ мнѣ огромное наследство съ тѣмъ, чтобъ я женился на женщинѣ не моложе тридцати лѣтъ.

алиса. Какая странная идея!

фернандъ. Мой дядюшка вспомнилъ, что я въ шесть лѣтъ прожилъ порядочное состояніе, и хотѣлъ, чтобъ благоразумная жена удерживала меня отъ глупостей.

алиса. И вашъ дядюшка требовалъ также, чтобы у вашей Минервы были косые глаза.

фернандъ. Нѣтъ, но кромѣ ея, я не могъ найти ни одной женщины или дѣвушки, которая призналась бы торжественно, что ей тридцать лѣтъ. Въ Парижѣ нѣтъ ни одной женщины старше двадцати пяти.

алиса. И это еще много.

фернандъ. Наконецъ, я нашелъ въ Руанѣ такое рѣдкое чудо, и такъ какъ она принадлежитъ хорошему семейству и имѣетъ порядочное состояніе, то я рѣшился, и женюсь на косоглазой

алиса. Очень жаль.

фернандъ. Отчего?

алиса. Оттого, что вы... еще очень недурны и стоите прямыхъ глазъ

фернандъ. Но вы тоже прелестны, а выбрали страшнаго судью, который похожъ на мою невѣсту.

алиса. Они созданы другъ для друга.

фернандъ. Не сосватать ли намъ ихъ между собою?

алиса. Чтò же мы... будемъ дѣлать?

фернандъ. Тоже, чтò они.

алиса. Я не понимаю васъ...

фернандъ. Очень понятно, что встрѣча наша не похожа на обыкновенныя и не можетъ кончиться ничѣмъ. Если судьба соединила насъ, то вѣрно не для того, чтобъ намъ разлучиться.

алиса (*въ волненіи*). Вы думаете...

фернандъ. Я увѣренъ въ этомъ... только вы меня больше не любите.

алиса. Я не говорила этого.

фернандъ. Я не требую многого. Любите меня, сколько можете... потомъ прошедшее поможетъ будущему.

алиса. Да, мы будемъ вспоминать...

фернандъ. И многіе будутъ намъ завидовать.

алиса. Чтò подумаютъ объ насъ въ свѣтѣ?

фернандъ. Подумаютъ, что... только горы не могутъ сойтиться, а люди сходятся въ жизни... Однако же, вѣдь вамъ есть тридцать лѣтъ? Вы знаете, что для меня это необходимое условіе?

алиса (*подумавъ*). Мнѣ будетъ тридцать лѣтъ въ день нашей свадьбы....

СОВРЕМЕННОЕ. (*)

ЛИТЕРАТУРА. — Реньяръ. — Теофиль Готье и современная романтическая школа во Франціи. — Еврейскіе романы въ Германіи. — Госпожа Гюйонъ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Каково подъ водою. — **МЕЛКІЕ РАЗКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Разсказъ врача объ одномъ случаѣ сонambuлизма, месмеризма и ясновидѣнія. — Пшціе въ Остъ-Индіи. — Употребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Англіи. — Фабрика Шампанскаго. Любопытныя данныя изъ статистики парижскихъ театровъ. — Ополченіе фельетонистовъ на Жоржъ-Зандъ. — Театральныя слухи. — Геній — самоучка. — Зданіе сѣверо-американской всемірной выставки. —

Реньяръ — Говорятъ что Французы, несмотря на всѣ перемѣны въ ихъ политическомъ быту, сохраняютъ всегда главныя черты своего національнаго характера. Однакоже кажется, что они со временемъ теряютъ свою веселость. Разумѣется, бываютъ дни и случаи, въ которые они еще очень веселы, и стоитъ только пойти въ одинъ изъ маленькихъ театровъ, чтобъ захохотаться вдоволь. — Но веселое расположеніе духа, составляющее главное основаніе гальскаго характера, начинаетъ уже исчезать. Люди тщеславныя и занятыя дѣлами, не находятъ свободнаго времени, чтобъ повеселиться; сыновья похожи на отцовъ; притомъ же, молодымъ людямъ надобно думать безпрестанно о занятіяхъ, и это отбиваетъ у нихъ охоту веселиться. Конечно, еще очень недавно былъ у Французовъ Дезожье и послѣ него нѣсколько другихъ писателей, которые жили, припѣваячи, и сообщали всѣмъ свою веселость и беззаботность. Однако подобныя примѣры встрѣчаются все рѣже и рѣже, и можетъ-быть, къ крайнему сожаленію, скоро совсѣмъ исчезнутъ.

* Изъ журналовъ: des Débats, Constitutionnel, Athenaeum, Illustration, Gazette et Revue des Théâtres, Gazette et Revue Musical, Illustrirte Zeitung, The Illustrativ London News, Magazin für die Literatur des Auslandes, Bibliotheque de Genève.

Реньяръ можетъ назваться представителемъ остроумія, веселости, живости, наивности своего времени, и эти рѣдкія качества, доведенныя до геніяльности, поставили его въ комедіи на первое мѣсто, послѣ Мольера. Его жизнь, полная приключеній, описана въ журналахъ того времени, и жаль, что никто изъ современниковъ не взялся подробнѣе изложить его біографію, которая очень любопытна.

Реньяръ настоящій Парижанинъ, потому что родился въ самомъ центрѣ Парижа, въ богатомъ и почтенномъ семействѣ негоціанта, въ 1565 году. Вольтеръ родился въ сосѣдствѣ Буало; Реньяръ родился въ одномъ кварталѣ съ Мольеромъ.

Изъ его дѣтства извѣстно только то, что онъ писалъ стихи въ двѣнадцать лѣтъ, потомъ жилъ роскошно, и по смерти отца, получивъ порядочное наслѣдство, отправился путешествовать по Италіи. Изъ этого перваго путешествія, онъ написалъ маленькую сентиментальную повѣсть, подъ названіемъ *Провансалка*, гдѣ описываетъ себя подъ именемъ *Зельми* съ очень хорошей стороны. «Зельми, говоритъ онъ, очень недурень собою, такъ-что нравится съ перваго взгляда; потомъ его любезность и ловкость заставляютъ его тотчасъ же полюбить.» Зельми встрѣтился въ Болоніи, на одномъ праздникѣ, съ прекрасною провансалкой, названной въ романѣ *Эльвирой*. Они скоро поняли другъ-друга, и путешественникъ влюбился безъ памяти въ красавицу, но ревнивый мужъ увезъ ее, и Зельми съ отчаянія уѣхалъ въ Римъ.

Такъ онъ на минуту увидѣлъ Эльвиру и думалъ, что расстается съ нею надолго, но судьба соединила ихъ на кораблѣ, который отправился въ Марсель. Мы должны предупредить читателя, что несмотря на романическія происшествія и вымышленныя имена, это не романъ и не сказка, а просто записки о жизни самого писателя, и еще самыя достоверныя.

И такъ путешественники вышли въ открытое море. Вдругъ на корабль нападаетъ пиратъ, и несмотря на отчаянное сопротивленіе Зельми, беретъ всѣхъ пассажировъ въ плѣнъ, привозитъ ихъ въ Алжиръ и тамъ продаетъ. Прекрасная Эльвира досталась начальнику города, который обходился съ ней вѣжливо, какъ Французъ, а Зельми былъ проданъ какому-то Ахмету, который тоже не былъ тираномъ. Жаль, что Реньяръ не описалъ такъ же просто своего перваго путешествія, какъ послѣдующія. Это было бы гораздо любопытнѣе для читателя, который можетъ почесть все это выдумкой или романомъ. Зельми сначала былъ гребцомъ у Ахмета, потомъ Алжирецъ узналъ, что поэтъ, несмотря на свою восторженность, знаетъ толкъ въ кушаньяхъ, и перевелъ его на свою кухню. Это почетное мѣсто позволяло Реньяру пользоваться нѣкоторою свободою, и послѣ многихъ приключеній Зельми освободилъ Эльвиру и отвезъ ее въ Арль, гдѣ жило ея семейство. О мужѣ красавицы никто не получалъ извѣстія и потому всѣ были увѣрены, что онъ умеръ. Болѣе всѣхъ, разумѣется, вѣрили этому Зельми и Эльвира; они готовы были уже обвиняться, какъ вдругъ является мужъ, также освобожденный изъ плѣна. Реньяръ съ отчаянія

бѣжить въ Парижъ, но и тамъ не можетъ забыть своего горя, и потому рѣшается предпринять путешествіе на сѣверъ.

Этотъ періодъ молодости и любви продолжался для Реньяра недолго. Скоро онъ сдѣлался послѣдователемъ Рабеле, но воспоминаніе о первой любви, ея радости и даже горе никогда не исчезали изъ его памяти, и онъ посвятилъ ей свои самыя лучшіе, самыя нѣжные стихи.

Ему было двадцать-шесть лѣтъ, когда онъ, въ 1681 году, выѣхалъ изъ Парижа съ двумя друзьями, Корберономъ и Форкурромъ. Сначала онъ хотѣлъ посмотрѣть одну Голландію, но потомъ, узнавъ, что въ Данію можно проѣхать въ нѣсколько дней, отправился съ пріятелями далѣе на сѣверъ, и остановился въ Стокгольмѣ. Вездѣ принимали его радушно и ласково, потому-что его невольничество въ Алжирѣ было всемъ извѣстно и возбуждало всеобщее вниманіе. Король шведскій пригласилъ его къ себѣ, долго разговаривалъ съ нимъ, и посовѣтовалъ ему въ шутку отправиться въ Лапландію, и потомъ описать свое путешествіе. Реньяръ недолго думалъ, сѣлъ на корабль въ Стокгольмѣ, и отправился въ Ботвическій-заливъ, на сѣверъ, чтобъ пристать къ землѣ Лапландцевъ.

Это новое путешествіе описано Реньяромъ такъ умно и занимательно, съ такой ироніей и остроуміемъ, что можетъ стать наряду съ лучшими сочиненіями въ этомъ родѣ. Притомъ же замѣчанія его о климатѣ, нравахъ и обычаяхъ народовъ очень вѣрны, хотя въ нихъ видна насмѣшливость. Онъ сравниваетъ Лапландца съ гордымъ Алжирцемъ и удивляется, что нѣсколько градусовъ на сѣверъ, другой меридіанъ и климатъ могутъ положить такую огромную разницу между людьми. Что въ одномъ мѣстѣ считается полезнымъ, то въ другомъ вредно! Эти идеи принадлежатъ его времени. То, что въ эпоху Реньяра считалось оригинальностію, остроуміемъ и странностію, въ-послѣдствіи перетолковывалось иначе. Въ немъ самомъ нѣтъ ничего систематическаго, нѣтъ твердости характера и прочныхъ правилъ. Описывая бурю, которая занесла корабль на мель, Реньяръ признается очень наивно, что онъ совершенно растерялся, не могъ ни о чемъ думать, нѣсколько разъ начиналъ молитву и не могъ ее кончить.

Въ путешествіи по Лапландіи, Реньяръ видѣлъ издали Ледовитое-море, написалъ на одномъ камнѣ латинскіе стихи, которые читаютъ теперь медвѣди, и потомъ собрался въ обратный путь съ своими товарищами; но чтобъ пріѣхать во Францію, онъ вмѣсто прямой дороги, объѣхалъ всю Польшу и Германію.

Когда онъ останавливался у нѣкоторыхъ острововъ Балтійскаго-моря, любимымъ его занятіемъ было сидѣть на вершинѣ дикаго утеса, смотрѣть на море и мечтать.

«Въ эти минуты, говоритъ онъ, я изслѣдовалъ самъ-себя, анализировалъ малѣйшія чувства своего сердца, чтобъ узнать истину и самого-себя. Въ моемъ прошедшемъ я видѣлъ только безплодныя волненія, планы безъ исполненій, проекты безъ удачи. Въ настоящемъ одни ненужныя путешествія, перемѣна мѣстъ и предметовъ безъ всякой пользы и удовольствія. Вотъ въ чемъ состояла до-сихъ-поръ моя жизнь!

Я судилъ себя строго, и самолюбіе мое нисколько не страдало. Развѣ это называется жить! Жизнь должна проходить въ спокойствіи и тишинѣ, а главное въ постоянномъ занятіи, которое удерживаетъ насъ, какъ якорь удерживаетъ корабль во-время бури».

Черезъ два года онъ воротился во Францію, обогащенный опытомъ и наблюденіями. Въ то время онъ могъ почестся однимъ изъ образованнѣйшихъ и извѣстныхъ людей; въ Данцигѣ онъ часто бесѣдовалъ съ знаменитымъ астрономомъ Гевеліусомъ, и получилъ отъ него самого самыя вѣрныя извѣстія объ этой наукѣ. Притомъ-же, во время путешествія, онъ могъ изучить разные языки и нарѣчія, сравнить ихъ между-собою и отыскать ихъ происхожденіе, что въ то время было чрезвычайно рѣдко и важно. Словомъ, Реньяръ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливецъ, которые привлекали къ себѣ всѣхъ, не нуждаясь ни въ комъ, и потому онъ рѣшился жить какъ эпикуреецъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ и наслаждаясь всѣми удовольствіями.

Домъ Реньяра въ Парижѣ, описанный имъ самимъ, былъ въ Ришельевской улицѣ, гдѣ теперь Монмартрское предмѣстье, то-есть, онъ былъ почти за городомъ, и сосѣди не знали ничего о Реньярѣ, потому-что онъ жилъ тихо и рѣдко выходилъ. Здѣсь онъ началъ писать свои посланія и сатиры, развивая комическій талантъ, и сочинялъ фарсы для Итальянской-комедіи, вмѣстѣ съ Дюфрени. Въ этомъ-же домѣ, Реньяръ удостоивался посѣщеній внука великаго Конде и Принца Конти, любезныхъ и благосклонныхъ вельможъ. Принцы посѣтили изъ любопытства Извѣстнаго-путешественника, но его остроуміе понравилось имъ до того, что они часто останавливались въ улицѣ Ришелье, чтобъ послушать словоохотнаго хозяина.

Передъ выступленіемъ на сценическое поприще, Реньяръ объявилъ войну знаменитому критику того времени. Буало уже состарѣлся и написалъ сатиру *противъ женщинъ*. Реньяръ зналъ женщинъ лучше Буало, и отвѣчалъ ему тоже сатирою *противъ мужчинъ*. Въ ней онъ описываетъ молодыхъ людей того времени, такими, какими онъ вывелъ ихъ въ своихъ комедіяхъ, то-есть *грубыми, нелюбезными, скупыми, гуляками и шлоками*. Женщины-же, по его мнѣнію, невинныя жертвы, и если иногда мстятъ, то за дѣло:

Ce sexe plein d'attraits, sans secours et sans armes,
Peut assez se défendre avec ses propres charmes;
Et les traits d'un critique affaibli par les ans
Sont tombés de ses mains sans force et languissans.

Буало посмѣшилъ помѣстить Реньяра въ своемъ десятомъ посланіи а тотъ написалъ стихотвореніе: «Гробница Буало-Депрео» гдѣ въ смѣшномъ видѣ представляетъ погребеніе сатирика. Разумѣется, что оба они ошибались: Буало не хвасталъ познаніемъ языковъ греческаго и латинскаго, а Реньяръ не былъ такимъ повѣсою, какимъ воображалъ его сатирикъ. Наконецъ, враги какъ-то сошлись, разговорились, и совершенно перемѣнили мнѣніе другъ о другѣ. Реньяръ посвятилъ своему

противнику одну изъ лучшихъ своихъ пьесъ «Менехмы», а Буало съ жаромъ защищалъ своего бывшего врага, когда кто-нибудь осмѣливался нападать на него.

— Кому не нравится Реньяръ, тотъ недостойно восхищаться Мольеромъ,—сказалъ Вольтеръ, и этотъ приговоръ дѣлаетъ Реньяра вторымъ комическимъ писателемъ Франціи. Первые его комедіи написаны въ прозѣ; это «Жди меня подѣ деревомъ» и «Серенада». Первая просто пословица, съ живымъ и остроумнымъ разговоромъ. Въ «Серенадѣ» характеры очень вѣрны и дѣйствіе естественно. Комедія «Балъ» написана стихами, и этотъ первый образчикъ поэтическаго таланта Реньяра до того хорошъ, живъ и остроуменъ, что все единогласно признали стихи Реньяра превосходными, и рѣшили, что если кто одаренъ умомъ, то лучше высказать его въ стихахъ, нежели въ прозѣ. Вскорѣ пьесы Реньяра стали наряду съ лучшими произведеніями Мольера, и Буало отдалъ полную справедливость новому комическому писателю.

Въ высокой комедіи прославился онъ «Игрокомъ», представленнымъ въ 1696 году. Здѣсь характеры выдержаны превосходно, интрига хорошо ведена, дѣйствіе занимательно до конца, слогъ пьесы живой, веселый, легкій, непринужденный. Особенно лакеи и субретки комедій Реньяра отличаются неистощимымъ остроуміемъ и самою пріятною веселостью. Въ «Игрокѣ» главный характеръ очень вѣренъ. Это человекъ, который игралъ, играетъ и никогда не перестанетъ играть, который вспоминаетъ о своей любви только когда проигрывается, и забываетъ объ Анжеликѣ при первомъ выигрышѣ. Этотъ человекъ неизлечимъ, онъ не умѣетъ любить, не стоитъ, чтобъ его любили, потому что проигрываетъ даже портретъ любимой женщины. Многіе думаютъ, что конецъ комедіи неестественъ, и что если Анжелика истинно любить Валера, то должна выйти за него за-мужъ, несмотря на его недостатки и даже пороки, хотя онъ и послѣ женитьбы будетъ продолжать играть и сдѣлаетъ ее несчастною. Но объ этомъ могутъ судить только женщины, и когда Анжелика нашла свой портретъ у торговки, самолюбіе заглушило въ ней любовь къ игроку. Она, можетъ-быть, еще любить его и будетъ страдать, но никогда не согласится быть его женою. Таково должно быть мнѣніе женщины, и Реньяръ умѣлъ отгадать его.

Жеманная графиня, вѣтренный маркизь и другіе персонажи комедій Реньяра вошли въ пословицу. Какъ вѣрно описываетъ онъ портреты разбогатѣвшихъ мѣщанъ, выскочекъ и хвастуновъ, которые скоро войдутъ въ моду во-время регентства. Въ «Разсѣянномъ», все эпизодическія лица сняты съ природы. Читая Реньяра, видишь передъ собою все общество, все нравы послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV. Король утомился въ послѣдніе годы своего продолжительнаго царствованія и былъ грустенъ и мраченъ. Все старались, поэтому, скрывать свои страсти и пороки, вырвавшіеся на свободу во-время регентства. Но Реньяръ не видалъ уже этого времени, онъ умеръ прежде Людовика XIV, и только предчувствовалъ, что будетъ послѣ него. Въ письмахъ г-жи Ментеновъ можно найти тѣ-же самые портреты, какіе встрѣчаются у Реньяра; странно, что мнѣніе строгой женщины совер-

шенно одинаково съ мнѣніемъ насмѣшливаго комика о недостаткахъ ихъ времени.

Надобно замѣтить, что Реньяръ, описывая нравы своей эпохи, не думалъ осуждать ихъ, или исправлять, напротивъ, онъ самъ жилъ какъ и всѣ, но не могъ не смѣяться надъ этимъ и изображалъ заблужденія въ смѣшномъ видѣ. Реньяръ тѣмъ и отличается отъ Мольера, что смѣется для того только, чтобъ смѣяться. Мольеръ великій комическій писатель, но онъ прежде всего честный человѣкъ; онъ неравнодушенъ къ добру и злу, къ добродѣтели и пороку, хотя онъ немного мизантропъ. Реньяръ, напротивъ, веселый гуляка, который думаетъ только объ удовольствіяхъ и для котораго жизнь — вѣчный праздникъ. Если-же сравнить Бомарше съ его двумя предшественниками, то въ знаменитомъ комическомъ писателѣ можно легко найти резонера, оратора и даже немного шарлатана.

Талантъ Реньяра оригинальный; онъ не подражалъ никому, и былъ настоящимъ артистомъ, даже въ бездѣлкахъ. Четыре лучшія пьесы его въ стихахъ: «Игрокъ» (1694), «Шалости влюбленныхъ» (1704), «Менехмы» (1705) и «Наслѣдникъ» (1708), написаны очень старательно, и интрига въ нихъ ведена даже лучше, чѣмъ у Мольера. Въ другихъ легкихъ пьесахъ, напримѣръ, въ «Неожиданномъ возвращеніи» дѣйствіе такъ быстро и занимательно, что не позволяетъ опомниться. Слогъ его почитается образцовымъ для комедіи. Прекрасная пьеса: «Les folies amougeuses» долго будетъ нравиться по своей неистощимой веселости и остроумію.

Мы почитаемъ излишнимъ рассказывать о пьесахъ, которыя всѣ знаютъ, и которыя разобраны уже нѣсколько разъ всѣми критиками. Реньяръ болѣе всего забавлялъ и смѣшилъ, и потому его трудно критиковать. Попробуйте анализировать смѣхъ или любовь! Отыщите причину того и другаго! Реньяръ самъ не объясняетъ этого, но часто у него совсѣмъ неожиданно вырывается такое слово, такой мѣткій стихъ, что весь театръ раздражается смѣхомъ, и самъ Аристотель не растолкуетъ, отчего это происходитъ.

Въ первыхъ сочиненіяхъ Реньяра, то-есть, въ его сатирахъ и посланіяхъ, находятся слабые и неправильные стихи и рифмы. Въ комедіяхъ же слогъ его исправился; сравненія вѣрны и живописны, выраженія точны, не изысканны, стихи живые, блестящіе, и ясно обрисовываютъ положеніе дѣйствующихъ лицъ.

Мы уважаемъ талантъ Буало, но признаемъ, что слогъ Реньяра гораздо выше. Вообще блескъ остроумія и мѣткость выраженій приближаютъ его къ Рабеле. Слогъ Реньяра можно сравнить съ дорогимъ виномъ, которымъ онъ поилъ своихъ гостей въ домикѣ у Монмартра или въ замкѣ Грильонъ.

Чтобъ окончить жизнь свою покойнѣе и бросить якорь, о которомъ онъ мечталъ на сѣверѣ, и который удерживалъ бы его на берегу, Реньяръ купилъ должность смотрителя за лѣсами и водами въ Дурданъ, въ одиннадцати миляхъ отъ Парижа, и въ тоже время купилъ въ сосѣдствѣ землю и замокъ Грильонъ, находящійся въ живописной до-

линь, между двумя лѣсами. Здѣсь онъ поселился въ то время, когда настали послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, и продолжалъ свою веселую, беззаботную жизнь. У него собирались изъ окрестностей всѣ молодые люди; изъ Парижа пріѣзжали поминутно знакомые, друзья, артисты, артистки, музыканты; онъ всѣхъ принималъ радушно и ласково, всѣхъ угощалъ роскошно, и придумывалъ всѣ возможные удовольствія, чтобъ удержать ихъ долѣе въ своемъ домикѣ.

Во-время этихъ шумныхъ праздниковъ, онъ написалъ послѣднія свои комедіи, и хотя можно было ожидать, что они будутъ слабѣе первыхъ, но его *Наслѣдникъ*, игранный въ январѣ 1709 года, имѣлъ такой успѣхъ, что даже критика возстала на него. Въ *Новомъ Меркури* напечатали разборъ комедіи, осуждая тривіальность характеровъ, безстыдство нравовъ, интриги Лизеты и Криспена. Реньяръ защищался публично. Онъ написалъ маленькую пьесу въ прозѣ подъ названіемъ: *Критика «Наслѣдника»*. Въ ней Шевалье, почитаемый умнѣйшимъ человекомъ, объявляетъ, что потомство строго осудитъ автора за подобную пьесу. Авторъ отвѣчаетъ, что онъ не надѣется, чтобы комедія его дошла до потомства, но доволенъ и тѣмъ, что она забавляетъ современниковъ, и привлекая гублику, награждаетъ артистовъ за ихъ труды. Другое дѣйствующее лицо, изнѣженная и жеманная графиня, тоже бранитъ комедію и гримасничаетъ немилосердно, но поэтъ отвѣчаетъ ей, что успѣхъ объясняетъ все: «Если мнѣ нравится что-нибудь, прибавляетъ онъ, то я не ломаю головы, чтобы отгадать, отчего и почему происходитъ это. Я веселъ и мнѣ этого довольно».

Впрочемъ Реньяръ могъ избавить себя отъ труда писать оправданія. Его «Наслѣдникъ» самъ защищался тѣмъ, что заставлялъ всѣхъ смѣяться. Даже тѣ, которые бранили его, шли въ театръ, и одинъ поэтъ написалъ премиленькое рондо, посвященное строгимъ критикамъ Реньяра, въ которомъ защищаетъ своего друга. Рондо начинается слѣдующими стихами:

Il est aisé de dire avec hauteur
Fi d'une pièce, en faisant le docteur.

Первое слово рондо счастливо оканчивается его въ стихахъ, обращенныхъ къ Реньяру:

De notre scene il sait l'art enchanteur,
Il y fait rire, il badine avec grâce,
Il est aisé.

Это же слово составляло девизъ Реньяра. По своему характеру и расположенію духа; онъ самый веселый писатель. Чего же больше отъ него требовать? Его рѣдкій талантъ и способности заставляютъ его любить, зачѣмъ же отыскивать въ немъ философію, о которой онъ не думалъ. Реньяръ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которые родились, чтобы веселиться и забавлять другихъ, и онъ исполнилъ свое назначеніе. Реньяръ умеръ неожиданно въ своемъ замкѣ Грильонъ, въ

первые дни сентября 1709 года. Ему было только пятьдесятъ-пять лѣтъ, Причина его смерти неизвѣстна. Вольтеръ приписываетъ ее горести, которая свела этого веселаго человѣка преждевременно въ могилу, другіе говорятъ, что онъ умеръ отъ несваренія въ желудкѣ послѣ сытнаго обѣда. Мы не можемъ рѣшить теперь, которое мнѣніе справедливо, но оба они вѣроятны, и могли случиться съ человѣкомъ такого характера и такой жизни, какъ Реньяръ.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ И СОВРЕМЕННАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВО ФРАНЦІИ. Вмѣстѣ съ писателями, которые основываютъ или собираются основать новую школу, встрѣчаются всегда въ исторіи литературы смѣлые ученики, которые, кажется, имѣютъ привилегію преувеличивать и представлять въ смѣшномъ видѣ систему, которой они слѣдуютъ. Эти люди одарены природою быстрымъ умомъ, способнымъ принимать эфемерныя идеи и выражать ихъ въ блистательной фразеологіи. Когда Бюффонъ сказалъ свой афоризмъ, что «слогъ—это весь человѣкъ», то онъ прибавилъ: «мысли имѣютъ цѣну только тогда, когда хорошо выражены», стало-быть, мысль всегда должна быть на первомъ мѣстѣ. Но писатели, о которыхъ мы говоримъ, забыли дополненіе афоризма Бюффона, и приняли одинъ девизъ: «слогъ это все». Этимъ способомъ они выигрываютъ то, что кажутся всегда разнообразными и молодыми, несмотря на свои лѣта, потому-что люди старѣются отъ мыслей, а не отъ одного выраженія ихъ.

Въ этой продолжительной молодости, посреди оглушительной оргіи словъ и сравненій, которыя не могутъ скрыть отсутствія сердца и вымысла, замѣтно что-то чрезвычайно грустное, какъ въ преждевременной старости. Этотъ смѣхъ неестественъ, упоеніе ложное и даже талантъ, хотя и не оспориваемый, служитъ только маскою, чтобъ скрывать недостатокъ сердца. Словомъ, эта молодость возстаетъ противъ времени и не знаетъ, когда должно ей исчезнуть. И такихъ молодыхъ писателей немало въ современной Франціи.

Литературный афоризмъ Нольте: «лучшее средство не старѣться—это никогда не молодиться», можно примѣнить къ школамъ точно такъ же, какъ къ отдѣльнымъ писателямъ. Многіе изъ нихъ оттого и скончались, что не слѣдовали этому правилу. Вольтеръ говорилъ о подобныхъ людяхъ, что у нихъ больше воображенія, чѣмъ ума, и слова эти до-сихъ-поръ не потеряли еще своего значенія.

Нынѣшнихъ французскихъ писателей въ этомъ родѣ можно назвать современными романтиками и главный изъ нихъ—*учитель*, какъ, его называютъ, — Теофиль Готье. Въ немъ много ума и блеску, но нѣтъ дара творчества. Слогъ у него оригинальный, и авторъ дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ. Вообще метафоры его вѣрны, сравненія живописны, потому-что Готье въ совершенствѣ знаетъ языкъ, и играя словами, ослѣпляетъ и удивляетъ блистательною отдѣлкою ихъ. Фраза его гибка и сильна, но гибкость эта изысканна, а сила поддѣльная, то-есть,

выраженіе замѣняетъ у него мысль и въ самомъ выраженіи онъ предпочитаетъ блескъ, — правильности, краски — очеркамъ.

Готье пробовалъ писать во всѣхъ родахъ, и вездѣ отличался оригинальностью, и главное, совершеннымъ презрѣніемъ къ избитымъ дорогамъ, предпочитая истинѣ все фантастическое и странное. Предисловіе къ его роману «Дѣвица де-Мопень» останется навсегда замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ его сочиненій, какъ жестокая сатира на литературную критику. Въ ней соединены: блестящее остроуміе, откровенная веселость, сильныя выраженія, доходящія иногда до краснорѣчія, однимъ словомъ, это великолѣпный мраморный портикъ передъ зданіемъ, слѣпленнымъ изъ глины. Другое произведеніе Готье «Комедія», имѣло огромный успѣхъ, и надобно признаться, заслуженный, потому что авторъ выразилъ въ этой комедіи настоящій свой характеръ. И въ этомъ сочиненіи вымыселъ занимаетъ мало мѣста. Нѣсколько страницъ изъ *Аласфера*, Кине, отрывки изъ *Жанъ-Поля* и Готье составляютъ главное основаніе *Комедіи*. Но не въ томъ дѣло. Здѣсь видны мысли, чувства, идеи, хотя не всегда собственные, но удачно вставленные и приведенныя. Публика забыла о прочихъ произведеніяхъ, но помнитъ эту поэму, также какъ предисловіе къ *Дѣвицѣ Мопень* и повѣсть *Король Кандоль*, превосходное созданіе, самой рѣдкой и отчетливой отдѣлки. И чтожь? Послѣ этого успѣха Готье вздумалъ воскрешать самыхъ плохихъ и забытыхъ поэтовъ времени Людовика XIII, хотя характеръ поэзіи самого Готье приближается болѣе къ писателямъ начала XVII вѣка, проза же напоминаетъ очень вѣрно *Сирано де-Бержерака*; часто даже оборотъ фразъ у Готье тотъ же самый и съ тѣми же украшеніями. Приведемъ одинъ примѣръ между тысячами. Вотъ фраза де-Бержерака; «Мысли, внушенныя намъ луною, этимъ шафраннымъ шаромъ, занимали насъ всю дорогу: мы потопили глаза въ этомъ большомъ свѣтилѣ, которое одинъ изъ насъ принималъ за небесное окошко, а другой увѣрялъ, что это солнце, которое спрятало свои лучи и смотрѣло на землю, чтобы увидѣть, что на ней дѣлается, когда исчезаетъ солнце.»

Не приметъ ли всякій эту фразу за выписку изъ *Капризовъ и Зизаговъ* Теофиля Готье. Послѣ изданія *Гр-тесковъ* написалъ онъ путешествіе въ Испанію, подъ названіемъ *Fra los montes*, гдѣ странность и яркость красокъ можно было извинить мѣстною оригинальностью страны. Потомъ онъ издалъ собраніе стихотвореній о Испаніи, и наконецъ четыре новыхъ сочиненія: *Италія, Зизаги, Эмали и Камей* и *Тріо романовъ*.

И въ этихъ сочиненіяхъ преобладаютъ тоже стремленіе къ оригинальности и дурной вкусъ, увеличенные еще, безъ сомнѣнія, восторженными похвалами его поклонниковъ. Готье избралъ себѣ первое мѣсто между послѣдними, тогда какъ могъ бы занять почетное и благородное назначеніе между великими писателями, еслибы былъ немного скромнѣе. Вотъ почему, несмотря на многочисленныя произведенія, имя Теофиля Готье не пользуется большою извѣстностію, и хотя онъ воспевавалъ женскую красоту, но не можетъ даже назваться женскимъ

поэтомъ. Онъ никогда не видѣлъ природу, освѣщенную внутреннимъ свѣтомъ челоуѣка, одушевленную восторженною любовью или надеждою, хотя много написалъ и много видѣлъ. Онъ былъ въ Испаніи, Англіи, Швейцаріи, Италіи, и теперь только что вернулся изъ путешествія по Востоку. Онъ допрашивалъ древность, изучалъ средніе-вѣка, всѣ школы, всѣ эпохи, прозу и стихи, чтобъ отыскать разгадку прекраснаго въ искусствѣ, и все-таки ничего не нашелъ. Напрасно онъ допрашивалъ развалины, статуи, картины, небо, землю и океанъ: старыя памятники и вѣчно-юная природа остались молчаливыми. Одно только въ мірѣ могло ему отвѣчать, это его сердце; но развѣ авторъ *Зизаговъ* когда-нибудь страдалъ? Развѣ онъ когда-нибудь любилъ?

Откройте наудачу одно изъ его послѣднихъ сочиненій: *Тріо романовъ*, *Капризы* и *Зизаги*, *Италія* или *Камеи*. Въ нихъ видѣнъ писатель во всѣхъ его родахъ: романистъ, туристъ, критикъ и поэтъ. И чтожь! Вездѣ замѣтны отдѣлка и преувеличеніе, нигдѣ не видно искренняго чувства. Въ *Тріо романовъ*, Готье помѣстилъ три повѣсти: *Милитона*, *Жанъ* и *Жанета* и *Аріа Марцелла*. Первая сочинена для того, чтобъ описать бои быковъ и многолюдные кварталы Мадрита; во второй представлена жизнь маркиза вѣка Людовика XV; третья, и самая замѣчательная, превозноситъ форму въ какомъ-то фантастическомъ снѣ, который напоминаетъ *Смарру* Шарля Нодье

Неужели необходимо забыть всѣ преданія французской литературы для того только, чтобъ написать два тома подъ названіемъ *Италія*, *Капризы* и *Зизаги*? Древность оставила намъ одно только серьезное описаніе путешествія Павзанія; у французовъ президентъ де-Броссъ и другіе писатели той же школы умѣли соединить въ своихъ путешествіяхъ по Италіи, Греціи и Испаніи строгость и точность наблюденій съ пріятностью и чистотою формы. У Готье же нѣтъ ничего подобнаго, и его замѣчанія могутъ сравниться только съ фигурами, которыя образуютъ облака и которыя исчезаютъ изъ памяти, при малѣйшемъ вѣтрѣ другихъ воспоминаній. Несмотря на это въ *Италіи* есть главы очень занимательныя и прекрасныя,—это разсужденія о венеціанскомъ искусствѣ.

Въ *Эмаляхъ* и *Камеляхъ* Теофиль Готье изображаетъ собственныя свои поэтическія убѣжденія: «Искусство, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобъ изобрѣтать подробности, выбирать слова и заботиться объ изящной отдѣлкѣ». О стихахъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Стихъ — это блестящее и твердое вещество, какъ мраморъ карарскій, который изображаетъ только чистыя и правильныя линіи». Однако поэтъ не всегда слѣдуетъ правиламъ, которыя самъ изложилъ. Рiemы у него богаты, стихъ звучный, металлическій, сравненія блестящи и почти всегда вѣрны, но въ поэзіи его нѣтъ жара; она удивляетъ, а не трогаетъ. Притомъ же Готье часто повторяетъ самъ себя, и случается, что беретъ собственныя свои фразы изъ прозы, перелагая ихъ въ стихи.

Обязанность критики состоитъ не въ томъ, чтобъ замѣтить у писателя болѣе или менѣе оригинальности, или ловкости въ изображеніи предметовъ, потому-что и оригинальность, употребленная во зло, дѣ-

Чается пошлостію. Современные романтики пишутъ, несмотря ни на что, и въ ихъ незрѣлыхъ произведеніяхъ мелочи, подъ предлогомъ реализма, занимаютъ первый планъ въ картинѣ, или составляютъ всю картину. Это смѣшеніе двухъ искусствъ—поэзіи и живописи, производитъ, особенно въ прозѣ, такую монотонность, что даже искусныя украшенія не могутъ ее уничтожить. Поэзія совсѣмъ не живопись. Одна неподвижна и дѣйствуетъ на глаза, другая требуетъ дѣйствія, и живетъ чувствами. Теофиль Готье любитъ описывать роскошную жизнь, богатыя комнаты, мебель рококо, всѣ утонченности великолѣпія, а его ученики воспѣваютъ чердаки и лачужки, но не тѣ бѣдныя, но красивыя комнатки, въ которыхъ все чисто и радостно, а бѣдныя и грязныя жилища въ отдаленныхъ кварталахъ.

Словомъ, вся эта литература, которая называется *молодою* и возобновляетъ забытую старину, которая смѣется безъ веселья, достигаетъ только до того, что сама кажется смѣшною. Она смѣшна въ радости, смѣшна и въ печали. Публика, удивленная сначала новымъ родомъ поэзіи, рукоплескала этимъ попыткамъ, надѣясь найти истину и разнообразіе въ новой формѣ; но это было непродолжительно, потому—что теперь нельзя утверждать, что поэзія можетъ существовать безъ чувства. Въ началѣ нашего вѣка, послѣ ужасовъ революціи, Делиль и Фонтанъ ввели въ моду описательную поэзію, утверждая, что устарѣлые народы могутъ описывать только одну природу, которая никогда не старѣетъ. Отъ этого произошло минутное торжество описательныхъ талантовъ, которые не признавали воображенія, вымысла и вдохновенія. Очевидно, что эта школа не могла долго жить. Вскорѣ явились авторъ *Коринны* и поэтъ *Рене*. Описательное искусство было уничтожено и воображеніе сохранило свое могущество. И въ наше время подобныя же причины произвели такія же слѣдствія. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, писали, что все уже сказано на всѣхъ языкахъ, что остается только описывать; но кто скажетъ теперь, что единственное средство, чтобъ не умерла литература, идти по слѣдамъ Ронсара въ поэзіи и по слѣдамъ Кребийлона сына и Ретифа де-ла-Бретонъ въ прозѣ. Надѣмся, что, подобно г-жѣ Сталь и Шатобріану, явятся новые писатели, которые опровергнутъ эту истину, и докажутъ, что пятьдесятъ лѣтъ не истощили еще ума французовъ до того, чтобъ они вернулись къ старинѣ.

Въ новомъ романѣ Теофиля Готье, *Арія Марцелла*, есть прекрасный урокъ, предсказывающій судьбу школы современныхъ романтиковъ. Молодой человекъ влюбился въ женскую форму, отпечатавшуюся къ кускѣ лавы, найденной въ развалинахъ Помпеи, и засыпаетъ однажды въ развалинахъ ископаемаго города. Во снѣ мертвая Помпея оживаетъ; зданія возстановляются, портики цѣлы, въ улицахъ свободно пробѣгаетъ воздухъ, пустота наполнилась, городъ сбросилъ свой саванъ и явился опять молодымъ, новымъ, свѣтлымъ, какъ-будто потоки Везувія никогда не заливали его. Стрѣлка времени отодвинулась на двадцать вѣковъ назадъ на часахъ вѣчности. Молодой мечтатель находитъ въ Помпеѣ ту, изображеніе которой внушило ему страстную любовь. Это *Арія Марцелла*, прекрасная, какъ въ ту минуту

когда лава задушила ее. Онъ видитъ ее, говорить съ нею, потому—что любовь оживила ее. Но вдругъ между счастливыми разныхъ вѣковъ является старикъ — отецъ Марцеллы. Онъ умоляетъ дочь оставить молодого человѣка въ его живой сферѣ и не нарушать того, что положено самою природою. Марцелла противится просьбамъ отца, и старикъ дотрогивается до нее пальцемъ. Тогда все исчезаетъ, и молодой мечтатель, просыпаясь, видитъ возлѣ себя только горсть пыли и нѣсколько распавшихся костей. Сближеніе идей одной эпохи съ формами другаго вѣка такъ же странно и неестественно, какъ фантастическое свиданіе Аріи Марцеллы и мечтателя. Каждая форма живетъ только до тѣхъ—поръ, пока она нравится своему поколѣнію и выражаетъ его идеи и чувства. Но когда исчезнетъ этотъ родъ мыслей, форма существуетъ только какъ воспоминаніе, и безумно было бы думать, что безразсудная любовь можетъ вновь воскресить ее. Разумѣется, можно обмануть самого—себя и думать, что другіе повѣрятъ намъ, но разсудокъ, какъ старикъ въ Аріи Марцеллѣ, рѣшаетъ это дѣло: онъ дотронется до оживленной покойницы, и послѣ восторженнаго сна, отъ нея останется только немного пыли и праху.

Еврейскіе романы въ Германіи. Къ отличительнымъ чертамъ нашего времени принадлежитъ, въ—особенности, возрожденіе въ Европѣ многихъ народныхъ литературъ. Восемнадцатый вѣкъ, старавшійся болѣе всего сглаживать мѣстныя различія и отдѣльныя стремленія націй, былъ причиною однообразія и, слѣдовательно, упадка литературы почти у всѣхъ народовъ. Когда языкъ и литература Вольтера господствовали отъ Петербурга до Лондона и отъ Берлина до Мадрида, можно ли было развиваться народной поэзіи, живущей только отличительными преданіями каждаго народа? Подобное состояніе необходимо должно было вызвать реакцію, и Лессингъ первый возсталъ противъ подражанія французамъ. По его слѣдамъ, въ Германіи, Швеціи, Англіи вскорѣ же развилась народная литература, и движеніе это продолжается до нашего времени, замѣтно усиливаясь. Давно ли послѣдовало возрожденіе литературъ чешской, словакской, у иллирійскихъ кроатовъ, фламандцевъ, бельгійцевъ? Одна изъ формъ этого возрожденія—развитіе романа семейнаго и деревенскаго въ Германіи, Швеціи, даже въ самой Франціи. На этомъ поприщѣ съ успѣхомъ дѣйствовали графъ Лео Тунъ въ Богеміи, Лудвигъ Гай въ Иллиріи, Генрихъ Консіонсъ во Фландріи, Бертольдъ Ауербахъ въ Сѣверной Германіи, Іеремія Готгельдъ въ Бернскомъ кантонѣ, Жоржъ Зандъ въ своихъ описаніяхъ нравовъ беррійскихъ крестьянъ. Между этими писателями почетное мѣсто принадлежитъ Леопольду Кемперту, австрійцу, рассказы котораго поэтически описываютъ жизнь малоизвѣстнаго класса богемскихъ евреевъ. Вотъ уже болѣе столѣтія, какъ изъ еврейской націи выходитъ много замѣчательныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и литературы.

Извѣстно, что евреи въ Европѣ раздѣляются на два класса: нѣмец-

нихъ и португальскихъ евреевъ. Послѣдніе преобладали въ среднихъ-вѣкахъ и смотрѣли даже съ пренебреженіемъ на своихъ собратьевъ. Теперь напротивъ господствуетъ второй классъ, изъ котораго вышли Моисей Мендельсонъ, Рахель Фарнгагенъ, и наконецъ Леопольдъ Кемпертъ, авторъ многихъ замѣчательныхъ романовъ, краткій разборъ которыхъ мы представимъ теперь нашимъ читателямъ.

Первый романъ этого писателя : *Изъ Гетто* (Aus dem Ghetto) вышелъ въ 1848 году. Извѣстно, что именемъ *Гетто* называются еврейскіе кварталы въ Римѣ, Пресбургѣ, Прагѣ и другихъ городахъ, гдѣ дозволено жить этому народу. Въ этихъ сценахъ Кемпертъ описываетъ любопытные нравы своихъ соотечественниковъ, обращаясь болѣе всего къ нимъ самимъ, утѣшая ихъ, внушая имъ правила нравственности и добродѣтели. Въ первомъ разсказѣ, подъ названіемъ *Иудинъ*, дѣйствіе происходитъ въ 1809 году, во-время занятія Австріи Наполеономъ. Французы занимаютъ всѣ города и дороги Богеміи. Все страшился этихъ побѣдителей, постоянно разбивавшихъ всѣ арміи отъ Пирамидъ до Берлина. Ихъ не боится только бѣдный еврей изъ пресбургскаго Гетто, Лебъ Рыжій. Отправленный нѣкогда въ Шенбрунъ, съ какою-то депутаціею своей общины, Лебъ имѣлъ неслыханное счастье видѣть и слышать австрійскаго императора, и съ этихъ поръ патриотизмъ бѣднаго еврея дошелъ до мистическаго изступленія. Въ день Ваграмскаго сраженія, Лебъ бѣгаетъ по улицамъ Гетто, блѣдный, встревоженный, собирая слухи, бормоча псалмы Давида. Вдругъ у него рождается планъ привести по мѣрѣ своихъ силъ пользу австрійской арміи. Онъ собирается отправиться ночью на поле сраженія, собрать сколько можно оружія, аммуниціи, и доставить все это въ главную квартиру австрійцевъ, терпящихъ большой недостатокъ. Само-собою разумѣется, что еврей соблюдетъ при этомъ и свои выгоды. Ему однако же нуженъ помощникъ, безъ котораго невозможно привести въ исполненіе этотъ планъ. Христофоръ, трактирщикъ Золотаго Льва, соглашается сопутствовать еврею въ его ночныхъ походахъ. Они отправляются, оставивъ однакоже позади себя врага, школьнаго учителя, еврея Хакима, который, зная немного по-французски, сдѣлался по этому случаю посредникомъ между французами и побѣжденными, и слѣдовательно, важнымъ лицомъ во всемъ округѣ. Еврейское населеніе Гетто ненавидитъ за это Хакима, считая его отступникомъ и измѣнникомъ. Онъ между-тѣмъ готовится жениться на хорошенькой еврейкѣ Блумель, и любитъ ее до безумія. Она отвѣчаетъ ему тѣмъ же, хотя въ характерѣ ея преобладаетъ фанатизмъ, способный на всѣ пожертванія. Французы ловятъ Леба и Христофора—и осуждаютъ ихъ къ разстрѣлянію. Кто измѣнилъ имъ? Гетто увѣренъ, что это Хакимъ, и осъпаетъ его проклятіями. Онъ однако же невиненъ. Собственная совѣсть и невѣста его Блумель утѣшаютъ бѣдняка. Гоненія однакоже становятся невыносимы; надо во что бы ни стало снять съ себя несправедливое подозрѣніе. Блумель придумываетъ средство: она говоритъ Хакиму, что скорѣе рѣшится не быть его женою, но спасетъ Леба и Христофора.

Что же ты сдѣлаешь? спрашиваетъ въ страхъ Хакимъ.

— Я пойду къ французскому генералу и выпрошу у него прощеніе осужденнымъ! отвѣчаетъ восторженная еврейка.

Хакимъ поблѣднѣлъ, но послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія сказалъ :

— Ступай же, ступай. Я вижу, что еврей долженъ принести себя на жертву за своего собрата. Если хочешь, я самъ поведу тебя; я вижу, что ты дѣлаешь это, чтобы спасти меня отъ подозрѣнія.

«На другой день всѣ удивились въ Гетто, когда Лебъ-Рыжій и Христоръ были объявлены невинными и свободными. Это казалось какимъ-то чудомъ. Уже спустя долгое время — узнали, что это сдѣлала невѣста Хакима, для спасенія еврея».

Одинъ изъ трогательнѣйшихъ разказовъ Кемперта называется: *Дѣти Рандаря*. «Евреямъ обыкновенно отказываютъ въ наивности и добродушіи», говоритъ авторъ: «это большая ошибка. Портретъ Реббъ-Шмуля, богатѣйшаго *рандаря* (арендатора) докажетъ противное. Онъ содержитъ не одинъ ничтожный трактиръ, а взялъ въ аренду имѣніе и поля своего богатаго помѣщика, — и все это процвѣтаетъ подъ управленіемъ его».

Болѣе всего занимается Реббъ-Шмуль религіознымъ воспитаніемъ дѣтей своихъ. Онъ хочетъ, чтобы они знали псалмы и молитвы; чтобы остались евреями. Но мать поблѣждаетъ однакоже упорство отца, — и Мозесъ назначенъ изучать медицину.

Вскорѣ однакоже мать узнаетъ, что сынъ ея смѣется надъ предразсудками своей молодости; что по субботамъ ходитъ на гулянья и пляшетъ съ дочерью неоновѣрцевъ. Это поражаетъ ее самымъ жестокимъ образомъ, — и она вскорѣ послѣ этого умираетъ.

У нея есть дочь Анна, — но и та отступается отъ ученія праотцевъ. Ученье совратило перваго съ пути вѣрованія предковъ, — любовь увлекла послѣднюю. Еще во-время дѣтскихъ игръ полюбила она мальчика изъ той же деревни, Гонза, католика. Выйдя изъ университета, гдѣ онъ былъ товарищемъ Мозеса (принявшаго уже имя Морица), Гонза возвращается на родину въ новомъ званіи. Пользуясь своимъ вліяніемъ надъ дѣвушкою, онъ обращаетъ ее въ христіанство.

Во всѣхъ этихъ разказахъ Кемпертъ обнаруживаетъ живое воображеніе, много чувства, и прекрасно описываетъ народные нравы. По нѣкоторымъ его повѣстямъ можно подумать, что іудейство скоро прекратится, или чрезвычайно ослабѣетъ. По всему видно, что свѣтъ проникаетъ и въ это племя. Какъ ни старается оно отчуждаться отъ всего окружающаго міра, но многому научается у него. Часто одно слово, одна черта истинной добродѣтели обращаютъ къ истинной вѣрѣ. Восемнадцать вѣковъ не могли еще озарить мрака синагогъ, но лучи солнца проникаютъ уже по временамъ внутрь ихъ.

Два другіе разказа Кемперта не такъ замѣчательны, *Старая Баба* и *Шлемиль*, народные разказы, сказки, простодушные легенды, дополняющія *Сцены въ Гетто*, гдѣ авторъ хотѣлъ рельефно выставить поэзію еврейскихъ нравовъ. *Богемскіе евреи* имѣютъ уже высшую философскую цѣль.

Второй томъ сочиненій Леопольда Кемперта заключаетъ въ себѣ только три разсказа. *Разнощикъ* и *Трендерльнъ* служатъ продолженіемъ одинъ другаго. Третій и важнѣйшій *Погибшая Еврейка*. Въ первомъ мы только видимъ бѣдное семейство, готовое потерять любимое свое дитя. Старшій сынъ *разнощика* оставляетъ деревню и обращается. Но изъ любви и уваженія къ родителямъ, онъ скрываетъ отъ нихъ свое обращеніе. Цѣль его жизни состоитъ теперь въ преобразованіи и улучшеніи быта своихъ соотечественниковъ.

Въ *Трендерльнѣ* — продолжается этотъ разсказъ. Одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ еврейскихъ запрещаетъ имъ заниматься ручною работою. Они думаютъ, что Провидѣніе повелѣло имъ заниматься только торговлею. Вездѣ въ Австріи встрѣтите вы въ деревняхъ множество евреевъ, торгующихъ самыми ничтожными мелочами, но ни одного не найдете за станкомъ, или стругомъ. Въ разсказѣ *Трендерльнѣ* изображена картина невмѣрныхъ усилій доктора Эммануила (новообращеннаго), чтобъ завести въ общинѣ слѣсаря — еврея. Сюжетъ кажется, очень маловаженъ, однакоже изубилуетъ множествомъ интересныхъ эпизодовъ. Этотъ слѣсарь, разбивающій раскаленное желѣзо на своей наковальнѣ, составляетъ истинный переворотъ въ нравахъ богемскихъ евреевъ.

Погибшая еврейка, по художественной отдѣлкѣ и по философско-нравственной цѣли, почитается лучшимъ сочиненіемъ Кемперта. Въ деревнѣ, гдѣ начинается дѣйствіе романа, живетъ одно семейство евреевъ, состоящее изъ трехъ лицъ, бабушки Бабе, отца семейства Юсифа и ребенка Фишеле. Домъ печаленъ, семья мрачна; тягостныя чувства волнуютъ души этихъ трехъ лицъ. Отца мучитъ неумолимая ненависть. Эта страсть наполняетъ всю жизнь его и выливается въ каждомъ словѣ. Старая мать и ребенокъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрятъ на порывы этой страсти. Однажды крестьянка, возвращаясь съ поля, съ тяжелою ношею, останавливается близъ дома Юсифа. Она сложила съ себя ношу и отдохнула. Но когда хочетъ опять взвалить ее себѣ на плеча, силы измѣняются ей. Бабе и Фишеле смотрятъ на нее со вниманіемъ. Старуха выражаетъ безпокойство, дитя состраданіе и страхъ. Наконецъ, старуха рѣшается и посылаетъ Фишеле, чтобъ подать помощь этой женщинѣ. Но въ ту минуту, какъ ребенокъ выходитъ изъ дома, отецъ стоитъ у воротъ. Онъ мраченъ и раздраженъ.

— Куда ты идешь, Фишеле? Ты думаешь, что я не знаю, куда тебя Бабе послала. Если ты пошевелинешь хоть пальцемъ, я сверну тебѣ голову.

Кто-жъ была эта женщина, возбуждавшая въ Юсифѣ такой гнѣвъ? Это была дочь Бабе, это была сестра его Дина, обращенная и вышедшая замужъ за крестьянина этой деревни.

Такъ начинается повѣсть Кемперта. Въ тотъ же день ввечеру неизвестная рука начертала на дверяхъ Юсифа три слова: Агасферъ Проклятый жидъ! Эта таинственная надпись безпокоитъ Юсифа. Послѣ гнѣва чувствуетъ онъ угрызеніе совѣсти. Точно ли Богу угодно, чтобъ уже десять лѣтъ отвергалъ онъ сестру свою? Эта смѣсь мученій

и сомнѣній передана авторомъ очень искусно. Узнавъ, что сестра его беременна, онъ еще болѣе ощущаетъ угрызеніе; гнѣвъ его мало-помалу смягчается.

Прекрасно изображена сцена смерти старой Бабе. Она сохранила воспоминаніе о своемъ дѣдушкѣ, который подвергся нѣкогда величайшимъ оскорбленіямъ отъ своихъ единовѣрцевъ, за какую-то вину, которой она не знала. За нѣсколько дней до смерти она въ мистическомъ восторгѣ открываетъ сыну своему, что скрыла въ одно потаенное мѣсто книгу этого дѣда, за которую его гнали Раввины.

Съ жадностію схватилъ Іосифъ книгу и началъ читать. Какая неизвѣстная сладость проникла душу его! Какой чудный свѣтъ озарилъ его умъ? Священная нравственность правилъ казалась ему непостижимою. Она вполне объяснила состояніе души его.

Манускриптъ дѣда былъ ни что иное, какъ переводъ Евангелія отъ Св. Маттея, писанный рукою старика. Эти высокія истины, измѣнившія цѣлую вселенную, должны были указать ослѣпленному божественное происхожденіе ихъ. Но Іосифъ ничего не знаетъ и не слышалъ никогда. Онъ въ простодушіи думаетъ, что это сочиненіе его дѣда.

Мы не описываемъ сцены, бывшей потомъ между Іосифомъ и Раввиномъ, къ которому онъ принесъ этотъ манускриптъ; послѣ этого свиданія Іосифъ пошелъ въ поле, гдѣ обыкновенно работала погибшая сестра его — и сталъ просить у ней прощенія. Слова Спасителя, на горѣ поучавшаго слушателей, совершенно истребили его ненависть. Онъ самъ вдругъ дѣлается земледѣльцемъ и работаетъ вмѣстѣ въ своей сестрою.

— Сколько богатыхъ жатвъ произростетъ еще изъ этихъ святыхъ сѣмянъ! — восклицаетъ авторъ въ концѣ разсказа.

Душевно желаемъ Леопольду Кемперту продолжать труды свои безъ торопливости. Цѣль сочиненій его не только литературная, — а гораздо выше и похвальнѣе.

Госпожа Гюйонъ.—Мнѣнія о госпожѣ Гюйонъ весьма различны. На нее смотрѣли до-сихъ-поръ, или какъ на сивиллу, или какъ на помѣшанную. Въ-самомъ-дѣлѣ она была отчасти тѣмъ и другимъ. Должно признаться, что въ нашей натурѣ, разумное и нелѣпное иногда такъ тѣсно связываются, что трудно положить между-ними рѣзкую границу. Если трудна литературная критика произведеній какого-нибудь писателя, нравственная критика, оцѣнка его характера еще труднѣе; она требуетъ разбора. если неменѣе тонкаго то, по-крайней-мѣрѣ, болѣе глубокаго. Госпожа Гюйонъ сама изучала, анализировала себя, но все-таки не знала себя и не понимала. Чтобы хорошо понять себя, должно, такъ-сказать, выдти изъ себя, раздвоиться. Г-жа Гюйонъ заключала въ себѣ въ одно время большую легкость воображенія и значительную силу. Предоставляя болѣе искуснымъ критикамъ оцѣнить произведенія этой замѣчательной женщины, мы хотимъ представить ее

болѣе съ внутренней стороны. Рѣдко понятая, преслѣдуемая врагами съ ожесточеніемъ, много страдавшая за свои убѣжденія, она нашла въ этихъ убѣжденіяхъ мужество для перенесенія жизни, полной испытаній, лишеній, пожертвованій,

Жанна-Марія Бувьеръ де-ла-Мотъ родилась въ 1648 году, 13 апрѣля. Ея первое воспитаніе, кажется, лишено было того постояннаго надзора, который образуетъ молодое сердце. Переходя безпрестанно изъ монастыря въ отеческій домъ, и изъ отеческаго дома въ монастырь, она не могла имѣть правильнаго направленія; этому невнимательному воспитанію должно приписать отчасти заблужденія, которыми она предалась въ послѣдствіи. Преимущественно печалило ее явное предпочтеніе, которое оказывали ей брату. Онъ обращался съ ней весьма сторго, и мать не удерживала его. «Подобнаго рода поступки», говоритъ она, «огорчали меня. Я не старалась дѣлать ничего хорошаго, говоря, что это ни къ чему не послужить.... Дѣвушка, которая ходила за мною, дурно поступала со мною. Мой отецъ не зналъ ничего объ этомъ; онъ любилъ меня и не позволилъ-бы дурно обращаться со мною. Когда мать моя жаловалась на меня, онъ отвѣчалъ всегда: «Время еще не ушло, она исправится». Причиною моего несчастья было то, что не могли ужиться съ людьми, которые обращались со мною худо, я прибѣгла къ тѣмъ, которые меня ласкали. Эти-то люди сдѣлали мнѣ много зла».

То, чего она не нашла у своей матери, она встрѣтила, не надолго, впрочемъ, въ старшей сестрѣ, родившейся отъ перваго брата ея отца, и удалившейся потомъ въ монастырь. Привязанность этой сестры была благодѣтельнымъ бальзамомъ для души молодой дѣвушки.

«Я часто гала», говоритъ г-жа Гюйонъ въ своихъ запискахъ, «я чувствовала, что мое сердце легковѣрно и слабо. Суетность овладѣла моимъ разсудкомъ; я начала проводить бѣольшую часть времени передъ зеркаломъ. Я находила столько удовольствія видѣть себя, что мнѣ казалось совсѣмъ не страннымъ, что другіе меня хвалятъ».

Эта суетность, впрочемъ, была поддерживаема самою матерью, которая думала только о томъ, чтобы ея дочь посѣщала собранія и одѣвалась какъ можно наряднѣе. Разумѣется, при такомъ родѣ жизни, ей незапрещено было читать романы, и такимъ-образомъ вскорѣ они сдѣлались исключительною ея страстью.

Дѣвицѣ де-ла-Мотъ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда она вышла за-мужъ за г. Гюйона. Съ нею не совѣтовались объ этомъ бракѣ; ее заставили подписать контрактъ, не объясняя, что такое бракъ. Многіе искали руки ея, но «страхъ, чтобы я не оставила отечества», говоритъ она, «и большое богатство г. Гюйона, побудили отца и мать согласиться на этотъ бракъ. И вскорѣ я увидѣла, что домъ, въ которомъ я жила съ своимъ супругомъ, будетъ для меня не тѣмъ, что я ожидала. У отца моего я жила свободно, могла говорить, что хотѣла, и все, что я говорила, одобрялось; здѣсь меня слушали только для того, чтобы противорѣчить мнѣ. Если я говорила краснорѣчиво, то думали, что я хочу давать наставленія. Такъ какъ всѣ родные моего мужа были очень пылки, то иногда ссорились

между-собою, и только тогда я ладила съ ними; но едва между ними заключался миръ, они тотчасъ снова соединялись противъ меня. Годы брака были для г-жи Гюйонъ хорошею школою смиренія и терпѣнія. Она страдала сама отъ своего несчастнаго характера. Ея привязанность къ отцу была такъ велика, что не желая его опечалить, она ему никогда не говорила о своихъ домашнихъ непріятностяхъ.

— Меня обвиняли, говоритъ она, во всемъ, что было худо сдѣлано въ хозяйствѣ, испорчено или изломано. Я сначала говорила правду: что это не моя вина, но они настаивали, и я уже ничего не отвѣчала; тогда меня обвиняли не только въ проступкѣ, но и во лжи.... Свекровь моя говорила обо мнѣ худо; она меня обижала, при комъ бы то ни было. Она осуждала даже живость моего разума.

Несправедливо представляютъ г-жу Гюйонъ постоянно погруженною въ мистическія созерцанія. Она умѣла дѣйствовать, стараться о пользѣ другихъ, словомъ, понимала жизнь, какъ она есть. Раздражительный до излишества г. Гюйонъ выходилъ часто изъ себя. Слабое его здоровье играло въ этомъ случаѣ, вѣроятно, немаловажную роль. Онъ страдалъ почти постоянною подагрой, къ которой присоединились еще другія болѣзни, неменѣе тягостныя. Она ухаживала за нимъ до конца его жизни, съ истиннымъ самоотверженіемъ, бодрствуя около его постели по цѣлымъ недѣлямъ, такъ-что сама захворала.

Г-жа Гюйонъ, въ своей біографіи, изъ которой мы извлекаемъ эти подробности, анализируетъ, судитъ сама себя съ искренностью, которую трудно встрѣтить въ жизни. Женщина эта, такъ часто почитаемая безумною, и на которую, можетъ-быть, дѣйствительно иногда находили минуты помѣшательства, удивляетъ насъ своимъ здравымъ смысломъ, практическимъ разсудкомъ, простотою, наивною выраженіемъ. Вдова съ восемнадцати лѣтъ, она сначала совершенно посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей. Но позже она оставила Францію, въ сопровожденіи своей дочери. Это путешествіе было совершено ею съ религіозною цѣлью католической пропаганды. Изъ Жесса г-жа Гюйонъ переѣхала въ Тононъ, и жила тамъ довольно долго, занимаясь благотивными дѣлами и воспитаніемъ дочери.

Въ эту эпоху она жила въ неизвѣстности, жизнь, скрытая отъ всѣхъ, согласовалась съ ея мечтательными привычками. Но она напрасно искала спокойствія, и еще задолго до споровъ съ Боссюэтомъ должна была перенести непріятности и обманы всѣхъ родовъ, которые такъ часто постигаютъ людей, по своимъ способностямъ выходящихъ изъ обыкновеннаго круга. Чтобы избавиться отъ непріятностей затруднительнаго положенія, г-жа Гюйонъ, послѣ довольно долгаго пребыванія въ Тононѣ, переѣхала Альпы и поселилась въ Туринѣ; потомъ она жила въ Греноблѣ, Ницѣ, Марселѣ, Версали и наконецъ въ Парижѣ. Въ Италіи она была принята и покровительствуема многими духовными лицами. Впрочемъ вообще тамъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, она кончала тѣмъ, что подвергалась притѣсненію и интригамъ. Ее преслѣдовали за ея мнѣнія, за старанія, которыя она употребляла для распространенія этихъ мнѣній, за успѣхъ, приобретаемый ею,

и также за ея сношенія съ Ла-Комбомъ. Ла-Комбъ былъ изъ Тонона. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ ученикомъ Молина.

Госпожа Гюйонъ познакомилась съ Фенелономъ въ Боне, около Сень-Сира, у г-жи Бетюнь. Они прибыли вмѣстѣ въ Парижъ. Во время дороги она старалась объяснить ему свои идеи. Позже, архіепископъ камбрейскій встрѣчался съ нею у ея дочери, которая вышла замужъ за графа де-Во, сына знаменитаго Фуке.

Фенелонъ склонялся нѣсколько къ идеямъ г-жи Гюйонъ, и не удивительно, что его сношенія съ ней возбудили неудовольствіе Боссюета.

Ученіе госпожи Гюйонъ предоставлено было разобрать Боссюету. Боссюетъ былъ конечно справедливъ; но развѣ достаточно быть справедливымъ? Въ своихъ преніяхъ съ госпожею Гюйонъ онъ иногда выходилъ изъ границъ терпимости. Онъ такъ мало понималъ госпожу Гюйонъ, что обвинялъ ее въ ханжествѣ, на что она отвѣчала: «Странное ханжество, которое продолжается всю жизнь, и которое, вмѣсто того, чтобъ принести выгоду, производитъ постоянно неудовольствія, клеветы, непріятности и всѣхъ родовъ несчастія! Вѣроятно, я весьма неопытная ханжа, и не понимаю этого искусства, потому-что такъ мало въ немъ успѣваю.» Боссюетъ упрекалъ ее также въ гордости. Причиною этому была, вѣроятно, увѣренность, съ которою она всегда излагала свое убѣжденіе.

Множество нелѣпныхъ разсказовъ сочинялось объ ней; имъ вѣрила публика, и тѣ, которые собирали эти разсказы, нерѣдко еще съ большимъ жаромъ обвиняли ее. Противъ нея были вооружены очень многіе. Всего болѣе раздражалъ ихъ успѣхъ госпожи Гюйонъ, которая привлекла на свою сторону нѣсколькихъ женщинъ, замѣчательныхъ по своему положенію въ свѣтѣ. «Когда эти дамы, говоритъ она, жили въ свѣтѣ, носили мушки, натирались румянами, когда нѣкоторыя изъ нихъ разоряли свои семейства игрою и издержками на наряды, тогда не находили ничего дурнаго въ нихъ и оставляли ихъ въ покоѣ. Когда же они оставили все это, тогда стали кричать, что я ихъ погубила. Еслибы я ихъ заставила промѣнять благочестіе на роскошь, кажется, и тогда не подняли бы большаго шума.» Однимъ-словомъ, враги ея успѣли въ томъ, что ее заключили въ тюрьму. Въ декабрѣ 1695 года, госпожа Гюйонъ была отвезена въ Венсенъ, потомъ отправили ее въ монастырь св. Омы, а оттуда въ Бастилію. Объ этомъ долгомъ заточеніи мы почти ничего не знаемъ. Она говоритъ только въ своихъ запискахъ, что была счастлива въ это время. Въ Венсенѣ она сочиняла духовныя стихотворенія, которыя пѣла съ своею дочерью, прислуживавшею ей.

Въ 1702 году, госпожа Гюйонъ получила свободу; умерла она въ 1717 году, на 69 году своей жизни. Любопытны послѣдніе годы ея. Она провела ихъ въ отдаленіи отъ свѣтскаго шума, посѣщаемая друзьями.

Госпожа Гюйонъ замѣчательна не какъ теологъ, но какъ женщина и писательница откровенная и простодушная. Не говоримъ о ея сти-

хахъ, которые не намѣрены защищать, но о прозѣ; которая у ней проста и естественна; несмотря на множество небрежныхъ и неправильныхъ сторонъ, слогъ ея можетъ нравиться. Невольно видишь, не смотря на всѣ эти литературные недостатки, чистоту мыслей, явное доказательство искренности ея сердца. Чистосердечіе не геній, но несмотря на то, оно едвали не рѣже встрѣчается. Упрекають женщину въ томъ, что онѣ любятъ болтать, и въ-особенности, когда пишутъ: это несправедливо; въ это-то время они и дѣлаются замѣчательными писательницами. «Одинъ разсудокъ умѣетъ молчать; сердце умѣетъ только говорить». Эти слова Жанъ-Поля лучше всего можно примѣнить къ госпожѣ Гюйонъ. Она писала съ удивительною легкостію; сорокъ томовъ ея сочиненій это доказываютъ; уставала у ней рука, но разсудокъ всегда готовъ былъ высказываться, несмотря на тысячи препятствій, которыя представляли ей ея слабое здоровье, семейныя обстоятельства и положеніе въ свѣтѣ. Кажется, что она никогда не перечитывала и не исправляла написаннаго ею, а предоставляла полную свободу перу. Можно навѣрно сказать, что она не думала о томъ, что нынче называютъ искусствомъ, однакоже она истинная артистка, болѣе, нежели это кажется. Она умѣетъ рисовать когда захочетъ. Что видитъ она, то видитъ и читатель, что она рассказываетъ, то остается надолго въ нашей памяти. Мы легко и скоро знакомимся съ лицами, выводимыми ею на сцену, съ ея сестрами, мужемъ, свекровью.

Красота, умъ, всѣ эти дары природы, которыхъ у нея такъ много,—она равнодушна къ намъ, не довѣряетъ имъ. Разсудокъ у ней твердъ, воображеніе плодовитое и сильное; госпожа Гюйонъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ погружалась въ созерцаніе самой-себя. Изъ всѣхъ страданій этого міра, одного не знала Гюйонъ — это нужды. Жаждающая униженія, она хотѣла узнать и ее; она говоритъ иногда, что испытала бы это несчастіе съ радостію.

Истинная вѣра въ сердце и въ жизни; заблужденіе въ разсудкѣ какой-то ошибочный, извинительный мистицизмъ — вотъ госпожа Гюйонъ! Эта женщина, которую считаютъ слабою, обладала, напротивъ, однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ разсудковъ, которые имѣютъ мужество, несмотря ни на что, идти до конца своей цѣли, не измѣняя ее и оставаясь самобытными.

— Каково подь водою?—Послѣ описанія подводной лодки Пайерна, о которой мы говорили въ прошломъ номерѣ, слѣдуетъ сообщить о новомъ водолазномъ приборѣ Грина въ Буффано (Соединенные Штаты). Онъ предпринялъ недавно отыскать на днѣ озера Эріе, потонувшій пароходъ *Атлантикъ*, и описываетъ слѣдующимъ образомъ свои ощущенія. Еще въ первый разъ водолазь достигалъ такой глубины, какъ онъ. Прежде доходили до 126 футовъ глубины, а онъ опустился до 154 фут. Аппаратъ его состоитъ изъ совершенно непромокаемой одеж-

ды изъ каучука. Только на головѣ мѣдная каска, обхватывающая лицо толстымъ, полированнымъ стекломъ. Къ этой каскѣ придѣланы трубочки, посредствомъ которыхъ съ лодки накачиваютъ воздухъ. Этотъ воздушный насосъ требуетъ отъ 4-хъ до 6 человекъ для накачивания; давленіе на легкія водолаза составляетъ неменьше 75 фунтовъ на квадратный дюймъ, — и не многіе люди въ состояніи выдержать это давленіе. Когда Гринъ въ первый разъ надѣлъ свой аппаратъ, ему казалось, что онъ тотчасъ же задохнется. Но это ощущеніе становится слабѣе по мѣрѣ углубленія подь водою. На глубинѣ 10 футовъ каучукъ производитъ давленіе на тѣло въ 10 фунтовъ; только голова, покрытая шлемомъ, не ощущаетъ еще этого давленія. Потомъ водолазъ чувствуетъ чрезвычайную тяжесть въ процессѣ дыханія и во всемъ тѣлѣ. Щеки его расширяются, голова какъ-бы хочетъ лопнуть. Это ощущеніе продолжается покуда онъ не опустится еще на 10 — 12 футовъ глубже. Тогда исчезаетъ всякая боль, и водолазу дѣлается легко. На глубинѣ 60-ти футовъ окружаютъ пришельца жители водянаго царства, полагая, что онъ брошенъ имъ въ пищу. При 75 футахъ исчезаетъ дневной свѣтъ. Водолазъ уже въ глубокой темнотѣ — и во внутренности каски является электрической свѣтъ отъ дѣйствій насоса. На глубинѣ 116 футовъ вода чрезвычайно холодна и не болѣе 4—5° выше точки замерзанія. Дальнѣйшіе опыты, вѣроятно, доставятъ еще больше подробностей.

— Разсказъ врача объ одномъ случаѣ сомнамбулизма, месмеризма и ясновидѣнія. — Президентъ хирургической коллегіи къ Калькуттѣ, г. Эсдейль, первый ввелъ въ Остъ-Индіи примѣненіе искусственнаго сомнамбулизма къ производству хирургическихъ операцій. Простѣйшее и сильнѣйшее дѣйствіе хлороформа было тогда еще неизвѣстно, и англійское правительство обратило особенное вниманіе на методу Эсдейля, поручивъ ему учредить въ Калькуттѣ месмерическую больницу, въ которой и назначали его главнымъ врачомъ. Въ этомъ званіи собралъ онъ всѣ случаи, встрѣчавшіеся въ многочисленной его практикѣ, и всякой разъ заставлялъ подтверждать ихъ свидѣтельствомъ достовѣрныхъ лицъ. Описаніе всѣхъ этихъ случаевъ издалъ онъ въ отдѣльной книгѣ, подъ названіемъ: *Месмеризмъ въ Остъ-Индіи*.

При всѣхъ заблужденіяхъ, порожденныхъ шарлатанствомъ въ наукѣ животнаго магнетизма, любопытно читать сужденія врача, который пользуется сомнамбулизмомъ только для производства хирургическихъ операцій, вовсе не вѣря въ мнимыя чудеса этого болѣзненнаго состоянія. Однакоже, онъ утверждаетъ, что извѣстная степень ясновидѣнія неподвержена никакому сомнѣнію. Почитая месмеризмъ искусственно произведеннымъ сомнамбулизмомъ, онъ говоритъ, что ясновидѣніе принадлежитъ къ явленіямъ этой болѣзни. Но ясновидѣніе это производится только въ искусственномъ сомнамбулизмѣ, а въ естественномъ никогда не случается. Лунатики видятъ собственными

глазами, а не желудкомъ и не затылкомъ. Эти ясновидящія никогда не могутъ описывать, что происходитъ въ это время далеко отъ нихъ, не прописываютъ лекарства отъ болѣзней и не угадываютъ человѣческаго характера по прядиволюсь. Однимъ-словомъ, докторъ Эсейль вовсе не раздѣляетъ мнѣнія своихъ собратьевъ — магнетизеровъ. Вѣря въ ясновидѣніе, онъ приписываетъ этому состоянію только-то, что въ естественномъ порядкѣ вещей возможно. Притомъ же онъ сознается, что основываетъ свое вѣрованіе въ ясновидѣніе только на разказахъ другихъ. Самъ же въ-продолженіе долготѣней практики онъ имѣлъ случаи только однажды убѣдиться въ немъ. Вотъ какъ онъ рассказываетъ этотъ случай:

«29 февраля 1848 года посѣтилъ я одного больного г. Макензи. Покуда я съ нимъ говорилъ, вошелъ кто-то быстро въ комнату, и просилъ меня поскорѣе зайти въ комнату хозяйки (г-жи Макензи), упавшей въ обморокъ. Я поспѣшилъ къ ней, вспомнивъ, что входя въ домъ, видѣлъ ее совершенно здоровою. Теперь, войдя въ ея комнату, нашелъ я, что она лежала на постелѣ съ открытыми глазами, безъ дыханія, съ сжатымъ ртомъ и въ видимо-летаргическомъ состояніи.

Окружавшіе ее, рассказали мнѣ, что подобные припадки часто съ нею бывають, и продолжаются по нѣскольку часовъ. Я подошелъ, положилъ свою руку къ ней на голову, и началъ дышать ей въ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ дыханіе ея сдѣлалось правильно,—и еслибъ глаза не были открыты, всякой подумалъ бы, что она находится въ натуральномъ снѣ.

Это измѣненіе въ процессѣ дыханія навело меня на мысль, что я нечаянно произвелъ въ ней месмерическій сонъ. Я сообщилъ свою идею ея родственникамъ, и предложилъ имъ разбудить ее приемами магнетизера. Черезъ нѣсколько мгновеній послѣ моихъ манипуляцій она проснулась и чувствовала себя здоровою.

Чтобъ вполне убѣдиться въ своемъ предположеніи, я подошелъ къ ней тихонько, въ то время, какъ она, отвернувшись отъ меня, говорила съ другими, — и произвелъ нѣсколько магнетизерскихъ приемовъ для усыпленія ея.... Вдругъ глаза ея стали неподвижны, — и она впала въ глубокій сонъ. Тогда я убѣдилъ ея родныхъ, что она въ этомъ положеніи слѣпа, глуха, не имѣетъ чувства осязанія, не ощущаетъ боли и сверхъ-того находится въ катаlepsическомъ состояніи. Тѣло ея принимало самыя необыкновенныя положенія,—и это вовсе не безпокоило ее, какъ восковую куклу. А какъ неподвижно открытый взоръ ея безпокоилъ родныхъ, то я закрылъ ея вѣки, положилъ ее на кровать и далъ уснуть полчаса; — потомъ разбудилъ ее нѣсколькими манипуляціями. Она объявила мнѣ, что была въ безпамятствѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я прошелъ къ ея мужу, но ничего не помнила о томъ, что недавно проснулась и разговаривала съ своими родными. Это явленіе вовсе не удивило меня.

Съ этой минуты я былъ убѣжденъ въ полномъ своемъ вліяніи надъ нервною системою этой женщины. Я могъ ее всегда погружать въ магнетическій сонъ. Видя нервическое ея разстройство, при силь-

номъ бѣненіи сердца, я расчелъ, что ежедневный магнетическій сонъ будетъ для нея полезенъ. Пять дней сряду приводилъ я ее въ этотъ сонъ. Глаза ея были всякій разъ открыты, зрачки расширены и вся она въ спазматическомъ состояніи. Сонъ ея обыкновенно продолжался два часа. Проснувшись, чувствовала она себя здоровѣе и сильнѣе. Мнѣ ни разу не приходило на мысль производить надъ нею опыты ясновидѣнія, но печальный случай рѣшилъ и это.

Когда на шестой день усыпиль я ее и укладывалъ въ постель, пришла мнѣ на мысль книга Петитена о разговорѣ съ сомнамбулами посредствомъ желудка ихъ. Я наклонился къ желудку г-жи Макензи и назвалъ ее по имени.

— Что? — отвѣчала она полувнятнымъ голосомъ.

Я повторилъ свое обращеніе къ ней на ухо, но не получилъ отвѣта. Когда-же опять, по прежнему, наклонился къ желудку, она отвѣчала мнѣ на всѣ вопросы. Нѣсколько разъ прерывалъ я ихъ и говорилъ ей въ ухо; но ни разу не получалъ отвѣта.

Разговоръ чрезъ желудокъ происходилъ медленнѣе обыкновеннаго, монотонно и съ разстановкою послѣ каждаго слова, на примѣръ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Софья—Гертруда—Макензи.

— Чѣмъ вы не здоровы?

— Сильное бѣненіе сердца.

— И въ эту минуту?

— Нѣтъ.

— Будетъ-ли съ вами сегодня опять припадокъ?

— Нѣтъ.

— Увѣрены-ли вы въ этомъ?

— Увѣрена.

— Не болитъ-ли у васъ еще что?

— Болитъ.

— Что-же?

— Желудокъ.

— Прекратится-ли боль отъ месмерическаго леченія?

— Прекратится.

— Долго-ли хотите вы проспать?

— Часъ.

Въ это время на стѣнныхъ часахъ пробило часъ пополудни. Я спросилъ у больной: которой часъ, полагая, что она, можетъ-быть, слышала бой часовъ,—но она отвѣчала:

— Безъ четырехъ минутъ часъ.

— По какимъ часамъ?

— По вашимъ. (Я вынулъ свои часы; больная совершенно была права).

— Слышите ли вы теперь своими ушами?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ-же?

— Желудкомъ.

Больная никогда не видала моихъ часовъ. Я положилъ ихъ ей на желудокъ, и спросилъ ее, какого они устройства. Она мнѣ въ точности описала ихъ.

— Вы ихъ видите своими глазами?

— Нѣтъ.

— Но глаза у васъ открыты.

— Завяжите ихъ мнѣ.

Хотя по неподвижности глазъ я и увѣренъ былъ, что она не можетъ ими видѣть, но завязавъ ихъ и продолжалъ съ нею разговоръ:

— Видите-ли вы меня?

— Вижу.

— Какимъ-же образомъ?

— Желудкомъ.

— Что у васъ теперь лежитъ на желудкѣ?

— Медальонъ, (я положилъ его въ эту минуту.)

— Что въ немъ скрывается?

— Волосы жены вашей.

— Сколько людей въ компаніи.

Она всѣхъ назвала, и даже одну гостью, пришедшую во-время ея сна.

Взявъ у мужа карманные часы его, зажавъ ихъ въ руку и держа за спиною больной, я спросилъ:

— Что у меня въ рукахъ?

— Часы.

— Чьи?

— Моего мужа.

— Который на нихъ часъ?

— Десять минутъ втораго.

Это была первая ошибка. На этихъ часахъ было еще три четверти перваго.

Я положилъ ей на желудокъ кожаный портфейль, — и спросилъ у ней, что она видитъ?

— Ничего.

— Попробуйте. У васъ что-то лежитъ на желудкѣ.

Послѣ продолжительнаго молчанія она сказала:

— Да! я что-то вижу.

— Что-же такое?

— Медальонъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ это табакерка.

— Тоже нѣтъ.

— Такъ я не умѣю назвать.

— Какаго-же цвѣта эта вещь?

— Темнозеленаго. (Въ этомъ она была права.)

— Не устали-ли вы?

— Устала.

— Отъ разговора и отъ зрѣнія желудкомъ.

— Не хотите ли лечь?

— Положите меня.

Я съ трудомъ положилъ ее, потому-что все тѣло ея было какъ-бы окаменѣлое. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ сталъ я ее спрашивать, но уже не получалъ отвѣта. Силы ея истощились и магнетизмъ уже не могъ дѣйствовать.

Когда г-жа Макензи проснулась, то ничего не помнила. Она только удивилась, что была такъ слаба, тогда какъ прежде по пробужденіи чувствовала себя всегда здоровѣе и сильнѣе. Явно было, что разговоръ мой требовалъ сильнаго напряженія всей ея нервной системы. — Съ тѣхъ-поръ она отказалась отъ магнетическаго леченія. А потому я уже и не имѣлъ случая пролжать своихъ опытовъ.

Нище въ Остѣ-Индіи.—Кажется, нѣтъ въ мірѣ благообразнѣе климата и плодороднѣе почвы, какъ въ Бенгалѣ. Жизнь тамъ дешева, и обычаи страны не требуютъ роскоши. Несмотря на то, нигдѣ такъ много не встрѣчается нищихъ. Самая легкость, съ какою тамошній житель добываетъ себѣ пищу, служитъ къ тому, чтобъ дѣлать его безопаснымъ, — и отъ этого нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы бѣдность и нищета проявлялись въ разнообразнѣйшихъ и болѣе ужасающихъ формахъ.

Хотя тамъ и не введены, какъ въ Англіи, пошлины въ пользу бѣдныхъ, но всѣ охотно подаютъ подаваніе. Европейцы очень мало раздаютъ по улицамъ милостыню, потому-что выѣзжаютъ только въ каретахъ, или въ паланкинахъ, для избѣжанія жара, — но всякій домъ имѣетъ своихъ нищихъ, которымъ подаютъ пособія еженедѣльно, или помѣсячно, — а въ городахъ, въ субботу сходятся у всякаго богатаго дома толпы бѣдныхъ, для полученія отъ привратниковъ пригоршни каурисовъ, или порціи сарачинскаго пшена. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ бѣдныхъ, есть въ Остѣ-Индіи множество нищенствующихъ сектъ.

Въ Бенгалѣ ихъ двѣ главныя секты, *Сониассы* и *Бираи*. Первые поклоняются Магадеви. Они, по закону своему, не могутъ жить въ домахъ, ни въ храмахъ, а должны обитать въ лѣсахъ и пустыняхъ, подъ сводомъ неба, чтобъ могли по ночамъ размышлять о величіи Творца, созерцая Его твореніе. Ребенокъ, принадлежащій къ сектѣ Сониассовъ, долженъ съ малолѣтства носить на лбу знакъ Сивы. Волоса его должны быть отпущены и никогда не чесаны, — тогда какъ другихъ дѣтей въ Индіи стригутъ и чешутъ. Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, онъ даетъ обѣтъ цѣломудрія и получаетъ изъ рукъ брамина монашескую одежду *мунтро*, состоящую изъ шкуры антилопы и куска толстой ткани длиною въ семь футовъ, окрашенной въ желтую охру. Эта ткань служитъ ему мантиею, — а шкура антилопы постелью. Если и то и другое изнашивается, то нельзя ихъ ни чинить, ни замѣнить новыми, предполагая, что къ этому времени Индусъ довольно уже окрѣпнетъ, чтобъ обойтись безъ одежды. Говорятъ, что нынѣшніе Сониассы не такъ

строга уже соблюдаютъ свои правила, но прежде многіе до-тѣхъ-поръ сиживали неподвижно и предавались размышленіямъ, что сообщались съ своими божествами. Теперь они бросили прежнія свои занятія, разжирѣли и ходятъ по городамъ и деревнямъ, вымазавъ тѣло золою и охрою, а волосы заплетая въ длинныя косы, составляющія вокругъ головы родъ красиваго тюрбана. Лица и руки ихъ покрыты бѣлыми и красными рисунками, эмблемами Сивы. Въ рукахъ носятъ они такой треугольникъ, какъ въ рукѣ у кумира Магадѣви и на крышахъ храмовъ.

Нѣтъ нищихъ докучливѣе и наглѣе Соніассовъ. Они преслѣдуютъ богачей съ ужасными криками, и вынуждаютъ у нихъ подаваніе. Ихъ никто не смѣетъ беспокоить, или запрещать просить милостыни.

Бираги — другая секта — не такъ настойчива. Они тоже болѣею частію живутъ на открытомъ воздухѣ, хотя имъ и не запрещено обитать въ домахъ. Они разнятся отъ Соніассовъ тѣмъ, что мужчины и женщины плотно стригутъ свои волосы, и обвертываются въ кусокъ ткани, какъ шотландцы въ свои плащи. Они носятъ ошейники изъ малаха (корня священнаго дерева) и имѣютъ запасы риса въ тыквахъ. Послѣ смерти ставятъ ихъ въ стоячемъ положеніи въ гробъ — и такимъ образомъ сожигаютъ. Когда бираги просятъ милостыню, то поютъ восхваленіе своему божеству, Кришнѣ, акомпанируя себѣ на бубнахъ, или гонгѣ. Индусы чрезвычайно любятъ эти мотивы, и охотно дарятъ за это пѣвцовъ.

Есть еще третій, менѣе извѣстный разрядъ нищихъ. Если вы сидите у окна, вамъ вдругъ послышится на улицѣ мычанье коровы. Вы взглядываете, чтобъ видѣть откуда забрело это животное. Подъ окномъ стоитъ индусъ, жалобно смотритъ на васъ и протягиваетъ руку. Этотъ человекъ имѣлъ несчастье потерять корову, — и по обряду обязанъ просить милостыню, подражая мычанію коровы, до-тѣхъ-поръ, покуда соберетъ столько денегъ, чтобъ купить себѣ новую. Корова въ такомъ здѣсь уваженіи, что всѣ даютъ милостыню подобнымъ нищимъ.

Употребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Англии — Болгстонскій пасторъ Овенъ издалъ недавно статистическія таблицы объ отношеніи между пьянствомъ и числомъ совершаемыхъ преступленій въ Англии. Вотъ что онъ говоритъ: «Пьянство составляетъ самую страшную язву для нашихъ соотечественниковъ. Въ Лондонѣ 180,000 человекъ, пьющихъ водку, — и ежегодно три миліона фунтовъ стерлинговъ истрачивается на джинъ. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ взято подъ стражу, за пьянство и нарушеніе общественнаго порядка, 249,000 мужчинъ и 183,920 женщинъ. Въ Манчестерѣ истрачивается на крѣпкіе напитки миліонъ фунтовъ стерлинговъ. Въ Эдинбургѣ тысячи шинковъ для продажи водки (160 въ одной улицѣ), а булочниковъ только двѣсти. Изъ двадцати-семи тысячъ бѣдныхъ, двадцать тысячъ могутъ приписать свою бѣдность пьянству. Въ Глазгоу собирается пошлины

въ пользу бѣдныхъ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Ализонъ говоритъ, что десять тысячъ человѣкъ напиваются каждую субботу съ вечера до пьяна, и остаются въ этомъ положеніи въ воскресенье и понедѣльникъ, едва будучи въ состояніи явиться на работу во вторникъ, или въ среду. Глазгоу истрачиваетъ на крѣпкіе напитки миллионъ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и двадцать тысячъ женщинъ поступаютъ ежегодно въ полицію въ пьяномъ видѣ. Что происходитъ отъ этого зла? Сумасшествіе, нищета, развратъ и преступленія всякаго рода. По свѣдѣніямъ, собраннымъ лондонскимъ епископомъ, изъ 1271 сумасшедшаго 649 пронили свой разумъ. Что же касается до пауперизма, извѣстно, что двѣ трети нищенствующихъ обязаны своимъ несчастіемъ пьянству. О развратѣ нечего и говорить. Изъ пятисотъ малолѣтныхъ арестантовъ въ Паркгорстской тюрьмѣ четыреста человѣкъ впади въ преступленія отъ пьянства. Судья въ Салисбюри, Эрскейнъ, объявилъ въ 1844 году, что изъ ста преступленій девяносто девять совершены отъ пьянства. Въ Норвичѣ, судья Патесонъ сказалъ присяжнымъ: «Еслибъ не пьянство, всѣмъ бы намъ нечего было дѣлать.» По всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ видно, что общества трезвости не принесли еще ожидаемой пользы въ Англіи.

Фабрика шампанскаго. — Англійскій туристъ, посѣщавшій нынѣшнею весною Эперней, рассказываетъ о знаменитой фабрикѣ Моэта. Она находится за городомъ, на скатѣ отлогого холма, обсаженнаго, какъ и всѣ прочіе около Эпернея, виноградниками. Домъ Моэта находится въ оградѣ самой фабрики, и знаменитъ тѣмъ, что въ 1814 году Наполеонъ ночевалъ въ немъ, послѣ сраженія при Монмиралѣ. Въ погребѣ спускаются по ступенямъ, изсѣченнымъ въ известковой скалѣ. Этотъ погребъ простирается на полчаса ходьбы подъ землею, и составляетъ настоящій лабиринтъ. Въ немъ стоятъ нѣсколько миллионъ бутылокъ, которыхъ длинныя шеи и серебряныя головки представляютъ рѣдкое зрѣлище. Часто бутылки лопаются, какъ бы отъ нетерпѣнія, — и тогда происходитъ настоящій батальный огонь. Когда начнется это бутылочное волненіе, отправляютъ тотчасъ туда отрядъ работниковъ, покрытыхъ панцырями, чтобъ потушить его. У работниковъ надѣты на глаза проволочныя маски. Иногда погибаетъ при этихъ взрывахъ до пятисотъ тысячъ бутылокъ, а потому при выборѣ бутылокъ наблюдается чрезвычайная осторожность. Вообще потери бутылокъ составляютъ 20% всего запаса. Вся работа совершается здѣсь при лампахъ. Дневной свѣтъ никогда не проникаетъ въ этотъ погребъ.

Вообще при фабрикаціи шампанскаго прибавляютъ къ нему немного бѣлаго, или краснаго вина съ распущеннымъ въ немъ леденцомъ. Для назначаемого въ Англію прибавляютъ немного спирта. Отправляемое въ Россію и другія мѣста остается чистымъ.

Все количество добываемаго во Франціи востоящаго шампанскаго простирается до пятидесяти миллионъ бутылокъ.

Любопытныя данныя изъ статистики парижскихъ театровъ. — Нѣтъ ни одной цивилизованной страны, въ которой было бы столько театровъ и писалось бы столько театральныхъ пьесъ, какъ во Франціи. Театръ сдѣлался тамъ предметомъ первой потребности, нравственной, такъ-сказать, пищею массъ, сталъ почти наравнѣ съ пищею тѣла.

Парижанинъ не можетъ жить безъ театра, какъ не можетъ пообѣдать безъ стакана вина; бѣднѣйшій работающій классъ народа идетъ въ воскресенье въ театръ, точно такъ же, какъ выпиваетъ въ воскресенье бутылку вина за обѣдомъ; онъ даже часто экономитъ въ винѣ, чтобъ посмотрѣть какую-нибудь раздирательную драму, или площадно-смѣшной водевиль, похлопать своему любимцу Фредерику Леметру, или посмѣяться надъ выходками Арналя, Гіасента, надъ пѣсенкою Левассера. Это объяснить необыкновенную плодовитость французскихъ драматурговъ и бѣдность французской драматургіи. Драматурговъ много; хорошихъ драмъ нѣтъ. Въ городѣ, гдѣ много жителей, а слѣдовательно, много желудковъ, много и пекарей; а такъ-какъ театръ сдѣлался во Франціи почти такою-же потребностью, какъ хлѣбъ, то понятно, что во Франціи много драматурговъ. Жаль только, что массы не разборчивы: имъ лишь бы насытиться. Гастрономическая утонченность вкуса доступна только немногимъ избраннымъ, а потому-то и пекари во Франціи не всѣ хороши; то есть, мало хорошихъ драматурговъ, несмотря на то, что требованій на ихъ произведенія много, и сбытъ хорошій.

Вотъ этотъ-то сбытъ, основанный на сильной потребности, и есть главная причина такого невѣроятнаго размноженія драматическихъ писателей во Франціи. За предметы первой потребности платятъ хорошо, стало-быть, хорошо платятъ и за драматургическія произведенія. Чтѣ за дѣло, что между вами мало хорошихъ! На безрыбьи и ракъ рыба. Публика требуетъ пьесъ, да притомъ еще свѣжихъ — и ставятъ ей свѣжія пьесы, не разбирая, за не имѣніемъ лучшихъ, переварить ли ихъ изящный вкусъ, и не закружится ли отъ нихъ голова у здраваго смысла.

Было, разумѣется, и во Франціи время, когда не платили за драматическія произведенія; но это время уже далеко, и теперь водевиль Клервиль получаетъ болѣе Филарета Шаля и Жюля Жанена, который судить о его водевиляхъ, больше, нежели получалъ Бальзакъ. Понятно послѣ этого, отчего Бальзакъ, авторъ столькихъ превосходныхъ романовъ, написалъ двѣ или три плохія драмы; отчего, не имѣя призванія къ театру, сдѣлалась драматическою писательницей Жоржъ-Зандъ. Чего не дѣлаютъ для денегъ! а написать плохую драму, или плоскій водевиль, право, дѣло не совсѣмъ безразсчетное.

Вотъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ установленіи во Франціи вознагражденія драматическимъ писателямъ. Мы заимствуемъ ихъ изъ «Revue et Gazette de Théâtres».

Споръ между содержателями театровъ и драматическими писателями, о назначеніи послѣднимъ вознагражденія, начался въ 1757 году и продолжался пятнадцать лѣтъ. На этотъ счетъ были изданы королев-

скія предписанія въ 1766 и въ 1780 годахъ, но авторскія права драматическихъ писателей установлены окончательно закономъ 1791 года.

Еще до этого времени драматическіе авторы составили, по совѣту Бомарше, что-то въ родѣ общества, имѣвшаго цѣлью сопротивляться произволу театральнымъ содержателей. Эта первая попытка породила много другихъ обществъ и, наконецъ, «Общество Драматическихъ Авторовъ и Композиторовъ» (Association des auteurs et compositeurs dramatiques), учреждено 7 марта 1829 года. Оно считаетъ въ настоящее время около 500 членовъ, и управляется комиссіей изъ пятнадцати членовъ, выбираемыхъ въ общемъ собраніи.

Авторскія права пишущихъ для театра Большой Оперы, Перваго Французскаго Театра (Comedie Francaise) и для театра Комической Оперы опредѣлены высшею властью; права же пишущихъ для прочихъ театровъ опредѣлены комиссіей, управляющей «Обществомъ». Хотя содержатели театровъ и не изъявляли официально своего согласія на это, но молча согласились съ нимъ. Вотъ распределение вознагражденія авторамъ по театрамъ.

Большая опера.—За Оперу въ 5 дѣйствіяхъ платятъ въ-продолженіе первыхъ сорока представленій по 500 франковъ; въ-продолженіе остальныхъ — по 200; за оперу въ 3 дѣйствіяхъ — 340 и 170 франковъ; за балетъ въ 3 дѣйствіяхъ — 170 и 50 франковъ; за балетъ въ 1 дѣйствіи — 100 и 30 франковъ.

Композиторъ и авторъ либретто дѣлятся всегда пополамъ.

Первый Французскій Театръ платитъ восьмую съ половиною часть сбора за пьесы въ пять и четыре акта, восемнадцатую часть сбора за пьесы въ трехъ дѣйствіяхъ, двадцать-четвертую за пьесы въ двухъ и одномъ дѣйствіяхъ. Авторская часть взимается со сбора, за вычетомъ установленныхъ процентовъ въ пользу бѣдныхъ.

Комическая Опера платитъ восьмую съ половиною часть сбора, за вычетомъ изъ него процентовъ въ пользу бѣдныхъ, за пьесы въ трехъ актахъ, шестую съ половиною за пьесы въ двухъ актахъ, шестую за пьесы въ одномъ актѣ.

Театры: Одеонъ, Водевильный, Смѣси, Драматической Гимназіи, Пале-Рояльскій платятъ 12 процентовъ со сбора.

Театры: Веселости, Амбигю и Сен-Мартенскихъ Воротъ платятъ 10 процентовъ со сбора.

Національный Театръ — отъ 40 до 13 франковъ за пьесу, смотря по ея важности.

Авторская часть взимается спеціальными агентами, которые вычитаютъ изъ нея $1\frac{1}{2}$ процента со 100, на вспомогательную кассу «Общества» и другія его повинности; $2\frac{1}{2}$ процента въ Парижѣ и 15 процентовъ въ провинціяхъ, за труды и расходы по взиманію. Всего собираетъ общество въ годъ, среднимъ числомъ, до 1,000,000 франковъ, а именно: въ Парижѣ 800,000 и въ провинціяхъ 200,000 франковъ. Права на эти сборы имѣютъ около двухсотъ авторовъ; шестнадцать изъ нихъ дѣлятъ между собою первую треть, сорокъ — вторую и сто-сорокъ-четыре — третью.

Къ этому надо присоединить еще суммы, выручаемыя за продажу рукописей книгопродавцамъ и партитуръ музыкальнымъ торговцамъ. Композиторы оперъ отдають обыкновенно авторамъ либретто третью часть суммы, вырученной за напечатаніе партитуры. Наконецъ, авторамъ выдается еще, въ видѣ вознагражденія, известное число билетовъ, которые продаются и приносятъ въ годъ, среднимъ числомъ, до 400,000 франковъ.

Какъ послѣ этого не слѣдѣть драматическимъ писателемъ? Мы удивляемся только тому, что Франція не исключительно населена драматургами.

Любопытно было бы рассчитать, что получили Мейерберъ и Скрибъ за «Роберта», котораго давали недавно въ Парижѣ 336 разъ. «Гвельфовъ и Гибелиновъ» давали до-сихъ-поръ въ Парижѣ 224 раза; «Пророкъ» обѣщаетъ принести не менѣе, потому-что выдержалъ уже 131 представленіе. При этомъ не должно забывать французскихъ провинцій и нѣкоторыхъ иностранныхъ театровъ, которые, въ-слѣдствіе особенныхъ договоровъ съ Франціей, обязаны также платить французскимъ авторамъ за пьесы, которыя ставятъ на свои сцены.

Предлагаемъ кстати нѣсколько статистическихъ свѣдѣній о парижскихъ актеряхъ, сообщаемыхъ въ Journal des Débats».

Въ-теченіе одного обыкновеннаго года, въ одномъ только Парижѣ принимаютъ участіе въ пьесахъ 2,043 человекъ. Эти цифры разлагаются слѣдующимъ образомъ 1,142 мужчины и 901 женщина; изъ нихъ артистовъ 793, хористовъ и воспитанниковъ 552, фигурантовъ 698.

Эти 2,043 человекъ получаютъ жалованья 3,534,990 франковъ.

Въ 1849 году самое большое жалованье, а именно въ Оперѣ, простиралось до 4,350 франковъ въ мѣсяцъ, считая въ томъ числѣ и проспективную плату; самое меньшее жалованье, на маленькихъ театрахъ, доходило до 25 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ настоящее время жалованье артистовъ, занимающихъ первыя роли, ровно вдвое больше того, какое платилось имъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Первые пѣвцы въ «Большой Оперѣ» получали, въ 1713 году, 1,500 ливровъ въ годъ; отъ 1782 до 1786, отъ 5,060 до 15,000 ливровъ; во времена имперіи, отъ 18,000 до 20,000 ливровъ. Въ последнее время первые пѣвцы Большой парижской Оперы стали получать 50, 60 и 80 тысячъ франковъ въ годъ.

Первый Французскій Театръ платилъ въ 1810 году жалованье семнадцати артистамъ, и 45,200 франковъ были достаточны на это; въ 1840 году онъ платилъ 118,617 франковъ двадцати-восьми артистамъ, а въ 1851 году тридцати-восьми артистамъ платилось 130,242 франка.

Сверхъ-того, у Большой Оперы и Перваго Французскаго Театра есть пансіонеры, находящіеся въ отставкѣ. У Оперы 16 пансіонеровъ, которые получаютъ всего вмѣстѣ 22,000 франковъ, а у Перваго Французскаго Театра 22 общника (sociétaires) и три пансіонера въ отставкѣ, получившіе всѣ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ году, 126,125 франковъ.

552 человекъ хористовъ и воспитанниковъ получаютъ вмѣстѣ 377,450 франковъ въ годъ, а 698 фигурантовъ — 155,200 франковъ.

Фигуранты раздѣляются на двѣ категоріи: для однихъ званіе фигуранта есть ремесло; такіе получаютъ отъ 80 до 90 франковъ въ мѣсяцъ и могутъ назваться цвѣтомъ фигурантовъ. Ко второй категоріи относятся фигуранты, нанимающіеся на одно представленіе: конторщики съ небольшимъ жалованьемъ, работники, уличные комиссіонеры, водопосы, натурщики и т. п. Плата этой категоріи распредѣляется слѣдующимъ образомъ: мужчины получаютъ отъ 25 сантимовъ до 2 франковъ въ вечеръ; женщины отъ 50 сантимовъ до двухъ франковъ, дѣти — отъ 20 до 70 сантимовъ. Есть наконецъ фигуранты, болѣею-частью молодые люди, которые служатъ безъ всякой платы.

Оркестры парижскихъ театровъ, считая въ томъ числѣ капельмейстеровъ, состоятъ изъ 639 музыкантовъ, окладное жалованье которыхъ простирается до 601,850 франковъ.

Театры имѣютъ, кромѣ-того, служителей, находящихся при сборахъ, наблюдающихъ за чистотой и т. п.; число ихъ простирается до 575, въ томъ числѣ 520 мужчинъ и 55 женщинъ. Жалованья получаютъ они 350,000 франк. въ годъ. Работниковъ при театрахъ 630 чел., а жалованья получаютъ они 589,000 франковъ. Женщины, отворяющія ложи (*ouvreuses de loges*) получаютъ жалованье только въ двухъ театрахъ: въ Первомъ Французскомъ и въ Лазари (*Petit Lazary*), въ прочихъ же живутъ добровольною платою отъ посѣтелей; но эта добровольная плата доходитъ въ большихъ театрахъ до 600 франковъ въ годъ, а нѣкоторыя изъ нихъ добываютъ и до 2,000 франковъ. Въ Первомъ Французскомъ Театрѣ, женщины, отворяющія ложи, платятъ театру за свои мѣста по 2,000 франковъ одновременно; но онѣ получаютъ тамъ, всѣ вмѣстѣ, независимо отъ того, что пріобрѣтаютъ отъ посѣтелей, 2,500 франковъ въ годъ жалованья. Такихъ женщинъ тамъ двадцать.

Управленіе театровъ состоитъ изъ 125 должностныхъ лицъ, получающихъ 390,000 франковъ въ годъ.

Наконецъ, при театрахъ есть еще сословіе, это — театральные парикмахеры, которыхъ при парижскихъ театрахъ считается шестьдесятъ-два.

Ополченіе фельетонистовъ на Жоржъ-Зандъ.— Несмотря на филиппики Жюль-Жанена и почти поголовное ополченіе парижскихъ фельетонистовъ, Жоржъ Зандъ не намѣрена, подимому, отказаться отъ театра и его выгодъ, тѣмъ-болѣе, что пьесы ея нравятся и даютъ сборы. Оно, впрочемъ, какъ-нельзя-болѣе понятно: у Жоржа Занда такъ много дарованія и энергіи, что она не можетъ написать вполне-плохой пьесы; притомъ же у нея есть слогъ, какимъ немногіе во Франціи могутъ похвалиться. Присоедините ко всему этому оригинальный, совершенно новый взглядъ на искусство,—и вы поймете успѣхъ ея пьесъ. Перѣберите въ памяти ея драмы и комедіи: въ основѣ каждой лежитъ что-нибудь оригинальное и неожиданное.

Мы недавно говорили о ея комедіи «*Le Démon du foyer*»; сегодня

можемъ извѣстить о новой драмѣ ея *Нелло*, съ которой вышла пре-
забавная исторія. Вотъ, что рассказываютъ про эту исторію *J. des*
Débats, Assemblée nationale, Revue et Gazette des Théâtres и другіе
журналы.

Жоржъ Зандъ предназначала главную роль въ своей драмѣ Фредер-
рику Леметру; а какъ Фредерикъ Леметръ принадлежитъ теперь
къ группѣ Театра Смѣси (*des Variétés*), то она и отдала свою драму
въ Театръ Смѣси. Актеры прочли пьесу, увидѣли, что она имъ не
по силамъ, и возвратили автору; но журналъ «*l'Entracte*», продающійся
обыкновенно въ театральнхъ залахъ во-время антрактовъ и служа-
щій содержателямъ парижскихъ театровъ официальнымъ органомъ,
объяснилъ это обстоятельство слѣдующимъ образомъ:

«Г-жа Жоржъ Зандъ, узнавъ, что пьеса, главную роль которой она
«предназначала Фредерику Леметру, была холодно принята актерами
«Театра Смѣси, взяла ее обратно».

Эти немногія строки подняли цѣлую бурю. Г. Лире, фельетонистъ
газеты «*Le Constitutionnel*», помня еще, вѣроятно, что Жоржъ Зандъ
недавно назвала всѣхъ театральнхъ фельетонистовъ *газетчиками* —
именемъ *gazetiers*, поспѣшилъ, со злобною радостью, включить слова
«Антракта» въ свой фельетонъ, прибавивъ къ нимъ нѣсколько по-
ясненій собственнаго изобрѣтенія. Тогда директоръ Театра Смѣси г.
Карнье счелъ долгомъ опровергнуть извѣстіе «Антракта» и пояс-
ненія г. Лире, въ письмѣ, которое онъ написалъ по этому случаю къ
главному редактору газеты «*le Constitutionnel*». Вотъ это письмо:

«Господинъ Редакторъ.

«Я прочелъ въ вашемъ театральномъ фельетонѣ отъ 20-го числа
нынѣшняго мѣсяца, что новая пьеса г-жи Жоржа Зандъ не имѣла ус-
пѣха (*à fait four* — выраженіе, соответствующее нашему школьному
выраженію — «оборвался»; говорятъ оборвался на экзаменѣ, то-есть,
не выдержалъ его) при чтеніи ея артистами Театра Смѣси, что и за-
ставило г-жу Жоржа Зандъ взять пьесу обратно. Какъ человекъ, какъ
директоръ, считаю долгомъ, отъ имени этихъ-же самихъ артистовъ
протестовать противъ такого заблужденія.

«Драма «Нелло» до-сихъ-поръ остается для меня тѣмъ, чѣмъ была
въ тотъ день, когда я ее получилъ, то есть, произведеніемъ, во всѣхъ
отношеніяхъ достойнымъ подписавшаго его имени. Но несмотря на мы-
сли, въ ней заключающіяся, несмотря на лиризмъ вдохновенія, а,
можетъ-быть, и по причинѣ всего этого, пьеса показалась мнѣ подъ-
конецъ, по своему значенію, слишкомъ серьезною для обычной пуб-
лики моего театра. Вотъ что единодушно признали всѣ присутствовав-
шіе при чтеніи артисты; они не только не остались холодными при
чтеніи этой драмы, но первые удивлялись возвышенности слога и мы-
сли, боясь въ то же время, что она не будетъ понята на сценѣ, кото-
рою я имѣю честь завѣдывать.

«Мнѣ ли было, господинъ редакторъ, послѣ столь общаго впечат-
лѣнія, ставить въ лотерею судьбу такого произведенія? Имѣли ли мы

право, г. Фредерикъ Леметръ, великій артистъ, уполномоченный отъ автора, и я, директоръ, дѣлать опытъ надъ однимъ изъ тѣхъ твореній, которыя будутъ, можетъ-быть, современемъ, достояніемъ потомства?

«Счастливъ тотъ изъ моихъ собратій, театръ и труппа котораго дозволяютъ выводить въ свѣтъ подобныя произведенія! Я завѣщаю и предсказываю ему въ «Нелло» справедливый успѣхъ. Примите и проч.

«Карнье, директоръ театра Смѣси».

Это письмо не могло пройти незамѣченнымъ. Жюль Жаненъ первый подхватилъ его на перо свое и разобралъ по буквамъ. По переводу письма, вполне буквальному, вы можете судить, что г. Карнье человекъ нелитературный; онъ даже не очень грамотенъ. Жюль Жаненъ воспользовался этимъ, чтобъ наказать Жоржа Зандъ въ лицѣ ея защитника. Онъ воспользовался всѣми неловкими фразами г. Карнье, всѣми его грамматическими промахами, и поражая г. Карнье, направлялъ удары свои такъ, чтобъ они задѣли налету и Жоржъ Зандъ. Чтò выйдетъ изъ всего этого, не знаемъ, но пока еще не слышать, кто тотъ счастливецъ, которому достанется «Нелло». Мы говоримъ: счастливецъ, потому-что новая драма Жоржъ Зандъ, если она даже и не достойна похвалы, расточаемыхъ ей директоромъ театра Смѣси, если она даже плоха, непременно будетъ имѣть успѣхъ, благодаря извѣстности, приданной ей нападками фельетонистовъ и защитою Карнье.

Театральные слухи. — Вотъ еще нѣсколько театральныхъ и музыкальныхъ извѣстій, привезенныхъ къ намъ, въ теченіе прошедшаго мѣсяца, иностранными журналами:

Г. Ронкони пѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Испаніи. Возвращаясь въ Петербургъ, онъ былъ въ Гренадѣ и игралъ тамъ въ «Маріи ди Роганъ», въ пользу бѣдныхъ. По окончаніи представленія пришелъ въ уборную г. Ронкони первый алькадъ города и поднесъ ему официальное письмо, въ которомъ городское начальство благодарило пѣвца въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. На другой день г. Ронкони прислали, отъ того же начальства, лавровый вѣнокъ изъ серебра, на листьяхъ котораго выгравированы гербъ Гренады и приличная случаю надпись.

Американскіе журналы объявили, что Женни Линдъ собрала въ прошедшемъ году въ Америкѣ 3,233,000 франковъ; на ея долю пришлось немного болѣе половины, остальную же часть взялъ себѣ г. Борнумъ. Она еще въ прошедшемъ году отослала въ Стокгольмъ изъ Нью-Йорка, 300,000 фр., для учрежденія безплатныхъ женскихъ школъ въ тѣхъ мѣстахъ ея отечества, Швеціи, гдѣ такихъ школъ мало или вовсе нѣтъ. Стокгольмскіе журналы отъ 15 сентября извѣщаютъ, что она назначила еще миллионъ франковъ на это доброе дѣло, и поручила главное распоряженіе суммою двумъ пасторамъ стокгольмскаго собора, г.г. Томондеру и доктору Вильзегрену.

Г-жа Альбони находится теперь въ Нью-Йоркѣ, и даетъ тамъ концерты, имѣющіе огромный успѣхъ.

Извѣстный скрипачъ Оле-Булль купилъ недавно въ графствѣ Пот-

ниръ (въ Пенсильваніи) 120,000 десятинь земли, чтобъ основать на ней шведскую колонію.

Изъ Брюсселя пишутъ, что скрипачъ Беріо страдаетъ офталміей, значительно ослабившей его глазные органы; онъ будетъ принужденъ отказаться отъ большей части прежнихъ занятій своихъ, и извѣстилъ уже брюссельскую музыкальную консерваторію, что отказывается отъ своего профессорскаго мѣста.

Англійскій журналъ «Athenaeum» извѣщаетъ, что старая наша знакомка, г-жа Фрецолини, находится теперь во Флоренціи, и будетъ пѣть роль Фидесъ въ Мейерберовомъ «Пророкѣ». «Athenaeum» прибавляетъ, что голосъ г-жи Фрецолини измѣнился: перешелъ въ *Soprano sfogato*.

Г-жа Персіани ангажирована въ амстердамскую и гагскую итальянскую оперу; въ составъ этой труппы войдутъ также гг. Тамбурины, Гордони и Наполеонъ Росси.

Извѣстный композиторъ Флотовъ находится теперь въ Берлинѣ, гдѣ онъ дописываетъ двѣ новыя оперы: «Indra» и «La Réole».

Журналъ «L'Illustration» говоритъ, что Россини приѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Парижъ, и будетъ ставить тамъ свою новую оперу: «Жанна д'Аркъ».

Геній самоучка. — Парижскіе журналы сообщаютъ любопытный рассказъ объ одномъ геніи-самоучкѣ, который считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія нашихъ читателей.

Одинъ парижскій торговецъ, возвращаясь домой во второмъ часу по полуночи, наткнулся въ темнотѣ на человѣка, лежавшаго на дворѣ безъ всякихъ признаковъ жизни. Разбудивъ сосѣдей, торговецъ не безъ труда поднялъ и оживилъ его. Но такъ-какъ отъ него никакъ нельзя было добиться, какимъ-образомъ онъ очутился на дворѣ чужаго дома, то его препроводили въ караульню, а на слѣдующее утро къ полицейскому комиссару.

Исторія этого человѣка, по имени Жюль Сезаръ Л... родившагося въ Конжисѣ, небольшой деревушкѣ на берегахъ Марны, служитъ новымъ доказательствомъ, что есть люди, которые рождаются съ необыкновенными способностями, соответствующими инстинкту животныхъ. Жюль Сезаръ Л... родился часовщикомъ, какъ Вокансонъ. Будучи сыномъ поселанина, онъ не получилъ никакого образованія и почти безъ всякой посторонней помощи и совѣтовъ дошелъ до того, что сталъ дѣлать часы, правда некрасивые, но необыкновенно-вѣрные.

Этимъ не ограничивалось честолюбіе Жюля Сезара онъ чувствовалъ, что способенъ на лучшее, и тайно работалъ надъ какимъ-то образцовымъ произведеніемъ, которое должно было доставить ему большую извѣстность и много денегъ, для облегченія бѣдности его престарѣлыхъ родителей. Онъ сдѣлалъ часы съ чрезвычайно-сложнымъ механизмомъ, который показываетъ дни, мѣсяцы, годы, теченіе звѣздъ и часы всѣхъ важнѣйшихъ точекъ земнаго шара. Черезъ каждыя четверть часа появляются аллегорическія фигурки, ударяющія въ колоколь, а черезъ каждыя часъ — скелетъ, изображающій смерть. Кон-

чивъ работу, механикъ-самоучка чуть не сошелъ съ ума отъ радости, продалъ все свое заведеніе, и отправился съ диковинными часами въ Парижъ. Тамъ его ждало разочарованіе: всѣ, къ кому онъ ни обращался, предлагали ему весьма незначительныя суммы. Тѣмъ не менѣе ему удалось наконецъ продать часы за довольно-хорошія деньги. Довольный окончаніемъ дѣла, онъ зашелъ освѣжиться въ винный погребъ и какъ радость только бываетъ очень говорлива, то онъ не могъ удержаться, чтобъ не рассказать о своемъ счастьѣ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Слушатели показали большое къ нему участіе, чокались съ нимъ и приказали подать еще вина. Не подозрѣвая въ этомъ ничего худаго, Жюль Сезаръ согласился выпить еще и скоро потерялъ сознание. Друзья воспользовались этимъ и похитили у него бумажникъ, заключавшій вырученныя за часы деньги.

Зданіе сѣверо-американской всемірной выставки. — Изъ письма, адресованнаго на имя г. Бертена, главнаго редактора «*Journal des Débats*», главнымъ европейскимъ агентомъ Нью-Йорской Всемірной Выставки, г. Бушекомъ, видно, что зданіе этой выставки покроетъ собой пространство въ сто тысячъ метровъ. Отъ 15 до 20,000 промышленниковъ выставятъ въ немъ свои произведенія. По словамъ г. Бушека, всѣ европейскія государства изъявили ужъ согласіе участвовать въ этой выставкѣ, которая будетъ не только промышленной, но и художественной. Въ іюль нынѣшняго года комитетъ выставки имѣлъ ужъ въ своемъ распоряженіи одинъ миллионъ франковъ на устройство зданія; нѣтъ сомнѣнія, что къ настоящему времени вся необходимая для этого предпріятія сумма уже собрана. Работы начались съ перваго сентября, а открытіе выставки послѣдуетъ втораго мая будущаго года. Всѣ расходы, касающіеся перевозки выставляемыхъ произведеній, комитетъ выставки беретъ на себя, такъ, что на долю выставяющаго, останутся только весьма незначительныя расходы: на доставленіе вещей въ портъ и на укладку. Сверхъ-того Комитетъ въ настоящее время занятъ пріисканіемъ средствъ къ возможно-дешевому и удобному переѣзду въ Америку выставяющихъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Бушекъ, выставяющіе могутъ быть вполне увѣрены, что если они не явятся на выставку лично, о ихъ произведеніяхъ и выгодахъ будутъ по возможности заботиться».

Некрологъ. — Умеръ извѣстный живописецъ *Корнеліусъ*. Родиной его были нижне-рейнскія провинціи, а родился онъ въ 1787 году. Отецъ его, бывшій также хорошимъ живописцемъ, занимался преимущественно изученіемъ древнихъ мастеровъ и Рафаэля. Первымъ, обратившимъ на себя вниманіе публики, трудомъ Корнеліуса были рисунки къ Фаусту Гёте сочиненные имъ въ 1798 году, во Франкфуртѣ на Майнѣ и гравированные на мѣди Русшевеемъ (*Ruschewey*). Эти рисунки замѣчательны по оригинальности мысли и изобрѣтенія. Во-время перваго пребыванія своего въ Римѣ, въ 1811 году, онъ сочинилъ рисунки къ «*Нибелунгамъ*», которые были гравированы на мѣди гд. Бартомъ, Ам-

слеромъ и Линсомъ. Эти рисунки пользуются вполне заслуженною известностью и по всей справедливости почитаются классическими; нравы и герои рыцарскихъ временъ нашли въ этихъ рисункахъ окончательную, типическую форму, форму, въ тоже время, поэтическую, достойную туманной, мечтательной Германіи. Въ Римѣ же сдѣлалъ онъ первую попытку въ стѣнной живописи. Онъ расписалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, домъ г. Бартольди. Хотя изъ этой первой попытки и нельзя еще было угадать будущаго возстановителя этой монументальной живописи, забытой въ—теченіе двухъ столѣтій, тѣмъ неменѣе его фрески обличали уже даровитаго живописца. Известность Корнелиуса росла быстро; онъ расписалъ фресками виллу Массини, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1819 году, былъ вызванъ изъ Италіи въ Мюнхенъ, принцемъ, впоследствии королемъ баварскимъ, Людвигомъ, который поручилъ ему стѣнную живопись въ Глиптотекѣ. Еще до начала этой работы, Корнелиусъ получилъ титулъ Директора дюссельдорфской Академіи Живописи. Въ 1825 году онъ былъ сдѣланъ директоромъ мюнхенской Академіи, и окончательно поселился въ Мюнхенѣ. Въ 1830, 1831 и 1832 годахъ онъ ѣздилъ на короткое время въ Римъ, гдѣ сочинилъ картоны картинъ для мюнхенской церкви св. Людовика. Фрески Глиптотеки, изображающіе сюжеты изъ Гомера, и церковь св. Людовика, расписанная сюжетами изъ Библии, ставятъ Корнелиуса на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду художниковъ, занимавшихся тѣмъ же родомъ живописи.

Но окончаніи работъ въ церкви св. Людовика, Корнелиусу поручили расписать ложи Пинакотекы новыми фресками, которыя онъ окружилъ арабесками. Фрески изображаютъ возрожденіе искусствъ въ средніе вѣки; въ главные изъ нихъ онъ включилъ эпизоды изъ жизни знаменитыхъ художниковъ, государей и другихъ лицъ, покровительствовавшихъ искусствамъ.

Дарованіе Корнелиуса было чисто-драматическое, и притомъ съ характеромъ скорѣе эпическимъ, нежели лирическимъ; его пристрастіе къ поэмамъ Гомера, Данте, къ Нибелунгамъ, къ Библии и трагедіямъ Шекспира служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Корнелиусъ былъ известенъ также какъ первый знатокъ и цѣнитель художественныхъ произведеній. Достаточно было одного слова Корнелиуса, чтобъ признать картину, принадлежащую тому или другому великому мастеру; это Кореджіо, это Рафаэль, это Тиціани, говорилъ онъ, и приговоръ его принимался безъ апелляціи. Сама Италія склонялась предъ его приговоромъ.

— Въ Парижѣ скончался поэтъ, *Эдуардъ Неве*; онъ умеръ въ больницѣ. Эдуардъ Неве былъ когда-то публичнымъ нотаріусомъ, то-есть, человѣкомъ зажиточнымъ, но промѣнялъ свое доходное занятіе на перо литератора — и умеръ въ нищетѣ.

— Германія лишилась знаменитѣйшаго изъ своихъ современныхъ математиковъ, доктора *Эйзенштейна*; онъ былъ членомъ берлинской Академіи Наукъ, въ которой замѣнилъ г. Якоби. Эйзенштейну было только 36 лѣтъ отъ-роду.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

І. ЛИТЕРАТУРА.

Послѣднія книжки журналовъ. — «Библиотека для Чтенія» и Иногородный Подписчикъ. — Сужденіе его русской литературѣ. — Высокій слогъ и поэзія старшаго разряда — Отзывы «Москвитянина» о г-жѣ Хвоцинской. — Поэты «Москвитянина». — Г. Мей и его русскія стихотворенія. — Богатыя рифмы. — Г. и г-жа Жадовскіе. — «Отечественныя Записки». — «Кумушки» и «Приглашеніе на блины». — Концы и продолженія. — Г. Данилевскій. — Двѣ книжки «Современника». — Исторія оной картины. — Новый Поэтъ и его фельетоны. — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на нѣкоторые обвиненія.

Передъ нами послѣднія книги нашихъ журналовъ. Годъ оконченъ, годъ русской журналистики, о которой мы постоянно давали отчетъ читателямъ, не пропуская ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго явленія, какъ хорошаго, такъ и дурнаго, потому-что если о хорошемъ пріятно говорить, на дурное полезно указывать. «Библиотека для чтенія» можетъ сколько ей угодно доказывать, что критика смѣшна, что критики нѣтъ и быть не можетъ, мы все-таки остаемся при мнѣніи, что добросовѣстная оцѣнка всякаго труда приноситъ пользу и самому труду, и литературѣ, которой принадлежитъ этотъ трудъ.

Если мы уже заговорили о «Библиотека для Чтенія», то обратимся къ ея послѣдней книжкѣ, въ которой Иногородный Подписчикъ такъ усердно поддерживаетъ своими статьями мнѣнія редакціи журнала о

бездельности критики. Мы помнимъ, какъ трогательно прощался Иногородный Подписчикъ съ читателями, увѣряя, что оставляетъ ихъ навсегда. Но сердце человѣческое слабо — и вотъ онъ является опять на поприщѣ критики, или вѣрнѣе — фельетона, потому-что еслибы «Библиотека для Чтенія» и не отказалась отъ вѣрованія въ критику, мы не могли бы все-таки причислить къ ней скучныхъ, и вовсе чуждыхъ критикъ писемъ Иногороднаго Подписчика, отзывающагося по временамъ такъ объ нашей литературѣ, что становится жаль, если не литературу, такъ самаго Подписчика.

За долгое молчаніе литературный фельетонистъ «Библиотеки» вознаградила себя и читателей тридцатью шестью страницами съ половиной самой странной, и нецеремонной болтовни. Мы никогда не отказывали Подписчику въ легкости языка, хотя и замѣчали, что съ этою легкостью соединяются большія неправильности. Это было, къ несчастію, единственное достоинство экс-фельетониста «Современника», — виноваты ли мы, если оно исчезало, уменьшалось съ каждымъ письмомъ, а въ послѣднемъ превратилось даже въ совершенно противоположное свойство. Много надо терпѣнія, чтобы прочесть эти тридцать шесть съ половиною страницъ, еще больше надо имѣть проницательности, чтобы понять, что хочетъ сказать фельетонистъ во многихъ мѣстахъ своей филиппики противъ русской литературы. Мы должны подробнѣе разобрать это письмо, чтобы показать, какъ судить Иногородный Подписчикъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ и авторахъ.

Письмо его начинается стереотипною формулою обращенія къ *благосклонному* читателю, у котораго фельетонистъ спрашиваетъ: — «Случалось ли вамъ, по волѣ *обманчиваго* морфея переноситься къ порѣ вашего школьнаго воспитанія? Сонъ любитъ играть съ гордымъ чловѣкомъ подобныя шалости (*играть шалости*, — развѣ это по-русски?) и не одинъ почтенный старикъ имѣетъ привычку хоть разъ въ мѣсяцъ видѣть себя мальчикомъ на скамьѣ какого-нибудь пансіона *девятидесятихъ* годовъ (какихъ же это $\frac{9}{10}$ годовъ?) и хорошо еще, если видитъ себя сидящимъ, а не *лежащимъ* на этой скамьѣ». Распространяясь объ этомъ интересномъ снѣ, фельетонистъ говоритъ, что «ему часто случается видѣть тоже самое подъ крылами макомъ-увѣнчанаго сатирика.» Какимъ образомъ Морфей превратился въ сатирика, не беремся рѣшить этого, также, какъ и того, зачѣмъ нужно было рассказывать читателямъ подобную исторію. Развѣ для того только, чтобы сообщить, что Иногородному Подписчику двадцать семь лѣтъ, что у него

есть свои владѣнія, устройствомъ которыхъ онъ занимался столько лѣтъ; что онъ проѣхалъ столько тысячъ верстъ, и видѣлъ столько тысячъ людей, и что, наконецъ, онъ изучилъ сердцемъ и душою величайшую науку— быть счастливымъ. Вѣримъ охотно все́мъ этимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Подписчикомъ заранѣе, для своей будущей біографіи; но зачѣмъ счастливому человѣку писать письма Иногороднаго Подписчика? Для славы? Счастливый человѣкъ знаетъ цѣну фельетонной славы и не погонится за ней. Для денегъ? Но на что деньги счастливому человѣку — съ помѣстьями?

Все это покаместъ заставляло только улыбаться. Но сообщивъ о себѣ еще нѣсколько интересныхъ данныхъ (какъ на примѣръ о томъ, что онъ полгода прожилъ среди розъ и друзей сердца, среди старыхъ мудрецовъ и великихъ поэтовъ Британіи, что онъ бродилъ въ тѣни *сикаморы*, съ важными мечтаніями въ головѣ, — Подписчикъ начинаетъ говорить вещи, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ приличныя. Онъ сожалеетъ, что онъ возвратился въ душный міръ литераторовъ, которыхъ, какъ видно изъ его вступленія, онъ не очень честитъ, потому—что позволяетъ себѣ противъ нихъ такія выходки и выраженія, которыхъ мы даже и не повторяемъ, не желая ихъ видѣть на страницахъ Пантеона. Позволяемъ себѣ спросить г. Подписчика, гдѣ онъ видѣлъ подобный литературный міръ? Можно ли адресовать писателямъ подобныя выходки:

И это говорить о писателяхъ писатель же! Само-собою разумѣется, что о читателяхъ и о книгахъ мнѣніе его еще нецеремоннѣе. Мы бы очень желали, чтобы господинъ фельетонистъ указалъ намъ на одну русскую книгу нашего времени, въ которой было бы не полдесятка, а хоть одна страница такого содержанія о какомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ—Рѣшительно, Иногородный Подписчикъ все еще находится подъ вліяніемъ обманчиваго Морфея!

Не слишкомъ ли фельетонистъ увлекается желаніемъ казаться краснорѣчивымъ, остроумнымъ, оригинальнымъ? Въ двадцать семь лѣтъ конечно простиительно увлекаться, преувеличивать, и для остраго слова наказать даже совершенно невѣроятныхъ и невозможныхъ вещей; но надо помнить, что есть границы фельетонной фантазіи и что нельзя же, наконецъ, серьезно увѣрять, что въ русской литературѣ существуетъ то, чего въ ней не было и не можетъ быть никогда.

За этимъ интереснымъ вступленіемъ слѣдуетъ еще интереснѣйшая

оцѣнка современныхъ журнальныхъ произведеній. Фельетонистъ начинаетъ разбирать рассказъ г. Михайлова «Скромная доля», и говоритъ прежде всего, что былъ привлеченъ къ рассказу новымъ именемъ его автора. Виновата ли русская литература, что строгій цѣнитель ея такъ мало знакомъ съ нею, что даже не читалъ прежнихъ лучшихъ произведеній г. Михайлова: Адама Адамыча, Пепа; Маменькина сынка? Все эти повѣсти явились очень недавно, и ихъ никакъ нельзя было позабыть. Можно, на примѣръ, назвать новымъ—имя г. Дружинина, явившееся въ этой же книжкѣ «Библіотеки для Чтенія»; послѣ столькихъ лѣтъ краснорѣчиваго молчанія; публика давно уже позабыла этого автора, у котораго едва достало дарованія на два первыхъ рассказа, но который съ каждой повѣстью спускался ниже, и дошелъ наконецъ до «Mademoiselle Jeannette», одного изъ образцовъ плохихъ рассказовъ, о которомъ мы будемъ еще говорить.

Само-собою разумѣется, что фельетонисту не нравится повѣсть г. Михайлова; онъ увѣряетъ, что «Скромная доля» одно изъ самыхъ вопіющихъ произведеній, можетъ-быть, даже за послѣднія тридцать три года. Послѣ такого рѣзкаго приговора, критикъ прибавляетъ: «А между-тѣмъ, въ этой повѣсти нѣтъ совершенно ничего рѣзкаго, неопытнаго, или вопіющаго; правду сказать, ужь лучше, въ ней было бы что-нибудь рѣзкое, неопытное и вопіющее!»—Кто объяснитъ намъ, что это такое: загадка или критика? «Скромная доля,» повѣсть вопіющая; а между-тѣмъ, въ ней нѣтъ ничего вопіющаго, хотя и лучше, еслибъ было что-нибудь вопіющее. Немудрено, что имѣя такихъ критиковъ, «Библіотека для Чтенія» доказываетъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть критики.

Весь разборъ «Скромной доли» написанъ точно такимъ же логичнымъ образомъ. Приводя нѣсколько неудачныхъ выраженій г. Михайлова, критикъ прибавляетъ: «Болѣе безобразныхъ выраженій давно не случалось мнѣ видѣть въ печати». А намъ случалось, скажетъ каждый читатель, пробѣжавшій приведенныя нами выше выраженія Иногороднаго Подписчика. Такъ, говоря о двухъ прекрасныхъ сценахъ повѣсти г. Михайлова, критикъ говоритъ: «Эти сцены два цвѣтка изъ чужаго сада, занесенные Богъ въдастъ зачѣмъ, на пустой задній дворъ, куда никто не ходитъ, да если и пойдетъ кто-нибудь, не останется довольнымъ!» И это критика!

Отъ подобныхъ несообразныхъ выраженій фельетонистъ переходитъ поминутно къ высокому слогу, употребляетъ выраженія: единомышленни-

ковъ, неодолимый, число возвеличивается, родина, державшая свой смертный поединокъ, идеи, сопричастныя изображенію; наконецъ дѣлаеть классическое сравненіе критика съ ладьею безъ парусовъ и весель, и, о верхъ классицизма! употребляетъ мѣстоимѣніе что, *вмѣсто которьй*. До такой торжественности слога врядъ-ли достигала какая-нибудь критика. Конечно, для разнообразія и игривости статьи, фельетонистъ пересыпаетъ ее въ то же время и другими болѣе граціозными фразами, въ родѣ «меланхолической ерунды». Эта смѣсь высокаго съ нѣжнымъ производитъ эффектъ поразительный.

За разборомъ повѣсти г. Михайлова слѣдуетъ дѣльное разсужденіе о томъ, какого рода дѣйствительности надо держаться въ повѣстяхъ. Тутъ же приплетенъ разсказъ о томъ, какъ представители разныхъ націй описывали верблюда. (Мы приводили уже этотъ анекдотъ въ разборѣ сочиненій Вильгельма Гауфа, въ прошлой книжкѣ «Пантеона») Послѣ того начинается разборъ «Пантеона». Деликатный фельетонистъ объявляетъ, что теперь «Пантеонъ» далеко не тотъ, какимъ былъ въ прошломъ январѣ, когда выступалъ на журнальную *скачку здоровымъ* и красивымъ, *рьянымъ* и безстрашнымъ». Не говоримъ уже о странныхъ выраженіяхъ Подписчика и его желаніи, чтобы «Пантеонъ» былъ не болѣе какъ «драматическій альбомъ», желать можно все, что угодно; но спросимъ, гдѣ онъ нашелъ въ «Пантеонѣ» разсказы о лѣтнихъ увеселеніяхъ среди глухой осени? и съ чего вздумалось ему трактовать о «чрезвычайной художѣ» журнала. Вѣдь каждый изъ читателей журнала можетъ видѣть самъ, что «Пантеонъ» нисколько не тоньше «Библіотеки для Чтенія, а если взять въ расчетъ печатный листъ и убористый шрифтъ «Пантеона», то этотъ чрезвычайно худошавый журналъ выйдетъ даже на цѣлую треть полнѣе «Библіотеки».

Фельетонисту не нравится въ «Пантеонѣ» комедія «Аферистъ» и стихотворенія г-жи Хвоцинской. Объ этомъ мы спорить не станемъ. Вкусы различны; особенно, когда критикъ не удостоиваетъ сообщить читателямъ, почему разбираемое имъ произведеніе нехорошо. Не нравится, да и дѣло съ концемъ. Но о стихахъ г-жи Хвоцинской критикъ однако же распространился, и очень важно распространяется о тѣмъ, что въ ея стихотвореніи: «Солнце за тучею черной такой закатилось» второй стихъ: «страшно, проглянетъ ли завтра оно?» неправиленъ, потому что нельзя серьезно сомнѣваться въ томъ, проглянетъ ли завтра солнце. Не правда-ли, какая это остроумная критика?

Примѣшавъ къ чему-то тутъ же сочиненіе Льюиса о вѣроятностяхъ,

критикъ даетъ совѣты г-жѣ Хвоцинской писать прозу, потому-что, хотя стихотворное дарованіе и есть въ ней, но нѣтъ поэзіи *старшаго разряда*. Вотъ, еслибы мы посовѣтовали Иногородному Подписчику, вмѣсто прозы *старшаго разряда*, писать стихами, то нашъ совѣтъ былъ бы очень понятенъ: фельетонисту никогда бы не удалось написать стиховъ, а между-тѣмъ онъ пересталъ бы писать прозою. Выгода была бы двойная. Но развѣ причина перестать писать хорошіе стихи, потому-что г-жа Хвоцинская пишетъ хорошую прозу? Мы не говоримъ уже о томъ, что «Библіотека для Чтенія», не признавая поэзіи *старшаго разряда* въ г-жѣ Хвоцинской, печатаетъ между-тѣмъ ея стихи на своихъ страницахъ. Что за странныя противорѣчія.

Кстати, о г-жѣ Хвоцинской. Если «Пантеонъ», «Отечественныя Записки», «Петербургскія и Московскія Вѣдомости» отзываются объ ней съ большою похвалою, если ее хвалятъ «Современникъ», подтрунивающей даже надъ тѣми поэтами, которые печатали на его страницахъ свои произведенія, у нея, какъ и у всякаго огромнаго дарованія, есть и свои противники. «Библіотека» только нынче причислила себя къ нимъ. Первый объявилъ войну г-жѣ Хвоцинской «Москвитянинъ». Это иначе и быть не могло. Онъ самъ печатаетъ у себя стихотворенія множества поэтовъ, которыхъ признаетъ, разумѣется, великими талантами, и г-жа Хвоцинская, конечно, пишетъ очень плохе стихи, ибо не печатаетъ ихъ въ «Москвитянинѣ». Критикъ этого журнала говоритъ, что гораздо лучше г-жи Хвоцинской пишутъ г-жа Павлова, съ могучимъ стихомъ и могучею, не женскою мыслью, гр. Ростопчина съ своими *совсѣмъ-женскими* (sic) стихотвореніями, и потому неотразимо обаятельными (критика «Москвитянина» выражается, какъ извѣстно, очень восторженно, что доказываютъ его *заложенія* и поиски за *новымъ словомъ*) г-жа Жадовская, съ своею сердечною грустью, г. Хомяковъ, со своими вдохновенными гимнами, г. Мей, «такой мастеръ стиха и образовъ.» Какъ еще «Москвитянинъ» не предпочелъ тутъ же кстати и своихъ любимыхъ поэтовъ, гг. Берга и Миллера. Какъ-будто нарочно для того, чтобы показать, какъ должно писать стихи, «Москитянинъ» въ этомъ же 21 номерѣ помѣстилъ восемь стихотвореній разныхъ поэтовъ, занявшихъ двѣнадцать двѣ страницы. И что же оказывается? Стихи всѣхъ этихъ поэтовъ, за исключеніемъ довольно граціозной, хотя и довольно темной, идилліи г. Полонскаго: «Финскій берегъ», не только очень слабы въ сравненіи съ стихотвореніями г-жи Хвоцинской, но даже просто слабы безъ всякаго сравненія. Не говоримъ уже о г-нѣ С. З., написавшемъ пять страницъ такихъ виршей, слабѣе которыхъ развѣ только

два предшествующія имъ стихотворенія, изъ которыхъ одно написано, впрочемъ, въ 1812 году, а второе названо самимъ авторомъ анахронизмомъ. Но вслѣдъ за стихами г-на С. З. выступаетъ и «такой мастеръ стиха и образовъ» со своею балладою: *Ренегатъ*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой мастерской баллады.

Недавно случилось вотъ-что въ Иранѣ:
У зеркальныхъ струй *водоема*
Паша на цвѣтномъ кашемирскомъ диванѣ
Сидѣлъ по срединѣ *гарема*.

Прежде всего читателя поражаетъ богатство риемъ баллады. *Водоемъ* и *гаремъ* напоминаютъ такъ называемыя оперныя риемы *слыдъ* и *идѣтъ* и т. п. Далѣе идутъ риемы еще богаче:

Гречанки, Черкешенки пѣли; Киргизки:
Подъ пѣсни ихъ въ пляскѣ вилися...
Здѣсь ясное небо въ очахъ Одалиски,
Тамъ мрачныя тѣни Эвлиса!

Изумительная гармонія! Богаче риемъ *вилися* и *Эвлиса* не знаемъ что и придумать. Къ пашѣ вводятъ новую одалыку, и кизляръ-ага говоритъ ему, хотя не совсѣмъ грамотно, за то съ знаніемъ астрономіи и богатыми риемами:

Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Блестятъ межъ звѣздами дивана (не того одна-
коже, на которомъ сидитъ паша).
Какъ между алмазовъ на *ризахъ* полночи
Лучъ пламенный Альдеборана.
Блесни же мнѣ свѣше, свѣтило дивана!
Слуга твой въ усердѣ *горячемъ*,
Принесъ тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Дарить тебя новымъ...

Чѣмъ бы вы думали, читатели? Угадайте блистательную, неожиданную, почти невозможную риему. Мы держимъ пари, что вы не угадаете этой риемы. Это возможно только тому, кто знаетъ по-турецки. Вы спрашиваете: неужели необходимо знать по-турецки для того, чтобы понимать эти стихи г. Мея? Совершенно необходимо. Безъ этого вы ни-

когда не узнаете, что вѣтръ Ляхистана дарить пашу и читателей новымъ *харачемъ*. Если это слово вамъ не объяснимо, то въ примѣчаніи, подъ строкою, объяснено, что это слово турецкое и означаетъ *подарокъ*. Напрасно вы будете спрашивать, отчего кизляръ-агѣ вздумалось объясняться съ пашею по турецки, когда дѣйствіе происходитъ въ Иранѣ, то-есть, въ Персіи. Авторъ отвѣчаетъ вамъ только одно: *горячемъ* и *харачемъ*, риема великолѣпная! Но вѣдь по-персидски подарокъ *нешхетъ*, а не харачъ, и персіяне заклятые враги турковъ, потому-что одни изъ нихъ шииты, а другіе сунниты, зачѣмъ же кизляръ-ага толкуетъ о Стамбулѣ и Падишахѣ и говоритъ по-турецки? Неужели для г. Мея всякій магометанинъ турокъ, какъ для нашихъ предковъ всякій иностранецъ былъ нѣмецъ?

Надо однакоже досказать вамъ исторію о пашѣ и харачѣ, — А кончилось оно очень плохо. Когда пашѣ представили плѣнницу — весь дворъ его ахнулъ, но онъ

...опустилъ торопливо

Чубукъ и заснулъ, утомленный.

Онъ (*т. е. паша, а не чубукъ*) клонится на бокъ; чалма упадаетъ;

(*вѣроятно тоже у пашы, а не у чубука, хоть этого и не сказано*).

Дремотой смежилися вѣки; (*т. е. вѣка*)

Уста посивѣли (*все не у чубука, а у пашы*)... Къ нему подбѣгаютъ:

Паша ренегатъ спитъ... на вѣки.

Отчего ему вздумалось сначала заснуть на время, а потомъ на вѣки — желающіе могутъ справиться у самого автора. Больше въ балладѣ нѣтъ ни слова объ этомъ странномъ событіи.

Кромѣ стиховъ г. Мея, въ этой же книжкѣ «Москвитянина» есть стихи г-на П. Жадовскаго и г-жи Ю. Жадовской. Г. П. Жадовской, видя плачущую красавицу, говоритъ:

Мнитъся мнѣ, что вижу редъ собой

Цвѣтокъ весны, *опрысканный* росой.

Ты улыбнулась и сафирь темнѣй,

Чѣмъ взглядъ твоихъ *чарующихъ* очей.

Это старинное стихотвореніе названо переводомъ изъ Байрона. Но вѣдь и изъ Байрона можно выбрать плохіе стихи, или перевести ихъ такъ, что самые лучшіе стихи покажутся плохи. О traduttori!..

У г-жи Ю. Жадовской стихи совершенно одного рода съ г-мъ П. Жадовскимъ, хотя строчки въ нихъ гораздо короче; она воспѣваетъ:

Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ.
Все печальное забыто
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужъ прожито
Вспомнить не даетъ.
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамъ себя и т. д.

И подобныя произведенія «Москвитянинъ» ставить выше стихотвореній г-жи Хвоцинской!

Почтенный собратъ нашъ, принявшій на себя обязанность разбирать «Москвитянинъ», вѣроятно, не будетъ сѣтовать на насъ за-то, что мы, увлеченные сравненіями, сказали нѣсколько словъ о журналѣ, подлежащемъ оцѣнкѣ «Петербургскаго Вѣстника», а Иногородный Подписчикъ, какъ вѣжливый джентльменъ, пойметъ, что мы оставили его потому, что занялись дамами.

Впрочемъ, слѣдуетъ ли намъ возвращаться къ Подписчику?.. И такъ уже не говорили ли мы объ немъ слишкомъ много? Конечно, давно не встрѣчаясь съ нимъ на страницахъ журнала, мы увлеклись, можетъ-быть, неожиданностью первой встрѣчи, и распространились объ ней болѣе, чѣмъ слѣдовало. Собственно говоря—фельетонистъ все тотъ же, какимъ былъ полгода тому назадъ. Долгое молчаніе не исправило его отъ неперемонности выраженій. Онъ все тотъ же англоманъ, и сталъ только не лучше объясняться по-русски. Въ разбираемой нами статьѣ онъ оуждаетъ статью Ремюза объ Орасѣ Вальполѣ; переведенную въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія», и въ этомъ случаѣ упрекъ падаетъ гораздо болѣе на «Библіотеку», которая перевела статью Ремюза почти вполнѣ въ двухъ нумерахъ, тогда какъ «Отечественныя Записки» помѣстили изъ нея только краткое извлеченіе. Далѣе онъ оуждаетъ Шаля, говоритъ нѣсколько словъ о «Современникѣ», хвалитъ Энеиду и бранитъ *Виргилія* (последняго, впрочемъ, за дѣло) и въ заключеніе восхищается фельетонистомъ «Москвитянина», г-мъ Благовраховымъ. Заклучимъ бесѣду нашу съ Подписчикомъ слѣдующими словами его фельетона. «Повсюду обнаружались въ журналистикѣ или *поспѣшность*, или *малое знаніе*, или *самохвальство*,

или претензіи, или отчаянное педантство, или литературное вассальство.» Все это будетъ совершенно справедливо, если мы замѣнимъ раздѣлительный союзъ или соединительнымъ и; а вмѣсто-того, чтобы говорить, что подобныя вещи обнаружались повсюду въ журналистикѣ, скажемъ, что они проявились только у одного фельетониста, а у какого именно, объ этомъ лучше всего знать Иногородному Подписчику.

Кромѣ этого письма, видимъ мы въ послѣдней книжкѣ «Библіотски для Чтенія» повѣсть г-на Дружинина: «Mademoiselle Jeanette», замѣчательную по совершенной пустотѣ содержанія. Самое названіе повѣсти, съ претензією на оригинальность, поражаетъ какъ-то неприятно. Господинъ Писемскій написалъ повѣсть. «Monsieur Батмановъ». Господинъ Дружининъ далъ своей, изъ подражанія, тоже французское названіе. Послѣ заглавнаго титула Mademoiselle Jeanette слѣдовало уже прибавить: une nouvelle russe и подписать ее: Monsieur Drouguine. Тогда бы иной читатель могъ сказать, прочтя ее: c'est très joli! Мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать этого. Главное лицо повѣсти напоминаетъ намъ ту эпоху русской литературы, когда героями и героинями повѣстей были непремѣнно сыны или дочери Востока: киргизы, черкешенки, татары, Амалатъ-Беки, Желал-ледины, Утбалы, съ пламенными страстями, жгучими объятіями и напыщенными фразами. Героиня г-на Дружинина принадлежитъ къ этому разряду героинь ложно-романтической литературы; она черкешенка, хотя носить французское имя, и хотя самъ авторъ, неизвѣстно почему, называетъ ее во многихъ мѣстахъ повѣсти татаркою. Эта страстная героиня, воспитанная однимъ генераль-майоромъ, прекраснымъ человекомъ, занимающимъ важный постъ въ губернскомъ городѣ, влюбляется въ простаго казака, храбраго, но большаго буяна, волокиту и въ добавокъ придерживающагося чарочки. Съ перваго свиданія она уже бросается на шею къ казаку и осыпаетъ его поцѣлуями, и если не бѣжитъ отъ своего благодѣтели, то потому только, что казакъ умнѣе ея и не соглашается на побѣгъ. Исторія оканчивается тѣмъ, что благодѣтель черкешенки принужденъ выдать ее замужъ за казака, и сдѣлавъ это, все еще продолжаетъ осыпать благодѣяніями, когда былъ бы долженъ лечить ее въ домѣ ума-лишенныхъ. Вся эта исторія оставляетъ неприятное впечатлѣніе. Написана она какъ-то отрывисто; промаховъ противъ языка и странностей бездна.

Третья странная статья этой книги разборъ романовъ Корреръ Белля: *Ширней* и *Джени Эйръ*, подписанный А. Д. Зачѣмъ является въ наше время эта статья, когда читатели давно уже

позабыли о недурныхъ, но вовсе не гениальныхъ произведеніяхъ Корреръ Белля (Джени Эйръ была напечатана еще въ 1849 году)? Статья, кромѣ-того, составлена чрезвычайно сухо, наполнена огромными выписками и претензіями на совершенное знаніе англійской словесности, сильно наминающими Иногороднаго Подписчика.

Наконецъ, четвертая плохая статья — это несчастные Джонсонъ и Босвелъ, которые невыразимо надоѣли читателямъ и о которыхъ разсказывается уже второй годъ, тогда какъ до нихъ нѣтъ ровно никакого дѣла русскимъ читателямъ. По счастью, они простились въ этой книгѣ навсегда съ невыносимыми джентльменами. Кромѣ этихъ четырехъ статей, занимающихъ почти полъ-книги журнала, остальные статьи послѣдняго номера «Библиотеки для Чтенія» читаются легко и съ удовольствіемъ.

Въ двѣнадцатой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщены два небольшіе разсказа, оба въ драматической формѣ. Первый изъ нихъ, «Кумушки», принадлежитъ г-ну Михайлову, и представляетъ очень вѣрную картину жизни сплетницъ низшаго круга. Разсказъ одной изъ кумушекъ о судьбѣ ея родственницы, бѣдной дѣвушки, швей въ магазинѣ, полно чувства и драматизма. Къ-сожалѣнію, развязка всего разсказа довольно слаба, и читатель остается въ недоумѣніи: справедливы ли разсказы кумушекъ о женихѣ Стеши (дочери одной изъ кумушекъ) и что за лицо этотъ женихъ.

Другой разсказъ г-жи Е. Х-вой «Приглашеніе на блины» еще лучше «Кумушекъ», хотя также не выдержанъ и не оконченъ. Это вѣрная и любопытная картина провинціальной жизни, со всеми ея интересами, мелкими въ сущности, но весьма важными по тому значенію, какое они имѣютъ для провинціального общества. Языкъ разсказа очень хорошъ, кромѣ нѣсколькихъ провинціальныхъ оборотовъ и словъ, даже вовсе непонятныхъ для насъ.

Большая часть этой книги занята однакоже *концами* разныхъ статей, начала которыхъ мы уже перебрали. Такихъ концовъ мы насчитали четыре, и три продолженія. Во-первыхъ, помѣщено окончаніе «Магистра», о которомъ мы отказываемся говорить.

Кромѣ «Магистра» окончились: «Исторія Испанской Литературы», «Воспоминанія о жизни на морѣ» и «Поѣздка на кумысь», г. Авдьева. О томъ, что кончился послѣдній разсказъ, мы даже пожалѣли.

Продолжаются въ этой книгѣ: романъ Варрена — «Тяжба», статья

г. Егунова: «О среднихъ цѣнахъ въ Россіи» и «Разказы Проѣзжаго» П. Небольсина; послѣдніе также очень интересны.

Критика, Иностранная Литература и Смѣсь этой книжки «Отечественныхъ Записокъ», довольно интересны. Мы недовольны только слишкомъ рѣзкимъ сужденіемъ рецензента о трудахъ г. Данилевскаго. Подобный тонъ въ критикахъ ровно ничего не доказываетъ. Не споримъ, что въ сочиненіяхъ г. Данилевскаго есть промахи, но что въ немъ есть и дарованіе, въ этомъ конечно убѣждены и «Отечественныя Записки»; иначе они не печатали бы нѣсколько разъ сряду «Степныхъ Сказокъ» г. Данилевскаго, надъ которыми теперь смѣются.

Мы должны поговорить еще о двухъ послѣднихъ книжкахъ «Современника». Онѣ нѣсколько запоздали, въ—особенности ноябрьская, и поэтому мы не могли въ свое время отдать объ ней отчета. По отдѣлу Словесности въ этихъ книгахъ помѣщены: «Исторія одной Картины» г. Дружинина, — разсказецъ, который годился бы пожалуй въ Смѣсь, но никакъ не въ отдѣлъ Словесности. Одного путешественника надуваютъ въ Италіи, продавъ ему поддѣлку подъ Гверчино, — и все тутъ. Разсказъ длиненъ, вялъ, водянистъ и наполненъ описаніями картинъ природы, въ которыхъ есть даже и *улыбающіяся покатости горъ*. — «Сумасшедшій» — комедія въ стихахъ г. Жемчужникова, очень недурная вещь, хотя идея не нова — и взята изъ записокъ доктора Крупова. Во всякомъ случаѣ, эта пьеса несравненно выше «Странной Ночи», передѣланной на русскіе нравы изъ французскаго водевиля, и еще другой пьесы того же автора, упавшей на александринской сценѣ. Стихи въ «Сумасшедшемъ» также болѣею частью гладки и правильны, кромѣ немногихъ, напримѣръ:

...Я сдѣлаю совсѣмъ противное сознанье (не русскій оборотъ)

...И въ эту книгу я, какъ плодъ моихъ замѣтъ.

...Природы *образный*, загадочный языкъ.

...Для васъ я не ищу такихъ *подобій скудныхъ*

...Что созданъ для одной я съ ними переписки (какая разстановка словъ)?

...Онъ стоитъ, чтобъ его *заткнуть* въ мою петлицу.

...Я чувствовалъ себя *впервой*, что человекъ!

...Вамъ изъ *среды себя* избрать бы одного

Графиня въ комедіи г. Жемчужникова объясняется тоже не совсѣмъ порусски. Вотъ одна изъ ея фразъ:

... Не вскружили-бъ вы мнѣ прежде головы,
 Не сожалѣла бы теперь я о потерѣ
 Любезности, всегда пріятной мнѣ, баронъ

Неловкое употребленіе мѣстами слова: *коль*, вмѣсто *если* и весьма небогатая рѣчъ въ родѣ *деревни* и *губерній* также очень замѣтны между многими счастливыми и звучными стихами.

Статья Теккерея (въ двухъ книгахъ). «*Англійскіе Снобсы*» очень интересна. О началѣ историческаго романа изъ царствованія Бориса Годунова не скажемъ покаместъ ничего. Историческій романъ въ наше время явленіе весьма любопытное и съ нимъ стоить познакомиться покороче.

Остальныя статьи этихъ книгъ весьма замѣчательны, въ-особенности ученые: О сверканіи звѣздъ — Араго, двѣ статьи Е. Корша о Японіи, статья о выставкѣ въ Академіи Художествъ, Благотворительныя заведенія въ Лондонѣ, и обѣ критическія статьи: о второмъ томѣ «Пропилеевъ» и первыхъ томахъ «Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 году». Библиографія скромна и добросовѣтна. Намъ удивила только снисходительность «Современника» къ книгѣ, написанной стихами, какими уже не пишутъ въ наше время и которые сильно напоминаютъ произведенія г. Ананьевскаго, автора «Жезла Правоты», и Овчинникова, переводчика Фауста. «Отечественныя Записки» отозвались объ ней также чуть не съ похвалою.

Въ Смѣси всѣ большія статьи очень интересны: Завѣщаніе Еврея, Графъ д'Орсе, Бомарше, Встрѣча со львомъ, Путешествіе въ Персію. Зато фельетоны объ англійской литературѣ и о петербургскихъ удовольствіяхъ слабы и не занимательны. Первый фельетонъ написанъ Иногороднымъ Подписчикомъ, который хочетъ, кажется, перещеголять г. Вонлярлярскаго въ плодовитости своихъ произведеній. Въ новомъ фельетонѣ Подписчика интересны только подробности объ англійскихъ мореходахъ, но онъ дѣлается скученъ, начиная толковать о Джеффри, лекистахъ, Сутеѣ, Уордсвортѣ и другихъ джентльменахъ. Мнѣнія Подписчика иногда до того забавны, что поневолѣ останавливаютъ вниманіе. Такъ онъ увѣряетъ, что Записки Сенъ-Симона чистая, поэма и сочиненія Жанъ-Поля тоже могутъ назваться поэмами.

Русскій фельетонистъ является съ «Письмами пустаго человѣка въ провинцію о петербургской жизни». Много было уже у насъ въ фельетонной литературѣ *зввакъ*, незамѣтныхъ людей, неутомимо под-

визавшихся на фельетонной аренѣ. Теперь «Современникъ», въ статьяхъ своихъ о «житейскихъ глупостяхъ», вывелъ на сцену пустаго человѣка. Само-собою разумѣется, что съ пустаго человѣка критикъ нечего и спрашивать; пустой человѣкъ обязанъ, по своему званію, писать пустое, — и надо ему отдать справедливость — онъ ревностно исполняетъ свое дѣло. Такъ, говоря о музыкѣ, пустой человѣкъ серьезно увѣряетъ, что г-жа Медори лучше Гризи, что публика несправедлива къ г-жѣ Специ, настоящей Дездемонѣ.

Что касается до Новаго Поэта, то онъ и въ эти послѣдніе мѣсяцы, какъ всегда, также сыплетъ фразами и также, по временамъ, произноситъ сужденія совершенно наизворотъ. Такъ въ ноябрской книгѣ онъ вѣрно оцѣнилъ фантазію графини Растопчиной, зато въ декабрской, выписавъ *двѣнадцать* страницъ изъ повѣсти г. Крестовскаго: «Искушеніе», вдругъ принялся доказывать, что повѣсть слаба, оттого, что въ ней нѣтъ шуточекъ, веселости, любезностей. Еще наивнѣе признаніе его, что онъ, Новый Поэтъ, не отказался бы отъ 400 душъ, которыя не принялъ герой повѣсти «Искушеніе». Вѣримъ, но неужели Новый Поэтъ думаетъ, что все писатели обязаны писать его слогомъ и смотрѣть на предметы его глазами? Не любя сценъ, въ которыхъ развивается родительское чувство, или понимая его превратно, (что мы замѣтили также при разборѣ Львовъ въ Провинціи), Новый Поэтъ и здѣсь находитъ, что Васильевъ, его жена и сцена, въ которой высказывается ихъ семейное счастье — все это блѣдно и безцвѣтно. О вкусахъ не спорятъ. Всякій смотритъ на предметъ по своему и со своей точки зрѣнія.

Для полноты нашего очерка годичной дѣятельности русской журналистики, мы должны были бы сказать нѣсколько словъ и о послѣднихъ книжкахъ «Сына Отечества». Но увы! эти послѣднія книжки за августъ и сентябрь! Въ нихъ хороши ученныя статьи: Тайны солнечныхъ лучей; Галванизмъ, Исторія пароходовъ, и любопытны замѣтки о О. И. Менцовѣ. О слабыхъ статьяхъ умалчиваемъ, Фельетонистъ «Свѣрпой Пчелы» былъ недоволенъ нами за то, что намъ не нравился журналъ «Сынъ Отечества» и за то, что мы сдѣлали нѣсколько — замѣчаній Новому Поэту. Но что касается до «Сына Отечества», то почтенный О. Б. видитъ самъ, что, несмотря на все его похвалы, онъ, то-есть, журналъ, по настоящее время не додалъ 3-хъ нумеровъ. Имѣли ли мы право не раздѣлять мнѣнія г. О. Б. о совершенствѣ этого журнала? Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ.

Что-же касается до Современника, то мы сдѣлали ему только скромное замѣчаніе, вынужденное его слишкомъ рѣзкими отзывами о гр. Растопчиной, писательницѣ, которой замѣчательный талантъ, признаваемый и г. О. Б. вѣроятно, заслуживаетъ больше уваженія. Мы сочли долгомъ напомнить объ этомъ «Современнику», тѣмъ болѣе, что имѣемъ честь считать гр. Растопчину вкладчицею въ «Пантеонъ».

II.

МУЗЫКА.

Новый музыкальный рецензентъ. Чувства въ дѣтяхъ. Классицизмъ. Романтизмъ.—Фантазерство.—Ораторія Гайдна.—Слѣпые въ концертахъ.—Музыкальное утро Контекаго.—Рубинштейнъ.—Любовь и искусство.—Квартетъ Рубинштейна.—Фракманъ. Концертъ Джонъ Томаса.—Арфа. Концертъ Филармоническаго Общества. Поэтическій безпорядокъ.—Нѣчто о страшныхъ капризахъ и фантазіяхъ музыкальныхъ гениевъ.—Игра г. Мортъе де-Фонтеня.—Торжественный маршъ г. Вальца.—Альбомы Musée musical. — *Альбомъ водевилльных арій и куплетовъ.*—Музыкальныя новинки.—Нувеллистъ.

Недавно, (въ послѣднемъ № Пантеона), говорили мы съ нашими читателями о появленіи въ Петербургѣ новаго Гвидо-Аретино, теперь же спѣшимъ сообщить о феноменѣ совершенно другаго рода. Кому неизвѣстенъ рядъ явленій, обнаруживающихся подъ нѣкоторыми, еще мало опредѣленными условіями, въ человѣческомъ организмѣ, и называемый *животнымъ магнетизмомъ*? Швейцарецъ Месмеръ, въ 1734 году, первый началъ примѣнять дѣйствія магнетизма къ медицинѣ, сначала въ Вѣнѣ, отъ 1773 — 1775 года, потомъ, съ 1778 года, въ Парижѣ. Здѣсь основалъ онъ школу, которая вскорѣ послѣ него приняла ложное направленіе, и уронивъ значеніе науки, предала ее въ руки шарлатанамъ. Сила животнаго магнетизма не сдѣлалась предметомъ глубокихъ изученій, и осталась неполнѣ разъясненной и безъ всякихъ положительныхъ законовъ. И вотъ встрѣчаемъ мы въ одной изъ С. Петербургскихъ газетъ одну весьма любопытную статью

«Мы сейчасъ возвратились изъ Большаго Театра», говоритъ Г. Р... въ которомъ для бенефиса г-жи Маррай давали «Севильскаго Цирюльника».

Покорнѣйше просимъ замѣтить, что бенефисъ этотъ былъ въ субботу, 29-го ноября.

«Въ понедѣльникъ» продолжаетъ Г. Р... третье утро Аполлинарія Контекаго, зала была наполнена слушателями и т. д.

Третье утро это было въ понедѣльникъ 1-го декабря.

Каково?... Рецензентъ, возвратившись домой вечеромъ 29-го ноября, пишетъ отчетъ о концертѣ 1-го декабря?... Какъ это объяснить? Конечно соммамбулизмомъ. И превосходную услугу оказалъ—бы намъ г. Р... сообщеніемъ своего секрета. Онъ спасъ-бы армию рецензентовъ отъ лишней траты денегъ на концерты, театры, музыкальныя и не музыкальныя утра.

Въ этой-же статьѣ г. Р... говоритъ, что *глубокое чувство* въ 11-ти лѣтнемъ ребенкѣ есть «нравственное безобразіе», отъ котораго избави Боже всѣхъ *начинающихъ*. Мы совершенно не понимаемъ, о какихъ именно *начинающихъ* говоритъ г. рецензентъ.., о начинающихъ-ли дѣтяхъ? о начинающихъ-ли виртуозахъ, или о начинающихъ пописывать? И что такое начинаютъ они—эти начинающіе? Сверхъ-того, г. Р... жестоко ошибся въ афоризмъ своемъ: глубокое чувство въ ребенкѣ не безобразіе, а напротивъ, явленіе утѣшительное и высоко моральное. Человѣческая натура антипатична безобразію, а кто не сочувствуетъ дитяти, питающему чувство нѣжной любви, напримѣръ, къ матери своей? Чья душа не возрадуется, чьи глаза не прольютъ слезы умиленія при видѣ *чувства* въ развивающемся сердцѣ? Рецензентъ выразился очень не ясно, и тѣмъ придавъ мысли своей совершенно превратное значеніе. Такая неточность выраженій въ дѣлѣ эстетики большой недостатокъ, потому-что она вводитъ непосвященныхъ въ искусство въ явное заблужденіе.

Вообще, нѣкоторые изъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ обращаютъ очень мало вниманія на смыслъ своихъ приговоровъ. Да они собственно и не хотятъ произносить художественнаго приговора: имъ нужно только набросать фельетонъ, поскорѣй сообщить новость, и больше ничего.

Такимъ-образомъ вошло у насъ въ употребленіе называть нѣкоторыхъ виртуозовъ *классиками*, другихъ *романтиками*, и все это дѣлается, по большой части, по произволу, часто безъ всякаго основанія и съ одною только цѣлью украсить статью учеными, техническими выраженіями. Конечно, на иныхъ производить это желанное впечатленіе,—неопытный читатель, непривычный или несклонный размышлять,

повѣрять и самъ наблюдать, пожалуй, и повѣрять мнѣнію рецензента; но масса читателей основательныхъ остается неудовлетворенною и требуетъ доказательствъ и разъясненія.

Классицизмъ отличается полнотою и оконченностью наружной отдѣлки; идеи въ немъ подавлены формами и съ трудомъ просвѣчиваются, такъ, что для уясненія ихъ требуется глубокое изученіе. Въ классицизмѣ преобладаетъ форма надъ содержаніемъ, въ романтизмѣ идея надъ формою, то-есть, глубина мысли всегда беретъ перевѣсъ надъ прозрачною и едва видимой оболочкой. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ въ классицизмѣ было отсутствіе чувства. Напротивъ, въ немъ выраженіе всегда зависило отъ чувства и имѣло характеръ возвышенный, иногда даже слишкомъ отвлеченный. Но никогда чувство не замѣнялось ощущеніемъ, которое гораздо грубѣе, рѣзче и выразительнѣе, и тѣмъ именно удобнѣе для романтизма. Классицизмъ и романтизмъ представляютъ однѣ и тѣ-же страсти, какъ-то: любовь, нѣжность, злобу, ненависть, ревность и т. д., но первый старается смягчать ихъ вещественныя свойства и выказываетъ только ихъ чистѣйшія и возвышенныя стороны; второй-же, напротивъ, стремится сравнить духовныя силы съ матеріальными, и тогда только вѣрять ощущеніямъ души, когда они сопровождаются конвульсіями тѣла. По-крайней-мѣрѣ, таково направленіе музыкальнаго романтизма въ новѣйшія времена.

Какъ же послѣ этого называть классикомъ виртуоза, обращающаго все вниманіе свое на преодоленіе механическихъ трудностей игры? Но какъ называть его и романтикомъ, когда въ сочиненіяхъ его нѣтъ ни идей, ни чувства, ни живописи, а одна только трескотня? Какого опредѣленія искать тамъ, гдѣ, напримѣръ, композиторъ выражаетъ плачъ цѣлаго племени дребезжаніемъ одной струны? Мы не споримъ, подобное изображеніе, можетъ-быть, вполне удовлетворяетъ фантазію самого композитора, но ужъ вѣрно не удовлетворитъ условіямъ романтизма; скорѣе, оно образуетъ особый родъ—*фантазерство*. Конечно артисты эти имѣютъ свои достоинства, искусное расположеніе противоположностей, эффектная, чистая и блестящая игра удивляетъ, поражаетъ, забавляетъ слушателей, но сердце остается пустымъ и не сочувствуетъ музыкѣ, не заключающей въ себѣ никакой мысли. Не то было при великихъ учителяхъ. Такъ напримѣръ Гайднъ, въ своей знаменитой ораторіи: «Сотвореніе міра», послѣ увертюры, представляющей хаосъ, изъ самаго тихаго *ritardissimo* доходитъ постепенно до чрезвычайнаго *crescendo*, и образуетъ чистый и первый въ музыкѣ *C dur*-ный аккордъ, и тѣмъ

самымъ изображаетъ живо моментъ порожденія свѣта. Здѣсь мысль высокая и вполне соответствующая красотѣ и величію представляемой картины. Музыка, повторяемъ, языкъ чувствъ, и слѣпой понимаетъ ее. Но въ настоящее время многіе, избалованные разными штукахирами на инструментахъ, болѣе слѣдятъ за движеніями исполнителя, за эквилибрами и сальто-мортале его пальцевъ, и наслаждаются музыкой посредствомъ зрѣнія, а не слуха...

Но мы слишкомъ увлеклись нашей диссертацией, и совершенно забыли, что намъ предстоитъ еще дать отчетъ о бывшихъ, въ-продолженіе этого мѣсяца, концертахъ.

Концертовъ было всего три.

7-го числа Контекій давалъ свое четвертое и послѣднее «музыкальное утро», въ которомъ исполнительъ былъ, между-прочимъ, квартетъ г. Рубинштейна. Не станемъ входить въ разсмотрѣніе *великодушнаго* поступка г. Контекаго, какъ это называли петербургскія газеты, которыхъ чувствительность такъ живо возбудилась выборомъ этого квартета. Мы слишкомъ уважаемъ артистовъ, чтобъ отыскивать въ ихъ поступкахъ *aggrégé pensée* и видѣть въ выборѣ г. Контекаго что-нибудь другое, кромѣ справедливаго признанія таланта г. Рубинштейна, а справедливость не есть великодушіе. Дарованіе Рубинштейна нисколько не было подвержено сомнѣнію неудачнымъ опытомъ его написать русскую оперу, а напротивъ, признано всѣми артистами. Положимъ, что его «Куликовская Битва» и не имѣла успѣха, но съ кѣмъ это не случается. Послѣ этого, что же удивительнаго, *великодушнаго*, что г. Контекій рѣшился исполнить квартетъ Рубинштейна?

Квартетъ исполненъ былъ превосходно, и послужилъ новымъ доказательствомъ, что г. Рубинштейнъ имѣетъ въ себѣ много самобытнаго дарованія, которое однако нуждается еще въ наукѣ, въ опытности, въ обработкѣ. Но каждое новое произведеніе этого композитора доказываетъ, что г. Рубинштейнъ не раболѣпствуетъ предъ одной модой, а стремится достигнуть въ музыкѣ и духовныхъ ея началъ.

Въ этомъ отношеніи искусство имѣетъ одинакую участь съ любовью.

Поэзія въ любви доступна только людямъ съ сердцемъ пламеннымъ, впечатлительнымъ и мягкимъ, съ душою возвышенною, воспріимчивою и нѣжною. Два подобныя существа, одаренныя одинакой силой симпатіи, предаются любви вполне, безъ раздѣла, одушевляются одной идеею,

сбрасываютъ съ себя все мірское. Священный огонь, зажженный въ нихъ небесною искрой, очищаетъ, облагораживаетъ и возвышаетъ ихъ сердца, чуждыя всякаго матерьяльнаго помысла, полныя однимъ духовнымъ наслажденіемъ; ни время, ни разстояніе, не могутъ разорвать узы, соединившія эти двѣ души въ одну, вѣчно парящую въ изящно-духовномъ мірѣ!

То же самое встрѣчаемъ мы и въ искусствахъ, и особенно въ музыкѣ. Люди, какъ напримѣръ Бетговенъ, Моцартъ, Гайднъ, Глукъ, Мендельсонъ, вѣчно стремятся впередъ; гениальныя, прекрасныя души ихъ проявляются въ роскошныхъ, эстетическихъ формахъ, и все болѣе сливаются съ воспѣваемымъ ими идеаломъ. Ничто не изглаживаетъ звуковъ ихъ дивныхъ пѣсенъ, переходящихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ драгоценнѣйшее достояніе духовной жизни человѣка!

Но какъ различна участь людей, посветившихъ себя модѣ и живущихъ въ духѣ, но не въ эстетическихъ элементахъ времени. Рожденныя по волѣ минутной прихоти, ихъ произведенія, надѣлавъ много шуму при появленіи своемъ, проходятъ быстро, незамѣтно, и не оставляютъ по себѣ никакого сочувствія, которое могло-бы отозваться въ сердцахъ грядущихъ поколѣній! Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ принадлежащія людямъ талантливымъ, даровитымъ, сохраняются конечно въ исторіи искусствъ, но не составляютъ собою эпохи, какъ имена тѣхъ гениевъ, которые пѣснопѣніями своими приводятъ въ содроганіе сокровеннѣйшія струны сердца человѣческаго. Звуки эти почерпнуты изъ глубины души, преисполненной чувствами неизмѣнными, непроходящими и вѣчно юными, какъ сама природа, ихъ внушившая.

По этому пути стремится и г. Рубинштейнъ, и мы отъ души желаемъ ему успѣха, но прежде всего советуемъ учиться, учиться и не вѣрять въ свою непогрѣшимость. Въ квартетъ его много живости, чувства, хотя и есть недостатокъ въ общности и колоритѣ. Первое отдѣленіе (*Allegro C. moll*), напоминаетъ какое-то преувеличенное подражаніе *фигурированнымъ* пассажирамъ. Второе (*Cherzo vivace C. dur*), полно жизни, хотя въ концѣ и встрѣчаются нѣсколько безцвѣтныхъ мелодій, сбивающихся на модные итальянскіе мотивы. Третье отдѣленіе (*Adagio As dur*), писано совершенно въ религіозномъ духѣ, превосходно выдержанномъ до конца, и наполняетъ душу слушателей сочувствіемъ. Четвертое (*Allegro C. moll*), полно энергіи, огня и гармоническихъ эффектовъ.

Излишне было бы говорить объ исполненіи г. Контскимъ la

Romanesco и, по востребованію публики, *Мазурки*, — каждый звукъ былъ выведенъ до невѣроятной ясности и чистоты, — но мы не можемъ не пожалѣть, что тріо Мендельсона Бартольди, en ut mineur, исполнено было на фортепьяно г. Фракманомъ. Артистъ этотъ, при удивительной ловкости, обладаетъ такимъ невозмутимымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, что невольно распространяетъ его и на слушателей.

Предоставляемъ нашимъ читателямъ обсудить то впечатлѣніе, которое, при подобныхъ данныхъ, оставилъ по себѣ г. Фракманъ, и спѣшимъ перейти къ концерту Джона Томаса, данному 8-го декабря, въ залѣ англійскаго посольства.

Пріятно говорить о такихъ замѣчательныхъ артистахъ, каковъ Джонъ Томасъ, первый арфистъ Ея Величества королевы Викторіи, хотя почти невозможно передать словомъ удовольствіе, которымъ наслаждались слушатели при его превосходной, отчетливо изящной игрѣ. Арфа, инструментъ, изобрѣтеніе котораго теряется въ преданіяхъ глубочайшей древности и приписывается Тубалькильсу, не можетъ не возбуждать сочувствія въ сердцахъ. Воображеніе наше разыгрывается при видѣ этого инструмента; мы мысленно переносимся во времена глубокой древности, въ эпохи Алфреда Великаго, Оссіана; намъ кажется, что мы видимъ передъ собою грозные замки, на вершинахъ скалъ, теряющихся въ облакахъ, огромныя залы, освѣщенныя лучами солнца, проникающими въ нихъ чрезъ разноцвѣтныя стекла. Намъ представляются дубовые столы, съ сидящими около нихъ рыцарями, закованными съ ногъ до головы въ желѣзо и сталь. Мы видимъ старцевъ съ сѣдыми бородами, опоясанныхъ золотымъ обручемъ, ударяющихъ мощною рукою по струнамъ арфы и воспевающихъ дѣянія витязей и паладиновъ, возвратившихся изъ далекой Палестины Мы видимъ чудныхъ красавицъ, которыя дарятъ молодыхъ трубадуровъ пріветливою улыбкою. . . . Арфа заключаетъ въ себѣ столько таинственнаго, столько волшебной привлекательности, что не мудрено, что концертъ Джона Томаса былъ полонъ и публика съ нетерпѣніемъ ожидала появленія молодаго виртуоза.

Въ Джонѣ Томасѣ заключаются все зародыши великаго артиста. Видно, что сама природа надѣлила его музыкальнымъ чувствомъ и развила его до высшей художественной степени. Игра его разнообразна, самобытна, вдохновенна, — при ней слышна музыка, а не виртуозъ на инструментѣ. Чрезвычайно чисто и отчетливо выдѣлываетъ онъ пассажи флажолета, и хотя, при изящныхъ арпеджіяхъ его, многіе и находили это очень легкимъ, но мы думаемъ, что надо имѣть много ловкости и

навыка, чтобъ такъ хорошо исполнять ихъ на инструментѣ, имѣющемъ семь педалей.

Джонъ Томасу смѣло можно предсказать значительный успѣхъ въ Петербургѣ. Нѣкоторыя газеты называютъ арфу инструментомъ чрезвычайно благодарнымъ, годнымъ развѣ только для аккомпанимента къ пѣнію,—это все очень справедливо въ отношеніи арфъ, встрѣчаемыхъ въ Екатерингофскомъ-воксалѣ и на Петровскомъ-острову. Но гг. рецензенты, вѣроятно, не имѣли случая слышать г. Девитта, Бохсу и наконецъ Томаса. Въ рукахъ его арфа пріобрѣтаетъ неимоверно сладкую пѣвучесть; слушатель забываетъ, что предъ нимъ арфистъ; онъ переносится въ міръ заоблачный и слышитъ дивную мелодію.

Въ этомъ-же концертѣ участвовали г-жа Бурде, актриса французской труппы, и г. Мортъе де-Фонтенъ, *пьянистъ изъ Парижа*.

Г-жа Бурде исполнила свое дѣло прекрасно, но не понравилась публикѣ, которая имѣла полное право въ концертѣ ожидать пѣнія посерьезнѣе водевильныхъ аріетокъ.

Не понимаемъ, почему такой артистъ, какъ Мортъе де-Фонтенъ называлъ себя *пьянистомъ изъ Парижа*? Конечно, фортепьянная школа въ Парижѣ стоитъ на высокой художественной степени, и Мортъе де-Фонтенъ окончилъ музыкальное образованіе свое въ этомъ городѣ, но къ чему подобное названіе... Это намъ напоминаетъ одного дирижера, разыгрывавшаго съ оркестромъ свои польки, вальсы и галопы, и называвшаго себя ученикомъ чуть ли не Бетговена. Пора бы господамъ артистамъ убѣдиться, что Петербургъ цѣнитъ ихъ не по титулу, а по дарованію.

Что касается до игры Мортъе де-Фонтена, то мы не можемъ судить объ ней по этому концерту, въ которомъ выборъ пьесъ былъ весьма неудаченъ. Въ этомъ отношеніи, можетъ-быть, и правъ г. Раппапортъ, что въ игрѣ его нѣтъ тѣхъ качествъ, которыя нынѣ требуются отъ фортепьяннаго виртуоза. Намъ, можетъ-быть, нужны пьянисты, подъ ударами которыхъ лопались бы струны и трещали клавиши. Мы, можетъ, любимъ артистовъ, выдѣлывающихъ фокус-покусы, и чистая, плавная, легкая, тихая игра, вѣроятно, не удовлетворитъ насъ... то-есть, не насъ собственно, а нѣкоторыя лица, которыя смотрятъ на искусство съ своей точки зрѣнія, или съ той высоты, на которой стоитъ арена ихъ критериума. Мы полагаемъ, что обязанность фельетониста заключается въ собраніи мнѣній публики, въ взвѣшиваніи разнородныхъ приговоровъ, въ составленіи средняго общаго и въ

представленіи отчета о немъ. Мы же не только въ этомъ концертѣ, но и въ концертѣ Филармоническаго Общества слышали отъ всѣхъ знатоковъ, что по-сихъ-поръ окончательнаго приговора объ Мортъе де-Фонтенѣ произнести еще нельзя. Конечно, можетъ г. Раппапортъ болѣе прочихъ имѣть право судить, даже болѣе профессора Бренделя, мнѣніе котораго выписали мы въ прошломъ № Пантеона, и даже самой Лейпцигской Иллюстраціи, которая ⁵⁰/₁₈ мая 1851 года, исполненіе Мортъе де-Фонтеномъ ор. 108 Бетговена называетъ «музыкальнымъ происшествіемъ и эпохою въ артистическомъ мірѣ»... но у всякаго свой вкусъ!

14 декабря въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ концертъ Филармоническаго Общества, въ которомъ, какъ намъ кажется, существовалъ такъ называемый поэтическій безпорядокъ. Объ этомъ предоставляемъ нашимъ читателямъ судить самимъ. Мы будемъ только рассказывать — факты.

Увертюра изъ оперы «Карлъ Смѣлый» шла хорошо до того мѣста, гдѣ находится соло для флейты. Этого несчастнаго соло никто не слышалъ. Г-жа Марай, гг. де-Бассини и Ронкони, назначенные въ программѣ, вовсе не пѣли, черезъ что вся программа концерта была перемѣшана, и посѣтители не имѣли никакого руководства въ этомъ лабиринтѣ арій и дуэтовъ. А не всякій знаетъ всѣ италіянскія оперы наизусть. Г-жа Медори, при исполненіи аріи изъ «Донъ Жуана», отстала отъ оркестра на цѣлый тактъ, — она дѣлала *ritardando*, а оркестръ не обратилъ на то вниманія, и продолжалъ играть свое. Гг. Тамберликъ и Тальяfico начали дуэтъ свой не въ одномъ тонѣ съ оркестромъ и замѣтили это только послѣ нѣсколькихъ тактовъ, тогда, какъ публика замѣтила промахъ при самомъ началѣ. Но кто не ошибается. *Errare humanum est!* Г. Мортъе де-Фонтену поставленъ былъ какой-то ветхій флигель, и при всей легкой и тихой игрѣ этого артиста лопнуло, въ немъ нѣсколько струнъ. Концертъ оживленъ былъ только г. Томасомъ, который не имѣлъ нужды въ чужомъ инструментѣ и постороннемъ пособіи, и восхитилъ всѣхъ своей изящной игрою, и г-жею де-Мерикъ, исполнившей, какъ и всегда, превосходно романсъ изъ Лукреціи Боржіа. Жаль только, что эта талантливая артистка имѣетъ слишкомъ большую привязанность къ этому романсу, и исполняетъ его во всѣхъ концертахъ. Онъ ея конекъ, *son cheval de bataille*; но пора бы и перемѣнить скакуна для артистическаго бѣга.

Правда игралъ и г. Контскій, но объ его исполненіи мы поговоримъ поподробнѣе.

По нашему мнѣнію, каждое искусство имѣетъ свои предѣлы, изъ-за которыхъ оно не можетъ, то-есть, не должно выходить. Такимъ-образомъ, музыка, какъ языкъ чувствъ, передаетъ ощущенія только во времени и противоположна пластикѣ, осуществляющей ихъ въ пространствѣ. Кажется, что опредѣленіе это ясно, но гг. артисты не обращаютъ на него вниманія, и стремятся подражать музыкой природѣ. Дѣлали это и великіе учителя, но въ ихъ душѣ таилась сила творчества, совершенно различная отъ той, которая засѣдаетъ въ нашихъ композиторахъ. Что же выходитъ? Что, напримѣръ, *Каскадъ* капризъ г. Контскаго, долженъ напоминать слушателямъ шумъ, происходящій отъ паденія водопада, *Ниагары* или, пожалуй, хоть *Шафгаузенскаго*, допустимъ даже — *Иматры*. Это шумъ страшный, оглушительный, но все не музыкальный. Г. Контскій это понялъ и ограничилъ свое звуко-подражаніе журчаньемъ ручейка. Но зачѣмъ же тогда называть его *Sarçise imitatif* (капризъ *подражательный*)? Это прилагательное портитъ все. Не будь оно, — всѣ бы удовольствовались капризомъ г. Контскаго, но отъ *подражанія* всякій вправѣ требовать болѣе точности, потому-что въ такомъ случаѣ сравненіе невольно напрашивается воображенію. Но у артистовъ бываютъ иногда странныя фантазіи. Такъ напримѣръ называютъ они пьесу: «Сонъ дѣвы, музыкальная поэма», и начинаютъ ее ударами въ тамъ-тамъ... гдѣ же здѣсь поэма? гдѣ поэзія? И какая дѣва не проснется отъ такого набата? Но до этого гг. композиторахъ и дѣла нѣтъ.

Мы согласны, что эффекты турецкой и мѣдной музыки бываютъ иногда весьма пріятны, и могутъ-быть употреблены — но только кстати... Такъ мы слышали недавно превосходный маршъ г. Вальца: *Торжественный маршъ по случаю столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса*. Въ немъ оркестръ усиленъ двумя тромбонами, но это у мѣста и производитъ прекрасный эффектъ. Вообще, маршъ этотъ, который скорѣе можетъ быть названъ торжественной увертюрой, отличается богатствомъ гармоній и служитъ доказательствомъ, что композиторъ его не только талантливъ на бальную музыку, но можетъ современемъ приняться и за болѣе серьезныя произведенія.

Заговоривъ уже однажды о маршахъ и бальной музыкѣ, мы кстати укажемъ читателямъ нашимъ на нѣсколько новостей, вышедшихъ въ свѣтъ къ праздникамъ.

Изъ всѣхъ приготовленныхъ альбомовъ по случаю праздниковъ, альбомы *Musée Musical* отличаются, какъ изяществомъ наружной отдѣлки,

такъ и отчетливымъ выборомъ своего содержанія. Первый изъ нихъ: *Echo des bals, Album de danses*, сборникъ граціозныхъ танцевъ, представляетъ собой прекрасное воспоминаніе, живой отголосокъ очаровательныхъ звуковъ, раздававшихся въ окрестностяхъ Петербурга, подъ волшебнымъ манореніемъ Гг. Гунглей и Ладе. Второй (Цыганскій таборъ, часть 3-я) составленъ изъ любимѣйшихъ пѣсенъ, пѣтыхъ хорами московскихъ цыганъ, нѣкогда восхищавшими собою упоенныхъ посѣтителей праздниковъ Излера и русекой Альямбры.

Пѣсни эти имѣютъ своихъ поклонниковъ и любительницъ, и вѣрно будутъ раскуплены.

Кстати объ альбомахъ: къ новому — году поступитъ въ продажу: «Музыкальный альбомъ, арій, романсовъ и куплетовъ, пѣтыхъ на сценѣ». Это отличный сборникъ сценическихъ новинокъ, въ родѣ альбомовъ покойнаго Дюра. Но только здѣсь обращено вниманіе не на одни слова, но и на музыку, которая удовлетворитъ всѣхъ любителей пѣнія. Вкладчики этого Альбома, изданнаго изящно, даже великолѣпно, гг. Жоссъ, Вителаро, Дючь, Толстой, Тальбергъ и другіе. * Альбомъ этотъ представляетъ именно то, чего не доставало для провинціальныхъ сценъ и домашнихъ спектаклей, и вообще для легкаго домашняго пѣнія.

При «Пантеонѣ» разосланъ подробный реестръ всѣхъ новѣйшихъ изданій *Musée Musical*, но въ этомъ спискѣ не упомянуто произведеніе даровитаго артиста А. И. Бернарда: *Pensée constante*. Пьеса эта, по богатству мысли, заключающейся въ ней, можетъ по справедливости назваться музыкальной поэмой, и принадлежитъ къ числу самыхъ граціозныхъ произведеній въ этомъ родѣ.

У Кирхгова, напротивъ Владимірской церкви, вышли между прочимъ довольно хорошенькія пьесы: «Милашечка-полька» его-же; Кельха: *La fata galopъ, La rose blanche*, полька-мазурка; Доливарн: *Douce rêverie*, полька. Соколова: *Кокетка* полька; Проказникъ-галонъ. Александрова: *Талисманъ-полька*. Между романами очень недурны Соколова: *Не весна тогда жизнь вляла*, и Гавледа: *Нѣтъ, не черкешенка она*.

Мы нашли еще премиленькія пьески въ магазинѣ *Русскихъ издѣлій*, и у Кирхгова, противъ Владимірской Церкви. Въ первомъ особенно замѣчательно: *Je ne pense qu'à elle*, вальсъ Александрова, *Plaisirs du Salon*, кадрили его-же, *Rigoletto*, кадрили Мельцера и

* Будетъ продаваться въ Конторѣ Пантеона, по 3 р. с., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Une fleur d'Automne, полька Шахта. Во второмъ: Blumeristen— polka Моллера, Sans—façon полька и еще многое множество полекъ sans façon.

Мы довольствуемся однимъ указаніемъ новостей и предоставляемъ нашимъ читателямъ самимъ убѣдиться въ достоинствѣ ихъ; вѣроятно, они поблагодарятъ насъ и за желаніе знакомить ихъ съ хорошимъ.

На дняхъ принесли намъ также послѣднюю тетрадь «Нувеллиста» за нынѣшній годъ. Этотъ богатый музыкальный журналъ съ удивительною ревностію и постоянствомъ исполняетъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, свое назначеніе, и даритъ своихъ подписчиковъ очень хорошимъ выборомъ самыхъ разнообразныхъ пьесъ для пѣнія и для фортепьяно. Одно изъ главныхъ его достоинствъ состоитъ въ томъ, что бѣольшая часть его владчиковъ наши отечественные композиторы, тогда какъ другія подобныя изданія пробавляются, по бѣольшей части, перепечаткою иностранныхъ произведеній, по духу и манерѣ не всегда согласныхъ съ русскимъ вкусомъ. Но отъ «Нувеллиста» мы и вправѣ требовать строгаго выбора и вкуса: издатель его, М. И. Бернаръ, самъ композиторъ и хороший знатокъ музыки, стало-быть, не долженъ допускать въ свой сборникъ того, что можетъ допустить простой музыкальный торговецъ, руководимый въ выборѣ болѣе модою, чѣмъ эстетическимъ вкусомъ. Но разбирая это обиліе, составляющихъ «Нувеллистъ» пьесъ, нельзя не подивиться его непомѣрной дешевизнѣ, сравнительно съ другими подобными же изданіями! Чего тутъ вѣтъ! И классическія пьесы для знатоковъ, и танцы для любителей, и французскіе романсы, и два портрета, словомъ, чего, хочешь, того просишь, и все хорошо, изящно отпечатано, аккуратно издано! Зачѣмъ же послѣ этого удивляться повсемѣстному успѣху, которымъ пользуется «Нувеллистъ?» Это только дань заслугѣ, и заслугѣ, въ наше время, право не маловажной.

Длинный рядъ артистовъ, съѣзжающихъ къ намъ далеко не конченъ еще. Недавно сообщили мы о пріѣздѣ гг. Джона Томаса и Келлермана и г-жи Паришъ—Альварсъ; теперь получаемъ извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ извѣстная пѣянистка дѣвица Вильгельмина Клаусъ, принятая съ большимъ вторгомъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Германіи.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Быль.— Минеральныя воды.— Венгерскіе цыгане.— Полька и носъ.— Пассажъ.— Двойники.

Сначала собираемся мы рассказать быль, за достовѣрность которой не ручаемся, но которую недавно слышали, и которую рекомендуемъ, какъ матеріаль для повѣсти или, пожалуй, и для романа.

Лѣтъ тридцать—пять тому назадъ, жилъ въ прекрасномъ Петербургѣ прекрасный молодой человѣкъ, трудолюбивый, но несовсѣмъ облагодѣтельствованный фортуною. Противъ оконъ его скромнаго жилища, а можетъ—быть, и въ противоположной части города, стоялъ домикъ.... Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.... гдѣ не стояли домики въ то время? Но въ томъ домикѣ жила и красовалась, какъ майское утро, милая, воздушная, томная нѣмочка, дочь добрыхъ и честныхъ родителей. И это очень обыкновенно. Всѣ нѣмочки до девятнадцати лѣтъ милы, воздушны, томны, до двадцати пяти лѣтъ,—задумчивы, восторженны, послѣ-же этого возраста, аккуратны, расчетливы, брюзгливы, и проч. Все это въ порядкѣ вещей. Такъ, но дѣло въ томъ, что прекрасный молодой человѣкъ и майское утро узнали другъ—друга. Гдѣ? не знаемъ навѣрное. На балѣ-ли, на гуляньѣ-ли, въ клубѣ-ли.... объ этомъ исторія умалчиваетъ. Родители майскаго утра замѣтили, что дочь тоскуетъ и бываетъ тогда только веселой, когда увидитъ прекраснаго молодого человѣка. Они смекнули въ чемъ дѣло. Нѣмцы народъ аккуратный,— вотъ и почтеннѣйшіе родители справились съ гроемъ—бухомъ избраннаго ихъ дочерью, но увы! минусы страшно превышали плюсы, графа *де-бетъ* была испещрена до невѣроятности, *кредитъ*-же красовался во всей своей бумажной невинности, — никогда еще перо не дотрогивалось до него и не помрачало его ослѣпительной бѣлизны. Добрые нѣмцы, скрѣпя сердце, преучтиво дали понять бѣдному вздыхателю, что посѣщенія его

должны прекратиться. Напрасно отстаивалъ себя молодой человѣкъ, напрасно рисовалъ картины блестящей будущности, картины, въ аррьеръ-планѣ которыхъ виднѣлось, сквозь туманъ, лицо угрюмаго но богатаго дяди, окруженное тридцатью тысячами дохода... Напрасно доказывалъ онъ, что повышение для него такъ же вѣрно, какъ и дважды—два четыре... напрасно. Отецъ былъ человѣкъ положительный, вѣрилъ только въ *кредитъ грощъ—буха*, и произнесъ роковое: nein! ich will es nicht! Молодая чета обнялась, расплакалась, онъ снялъ съ себя крестикъ, благословеніе матери, надѣлъ его на алебастровую шейку майскаго утра.... отецъ заворчалъ «genung», и влюбленные разстались. Шесть мѣсяцевъ спустя, майское утро вышло за добраго, русскаго человѣка, подкрѣпившаго сватовство свое записью сотни другой душъ крестьянъ. Прошли годы, майское утро преобразовалось въ сентябрьскій вечеръ. Мужъ ея умеръ, и оставилъ безутѣшную вдову свою съ тремя дочерьми. И вотъ вдова выдала замужъ старшую дочь. Между тѣмъ крестикъ молодаго человѣка никогда не покидалъ ее, — она хранила его какъ сокровище. При замужествѣ дочери, она невольно вспомнила о себѣ, о своей первой любви, и слеза умиленія скатилась по ея щекѣ. Съ участіемъ обступили ее дочери, и выслушали съ благоговѣніемъ признаніе ея задушевной тайны. Прошли еще десять лѣтъ, и вдова проводила на кладбище тѣло усопшей старшей дочери. Горько плакала бѣдная мать, и три года сряду отправлялась каждую недѣлю на родную могилу, осыпала ее цвѣтами, и усердно молилась объ успокоеніи души усопшей.

Въ одинъ изъ ненастныхъ дней настоящей зимы, случилось какъ—то, что кучеру вдовы вздумалось отпраздновать свои именины. Вдова, не желая отложить посѣщенія могилы дочери, взяла извозчика и отправилась на кладбище. Уже подъѣжала она къ оградѣ, какъ вдругъ ей сдѣлалось дурно. Не успѣла она остановить извозчика, какъ уже съ молитвою на устахъ, отдала Богу душу свою. Испуганный извозчикъ ударилъ по лошади и былъ таковъ; тѣло нашли сторожа, объявили, куда слѣдуетъ, и черезъ три дня старушку похоронили. По крестикъ сочли ее за русскую.

Дочери покойницы, также уже замужнія, узнали черезъ людей, что мать ихъ пропала безъ вѣсти, и руководимыи предчувствіемъ, отправились за справками на кладбище. Здѣсь узнали онѣ постигшее ихъ несчастіе. Со слезами бросились онѣ на свѣжую могилу обожаемой матери, и въ изступленіи обнимали водруженный деревянный крестъ. Но

тутъ, невольно, глаза ихъ остановились на памятникѣ, стоявшемъ надъ соседней могилой. То была могила того самаго человѣка, память котораго была такъ дорога для ихъ матери.

Молодые люди любили другъ—друга, обстоятельства разлучили ихъ, но судьба соединила послѣ тридцати—пяти—лѣтней разлуки! Скромно, тихо покоятся они вмѣстѣ навѣки, сномъ непробудимымъ!

Но избранный нами предметъ слишкомъ грустенъ, и мы поспѣшимъ перейти къ чему—нибудь повеселѣе.

Отправимся лучше въ Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, къ старому знакомцу публики, П. И. Излеру.

Излеръ, какъ и всегда, очень скромно открылъ зимній сезонъ своихъ увеселеній, — что будетъ послѣ, извѣстно ему одному, но ужъ это аксіома: Излеру стоить только начать. Когда онъ однажды размахнетъ крыльями, кто въ состояніи предвидѣть, гдѣ и на чемъ остановится его полетъ. Излеръ давно приучилъ насъ къ самымъ неожиданнымъ и поразительнымъ сюрпризамъ. Человѣкъ, превращавшій петербургскія осеннія ночи въ крымскія и индѣйскія, вѣроятно, сумѣетъ превратить и зиму въ лѣто. Конечно тутъ необходимо бы и содѣйствіе петербургскаго волшебника, Вальца, но и это впереди. Доживемъ—увидимъ!

Въ настоящее же время, при хорошей погодѣ (которой—между, прочимъ, у насъ нѣтъ), много удовольствія представляетъ уже и одна поездка на Минеральныя воды. Легкая, ухарская тройка, несущаяся съ быстротою вихря, подъ заунывное звяканье валдайскаго колокольчика, подвозитъ къ заведенію, заключающему для каждого столько пріятныхъ воспоминаній. Превосходный оркестръ Юсифа Гунгля, управляемый Соколемъ, однимъ изъ опытнѣйшихъ и лучшихъ музыкантовъ столицы, такъ живо напоминаетъ звуками своими тѣ волшебные и чудесные вечера, которые публика проводила на Водахъ и въ Павловскѣ, что сердце невольно проникается чувствомъ живаго и непритворнаго веселья. Хоръ тирольцевъ, составленный изъ одного пѣвца и трехъ пѣвицъ, придаетъ всему разнообразіе, и хотя въ исполненіи пѣсенъ уступаетъ хору братьевъ Мейснеръ, но не менѣе того очень хорошъ, особливо въ комическихъ пѣсняхъ: пѣвецъ одаренъ живымъ, натуральнымъ и неподдѣльнымъ комизмомъ. Въ немъ нѣтъ ни той натянутости, ни той приторности, которыя составляютъ отличительныя черты германскихъ буфовъ. Вновь изобрѣтенный инструментъ *Филомела* похожъ на маленькую скрипку, имѣетъ три струны: желѣзную, стальную и мѣдную, и довольно удачно изображаетъ эхо звуковъ. Онъ передаетъ

мелодію какъ-бы изъ отдаленія, повторяющуюся отголоскомъ гранитныхъ скалъ. Другой инструментъ *ксилотонъ*, старый знакомецъ нашъ: Holz und Stroh Instrument, на которомъ восхицалъ Петербургъ извѣстный фаготистъ, дирижеръ и музыкантъ В. Шиндлеръ.

Если ко всему этому прибавить радушный приѣмъ самого хозяина, изыскивающаго все средства удовлетворять своихъ посѣтителей, то понятно, что и въ настоящее время Минеральныя-Воды представляютъ много удовольствій. Но что будетъ еще, когда откроется катанье съ горъ и на конькахъ, когда проявятся тамъ давно ожидаемые венгерскіе цыгане, о скоромъ прибытіи которыхъ уже возвѣщено публикѣ.

Но мы не упустимъ этого случая и поговоримъ поподробнѣе о венгерскихъ цыганахъ.

Цыгане, въ Венгріи, ведутъ, какъ и вездѣ, жизнь кочевую. Неперпимые въ городахъ, гонимые изъ селеній, они разбиваютъ таборы свои то на непроходимыхъ болотахъ, то среди безконечныхъ полей, или въ темныхъ, густыхъ чащахъ вѣковыхъ лѣсовъ. Здѣсь племя это, называемое въ Венгріи *Oziganos*, находится вѣчно въ присутствіи роскошной природы, со всеми ея неподражаемыми красотами, и развило въ характерѣ своемъ смѣсь меланхоліи и томной поэтической грусти съ пылкой огненной страстью.

Напрасны были все попытки цыганъ къ сближенію съ надменными жителями городовъ и селеній. Напрасно занимался они ремеслами, ворожбою, симпатическимъ леченіемъ, гордые мадьяры не переставали отвергать ихъ. Но несмотря на гордость свою, Венгры просты въ воинственномъ духѣ своемъ, воспріимчивая душа ихъ легко сродняется съ гармоніей звуковъ, и цыгане, подмѣтивъ слабую сторону своихъ гонителей, удачно воспользовались ею. Національныя мелодіи венгровъ коротки и звучны, цыгане усвоили себѣ эти напѣвы, и начали передавать ихъ съ прикрасою пламенно-страстнаго чувства.

Сближеніе совершилось незамѣтно, цыгане стали необходимыми при праздникахъ и народныхъ увеселеніяхъ; здѣсь воспѣваютъ они воиновъ, павшихъ на полѣ брани, и возбуждаютъ восхищеніе въ старцахъ, радость въ юношахъ, и выманиваютъ слезы изъ огненныхъ глазъ смуглыхъ венгерокъ.

Трудно, почти невозможно составить себѣ ясное понятіе объ музыкѣ венгерскихъ цыганъ, не требующей въ исполненіи строгости въ сохраненіи такта, ритма и гармоніи. Все зависитъ отъ произвола и во-

одушевленія дирижера. Устремивъ неподвижный, мрачный взоръ свой на слушателей, дирижеръ сначала выводитъ томныя, грустныя мелодіи похоронныхъ маршей, и вдругъ, какъ-будто пробуждается отъ сна, глаза его зажигаются дикимъ огнемъ, смычокъ перебѣгаетъ съ быстротою молніи по струнамъ, переходитъ въ самыя шумныя аллегро, и распространяетъ вокругъ себя бѣшеную радость и восторгъ.

При каждомъ хорѣ венгерскихъ цыганъ, состоящемъ, бѣльшею частью, изъ музыкантовъ, находятся нѣсколько плясуновъ и плясавицъ.

При исполненіи оркестромъ плясовой пѣсни, они становятся въ кружокъ, и тихо, неподвижно внимаютъ роднымъ звукамъ, и все болѣе предаются волшебному вліянію ихъ увлекательной прелести. Наконецъ одинъ изъ нихъ медленно выступаетъ впередъ, брянчитъ шпорами, ударяя каблукъ о каблукъ, и напоминаетъ тѣмъ владычествующую въ венграхъ страсть къ верховой ѣздѣ. Ему слѣдуютъ другіе, тихо подаются впередъ, тянутся длинной вереницею, выводятъ правильныя фигуры, и такимъ-образомъ составляютъ древній мадьярскій танецъ, называемый *lassan* (тихий, отъ нѣмецкаго слова *langsam*). Вторая часть этого танца называется *frishen* скорый, отъ нѣмецкаго слова *frischer*; и введена королемъ Робертомъ Анжуйскимъ. Каждая часть повторяется два раза; по окончаніи же послѣдней, воодушевленный танцоръ кричитъ: *ha gam a tanz* (еще разъ танецъ), отчего заключеніе это называется *ha gam*. Тогда музыка начинаетъ играть скорѣе; подъ вліяніемъ быстро усиливающагося темпа, танцоры и танцорки обхватываютъ другъ-друга, какъ въ вальсѣ, кружатся на мѣстѣ, доходятъ до бѣшенаго изступленія, смѣшиваются, вертятся, гарцуютъ... и эта невыразимая дикость придаетъ всему непонятную привлекательность, и можетъ по истинѣ назваться настоящимъ вальсомъ *infernal*.

Между венгерскими цыганами въ особенности славятся композиціями своими: Биборгъ, Бунко и оба Янеза. Извѣстнѣйшіе танцы ихъ суть: 1. *Lassan magyar* (тихий мадьярскій), сочиненный за 200 лѣтъ и сохранившій по-сіе-время всю прелесть и свѣжесть. 2. *Plyeshazy kedves potaja Frishen*, сочиненія Янеза, посвященъ графу Пльезгази. 3. *Keglevies Kedves potaja*, посвященъ графу Кегливику. 4. *Postasipo magyar* (венгерскій почтовый рожокъ). Название свое онъ получилъ отъ извѣстной мелодіи, начинающейся рожкомъ. 5. *Verbunk* (Вербунка, отъ нѣмецкаго слова *Werber*) изображаетъ старинный обычай вербованія.

И этимъ небывалымъ зрѣлищемъ предстоитъ намъ насладиться въ скоромъ времени. Но этого мало, говорятъ, что къ Излеру скоро при-

будетъ знаменитая труппа негритянскихъ плясуновъ, обогатившихъ сѣверо-американца Барнума; говорятъ, что явятся на Водахъ провансальскіе пѣвцы и пѣвицы; говорятъ но, извините, мы болѣе не будемъ повторять того, что говорятъ, мы разъ ужъ объявили, что не намѣрены заниматься *утками*. Приѣдутъ обѣщанные артисты, и мы тотчасъ же передадимъ объ нихъ читателямъ все подробности.

Но кстати объ уткахъ. Недавно, одна изъ петербургскихъ газетъ объявляла престранную новость, — «соединеніе Бети-польки талантливаго Венцеля, съ носомъ». Такъ удачно смѣшала она и польку, и носъ, что наконецъ никто не могъ различить ихъ, и на повѣрку вышло, что будто-бы одинъ промышленный магазинъ вздумалъ напечатать эту польку на носовыхъ платкахъ, и тѣмъ доставить публикѣ прекрасные носо-музыкальные подарки къ праздникамъ. Идея недурна. Только первый шагъ труденъ, а потомъ... На чемъ бы остановилось это нововведеніе невозможно опредѣлить. Отъ носовыхъ платковъ перешли бы къ платьямъ, и пожалуй стали бы печатать на нихъ цѣлыя оперы.

Но, увы! нововведеніе это было только *утка* фельетониста. Мы справлялись повсюду, музыкальныхъ платковъ не оказалось.

Но теперь намѣреваемся мы поговорить о Пассажѣ... О его концертахъ, прогулкахъ, и то, для указанія только одного дива, происходящаго тамъ каждую недѣлю, дива, о которомъ Петербургъ и не вѣдаетъ.

Но сперва одинъ вопросъ:

— Вѣрите-ли вы въ двойниковъ?

— Вѣримъ!.. Гофманъ писалъ объ нихъ!.. Какъ можно вѣрить въ подобныя глупости! Нѣтъ!.. Да!.. Такъ нѣтъ-же!..

Вотъ, вѣроятно, отвѣты, которые ожидаютъ насъ. Хорошо, но и мы прежде не вѣрили въ двойниковъ, смѣялись надъ этимъ явленіемъ... теперь-же, увы! пришла пора оставить давно утвердившееся увѣреніе, и повѣрить двойному существованію одного и того-же чело-вѣка. Безспорный аргументъ убѣждаетъ насъ—свидѣтельство собствен-ныхъ глазъ!

Кто не знаетъ г. Соколя. Артистъ этотъ, по справедливости считающійся однимъ изъ лучшихъ музыкантовъ столицы, извѣстенъ всякому, кто только мамо-мальски занимался музыкой, т. е. писалъ, игралъ или просто слушалъ.

И вотъ объявлена *прогулка* въ Пассажѣ, въ-продолженіе которой будетъ играть бывшій оркестръ Юсифа Гунгля, подъ управленіемъ г. Со-

коля. Прекрасно, мы напередъ увѣрены въ изящномъ выборѣ и исполненіи пьесъ,—имя Сокола ручается за это. Начало въ 7 часовъ. Мы, было, и отправились въ Пассаждъ, но, къ несчастію нашему, стоить на углу Невскаго и Садовой преухарская и прелихая тройка. Когда мы проходили мимо нея, то ящикъ насъ такъ умильно спросилъ, не ѣхали ли на Минеральныя-Воды, что мы рѣшились, вскочили въ сани и понеслись. Мы уже сообщили, что видѣли на Водахъ; но мы увидѣли тамъ еще такое диво, о которомъ не можемъ по-сихъ-поръ дать себѣ яснаго отчета. На Водахъ управлялъ оркестромъ г. Соколь!... Но въдъ аффиша Пассажа гласить, что г. Соколь управляетъ въ тотъ-же вечеръ музыкой, подъ звуки которой совершается тамъ прогулка. А мы видѣли въ тоже самое время г. Сокола за Невой... И послѣ-этого, просимъ покорно не вѣрить въ двойниковъ!...

Посмотрѣвъ, какъ тѣшится Петербургъ, намъ слѣдовало бы взглянуть, какъ онъ рядится... Но, увы! Этого увидѣть невозможно! Все закутано отъ головы до ногъ, или прячется въ четырехъ стѣнахъ, потому-что у насъ стоитъ въ настоящее время пятое время года, совершенно новаго изобрѣтенія: это не совсѣмъ зима, и не то, чтобы осень, оно и не весна — коли хотите, но и на лѣто никакъ непохоже. Сверху дождь, снѣгъ, изморозь, снизу лужи и туманъ, а съ боковъ вѣтры да вьюги! Въ такую погоду не такъ-то ловко выносить наряды на показъ. Поэтому мода на дамскія шляпки и платья осталась *in statu quo* — т. е. на той-же точкѣ, на которой мы ее оставили въ прошломъ мѣсяцѣ. Зато мы замѣтили страшное щегольство на мантильи. Мантильи подверглись совершенной реформѣ, — непріятное ихъ однообразіе исчезло, это теперь и палето, и визитки, и шаали, и мантильи — все вмѣстѣ. Ни одинъ годъ не былъ такъ изобрѣтателенъ на этотъ изящный дамскій нарядъ, какъ нынѣшній.

Представьте себѣ, мы видѣли пять мантилій, одна другой лучше и нѣсколько другъ на дружку не похожихъ, но еслибъ насъ заставили выбрать — мы рѣшительно стали-бы въ тупикъ. Попытаемся описать ихъ нашимъ читательницамъ, какъ съумѣемъ:

Первая мантилья называется *Тальмою* (Talma). Ужъ почему

она носитъ такое трагическое названіе, мы не знаемъ, но только она чрезвычайно красива. Она сшита изъ тяжелой шелковой матеріи, въ родѣ длинной кацавейки, только безъ рукавовъ. Напередѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣланы прорѣзы для рукъ, напускается довольно широкое полотнище, такъ, что оно съ перваго взгляда кажется длиннымъ воротникомъ. Наверху, до самой груди, мантилья прикрыта кокеткой, оканчивающейся сзади капишономъ. По краямъ вся мантилья выложена широкой бархатной лентой, между фестонами которой видно изящное шитье шелкомъ.

Вторая мантилья называется *Матильдой*. Это роскошь, роскошей и всяческая роскошь! Она скроена кругло, изъ бѣлаго кашемира и имѣетъ капишонъ, который низпадаетъ на плеча и на спину въ видѣ платка. Весь капишонъ, вся мантилья вокругъ и обѣ полосы, ниспадающія отъ плечъ, вышиты богатыми арабесками изъ шелку или серебра, изъ-подъ которыхъ красиво выступаетъ широкая бахрама изъ сырцу.

Третья мантилья — *Lucie* (Люція) поскромнѣе на видѣ, но въ сущности богаче. Форма ея не нова, она очень похожа на бурну, какіе носили нынѣшнимъ лѣтомъ, но только она богато украшена розетками изъ атласа и широкими кружевами: на черномъ полу-матовомъ гласе, эти атласныя нашивки производятъ прелестный эффектъ.

Четвертая мантилья à la Princesse — бархатная. Она сшита въ видѣ палето, съ воротникомъ, рукавами и капишономъ. На рукавахъ и капишонѣ широкіе отвороты, богато вышитые. Подбой клѣтчатый, слегка простеганный. Но подъ эту мантилью надѣвается непременно подъ цвѣтъ шелковый казакинъ, застегнутый сверху до низу пуговками и слегка обшитый аграмантомъ. Это прелестный костюмъ для утреннихъ визитовъ.

Пятая мантилья называется *Мускетеркой*. Она плотно прилегаетъ къ таліи, шьется изъ бархата. Рукава дѣлаются у ней во всю длину мантильи и къ низу чрезвычайно широкіе. Весь передъ, сверху до низу, а также и рукава, выложены шелковыми петлицами изъ аграманта, которыя оканчиваются пуговками. Это идетъ ко всякому платью и краситъ каждую талію.

Шляпки теперь начинаютъ придумывать до того замысловатыя, что мы рѣшительно не въ состояніи довольно живописно передать фасоны

ихъ словами. Но мы отсылаемъ нашихъ читательницъ къ самому источнику этихъ чудныхъ вымысловъ: къ M-me Флаксіонъ, въ Малую Милліонную, противъ Англійскаго-магазина. Тамъ увидятъ онѣ сами, до чего можетъ дойти умъ человѣческой, когда дѣло идетъ объ украшеніи его вмѣстелища. Мы же бросаемъ перо и поздравляемъ васъ съ новымъ годомъ и новою шляпкою!

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

НЕВѢСТА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

КОМЕДІЯ - ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

(Die Braut aus Pommern).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БАРОНЪ САЛИНГЪ.

АДОЛЬФЪ, его племянникъ.

КЛЕМЕНТИНА, его племянница.

ГЕНРИХЪ, слуга **АДОЛЬФА.**

РОЗА, служанка **КЛЕМЕНТИНЫ.**

ГОТФРИДЪ, старый слуга.

Театръ представляет садъ передъ домомъ барона. Направо павильонъ съ окнами, въ два этажа, и дверью. На заднемъ планѣ садовая стѣна и ворота.

I.

ГОТФРИДЪ выходитъ изъ павильона; **БАРОНЪ**, **КЛЕМЕНТИНА** въ дорожномъ платьѣ, **РОЗА** и **СЛУГИ** съ узлами и картонами входятъ въ садовые ворота..

ГОТФРИДЪ. Наконецъ вы возвратились, г. баронъ!

БАРОНЪ. Здорово, любезный Готфридъ!

ГОТФРИДЪ. Какъ окончилось ваше путешествіе?

БАРОНЪ. Прекрасно! Клементина, ты еще не знаешь моего стараго Готфрида; рекомендую тебѣ его, какъ самаго усерднаго и вѣрнаго слугу.

ГОТФРИДЪ. О! г. баронъ.

БАРОНЪ. Ну что, какъ ты находишь мою племянницу, любезный Готфридъ?

ГОТФРИДЪ. Помилуйте, г. баронъ! Вѣдь мнѣ даны—же на что-нибудь глаза. Я давно ужъ удивляюсь, смотря на г-жу Клементину.

КЛЕМЕНТИНА (*улыбаясь*). О! да добрый Готфридъ умѣетъ льстить.

РОЗА (*всторону*). Какъ жаль, что онъ такой старикъ!

БАРОНЪ. Ну что, исполнилъ ли ты все мои приказанія?

ГОТФРИДЪ. Все готово, г. баронъ.

БАРОНЪ. Сдѣлалъ ли ты изъ павильона выходъ на улицу, кромѣ этого?

ГОТФРИДЪ. Собственноручно за всею наблюдалъ, г. баронъ. Комната для вашей племянницы убрана на славу, и вы останетесь мною довольны.

БАРОНЪ. Что дѣлаетъ Адольфъ?

ГОТФРИДЪ. Еще почиваетъ, онъ всю ночь провелъ на балу.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ! мой нарѣченный женихъ проводитъ цѣлыя ночи на балу; это его нисколько не рекомендуетъ.

№ 1.

Ахъ, на балу есть столько искушеній!

Онъ хоть кого какъ разъ съ ума сведеть.

Да, на балу искатель ощущеній,

И не ища, премного приключеній,

Во всехъ родахъ, навѣрное найдетъ.

Хоть на балу невѣсту выбираютъ,

Но чуть нашли—на балъ ужъ ни ногой,

Мужъ на балу—шептаться начинаютъ:

Пусть онъ съ женой—они вдвоемъ скучаютъ,

Пусть онъ одинъ, — поссорился съ женой.

Да, я ни за что не позволю мужу моему ѣздить по баламъ, ни одному, ни даже вмѣстѣ со мною.

БАРОНЪ. О! я увѣренъ, что ты излечишь его отъ всехъ дурныхъ наклонностей! Войдемъ—ка однако въ павильонъ. Здѣсь могутъ насъ замѣтить, и тогда планъ нашъ можетъ не удасться.

РОЗА. Да, къ тому-же насъ можетъ увидѣть слуга г. Адольфа. (*Готфриду*). Вѣдь у него, вѣрно, есть слуга?

ГОТФРИДЪ. Ну, и этого также нечего опасаться, онъ спитъ теперь точно также, какъ и господинъ его.

РОЗА. Какъ, и слуга тоже! Это ужасно!

ГОТФРИДЪ. И онъ вѣрно тоже провелъ цѣлую ночь на балу.

РОЗА. Такъ я и повѣрю. (*Барону*). Ахъ, г. баронъ, позвольте мнѣ также полечить его отъ дурныхъ наклонностей.

БАРОНЪ. Сколько тебѣ угодно. Но кажется, что труды твои будутъ напрасны.

РОЗА. Увидимъ, я готова заранѣе поручиться, что сдѣлаю изъ него все, что мнѣ вздумается.

БАРОНЪ. Ступай же, Готфридъ, на свое мѣсто, и какъ скоро увидишь племянника, то дай намъ знать!

ГОТФРИДЪ. Знаю, знаю, г. баронъ... повѣрьте, что не пропущу. (*Уходитъ*).

РОЗА. А я покаместъ приведу въ порядокъ нашъ гардеробъ. (*Уходитъ въ павильонъ со слугами, которые скоро опять выходятъ, и уходятъ въ садъ въ ворота*).

—
II.

БАРОНЪ и КЛЕМЕНТИНА.

КЛЕМЕНТИНА. Ну, милый дядюшка, здѣсь хотѣли вы сказать мнѣ, почему прибытіе мое должно оставаться тайною для вашего племянника.

БАРОНЪ. Ты это сейчасъ узнаешь. Отецъ твой, милая Клементина, былъ лучшимъ моимъ другомъ; онъ умеръ на полѣ чести, и оставилъ послѣ себя въ наслѣдство одни лавры; въ своей духовной, поручилъ онъ мнѣ устроить твое счастье, и я свято исполню его волю. Видѣть тебя женою Адольфа было всегда единственнымъ желаніемъ; племянникъ мой славный малый, съ добрымъ сердцемъ и стоить чести быть твоимъ мужемъ. Онъ имѣетъ о тебѣ, однако, очень дурное мнѣніе; зная, что ты

воспитывалась въ деревнѣ, въ провинціи, онъ воображаетъ, то-есть, онъ думаетъ, что ты...

КЛЕМЕНТИНА. Что я...

БАРОНЪ. Я право не знаю, какъ объяснить тебѣ это, но однимъ-словомъ, онъ считаетъ тебя настоящей провинціалкой въ полномъ смыслѣ этого слова.

КЛЕМЕНТИНА. О, я докажу ему, я отмщу ему...

БАРОНЪ. Я въ этомъ увѣренъ. Богъ одарилъ тебя парю такихъ плутовскихъ глазъ, которые въ состояніи вскружить голову и не моему племяннику; я увѣренъ, что при первой встрѣчѣ съ тобой онъ упадетъ къ твоимъ ногамъ.

КЛЕМЕНТИНА. Надѣюсь.

III.

ГОТФРИДЪ, потомъ **РОЗА**, въ окнѣ верхняго этажа павильона.

ГОТФРИДЪ (*вбѣгая*). Скорѣй, скорѣй, г. баронъ! Племянникъ вашъ сейчасъ будетъ за мною.

БАРОНЪ. Пойдемъ, милая Клементина. Изъ этого окна ты очень хорошо можешь разглядѣть его, и даже услышать что, онъ будетъ говорить.

КЛЕМЕНТИНА. Очень любопытно узнать, что онъ обо мнѣ думаетъ?
(*Оба входятъ въ павильонъ, и являются у нижняго окна.*)

ГОТФРИДЪ. Мнѣ тоже здѣсь незачѣмъ оставаться. (*Уходитъ*).

РОЗА (*показываясь у окна*). Отсюда я все какъ разъ высмотрю.

IV.

АДОЛЬФЪ и ГЕНРИХЪ, БАРОНЪ и КЛЕМЕНТИНА у нижняго, РОЗА у верхняго огня.

АДОЛЬФЪ. Ты точно въ этомъ увѣренъ?

ГЕНРИХЪ. Какъ же—съ, я самъ видѣлъ, какъ Готфридъ переносилъ въ этотъ павильонъ фортепяно, арфу и цѣлую груду книгъ.

БАРОНЪ. (*всторону*). Какъ это онъ успѣлъ подсмотреть?

АДОЛЬФЪ. Я долженъ непременно въ этомъ самъ убѣдиться.

КЛЕМЕНТИНА (*тихо барону*). Племянникъ вашъ очень недурень, милый дядюшка!

РОЗА. О! этотъ Генрихъ очень видный мужчина!

АДОЛЬФЪ (*подходя къ двери павильона*). Дверь заперта.

ГЕНРИХЪ. Тогда какъ ее всегда оставляли отпертою.

АДОЛЬФЪ. Это однако ужасно, если мой любезный дядюшка сдержалъ свое обѣщаніе и привезъ мнѣ невѣсту изъ провинціи.

ГЕНРИХЪ. Безъ всякаго сомнѣнія. Для кого же былъ убранъ этотъ павильонъ.

АДОЛЬФЪ. Положеніе мое, однако, очень незавидно.

КЛЕМЕНТИНА. Каково?

АДОЛЬФЪ. Я долженъ буду жениться, и еще на комъ?

КЛЕМЕНТИНА. На комъ?

АДОЛЬФЪ. На какой-то провинціалкѣ, воспитанной въ деревнѣ, въ пріятномъ обществѣ гусей и коровъ. Мнѣ стыдно будетъ съ нею показаться въ обществѣ; она будетъ заставлятъ меня краснѣть на каждомъ шагу.

КЛЕМЕНТИНА. Это, однако, ни на что непохоже.

ГЕНРИХЪ. Но, подумайте, г. Адольфъ, эта провинціалка ваша

двоюрная сестрица, и единственная наследница огромнаго состоянія вашего дядюшки; этимъ не надобно пренебрегать.

АДОЛЬФЪ. Какое мнѣ дѣло до ея богатства? Я не нуждаюсь въ деньгахъ. И если ужъ моему любезному дядюшкѣ непремѣнно хочется женить меня, отъ чего онъ не выберетъ мнѣ невѣсты изъ лучшаго круга? Но выбрать провинціалку... воспитанную какой-то старомодной теткой, которая ходитъ въ фижмахъ и шиньонахъ,—это невыносимо!

БАРОНЪ. Каковъ мой племянничекъ!..

АДОЛЬФЪ. Я очень живо представляю мою невѣсту, съ длинной, вытянутой фізіономіей, безсмысленными глазами, одѣтую самымъ каррикатурнымъ образомъ, краснѣющую отъ каждаго слова, и отвѣчающую на каждый комплиментъ: «Ахъ, подите! какой вы насмѣшникъ»!..

КЛЕМЕНТИНА. Это ужасно!

ГЕНРИХЪ. Вѣроятно, она привезла съ собой и служанку точно въ такомъ же родѣ; я увѣренъ въ этомъ! Какую-нибудь толстую, неуклюжую крестьянку, съ лицомъ, краснымъ, какъ сукно воротника моего. О! я не откажу себѣ въ удовольствіи полюбезничать съ такой дульцинеей, если только она съ перваго слова не зажметъ мнѣ рта своей полновѣсной ручкой.

РОЗА (наверху). Ахъ! разбойникъ, я тебѣ покажу, какова провинціальная горничная.

АДОЛЬФЪ. Дядюшка просто хочетъ сдѣлать меня несчастнымъ.

ГЕНРИХЪ. Вы правы! Насъ хотятъ съ вами принести въ жертву.

РОЗА. Этакой негодяй!

ГЕНРИХЪ. Что прикажете?

АДОЛЬФЪ. Я не говорилъ ни слова.

ГЕНРИХЪ. Странно! Я такъ ясно слышалъ.

АДОЛЬФЪ. Женитесь! на женщинѣ безъ всякаго воспитанія...

БАРОНЪ (тихо Клементинѣ). Ты не подумай однакожь, что племянникъ мой...

КЛЕМЕНТИНА. О, я накажу его за это! Я знаю, что мнѣ теперь остается дѣлать. (*Садится къ фортепьяно и дѣлаетъ прелюдію*).

АДОЛЬФЪ. Что это! Какіе прекрасные аккорды!

ГЕНРИХЪ. Кто-то играетъ въ павильонѣ, ужъ не провинціалка ли это!

АДОЛЬФЪ. Можетъ ли это быть? Я долженъ узнать это навѣрное. *Идетъ къ двери; изъ нея выходитъ баронъ. Клементина и Роза отходятъ отъ оконъ. Готфридъ выходитъ изъ павильона.*

—
V.

БАРОНЪ, АДОЛЬФЪ и ГОТФРИДЪ.

АДОЛЬФЪ. Дядюшка! Вы уже пріѣхали, а я вичего не зналъ объ этомъ.

БАРОНЪ. Я сейчасъ только пріѣхалъ.

АДОЛЬФЪ. И одни?

БАРОНЪ. Съ моею племянницею, твоею невѣстою. Зачѣмъ ты хотѣлъ войти въ павильонъ?

АДОЛЬФЪ. Я слышалъ тамъ игралъ кто-то на фортепьяно. Дядюшка, милый дядюшка! Неужели это моя невѣста?

БАРОНЪ. Разумѣется не я. Надѣюсь, что ты исполнишь всегдашнее мое желаніе, и женишься на твоей двоюродной сестрѣ.

АДОЛЬФЪ (*скоро*). Она обладаетъ такимъ талантомъ!... вѣроятно и ея воспитаніе соотвѣтствуетъ ея дарованіямъ и красотѣ; я увѣренъ....

БАРОНЪ. Ты говоришь съ такимъ жаромъ.

АДОЛЬФЪ. По ея игрѣ на фортепьяно, я могу заключить о многомъ.

Напримѣръ : она должна имѣть прекрасную талію, стройную ножку, маленькую ручку; она должна также хорошо танцовать.

БАРОНЪ. Право, ты меня удивляешь, любезный племянникъ. Если ты не перемѣнишь своихъ мыслей, то дѣла наши пойдутъ прекрасно.

АДОЛЬФЪ. Я въ восторгѣ отъ моей невѣсты.

БАРОНЪ. Я былъ увѣренъ, что она тебѣ понравится.

ГЕНРИХЪ. Господинъ баронъ.

БАРОНЪ. Что тебѣ надобно ?

ГЕНРИХЪ. Позвольте узнать, у госпожи Клементины, нѣтъ ли какой-нибудь горничной, которую зовутъ Марією или Анетою?

БАРОНЪ. Нѣтъ, Като

ГЕНРИХЪ. Като ? Имя не очень звучное !

БАРОНЪ. Постарайся ей понравиться, потому-что я и тебя также хочу женить на ней.

ГЕНРИХЪ. О, я заранѣе соглашаюсь.

АДОЛЬФЪ. Я представляю себѣ, какъ хороша должна быть моя невѣста. Я совершенно перемѣнилъ мнѣніе объ ней.

ГЕНРИХЪ. И моя Като ! я увѣренъ, что она должна быть чудо красоты.

№ 2.

АДОЛЬФЪ.

Сабина вѣрно хороша !

ГЕНРИХЪ.

Като навѣрное амурчикъ.

АДОЛЬФЪ.

Все въ ней прекрасно: умъ, душа !

ГЕНРИХЪ.

Она мила, что твой огурчикъ !

АДОЛЬФЪ.

Невѣрю счастью моему.

ГЕНРИХЪ.

Готовъ я прыгать какъ ребенокъ

АДОЛЬФЪ.

Сабина—предѣсть по всему.

ГЕНРИХЪ.

Като навѣрное ягненокъ.

БАРОНЪ. Ты можешь самъ удостовѣриться въ томъ, хороша ли она.
(Отворяетъ навильонъ и выводитъ Клементину).

VI

ТЪЖЕ и **КЛЕМЕНТИНА** одѣта карикатурно, **РОЗА**, въ крестьянскомъ платьѣ.

БАРОНЪ (*представляя Клементину Адольфу*). Моя племянница Сабина; рекомендую моего племянника Адольфа.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Что это? какія манеры! какой костюмъ!

ГЕНРИХЪ. Что это за существо.

КЛЕМЕНТИНА (*присѣдая и запинаясь*). Очень пріятно... лично съ вами познакомиться, просимъ любить, да жаловать.

АДОЛЬФЪ (*кланяясь*). Сударыня!... (*Всторону*). Что за языкъ!

БАРОНЪ. Не будь такъ застѣнчива, милая Клементина, вѣдь Адольфъ будущій мужъ твой.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ-же, я знаю-съ... вы говорили мнѣ объ этомъ.

РОЗА (*барону*). Г. баронъ, нѣтъ ли у васъ и для меня, какого-нибудь уродца?

ГЕНРИХЪ. Уродца? что за странныя выраженія.

БАРОНЪ. Есть, какъ не быть, милая Като; вотъ одинъ изъ нихъ къ твоимъ услугамъ.

РОЗА. Ха! ха! ха! Какой увалень! Вы ужъ вѣрно не нашли ничего хуже, г. баронъ; ну, да, ужъ за неимѣниемъ лучшаго, я буду довольна и этимъ

ГЕНРИХЪ. Вы очень откровенны, г-жа Като.

РОЗА. А изъ чего мнѣ притворяться.

КЛЕМЕНТИНА. Да-съ, мы никогда не притворяемся; вѣдь обманывать не хорошо.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Я не могу опомниться.

БАРОНЪ. Что-жь ты онѣмѣлъ, любезный племянникъ. Ну что, не правда ли, она хороша собою?

ГЕНРИХЪ (*всторону*). Да, очень хорошенькая кукла.

БАРОНЪ. Что-жь ты, однако, не скажешь ей ни слова?... поцѣлуй ту ручку, которая извлекала изъ фортепьяно тѣ прекрасные акорды, которые тебѣ такъ понравились.

АДОЛЬФЪ. Если вы прикажете. (*Беретъ ея руку*). И если вы позволите.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ же-съ, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго.

АДОЛЬФЪ (*цѣлуетъ ея руку и Клементина тотчасъ же вытираетъ ее платкомъ*).

ГЕНРИХЪ (*Розѣ*). Обворожительная Като! позволите-ли вы и мнѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ. (*Онъ хочетъ поцѣловать ея руку. Роза даетъ ему пощечину*).

РОЗА. Если ты до меня дотронешься, я выцарапаю тебѣ глаза.

ГЕНРИХЪ. Пальцемъ не трону. (*Всторону*). Она однакоже слишкомъ рѣзко выражается.

БАРОНЪ. Я радъ, что вы кажется сошлись между-собою и потому оставлю васъ.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ, дядюшка! Вы хотите меня одну оставить, съ чужимъ мужчиной?

БАРОНЪ. Съ чужимъ? Развѣ Адольфъ не женихъ твой?

КЛЕМЕНТИНА. Конечно-съ. Да вѣдь говорятъ, что и съ женихомъ дѣвушка одной неприлично оставаться, даже съ женихомъ.

АДОЛЬФЪ. Сколько нужно терпѣнія!

КЛЕМЕНТИНА. Не забудьте, дяюшка, что вы хотѣли взять мою сестру изъ пансіона.

БАРОНЪ. Хорошо, что ты мнѣ объ этомъ напомнила; я сейчасъ пошлю за ней карету, она будетъ сюда черезъ нѣсколько минутъ.

КЛЕМЕНТИНА. Поторошитесь же, любезный дяюшка, я такъ давно ее не видала... Милая Розалія, должно-быть, очень перемѣнилась.

РОЗА. Ахъ, и я также?

ГЕНРИХЪ. Ахъ, и она также?

КЛЕМЕНТИНА. Она пишетъ мнѣ, что одѣвается по послѣдней модѣ. Вотъ-то должна-быть смѣшная мода!

БАРОНЪ (Адольфу). Да, не будь же такъ застѣнчивъ, любезный племянникъ; увѣряю тебя, что ты ей понравишься. (*Уходитъ*).

VII.

ТѢЖЕ, кромѣ БАРОНА.

КЛЕМЕНТИНА (стоитъ въ молчаніи) Адольфъ. (*Смотритъ на нее*).

АДОЛЬФЪ (всторону). Такъ это-то моя невѣста!

КЛЕМЕНТИНА. Что-жъ это вы ничего мнѣ не говорите? Вѣдь этакъ все молчать скучно.

АДОЛЬФЪ. Я нахожу столько удовольствія въ вашемъ разговорѣ...

КЛЕМЕНТИНА. Ну, я сказать правду, не очень; вы еще не сказали ничего хорошенькаго, это очень скучно! Вотъ здѣсь насъ четверо, мы бы лучше поиграли въ фанты, или въ жмурки.

АДОЛЬФЪ. Какъ, съ нашими слугами?

КЛЕМЕНТИНА. Отчего же и нѣтъ? Мы съ Като большіе друзья, не правда-ли, Като?

РОЗА. Какъ же-съ. Помните ли, какъ мы съ вами играли когда были маленькими.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Какая милая наивность! (*Вслухъ*). Вы, кажется, говорили, что у васъ есть еще сестра; я не зналъ этого.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ же-съ съ которыхъ поръ еще; она моя старшая сестра!

АДОЛЬФЪ. А!

КЛЕМЕНТИНА. Она все въ пансіонѣ учится, ужъ не знаю право чему. Вотъ я такъ не хотѣла въ пансіонѣ учиться, и воспитывалась дома; впрочемъ она во всемъ очень на меня похожа.

АДОЛЬФЪ. Въ такомъ случаѣ, я могу ее поздравить.

КЛЕМЕНТИНА. Т. е. она очень похожа на меня лицомъ, Ну, а манеры совсѣмъ другія; у нея такія странныя, не правда ли, Като?

РОЗА. Да; мамзель Розалія хочетъ всѣхъ насъ перецеголять своими манерами, а по мнѣ такъ вы, барышня, гораздо ее почище.

ГЕНРИХЪ (*всторону*). Служанка, какъ кажется, хочетъ подражать. Оставить развѣ господина одного съ ней, авось она поразговорится. Неудобно ли вамъ, мамзель Като, прогуляться со мною по саду?

РОЗА. Съ удовольствіемъ-съ! Вы кстати расскажете мнѣ, что это тамъ-за народъ изъ мрамора разставленъ по угламъ. Какой онъ смѣшной.

ГЕНРИХЪ (*подавая ей руку*). Позвольте предложить вамъ.

РОЗА (*толкая его*). Я ничего не хочу отъ васъ принимать, что вы меня за ребенка что-ли принимаете, что хотите вести за руку? Дойдемъ и безъ васъ.

ГЕНРИХЪ. Да она шагаетъ какъ гренадеръ. Мамзель Като! Мамзель Като! (*Убѣгаетъ за нею*).

VIII.

КЛЕМЕНТИНА и АДЛЬФЪ.

АДЛЬФЪ (*всторону*). Мы одни. Рѣшительно не придумаю, о чемъ съ ней говорить!

КЛЕМЕНТИНА (*всторону*). Кажется, я привела въ порядочное затрудненіе моего любезнаго жениха.

АДЛЬФЪ (*тоже*). Какъ бы сдѣлать, чтобъ она сама отказалась выдти за меня замужъ? Дядя тогда не могъ бы на меня сердиться. Попробую. (*Оглядывается и видитъ, что Клементина смотритъ на него изъ подлбья. Всторону*). Какое пріятное препровожденіе времени.

КЛЕМЕНТИНА. Да скажите же мнѣ, наконецъ, что-нибудь позабавиѣе, а то я право усну со скуки.

АДЛЬФЪ. (Она еще хочетъ, чтобъ я забавлялъ ее!) У васъ прекрасное музыкальное дарованіе, сударыня; вы превосходно играете на фортепяно.

КЛЕМЕНТИНА. Ну, стоить ли объ этомъ говорить? Я всего одну штуку играю, и то, еслибъ вы знали, съ какимъ трудомъ я ее выучила. Я терпѣть не могу играть на фортепяно, да вотъ все дядошка заставляетъ меня; говорить, что это необходимо для дѣвицы съ хорошимъ воспитаніемъ,

АДЛЬФЪ. Вы конечно также танцуете?

КЛЕМЕНТИНА. Какъ же, случается.

АДЛЬФЪ. Вальсъ, кадрили, мазурку?

КЛЕМЕНТИНА. Нѣтъ-съ, меня этому не учили.

АДЛЬФЪ. Что-жъ такое вы танцуете.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ что? Па разные, гавоть, минуэтъ.

АДЛЬФЪ. Минуэтъ! Да помиуйте, кто-жъ ихъ теперь танцуетъ?

КЛЕМЕНТИНА. Какъ? теперь не танцуютъ минуэтовъ? Ахъ, какая жалость! А мой старый учитель, мнѣ ничего, кромѣ этого, не показывалъ.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Каково! она даже не умѣетъ танцевать французской кадрили?

КЛЕМЕНТИНА. Скажите пожалуйста; вы вѣрно считаете меня большой дурой.

АДОЛЬФЪ. Я? какъ можно, помилуйте!...

КЛЕМЕНТИНА. Да, да, обо мнѣ многіе такъ думаютъ.

№ 3.

Вина тутъ не моя,
 Меня считаютъ дурой,
 И говорятъ, что я
 Обижена натурой;
 Но это пустяки,
 И я вамъ признаюсь,
 Сама изъ подъ руки
 Надъ всеѣми я кмѣюся!
 И тотчасъ подсмотрю
 Чужіе недостатки,
 Но чуть заговорю, —
 И начались нападки!
 За что же я должна
 Слыть дурую всесвѣтной?
 Повѣрьте я умна,
 Но это незамѣтно!

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Точно, очень трудно замѣтить! (*Вслухъ*). О! я въ этомъ увѣренъ, милая кузина.

КЛЕМЕНТИНА (*присѣдая*). Покорно васъ благодарю! (*Молчаніе*). Такъ вы хотите на мнѣ жениться?

АДОЛЬФЪ. Я долженъ прежде узнать, нравлюсь ли я вамъ?

КЛЕМЕНТИНА. О, ужъ конечно. Видите ли, моя тетушка говорила мнѣ: ты не упускай никогда жениха, потому-что все уже лучше какой-нибудь, чѣмъ никакого.

АДОЛЬФЪ. Право?

КЛЕМЕНТИНА. Ну, и потомъ я хочу, чтобы мужъ во всемъ меня слушался, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ недостатковъ.

АДОЛЬФЪ. О, у меня ихъ очень много.

КЛЕМЕНТИНА. Ничего. Когда я сдѣлаюсь вашею женою, то вотъ какъ васъ вышколю.

АДОЛЬФЪ. Этого еще не доставало! Какъ, такъ вы хотите исправлять меня.

КЛЕМЕНТИНА. Разумѣется. И посмотрите, какъ я примусь за это.

АДОЛЬФЪ. Но я васъ увѣряю, что я неисправимъ совершенно.

КЛЕМЕНТИНА. А вотъ мы увидимъ! Тетушка говорила мнѣ, что вы очень горды, заняты собою, вѣтренны, бѣгаете за всякой хорошенькой дѣвушкой; ну, да это ничего, я васъ отъ всего этого отучу.

АДОЛЬФЪ. Это ужъ слишкомъ! Но какими же мѣрами хотите вы принудить меня?

КЛЕМЕНТИНА. А вотъ вы это сами увидите.

АДОЛЬФЪ. Но вычисляя всѣ мои недостатки, тетушка ваша говорила ли самъ, что я очень вспыльчивъ, нетерпѣливъ, горячъ, даже бѣшенъ, и не поручусь за себя, когда меня выведутъ изъ терпѣнія....

КЛЕМЕНТИНА. О, ничего, я васъ переупрямлю.

АДОЛЬФЪ. Съ ней потеряешь всякое терпѣнье! Отыскалъ же мнѣ дядюшка невѣсту!...

КЛЕМЕНТИНА. Мужъ моей тетушки еще и не вамъ чета былъ, а тетушка моя такъ его скрутила, что онъ сталъ, просто, шелковый:

Дитя мое! мнѣ говорила

Порою тетушка моя,

И, помня живо, затвердила

Ея слова на память я:

Повѣрь, мужья

Народъ незлой!

Ну какъ не вѣрить тетушкѣ родной!

Когда твой мужъ начнетъ кричать,

Такъ ты не поддавайся.

И вдвое громче отвѣчать

Ему всегда старайся;

Когда поссорится съ тобой

Твой мужъ, имѣй терпѣнье;

Ни слова съ нимъ, и пусть мужъ твой

Попросить самъ прощенья.

Мужья, другъ мой,

Народъ незлой!

Ну какъ не вѣрить тетущкѣ родной!

АДОЛЬФЪ. Такъ вотъ чему учила васъ тетущка.

КЛЕМЕНТИНА. То ли она еще говорила мнѣ. Я увѣрена, что съ ея совѣтами съумѣю управиться со всякимъ муженькомъ.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Это непостижимо! Можно-ли быть до такой степени необразованной. Я увѣренъ, что племянница перещеголяла тетущку.

КЛЕМЕНТИНА. Однако, я съ вами тутъ очень заболталась; это очень не хорошо, что я съ вами такъ долго разговаривала. (*Присѣдая*) Желаю вамъ всякаго благополучія. (*Идетъ въ навильонъ и въ дверяхъ останавливается*) Прошу продолжать ваше пріятное знакомство. (*Уходитъ*).

IX.

АДОЛЬФЪ, потомъ ГЕНРИХЪ и РОЗА.

АДОЛЬФЪ. Я просто взбѣшенъ! Она вывела меня изъ терпѣнія! Что за понятія, что за манеры. (*Ходитъ взадъ и впередъ*).

ГЕНРИХЪ. Что съ вами, сударь. Вы, мнѣ кажется, очень взволнованы.

РОЗА. Да какъ же иначе, вѣдь онъ говорилъ съ своей невѣстой. Что, какова моя госпожа—то? просто чудо!

АДОЛЬФЪ. О! сейчасъ-же, побѣгу къ дядюшкѣ, объясню все ему, возьму назадъ мое слово; вѣдь нельзя же мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ жениться на этой женщинѣ. (*Уходитъ*).

X.**РОЗА и ГЕНРИХЪ.**

РОЗА. Куда жъ это онъ убѣжалъ?

ГЕНРИХЪ. Куда—нибудь, только подальше отъ своей невѣсты, если я не ошибаюсь.

РОЗА. Послѣ этого онъ не стоить того, чтобъ она вышла за него замужъ. Если ужъ не нравится моя госпожа, такъ онъ слишкомъ зазнался! Да такой невѣсты ему со свѣчкой не сыскать!

ГЕНРИХЪ. Конечно, я не спорю. (*Въ павильонъ звонятъ*).

РОЗА , А! госпожа моя меня кличетъ. Честь имѣемъ кланяться. (*Уходитъ въ павильонъ*)

ГЕНРИХЪ. Эта Като очень недурна собою, и еслибъ только она отучилась отъ своихъ дурныхъ привычекъ и черезъ - чуръ рѣзкихъ жестовъ....

XI.**БАРОНЪ. АДОЛЬФЪ, ГЕНРИХЪ.**

БАРОНЪ. И слышать ничего не хочу! Ты далъ мнѣ слово, любезный племянникъ, и долженъ сдержать его.

АДОЛЬФЪ. Но помилуйте, любезный дядюшка, она мнѣ совсѣмъ не нравится; увѣряю васъ, что я буду съ ней несчастливъ; я совсѣмъ не люблю ее.

БАРОНЪ. Пустяки. Моя Сабина очень хорошая дѣвушка! Не забудь, что ты далъ мнѣ слово.

АДОЛЬФЪ. И готовъ сдержать его, если она только перемѣнитъ свои манеры, выучится чему-нибудь, кромѣ минуэта, однимъ-словомъ, будетъ хоть сколько-нибудь походить на женщину образованную.

БАРОНЪ. Ты находишь, что она дурно воспитана? Странно! Она жила все время у своей тетушки.

АДОЛЬФЪ. Помилуйте, да эта тетушка ее и испортила.

ХII.

ТѢЖЕ и ГОТФРИДЪ, вбѣгая.

ГОТФРИДЪ. Г. Баронъ! пріѣхала мамзель Розалія

БАРОНЪ. Моя племянница! Наконецъ я ее дождался!

ГОТФРИДЪ. Она съ нетерпѣніемъ желаетъ увидѣть свою сестру, дѣвицу Сабину, и сейчасъ будетъ за мною.

АДОЛЬФЪ. Я оставляю васъ, любезный дядюшка.

БАРОНЪ. Отчего-же. Ты можешь остаться. Я увѣренъ, что это доставитъ тебѣ удовольствіе. Ты еще, кажется, незнакомъ съ моей Розаліей? Лицомъ она какъ двѣ капли похожа на Сабину.

АДОЛЬФЪ. Слава Богу, что только лицомъ.

ХIII.

ТѢЖЕ КЛЕМЕНТИНА, одѣтая щегольски.

КЛЕМЕНТИНА (Барону). *Воп jour, mon très cher oncle!* Какъ я давно васъ не видала!

БАРОНЪ. Милая Розалія.

КЛЕМЕНТИНА. Скажите, гдѣ моя сестра? О! какъ я буду рада увидѣть ее, мою милую дочь природы.

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Какое сходство! и вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница въ манерахъ, въ голосѣ, походкѣ!

БАРОНЪ. Ты сейчасъ ее увидишь; она занялась хозяйствомъ, а ты знаешь, что ее ничто не можетъ отвлечь отъ очага. Позволь тебѣ представить покамѣстъ, Адольфа, моего племянника, котораго ты, вѣроятно, знаешь по наслыкъ.

КЛЕМЕНТИНА. Я очень рада познакомиться, *Mr. mon futur beau frère.*

АДОЛЬФЪ (*раскланиваясь*). *Mademoiselle*, я въ восхищеніи.

БАРОНЪ (*Адольфу*). Неправда ли, что она очень похожа на свою сестру.

АДОЛЬФЪ. Помилуйте, какая разница!

КЛЕМЕНТИНА. Мнѣ кажется, что я уже имѣла удовольствіе видѣть васъ, *mon cousin*

АДОЛЬФЪ. Извините.... но я никогда не забылъ бы, еслибы гдѣ-нибудь имѣлъ счастье видѣть васъ.

КЛЕМЕНТИНА. Вы были на послѣднемъ балѣ графини Плуунъ?

АДОЛЬФЪ. Я не имѣю счастья быть знакомымъ съ графинею....

КЛЕМЕНТИНА. Неужели! У нея бываетъ весь городъ. Вы вѣрно не узнаете меня? Я очень недавно видѣлась въ вами.

АДОЛЬФЪ. Могу васъ увѣрить. (*Всторону*) Странно! мнѣ и самому кажется....

КЛЕМЕНТИНА (*барону*). Но, милый дядюшка.... нельзя-ли мнѣ увидѣться съ сестрою хоть у ея очага, если она не можетъ ко мнѣ выдти.

БАРОНЪ. А вотъ попробую. (*Подходитъ къ навильону*). Дверь заперта! (*Стучитъ*). Като, Като!

XIV.

ТЪ-ЖЕ, и РОЗА, у окна верхняго этажа.

РОЗА. Тсъ! тише!

КЛЕМЕНТИНА. Здравствуй Като. Что дѣлаетъ моя сестра? Нельзя-ли мнѣ ее видѣть.

РОЗА. Ахъ, это вы, мамзель Розалія! Поздравляемъ съ пріѣздомъ-съ.

КЛЕМЕНТИНА. Отвори мнѣ пожалуста эту дверь.

РОЗА. Никакъ нельзя-съ. Ваша сестрица послѣ стряпни отправилась почивать, и не велѣла себя будить. Она спитъ такимъ крѣпкимъ сномъ...

АДОЛЬФЪ (*смѣясь*). Какъ! она легла спать.

БАРОНЪ. Она вѣрно устала послѣ путешествія!

КЛЕМЕНТИНА. Устала отъ путешествія. Можетъ-ли это быть. Я три ночи съ ряду танцевала до пяти часовъ утра, и скажите, примѣтна-ли во мнѣ какая усталость.

АДОЛЬФЪ. О! нисколько, увѣряю васъ. Вы такъ хороши, такъ очаровательны. (*Всторону*). Она просто сведеть меня съ ума!

КЛЕМЕНТИНА. Merçi mon cousin! По крайней мѣрѣ, милая Като, скажи моей сестрѣ, чтобъ она поторопилась, если хочетъ видѣть меня; черезъ часъ я должна ѣхать верхомъ съ одной кавалькадой....

АДОЛЬФЪ. Она ѣздитъ верхомъ! Сколько талантовъ!

РОЗА. Я не смѣю будить барышню.

КЛЕМЕНТИНА. Ну, такъ скажи ей, когда она проснется....

РОЗА. Ну, вотъ это другое дѣло-съ, непременно доложу ей. (*Уходитъ*).

XV.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ РОЗЫ.

КЛЕМЕНТИНА. Какая, однако, странная привычка у моей сестры! Не понимаю, какъ она можетъ спать во всякое время дня! (*Барону*). Знаете-ли однако, любезный дядюшка, что вы можете поздравить меня съ окончаніемъ моего воспитанія: черезъ два дня я выхожу изъ пансіона.

БАРОНЪ Ты еще такъ молода, милая Розалія.

КЛЕМЕНТИНА. О, мнѣ не остается больше ничего дѣлать въ нашемъ пансіонѣ; посудите сами.

№ 4.

Все, что только должно въ свѣтѣ

Знать хозяйкѣ и женѣ,

Въ золотые годы эти

Изучила я вполнѣ.

Восемь языковъ я знаю,

Данта я перевожу,

Вальтеръ-Скотта разбираю,

О Сервантесѣ сужу;

Я читаю Цицерона,

Курсъ Пандектовъ весь прошла,

И Виргилія Марона

Всѣ Георгики прочла.

Въ геометрію пускаюсь—

И черчу я на доскѣ,

Правда, плохо объясняюсь

На родномъ я языкѣ,

Но и это не мѣшает!

И статьи мои въ журналъ

Даромъ часто помѣщаютъ,

Не щадя за то похвалъ.

Я всѣ оперы Россіи

Изучила и прошла,

И бѣ всѣ партіи Рубини

Примадонной пѣть могла.

Голосъ мой, я вамъ клянуся,

Репертуаръ Русской сцены.

Могъ-бы тронуть, удивить;
 Но признаться, я лѣнюся
 Часто партіи учить.
 Я рисую какъ Вечелли,
 Ставь съ Теньеромъ наряду,
 А въ качучѣ, сальтареллѣ
 Вѣрно всѣхъ съ ума сведу!
 У Тальони я училась.
 Васъ жалѣя, не шучу,
 Я на землю опустилась...
 Берегитесь, улечу!
 Но когда ройяль заплачетъ
 Подъ рукой моей, въ тотъ мигъ
 Вскрикнетъ свѣтъ, узнавъ, что значить
 Струнъ таинственный языкъ!
 Это Листъ! какъ вѣрно, чисто!
 Сколько чувства и огня!
 Только волосы у Листа
 Подлиннѣй, чѣмъ у меня.
 И къ томужъ я Мельпоменъ,
 Какъ и Талии, служу.
 Говорять, что я на сценѣ
 Появясъ, съ ума свожу.
 Я не вѣрю; но признаться,
 Безъ души театръ любя,
 Почемужъ не постараться
 Въ роли выказать себя?...
 Но къ чему всѣ фразы эти?
 Словомъ, знаю я вполнѣ
 Все, что должно въ нашемъ свѣтѣ
 Знать хозяйкѣ и женѣ....

АДОЛЬФЪ (*всторону*). Что за удивительная женщина! Она просто сведеть меня съ ума.

БАРОНЪ. Эге! любезный племянникъ. Хорошо, что твоя невѣста не слышитъ этого!

РОЗА (*отворяя дверь павильона*). Мамзель Розалія пожалуйста-съ! сестрица ваша проснулась, и зоветъ васъ...

КЛЕМЕНТИНА. Наконецъ! Adieu, cher oncle! Au revoir, mon cousin!

XVI.

АДОЛЬФЪ, ГЕНРИХЪ и БАРОНЪ.

АДОЛЬФЪ. Генрихъ! Ты долженъ помогать мнѣ упросить моего дядю, умолить его.

ГЕНРИХЪ. Вашего дядюшку! Но о чемъ? за чѣмъ? Какъ? для чего?

АДОЛЬФЪ. Подтверждай только все то, что я буду говорить. (Барону). Дядюшка, милый дядюшка!

ГЕНРИХЪ. Дядюшка! милый дядюшка!

БАРОНЪ. Что тебѣ надобно?

АДОЛЬФЪ. О, вы вѣрно не захотите сдѣлать меня несчастнымъ.

ГЕНРИХЪ. Вы вѣрно не захотите сдѣлать меня несчастнымъ.

БАРОНЪ. Но что все это значить?

АДОЛЬФЪ. Это значить то, что я безъ ума влюбленъ въ Розалію.

БАРОНЪ. Какъ! что?

ГЕНРИХЪ. Что я слышу?

АДОЛЬФЪ. Зачѣмъ вы познакомили меня съ нею! Не для того ли, чтобъ я увидѣлъ ясно все превосходство Розаліи надъ этой несносной провинціалкой! Дядюшка, повѣрьте, что я не переживу, если вы откажете мнѣ въ рукѣ Розаліи! Составьте счастье всей моей жизни! отдайте за меня Розалію.

АДОЛЬФЪ. Дядюшка, милый дядюшка! я увѣрю васъ, что я сойду съ ума, рѣшительно совершенно помѣшаюсь. Я люблю одну Розалію, понимаете ли вы это? я не могу сдѣлать счастливою вашу Сабину.

ГЕНРИХЪ. Мы не можемъ.

БАРОНЪ. Замолчишь ли ты, бездѣльникъ!

ГЕНРИХЪ. Помилуйте, это говорю не я, это говоритъ мой господинъ.

АДОЛЬФЪ. Неужели вы откажетесь сдѣлать мое счастье. Я буду благословлять васъ всю мою жизнь.

ГЕНРИХЪ. Мы будемъ благословлять васъ всю нашу жизнь.

БАРОНЪ. Опять!

АДОЛЬФЪ. Милый дядюшка!

БАРОНЪ. Ну я, такъ и быть согласенъ на твою просьбу съ тѣмъ...

АДОЛЬФЪ (*бросаясь къ нему на шею*). О, добрый дядюшка! Золотой дядюшка! Удивительный дядюшка!

БАРОНЪ (*грозитъ ему*). Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не добрый дядюшка! Я соглашаюсь однако съ однимъ условіемъ.

АДОЛЬФЪ. Я готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно; говорите, говорите, скорѣе.

БАРОНЪ. Ты долженъ сказать самой Сабинѣ, что не любишь ее и предпочитаешь ей Розалію.

АДОЛЬФЪ. О, съ удовольствіемъ!

XVII.

ТЪ-ЖЕ КЛЕМЕНТИНА и РОЗА.

КЛЕМЕНТИНА (*говоритъ обращаясь къ навильону*). Полно, милая Сабина, къ чему эти проводы, я не люблю церемоній, мы съ тобою еще увидимся.

АДОЛЬФЪ. Она мнѣ кажется гораздо лучше.

КЛЕМЕНТИНА (*смѣясь*). Наконецъ, я здѣсь на свободѣ могу по-смѣяться; я такъ долго удерживалась.

БАРОНЪ. Что съ тобой, милая Розалія?

КЛЕМЕНТИНА. Послушайте любезный дядюшка, развѣ можно Сабинѣ одѣваться такимъ образомъ? вѣдь это просто ни начто не похоже! Какой старомодный покрой платья! какая прическа! О, дайте мнѣ только къ вамъ совсѣмъ переѣхать, и я все тотчасъ же передѣлаю по своему.

РОЗА. Извините, сударыня, я не нахожу ничего смѣшнаго въ платьѣ и прическѣ мамзель Сабины. Все это сдѣлано по моему вкусу: она во

всемъ со мной совѣтуется... у насъ въ провинціи ничѣмъ нехуже васъ одѣваются.

КЛЕМЕНТИНА. Вѣрю, вѣрю, милая Като! Однако мнѣ пора; моя андалузская лошадка давно меня дожидается. *A ce soir, mon cousin.* Аpropos, любите вы танцы?

АДОЛЬФЪ. До безумія!

КЛЕМЕНТИНА. И я также! Стало-быть мы съ вами сегодня вечеромъ можемъ танцевать нѣсколько кадрилей...

АДОЛЬФЪ. Розалія, еслибы вы знали....

БАРОНЪ (*останавливая его*). Постой, постой, любезный племянникъ! Сперва объяснись съ одной, а потомъ уже принимайся за другую.

КЛЕМЕНТИНА. Я очень рада, что у насъ съ вами есть симпатія; танцы для меня выше всѣхъ удовольствій въ свѣтѣ.

№ 5.

Ахъ, какъ люблю я танцы, признаюсь!

Въ тотъ мигъ себя не помню я сама,

Когда въ галопѣ быстромъ я несуся.

Балы люблю я безъ ума.

Какъ заманчивы въ кадрили

Разговоры въ этотъ мигъ,

Какъ другіе насъ смѣнили,

И во всей развился сплѣ

Фразъ отрывистыхъ языкъ.

Какъ люблю я вальсъ летучій,

Паръ волшебный хороводъ,

Упоительный, кипучій,

Въ громъ бѣшеныхъ созвучій

Бальный нашъ водоворотъ!

А мазурка удалая

Съ бездной вычуръ и затѣй,

Какъ веселая живая,

Все на свѣтѣ забывая,

Радость вылилася въ ней.

А галопъ!... когда змѣю

Понесется въ залъ онъ,

Лентой выгнется живою,

Я забуду что со мной?...

На яву, иль вижу сонъ!...

Ахъ, какъ люблю я тащи, признаюся!

Себя не помню я сама,

И безъ души и безъ ума

Въ галопѣ бѣшеномъ несуся.

(Уходитъ, баронъ провожаетъ ее. Роза уходитъ въ павильонъ):

XVIII.

АДОЛЬФЪ, ГЕНРИХЪ, потомъ РОЗА.

АДОЛЬФЪ. Генрихъ, что ты скажешь объ этой очаровательной дѣвушкѣ? Какая противоположность съ этой Сабиной, которая умѣетъ танцовать одинъ минуэтъ! О! быть мужемъ Розалии, это верхъ блаженства!

ГЕНРИХЪ. Слушаюсь.

АДОЛЬФЪ. Я внѣ себя отъ восторга! Мнѣ удалось тронуть моего дядю.

ГЕНРИХЪ. Не забудьте однако же, что я помогалъ вамъ.

АДОЛЬФЪ. Конечно, ему трудно было согласиться.

ГЕНРИХЪ. Но съ нашимъ краснорѣчьемъ.

АДОЛЬФЪ. Какъ бы то ни было, я счастливъ! Я женюсь на Розалии, а эта Сабина... Надобно однако сказать ей, что я недостоевъ счастья быть ея мужемъ; этого хочетъ мой дядюшка. (Идетъ къ павильону; у дверей, Роза со щеткой заслоняетъ ему дорогу).

РОЗА. Стой! невелѣно пускать.

АДОЛЬФЪ (смѣясь). Что это значить? Ужъ не уснула ли опять твоя госпожа.

РОЗА. Нѣтъ-съ, она теперь одѣвается въ самое лучшее платье, все для того только, чтобъ вамъ понравиться. Вы ей очень пришлись по сердцу.

АДОЛЬФЪ. Очень лестно! Я пройдуся покаместъ по саду; останься здѣсь, Генрихъ, и позови меня, когда выйдетъ Сабина; я хочу не много подышать чистымъ воздухомъ; я такъ взволнованъ. (*Уходитъ на лѣво*).

XIX.

РОЗА и ГЕНРИХЪ.

РОЗА. Вотъ тебѣ разъ! Женишекъ то нашъ отправился! Что это съ нимъ сдѣлалось?

ГЕНРИХЪ. Тѣмъ лучше. Мы на свободѣ можемъ покороче свести знакомство, милая Като!

РОЗА. Я ужъ знаю тебя и вдоль и поперегъ.

ГЕНРИХЪ. Вотъ что? Когда же ты узнала?

РОЗА. О, я тебя съ перваго раза разкусила!

ГЕНРИХЪ. Стало-быть, если мы знаемъ другъ-друга, то можно этакъ...

РОЗА. Что можно?

ГЕНРИХЪ. Съиграть нашу свадьбу.

РОЗА. Свадьбу? ха, ха, ха! Ты собираешься на мнѣ жениться.

ГЕНРИХЪ. Разумѣется. Къ тому же и самъ г. баронъ хочетъ этого?

РОЗА. А ему-то что до этого? Ужъ не онъ ли надоумилъ тебя посвататься за меня?

ГЕНРИХЪ. Какъ можно! Я самъ увидѣлъ все твои совершенства, и влюбился въ тебя по уши.

РОЗА. Будто! Ну и я, пожалуй, не прочь выдти за тебя, коли никого нѣтъ лучше подъ рукой.

ГЕНРИХЪ. О, какъ я счастливъ!

РОЗА. Только у меня чуръ не дурачиться, а то вѣдь я какъ разъ.

ГЕНРИХЪ. Мы будемъ жить какъ голубь съ голубкой!

РОЗА. Ну, и мы, разумѣется, отправимся въ провинцію.

ГЕНРИХЪ. Какъ? то-есть, въ провинцію.

РОЗА. Ну, да, тамъ у меня отъ тетушки останется порядочное наследство.

ГЕНРИХЪ. О! въ такомъ случаѣ, ѣдемъ, ѣдемъ въ провинцію. Я давно уже мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было завестись своимъ домкомъ!

РОЗА. Да ты умѣешь ли хозяйничать-то?

ГЕНРИХЪ. Еще бы нѣтъ? Повѣрь, что я умѣлъ бы прекрасно распорядиться...

№ 6.

РОЗА.

Я бѣ развела сейчасъ индѣекъ и гусей,
Купила бы коровъ, хозяйствомъ завелася,
Цыплятъ бы завела, вскормила голубей,
И домою управлять тотчасъ же принялася.
И не скучала бы ей, ей!

ГЕНРИХЪ.

Я также завелся тотчасъ бы лошадьми,
Развелъ бы у себя, собакъ и поросятъ,
И маленькихъ ословъ, съ предлинными ушами,
И маленькихъ бычковъ, и маленькихъ телятъ,
И этой жизни былъ бы радъ.

XX.

ТѢЖЕ, АДОЛЬФЪ, потомъ КЛЕМЕНТИНА.

АДОЛЬФЪ. Чему вы такъ обрадовались.

ГЕНРИХЪ. Имѣю честь представить вамъ мою будущую супругу.

РОЗА. Да-съ, я выхожу за-мужъ.

АДОЛЬФЪ. Поздравляю; надѣюсь, однако-жъ, что госпожа твоя успѣла одѣться?

РОЗА. Должно-быть, вотъ я ей скажу... Мамзель Сабина, мамзель Сабина!..

КЛЕМЕНТИНА (изъ павильона). Что тамъ такое?

РОЗА. Вашъ женихъ хочетъ съ вами поговорить.

КЛЕМЕНТИНА. Сейчасъ приду.

АДОЛЬФЪ (Генриху). Оставь насъ.

ГЕНРИХЪ. Прощай, обворожительная Като, владычица моего сердца.
(Роза уходитъ въ павильонъ Генрихъ, въ садъ).

—
XXI.

АДОЛЬФЪ и КЛЕМЕНТИНА.

АДОЛЬФЪ (смѣясь). О! она еще лучше въ этомъ нарядѣ!

КЛЕМЕНТИНА. Вы хотѣли говорить со мною? Не объ нашей ли свадьбѣ?

АДОЛЬФЪ. Почти.

КЛЕМЕНТИНА. Вы не повѣрите, какъ я рада, что выхожу за-мужъ.

АДОЛЬФЪ. Бракъ точно есть цѣль всей нашей жизни; надобно только, чтобъ онъ соединялъ два совершенно одинаковые характера, но, по несчастію, у насъ съ вами различныя наклонности и мысли.

КЛЕМЕНТИНА. Вы вѣрно сердитесь на меня за то, что я вамъ не давно говорила; я точно была не права: жена должна во всемъ слушаться своего мужа, и во мнѣ вы найдете самую послушную и вѣрную жену.

АДОЛЬФЪ (всторону). Она немножко поздно взялась за умъ! (Вслухъ)
Нѣтъ, милая Сабина, я не могу принять этой жертвы; я знаю вашъ характеръ, и не хочу сдѣлать васъ несчастною.

КЛЕМЕНТИНА. Повѣрьте, что я буду съ вами очень счастлива; вы мнѣ такъ понравились.

АДОЛЬФЪ. Вы вѣрно шутите! Повѣрьте, что мы не рождены другъ для друга; у меня совершенно другія привычки.

КЛЕМЕНТИНА. Можетъ-быть, вамъ не нравится мой нарядъ, мои манеры? Но для васъ я постараюсь перемѣнить себя и ихъ.

АДОЛЬФЪ. Она выводитъ меня изъ терпѣнія! Позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Несмотря на вашу красоту и на всѣ ваши прекрасныя качества, я долженъ признаться вамъ, что люблю другую.

КЛЕМЕНТИНА. Что я слышу?

АДОЛЬФЪ. Скажу вамъ болѣе! Я объявляю вамъ объ этомъ съ согласія моего дядюшки, который самъ одобрилъ мой новый выборъ.

КЛЕМЕНТИНА. Какъ? и онъ тоже! Признаюсь, я этого отъ него не ожидала.

АДОЛЬФЪ. Не обвиняйте его, онъ склонился только на мои просьбы; я одинъ во всемъ виноватъ.

КЛЕМЕНТИНА. Нѣтъ, Адольфъ, вы ни въ чемъ невиноваты. Васъ, принадлежащаго къ большому свѣту, хотѣли заставить жениться на провинціалкѣ, смѣшной и неловкой, которая умѣетъ танцовать одинъ только минуэтъ! Я не обвиняю васъ. Вамъ нужна жена изъ такого же круга, въ которомъ вы сами живете. Что вамъ за радость была-бы взять за себя простую деревенскую дѣвушку, что за удовольствіе самому заботиться объ ея образованіи. Дядюшка мой виноватъ во всемъ одинъ; заставляя насъ знакомиться, онъ могъ предвидѣть, что молодой, блистательный человѣкъ не полюбитъ провинціальную дѣвушку. Но неужели онъ не предвидѣлъ, что она можетъ... О! вы понимаете меня и позвольте мнѣ не кончить фразы.

АДОЛЬФЪ. Какая перемѣна! Ее ли я вижу? Милая Сабина!

№ 7.

КЛЕМЕНТИНА.

Зачѣмъ во мнѣ вы нѣжными словами

Хотите вновь страданье разбудить?

Зачѣмъ опять обманывать? Богъ съ вами,

Вѣдь вы меня не можете любить!..
 О будьте же вы холодны со мною!
 И безъ того я столько мукъ терплю,
 Но легче все снесу тогда, и скрою,
 Что васъ люблю!..

АДОЛЬФЪ. Неужели любовь можетъ до такой степени измѣнить чувства и мысли женщины?...

КЛЕМЕНТИНА.

Мнѣ рокъ судилъ знать горе да страданье,
 Вамъ рокъ судилъ меня не понимать.
 Къ чему же мнѣ участие, состраданье?..
 И жизнь отнявъ, не странно ль утѣшать?
 Вы любите другую!... Я простила..
 За все, за все... и лишь о томъ молю...
 Дай Богъ! чтобъ васъ хоть такъ она любила,
 Какъ я люблю!..

АДОЛЬФЪ (тронутый). Сабина!

КЛЕМЕНТИНА. Будьте счастливы, Адольфъ. Я прощаюсь навсегда съ вами. Сегодня же попрошу дядюшку, чтобъ онъ увезъ меня назадъ въ мою деревню, которую я не должна была бы оставлять. Сдѣлайте счастливою мою сестру! Я буду молиться за васъ и за нее, и дай Богъ, чтобъ вы никогда не раскаявались въ томъ, что отказались принять руку бѣдной Сабины. (*Уходитъ въ павильонъ*):

XXII.

АДОЛЬФЪ, потомъ БАРОНЪ и ГЕНРИХЪ.

АДОЛЬФЪ. Я не могу придти въ себя! Неужели это была Сабина? Эта смѣшная провинціалка! Сколько души и чувства въ ея голосъ, сколько простоты и благородства въ ея поступкѣ. Я не понимаю, что со мною дѣлается! Мнѣ кажется, что я опять полюбилъ ее! (*Увидя барона*). Ахъ дядюшка! ваша Сабина ..

БАРОНЪ. Смѣшная и необразованная провинціалка; знаю, знаю, ты говорилъ мнѣ уже объ этомъ.

АДОЛЬФЪ. О! напротивъ! Она такъ умна, добра, мила, очаровательна!

БАРОНЪ. Понимаю. Она вѣрно тотчасъ же согласилась возвратить тебѣ назадъ твое обѣщаніе?... Да, конечно: душа у нея очень добрая. Но впрочемъ, что о ней говорить, я тороплюсь обрадовать тебя другимъ извѣстіемъ: Розалія съ удовольствіемъ соглашается на твое предложеніе, и отдаетъ свою тебѣ руку...

АДОЛЬФЪ. Но, любезный дядюшка! Мнѣ кажется, что вы ужъ очень поторопились.

БАРОНЪ. Поторопился? Я поторопился! Адольфъ, что ты со мной шутишь что-ли, чортъ возьми.

АДОЛЬФЪ. О, нисколько, я все также люблю Розалію... но видите ли... Сабина также очень... Ахъ, еслибъ вы слышали ее... Сколько души и чувства... право мнѣ кажется, что я также точно люблю и Сабину.

БАРОНЪ. Что все это значить? растолкуй мнѣ!

ГЕНРИХЪ (*всторону*). Что съ нимъ сдѣлалось?

АДОЛЬФЪ. Не сердитесь, добрый, милый дядюшка, увѣрю васъ, что я равно люблю и ту и другую.

БАРОНЪ. Ну, помилуй, не самъ ли ты говорилъ, что Сабина смѣшна, неловка, необразована.

АДОЛЬФЪ. Смѣйтесь надо мной, я стою этого! Я не могъ постичь ее, не могъ съ перваго взгляда разгадать ея добрую, ангельскую душу. Розалія очаровала меня, но Сабина тронула, привязала меня вѣчною, неизмѣнною любовью.

БАРОНЪ. Послушай, Адольфъ я не позволю шутить надо мною. Я сдѣлалъ Розаліи предложеніе отъ твоего имени, и если ты на ней не женишься, я лишу тебя наслѣдства.

АДОЛЬФЪ (послѣ молчанія). Да, я точно былъ ослѣпленъ Розалией, но я люблю Сабину. Образовать ее, быть ея наставникомъ, это такое счастье... Рѣшено, выборъ мой сдѣланъ! Что мнѣ въ богатомъ наслѣдствѣ! Сабина, тебѣ одной принадлежитъ жизнь моя и мое сердце.

XXIII.

ТѢЖЕ и КЛЕМЕНТИНА.

КЛЕМЕНТИНА. Кажется, кто-то звалъ меня!..

АДОЛЬФЪ. Что я вижу, Розалия...

БАРОНЪ. И Сабина, изволь-ка теперь выбирать.

КЛЕМЕНТИНА. И вы еще не становитесь передо мной на колѣни?

АДОЛЬФЪ. Я не могу понять?

КЛЕМЕНТИНА. Извольте сперва встать на колѣни; объясненіе будетъ послѣ.

АДОЛЬФЪ (на колѣняхъ). Сабина!

КЛЕМЕНТИНА. Провинціальная дѣвушка, смѣшная и неповоротливая, воспитанная въ деревнѣ, между гусями и коровами.

АДОЛЬФЪ. О! Теперь я все понялъ! Вы жестоко наказали меня за эти слова. Я признаю себя побѣжденнымъ и клянусь вѣчно любить васъ.

КЛЕМЕНТИНА. А вотъ это мы увидимъ.

АДОЛЬФЪ (вставая). Милая Сабина!

КЛЕМЕНТИНА. Клементина, къ вашимъ услугамъ...

АДОЛЬФЪ. О! какъ бы вы ни назывались, я вѣчно буду обожать васъ. Дядюшка! и этимъ счастьемъ я вамъ обязанъ. (Цѣлуетъ ея руку).

БАРОНЪ. Кажется, мнѣ теперь не за что лишать тебя наслѣдства!

ГЕНРИХЪ. Кажется, господина моего порядочно здѣсь.

РОЗА. Да и слугу его также.

ГЕНРИХЪ. Что я вижу? моя Като?

РОЗА. Роза, къ вашимъ услугамъ.

ГЕНРИХЪ. И я не могъ догадаться съ перваго взгляда. (*Становится на колѣни*). Простишь-ли ты меня.

РОЗА (*подавая ему руку*). Вотъ мой отвѣтъ!

БАРОНЪ (*соединяя Адольфа и Клементину*). Будьте счастливы!

КЛЕМЕНТИНА. Адольфъ! Розалія очаровала васъ, Сабина васъ тронула, я постараюсь соединить въ себѣ ту и другую.

№ 8.

Я нравлюсь вамъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,

Но мнѣ-бъ хотѣлось очень знать,

Здѣсь всё ли будутъ раздѣлять

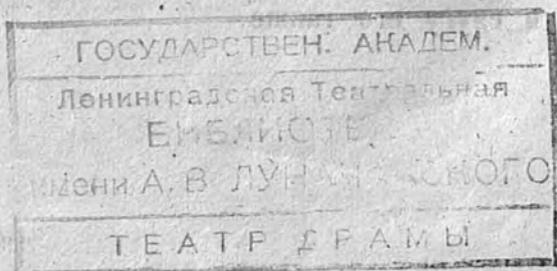
Вашъ вкусъ и вмѣстѣ ваше мнѣнье.

У васъ въ рукахъ судьба моя,

Но строгость будетъ не у мѣста:

Вы не забудьте, что вѣдь я

Провинціальная невѣста!.

ОГЛАВЛЕНИЕ VI ТОМА.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, *Корженевскаго*.
(Кн. 11).

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ. Повѣсть. (Кн. 11).

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ. Романъ въ двухъ частяхъ, *В. И. Савинова*.
Часть первая. (Кн. 11).

ПРОКАЗНИКЪ. Норвежская сказка. (Кн. 11).

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ. *Н. Д. Хвоцинской*. (Кн. 11).

ЛЕКАРЬ. *В. А. Воилярлярскаго*. (Кн. 12).

СТРАННОЕ СОБЫТІЕ. Разсказъ сѣверо-американскаго писателя *Гауторна*. (Кн. 12).

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ. Романъ въ двухъ частяхъ, *В. И. Савинова*.
Часть вторая. (Кн. 12).

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА НА СЦЕНѢ И ВЪ ЧТЕНІИ. Статья *Чарльза Ламба*.
(Кн. 11).

ЧЕЛЕСТА КОЛТЕЛЛИНИ И ПАИЗЪЕЛЛО. Статья *Скудо*. (Кн. 12).

ЛЕОНТИНА ФЕ-ВОЛЬНИСЬ. Артистка Императорскаго С. Петербургскаго
Театра. *Василько Петрова*. (Кн. 12).

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Черное домино или таинственная маска. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, сочиненіе *Скриба*, (дебютъ дѣвицы Гольцъ). — Маскарадъ. Сцена изъ комедіи, *Лермонтова*. — Дитя тайны. Фарсъ-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго, *Н. А. Сабуровымъ*. — Дивертисманъ — изъ декламации, пѣнія, танцевъ и живыхъ картинъ. (Бенефисъ *г-жи Валберховой*). — Современный расчетъ на счастье, оригинальная драма въ двухъ картинахъ, сочиненіе *И. И. Калашникова*. — Плащъ или сонъ мужа, комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, *М. А. Офросимова*. — Дядюшка Ѳедоръ Ивановичъ Русаковъ, оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи, сочиненіе *Г. И. К.* — Солдатъ Балагуръ, или Дружба-дружбой, а служба-службой. Оригинальная интермендія-водевиль, въ 1 дѣйствіи сочиненіе *П. Григорьева 1.* (Бенефисъ *г. Григорьева 1.*). — Пиръ у поэта Катула. Сцены изъ римскаго быта, въ стихахъ, сочиненіе *Гр. Данилевскаго*. — Сотрудники, или чужимъ добромъ не живешься. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, графа *В. Соллогуба*. — Туда и сюда, или курьезный закладъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненія *Нестроя*, передѣланный съ нѣмецкаго *П. Каратыгинымъ*. «Современная свадьба или Возвращеніе съ Нижегородской ярмарки» Интермедія въ одномъ дѣйствіи — съ пѣніемъ и плясками. (Бенефисъ *Каратыгина 2*) (Кн. 11).

БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. «Война женщинъ» или «Амазонки IX вѣка», большой балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, заимствованъ изъ историческихъ хроникъ Богеміи *Жюлемъ Перро*. Музыка сочиненія *Чезаре Пуни*. (Кн. 12).

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа*. (Кн. 12).

Настоящее положеніе Итальянской оперы. — Лирической театр. — «Зефиръ и Флора», опера *Шарля Дели*, музыка *Готье*. — «Choisyle-roi», опера *Левеня и Карре*, музыка *Готье*. — «Стелла», драма *Франсиса Вей*. — Надежды французскаго театра. — «Тетушка Урсула», соч. *Малери*. — Продѣлки Драматической Гимназіи. — «Закладъ

Жюля Дени», комедія г-жи *Боагонтье*. — Свѣдѣнія объ новой писательницѣ. — «*Mademoiselle de Novailles*», водевиль *Лафарга* и *Сироденя*. — «Гонка за вдовушкой», водевиль *Бурдоа*, *Кольо* и *Лапуанта*. — «Скапень», водевиль *Вермона* и *Кармуша*, написанный для г-жи Дежазе. — «Двѣ капли воды», водевиль *Анисе Буржоа* и *Лабиса*. — «Господинъ, который не хочетъ уходить», водевиль *Клервиля* и *Ламбера*. — «Старикъ стараго поколѣнія», водевиль *Дюпети* и *Гранже*. — «Королевскіе драгуны», водевиль *Декурсея*. — «Ричардъ III», драма *Виктора Сежура*.

IV. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о размноженіи провинціальныхъ театровъ. — *Театръ въ Полтавѣ*. — *Полтавскій театръ* во-время ярмарки. — Водевиль, драмы, комедіи. — Наше мнѣніе о г. *Зубовичѣ*. — *Херсонскій театръ*: бенефисы гг. *Бурмицкаго* и *Ижорскихъ*. — *Вышневолоцкій театръ*: бенефисъ г. *Милославскаго*. — Сравненіе труппы *Иванова* съ труппою *Сутугина*. — Г. *Нѣмовъ* и г-жа *Акимова*. — *Харьковскій театръ*: бенефисъ г. *Алексеѣва*. — Приятная новость. — Составъ труппы. — Двѣ пьесы мѣстнаго произведенія. — *Студентъ-Мазурка*. (Кн. 11).

V. СМѢСЬ.

МОСКОВСКІЕ ТИПЫ. С. К-на. — СТРАНСТВОВАНИЕ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. Листки изъ записокъ бывалаго человѣка, собранные *В. Савиновымъ*. — **ПОВЪЗКА ВЪ ШВЕЙЦАРІЮ ЛѢТОМЪ 1852 ГОДА.** *М. М. Михайлова*. — **ЛЕТУЧІЕ ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.** *Роза Шери. Ѳ. Кони*. — **ПОНТОНЫ.** Разсказъ *Луи Гарнере*. (Часть вторая). — **МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И АФРИКѢ.** Изъ записокъ доктора *Триплина*. (Статья девятая). — **ПРОГУЛКА ПО РОССІИ.** Письмо изъ Астрахани *Петра Моряковскаго*. — **Современное: ЛИТЕРАТУРА.** — Вильгельмъ Гауфъ и его сочиненія. — Домъ Диккенса. — **МУЗЫКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.** — Отчего Фенелла нѣма? — Швейцгеферъ. — Зонгаты въ Нью-Йоркѣ. — Опера на островѣ Кубѣ. — Новаго рода музыка. — Угольщикъ-Музыкантъ. — **ОТКРЫТІЕ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Подводная лодка *Пайерна*. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Дикій мальчикъ. — Приписка въ письмѣ. — Балъ богатаго скряги. — Писатель и фабрикантъ. — Исторія одной муфты. — (Кн. 11).

МАРГАРИТА Фоллеръ. — **АДАМЪ БУФФЪ** или **ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.** Повѣсть *Дугласа Джеррольда.* — **МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И АФРИКѢ.** Изъ записокъ доктора *Триплина.* Статья двѣнадцатая. — **ПРОГУЛКА ПО РОССІИ.** Краснорусскія обычаи, пѣсни и повѣрья. *П. Моряковскаго.* — **ПОТОМОКЪ ГОГЕНГАУЗЕНА.** Разсказъ изъ путевыхъ впечатлѣній. *О. Евгеніева.* — **ЛЮБОВЬ НА ПАРОХОДѢ** *Драматическая пословица.*

Современное: **ЛИТЕРАТУРА.** Реньбънъ. — Теофиль Готье и современная романтическая школа во Франціи. — Еврейскіе романы въ Германіи. — Госножа Гюйонъ. — **ОТКРЫТІЕ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫСЛЕННОСТИ.** — Каково подъ водою. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Разсказъ врача объ одномъ случаѣ сомнамбулизма, месмеризма и ясновидѣнія. — Нищіе въ Остѣ-Индіи. — Употребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Англіи. — Фабрика Шампанскаго. (Кн. 12).

V. МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

Одиннадцатое октября. — Освященіе бывшей придворной церкви въ селѣ Измайловѣ. — *Общественная жизнь:* зима, собраніе и балы, публичные и частные. — *Театры:* новости русской сцены; нѣкоторыя замѣчанія; нѣкоторыя старыя пьесы; нѣкоторыя ожиданія; новости французской сцены. — *Литература:* новыя книги; романъ г. Угр-ва. — Статья «Московскихъ Вѣдомостей». — Три книжки «Москвитянина»; Программа «Москвитянина» — О г. Григорьевѣ. — (Кн. 11).

VI. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Октябрская книжка «Современника». — Бѣдность ио отдѣлу словесности. — Безконечная Энеида. — Разсказъ, который можетъ не понравиться читателю. — Какъ «Современникъ» слѣдитъ за современностью. — Последнія книги «Отечественныхъ Записокъ». — Испушеніе, повѣсть В. Крестовскаго. — Статья о среднихъ цѣнахъ. — Неимѣніе мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ». — Разборъ Космоса и Областнаго Словаря. — Новая фантазія графини Растопчиной. — Характеръ Нины. — Г-жа Лейла и ея новая повѣсть. — Стихотворенія г. Ильи Болтина въ «Библіотекѣ для Чтенія». — Критика этого журнала, непризнающая критики. — Похожденія одного степнаго помѣщика, начавшіяся забавно, кончающіяся драматически, или комедія,

превращенная въ мелодраму. — **II. МУЗЫКА:** Городскіе слухи. — Гвидо Аретино XIX столѣтія. — Бальфе. — Мортъе де-Фонтень. — Лешетичкій. — Марія Серато. — Тереза Миланолло. — Вильгельмина Клаусъ. — Пріѣзжіе артисты. — Musée musical. — Пѣсни Малороссіи. — Паливода-Карпенко. — Музыкальныя вѣсти. — **III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Объявленія. — Страсть къ дешевизнѣ. — Папиросы съ сюрпризами и лотерейными билетами. — Панорама Палермо. — Театръ обезьянъ. — Панорама Миссисипи. — Живописныя альбомы. — Бюсты и статуэткы г. Степанова. — Бѣгъ съ препятствіями. — Костюмы. (Кн. 11).

I. ЛИТЕРАТУРА: Последнія книжки журналовъ. — «Библиотека для Чтенія» и Иногородный Подписчикъ. — Сужденія его, о русской литературѣ. — Высокій слогъ и поэзія старшаго разряда. — Отзвы «Москвитянина» о г-жѣ Хвоцинской. — Поэты «Москвитянина». — Г. Мей и его русскія стихотворенія. — Богатыя рѣчи. — Г. и г-жа Жадовскіе. — «Отечественныя Записки». — Кумушки и Приглашеніе на блины. — Концы и продолженія. — Г. Данилевскій. — Двѣ книжки «Современника». — Исторія одной картины. — Новый поэтъ и его фельетоны. — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на нѣкоторыя обвиненія. — **II. МУЗЫКА.** Животный магнетизмъ. — Сомнамбулизмъ рецензента. — Чувства въ дѣтяхъ. — Классицизмъ. — Романтизмъ. — Фантазерство. — Ораторія Гайдна. — Слышыя въ концертахъ. — Музыкальное утро г. Контекаго — Рубинштейнъ. — Любовь и искусство. — Квартетъ Рубинштейна. — Фракманъ и статуя Командора. — Концертъ Джонъ Томаса. — Арфа. — Концертъ Филармоническаго Общества. — Поэтическій безпорядокъ. — Нѣчто о страшныхъ капризахъ и фантазіяхъ музыкальныхъ гениевъ. — Игра и титулъ г. Мортъе де-Фонтеня. — Торжественный маршъ г. Вальца. — Альбомы Musée musical. — Альбомъ водевилныхъ арійи куплетовъ. — Музыкальныя новинки. — Нувеллистъ. — **III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Быль. — Минеральныя воды. — Венгерскіе цыгане. — Польша и нось. — Пассажъ. — Двойники. (Кн. 12).

VII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 11 и 12.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. (Кн. 11).

НЕВѢСТА ИЗЪ ПРОВНЦІИ. Комедія - водевилъ въ одномъ дѣйствіи. (Кн. 12).

8011.7060